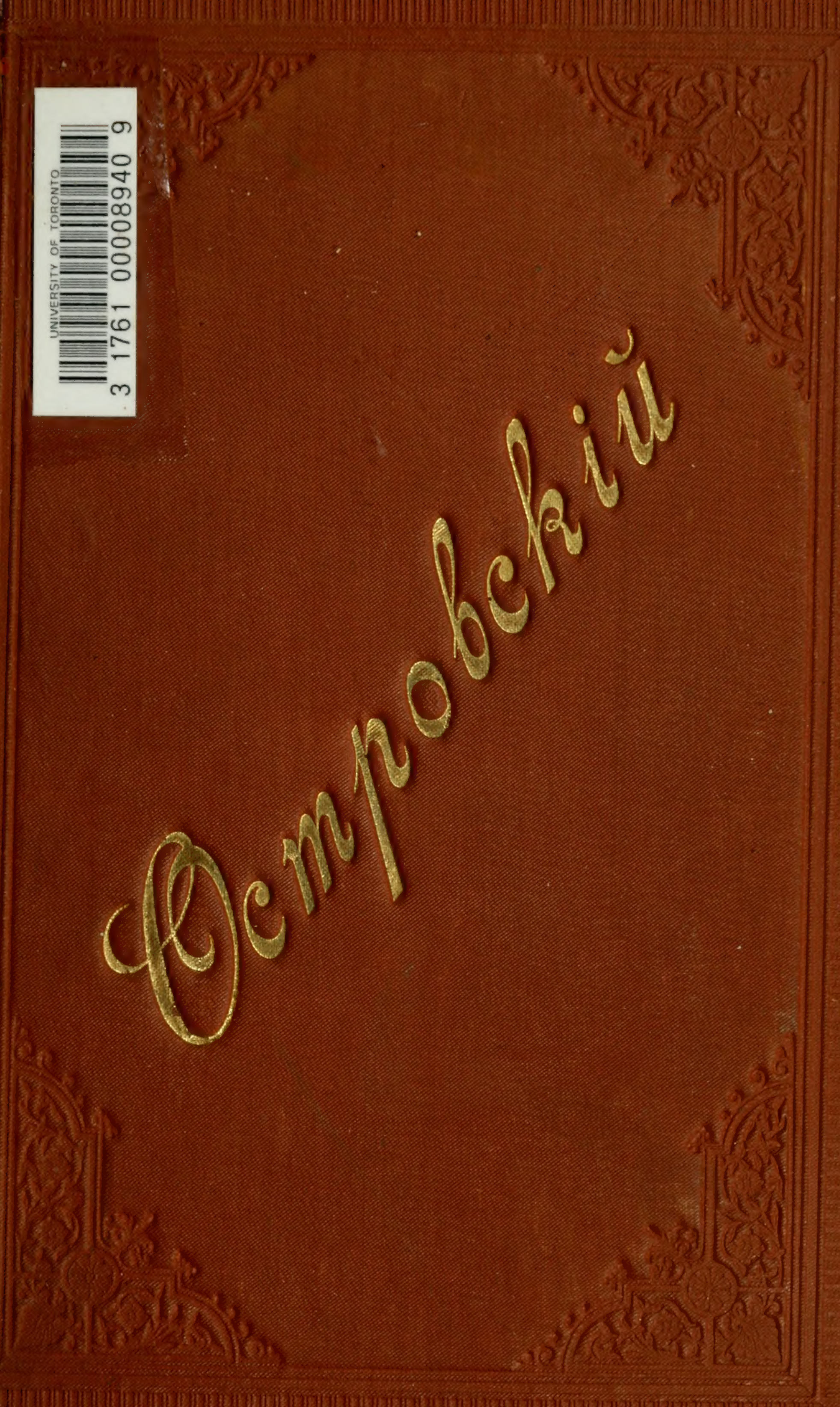
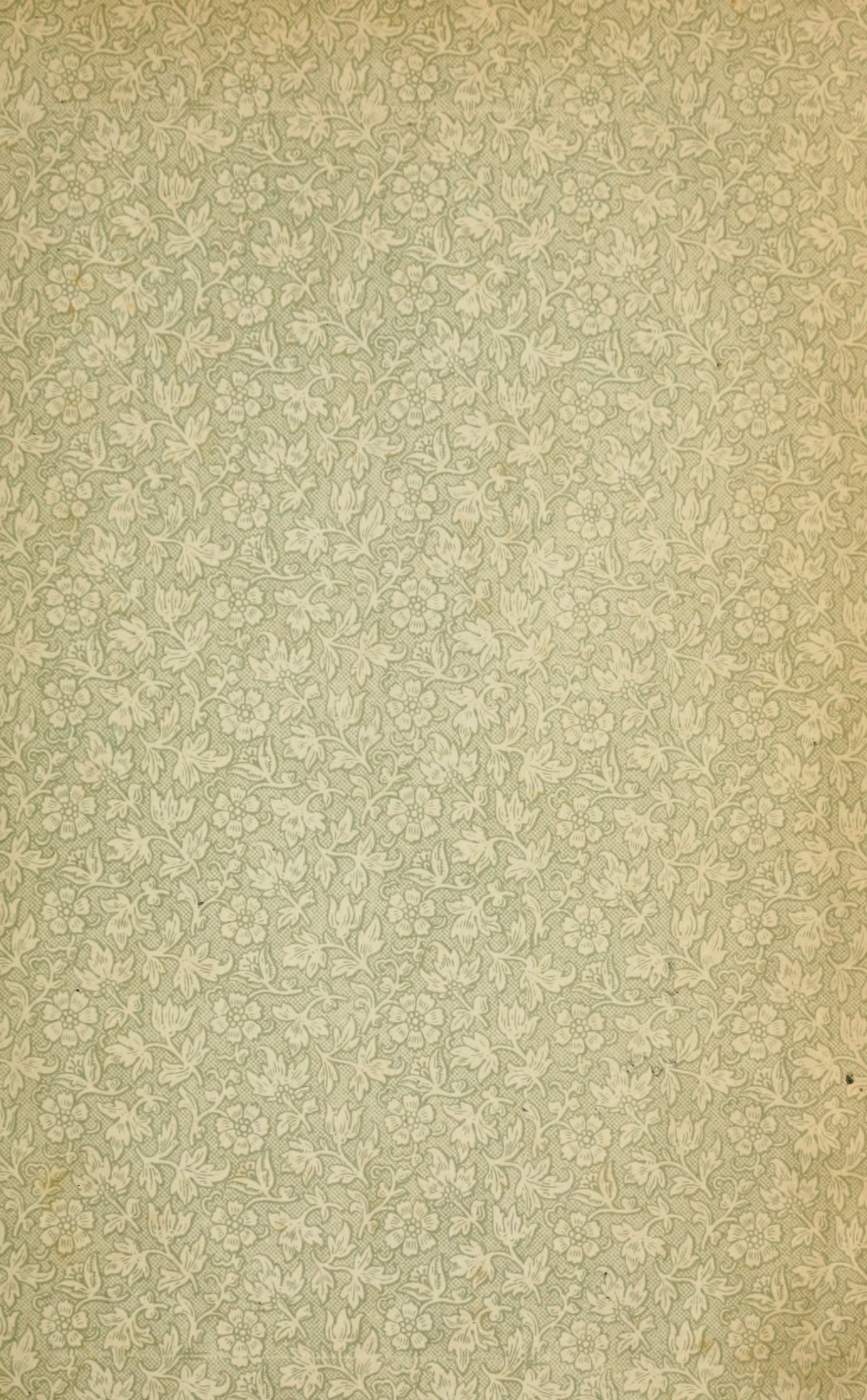

Островскій
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00008940 9

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
М. МЕНДЕЛЬ
*
ОДЕССА
Д. № 46.
НѢЖИНСК. и ДВОРЯНСК.

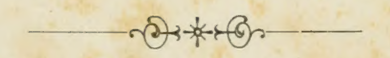

СОЧИНЕНІЯ

А. Н. ОСТРОВСКАГО

ИЗДАНІЕ ДЕСЯТОЕ

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ КНИЖН. МАГ. В. ДУМНОВА, ПОДЪ ФИРМОЮ „НАСЛѢДНИКИ БР. САЛАЕВЫХЪ".
1896.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НЕ ВСЕ КОТУ МАСЛЕНИЦА.

СЦЕНЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

Сцена 1-я.

ЛИЦА:

Дарья Ѳедосьевна Круглова, вдова купца, 40 лѣтъ.
Агнія, ея дочь, 20 лѣтъ.
Ермилъ Зотычъ Аховъ, богатый купецъ, лѣтъ 60.
Ипполитъ, его приказчикъ, лѣтъ 27.
Маланья, кухарка Кругловой.

Бѣдная, но чистенькая комната. Въ глубинѣ дверь въ переднюю, слѣва отъ зрителей дверь во внутреннія комнаты; съ той же стороны, ближе къ зрителямъ, диванъ; передъ нимъ столъ, покрытый цвѣтною скатертью; два кресла. На правой сторонѣ два окна съ чистыми, бѣлыми занавѣсками; на окнахъ цвѣты; между оконъ зеркало; ближе къ зрителямъ пяльцы.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Круглова *(на диванъ),* Агнія *(у окна грызетъ кедровые орѣхи).*

Агнія.

Погода-то! Даже удивительно! А мы сидимъ. Хоть бы погулять куда, что̀ ли!

Круглова.

А вотъ, погоди, дай срокъ, сосну полчасика, пожалуй, погуляемъ.

Агнія.

Кавалеровъ-то у насъ одинъ, другой — обчелся, гулять-то не съ кѣмъ.

Круглова.

А кто виноватъ? Не мнѣ же ловить для тебя кавалеровъ! Сѣти по улицамъ-то не разставить ли?

Агнія.

Развѣ вотъ Ипполитъ зайдетъ.

Круглова.

И то, гляди, зайдетъ; день сегодня праздничный, чтò ему дома-то дѣлать? Вотъ тебѣ и кавалеръ; не я искала, сама обрящила. Вольница ты у меня. Ты его какъ это подцѣпила?

Агнія.

Очень просто. Шла я какъ-то изъ городу, онъ меня догналъ и проводилъ до дому. Я его поблагодарила.

Круглова.

И позвала?

Агнія.

Съ какой стати!

Круглова.

Какъ же онъ у насъ объявился?

Агнія.

Позвала я его, да послѣ. Сталъ онъ мимо оконъ ходить разъ по десяти въ день; ну, чтò хорошаго, лучше ужъ въ домъ пустить. Только слава.

Круглова.

Само собой.

Агнія.

Все говорить?

Круглова.

Да говори ужъ заодно.

Агнія *(равнодушно и грызя орѣхи)*.

Потомъ онъ мнѣ письмо написалъ съ разными чувствами, только нескладно очень...

Круглова.

Ну? А ты ему отвѣтила?

Агнія.

Отвѣтила, только на словахъ. Зачѣмъ вы, говорю, письма

пишете, коли не умѣете? Коли что̀ вамъ нужно мнѣ сказать, такъ говорите лучше прямо, чѣмъ бумагу-то марать.

Круглова.

Только и всего?

Агнія.

Только и всего А то что̀ же еще?

Круглова.

Много очень воли ты забрала.

Агнія.

Заприте.

Круглова.

Болтай еще! *(Входитъ Маланья.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Круглова, Агнія, Маланья.

Маланья *(говоритъ медленно).*

Шла я тутъ-то, по вулицѣ...

Круглова.

Такъ что̀-жъ?

Маланья.

Такъ онъ... Какъ его?

Круглова.

Кто, онъ-то?

Маланья.

Какъ, бишь, его?... Въ сусѣдяхъ-то...

Круглова.

Что̀ же?

Маланья.

Да нешто ихъ тутъ, всѣхъ... Много ихъ. Такой черноватый...

Круглова.

Сѣдой, что̀ ли?

Маланья.

Да, сѣдой. Что̀ я!... А я черноватый...

Круглова.

Ахов, что̀ ли?

Маланья.

Надо, что онъ... Аховъ его... что̀ ли? Большой такой...

Круглова.

Средняго росту?

Маланья.

Да, пожалуй, что и такъ.

Круглова.

Ну, что же онъ? Проснись ты, сдѣлай милость!

Маланья.

Что проснись?... Не походя я сплю, а когда время... Такъ что кому? Кланяйся, говоритъ.

Круглова.

Немного-жъ ты сказала.

Маланья.

Что-жъ мнѣ еще говорить? *(Уходитъ и сейчасъ же возвращается.)* Да, забыла... Зайду, говоритъ.

Круглова.

Когда?

Маланья.

Кто-жъ его... Мнѣ почемъ знать? *(Уходитъ и возвращается.)* Да! Изъ головы вонъ... Нынче, говоритъ, зайду. Аховъ онъ, что ли, прозывается? Черноватый такой. .

Круглова.

Сѣдой весь?

Маланья.

Да и то сѣдой. Эка память! Господи! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Круглова и Агнія.

Круглова.

Нашу слугу Личарду только посломъ посылать. Растолкуетъ дѣло, какъ по писанному. Какъ начнетъ толковать, такъ точно у нея въ головѣ-то жернова поворачиваются.

Агнія.

Этотъ вашъ Аховъ дядя Ипполиту?

Круглова.

Да, дядя.

Агнія.

Вотъ придетъ, помѣшаетъ намъ гулять итти. Зачѣмъ это онъ?

Круглова.

Кто-жъ его знаетъ? Вотъ что̀ значитъ богатый-то человѣкъ! Распостылый онъ мнѣ, распостылый, а все-таки гость. Никакого мнѣ отъ него барыша нѣтъ, и не ожидаю; а какъ ты ему скажешь, милліонщику: поди вонъ! Вотъ какое дѣло! И какая это подлость въ людяхъ, что завели такой обычай — деньгамъ кланяться! Вотъ поди-жъ ты. Отыми у него деньги, вся цѣна ему грошъ; а вездѣ ему почетъ, и не то, что изъ корысти, а такъ, будто онъ въ самомъ дѣлѣ путный. Отчего это не скажутъ такимъ людямъ, что не надо, молъ, намъ тебя и со всѣми твоими деньгами, потому какъ ты скотъ безчувственный? Да вотъ не скажутъ въ глаза. Женщины на это скорѣй; кабы только намъ разуму побольше. И что̀ это онъ къ намъ повадился?

Агнія.

Должно быть, влюбленъ.

Круглова.

Въ кого?

Агнія.

Да я такъ думаю, въ васъ.

Круглова.

Не въ тебя ли?

Агнія.

Ну, какая я ему пара! А вы, маменька, въ самый разъ. Что̀-жъ, богатой купчихой будете. Чего еще пріятнѣе?

Круглова.

Да и, кажется... Господи-то меня сохрани! Видѣла я, дочка, видѣла эту пріятность-то. И теперь еще, какъ вспомню, такъ по ночамъ вздрагиваю. А какъ приснится, бывало, по началу-то, твой покойный отецъ, такъ меня сколько разъ въ истерику ударяло. Вѣришь ты, какъ я зла на нихъ, на этихъ самодуровъ проклятыхъ! И отецъ-то у меня былъ такой, и мужъ-то у меня былъ еще хуже, и пріятели-то его всѣ такіе же; всю жизнь-то они изъ меня вымотали. Да, кажется, приведись только мнѣ, такъ я-бъ одному за всѣхъ выместила.

Агнія.

Ужъ будто бы?

Круглова.

Ужъ потѣшила-бъ свою душеньку, да не приходится. А и

то сказать: что̀ хвастать-то? Душа-то у насъ коротка, передъ деньгами-то, пожалуй, и растаешь. Проклятыя, вѣдь, онѣ.

Агнія.

Особенно, коли ихъ нѣтъ.

Круглова.

Ну, я спать пошла.

Агнія.

Съ Богомъ. *(Круглова уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Агнія, *потомъ* Ипполитъ.

Агнія *(взглянувъ въ окно).*

Опять мимо ходитъ. Что̀ это у нихъ за манера? *(Открываетъ окно и кланяется.)* Что̀, вы потеряли что̀-нибудь? *(Ипполитъ за окномъ: „Окромя сердца, ничего-съ“.)* Что̀ же вы ходите взадъ и впередъ? Отчего вы прямо не войдете? *(Ипполитъ за окномъ: „Не смѣю-съ“.)* Кого же вы боитесь? *(Ипполитъ за окномъ: „Маменьки вашей“.)* Чего же ее бояться? Она спитъ. *(Ипполитъ за окномъ: „Въ такомъ случаѣ, сейчасъ-съ“.)* Такой видный, красивый молодой человѣкъ, а какой робкій. *(Ипполитъ входитъ. Онъ одѣтъ чисто и современно, съ маленькой бородкой, довольно красивъ.)* Еще здравствуйте!

Ипполитъ.

Наше почтеніе-съ.

Агнія.

А мы васъ ждали; хотимъ вмѣстѣ гулять итти. Вы пойдете?

Ипполитъ.

Даже съ великимъ моимъ удовольствіемъ-съ. *(Оглядывается по сторонамъ.)*

Агнія.

Да не бойтесь, не бойтесь; я вамъ говорю, что спитъ.

Ипполитъ.

Не то, чтобъ я боялся, а какъ собственно, что безъ ихъ приглашенія.

Агнія.

Все равно, я васъ пригласила.

Ипполитъ.

Все равно, да не одно-съ. А вдругъ выдетъ сама да скажетъ: „непрошенные гости, вонъ!" Со мной такіе-то разы бывали. Однако, оно довольно конфузно-съ.

Агнія.

Да развѣ можно? Чтò вы!

Ипполитъ.

Очепно можно-съ, особливо если хозяинъ или хозяйка съ характеромъ. И пойдешь, какъ не солоно хлебалъ, да еще оглядываешься, въ затылокъ не провожаютъ ли.

Агнія *(смѣется).*

А васъ провожали?

Ипполитъ.

Кабы не провожали, такъ я бы про эту самую деликатность и не зналъ.

Агнія.

Да не можетъ быть!

Ипполитъ.

Отъ образованныхъ людей, конечно, ожидать нельзя, а по нашей сторонѣ всего дождешься. Кругомъ насъ какое невѣжество-то свирѣпствуетъ, страсть! Каждый хозяинъ въ своемъ домѣ, какъ султанъ Махмутъ турецкій, только-что головъ не рубитъ.

Агнія.

Вы, должно быть, трусъ.

Ипполитъ.

За чтò же такая критика?

Агнія.

Всего вы боитесь.

Ипполитъ.

Совсѣмъ напротивъ-съ; я такъ себя чувствую, что во мнѣ даже отчаянности достаточно.

Агнія.

Противъ кого?

Ипполитъ.

Противъ всѣхъ-съ.

Агнія.

И противъ хозяина?

Ипполитъ.

И хозяинъ тоже, если что̀ не дѣло, такъ не много у меня возьметъ. Тоже осажу въ лучшемъ видѣ.

Агнія.

Да правда ли?

Ипполитъ.

Съ тѣмъ возьмите.

Агнія.

Ну, смотрите же! Я трусовъ не люблю, я вамъ впередъ говорю.

Ипполитъ.

Зачѣмъ-же-съ? Конечно, я не въ томъ званіи родился, насъ съ малолѣтства геройству не обучаютъ, а ежели взять на себя смѣлость...

Агнія.

Такъ берите ее почаще.

Ипполитъ.

Такой вашъ совѣтъ-съ?

Агнія.

Да, мой совѣтъ. И не бойтесь моей маменьки.

Ипполитъ.

Такъ точно все и будетъ въ аккуратѣ исполнено-съ.

Агнія.

Ну, и прекрасно. И во всемъ меня такъ слушайтесь.

Ипполитъ.

Да оно теперь и самое время вамъ учить меня.

Агнія.

Почему же?

Ипполитъ.

Я чувствую, что я совсѣмъ потерянный, и даже въ мысляхъ разбивка пошла врозь.

Агнія.

Что̀ же съ вами сдѣлалось?

Ипполитъ.

Отъ чувствъ.

Агнія.

Скажите, пожалуйста, какой вы чувствительный!

Ипполитъ.

Я-то? Самъ себѣ не радъ, вотъ какъ-съ! Только-что складу въ словахъ не знаю, вотъ одно.

Агнія.

А то что̀-жъ бы было?

Ипполитъ.

Сейчасъ бы все стихами.

Агнія.

Ну, можно и безъ нихъ обойтись.

Ипполитъ *(беретъ съ пяльцевъ вышитую ленточку для закладки книги).*

Это вы для кого же суверниръ-съ?

Агнія.

Вамъ что̀ за дѣло?

Ипполитъ.

Значитъ, мы сейчасъ конфискуемъ.

Агнія.

Кто вамъ позволитъ еще?

Ипполитъ.

А ежели безъ позволенія-съ?

Агнія.

Какъ, безъ позволенія? За это къ мировому.

Ипполитъ.

А я мировому скажу, что на знакъ памяти.

Агнія.

Въ знакъ памяти просятъ, а не сами берутъ.

Ипполитъ.

А ежели, въ случаѣ, отъ васъ не дождешься-съ?

Агнія.

Значитъ, вы не стоите. Положите опять на мѣсто.

Ипполитъ.

Хоша на одинъ день позвольте попользоваться.

Агнія.

Ни на одинъ часъ.

Ипполитъ.

Жестокости пошли.

Агнія.

А вотъ за эти слова сейчасъ положите на мѣсто и не смѣйте трогать. Для васъ и вышивала, а теперь не отдамъ.

Ипполитъ.

А коль скоро для меня, имѣю полное мое право.

Агнія.

Никакого права не имѣете. Подайте! *(Хочетъ отнять ленточку.)*

Ипполитъ *(поднимая руку)*.

Не достанете.

Агнія.

Вы думаете, у меня силы нѣтъ? *(Хочетъ нагнуть его руку. Ипполитъ ее цѣлуетъ.)* Это что̀ еще? Какъ вы смѣете?

Ипполитъ.

Какъ есть, кругомъ виноватъ-съ.

Агнія.

Стыдно вамъ! *(Садится къ пяльцамъ и опускаетъ голову.)*

Ипполитъ.

Оно точно, что стыдно; конечно, что невѣжество съ моей стороны, а только ежели утерпѣть нѣтъ никакой возможности... Хоша я человѣкъ теперича не вполнѣ, потому какъ живу въ людяхъ и во всемъ зависимъ, но при всемъ томъ, ежели я вамъ сколько-нибудь не противенъ, я вашей маменькѣ во всемъ могу открыться, какъ должно. *(Агнія молчитъ.)* Со временемъ тоже и я могу человѣкомъ быть, и по своему дѣлу даже очень много противу другихъ понятія имѣю. *(Агнія молчитъ.)* Мнѣ теперича ежели что̀ страшно, такъ это собственно, какое отъ васъ мнѣ рѣшеніе выйдетъ. *(Агнія молчитъ и еще болѣе опускаетъ голову.)* Хоть одно слово. *(Агнія молчитъ.)* Ужли же такъ, безъ вниманія, меня оставите? Имѣйте сколько-нибудь снисхожденія! Можетъ, не вѣрите моимъ чувствамъ? Всею душою завѣрить васъ могу. Кабы ежели я не чувствовалъ, развѣ-бъ я смѣлъ...

Агнія *(потупившись)*.

Ну, хорошо, я вамъ вѣрю. А долго дожидаться, когда вы вполнѣ человѣкомъ будете?

Ипполитъ.

Когда хозяинъ настоящее жалованье положитъ.

Агнія.

Ну, вотъ тогда и скажете маменькѣ; я и сама тоже поговорю. *(Весело.)* А ленточку, все-таки, подайте!

Ипполитъ.

Нѣтъ ужъ, теперь собственность.

Агнія.

Ну, какъ не собственность! Отыму, вѣдь. Только вы смотрите, ежели опять...

Ипполитъ.

Какъ можно-съ! *(Агнія отнимаетъ ленточку, Ипполитъ ее цѣлуетъ. Входитъ Круглова.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Круглова, Агнія, Ипполитъ.

Круглова.

Чтò это за возня? Покою нѣтъ. Вотъ славно!

Агнія *(тихо вскрикиваетъ).*

Ахъ! *(Садится на стулъ за пяльцами. Ипполитъ отходитъ въ глубину комнаты и робко стоитъ у притолки.)*

Круглова.

Чтò-жъ это тāкое?

Агнія.

Чтò? Ничего.

Круглова.

Какъ ничего? Я своими глазами видѣла, какъ онъ тебя цѣловалъ!

Агнія.

Эка важность, поцѣловалъ!

Круглова.

По-твоему это не важность?

Агнія.

Да, конечно. Вотъ, кабы укусилъ, это не хорошо.

Круглова.

Ты въ своемъ разумѣ, или рехнувшись? А срамъ, стало-быть, ничего?

Агнія.

Какой срамъ? Срамъ-то бываетъ у богатыхъ; а мы, какъ ни живи, никому до того дѣла нѣтъ. И хорошо, и худо — все для себя, а не для людей. Хорошо живи — люди не похвалятъ, и дурно живи — никого не удивишь.

Круглова.

Извольте подумать, чѣмъ она занимается!

Агнія.

А вы думали, я все еще въ куклы играю?

Круглова.

Потихоньку-то отъ матери...

Агнія.

Да я при васъ, пожалуй.

Круглова.

Стыдочку-то, стало-быть, немного.

Агнія.

На что̀ его нужно, на то онъ есть.

Круглова.

А, все-таки, не хорошо, что мать-то не знаетъ.

Агнія.

Знать-то вамъ нечего; еще ничего вѣрнаго-то нѣтъ. Придетъ время, не безпокойтесь, скажемъ: мы этотъ порядокъ знаемъ.

Круглова.

Съ тобой говорить-то, что̀ больше, то хуже. Лучше бросить, а то еще, пожалуй, у тебя сама виновата останешься. А что̀ правда, то правда: не во́-время вы христосоваться начали.

Агнія.

Впередъ зачтите. Конечно, удержать себя можно, да для чего? Молодость-то наша и такъ не красна; чѣмъ ее вспомнить будетъ?

Круглова *(Ипполиту)*.

Ну, а ты? Развѣ я тебя затѣмъ въ домъ-то пускаю? Хорошъ, хорошъ.

Ипполитъ.

Отъ меня оправданіевъ не услышите.

Круглова.

Такіе вы люди, чтобъ вамъ вѣрить, какъ же! Пусти козла въ огородъ!

Ипполитъ.

Я теперича безъ словъ, все одно, какъ убитый. На все ваша воля.

Круглова.

Притворяйся сиротой-то. Вотъ я погляжу, что̀ будетъ отъ тебя, а то и турну, братъ.

Агнія.

Да будетъ вамъ!

Круглова.

Не любите слушать-то?

Агнія.

Гулять пойдемте.

Круглова.

Гулянье на умѣ-то?

Агнія.

Да ужъ довольно, маменька. Свое дѣло исправили, побранили, ну и будетъ.

Круглова.

Ну, шутъ васъ возьми, и то сказать. Собираться, видно, да гулять пойти. *(Входитъ Аховъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Круглова, Агнія, Ипполитъ, Аховъ.

Аховъ.

Вотъ и я къ тебѣ забрелъ, въ твою хижину убогую.

Круглова.

Милости просимъ! Благодаримъ, что не гнушаетесь.

Аховъ.

Не гнушаюсь, не гнушаюсь, Ѳедосѣвна; цѣни это! Ждали-ль такого гостя-то? *(Поглядываетъ косо на Ипполита.)*

Круглова.

И ждали, и нѣтъ.

Аховъ.

Какъ же? Вѣдь я съ твоей дурой-то приказывалъ вамъ, чтобъ ждали.

Круглова.

Да, вѣдь, слуга-то у насъ антикъ, не дождешься ее, пока у нея языкъ-то поворотится.

Аховъ *(Агніи).*

Весело-ль прыгаешь?

Агнія.

Понемножку.

Аховъ.

Что-жъ такъ? А ты живи веселѣй! Коли мать обижать будетъ, такъ ты мнѣ на нее жалуйся.

Круглова.

Просимъ покорно садиться.

Аховъ *(косясь на Ипполита).*

Сяду, сяду, не проси. *(Садится на диванъ.)*

Круглова.

Чѣмъ потчевать прикажете, Ермилъ Зотычъ?

Аховъ.

Погоди еще потчевать-то, дай гостямъ усѣсться хорошенько.

Круглова.

Усаживайтесь.

Аховъ.

Усаживайтесь! Ты погляди сначала кругомъ-то! Усѣлся я, да порядку у тебя въ домѣ нѣтъ; вотъ что!

Круглова.

Не знаю, батюшка, что ты говоришь?

Аховъ *(Ипполиту).*

Ну!

Ипполитъ.

Что, дяденька, прикажете?

Аховъ.

Не знаешь?

Ипполитъ.

Что же вамъ будетъ угодно-съ?

Аховъ.

Да ты приди въ себя! Гдѣ ты?

Ипполитъ.

У Дарьи Өедосѣвны-съ.

Аховъ *(передразнивая его).*

У Дарьи Өедосѣвны! Знаю, что у Дарьи Өедосѣвны. Значить, по-твоему, тебѣ здѣсь и надо быть?

Ипполитъ.

Я въ гости пришелъ-съ.

Аховъ.

А я зачѣмъ?

Ипполитъ.

Такъ полагаю, дяденька, что вы тоже-съ.

Аховъ.

Ну, такъ ты мнѣ компанія, или нѣтъ! Догадался теперь?

Ипполитъ.

Чего же я долженъ догадаться-съ?

Аховъ.

Что гдѣ хозяинъ, тамъ тебѣ не мѣсто. Понялъ?

Ипполитъ.

Понимаю-съ.

Аховъ.

Ну, и значитъ, поди вонъ!

Круглова.

За что̀-жъ ты его гонишь?

Агнія.

Для насъ гости всѣ равны.

Аховъ.

Много вы знаете! Не ваше это дѣло! *(Ипполиту.)* Ты, какъ завидѣлъ хозяина, такъ бѣжать долженъ; шапку не успѣлъ захватить, такъ безъ шапки бѣги. Былъ, да и слѣдъ простылъ, словно тебя вѣтромъ сдунуло съ лица земли. Что̀-жъ, кому я говорю?

Ипполитъ.

Но позвольте-съ...

Аховъ.

За волосы, что̀-ль, тебя вытащить отсюда?

Ипполитъ.

Какъ же это можно-съ? При дамахъ даже-съ...

Аховъ.

При дамахъ! Очень мнѣ нужно. Вытащу, да и все тутъ.

Ипполитъ.

За что̀ же такая обида-съ? Я здѣсь на благородномъ счету-съ.

Аховъ *(привстаетъ).*

Пошелъ вонъ, говорятъ тебѣ.

Ипполитъ *(беретъ шляпу).*

Ежели вы непремѣнно того желаете...

Агнія *(Ипполиту).*

Струсили?

Аховъ *(топая ногами).*

Вонъ безъ разговору, вонъ! *(Ипполитъ уходитъ.)*

Агнія *(вслѣдъ ему).*

Стыдно, стыдно трусить!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Аховъ, Круглова, Агнія.

Аховъ.

У меня струсишь; у меня и не такой, какъ онъ, струситъ.

Агнія.

Что̀ же вы, страшны, что̀ ли, очень?

Аховъ.

Не страшенъ я; страшенъ-то чортъ да еще пугало страшное на огородѣ ставятъ, воро́нъ пугать. Говорить-то ты не умѣешь! Не страшенъ я, а грозенъ. *(Кругловой.)* А ты еще усаживаешь да потчуешь при мальчишкѣ-то!

Круглова.

Чѣмъ онъ тебѣ помѣшалъ, не понимаю.

Аховъ.

Пора понимать; не за мужикомъ замужемъ-то была. Порядокъ-то тоже въ домѣ былъ заведенъ; чай, ученье-то мужнино и теперь помнишь? Что̀ за невѣжество?

Круглова.

Никакого тутъ невѣжества нѣтъ. Да что̀ ты въ самомъ дѣлѣ, учить меня сталъ. Поздно ужъ, да и не нуждаюсь я.

Ахов̂ъ.

Да мнѣ что? Живи, какъ хочешь; тебѣ же хуже.

Круглова.

Прожила вѣкъ-то какъ-нибудь, теперь ужъ немного доживать осталось.

Аховъ.

Да ты только разсуди, какъ ему съ хозяиномъ въ одной комнатѣ? Можетъ, я и разговорюсь у васъ; можетъ, пошутить съ вами захочу, а онъ, ротъ разиня, слушать станетъ? Онъ въ жизни отъ меня, кромѣ приказу да брани, ничего не слыхивалъ. Какой же у него страхъ будетъ послѣ этого? Онъ скажетъ: нашъ хозяинъ-то такія же глупости говоритъ, какъ и всѣ прочіе люди. А онъ знать этого не долженъ.

Круглова.

Ну, ужъ гдѣ намъ эту вашу политику понимать!

Аховъ.

Мы иногда сберемся, хозяева-то, такъ безобразничаемъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Такъ намъ и пустить къ себѣ въ компанію приказчиковъ, чтобы они любовались на насъ?

Круглова.

Это ужъ твое дѣло.

Аховъ.

То-то я и говорю. Вотъ ты, какъ только меня увидала, прежде чѣмъ сажать-то меня да потчевать, вытолкнула бы его за дверь: и ему на пользу, да и мнѣ пріятнѣе.

Круглова.

Чаемъ просить прикажете?

Аховъ.

Не хочу, обидѣли. Я къ вамъ, было, всей душой, а вы меня уважить не хотѣли.

Круглова.

Трудно угодить-то на тебя.

Аховъ.

Нѣтъ, ты постой! Уважать насъ очень надобно. Особенное намъ должно итти уваженіе супротивъ другихъ людей. А почему такъ? Я тебѣ скажу, если не знаешь.

Круглова.

Скажи, послушаемъ.

Аховъ.

Ты богатаго человѣка, коли онъ до тебя милостивъ, блюди пуще ока своего. Потому, ты своего достатка не имѣешь; нужда, али что̀, къ кому тебѣ кинуться? А второе: развѣ ты знаешь, развѣ тебѣ чужая душа открыта, за что̀ богатый человѣкъ къ тебѣ милостивъ? Можетъ, онъ такъ только себѣ отвагу даетъ, а можетъ, сурьёзъ! Потому что для нашего брата, ежели что̀ захотѣлось, дорогого нѣтъ; а у васъ, нищей братіи, ничего завѣтнаго нѣтъ, все продажное. И вдругъ изъ гроша рубль. Поняла?

Круглова.

Ну, не вдругъ-то.

Аховъ.

А вотъ сейчасъ тебѣ... *(Агніи.)* Можешь ты меня поцѣловать теперь, при матери?

Агнія.

Могу, коли захочу.

Аховъ.

Ну, такъ захоти, въ накладѣ не будешь.

Агнія.

Да и барыша мнѣ не надо, а чтобъ только изъ пустяковъ лишняго разговору не заводить, извольте. *(Цѣлуетъ его.)*

Аховъ *(Кругловой)*.

Видѣла?

Круглова.

Что̀ видѣть-то? Я и не то видала. Чмокнуть-то губами не велико дѣло! Хошь бы тебя она теперь! Это что̀! Все равно, что горшокъ объ горшокъ: сколько ни бей, а масла не будетъ. А то есть дѣло, которое совсѣмъ другого рода; тогда ужъ мать смотри только.

Аховъ.

Нѣтъ, ты слушай! Вѣдь, богатство-то чѣмъ лестно? Вотъ чѣмъ: что̀ захотѣлъ, что̀ задумалъ только — все твое.

Агнія.

Ну, если-бъ я знала, что вы такъ будете мое снисхожденіе понимать, ни за что̀-бъ васъ не поцѣловала.

Аховъ.

Ты молчи, ты молчи! Худого ты не сдѣлала. Нѣтъ, я го-

ворю, коли вся жизнь-то... можетъ, не одной даже сотни людей въ нашихъ рукахъ, такъ какъ намъ собой не возноситься? Всякому тоже пирожка сладенькаго хочется... А что ужъ про тѣхъ, кому и вовсе-то ѣсть нечего! Ой, задешево людей покупали, ой, задешево! Повѣришь ли, иногда даже жалко самому станетъ.

Круглова.

Что капиталомъ-то гордиться?

Аховъ.

А то чѣмъ же? *(Со вздохомъ.)* Сила, Ѳедосѣвна, сила!

Круглова.

Ну, да что говорить!

Аховъ.

Ну, такъ вотъ ты и обсуди да подумай одна на досугѣ съ подушкой; авось дѣло-то ладнѣе пойдетъ. *(Встаетъ.)* Ну, прощай покудова. А вы ничего, я не сержусь.

Круглова.

Ну, и ладно, коли не сердишься. Что хорошаго сердиться!

Аховъ.

Разумѣется, какъ давно ты въ бѣдности, такъ отъ настоящихъ порядковъ отвыкла; а дай тебѣ деньги-то, такъ ты опять.

Круглова.

Еще бы.

Аховъ.

Такъ ты вникни, Дарья Ѳедосѣвна! *(Значительно.)* Совѣтую. Помни одно: никто, какъ Богъ! *(Агніи.)* Прощай, стрекоза!

Круглова.

Прощайте, Ермилъ Зотычъ.

Аховъ.

Я вѣдь, пожалуй, и опять скоро. Меня къ вамъ ровно что тянетъ... Конечно, что и съ вашей стороны нужно... Ну, да будетъ. Завтра приходить, что-ль?

Агнія.

Что за спросъ? Да когда только тебѣ угодно!

Аховъ.

Ладно, ладно. *(Тихо Кругловой.)* Завтра приду.

Круглова.

Да что̀ за секретъ?

Аховъ *(толкаетъ ее локтемъ).*

Толкуй съ тобой. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Круглова и Агнія.

Агнія.

Маменька, когда Ипполитъ придетъ, гоните его безъ милосердія.

Круглова.

Не Ермила ли гнать-то?

Агнія.

За что̀ его? Онъ чѣмъ виноватъ? Какъ же ему не возноситься, когда ему всѣ покоряются.

Круглова.

Ты что̀ ни говори, а мнѣ Ипполита жалко.

Агнія.

Чего его жалѣть-то? Онъ не маленькій. Кабы у него совѣсть, такъ онъ самъ бы стыдился, что его жалѣютъ. Какого маленькаго обидѣли! Видѣть его не могу.

Круглова.

Что̀ такъ грозно?

Агнія.

Ну, будь онъ женатъ да съ женой здѣсь, каково бы ей, бѣдной?

Круглова.

Попробуй-ка съ Ермиломъ-то сговорить.

Агнія.

Не канатомъ онъ съ Ермиломъ-то связанъ, бросилъ да и пошелъ. А я, было, чуть не полюбила его, плаксу.

Круглова.

У тебя, видно, сколько дней въ недѣлѣ, столько и пятницъ. Не успѣла полюбить, да ужъ и разлюбила.

Агнія.

Да, таки и разлюбила.

Круглова.

А я такъ больше полюбила.

Агнія.

Ну, и поздравляю.

Круглова.

И тебѣ совѣтую.

Агнія.

Ну, ужъ напрасно.

Круглова.

Потому что онъ добрый.

Агнія.

Противный, распротивный.

Круглова.

Аховъ лучше?

Агнія.

И сравненія нѣтъ.

Круглова.

Ужъ куда какъ хорошъ! Ну, и цѣлуйся съ своимъ Аховымъ.

Агнія.

Да, разумѣется, лучше, чѣмъ съ Ипполитомъ.

Круглова.

Тебѣ бы объ этомъ прежде догадаться.

Агнія.

Не попрекайте, не попрекайте, я ужъ и то себя проклинаю.

Круглова.

Я тебя не попрекаю; а ужъ, по-моему, коли понравился человѣкъ, такъ и держись одного.

Агнія.

Какъ же не такъ; стóитъ онъ! Я еще вотъ чтò сдѣлаю, я напишу ему, чтобъ онъ не смѣлъ къ намъ и показываться. *(Идетъ въ другую комнату.)*

Круглова.

Чтò писать-то напрасно, только даромъ руки марать!

Агнія.

Совсѣмъ не напрасно. *(Уходитъ.)*

Круглова.

Какъ не напрасно? Вѣдь, вотъ, погодя немного, другое письмо писать примешься, что приходите поскорѣе.

Агнія *(изъ другой комнаты).*

Да ни за что, ни за что на свѣтѣ!

Круглова.

Повѣрю я, какъ же.

Агнія.

И не говорите лучше! Конецъ знакомству — вотъ и все.

Круглова.

Посмотримъ, сказалъ слѣпой. *(Уходитъ.)*

Сцена 2-я.

ЛИЦА:

Круглова.
Агнія.
Аховъ.
Ипполитъ.
Ѳеона, ключница Ахова и дальняя родственница.
Маланья.

Декорація первой сцены.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Круглова *(на диванѣ),* Ѳеона *(на креслѣ) пьютъ чай. На столѣ самоваръ. У двери стоитъ* Маланья, *подперши рукой щеку.*

Круглова.

Ты, Ѳеонушка, отъ обѣдни?

Ѳеона.

Отъ обѣдни, матушка.

Круглова.

Гдѣ стояла?

Ѳеона.

Въ Хамовникахъ.

Круглова.

А далеко, вѣдь?

Ѳеона.

Конечно, что не моимъ бы ногамъ, только-что усердіе, такъ ужъ... *(Ставитъ чашку.)*

Круглова *(наливая)*.

Пей еще!

Өеона.

Выпью, не обезсудьте.

Маланья.

А вотъ... въ лѣни живущимъ все тяжело, которые ежели себя опущаютъ. Другой разъ поутру-то... такъ тебя нѣжитъ-томитъ... ровно тебя опоили; плоть-то эта самая точно въ ростъ идетъ, по суставамъ-то ровно гудётъ легонечко... Не токма, чтобы какое дѣло великое, что по христіанству тебѣ слѣдуетъ, а самоваръ, и тотъ лѣнь поставить... все бы лежала.

Өеона.

А ты, дѣвушка, блажь-то съ себя стряхивай — старайся! Въ струнѣ себя порови... а то, долго-ль, и совсѣмъ одубѣешь. У насъ такъ-то было съ одной — вся, какъ свинцомъ налитая, сдѣлалась. Ни понятія, говоритъ, ни жалости во мнѣ ни къ чему не стало.

Маланья.

Само собой, что грѣхи .. наши; а то я .. про что же!

Өеона.

Пожила бы ты у нашего Ермила Зотыча. Онъ еще до заутрени чаю-то напился.

Маланья.

Ишь ты, какъ его...

Круглова.

Что-жъ у него за дѣло спѣшное?

Өеона.

Да какое дѣло, окромя, что ворчать ходить, да чтобъ не спали? Ненавистникъ! Ужъ очень онъ за свою хлѣбъ-соль обидчикъ! Его кускомъ-то подавишься; онъ имъ тебя разъ десять въ день-то попрекнетъ. Кричитъ: „Я васъ кормлю да жалованье плачу", а чужой работы не считаетъ. Ему, кажись, кабы можно изъ рабочаго дня-то два сдѣлать, такъ онъ былъ бы радъ-радостью. Вотъ и бродитъ спозаранку, и по двору бродитъ, и по саду бродитъ, по сараямъ, по конюшнямъ бродитъ. Потомъ на фабрику поѣдетъ, тамъ тоже только людямъ мѣшаетъ: человѣкъ за дѣломъ бѣжитъ, а онъ его остановитъ, ругать примется ни за что; говоритъ:

для переду годится. А съ фабрики пріѣдетъ, съ дѣтьми стражается — вотъ и всѣ наши дѣла.

Круглова.

Ты мнѣ не говори; свой такой же чадо былъ. Одинъ, видно, ихъ портной кроитъ. Одна разница: мой-то насъ мучилъ, мучилъ, да чуть не съ сумой оставилъ, а вашъ-то зарылся по горло въ деньгахъ и счетъ потерялъ, такъ и завязъ тамъ.

Ѳеона.

Да что̀ и деньги-то? Только грѣхъ одинъ. Хорошо, какъ въ руки попадутъ, а то, кто его знаетъ, что̀ у него на умѣ. Одинъ сынъ бѣжалъ изъ дому, Николай Ермилычъ-то.

Круглова.

Давно ли?

Ѳеона.

Бѣжалъ, матушка, бѣжалъ къ тещѣ. Еще на той недѣлѣ съѣхалъ. И кроткій человѣкъ, а не стерпѣлъ. Вѣришь ты, исхудалъ весь, ходитъ, да такъ всѣмъ тѣломъ и вздрагиваетъ. Да и жена его, женщина молодая, измѣнилась совсѣмъ; въ слезахъ встаетъ, въ слезахъ и ложится. Все старикъ ихъ наслѣдствомъ попрекаетъ: „Смерти моей, говоритъ, желаете, денегъ дожидаетесь, воли вамъ мало? Подождите, говоритъ, подождите; я съ своими коплеными не скоро разстанусь; прежде я васъ жить поучу, за свое добро надъ вами покуражусь такъ, что вы и деньгамъ не обрадуетесь".

Маланья.

А и аспидъ же онъ у васъ.

Ѳеона.

Аспидъ, какъ есть аспидъ! *(Ставитъ чашку на столъ.)* Благодарю покорно!

Круглова.

А еще?

Ѳеона.

Нѣтъ ужъ, въ волю напилась, сколько хотѣнья было. Еще дома, приду, пить буду. Что̀-жъ дѣлать отъ скуки-то? А сама что̀-жъ не пьешь?

Круглова.

Ужъ мы съ Агничкой напились. Это я такъ, съ тобой, ба-

лую. Маланья, убирай чай! *(Маланья принимаетъ самоваръ, подносъ съ чашками и уходитъ.)*

Ѳеона.

А вотъ Гриша у насъ, другой-то, матушка...

Круглова.

Знаю, знаю.

Ѳеона.

Не таковъ, озорноватъ; видно, въ батюшку удался.

Круглова.

Его-то хоть любитъ ли?

Ѳеона.

Никакъ нельзя его, матушка, любить-то; очень ужъ нескладенъ, да и безтолковъ такъ, что не накажи Господи! Одно только и знаетъ, что отцу въ ноги кланяться, а ужъ пить да буянить — другого не найдешь. Отъ этого отъ самаго-то зрѣніе у него притупилось. Какъ пріѣдетъ откуда пьяный, или привезутъ его, глаза вытаращитъ, какъ баранъ, уставится въ одну сторону, и давай передъ отцомъ лбомъ въ полъ стучать. Тотъ его проститъ, а онъ опять закатится. Чтò жалобъ на него было, чтò за него денегъ плачено! Вотъ недавно задурилъ; привезли его изъ какихъ теплыхъ мѣстовъ, ужъ не знаю, только связаннаго. И двое побитыхъ съ нимъ, да одного, говорятъ, въ Москвѣ-рѣкѣ топилъ. Ну, нечего дѣлать, заплатилъ отецъ побитымъ за изъянъ, а топущаго и которые его изъ воды тащили, еще и виномъ напоили, окромя денегъ. И сослалъ его отецъ на фабрику, чтобъ держали тамъ взаперти до усмиренія.

Круглова.

Эки дѣла! Какъ богатые-то купцы живутъ. Не позавидуешь и богатству-то ихъ.

Ѳеона.

Чтò, матушка, въ немъ завистнаго! Въ этомъ богатствѣ-то чужихъ слезъ больно много, вотъ онѣ и отзываются — до седьмого колѣна, говорятъ.

Круглова.

Значитъ, старикъ-то теперь одинъ; то-то онъ и повадился ко мнѣ ходить.

Θеона.

Почитай, что одинъ. Домъ-то у насъ старый, княжескій, комнатъ сорокъ — пусто таково; скажешь слово, такъ даже гулъ идетъ; вотъ онъ и бродитъ одинъ по комнатамъ-то. Вчера пошелъ въ сумерки, да и заблудился въ своемъ-то дому; кричитъ караулъ неблагимъ матомъ. Насилу я его нашла, да ужъ вывела. Это онъ со скуки къ тебѣ бродитъ. Гришу-то опять съ фабрики привезли, матушка, только больного. Докторъ ѣздитъ, да еще старичокъ-раскольникъ ходитъ, живыхъ линей ему къ подошвамъ прикладываетъ. На фабрикѣ-то у насъ слехторъ нѣмецъ, Вандеръ, и такой-то злой пить, что, кажется, какъ только утроба человѣческая помѣщаетъ; и что̀ ни пьетъ, все ему ничего, только-что еще лучше, все онъ цвѣтнѣй да глазастѣй становится. Ну, а нашъ-то еще молодъ и не перенесъ, и нашло на него ума помраченіе. Сталъ выбѣгать на балконъ да въ мужиковъ изъ ружья стрѣлять. Само собой, что не своей волей онъ это творилъ. Можетъ, они еще къ нему въ Москвѣ приступили, да намъ-то невдомекъ было. Стали, говоритъ, они кругомъ его сначала какъ шмели летать, а потомъ ужъ въ своемъ видѣ показались, какъ имъ быть слѣдуетъ. И все-то онъ теперь отъ нихъ прячется. Охъ, пойти! А то самъ-то, пожалуй, заругается.

Круглова.

Посиди. Кто-жъ у васъ дѣломъ-то правитъ?

Θеона.

Племянникъ, матушка.

Круглова.

Ипполитъ?

Θеона.

Онъ, матушка, онъ, Аполитъ. И по конторѣ, и по фабрикѣ все онъ.

Круглова.

Каковъ онъ парень-то? Я давно у тебя хотѣла спросить.

Θеона.

Мученикъ, матушка, одно слово. Страстотерпецъ. Одинъ за всѣхъ дѣло дѣлаетъ, покою не знаетъ, а кромѣ брани, себѣ ничего не видитъ.

Круглова.

Не пьетъ онъ?

Ѳеона.

И, что̀ ты, матушка! Ни маковой росинки. А должно, что запьетъ, я такъ полагаю, надо быть, въ скорости.

Круглова.

Отчего такъ?

Ѳеона.

Не стерпитъ, невозможно. У насъ все одно: что̀ честно себя содержи, что̀ пьянствуй — все одна цѣна-то; отъ хозяина добраго слова не дождешься; такъ что̀ за напасть, изъ чего себя сокращать-то? Прежде Аполитъ, все-таки, повеселѣе ходилъ, а теперь такой пасмурный, изъ всего видно, что запить сбирается. Ну, и деньгами бьется, бѣдный; положенія ему нѣтъ, а что̀ дастъ хозяинъ изъ милости.

Круглова.

Эко, бѣдный, а!

Ѳеона.

Да ты что̀ про него спрашиваешь-то? Аль сватаешь кого?

Круглова.

А хоть бы и сватаю; развѣ дурное дѣло?

Ѳеона.

Кто-жъ говоритъ. Ужъ ты не свою ли?

Круглова.

Что̀-жъ, и моя невѣста.

Ѳеона.

Ну, вотъ дуру нашла; повѣрю я, какъ же! Что̀ тебѣ за охота за подначальнаго человѣка?

Круглова.

Я и за хозяиномъ была, да горе-то видѣла. Разумѣется, попадется состоятельный человѣкъ, мы брезгать не станемъ.

Ѳеона.

Зачѣмъ брезгать! Давно и по всему видно, что твоей птичкѣ въ золотой клѣткѣ быть.

Круглова.

Ахъ, Ѳеонушка, клѣтка — все клѣтка, какъ ты ее ни золоти.

Ѳеона.

Что-то нашъ старикъ ужъ очень сталъ твою дочку похваливать.

Круглова.

Пущай его хвалитъ, намъ убытку нѣтъ.

Ѳеона.

Что̀-жъ не похвалить? И всякій похвалитъ. Да блажной, вѣдь, онъ старичишка-то; говоритъ такое, что̀ ему не слѣдуетъ. Вѣдь, ему давно за шестьдесятъ; она ему во внучки годится. А онъ, на-ко поди, ровно молоденькій.

Круглова.

Что̀ ты говоришь?

Ѳеона.

Будто ты его не знаешь? Отъ него все станется.

Круглова.

Ну, гдѣ же!

Ѳеона.

Да ужъ вѣрно, коли я говорю. Не въ первый разъ ему Москву-то срамить. Онъ, было, и за богатенькихъ брался, ума-то у него хватило, да мѣстахъ въ трехъ карету подали; вотъ теперь ужъ другое грезитъ. „Изберу я себѣ изъ бѣдныхъ, говоритъ, повиднѣе. Ей моего благодѣянія всю жизнь не забыть, да и я отъ ея родныхъ что̀ поклоновъ земныхъ увижу! Дѣвка-то дѣвкой, да и поломаюсь досыта“.

Круглова.

А, вѣдь, эти старики богатые только сами много мечтаютъ о себѣ, а ума въ нихъ нѣтъ.

Ѳеона.

Нѣтъ, матушка, нѣтъ, одинъ форсъ. А собьютъ съ него форсъ-то этотъ самый, такъ онъ, что̀ твоя ворона мокрая. Ай, батюшки! Засидѣлась я.

Круглова.

Прощай, Ѳеонушка! *(За сценой голосъ Агніи: „Ты не плачь, не тоскуй, душа-дѣвица“.)*

Ѳеона.

Это дочка, чай?

Круглова.

Агничка.

Ѳеона.

Веселенькая какая, Богъ съ ней. *(Входитъ Агнія.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Круглова, Өеона, Агнія.

Агнія.

Здравствуй, бабушка.

Өеона.

Здравствуй, родная! Что̀-жъ замолчала? Пой, день твой. Ты знаешь ли, что̀ въ тебѣ поетъ-то?

Агнія.

Что̀?

Өеона.

Воля. А вотъ, придетъ время, бросишь пѣсенки-то!

Агнія.

Да я въ неволю не пойду.

Өеона.

И рада-бъ не пошла, да коли такъ предуставлено. Счастливо оставаться! Что̀ вы меня не гоните? Прощайте! *(Уходитъ. Агнія садится къ пяльцамъ и задумывается.)*

Круглова.

Посовѣтуйся съ матерью-то! Что̀ ты все одна вздыхаешь? Я, вѣдь, тебѣ другъ, а нѐ врагъ.

Агнія.

Нѣтъ, маменька, боюсь расплачусь; а плакать — что̀ хорошаго. *(Работаетъ.)*

Круглова.

Сказать тебѣ новость?

Агнія.

Скажите!

Круглова.

Ты Ермилу Зотычу очень понравилась.

Агнія.

Ахъ! Убили!

Круглова *(улыбается)*.

Мое дѣло сказать тебѣ, а тамъ ужъ, какъ хочешь.

Агнія.

Ну да, ужъ, конечно.

Круглова.

Воли я съ тебя не снимаю.

Агнія (работая).

Покорнѣйше васъ благодарю.

Круглова.

Деньги никому еще на свѣтѣ не надоѣли.

Агнія.

Еще бы!

Круглова.

А какъ ихъ нѣтъ, такъ и подавно.

Агнія.

Что̀ и говорить!

Круглова.

Ну, и почетъ тоже что̀-нибудь да значитъ.

Агнія.

Само собой.

Круглова.

Завидный женихъ.

Агнія.

И спорить нечего.

Круглова.

Старъ только.

Агнія.

Ничего.

Круглова.

Да нравомъ лютъ.

Агнія.

Это у него, Богъ милостивъ, пройдетъ.

Круглова.

Да что̀ ты, вздурилась, что̀ ли?

Агнія.

А что̀?

Круглова.

Я такихъ рѣчей отъ тебя прежде не слыхивала.

Агнія.

И я отъ васъ не слыхивала. Коли вы шутите, ну, и я шучу; коли вы серьёзно, и я серьёзно.

Круглова.

Я пошутила, да ужъ и не рада стала. Кто тебя знаетъ, ты мудреная какая-то!

Агнія.

А вы не шутите въ другой разъ.

Круглова.

А ну, какъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, присватается?

Агнія.

Ужъ будто вы и словъ не найдете?

Круглова.

Словъ-то какъ не найти!

Агнія.

Такъ чего же вамъ еще?

Круглова.

А если онъ тебя спроситъ, ты что̀ скажешь?

Агнія.

Я дѣвушка-ангелъ, я скажу: „какъ маменькѣ угодно!"

Круглова.

Ну, и ладно. *(Входитъ Ипполитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Круглова, Агнія, Ипполитъ.

Ипполитъ.

Наше вамъ почтеніе-съ.

Круглова.

Здравствуй, голубчикъ. *(Агнія молча слегка кланяется.)* Садись, что̀ стоишь?

Ипполитъ *(садясь)*.

Собственно мнѣ некогда-съ; въ моментъ надо при дѣлѣ быть. За полученіемъ ѣду.

Круглова.

Подождутъ.

Ипполитъ.

Съ векселями ждутъ-то, а не съ деньгами-съ Полчаса промѣшкалъ, и лови его въ Красноярскѣ.

Круглова.

По-моему, ужъ лучше и не заходить, коли некогда. Что за порядокъ: повернулся да ушелъ. Терпѣть не могу.

Ипполитъ.

По направленію пути долженъ былъ мимо васъ ѣхать, такъ счелъ за невѣжество не зайти.

Круглова.

Ну, спасибо и за то. Что новенькаго?

Ипполитъ.

Старое по старому, а вновь ничего-съ.

Круглова.

Жалованье просить скоро будешь?

Ипполитъ.

Какъ его просить, коли и заикаться не велѣли. Вотъ, что дальше будетъ, посмотрю.

Круглова.

И дальше то же будетъ, коли зѣвать будешь. Приставай къ горлу — вотъ и все тутъ.

Ипполитъ.

Не на такихъ я правилахъ основанъ-съ.

Круглова.

Какъ хочешь! Я тебѣ добра желаю.

Ипполитъ.

А при всемъ томъ, я объ вашемъ разговорѣ подумаю-съ.

Круглова.

Думай! Не все тебѣ малолѣтнимъ быть! Что у тебя впереди-то?

Ипполитъ.

Сулитъ большое вознагражденіе. Только, если на него надѣяться, надо будетъ при своей мечтѣ въ большихъ дуракахъ остаться.

Круглова.

Въ дуракахъ-то бы ничего, какъ бы хуже не было!

Ипполитъ.

Конечно, я за собой наблюдаю, сколько есть силы возможности; а другой, на моемъ мѣстѣ, давно бы въ слабость

ударился и сейчасъ въ число людей, не стоящихъ вниманія, попалъ. Въ младенчествѣ на брань и на волосяную расправу терпимость есть; все это, какъ-будто, приличное къ этому возрасту. А ежели задумываешь объ своей солидности и хочешь себя въ кругу людей держать на виду, и вдругъ тебя назадъ осаживаютъ, почитай-что въ самую физіономію! Обидно!

Круглова.

Разумѣется, обидно.

Ипполитъ.

Ты, по своимъ трудамъ, хочешь быть въ уваженіи и по всѣмъ правамъ полнымъ гражданиномъ, и вдругъ тебя опять же на мальчишеское положеніе поворачиваютъ; тогда въ душѣ большіе перевороты бываютъ къ дурному.

Круглова.

А кто тебя держитъ? Ты, вѣдь, не крѣпостной у него.

Ипполитъ.

А куда же я пойду-съ? На триста рублей въ годъ въ лавку? И должен я лѣтъ пять биться въ самомъ ничтожномъ положеніи? Когда же я человѣкомъ буду во всей формѣ? Теперь, все-таки, одно лестно, что я при большомъ дѣлѣ, при богатомъ дядѣ въ племянникахъ. Все-таки, мнѣ почетъ.

Круглова.

Гдѣ? Въ трактирѣ?

Ипполитъ.

Хоша и въ трактирѣ.

Круглова.

Ну, такъ самъ виноватъ, нечего тебя и жалѣть!

Ипполитъ.

Можетъ, онъ когда и войдетъ въ чувство.

Круглова.

Дожидайся отъ него чувства-то!

Ипполитъ.

Я такъ понимаю, что мнѣ съ него тысячъ пятнадцать по всѣмъ правамъ слѣдуетъ.

Круглова.

Понимай, что хочешь, а слушать тебя скучно. Пойти работу взять. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Агнія, Ипполитъ.

Агнія.

Зачѣмъ же вы мнѣ лгали вчера, что вы не боитесь хозяина?

Ипполитъ.

Да ужъ очень обидно признаться-то-съ. Ну, и говоришь про себя, какъ лучше, чтобъ тебя за человѣка считали.

Агнія.

Вы трусъ, да и лгунъ еще. По вашему характеру, денегъ вы отъ хозяина не дождетесь, а вѣрнѣе всего, что онъ самъ васъ прогонитъ.

Ипполитъ.

Помилуйте, за что же? Въ такомъ случаѣ, противъ его невѣжества можно и самому невѣжливымъ быть.

Агнія.

Давно бы вамъ догадаться.

Ипполитъ.

Нешто вооружиться?

Агнія.

Вооружайтесь!

Ипполитъ.

Коли вы одобряете, такъ и будетъ-съ. Коль скоро человѣкъ своего должнаго не понимаетъ и словъ не чувствуетъ, надо ему на дѣлѣ доказать, чтобъ онъ отъ своего необразованія сколько-нибудь очувствовался.

Агнія.

Чѣмъ же вы ему докажете?

Ипполитъ.

Даже очень немногимъ-съ. Вотъ и сейчасъ онъ въ моихъ рукахъ. *(Показываетъ векселя.)* Всему только дѣлу остановка, что у меня совѣсти довольно достаточно.

Агнія.

И хорошо, что ея достаточно. Человѣка безсовѣстнаго любить нельзя.

Ипполитъ.

Хорошо, что вы мнѣ это заранѣе сказали-съ.

Агнія.

А вы не знали?

Ипполитъ.

Почемъ же я могу вашъ характеръ знать-съ? Обыкновенно у женщинъ больше такое понятіе-съ, что хоть на разбой ходи, только для нея и для дому будь добычникъ.

Агнія.

Я воровъ не люблю, а другія, какъ хотятъ — не мое дѣло.

Ипполитъ.

Значитъ, только изъ одного того, чтобъ любовь вашу заслужить?

Агнія.

Не говорите мнѣ о любви, пожалуйста!

Ипполитъ.

Почему же такъ-съ?

Агнія.

Я не хочу мальчика любить. Какой вы мужчина?

Ипполитъ.

По вашимъ словамъ, я самый ничтожный человѣкъ-съ?...

Агнія.

Это ваше дѣло.

Ипполитъ.

Ото всѣхъ въ презрѣніи.

Агнія.

Кто-жъ виноватъ?

Ипполитъ.

Замѣсто того, чтобъ мнѣ отъ васъ утѣшеніе...

Агнія.

Васъ станутъ бить, какъ мальчишку, а я должна васъ утѣшать! Да съ чего вы выдумали?

Ипполитъ.

Кто же меня пожалѣетъ-съ?

Агнія.

Мнѣ-то чтò за дѣло! Смѣяться надъ вами, а не жалѣть.

Ипполитъ.

Послѣ этого, ужъ только помирать остается на моемъ мѣстѣ.

Агнія.

Конечно, лучше.

Ипполитъ.

Стало-быть, вы обо мнѣ очень низкаго понятія?

Агнія.

Очень.

Ипполитъ.

Однако, такой ударъ отъ васъ! Я даже, какъ его перенести, не знаю.

Агнія.

Очень рада.

Ипполитъ.

И никакого, значитъ, къ человѣчеству снисхожденія?

Агнія.

И не ждите.

Ипполитъ.

Однакоже, влетѣлъ я ловко! Вотъ такъ обманъ для моихъ чувствъ! Ошибался я въ своей жизни...

Агнія *(отирая слезы).*

Не вы ошиблись, я ошиблась. Уйдите, пожалуйста! Уйдите, говорятъ вамъ. Стыдно мнѣ, взрослой дѣвушкѣ, не умѣть людей разбирать. Меня никто не тянулъ къ вамъ.

Ипполитъ.

Но позвольте мнѣ въ свое оправданіе...

Агнія.

Подите, подите!

Ипполитъ.

Но, однако, хоть малость пожалѣйте!

Агнія.

Послушайте! Нынче же выпросите себѣ у хозяина хорошее жалованье или отходите отъ него и ищите другое мѣсто! Если вы этого не сдѣлаете, лучше и не знайте меня совсѣмъ, и не кажитесь мнѣ на глаза!

Ипполитъ.

Это ужъ отъ васъ послѣднее слово-съ?

Агнія.

Послѣднее.

Ипполитъ.

Ну, такъ я знаю, что мнѣ дѣлать-съ. Я эту штуку давно въ умѣ держу.

Агнія.

Дѣлайте, что хотите, только честно.

Ипполитъ.

Это я не знаю, тамъ сами разсудите. Опосля, хоть голову съ меня снимите, только я отъ своего не отступлюсь.

Агнія.

Ваше дѣло.

Ипполитъ.

Такъ прощайте-съ!

Агнія *(кланяясь).*

Прощайте.

Ипполитъ.

Стало быть, прощанье сухое будетъ?

Агнія.

Это что еще?

Ипполитъ.

Хоша ручку-съ.

Агнія.

Ни одного пальчика. *(Входитъ Круглова.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Круглова, Агнія, Ипполитъ, *потомъ* Маланья.

Ипполитъ *(Кругловой).*

Поддержите-съ!

Круглова.

Въ чемъ?

Ипполитъ.

Хочу съ хозяиномъ войну начинать.

Агнія.

Не заплачьте передъ хозяиномъ, вмѣсто войны-то!

Ипполитъ.

Что за насмѣшки-съ! Нѣтъ ужъ, теперича душа моя горитъ.

Круглова.

Да я-то тутъ при чемъ? Не понимаю, голубчикъ.

Ипполитъ.

Черезъ полчаса я вамъ объясню въ точности. *(Входитъ Маланья и молча вздыхаетъ.)*

Агнія.

Какихъ чудесъ не бываетъ!

Ипполитъ.

Да, ужъ докажу себя передъ вами.

Маланья.

Дѣдинька идетъ.

Круглова.

Какой дѣдинька?

Маланья *(вздыхая)*.

Сѣденькій.

Ипполитъ.

Ужъ не хозяинъ ли?

Маланья.

Должно, что хозяинъ. Да онъ и есть; что̀ я говорю-то. *(Уходитъ.)*

Ипполитъ.

Вотъ, было, попался.

Круглова.

Пройдите чрезъ мою комнату и не встрѣтитесь. *(Ипполитъ уходитъ въ комнату Кругловой; Круглова встрѣчаетъ въ передней Ахова и входитъ вмѣстѣ съ нимъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Круглова, Агнія, Аховъ.

Круглова.

Пожалуйте, Ермилъ Зотычъ! Милости просимъ! *(Агнія кланяется.)*

Аховъ.

Да̀! Милости просимъ! Милости просимъ! За что̀ насъ вездѣ любятъ? Вездѣ: „милости просимъ!“

Круглова.

Ты думаешь, за богатство за твое?

Аховъ.

Притворяйся еще! Чтò ни толкуй, Өедосѣвна, а противъ другихъ отличка есть.

Круглова.

Ну, само собой.

Аховъ.

Бѣдный человѣкъ пришелъ, хочешь — ты имъ занимаешься, хочешь — прогонишь, а богатый хоша бы и невѣжество сдѣлалъ, ты его почитаешь. *(Указывая на Агнію.)* Работаетъ?

Круглюва.

Работаетъ.

Аховъ.

Да! Это хорошо.

Круглова.

Для скуки.

Аховъ.

А много-ль ей годовъ? Все я не спрошу у тебя.

Круглова.

Двадцат лѣтъ.

Аховъ.

Еще не стара. *(Тихо.)* Объ женихахъ думаетъ?

Круглова.

Ну, какіе женихи безъ приданаго?

Аховъ.

Такимъ Богъ невидимо посылаетъ

Круглова.

Чтò-то не слыхать.

Аховъ.

Нѣтъ, ты не говори, бываетъ... за добродѣтель. Особенно, которыя кроткія, покорныя, вдругъ откуда ни возьмется человѣкъ, чего и на умѣ не было, объ чемъ и думать-то не смѣли.

Круглова.

Бываетъ-то, бываетъ, да очень рѣдко.

Аховъ.

Молиться нужно хорошенько — вотъ и будетъ.

Круглова.

Да и то молимся

Аховъ.

Къ Пятницѣ Параскевѣ ходила?

Круглова.

Ходила.

Аховъ.

Ну, и жди. Только ты ужъ съ покорностью; посватается человѣкъ, особенно съ достаткомъ, сейчасъ и отдавай. Значитъ, такое опредѣленіе. А за бѣднаго не отдавай!

Круглова.

Что̀ за крайность!

Аховъ.

Мало ли дуръ-то? Выдать не долго, да что̀ толку? Есть и такія, которыя совсѣмъ своего счастья не понимаютъ черезъ гордость черезъ свою.

Круглова.

Мы не горды.

Аховъ.

Да чѣмъ вамъ гордиться-то? Богатый человѣкъ, ну, гордись, превозносись собой; а твое дѣло, Ѳедосѣвна, только кланяйся. Всѣмъ кланяйся и за все кланяйся, что̀-нибудь и выкланяешь, да и глядѣть-то на тебя всякому пріятнѣе.

Круглова.

Спасибо за совѣтъ! Дай Богъ тебѣ здоровья.

Аховъ

Вѣрно я говорю. Ты сирота и дочь твоя сирота; кто васъ призритъ, ну, и благодѣтель, и отецъ родной, ну, и кланяйся тому въ ноги. А не то, чтобы, какъ другія, отъ глупости чрезмѣрной, носъ въ сторону отъ благодѣтелевъ.

Круглова.

Да, ужъ не учи, знаю.

Аховъ.

Ты-то знаешь, тебѣ пора знать; тоже школу-то видѣла при покойномъ. Страхъ всякому человѣку на пользу; оттого ты и умна. А вотъ молодые-то нынче отъ рукъ отбиваются. Ты свою дочь-то въ страхѣ воспитывала?

Круглова.

Въ страхѣ, Ермилъ Зотычъ, въ страхѣ. Да вотъ поговори съ ней, а я пойду за Маланьей, посмотрю, что̀ она тамъ дѣлаетъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Агнія и Аховъ.

Аховъ.

Ну, объ чемъ же мы съ тобой говорить будемъ?

Агнія.

Объ чемъ хотите.

Аховъ.

Ты законъ знаешь?

Агнія.

Какой законъ?

Аховъ.

Обыкновенно, какой: какъ родителевъ почитать, какъ старшихъ?

Агнія.

Знаю.

Аховъ.

Да мало его знать-то, надобно исполнять.

Агнія.

Я исполняю: я все дѣлаю, что̀ маменькѣ угодно, изъ воли ея не выхожу.

Аховъ.

Вотъ такъ, такъ! Что̀ мать только тебѣ скажетъ, отъ самаго малаго и до самаго большого...

Агнія.

Да, отъ самаго малаго и до самаго большого...

Аховъ.

Вотъ за это люблю.

Агнія.

Покорно васъ благодарю.

Аховъ.

Да еще какъ люблю-то! Ты не гляди, что я старъ! Я ухъ какой! Ты меня въ скромности видишь, можетъ, такъ обо мнѣ и думаешь; въ насъ и другое есть. Какъ мнѣ вздумается, такъ себя и поверну; я все могу, могущественный я человѣкъ.

Агнія.

Пріятно слышать.

Аховъ.

Ты слыхала-ль, что есть такіе старики-прокураты, что на молоденькихъ женятся?

Агнія.

Какъ не слыхать! Я слышала, что есть такія и дѣвушки, которыя за стариковъ выходятъ.

Аховъ.

Ну, да это все одно.

Агнія.

Нѣтъ, не все одно. Старику пріятно жениться на молоденькой, а молоденькой-то что̀ за охота?

Аховъ.

Ты этого не понимаешь?

Агнія.

Не понимаю.

Аховъ.

Ну, я тебѣ растолкую.

Агнія.

Растолкуйте!

Аховъ.

Вотъ ты, напримѣръ, бѣдная, а пожить тебѣ хочется; ну, тамъ, какъ у васъ, по-женски? Салопъ, что̀ ли, какой, али шляпку, на лошадяхъ на хорошихъ проѣхать, въ колясkѣ въ какой модной.

Агнія.

Да, да. Ахъ, какъ хорошо!

Аховъ.

Ну, вотъ то-то же! Я душу-то твою всю насквозь вижу; что̀ на умѣ-то у тебя, все знаю. Вотъ и думаешь: „выйду я за бѣднаго, всю жизнь буду въ забвеніи жить; молодой да богатый меня не возьметъ: дай-ка, я послушаю умныхъ людей да выйду за старичка съ деньгами". Такъ, вѣдь, ты разсуждаешь?

Агнія.

Такъ, такъ.

Аховъ.

„Старикъ-то мнѣ, молъ, за любовь мою и того, и сего". *(Очень серъезно.)* Какіе подарки дѣлаютъ! Страсть!

Агнія.

Неужели?

Аховъ.

Тысячные, я тебѣ говорю, тысячные! Еще покуда женихами, такъ каждый вечеръ и возятъ, и возятъ!

Агнія.

Вотъ жизнь-то!

Аховъ.

Да это еще что! А какъ женится-то, вотъ тутъ-то женѣ житье, тутъ-то веселье!

Агнія.

Да, да.

Аховъ.

Что? Лестно?

Агнія.

Какъ же не лестно! Ни горя, ни заботы, только наряжайся.

Аховъ.

Весело, небось?

Агнія.

Очень весело. Да и то еще пріятно думать, что вотъ черезъ годъ, черезъ два, мужъ умретъ, не два же вѣка ему жить; останешься ты молодой вдовой съ деньгами на полной свободѣ, чего душа хочетъ.

Аховъ.

Ну, это ты врешь; сама, можетъ, прежде умрешь.

Агнія.

Ахъ, извините!

Аховъ.

Ты все хорошо говорила, а вотъ послѣднимъ-то и изгадила. Ты этого никогда не думай и на умѣ не держи. Это грѣхъ, великій грѣхъ! Слышишь?

Агнія.

Я и не буду никогда думать; это такъ, съ языка сорвалось. Я стану думать, что молодые прежде умираютъ.

Аховъ.

Да, ну, вотъ такъ-то лучше.

Агнія.

Вы, пожалуйста, этого маменькѣ не говорите.

Аховъ.

Что, боишься?

Агнія.

Боюсь.

Аховъ.

Это хорошо. Страхъ имѣть — это для человѣка всего лучше.

Агнія.

А вы имѣете?

Аховъ.

Да мнѣ предъ кѣмъ? Да и не надо, я и такъ уменъ. Мужчинѣ страхъ на пользу, коли онъ подначальный, а бабѣ — всякой и всегда. Ты и матери бойся, и мужа бойся, вотъ и будетъ тебѣ отъ умныхъ людей похвала.

Агнія.

Чего лучше. *(Входитъ Круглова.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Агнія, Аховъ, Круглова.

Аховъ.

Ну, теперь я васъ понялъ обѣихъ, что̀ вы за люди.

Круглова.

И слава Богу, Ермилъ Зотычъ.

Аховъ *(встаетъ).*

Я теперь у васъ запросто, а ужо къ вечеру ждите меня гостемъ, великимъ гостемъ.

Круглова.

Будемъ ждать.

Аховъ.

Ты не трaться очень-то! Зачѣмъ?

Круглова.

Это ужъ мое дѣло.

Аховъ.

Думала ли ты, гадала ли, что я тебя такъ полюблю?

Круглова.

И во снѣ не снилось.

Аховъ.

Ну, прощайте! Покуда что̀ разговаривать! Будетъ время. *(Агніи.)* Прощай, милая!

Агнія.

Прощайте, Ермилъ Зотычъ! *(Аховъ и Круглова подходятъ къ двери.)*

Аховъ.

А дочь у тебя умная.

Круглова.

И я ее хвалю.

Аховъ.

А, вѣдь, другія есть... наказанье! Мать — свое, она — свое. Никому смотрѣть не мило. *(Агніи.)* Слушай ты меня! Коли что̀ тебѣ мать приказываетъ, ужъ тутъ перстъ видимый!

Агнія.

Конечно.

Аховъ.

Ну, прощайте! *(Уходитъ и возвращается.)* Ты какимъ это угодникамъ молилась, что тебѣ такое счастье привалило.

Круглова.

За простоту мою. *(Аховъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Круглова и Агнія.

Круглова.

Была-ль я жива, ужъ не знаю.

Агнія.

Кабы вы послушали, онъ мнѣ тутъ горы золотыя сулилъ.

Круглова.

Про горы-то золотыя онъ мастеръ разсказывать, а про слезы ничего не говоритъ, сколько его жена покойная плакала.

Агнія.

Нѣтъ, промолчалъ.

Круглова.

А есть, что̀ послушать. Дома-то плакать не смѣла, такъ въ люди плакать ѣздила. Сберется, будто, въ гости, а сама заѣдетъ то къ тому, то къ другому, поплакать на свободѣ. Бывало, пріѣдетъ ко мнѣ, въ постель бросится, да и зали-

вается часа три, такъ я ее и не вижу; съ тѣмъ и уѣдетъ, только здравствуй да прощай. Будто за дѣломъ пріѣзжала. Да будетъ тебѣ работать-то!

Агнія.

И то кончила. *(Покрываетъ работу и уходитъ. Входитъ Ипполитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Круглова, Ипполитъ, *потомъ* Маланья.

Ипполитъ.

Скоро я слеталъ-съ? А еще въ Московскій забѣжалъ, два полуторныхъ коньяку протащилъ.

Круглова.

Это зачѣмъ же?

Ипполитъ.

Для куражу-съ. Какъ на вашъ взглядъ-съ, ничего не замѣтно?

Круглова.

Ничего.

Ипполитъ.

Ну, и ладно. А куражъ великъ! Выпилъ на полтину серебра, а смѣлости у меня рублей на десять прибыло, коли не больше.

Круглова.

Купленая-то смѣлость не надежна.

Ипполитъ.

Коли своей мало, такъ за неволю прикупать приходится. Позвольте-ка, я въ зеркало погляжусь. *(Оправляется передъ зеркаломъ.)* Ничего, все въ аккуратѣ. Прощайте-съ! Можетъ, со мной что̀ неладно будетъ, такъ не поминайте лихомъ!

Круглова.

Ты, въ самомъ дѣлѣ, глупостей-то не затѣвай!

Ипполитъ.

Никакихъ глупостей! Однакожъ, и такъ жить нельзя. Давешнія слова вашей дочки у меня вотъ гдѣ! *(Ударяетъ себя въ грудь.)* Да, вотъ что̀! Поберегите это покудова. *(Подаетъ толстый пакетъ.)*

Круглова.

Чтò это? Деньги?

Ипполитъ.

Деньги-съ.

Круглова.

Не возьму, не возьму, чтò ты? Можетъ, это хозяйскія?

Ипполитъ.

Не ваше это дѣло-съ! Мои собственныя.

Круглова.

Еще съ тобой въ бѣду попадешь.

Ипполитъ.

Да, помилуйте, нѣшто у меня духу достанетъ вамъ непріятное сдѣлать? Я на себя не надѣюсь, человѣкъ пьяный, отдамъ вамъ подъ сохраненіе на одинъ часъ времени. А тамъ мои ли, хозяйскія ли — вамъ все одно.

Круглова.

Не возьму.

Ипполитъ.

Ахъ! Не понимаете вы меня. Я сейчасъ оставлю у васъ деньги, явлюсь къ хозяину: такъ и такъ, потерялъ пьяный. Чтò онъ со мной сдѣлаетъ?

Круглова.

Ишь, чтò придумалъ! Нѣтъ, ужъ ты меня не путай!

Ипполитъ.

Такъ не возьмете?

Круглова.

Ни за чтò на свѣтѣ.

Ипполитъ.

А коли такъ-съ... *(Громко.)* Маланья, ножикъ!

Круглова.

Чтò ты? Чтò ты? *(Маланья подаетъ ножъ и уходитъ.)*

Ипполитъ *(беретъ ножъ)*.

Ничего, не бойтесь! *(Кладетъ ножъ въ боковой карманъ.)* Только и всего-съ.

Круглова.

Чтò отъ тебя будетъ, смотрю я.

Ипполитъ.

А вотъ чтò-съ! У васъ рука легка?

Круглова.

Легка.

Ипполитъ.

Пожалуйте на счастье! *(Беретъ руку Кругловой.)* Только всего-съ. Прощенья просимъ. *(Уходитъ.)*

Круглова.

Напрасно мы его давеча подзадоривали на хозяина. Эти головы мѣры не знаютъ: либо онъ молчитъ, хошь ты его бей, либо того натворитъ, что съ нимъ наплачешься. Пословица-то эта про нихъ говорится: заставь дурака Богу молиться, такъ онъ себѣ лобъ разобьетъ. *(Уходитъ.)*

Сцена 3-я.

ЛИЦА:

Аховъ.
Ипполитъ.
Ѳеона.

Небольшая комната въ домѣ Ахова, въ родѣ кабинета; мебель дорогая и прочная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ѳеона и Ипполитъ.

Ѳеона.

Войди, Аполитъ, войди!

Ипполитъ.

И то войду. Чтò хозяинъ дѣлаетъ?

Ѳеона.

Спитъ покуда. Да хошь бы и не спалъ, не съѣстъ онъ тебя.

Ипполитъ.

Знаю, что не съѣстъ. Толкуй еще!

Ѳеона *(вглядываясь)*.

Что это ты, словно...

Ипполитъ.

А чтò?

Ѳеона.

Да не въ своемъ разумѣ.

Ипполитъ.

Мудренаго нѣтъ; потому какъ я запилъ.

Ѳеона.

Слава Богу! Есть чѣмъ хвастаться.

Ипполитъ.

Ты еще погоди, то ли отъ меня будетъ.

Ѳеона.

Не удивишь, братъ, никого. Давно ужъ отъ тебя этого ожидать надо было.

Ипполитъ.

По какимъ такимъ примѣтамъ?

Ѳеона.

Потому задумываться ты сталъ не въ мѣру.

Ипполитъ.

Это я отъ любви отъ чрезвычайной.

Ѳеона.

А отъ любви развѣ не запиваютъ, особенно, коли неудача, братъ?

Ипполитъ.

Мнѣ-то неудача? Не надѣюсь; потому я по этимъ дѣламъ...

Ѳеона.

Ну, да, вѣдь, ужъ какъ же! Держи карманъ-то шире! И не такихъ, какъ ты, молодцовъ за носъ-то водятъ.

Ипполитъ.

Я даже вниманія не возьму говорить-то съ тобой объ этомъ.

Ѳеона.

Какъ тебѣ можно со мной разговаривать? Больно высокъ сталъ. Какимъ чиномъ пожаловали, не слыхать ли?

Ипполитъ.

При чинѣ я все при томъ же, а про любовь свою никому не объясню; это пущай въ тайнѣ сердца моего останется. Ежели кто можетъ понимать, статья высокая.

Ѳеона.

Ну, да. Прынцеса какая-нибудь, гляди. Ужъ никакъ не меньше. А я такъ полагаю: богатыя по богатымъ разойдутся, умныя по умнымъ, а вашему брату валёжникъ останется подбирать.

Ипполитъ.

Ни богатыя, ни умныя отъ насъ не уйдутъ.

Ѳеона.

Гдѣ уйти! Всѣ твои будутъ, ты всѣхъ такъ и заполонишь. Одна твоя бѣда, умомъ ты у насъ не вышелъ.

Ипполитъ.

Это я-то?

Ѳеона.

Ты-то?

Ипполитъ.

Я такъ полагаю, что я никого на свѣтѣ не глупѣе.

Ѳеона.

Ну, какой въ тебѣ умъ? Дѣломъ тебѣ надо заниматься, а ты про любовь въ головѣ держишь. И вся эта мечта твоя ни къ чему хорошему не ведетъ, окромя къ пьянству. Сколько еще въ тебѣ, Аполитка, глупости этой самой, страсть! Учать тебя, учать, а все еще она изъ тебя не выходитъ.

Ипполитъ.

Ну, всѣ теперь твои наставленья къ жизни я слышалъ, или еще чтò у тебя осталось?

Ѳеона.

Да, вѣдь, чтò стѣнѣ горохъ, чтò вамъ слова — все одно; такъ чтò и языкъ-то трепать напрасно.

Ипполитъ.

И какъ это довольно глупо, чтò ты говоришь. Ты чтò видѣла на свѣтѣ? Кругомъ себя на аршинъ. А я весь кругъ дѣла знаю. Какія въ тебѣ понятія къ жизни или къ любви? Никакихъ. Развѣ есть въ тебѣ образованіе или эти самыя чувства? Чтò въ тебѣ есть? Одна закоренѣлость, только и всего. А еще ты меня учишь жить, когда я въ полномъ совершенствѣ теперь и лѣтъ, и всего.

Ѳеона.

Твое при тебѣ и останется.

Ипполитъ.

Значитъ, всей этой матеріи конецъ; давай новую начинать! Сердитъ дяденька?

Ѳеона.

Нѣтъ, кто его знаетъ, что-то веселъ, братъ. Все ходитъ да смѣется.

Ипполитъ.

Чтò за чудеса?

Ѳеона.

Да и то чудеса. Нагналъ это сегодня изъ города небельщиковъ, обойщиковъ; весь домъ хочетъ заново передѣлывать. Бороду подстригъ, сертукъ короткій надѣлъ.

Ипполитъ.

Чтò-жъ, онъ рехнулся, чтò ли? Подъ старость-то, говорятъ, бѣсятся.

Ѳеона.

Есть чтò-то у него на умѣ; только кто его пойметъ. Темный онъ человѣкъ-то.

Ипполитъ.

Да кому нужно понимать-то его? Пусть творитъ, чтò чуднѣе. У человѣка умнаго можно понять всякое дѣло, потому у него ко всему есть резонъ; а если у человѣка все основано на одномъ только необразованіи, значитъ, онъ какъ во снѣ, кто же его пойметъ? Даже мнѣ ужъ теперь все одно, какъ онъ ни чуди.

Ѳеона.

Отчего-жъ такъ?

Ипполитъ.

Всему конецъ, прощай навѣкъ!

Ѳеона.

Неужто оставить насъ хочешь?

Ипполитъ.

И даже — такъ, что глаза закроются навѣкъ, и сердце биться перестанетъ.

Ѳеона.

Чтò ты говоришь только? Нескладный!

Ипполитъ *(печально качая головой)*.

Черный вòронъ, чтò ты вьешься надъ моею головой?

Ѳеона.

Да батюшки! Въ умѣ ли ты?

Ипполитъ.

Всему конецъ, прости навѣкъ.

Ѳеона.

Ахъ, Аполитка, Аполитка, хорошій ты парень, а зачѣмъ это только ты такъ ломаешься? Къ чему ты не отъ своего ума слова говоришь, важность эту на себя напускаешь?

Ипполитъ.

Это много выше твоего разума. Есть люди глупые и закоснѣлые; а другіе желаютъ, въ своихъ понятіяхъ и чувствахъ, быть выше.

Ѳеона.

Вотъ отъ глупыхъ-то ты отсталъ, а къ умнымъ-то не присталъ, такъ и мотаешься.

Ипполитъ.

Ну, да ладно. Когда дяденька проснется, скажи мнѣ. Всему конецъ, прости навѣкъ! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ѳеона, *потомъ* Аховъ.

Ѳеона.

Гриша совсѣмъ рехнулся, вотъ и этотъ на линіи, да и старикъ бѣсится. Самъ рядится, домъ отдѣлываетъ, не нынче, такъ завтра, того и гляди пѣтухомъ запоетъ, либо собакой залаетъ. Эка семейка пріятная! Разсадить ихъ на цѣпь по разнымъ комнатамъ, да и любоваться на нихъ ходить. По крайности, дома свой звѣринецъ будетъ; за деньги можно показывать. *(Голосъ Ахова: „Ѳеона!“)* Проснулся чадо-то. *(Голосъ Ахова: „Ѳеона, ты здѣсь?“)* Ну, заблудился никакъ опять? Здѣсь! *(Аховъ выходитъ.)*

Аховъ.

Чтò ты здѣсь дѣлаешь?

Ѳеона.

Одно у меня дѣло-то: сидѣть да въ пустой уголъ глядѣть.

Аховъ.

Ну, такъ я тебѣ другое найду.

Өеона.

Найди, сдѣлай милость, одурѣешь такъ-то.

Аховъ.

И чтобъ это сейчасъ: одна нога здѣсь, а другая тамъ. Ты вотъ снеси къ Дарьѣ Өедосѣевнѣ этотъ самый презентъ и скажи: молъ, Ермилъ Зотычъ приказали вамъ отдать въ знакъ вашей ласки! Слышишь? Ты такъ и скажи: въ знакъ вашей ласки! Ну, ка́къ ты скажешь, старая?

Өеона.

Молодой! Авось, не проповѣдь какая! Умѣю сказать-то!

Аховъ.

Да, можетъ, онѣ безъ вниманія возьмутъ, такъ ты заставь ихъ разсмотрѣть хорошенько.

Өеона.

Да, ужъ разсмотримъ, разсмотримъ, только давай!

Аховъ *(отдаетъ коробочку)*.

Ты ихъ тычь носомъ-то хорошенько, чтобъ чувствовали, что это, молъ, денегъ сто́итъ.

Өеона.

Ну, еще бы!

Аховъ.

Тысячи сто́итъ. Сами-то вы того, молъ, не сто́ите, что̀ вамъ дарятъ.

Өеона.

Ну да, ужъ какъ же!

Аховъ.

Кажется, молъ, можно чувствовать! Можетъ, не почувствуютъ, такъ ты имъ объясни: что вотъ купилъ я, деньги бросилъ большія, такъ чтобъ знали онѣ... Что можно имъ дрянь какую подарить, и то онѣ очень довольны будутъ, а что я вотъ что̀... Такъ чтобъ ужъ... ну, въ ноги не въ ноги, а чтобъ было въ нихъ это чувство: что вотъ, молъ, какъ насъ... чего мы и не сто́имъ! Ты пойми! Чтобъ я не даромъ бросилъ деньги-то, чтобъ видѣлъ я отъ нихъ, изъ лица изъ ихъ, что я вотъ ихъ въ родѣ какъ жалую свыше всякой мѣры. А то, вѣдь, жалко денегъ-то, ежели такъ, безо вниманія. Можетъ, онѣ въ душѣ-то и почувствуютъ, да ежели не выкажутъ, такъ все одно, что̀ ничего. А чтобъ видѣлъ я

въ нихъ это самосознаніе, что нестоящіе онѣ люди, и что я вотъ кому хочу, тому и даю, не взирая.

Ѳеона.

Да ужъ поймемъ, поймемъ.

Аховъ.

А ежели начнутъ у тебя про меня спрашивать, вывѣдывать что̀, такъ ты все къ лучшему, и такъ меня рекомендуй, что я очень добрый. А ежели что̀ про семью знаютъ, такъ говори, что все отъ дѣтей, что разбойники, молъ, уродились; характеромъ, молъ, не въ отца, а въ мать, покойницу.

Ѳеона.

Ну, ужъ не въ мать.

Аховъ.

Ты чей хлѣбъ ѣшь? Какое ты свое разсужденіе имѣть смѣешь? Коли я даю тебѣ приказъ, должна ты его исполнять?

Ѳеона.

Да ужъ хорошо.

Аховъ.

Ну, и все, и ступай!

Ѳеона.

Аполитъ у насъ повредился.

Аховъ.

А кому печаль? Пущай его. Что̀ ты мнѣ объ немъ разсказываешь, коли я тебя не спрашиваю? Можетъ, я не хочу его и въ мысляхъ держать? Онъ теперича мнѣ и вовсе не нуженъ. Я всѣ дѣла кончаю, фабрику сдаю компаньону, такъ, значитъ, на что̀-жъ мнѣ Ипполитъ? Прогоню его, вотъ и конецъ. Нешто я долго съ нимъ разговаривать стану? Эка велика птица твой Ипполитъ! Оченно мнѣ нужда до него! Ты свое дѣло дѣлай, что̀ тебѣ приказано, а съ хозяиномъ разговаривать не лѣзь, чего тебя не спрашиваютъ. Оченно мнѣ интересно! Тебя съ разговорами-то и по затылку можно! Пошла!

Ѳеона.

Иду.

Аховъ.

Стой! Слышишь ты? Коли спросятъ, рекомендуй меня такъ, что я самый добрый человѣкъ.

Өеона.

Слушаю. *(Уходитъ.)*

Аховъ.

Ипполита я сейчасъ же съ двора долой. Потому мнѣ теперь въ домѣ такихъ скакуновъ держать не приходится. Больно они, подлецы, съ бабами ласковы. И говоритъ-то съ молодой бабой или дѣвкой не такъ, какъ съ прочими людьми. Языкъ-то свой точно петлей сдѣлаетъ — такъ и опутываетъ, такъ и захлестываетъ, мошенникъ. А бабамъ-то любо; и скалятъ, и скалятъ зубы-то на ихъ розсказни. Я Ипполитку и ко двору-то близко не подпущу. Они, вѣдь, оглашенные, благодѣтелевъ не разбираютъ, имъ все одно. А тутъ это родство дальнее, десятая вода на киселѣ, еще хуже. Будь она ему просто хозяйка, онъ бы въ другой разъ и подойти не смѣлъ, а тутъ „тетенька“, да „тетенька“. Да этакъ, глядя на нихъ, въ чахотку придешь. Нѣтъ, шабашъ! Съ двора его долой! *(Входитъ Ипполитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Аховъ и Ипполитъ.

Аховъ.

Ты зачѣмъ?

Ипполитъ.

Къ вамъ, дяденька-съ.

Аховъ.

Какъ же ты смѣешь, коли я тебя не звалъ?

Ипполитъ.

Стало-быть, мнѣ нужно.

Аховъ *(строго).*

А мнѣ не нужно, такъ поди вонъ!

Ипполитъ.

Но, однако, я желаю...

Аховъ.

Поди вонъ, говорятъ тебѣ!

Ипполитъ.

Но, позвольте-съ! Коль скоро я пришелъ...

Аховъ.

Коль скоро ты пришелъ, толь скоро и уйдешь.

Ипполитъ.

Я не съ тѣмъ, чтобъ... а какъ собственно...

Аховъ.

Долго ты будешь разговаривать? Знай свое мѣсто, контору! Какъ ты смѣешь лѣзть къ хозяину? Развѣ у меня только дѣловъ-то, что ты? Видѣлъ я твою образину сегодня, и будетъ съ меня! Значитъ, поди вонъ безъ разговору!

Ипполитъ.

Нѣтъ, ужъ это надо оставить. Коль скоро я пришелъ, такъ ужъ вонъ не пойду.

Аховъ.

А вотъ я тебя за вихоръ.

Ипполитъ.

Не то чтò за вихоръ, пальцемъ тронуть не позволю.

Аховъ.

Какъ! Ты бунтовать?

Ипполитъ.

Хоша бы и бунтовать. Потому, главная причина, на это законъ теперь есть и права.

Аховъ.

Какой для тебя законъ писанъ, дуракъ? Кому нужно для васъ, для дряни, законы писать? Какія такія у тебя права, коли ты мальчишка, и вся цѣна тебѣ грошъ? Ужъ очень много вы о себѣ думать стали! Написаны законы, а вы думаете это про васъ? Мелко плаваете, чтобы для васъ законы писать. Вотъ покажутъ тебѣ законы! Для васъ законъ — одна воля хозяйская, а особенно, когда ты сродственникъ. Ты поговорить пришелъ, милый? Ну, говори, говори, я слушаю; только не пеняй потомъ, коли солоно придется. Чтò тебѣ надо?

Ипполитъ.

Я насчетъ жалованья.

Аховъ.

Какого жалованья? Ты по какому уговору жилъ?

Ипполитъ.

Кто-жъ теперь себѣ врагъ, чтобъ сталъ даромъ служить?

Аховъ.

Такъ не служи, кто тебя держитъ? Оно и пристойнѣе тебѣ будетъ самому убраться, пока тебя въ три шеи не прогнали.

Ипполитъ.

А это, что̀ я жилъ, значитъ втунѣ?

Аховъ.

Да развѣ ты за деньги жилъ? Ты жилъ по-родственному.

Ипполитъ.

А работалъ?

Аховъ.

Еще бы тебѣ не работать! На печи, что̀-ль, лежать? Ты по-родственному служилъ, я по-родственному помогалъ тебѣ, сколько моей къ тебѣ милости было. Чего-жъ еще тебѣ?

Ипполитъ.

По напредки я на такомъ положеніи жить не согласенъ.

Аховъ.

Да напредки мнѣ тебя и не нужно. Отдай завтра отчетъ и убирайся.

Ипполитъ.

За всю мою службу я долженъ слышать отъ васъ одно, что убирайся?

Аховъ.

Не хочешь убираться, такъ жди, пока метлами не прогонятъ. Это твоя воля.

Ипполитъ.

А награжденіе-съ?

Аховъ.

Ну, это я еще подумавши. За что̀ это награжденіе? За грубости-то? Васъ дяденька вонъ приглашаютъ, а вы нейдете. И за это вамъ награжденіе?

Ипполитъ.

Однако, обѣщали.

Аховъ.

Обѣщалъ посулить, да теперь раздумалъ. Аль ты мало наворовалъ, что награжденія просишь?

Ипполитъ.

Этому я не подверженъ и морали брать на себя не хочу.

Аховъ.

Связался я съ тобой говорить, а говорить мнѣ тошно. Либо ты глупъ, либо ты меня обманываешь. Русской пословицы ты не знаешь: воруй, да концы хорони? Не знаешь? Повѣрю я тебѣ, какъ же! А коли, въ самомъ дѣлѣ, ты, живя у меня, ничего не нажилъ, такъ кто-жъ виноватъ? Цѣна вамъ, братъ, всѣмъ одна, Лазаремъ ты мнѣ не прикидывайся! На честность твою я, братъ, не разчувствуюсь, потому ничѣмъ ты меня въ ней не увѣришь. Отчего вамъ хозяева мало жалованья даютъ? Оттого, что сколько тебѣ ни дай, ты все воровать будешь; такъ хоть на жалованьѣ хозяину-то выгоду соблюсти. А награжденьемъ васъ, дураковъ, манятъ, чтобъ вы хоть немножко совѣсть помнили, поменьше грабили.

Ипполитъ.

Значитъ, вы, дяденька, и сами обманываете, и желаете, чтобъ васъ обманывали? Жаль, поздно сказали. Но я былъ совсѣмъ на другихъ правилахъ, и по тому самому считаю за вами, по крайности, тысячъ пятнадцать.

Аховъ.

Считай больше, считай больше, ужъ все одно. Двухъ грошей мѣдныхъ я тебѣ, милый, не дамъ. Чтò я за дуракъ!

Ипполитъ.

За всю мою службу мнѣ отъ васъ такой результатъ?

Аховъ.

Это чтò еще за слово дурацкое? Ты меня словами не удивишь!

Ипполитъ.

Я не словами, я вамъ дѣломъ докажу, сколь много я противъ васъ благодарнѣе. *(Подаетъ Ахову деньги.)*

Аховъ.

Ты это по векселямъ получилъ?

Ипполитъ.

По векселямъ-съ.

Аховъ.

Какое же тутъ твое благородство, коли это твоя обязанность?

Ипполитъ.

Ваша обязанность мнѣ за службу заплатить, а вы не пла-

тите, все одно и я на тѣхъ же правахъ. Деньги подъ сокрытіе, а вамъ доложить, что потерялъ ихъ, пьяный...

Аховъ.

Объ двухъ ты головахъ, что̀ ли?

Ипполитъ.

Дѣло обмозговано, страшнаго нѣтъ-съ. Даже, можетъ, съ адвокатами совѣтъ былъ. Дѣйствуй, говорятъ, оправимъ. Но не безпокойтесь, я сейчасъ разсудилъ, что не ко времени мнѣ деньги. Потому все тлѣнь. Мнѣ ужъ теперь отъ васъ ничего не нужно; будете силой навязывать, такъ не возьму. Во мнѣ теперь одна отчаянность дѣйствуетъ. Былъ человѣкъ, и вдругъ стала земля... значитъ, на что̀ же деньги? Ихъ съ собой туда не возьмешъ.

Аховъ.

Это правда, что не возьмешь. Только, ежели тебя связать теперь, такъ я полагаю, что дѣло будетъ вѣрнѣе.

Ипполитъ.

Теперича ужъ поздно меня вязать.

Аховъ.

Нѣтъ, я думаю, самое время.

Ипполитъ.

Ошибетесь.

Аховъ.

Неужели? А что̀ же ты сдѣлаешь?

Ипполитъ *(вынимаетъ изъ кармана ножъ).*

А вотъ сейчасъ — разъ! *(Показываетъ на свою шею.)* Чикъ — и земля.

Аховъ *(въ испугѣ).*

Что̀ ты дѣлаешь, мошенникъ? Что̀ ты, что̀ ты? *(Топаетъ на одномъ мѣстѣ ногами.)*

Ипполитъ.

Глаза закроются навѣкъ, и сердце биться перестанетъ.

Аховъ.

Вотъ я тебя! Вотъ я тебя! *(Топаетъ.)*

Ипполитъ.

Чѣмъ вы меня, дяденька, испугать можете, коли я самъ своей жизни не радъ? Умерла моя надежда, и скончалася лю-

бовь — значитъ, всему конецъ. Ха-ха-ха! Я теперича жизнь свою жертвую, чтобы только люди знали, сколь вы тиранъ для своихъ родныхъ.

Аховъ.

А вотъ я людей кликну, да за полиціей пошлю.

Ипполитъ.

Невозможно. Потому, ежели вы съ мѣста тронетесь или хоть одно слово, я сейчасъ — чикъ, и конецъ.

Аховъ.

Чтò же ты со мной дѣлаешь, разбойникъ? Ипполитъ, послушай! Послушай ты меня: поди разгуляйся, авось тебя вѣтромъ обдуетъ. *(Про-себя.)* Съ двора-то его сбыть, а тамъ рѣжься, сколько душѣ угодно!

Ипполитъ.

Нѣтъ, дяденька, эти шутки надо вамъ оставить; у насъ съ вами въ сурьёзъ пошло.

Аховъ.

Въ сурьёзъ?

Ипполитъ.

Въ сурьёзъ.

Аховъ.

Ну, а коли въ сурьёзъ, такъ давай и говорить сурьёзно. А я думалъ, ты шутишь.

Ипполитъ.

Стало-быть, мнѣ не до шутокъ, когда булатъ дрожитъ въ моей рукѣ.

Аховъ.

Чтò-жъ тебѣ отъ меня нужно?

Ипполитъ.

Разочтите, какъ слѣдуетъ.

Аховъ.

Какъ слѣдуетъ? Мало ли, чтò тебѣ слѣдуетъ? Ты говори толкомъ.

Ипполитъ.

Вотъ и весь будетъ толкъ! *(Вынимаетъ изъ кармана бумагу.)* Подпишите!

Аховъ.

Чтò-жъ это за бумага? Къ чему это?

Ипполитъ.

Аттестатъ.

Аховъ.

Какой такой аттестатъ?

Ипполитъ.

А вотъ: что, живши я у васъ въ приказчикахъ, дѣло зналъ въ точности, велъ себя честно и благородно, даже сверхъ границъ.

Аховъ.

Все это тутъ и прописано?

Ипполитъ.

Все и прописано. Жалованья получалъ двѣ тысячи въ годъ.

Аховъ.

Это когда же?

Ипполитъ.

Такъ только, для видимости. Ежели я къ другому мѣсту...

Аховъ.

Да? Людей обманывать? Ну, пущай. Ничего — можно.

Ипполитъ.

И по окончаніи, за свое усердіе, выше мѣры, награжденіе получилъ пятнадцать тысячъ...

Аховъ.

Тоже для видимости?

Ипполитъ.

Нѣтъ, ужъ это въ подлинности.

Аховъ.

Да что̀ въ подлинности-то? Рублевъ пятьсотъ, чай, за глаза?

Ипполитъ.

Всѣ полнымъ числомъ-съ.

Аховъ.

Нѣтъ, ужъ это, братъ, шалишь!

Ипполитъ.

Ежели вы опять за свою политику, такъ, вѣдь, вотъ онъ! *(Показываетъ ножъ.)* Сейчасъ — чикъ, и конецъ.

Аховъ.

Да что̀ ты все — чикъ да чикъ! Наладилъ!

Ипполитъ.

Отчаянность!

Аховъ.

Тысячу рублей — и шабашъ! Давай подпишу.

Ипполитъ.

Ежели мнѣ моя жизнь не мила, такъ развѣ отъ тысячи рублей она мнѣ пріятнѣй станетъ? Мнѣ жить тошно, я вамъ докладывалъ; мнѣ теперь, чтобъ опять въ настоящія чувства прійти, меньше пятнадцати тысячъ взять никакъ невозможно; потому мнѣ надо будетъ себя всяческими манерами веселить.

Аховъ.

Ну, грѣхъ пополамъ! Давай руку!

Ипполитъ.

Давайте пятнадцать тысячъ безъ гривенника, и то не возьму.

Аховъ.

Этакую силу денегъ? За что?

Ипполитъ.

За десять лѣтъ. Чужому бы больше заплатили.

Аховъ.

Само собой, что больше, да не вдругъ. А вдругъ-то жалко. Пойми! Пойми!

Ипполитъ.

Извините, дяденька! Я теперь не въ себѣ, понимать ничего не могу.

Аховъ.

Ну, возьми половину, а остальныя завтра. Жаль мнѣ вдругъ-то. Понялъ?

Ипполитъ.

Я вамъ говорю, что понимать ничего я не въ состояніи, значитъ, пожалуйте всѣ сейчасъ!

Аховъ.

Ну, что съ тобой дѣлать? Давай бумагу! *(Ипполитъ подаетъ бумагу; Аховъ подписываетъ.)* Бери деньги! Да только ты чувствуй это! *(Отсчитываетъ изъ денегъ, принесенныхъ Ипполитомъ.)*

Ипполитъ *(беретъ деньги и бумагу).*

Покорно васъ благодарю.

Аховъ.

Благодари хорошенько!

Ипполитъ.

Чувствительнѣйше вамъ благодаренъ.

Аховъ.

Поклонись въ ноги, братецъ!

Ипполитъ.

Это ужъ зачѣмъ-же-съ?

Аховъ.

Сдѣлай милость, поклонись, потѣшь старика! Вѣдь, ты мнѣ какую обиду, какую болѣзнь-то сдѣлалъ? А поклонишься, все мнѣ легче будетъ.

Ипполитъ.

За свое кланяться, гдѣ же это видано?

Аховъ.

Ну, я тебя прошу, сдѣлай ты мнѣ это почтеніе! Авось, у тебя спина-то не переломится?

Ипполитъ.

Нѣтъ, право, дяденька, что-то сталъ чувствовать; къ погодѣ, что̀ ли, ломъ стоитъ, никакъ не согнешься.

Аховъ.

Разбойникъ ты, разбойникъ! Врешь, вѣдь, ты! Тебѣ-жъ хуже; не кланяйся роднымъ-то, такъ и счастья не будетъ ни въ чемъ.

Ипполитъ.

Ну, ужъ мой грѣхъ, на себя и плакаться буду.

Аховъ.

Будешь, будешь! Мнѣ твоя эта непокорность тяжелѣй, чѣмъ эти самыя пятнадцать тысячъ.

Ипполитъ.

Что̀-жъ дѣлать, дяденька, я и самъ не радъ, да не могу-съ, потому къ погодѣ, что̀ ли...

Аховъ.

Ну, скажи ты мнѣ теперь, на что̀ тебѣ эти деньги? Вѣдь, прахомъ пойдутъ, промотаешь?

Ипполитъ.

Очень много ошиблись: я жениться хочу.

Аховъ.

Дѣло недурное; только, вѣдь, хорошую за тебя не отдадутъ. Развѣ по мнѣ? Что дядя у тебя знаменитъ вездѣ...

Ипполитъ.

Надо думать, что по васъ.

Аховъ.

Гдѣ же ты присвататься думаешь?

Ипполитъ.

Чтобъ далеко не ходить, тутъ, по сосѣдству-съ.

Аховъ.

Да тутъ, по сосѣдству, нѣтъ.

Ипполитъ.

Ежели поискать хорошенько, такъ найдется. Вотъ Круглова Агничка... Но сколь мила дѣвушка!

Аховъ.

Ахъ, ты обезьяна! Ты у кого спросился-то?

Ипполитъ.

Что̀ мнѣ спрашивать, коли я самъ по себѣ.

Аховъ.

Да она-то не сама по себѣ. Ахъ, ты обезьяна! *(Входитъ Ѳеона.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Аховъ, Ипполитъ, Ѳеона.

Аховъ.

Ну, что̀?

Ѳеона.

Приняли, благодарить приказали.

Аховъ.

Рады, небось?

Ѳеона.

Еще бы! Вѣдь, денегъ сто́итъ. Придешь, такъ, гляди-ка, какъ благодарить станутъ. Агничка такъ и скачетъ, какъ коза.

Ипполитъ *(Ѳеонѣ)*.

Зачѣмъ же это онѣ такой моціонъ дѣлаютъ-съ?

Ѳеона.

Запрыгаешь, какъ Ермилъ Зотычъ подарокъ ей тысячъ въ пять отвалилъ.

Ипполитъ.

Ежели только онѣ пошли на деньги, нѣтъ словъ, я убитъ.

Аховъ *(Ѳеонѣ).*

Подай шляпу!

Ѳеона *(подавая шляпу).*

Ты не убитъ, а поврежденный въ умѣ.

Аховъ *(Ипполиту).*

Бери шапку, пойдемъ! Я тебѣ всю твою глупость, какова она есть, какъ на ладони покажу.

Ипполитъ.

Дяденька! Но куда вы меня ведете?

Аховъ.

Къ Кругловой.

Ипполитъ.

Это значитъ, на лютую казнь. Лучше расказните меня здѣсь, но не срамите.

Аховъ *(беретъ его за руку).*

Нѣтъ, пойдемъ, пойдемъ! *(Всѣ уходятъ.)*

Сцена 4-я.

ЛИЦА:

Круглова.
Агнія.
Аховъ.
Ипполитъ.
Маланья.

Декорація первой сцены.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Круглова, Агнія. *(Выходятъ изъ другой комнаты.)*

Круглова.

Однако, дѣло-то до большого дошло. Вотъ онъ какими кушами бросаетъ; тутъ ужъ не шуткой пахнетъ.

Агнія.

Думать долго некогда, надо рѣшать сейчасъ.

Круглова.

Легко сказать: рѣшать! Вѣдь, это на всю жизнь. А ну, мы этотъ случай пропустимъ, а впередъ тебѣ счастья не выйдетъ; вѣдь, мнѣ тогда терзаться-то, мнѣ отъ людей покоры-то слышать! Говорятъ, не въ деньгахъ счастье. Охъ, да правда ли? Что-то и безъ денегъ-то мало счастливыхъ видно. А и то подумаешь: какъ мнѣ тебя на муку-то отдать? Другая бы, можетъ, еще и поусумнилась: „можетъ, дескать, ей за нимъ и хорошо будетъ, — можетъ, онъ съ молодой женой и перемѣнится?“ А у меня ужъ такого сумнѣнія нѣтъ, ужъ я напередъ буду знать, что на вѣрную тебя муку отдаю. Какъ же намъ быть-то, Агничка?

Агнія.

Почемъ я знаю? Что я на свѣтѣ видѣла?

Круглова.

Да, вѣдь, твое дѣло-то. Что тебѣ сердчишко-то говоритъ?

Агнія.

Что наше сердчишко-то? На что оно годится? На шалости. А тутъ дѣло вѣковое: тутъ либо счастье, либо горе на всю жизнь. У меня, какъ передъ бѣдой передъ какой, я не знаю, куда сердце-то и спряталось, гдѣ его и искать-то теперь. Нѣтъ, маменька! Видно, тутъ, кромѣ сердчишка-то, умъ нуженъ; а мнѣ гдѣ его взять?

Круглова.

Охъ, и у меня-то его немного!

Агнія.

А вотъ что, маменька! Я никогда къ вамъ не ласкалась, никогда своей любви къ вамъ не выказывала; такъ я вамъ ее теперь на дѣлѣ докажу. Какъ вы сдѣлаете, такъ и хорошо.

Круглова.

Что ты, дочка? Такъ ужъ ничего мнѣ и не скажешь?

Агнія.

Что мнѣ говорить-то? Только путать васъ! Вы больше жили, больше знаете.

Круглова.

А бранить мать послѣ не будешь?

Агнія.

Слова не услышите.

Круглова.

Ахъ ты, золотая моя! Ну, такъ вотъ что̀ я тебѣ скажу: какъ итти мнѣ сюда, я у себя въ спальнѣ помолилась, на всякій случай; вотъ помолившись-то и подумаю.

Агнія.

Подумайте, подумайте, а я ожидать буду себѣ...

Круглова.

Что̀ тебѣ долго ждать-то, мучиться?...

Агнія.

Погодите, погодите, я зажмурю глаза. *(Зажмуриваетъ глаза.)*

Круглова.

Хоть весь свѣтъ суди меня, а я вотъ что̀ думаю: мало будетъ убить меня, если я отдамъ тебя за него.

Агнія.

Охъ, отлегло отъ сердца!

Круглова.

Потому какъ не мало я сама страдала, и опять, ежели взять стараго или молодого, какая разница!... Одно дѣло...

Агнія.

Ну, довольно, довольно! Ужъ я знаю, что̀ вы скажете. *(Цѣлуетъ мать.)*

Круглова.

А все-таки, я рада, что онъ... Хоть посмѣюсь въ волю. *(Входитъ Маланья.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Круглова, Агния, Маланья.

Маланья.

Дѣдинька сѣденькій и съ нимъ этотъ... какъ его, бишь... бѣловатый.

Агнія.

Не черный ли?

Маланья.

И то: никакъ черный.

Круглова.

Кто же это? Неужели Ипполитъ?

Маланья.

Да онъ и есть... самый... Мнѣ вдругъ-то... затмило...

Круглова.

Вотъ чудо-то! Вмѣстѣ?

Агнія.

А вотъ увидимъ. *(Маланья уходитъ. Входятъ Аховъ и Ипполитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Аховъ *(чинно раскланиваясь).*

Здравствуйте! Опять здравствуйте!

Круглова.

Пожалуйте, пожалуйте!

Аховъ.

Получили?

Круглова.

Покорно благодаримъ, Ермилъ Зотычъ. *(Агнія молча кланяется.)* Покорнѣйше благодаримъ! Ужъ больно ты расщедрился! По насъ-то ужъ это и дорого, кажись. *(Кланяется.)* Напрасно безпокоились.

Аховъ *(очень довольный).*

Хе, хе, хе! Какъ такъ напрасно?

Круглова.

Да, вѣдь, чай, дорого заплатилъ?

Аховъ.

Что̀ ты мнѣ поешь? Кому дорого, а мнѣ нѣтъ. Не разорилъ я себя, не домъ каменный вамъ подарилъ! Дрянь какую-то прислалъ, а ты ужъ и разохалась, что дорого.

Круглова.

А коли для тебя дрянь, такъ намъ же лучше; не такъ совѣстно принять отъ тебя.

Аховъ.

Совѣсть еще какую-то нашла! Чудно̀ мнѣ на васъ! *(Ука-*

зывая на Ипполита.) Вотъ не жалуйтесь, что я его давеча прогналъ: я его самъ привелъ.

Круглова.

Благодаримъ покорно! Прошу садиться!

Аховъ.

Онъ теперь важный человѣкъ сталъ: свои капиталы имѣетъ.

Круглова.

Да, вѣдь, и пора ужъ.

Аховъ.

А вы какъ объ немъ думали? Вы, вѣдь, поди, чай, тоже, что̀ и всѣ добрые люди, думали, что онъ мальчишка, никакого вниманія нестóящій? Нѣтъ, ужъ теперь подымай выше!

Круглова.

Да будетъ тебѣ его!... Что̀ въ самомъ дѣлѣ?

Аховъ.

А для чего-жъ я его съ собой и взялъ-то? Безъ дураковъ, вѣдь, скучно. Встарину хоть шуты были, да вывелись. Ну, и пущай онъ насъ, замѣсто шута, тѣшитъ. А коль не хочетъ въ этой должности быть, зачѣмъ шелъ? Кто его здѣсь держитъ?

Ипполитъ.

Мнѣ итти некуда-съ. Отъ васъ обида мнѣ не въ диковину. А ужъ я подожду, когда̀ здѣшнія хозяйки меня полнымъ дуракомъ поставятъ, чтобъ ужъ вдосталь душа намучилась.

Аховъ.

Ну, вотъ слышишь? Да коли вы хотите смѣяться, такъ я васъ не такъ разсмѣшу. Онъ жениться хочетъ. Нѣтъ ли у тебя невѣсты, Дарья Ѳедосѣевна?

Круглова.

Одна у меня невѣста, другой нѣтъ.

Аховъ.

Не посадить ли намъ ихъ рядомъ?

Круглова.

Отчего-жъ не посадить!

Ипполитъ.

Помилуйте, за что̀ же такія насмѣшки-съ?

Агнія *(тихо).*

Садитесь, нужды нѣтъ. *(Садятся рядомъ.)*

Аховъ.

Чѣмъ не пара?

Круглова.

Да и то.

Аховъ *(Ипполиту).*

Посидѣлъ съ невѣстой? Ну, и будетъ, пора и честь знать.

Ипполитъ.

Отчего же такъ-съ?

Аховъ.

Оттого, что эта невѣста слишкомъ хороша для тебя, жирно будетъ.

Ипполитъ.

Ничего, не жирно-съ; по моимъ чувствамъ, въ самый разъ.

Аховъ.

А ты у нея прежде спроси: нѣтъ ли у нея жениха получше тебя? *(Агніи.)* Говори, не стыдись!

Агнія.

Это какъ маменькѣ угодно.

Аховъ.

Чтò тутъ маменька? У нея, у старой, чай отъ радости ушки на макушкѣ.

Круглова.

Не знаю, батюшка, Ермилъ Зотычъ, объ чемъ ты говоришь.

Аховъ.

Какъ не знаешь? Ты сыми маску-то, сыми. *(Указывая на Ипполита.)* Ты его, чтò-ль, совѣстишься? Такъ онъ свой человѣкъ; да и есть онъ тутъ или нѣтъ его, это все одно, по его ничтожеству. Сыми маску-то! Тебя, вѣдь, ужъ давно забираетъ охота мнѣ въ ноги кланяться, а ты все ни съ мѣста.

Круглова.

Отчего не кланяться! Да за чтò? За какія твои милости?

Аховъ *(сердито).*

Не во-время, да и не къ мѣсту твои шутки. Аль ты отъ радости разумъ потеряла? Старъ ужъ я шутить-то надо мной.

Круглова.

Да мы не шутимъ.

Аховъ.

Отъ меня поклону ждешь, такъ не дождешься. Что ты, какъ статуй стоишь? Головы у васъ въ домѣ нѣтъ, некому васъ прибодрить-то хорошенько, чтобы вы поворачивались попроворнѣй. Кабы мужъ твой былъ живъ, такъ вы бы давно ужъ шатались по дому-то, какъ кошки угорѣлыя. Что вы переминаетесь? Стыдно тебѣ кланяться, такъ не кланяйся, а все-жъ-таки благослови насъ, какъ слѣдуетъ. Будешь икону въ рукахъ держать, такъ и я тебѣ поклонюсь, дождешься этой чести.

Круглова.

Благословить-то недолго; только ты спроси, подымутся-ль руки-то у меня? Я вотъ какъ разсудила, Ермилъ Зотычъ: если дашь ты мнѣ подписку, что умрешь черезъ недѣлю послѣ свадьбы, и то еще я подумаю отдать дочь за тебя.

Аховъ.

Что вы? Нищія, нищія, одумайтесь! Вѣдь, мнѣ только разсердиться стоитъ да уйти отъ васъ, такъ вы послѣ слезы-то кулакомъ станете утирать. Не вводите меня въ гнѣвъ!

Круглова.

Сердись ты или не сердись — твоя воля.

Аховъ.

Что съ тобой? Тутъ чуда нѣтъ ли какого? Не упалъ ли тебѣ милліонъ съ неба? Нѣтъ ли у тебя жениха богаче меня? Только, вѣдь, одно.

Круглова.

Нѣтъ, не одно. Жениховъ у насъ нѣтъ. Есть одинъ парень на примѣтѣ; только подняться ему, бѣдному, нечѣмъ. Кабы было у него дѣло вѣрное, такъ отдала бы, не задумалась.

Ипполитъ *(отдаетъ Кругловой деньги)*.

А вотъ позвольте вамъ предоставить для сохранности. Я нынче за свою службу гуртомъ получилъ-съ. Теперь своимъ дѣломъ могу основаться-съ.

Круглова.

Ну, и чего-жъ еще лучше! Да тутъ много что-то.

Ипполитъ.

Копейка въ копейку пятнадцать тысячъ.

Агнія.

Теперь можно и помириться съ вами.

Аховъ.

Такъ вотъ на какія деньги вы пировать-то сбираетесь! Вотъ на какія деньги польстились! Эти деньги чуть не краденыя. Онъ у меня ихъ сегодня выплакалъ да выклянялъ.

Ипполитъ.

Не выклянялъ, а вытребовалъ, что̀ должное за службу свою.

Аховъ.

Да тебѣ бы и въ живыхъ-то не быть. Отъ напрасной смерти я тебя спасъ. Вижу, человѣкъ рѣзаться хочетъ...

Ипполитъ.

Помилуйте, дяденька, что̀ вы? Какъ можно рѣзаться?

Аховъ.

Такъ бы и зарѣзался. Ты, какъ чумовой, сталъ, перепугалъ меня до смерти.

Ипполитъ.

Что̀ вы, дяденька? Какой мнѣ расчетъ рѣзаться въ моихъ такихъ цвѣтущихъ лѣтахъ?

Аховъ.

А зачѣмъ у тебя ножикъ былъ? Зачѣмъ ты его къ горлу приставлялъ!

Ипполитъ.

Игра ума.

Аховъ.

Разбойникъ! *(Хочетъ взять его за воротъ.)*

Ипполитъ *(отстраняя его)*.

Позвольте-съ! Чѣмъ я разбойникъ? Я чужого ни копейки. А нешто я виноватъ, что отъ васъ добромъ не выпросишь?

Аховъ.

Не будетъ тебѣ счастья, не будетъ!

Ипполитъ.

Что̀-жъ дѣлать? Какъ-нибудь и безъ счастья однимъ умѣньемъ проживемъ, дяденька.

Аховъ.

Не проживешь! Не проживешь! У тебя нѣту ни отца, ни

матери, я тебѣ старшій; я тебя прокляну; на внукахъ и правнукахъ отзовется.

Круглова.

Полно! Чтò ты Бога-то гнѣвишь!

Аховъ *(Агніи).*

Брось ты его! Чтò въ немъ хорошаго? Мать у тебя глупа, растолковать тебѣ не можетъ. Я лучше его: я добрый, ласковый. Денегъ-то у меня чтò? Тебѣ на наряды. Домъ-то у меня какой? Большой, каменный, крѣпкій.

Агнія.

И крѣпка тюрьма, да кто ей радъ?

Аховъ.

Ты тоже, видно, въ мать уродилась! Ума-то у тебя столько же, чтò и у нея. *(Кругловой сквозь слезы.)* Ѳедосѣвна, пожалѣй ты меня! Вѣдь, я сирота, въ этакомъ-то домѣ одинъ я путаюсь, даже страхъ находитъ.

Круглова.

Чтò тебя жалѣть? Ты съ деньгами себѣ всегда компанію найдешь, коли захочешь.

Аховъ.

Найдешь компанію! Спасибо, что надоумила. Знаю, что найду. Не ей чета, и красивѣе ея найду. Ты думаешь, я въ самомъ дѣлѣ, что-ль, влюбленъ? Тьфу! Одно мнѣ больно, одно обидно: непокорность ваша. Вѣдь, я почтенный, первостатейный; вѣдь, мнѣ всѣ въ поясъ кланяются; а въ этакой лачугѣ мнѣ почету нѣтъ! Мнѣ!! Отъ васъ!! Непокорность!! Курамъ на смѣхъ! Видано-ль, слыхано-ль? Хорошо ты сдѣлала? Хорошо? Очувствуйся! Встряхни головой-то! Вѣдь, это ты отъ глупости, а не отъ ума. Вы все одно, чтò въ лѣсу живете, свѣту не видите. Въ такую лачугу коли зашелъ нашъ братъ, именитый человѣкъ, такъ онъ тамъ, какъ дома, а то ему и ходить не за чѣмъ; а хозяинъ-то, какъ слуга: „чтò угодно, да какъ прикажете?“ Вотъ какъ отъ начала міра заведено, вотъ какъ водится у всѣхъ на свѣтѣ добрыхъ людей! Это все одно, чтò законъ. А вы, дураки непросвѣщенные, одичали тутъ живши-то. *(Кругловой.)* И сердиться-то на тебя нельзя, и взыскать-то съ тебя нечего, потому ты никакихъ настоящихъ порядковъ не знаешь. Кàкъ ты живешь?

День да ночь, и сутки прочь. У тебя все одно: что̀ богатый, что̀ бѣдный, что̀ мануфактуръ, что̀ шатунъ! Невѣжество! У тебя для всѣхъ одинъ резонъ, одинъ разговоръ! А ты возьми, что̀ значитъ образованіе-то: вчера ко мнѣ благородная просить на бѣдность приходила; такъ она языкомъ-то, какъ на гусляхъ, играла. Превосходительствомъ меня называла, въ слезы ввела. А ты что̀? Дубъ. Съ тебя взыску нѣтъ. Самъ виноватъ. Кабы ты знала, что̀ такое уваженіе, что̀ такое честь...

Круглова.

Какъ чести не знать.

Аховъ.

Оно и видно, что ты ее знаешь! Была у васъ честь, да отошла. Дѣлалъ я вамъ честь, бывалъ у васъ; такъ у васъ и въ комнатахъ-то было свѣтлѣй оттого только, что я тутъ. Была бы вамъ честь, кабы дочь твоя купчихой Аховой называлась. Вотъ это честь! Я брошу васъ — и опять въ потемкахъ жить будете. А то честь! Да вамъ всю жизнь не узнать, въ чемъ она и ходитъ-то?

Круглова.

Ну, довольно ты пѣлъ. Теперь меня послушай. Хочешь ты у насъ гостемъ быть, такъ садись; а то такъ намъ не мѣшай. Не порти ты нашу бѣдную, чистую радость своимъ богатымъ умомъ!

Аховъ.

Да ты, никакъ, забылась? Гостемъ? Что̀ ты мнѣ за компанія? Я такихъ-то, какъ ты, къ себѣ дальше воротъ и пускать не велю. А то еще гостемъ! Не умѣли съ хорошими людьми жить, такъ на себя пеняй! Близко локоть-то, да не укусишь! *(Уходитъ въ переднюю и сейчасъ возвращается.)* Да нѣтъ, постой! Ты меня съ толку сбила. Ка̀къ мнѣ теперь людямъ глаза показать? Что̀ обо мнѣ добрые люди скажутъ?

Круглова.

Не плакать же намъ объ этомъ, батюшка, Ермилъ Зотычъ!

Аховъ.

Нѣтъ; ты виновата, ты и поправляй.

Круглова.

Палецъ объ палецъ для тебя не ударю, батюшка, Ермилъ Зотычъ. Вотъ какъ ты мнѣ сладокъ!

Аховъ.

Да не даромъ — за деньги, за большія деньги. Угоришь!

Круглова.

Что̀-жъ такое за дѣло у тебя? Что̀ за ворожба будетъ?

Аховъ.

Съ ними я говорить не хочу. Я ихъ презрѣлъ. Ниже каблука своего считаю, вотъ гдѣ. А съ тобой разговоръ заведемъ. Вѣдь, чай, тебѣ нужно и приданое? Не такъ отдашь, въ чемъ она есть? Нужно приданое?

Круглова.

Ка̀къ не нужно, конечно, нужно.

Аховъ.

Такъ вотъ слушай! Чтобы этотъ разговоръ нарушить, что мнѣ вы, ничтожные люди, носъ утерли, мы будемъ ладить такую статью, что я Ипполитку женю.

Круглова.

Что̀-жъ, это пожалуй.

Аховъ.

Обѣдъ у меня послѣ свадьбы, какой не слыхано. И Ѳомина, и всѣхъ цвѣтами ограблю, по всѣмъ комнатамъ постановка будетъ. Двѣ музыки: одна въ комнатахъ, другая на балконѣ для зрителевъ. Офиціанты въ штиблетахъ. Ефектъ?

Круглова.

Ефектъ.

Аховъ.

Опосля всего Ипполиткѣ награжденіе свыше мѣры. Не вѣришь, такъ за руки отдамъ… И впередъ тебѣ на приданое…

Круглова.

Да что̀ дальше-то?

Аховъ.

А вотъ какой уговоръ! Женихъ съ невѣстой, какъ изъ церкви, вся шестерня сѣрыхъ, какъ къ воротамъ — стой! А въ вороты чтобы не въѣзжать! И сейчасъ имъ дворникъ по метлѣ, и чтобы вымели они до крыльца… Ты не бойся, чисто будетъ, еще до нихъ все выметутъ. А они чтобы только примѣръ показали. А я съ гостями буду на балконѣ стоять. Вотъ тогда я васъ прощу и въ честь васъ произведу. И будете вы у меня, промежду всѣми гостями, все равно, что̀ равные.

Круглова.

Да осыпь ты меня золотомъ съ ногъ до головы, такъ я, все-таки, дочь свою на позорище не отдамъ.

Аховъ.

Не отдашь?

Круглова.

Не отдамъ.

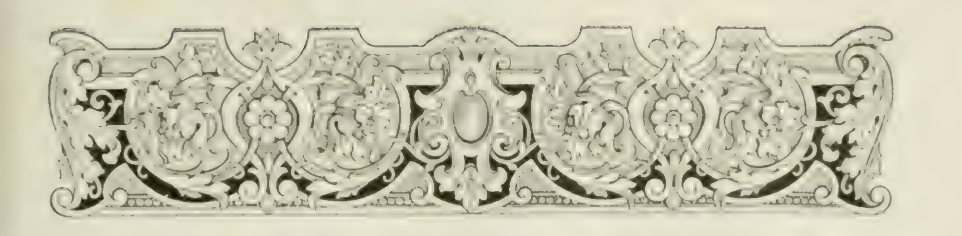
Аховъ.

Ну, такъ грязь грязью и останешься, и будьте вы прокляты отнынѣ и до вѣка! Ка́къ жить? Ка́къ жить? Родства народъ не уважаетъ, богатству грубить смѣетъ! Дядя говоритъ: поклонись по-родственному! Не хочу. Ну, поклонись ты, нищій, хоть за деньги! Не хочу. Умереть ужъ лучше поскорѣй, за́годя. Все равно, вѣдь: развѣ свѣтъ-то на такихъ порядкахъ долго простоитъ? А какъ отцы-то жили! Куда они дѣлись, тѣ порядки, старые, крѣпкіе? Развратъ, что̀ ли, въ мірѣ пошелъ? Такъ его и прежде, пожалуй, еще больше было! Бѣсъ, что̀ ли, какой промежду людьми ходитъ да смущаетъ ихъ? Отчего вы не лежите теперь въ ногахъ у меня по-старому, а я же стою передъ вами весь обруганный, безъ всякой моей вины?

Круглова.

Оттого, Ермилъ Зотычъ, говоритъ русская пословица, что не все коту масленица, бываетъ и великій постъ. *(Обнимаетъ Ипполита и Агнію.)*

ЛѢСЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Раиса Павловна Гурмыжская, вдова, лѣтъ 50-ти съ небольшимъ, богатая помѣщица, одѣвается скромно, почти въ траурѣ; постоянно съ рабочимъ ящикомъ въ рукѣ.

Аксинья Даниловна (Аксюша), ея дальняя родственница, бѣдная дѣвушка, лѣтъ 20-ти, одѣта чисто, но бѣдно, немного лучше горничной.

Евгеній Аполлоновичъ Милоновъ, лѣтъ 45-ти, гладко причесанъ, одѣтъ изысканно, въ розовомъ галстукѣ.

Уаръ Кирилловичъ Бодаевъ, лѣтъ 60-ти, отставной кавалеристъ, сѣдой, гладко стриженный, съ большими усами и бакенбардами, въ черномъ сюртукѣ, наглухо застегнутомъ, съ крестами и медалями по-солдатски, съ костылемъ въ рукѣ, немного глухъ.

} Богатые сосѣди Гурмыжской.

Иванъ Петровичъ Восьмибратовъ, купецъ, торгующій лѣсомъ.

Петръ, его сынъ.

Алексѣй Сергѣевичъ Булановъ, молодой человѣкъ, недоучившійся въ гимназіи.

Карпъ, лакей Гурмыжской.

Улита, ключница.

Усадьба Гурмыжской, верстахъ въ 5-ти отъ уѣзднаго города. Большая зала. Прямо двѣ двери: одна выходная, другая въ столовую; направо отъ зрителей окно и дверь въ садъ; налѣво двѣ двери: одна во внутреннія комнаты, другая въ коридоръ. Богатая старинная мебель, трельяжи, цвѣты, у окна рабочій столикъ, налѣво круглый столъ и нѣсколько креселъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Карпъ *стоитъ у двери въ садъ, входитъ* Аксюша.

Аксюша.

Раиса Павловна звали меня?

Карпъ.

Такъ точно-съ; только теперь гости пріѣхали, такъ онѣ въ саду.

Аксюша *(вынувъ изъ кармана письмо).*

Послушай, Карпъ Савельичъ, не можешь ли ты?

Карпъ.

Что вамъ угодно-съ?

Аксюша.

...Передать. Ты ужъ знаешь, кому.

Карпъ.

Да какъ же, барышня? Теперь, вѣдь, ужъ словно какъ неловко. Правда-ль, нѣтъ ли, у тетеньки такое есть желаніе, чтобъ вамъ за барченкомъ быть.

Аксюша.

Ну, не надо; какъ хочешь. *(Отворачивается къ окну.)*

Карпъ.

Да ужъ пожалуйте. Для васъ отчего же... *(Беретъ письмо.)*

Аксюша *(глядя въ окно).*

Продала Раиса Павловна лѣсъ?

Карпъ.

Продали Ивану Петрову. Все продаемъ-съ, а чего ради?

Аксюша.

Не хочетъ, чтобъ наслѣдникамъ осталось, а деньги можно и чужимъ отдать.

Карпъ.

Надо полагать-съ. Мудрено сотворено .

Аксюша.

Говорятъ, она эти деньги хочетъ за мной въ приданое дать.

Карпъ.

Дай-то Богъ!

Аксюша *(очень серьезно)*.

Не дай Богъ, Карпъ Савельичъ!

Карпъ.

Ну, какъ угодно-съ. Я къ тому, что все же лучше, пусть въ приданое пойдутъ, чѣмъ туда же, куда и прочія.

Аксюша.

Куда прочія… а куда же прочія?

Карпъ.

Ну, это вамъ, барышня, и понимать-то невозможно, да и языкъ-то не повоготится сказать вамъ. Алексѣй Сергѣичъ идутъ. *(Отходитъ къ двери; Аксюша смотритъ въ окно; Булановъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Аксюша, Булановъ, Карпъ, *потомъ* Улита.

Булановъ *(Карпу)*.

Что-жъ, ты набилъ мнѣ папиросы?

Карпъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Булановъ.

Отчего же нѣтъ? Вѣдь, я тебѣ велѣлъ.

Карпъ.

Мало что велѣли! А когда мнѣ?

Булановъ.

Нѣтъ, ужъ вы здѣсь зазнались очень. Вотъ что. Я вотъ Раисѣ Павловнѣ скажу.

Карпъ.

Не скажете; вы при нихъ и курить-то боитесь.

Булановъ.

Боитесь… Чтобъ были набиты! Не десять разъ тебѣ говорить! *(Увидавъ Аксюшу, подходитъ къ ней и очень развязно кладетъ ей на плечо руку.)*

Аксюша *(быстро обернувшись)*.

Что вы! Съ ума сошли?

Булановъ *(обидясь).*

Ахъ!!... Извините! Что̀ вы такой герцогиней смотрите, красавица вы моя?

Аксюша *(почти сквозь слезы).*

За что̀ вы меня обижаете? Я вамъ ничего не сдѣлала. Что̀ я здѣсь за игрушка для всѣхъ? Я такой же человѣкъ, какъ и вы.

Булановъ *(равнодушно).*

Нѣтъ, послушайте; вы, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ нравитесь.

Аксюша.

Ахъ, да мнѣ-то что̀ до этого за дѣло? Какое вы имѣете право трогать меня?

Булановъ.

Что̀ вы все сердитесь неизвѣстно за что̀? Эка важность! Ужъ и тронуть нельзя! Свое, да не трогать! Кто-жъ мнѣ запретитъ?

Аксюша *(строго).*

А если не ваше, если чужое? Тогда что̀?

Булановъ.

Что̀ за капризы! Надоѣло. Этакъ вы все дѣло испортите.

Аксюша.

Какое дѣло?

Булановъ.

Какое... Будто не знаете? Вотъ какое: Раисѣ Павловнѣ угодно, чтобъ я женился на васъ. А что̀ Раисѣ Павловнѣ угодно...

Аксюша.

Тому и быть?

Булановъ.

Разумѣется. Мы съ вами люди бѣдные... Дожидаться, покуда прогонятъ? Нѣтъ, ужъ покорно благодарю. Куда мнѣ? Опять къ маменькѣ? Бить сорѣкъ-воронъ за чужимъ дворомъ?

Карпъ.

Потише, сударь! Улита идетъ. *(Входитъ Улита и чего-то ищетъ.)* Вамъ чего здѣсь?

Улита.

Я, кажется, забыла...

Карпъ.

Ничего вы не забыли, это вы напрасно. У васъ есть свои департаментъ, мы къ вамъ не ходимъ. *(Улита уходитъ.)* Вотъ такъ-то лучше!... Самая проклятая женщина!

Булановъ.

Расчетъ прямой; кажется, можно понять?

Аксюша.

Да, я понимаю.

Булановъ.

Такъ и упрямиться нечего. Передъ кѣмъ здѣсь неприступность-то разыгрывать? Вѣдь, Раиса Павловна обѣщаетъ много денегъ дать, чего-жъ еще? Креститься надо обѣими руками.

Аксюша.

Иное можно купить за деньги, а другого нельзя.

Булановъ *(презрительно улыбаясь).*

Философія! *(Серьезно.)* Вы толку въ деньгахъ не знаете, оттого такъ и разговариваете. Видно, нужды-то не видали? А тутъ впереди жизнь пріятная... За деньги-то люди чорту душу закладываютъ, а не то, чтобъ отказываться. *(Показывается Улита.)*

Карпъ.

Что̀ вы шмыгаете взадъ и впередъ? Не видали васъ тутъ? Здѣсь комнаты чистыя.

Улита.

Ужъ и войти нельзя!

Карпъ.

Какъ это вы себѣ покою не найдете? Мечетесь вы, какъ угорѣлая кошка. Позовутъ васъ, тогда другое дѣло. *(Улита уходитъ.)*

Аксюша.

Насильно милъ не будешь, Алексѣй Сергѣичъ.

Булановъ.

Ну, да ужъ я добьюсь своего; у меня не отвертитесь. Вѣдь, вамъ лучше меня здѣсь не найти.

Аксюша *(тихо).*

Ошибаетесь. Захочу поискать, такъ найду; а можетъ, ужъ и нашла. *(Карпу.)* Если Раиса Павловна спроситъ, я буду въ своей комнатѣ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Булановъ и Карпъ.

Карпъ *(подходя).*

Ахъ, баринъ, баринъ!

Булановъ.

А чтò, Карпъ?

Карпъ.

Молоды вы очень.

Булановъ.

Знаю, что молодъ.

Карпъ.

А это не хорошо.

Булановъ.

Чтò-жъ мнѣ дѣлать-то.

Карпъ.

Это не къ пользѣ вашей... А вы старайтесь...

Булановъ.

Ужъ какъ ни старайся, а вдругъ лѣтъ не прибавится; я только изъ гимназіи.

Карпъ.

Да чтò гимназія! Другіе и въ гимназіи не были, да какіе ловкіе.

Булановъ.

Да на чтò ловкіе-то?

Карпъ.

Да на все, а ужъ особливо, чтò мимо рукъ-то плыветъ. *(Улита показывается изъ коридора.)* Опять? Тьфу! Брысь ты, окаянная!

Улита *(скрываясь).*

Обидчикъ!

Булановъ *(задумчиво).*

Да?... Ну, чтò-жъ?

Карпъ.

То-то: „да“. Вы чтò барышню-то тревожите? Какой тутъ авантажъ?

Булановъ.

Все-таки...

Карпъ.

Осторожнѣе надо, сударь; не даромъ Улита тутъ ползаетъ, перенесетъ сейчасъ. А понравится ли барынѣ? Еще неизвѣстно, куда васъ Раиса Павловна опредѣлятъ. Онѣ хоть и барыня, а, вѣдь, ихъ дѣло женское: никакъ даже невозможно этого знать, что̀ у нихъ на умѣ. Вдругъ одно, и сейчасъ другое; у нихъ въ мысляхъ не то, что на недѣлѣ, на дню до семи перемѣнъ бываетъ. Вотъ вы говорите: жениться; а можетъ, что̀ другое заставятъ дѣлать! Вы своей воли не имѣете; привезли васъ на пропитаніе, такъ какъ маменька у васъ въ бѣдности... А вы хотите... Ужъ вы и смотрите все въ глаза.

Булановъ.

Въ глаза?

Карпъ.

Безпремѣнно. Такъ все ходите и смотрите, потому отъ нихъ зависимы... А тамъ, по времени, изъ разговора или изъ чего, и можете понять... Барыня идутъ. *(Уходитъ. Булановъ поправляетъ волосы и покручиваетъ усики. Входятъ Гурмыжская, Милоновъ и Бодаевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гурмыжская, Милоновъ, Бодаевъ, Булановъ.

Гурмыжская.

Я вамъ говорила, господа, и опять повторяю: меня никто не понимаетъ, рѣшительно никто. Понимаетъ меня только нашъ губернаторъ да отецъ Григорій...

Милоновъ.

И я, Раиса Павловна.

Гурмыжская.

Можетъ быть.

Милоновъ.

Раиса Павловна, повѣрьте мнѣ, все высокое и все прекрасное...

Гурмыжская.

Вѣрю, охотно вѣрю. Садитесь, господа!

Бодаевъ *(откашливаясь)*.

Надоѣли.

Гурмыжская.

Что̀ вы?

Бодаевъ *(грубо)*.

Ничего. *(Садится поодаль.)*

Гурмыжская *(замѣтивъ Буланова)*.

Алексисъ, Алексисъ! Вы мечтаете? Господа, представляю вамъ молодого дворянина, Алексѣя Сергѣича Буланова. *(Булановъ раскланивается.)* Судьба его очень интересна; я вамъ сейчасъ разскажу. Алексисъ, погуляйте въ саду, мой другъ. *(Булановъ уходитъ. Гурмыжская и Милоновъ садятся у стола.)*

Милоновъ.

Вашъ родственникъ, вѣроятно?

Гурмыжская.

Нѣтъ, не родственникъ. Но развѣ одни родственники имѣютъ право на наше состраданіе? Всѣ люди намъ ближніе. Господа, развѣ я для себя живу? Все, что̀ я имѣю, всѣ мои деньги принадлежатъ бѣднымъ *(Бодаевъ прислушивается)*; я только конторщица у своихъ денегъ, а хозяинъ имъ всякій бѣдный, всякій несчастный.

Бодаевъ.

Я не заплачу ни одной копейки, пока живъ; пускай описываютъ имѣніе.

Гурмыжская.

Кому не заплатите?

Бодаевъ.

На земство, я говорю.

Милоновъ.

Ахъ, Уаръ Кирилычъ, не о земствѣ рѣчь!

Бодаевъ.

Никакой пользы, одинъ грабежъ.

Гурмыжская *(громко)*.

Подвиньтесь поближе, вы насъ не слышите.

Бодаевъ.

Да̀, не слышу. *(Садится къ столу.)*

Гурмыжская.

Этотъ молодой человѣкъ, господа, сынъ одной моей пріятельницы. Я встрѣтилась съ ней, въ прошломъ году, въ Петербургѣ. Прежде, давно ужъ, мы жили съ ней совершенно какъ сестры, но потомъ разошлись: я овдовѣла, а она вышла замужъ. Я ей не совѣтовала; испытавши сама, я получила отвращеніе къ супружеству.

Бодаевъ.

Къ супружеству, но не къ мужчинамъ?

Гурмыжская.

Уаръ Кирилычъ!

Бодаевъ.

Да я почемъ же знаю; я только спрашиваю. Вѣдь, разные бываютъ характеры.

Гурмыжская *(шутя)*.

И къ мужчинамъ, особенно такимъ, какъ вы.

Бодаевъ *(привстаетъ, опираясь на костыль, и кланяется)*.

Премного вамъ за это благодаренъ.

Милоновъ.

Раиса Павловна строгостью своей жизни украшаетъ всю нашу губернію; наша нравственная атмосфера, если можно такъ сказать, благоухаетъ ея добродѣтелями.

Бодаевъ.

Лѣтъ шесть тому назадъ, когда слухъ прошелъ, что вы пріѣдете жить въ усадьбу, всѣ мы здѣсь перепугались вашей добродѣтели: жены стали мириться съ мужьями, дѣти съ родителями; во многихъ домахъ даже стали тише разговаривать.

Гурмыжская.

Шутите, шутите! А вы думаете, мнѣ безъ борьбы досталось это уваженіе? Но мы удаляемся отъ нашего разговора. Когда мы встрѣтились въ Петербургѣ, моя подруга ужъ давно овдовѣла и, разумѣется, глубоко раскаивалась, что не послушалась моихъ совѣтовъ. Она со слезами представила мнѣ своего единственнаго сына. Мальчикъ, какъ вы видите, на возрастѣ.

Бодаевъ.

Въ солдаты годится.

Гурмыжская.

Вы не судите по наружности. Онъ, бѣдный, слабъ здоровьемъ, и, представьте себѣ, какое несчастіе! Онъ поэтому отсталъ отъ своихъ товарищей, такъ что все еще былъ въ гимназіи и, кажется, даже еще въ среднихъ классахъ. У него ужъ и усики, и мысли совсѣмъ другія, и дамы стали имъ интересоваться; а онъ долженъ съ мальчиками, шалунами, ходить въ школу. Это унижало его, онъ скучалъ, удалялся отъ людей, бродилъ одинъ по глухимъ улицамъ.

Бодаевъ.

Не по Невскому ли?

Гурмыжская.

Онъ страдалъ, страдала и мать; но средствъ помочь горю у нея не было. Имѣніе совершенно разорено, сынъ долженъ учиться, чтобъ кормить мать; а учиться прошло и время, и охота. Ну, теперь, господа, судите меня, какъ хотите. Я рѣшилась сдѣлать три добрыхъ дѣлъ разомъ.

Бодаевъ.

Три? Любопытно.

Гурмыжская.

Успокоить мать, дать средства сыну и пристроить свою племянницу.

Бодаевъ.

Дѣйствительно, три.

Гурмыжская.

Я выписала сюда на лѣто молодого человѣка; пусть они познакомятся, потомъ женю ихъ и дамъ за племянницей хорошее приданое. Ну, теперь, господа, я покойна; вы знаете мои намѣренія. Хоть я и выше подозрѣній, но, если-бъ нашлись злые языки, вы можете объяснить, въ чемъ дѣло.

Милоновъ.

Все высокое и все прекрасное найдетъ себѣ оцѣнку, Раиса Павловна. Кто же смѣетъ...

Бодаевъ.

Ну, отчего же не смѣть? Никому не закажешь; на это цензуры нѣтъ.

Гурмыжская.

Впрочемъ, я мало забочусь объ общественномъ мнѣніи; я дѣлаю добро и буду дѣлать, а тамъ пусть говорятъ, что̀ хотятъ. Въ послѣднее время, господа, меня томитъ какое-то странное предчувствіе: мысль о близкой смерти ни на минуту не покидаетъ меня. Господа, я умру скоро, я даже желаю, желаю умереть.

Милоновъ.

Что̀ вы! Что̀ вы! Живите! Живите!

Гурмыжская.

Нѣтъ, нѣтъ, и не просите!

Милоновъ.

Вѣдь, это будутъ слезы, горькія слезы.

Гурмыжская.

Нѣтъ, господа, если я не нынче умру, не завтра, во всякомъ случаѣ скоро. Я должна исполнить долгъ свой относительно наслѣдниковъ. Господа, помогите мнѣ совѣтомъ.

Милоновъ.

Прекрасно, прекрасно!

Гурмыжская.

У меня близкихъ родныхъ только племянникъ моего мужа. Племянницу я надѣюсь пристроить еще при жизни. Племянника я не видала пятнадцать лѣтъ и не имѣю о немъ никакихъ извѣстій; но онъ живъ, я знаю. Я надѣюсь, что ничто не препятствуетъ мнѣ назначить его своимъ единственнымъ наслѣдникомъ.

Милоновъ.

Полагаю.

Бодаевъ.

Да о чемъ и толковать?

Гурмыжская.

Благодарю васъ. Я такъ и сама думала. Онъ меня не забываетъ, каждый годъ присылаетъ мнѣ подарки, но писемъ не пишетъ. Гдѣ онъ — неизвѣстно, и я не могу писать къ нему; а я еще ему должна. Одинъ должникъ его отца принесъ мнѣ старый долгъ; сумма хоть небольшая, но она тяготитъ меня. Онъ точно скрывается отъ меня; всѣ подарки я получила изъ разныхъ концовъ Россіи: то изъ Архангельска, то изъ Астрахани, то изъ Кишинева, то изъ Иркутска.

Милоновъ.

Какое же его занятіе?

Гурмыжская.

Не знаю. Я его готовила въ военную службу. Послѣ смерти отца, онъ остался мальчикомъ пятнадцати лѣтъ, почти безъ всякаго состоянія. Хотя я сама была молода, но имѣла твердыя понятія о жизни и воспитывала его по своей методѣ. Я предпочитаю воспитаніе суровое, простое, что̀ называется, на мѣдныя деньги; не по скупости — нѣтъ, а по принципу. Я увѣрена, что простые люди, неученые, живутъ счастливѣе.

Бодаевъ.

Напрасно! На мѣдныя деньги ничего хорошаго не купишь, а тѣмъ болѣе счастія.

Гурмыжская.

Но, вѣдь, онъ не жалуется на свое воспитаніе; онъ даже благодаритъ меня. Я, господа, не противъ образованія, но и не за него. Развращеніе нравовъ на двухъ концахъ: въ невѣжествѣ и въ излишествѣ образованія; добрые нравы по серединѣ.

Милоновъ.

Прекрасно, прекрасно!

Гурмыжская.

Я хотѣла, чтобъ этотъ мальчикъ самъ прошелъ суровую школу жизни; я приготовила его въ юнкера и предоставила его собственнымъ средствамъ.

Бодаевъ.

Оно покойнѣе.

Гурмыжская.

Я иногда посылала ему денегъ, но, признаюсь вамъ, мало, очень мало.

Бодаевъ.

И онъ сталъ воровать, разумѣется?

Гурмыжская.

Ошибаетесь. Вотъ посмотрите, что̀ онъ писалъ мнѣ. Я это письмо всегда ношу съ собою. *(Вынимаетъ письмо изъ коробочки и подаетъ Милонову.)* Прочитайте, Евгеній Аполлонычъ!

Милоновъ *(читаетъ).*

„Тетенька моя и благодѣтельница, Раиса Павловна! Сіе, излагаемое мною примѣнительно къ обстоятельствамъ моимъ, жизни, письмо пишу вамъ съ огорченіемъ при недостаткахъ, но не съ отчаяніемъ. О, судьба, судьба! Подъ гнетомъ собственнаго своего необразованія, пристыжаемый противъ товарищей, я предвижу неуспѣхъ въ своей карьерѣ къ достиженію".

Бодаевъ.

До сихъ поръ лестнаго немного для васъ и для него.

Гурмыжская.

Слушайте дальше.

Милоновъ.

„Но не устрашусь! Передо мною слава, слава! Хотя скудное подаяніе ваше подвергало меня не разъ на край нищеты и погибели, но лобызаю вашу ручку. Отъ юныхъ лѣтъ несовершеннолѣтія до совершеннаго возраста я былъ въ неизвѣстности моихъ предначертаній, но теперь все передо мной открыто".

Бодаевъ.

И вамъ не стыдно, что вашъ племянникъ, дворянинъ, пишетъ, какъ кантонистъ?

Гурмыжская.

Не въ словахъ дѣло. По-моему, это прекрасно написано; тутъ я вижу чувство неиспорченное. *(Входитъ Карпъ.)*

Карпъ.

Иванъ Петровичъ Восьмибратовъ пришелъ съ сыномъ-съ.

Гурмыжская.

Извините, господа, что я при васъ приму мужика.

Бодаевъ.

Только вы съ нимъ поосторожнѣе; онъ плутъ большой руки.

Гурмыжская.

Знаете, онъ такой хорошій семьянинъ; это — великое дѣло.

Бодаевъ.

Семьянинъ-то — семьянинъ, а иного всякаго обманетъ.

Гурмыжская.

Не вѣрю, не вѣрю! Не можетъ быть!

Милоновъ.

Мы съ вами точно сговорились: я самъ горячій защитникъ семейныхъ людей и семейныхъ отношеній. Уаръ Кирилычъ, когда были счастливы люди? Подъ кущами. Какъ жаль, что мы удалились отъ первобытной простоты, что наши отеческія отношенія и отеческія мѣры въ примѣненіи къ нашимъ меньшимъ братьямъ прекратились! Строгость въ обращеніи и любовь въ душѣ — какъ это гармонически изящно! Теперь между нами явился законъ, явилась и холодность; прежде, говорятъ, былъ произволъ, но зато была теплота. Зачѣмъ много законовъ? Зачѣмъ опредѣлять отношенія? Пусть сердце ихъ опредѣляетъ. Пусть каждый сознаётъ свой долгъ! Законъ написанъ въ душѣ людей.

Бодаевъ.

Оно такъ, кабы только поменьше мошенниковъ, а то больно много.

Гурмыжская *(Карпу).*

Зови, поди, Ивана Петровича! *(Карпъ уходитъ. Входятъ Восьмибратовъ и Петръ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гурмыжская, Милоновъ, Бодаевъ, Восьмибратовъ, Петръ.

Гурмыжская.

Садись, Иванъ Петровичъ!

Восьмибратовъ *(раскланивается и садится).*

Петръ, садись! *(Петръ садится у самой двери на край стула.)*

Милоновъ.

Прикажете дочитать?

Гурмыжская.

Читайте; онъ не помѣшаетъ.

Милоновъ *(читаетъ).*

„Нужда, ты непостижима! Благодарю васъ, благодарю. Скоро мое имя покроется безсмертіемъ, а съ нимъ и ваше никогда не умретъ для потомства, дѣтей и внуковъ. Еще разъ благодарю за все, за все. Вашъ покорный къ услугамъ

племянникъ, дитя природы, взлелѣянное несчастіемъ, Гурмыжскій".

Гурмыжская (*принимая письмо*).

Благодарю васъ, Евгеній Аполлонычъ! Вотъ спросимъ у простого человѣка; онъ правду скажетъ. Иванъ Петровичъ, хорошо это письмо написано?

Восьмибратовъ.

Первый сортъ-съ! Вотъ ежели бы кому прошеніе, ужъ на что лучше.

Милоновъ.

Но, вѣдь, этому письму двѣнадцать лѣтъ; что же теперь съ вашимъ племянникомъ, съ его громкой славой?

Гурмыжская.

Я вамъ говорю, не знаю.

Бодаевъ.

Вдругъ удивитъ?

Гурмыжская.

Какъ бы то ни было, я горжусь этимъ письмомъ и очень довольна, что нашла въ людяхъ благодарность. Надо сказать правду, я его очень люблю. Я васъ прошу, господа, пожаловать ко мнѣ послѣ завтра откушать. Вы, вѣроятно, не откажетесь подписаться подъ завѣщаніемъ? Оно будетъ готово, я думаю; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, милости просимъ.

Бодаевъ.

Пріѣду.

Милоновъ.

Повѣрьте, все высокое и все прекрасное...

Гурмыжская.

Конечно, если судить строго, я немного виновата передъ наслѣдникомъ; я ужъ кой-что продала изъ имѣнія.

Восьмибратовъ.

Да-таки, сударыня, довольно; особенно, какъ изволили проживать въ столицахъ.

Гурмыжская.

Я очень щедро помогаю. Для ближняго мнѣ не жаль.

Восьмибратовъ.

Такъ-съ. А хоша бы и для себя: вы своему хозяйка; всякій человѣкъ живая тварь.

Гурмыжская.

А теперь, вотъ ужъ лѣтъ семь, я живу совсѣмъ иначе.

Восьмибратовъ.

Это точно-съ: слуховъ никакихъ насчетъ, чтобы чего... Постоянную жизнь ведете.

Гурмыжская.

Ахъ, да я и прежде... да не объ томъ рѣчь. Я говорю, что живу очень экономно.

Бодаевъ.

Извините! Не объ васъ рѣчь! Вы не разсердитесь, пожалуйста. Но, дѣйствительно, у насъ много дворянскихъ имѣній въ конецъ разорено бабами. Если мужчина мотаетъ, все-таки, въ его мотовствѣ какой-нибудь смыслъ есть, а бабьей глупости мѣры не положено. Нужно любовнику халатъ подарить — она хлѣбъ продаетъ не во-время за безцѣнокъ; нужно любовнику ермолку съ кисточкой — она лѣсъ продаетъ строевой, береженый, первому плуту.

Восьмибратовъ.

Это вы, ваше высокородіе, дѣйствительно. Коли имъ, женскому сословію, въ чемъ воля, такъ добра мало.

Бодаевъ.

Ты думаешь?

Милоновъ *(Восьмибратову)*.

Ахъ, Ваня, Ваня, какъ ты грубъ!

Восьмибратовъ.

Вопче говорится, сударь.

Милоновъ.

Все-таки, Ваня, надо быть осторожнѣе, мой другъ... А вотъ ты и ошибаешься: не отъ дамъ разорены имѣнія, а оттого, что свободы много.

Бодаевъ.

Какой свободы? Гдѣ это?

Милоновъ.

Ахъ, Уаръ Кирилычъ, я самъ за свободу; я самъ противъ стѣснительныхъ мѣръ... ну, конечно, для народа, для нравственно несовершеннолѣтнихъ необходимо... Но, согласитесь сами, до чего мы дойдемъ? Купцы банкротятся, дворяне про-

живаются. Согласитесь, что, наконецъ, необходимо будетъ ограничить закономъ расходы каждаго, опредѣлить норму по сословіямъ, по классамъ, по должностямъ.

Бодаевъ.

Ну, что-жъ, представляйте проектъ! Теперь время проектовъ; всѣ представляютъ. Не удивите, не бойтесь, чай, и глупѣй вашего есть. *(Встаетъ; Милоновъ тоже. Раскланиваются. Восьмибратовъ и Петръ встаютъ.)*

Гурмыжская *(провожая ихъ).*

Господа, я васъ жду послѣзавтра. *(Милоновъ и Бодаевъ уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Гурмыжская, Восьмибратовъ, Петръ.

Гурмыжская.

Садись, Иванъ Петровичъ!

Восьмибратовъ *(садясь).*

Петръ, садись! *(Петръ садится.)* Изволили присылать, сударыня?

Гурмыжская.

Да, мнѣ очень нужно тебя видѣть. Принесъ ты деньги?

Восьмибратовъ.

Нѣтъ, сударыня, признаться сказать, не захватилъ. Коли нужно, такъ прикажите, я завтра же занесу.

Гурмыжская.

Пожалуйста. Ты водочки не хочешь ли?

Восьмибратовъ.

Увольте! Намъ безъ благовременія .. тоже... вѣдь, люди, все одно.

Гурмыжская.

Ты ужъ всѣ принеси, какъ у насъ уговоръ былъ.

Восьмибратовъ.

Слушаю-съ.

Гурмыжская.

Я не помню, кажется...

Восьмибратовъ.

Да ужъ не извольте безпокоиться.

Гурмыжская.

Кажется, полторы тысячи? *(Роясь въ ящикѣ.)* Гдѣ записка? Неужели я ее выронила? Не найду никакъ.

Восьмибратовъ.

Поищите, сударыня, хорошенько.

Гурмыжская.

Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ этихъ денегъ мало. Не купишь ли у меня еще участокъ лѣсу?

Восьмибратовъ.

Да чтобъ ужъ вамъ весь его продать. Куда вамъ его беречь-то?... Вѣдь, съ лѣсомъ, сударыня, повѣрите ли, только грѣхъ одинъ: крестьянишки воруютъ — судись съ ними. Лѣсъ подлѣ города, всякій бѣглый, всякій бродяга пристанище имѣетъ, ну, и для прислуги тоже, для женскаго пола... Потому какъ у нихъ грибной интересъ и насчетъ ягоды, а выходитъ совсѣмъ напротивъ.

Гурмыжская.

Нѣтъ, я весь теперь не продамъ; что̀ за имѣніе безъ лѣса? Не красиво. Можетъ быть, со временемъ... А ты купи этотъ участокъ, что̀ ближе къ городу.

Восьмибратовъ.

Хошь я теперь и не при деньгахъ, а отчего-жъ не купить, коли сходно продавать будете. А я, было, признаться, къ вамъ насчетъ другого товару.

Гурмыжская.

Не понимаю.

Восьмибратовъ.

Сродственницу имѣете, дѣвицу, небогатую...

Гурмыжская.

Такъ что̀ же?

Восьмибратовъ.

Видѣлъ ее, что̀ ли, гдѣ, или здѣсь какъ встрѣтилъ мой парнишка. *(Петръ встаетъ.)*

Гурмыжская.

Онъ?

Восьмибратовъ.

Петръ-съ. Парень овца, я вамъ скажу. По глупости его и по малодушеству и приглянулась-съ. Ну, конечно, мы съ нимъ дорогого не стóимъ, а если-бъ Богъ далъ доброму дѣлу быть, дали бы вы тысячки на четыре лѣсу на разживу ему, съ насъ бы и довольно. Онъ бы и пооперился съ вашей легкой руки и жить пошелъ.

Гурмыжская.

Я очень благодарна вамъ; но, друзья мои, извините! У нея уже есть женихъ, у меня въ домѣ живетъ. Можетъ быть, въ городѣ говорятъ вздоръ какой-нибудь, такъ вы знайте, что это женихъ.

Восьмибратовъ *(Петру)*.

Слышишь ты? А ты лѣзешь! Только отца въ дураки ставишь. Погоди-жъ ты у меня!

Гурмыжская.

Вы не подумайте, что я гнушаюсь вами. Для нея твой сынъ партія даже завидная. Если у ней теперь женихъ дворянинъ, такъ это по особенной милости, а она совсѣмъ его не стóитъ.

Восьмибратовъ.

Понимаемъ-съ.

Гурмыжская.

Это дѣло рѣшеное, и кончимъ разговоръ о немъ. Поговоримъ о лѣсѣ. Купи, Иванъ Петровичъ!

Восьмибратовъ.

Не при деньгахъ, не при деньгахъ-съ.

Гурмыжская.

Быть не можетъ.

Восьмибратовъ.

Обижать цѣной не будете, такъ можно-съ.

Гурмыжская.

А сколько бы ты далъ за него?

Восьмибратовъ *(подумавъ)*.

Рубликовъ пятьсотъ-съ вамъ довольно будетъ?

Гурмыжская.

Чтò ты, чтò ты? За тотъ полторы, а за этотъ пятьсотъ; вѣдь, этотъ больше и лучше.

Восьмибратовъ.

Точно-съ. Извините! Это я такъ механально, не подумавши; да и неохота съ этимъ дѣломъ вязаться теперь. А какъ ваша цѣна?

Гурмыжская.

Да, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи. Мнѣ эту цѣну давали.

Восьмибратовъ.

Мой совѣтъ: отдавайте.

Гурмыжская.

Да я не хотѣла тебя обидѣть.

Восьмибратовъ.

На этомъ оченно вами благодарны; только я вамъ вотъ что̀ скажу: хлопотъ не сто́итъ.

Гурмыжская.

Иванъ Петровичъ, стыдно! Я сирота. Мое дѣло темное. Сироту обидѣть грѣшно. Ты не забывай Бога-то!

Восьмибратовъ.

Намъ ежели Бога забыть, Творца нашего милосерднаго, намъ въ тѣ поры, сударыня, податься некуда. Потому самому намъ безъ Бога нельзя; какъ одно, значитъ, у насъ прибѣжище.

Гурмыжская.

Ну, то-то-же. Ты самъ подумай, вѣдь, мнѣ деньги-то на доброе дѣло. Дѣвушка на возрастѣ, ума большого не имѣетъ, хочется заживо пристроить. Ну, что̀ хорошаго, безъ присмотру останется безъ меня; нынче народъ знаешь какой? Ты самъ отецъ, такъ разсудить можешь; у тебя тоже дочь, пріятно ли тебѣ будетъ?...

Восьмибратовъ.

Да ежели она, шельма...

Гурмыжская.

Иванъ Петровичъ, что̀ за слова! Ты знаешь, я не люблю. Ну, слушай! Только для тебя пятьсотъ рублей уступаю, отдаю за полторы тысячи.

Восьмибратовъ.

Барыша ничего не будетъ.

Гурмыжская.

Ну, ужъ и говорить не хочу. А тебѣ стыдно, стыдно!

Восьмибратовъ.

Дороговько, да ужъ извольте-съ. *(Махнувъ рукой.)* Такъ ужъ, что прежде отъ васъ пользовался.

Гурмыжская.

Только мнѣ деньги завтра же нужны.

Восьмибратовъ.

Еще почивать будете, принесемъ. А вы извольте приготовить записочку, чтобы завтра вамъ не безпокоиться, что за проданный на срубъ лѣсъ въ такихъ-то пустошахъ деньги сполна получили.

Гурмыжская.

Значитъ, ты принесешь ровно три тысячи?

Восьмибратовъ.

Чтò слѣдоваетъ, то и принесемъ-съ. На прежнія деньги у васъ записочка есть, а на эти, ваша воля, а по мнѣ хоть и отказаться. Слову нашему вы не вѣрите, на всякую малость записки да расписки отбираете; такъ чтò-жъ вамъ сумнѣваться? Я человѣкъ неграмотный, другой разъ и самъ не знаю, чтò въ запискѣ-то написано. Парнишку-то замучилъ, все за собой вожу руки прикладывать. Прощенья просимъ!

Гурмыжская.

Прощайте! *(Восьмибратовъ и Петръ уходятъ. Входитъ Карпъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Гурмыжская, Карпъ, *потомъ* Аксюша *и* Улита.

Карпъ.

Сударыня, вы барышню спрашивать изволили, такъ онѣ дожидаются.

Гурмыжская.

Позови! *(Карпъ уходитъ.)* Хитрая и дерзкая дѣвчонка! Никогда въ ней ни благодарности, ни готовности угодить. Наказанье мнѣ съ ней. *(Входитъ Аксюша.)*

Аксюша *(потупя глаза, тихо).*

Чтò вамъ угодно?

Гурмыжская.

Ты, я думаю, знаешь, зачѣмъ я выписала сюда Алексѣя Сергѣича?

Аксюша.

Знаю.

Гурмыжская.

Ты, пожалуйста, не возмечтай слишкомъ много о себѣ! Это еще только предположеніе. Ты можешь разчувствоваться и потомъ ошибиться, *(со смѣхомъ)* мнѣ тебя будетъ жаль.

Аксюша.

Отчего же мнѣ разчувствоваться?

Гурмыжская.

Ахъ, Боже мой! Для тебя ли это не партія? Она еще спрашиваетъ! Но я погляжу прежде, будешь ли ты стóить. Я и сама всѣмъ говорю, что онъ твой женихъ, и другіе пусть говорятъ; но я еще подумаю, слышишь ты: подумаю. *(Входитъ Улита.)*

Аксюша.

Надо будетъ и меня спросить.

Гурмыжская.

Я знаю, когда тебя спросить; не учи меня. А теперь я хочу, чтобъ всѣ считали его твоимъ женихомъ: мнѣ такъ нужно. Но сохрани тебя Богъ кокетничать съ нимъ или позволить себѣ какую-нибудь вольность!

Аксюша.

Какую вольность? Что̀ вы!

Гурмыжская.

Ты не обижаться ли вздумала? Это очень мило! Ты знай, душа моя, я въ правѣ думать о тебѣ все, что̀ хочу. Ты дѣвочка съ улицы, ты съ мальчишками на салазкахъ каталась.

Аксюша.

Не все я на салазкахъ каталась; я съ шести лѣтъ ужъ помогала матери день и ночь работать; а по праздникамъ, точно, каталась съ мальчишками на салазкахъ. Что̀-жъ, у меня игрушекъ и куколъ не было. Но, вѣдь, я ужъ съ десяти лѣтъ живу у васъ въ домѣ и постоянно имѣю передъ глазами примѣръ...

Гурмыжская.

Дурныя наклонности укореняются съ дѣтства. Потому не сердись, моя милая, если за тобой будетъ самый строгій надзоръ. *(Со смѣхомъ.)* Онъ хоть твой женихъ, да зеленъ виноградъ.

Аксюша.

Женихъ! Кому нуженъ такой женихъ?

Гурмыжская.

Ну, это выше твоего понятія.

Аксюша.

И не хорошъ, и не уменъ.

Гурмыжская.

Вздоръ! Ты глупа, а онъ уменъ, хорошъ, образованъ. Скажите, скажите! Это ты нарочно. Ты не слѣпая. Тебѣ только хочется меня раздразнить.

Аксюша.

Да вамъ-то чтò же?

Гурмыжская.

Какъ чтò? Это мой выборъ, мой вкусъ. Не тебѣ чета, свѣтскія дамы имъ увлекались.

Аксюша.

Чести имъ не дѣлаетъ.

Гурмыжская.

Ахъ, ахъ! Она разсуждаетъ! И почемъ ты знаешь, чтò честь, чтò безчестье?

Аксюша.

Я дѣвочка съ улицы, не свѣтская дама, а не польщусь на такое сокровище.

Гурмыжская.

А я тебѣ приказываю.

Аксюша.

Я, вѣдь, не пойду за него; такъ къ чему же эта комедія?

Гурмыжская.

Комедія! Какъ ты смѣешь? Да хоть бы и комедія; я тебя кормлю и одѣваю, и заставлю играть комедію. Ты не имѣешь права входить въ мои намѣренія: мнѣ такъ нужно, и все тутъ. Онъ женихъ, ты невѣста, — только ты будешь сидѣть въ своей комнатѣ подъ надзоромъ. Вотъ моя воля!

Аксюша *(взглянувъ ей въ глаза).*

Больше ничего?

Гурмыжская.

Ничего, ступайте! *(Аксюша уходитъ.)* Нѣтъ погоди! Были и получше тебя, да плясали по моей дудочкѣ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Гурмыжская и Улита.

Гурмыжская.

Поди сюда!

Улита.

Что̀, матушка-барыня, угодно?

Гурмыжская.

Подойди поближе, садись, гдѣ стоишь, и слушай!

Улита *(подходитъ и садится на полъ).*

Слушаю, матушка-барыня.

Гурмыжская.

Ты меня знаешь? Ты знаешь, какъ строго я смотрю за всѣмъ домомъ?

Улита.

Знаю. Какъ мнѣ не знать!

Гурмыжская.

Я Аксюшѣ не вѣрю; она дѣвчонка хитрая. Она часто встрѣчается съ Алексѣемъ Сергѣичемъ; мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ она съ нимъ обращалась вольно. При мнѣ, разумѣется, она не смѣетъ: но, вѣдь, не всегда же я съ ними; они могутъ встрѣтиться и въ саду, и въ комнатахъ безъ меня. Такъ я прошу, даже приказываю тебѣ...

Улита.

Понимаю, матушка-барыня, понимаю. Пожалуйте ручку! *(Цѣлуетъ руку Гурмыжской.)* Ужъ какъ я васъ понимаю, такъ это только одно удивленіе. Давно ужъ я за ними, какъ тѣнь, слоняюсь, шагу безъ меня не ступятъ; гдѣ они, тутъ и я.

Гурмыжская *(подумавъ).*

За то я тебя и люблю, что ты догадлива.

Улита *(съ жаромъ).*

Догадлива, матушка-барыня, догадлива. Вчера платьишко все въ тлѣнь изорвала, по кустамъ ползала; изожглась вся, по крапивѣ слозила, — все подслушивала, что̀ они промежду себя говорятъ.

Гурмыжская.

Изорвала платье? Бѣда не велика, ты и впередъ платья не жалѣй, у меня много; я тебѣ, за твое худое, хорошее подарю.

Улита *(таинственно).*

Вотъ и здѣсь давеча сошлись.

Гурмыжская.

Что̀ же давеча?

Улита.

Да все этотъ дуракъ Карпъ мѣшалъ, а все-таки, кой-что замѣтить было можно.

Гурмыжская.

Что̀ же ты замѣтила?

Улита.

Она-то къ нему очень ласкова, а онъ, какъ будто, такъ... *(дѣлаетъ жестъ рукой)* выражалъ, что я, дескать, не желаю.

Гурмыжская.

Да?... Не ошиблась ли ты? *(Смотритъ ей въ глаза.)*

Улита.

И, какъ будто, такъ даже... *(Дѣлаетъ жестъ рукой.)*

Гурмыжская.

Ну!

Улита.

И, какъ будто... такъ можно замѣтить, что ему не совсѣмъ-то... чтобы ужъ очень...

Гурмыжская.

Врешь ты, мнѣ кажется.

Улита.

Нѣтъ ужъ, матушка-барыня, у меня глазъ на это очень замѣчателенъ... И, какъ будто, у него на умѣ что̀ другое...

Гурмыжская.

Ну ужъ, что̀ у него на умѣ, этого ты знать не можешь. Далеко ты, кажется, заѣхала.

Уита.

Да ужъ усердіе-то мое...

Гурмыжская.

Ужъ какъ ни велико твое усердіе, а въ чужомъ умѣ ты не была, значитъ, и болтать по пустякамъ нечего. *(Молчаніе.)* Улита, мы съ тобой однихъ лѣтъ.

Улита.

Матушка-барыня, я постарше буду.

Гурмыжская.

Мнѣ этого не надо, ты напрасно... И я знаю, и ты знаешь, что мы ровесницы.

Улита.

Право, матушка-барыня, мнѣ все кажется... Да что считать: обѣ мы сироты, вдовы безутѣшныя...

Гурмыжская.

Ну, ты не очень безутѣшная. Помнишь, что у насъ съ тобой было? Ужъ я и кротостью, и строгостью, ничто не помогало.

Улита.

Да, было-то, матушка, точно было; да ужъ давно прошло. А вотъ послѣдніе лѣтъ шесть, какъ вы сами-то въ такой тишинѣ...

Гурмыжская.

Да, я не замѣчаю...

Улита.

Вотъ разрази меня!

Гурмыжская.

Послушай, Улита! Скажи мнѣ, только говори откровенно... когда случается тебѣ видѣть красиваго молодого человѣка... не чувствуешь ли ты чего, или не приходитъ ли тебѣ въ голову, что вотъ пріятно полюбить...

Улита.

Что вы это! Старухѣ-то? Забыла, матушка-барыня, все забыла!

Гурмыжская.

Ну, какая еще ты старуха! Нѣтъ, ты говори!

Улита.

Ужъ коли приказываете....

Гурмыжская.

Да, приказываю.

Улита.

Развѣ, когда мечта... *(нѣжно)* такъ иногда найдетъ въ родѣ, какъ облако.

Гурмыжская *(въ задумчивости).*

Поди прочь, мерзкая! *(Улита встаетъ, отходитъ къ сторонѣ и искоса посматриваетъ. Гурмыжская встаетъ и подходитъ къ окну.)* А, вѣдь, онъ мальчикъ не дуренъ! Онъ на меня сразу произвелъ пріятное впечатлѣніе. Ахъ, какъ я еще душой молода! Мнѣ кажется, я до семидесяти лѣтъ способна буду влюбляться... И если-бъ не мое благоразуміе... Онъ меня не видитъ... *(Дѣлаетъ ручкой.)* Ахъ, красавчикъ!... Да, твердыя правила въ жизни много значатъ. *(Оборачивается и видитъ Улиту.)* А ты здѣсь еще? Ну, пойдемъ; я тебѣ, вмѣсто одного платья, два подарю. *(Уходятъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Аксюша.
Петръ.
Терёнька, мальчикъ Восьмибратова.
Геннадій Несчастливцевъ }
Аркадій Счастливцевъ } пѣшіе путешественники.

Лѣсъ; двѣ неширокія дороги идутъ съ противоположныхъ сторонъ изъ глубины сцены и сходятся близъ авансцены подъ угломъ. На углу крашеный столбъ, на которомъ, по направленію дорогъ, прибиты двѣ доски съ надписями: на правой — „въ городъ Калиновъ“, на лѣвой — „въ усадьбу Пеньки, помѣщицы г-жи Гурмыжской“. У столба широкій, низенькій пень; за столбомъ, въ треугольникѣ между дорогами, по вырубкѣ, мелкій кустарникъ, не выше человѣческаго роста. Вечерняя заря.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Аксюша *(выходитъ изъ лѣсу съ лѣвой стороны и садится на пень),* Петръ *(выходитъ изъ лѣсу съ правой стороны)* *и потомъ* мальчикъ.

Петръ *(громко).*

Терёнька! *(Изъ лѣсу выходитъ мальчикъ.)* Взлѣзь на де-

рево тамъ, съ краю, и, значитъ, смотри по дорогѣ въ оба... Да ты не засни, а то кто-нибудь застрѣлитъ замѣсто тетерева. Слышишь?

Мальчикъ *(робко).*

Слышу.

Петръ.

Какъ, значитъ, тятенька, ты въ тѣ поры такъ и катись съ дерева турманомъ, и прямо сюда. *(Поворачиваетъ его и даетъ ему легкій подзатыльникъ.)* Ну, пошелъ! *(Мальчикъ отходитъ.)* Да, пожалуйста, братецъ, поразвязнѣй! *(Мальчикъ уходитъ въ лѣсъ.)*

Аксюша *(подходя къ Петру).*

Здравствуй, Петя!

Петръ *(цѣлуя ее).*

Здравствуй; какія дѣла?

Аксюша.

Все тѣ же, немножко хуже.

Петръ.

А мы такъ наслышаны, что много лучше.

Аксюша.

Что̀ ты сочиняешь!

Петръ.

За благороднаго выходите? Оно лучше-съ; можетъ, еще на разные языки знаетъ; и то ужъ много превосходнѣе, что пальты коротенькія носитъ, не то, что мы.

Аксюша *(зажимая ему ротъ).*

Да полно ты, полно! Вѣдь, знаешь, что этому не бывать, что̀-жъ прибираешь-то?

Петръ.

Какъ же, значитъ, не бывать, когда тетенька сами давеча...

Аксюша.

Не бойся, не бойся!

Петръ.

Такъ ужъ ты прямо и говори, чья ты? Своя ты, или чужая?

Аксюша.

Своя, милый мой, своя! Да, кажется, меня и неволить не будутъ. Тутъ что̀-то другое.

Петръ.

Отводъ?

Аксюша.

Похоже.

Петръ.

А ужъ я давеча натерпѣлся. Тятенька-таки о тебѣ словечко закинулъ, а она ему напрямки: „просватана“. Такъ вѣришь ты, пока они разговаривали, меня точно кипяткомъ шпарили. А потомъ тятенька два часа битыхъ ругалъ; отдохнетъ да опять примется. Ты, говоритъ, меня передъ барыней дуракомъ поставилъ.

Аксюша.

Она бы рада меня съ рукъ сбыть, да денегъ жаль. Чтò-жъ, отецъ-то твой все еще приданаго ищетъ?

Петръ.

Меньше трехъ тысячъ не мирится: „Ежели, говоритъ, за тебя трехъ тысячъ не взять, не стòило, говоритъ, тебя и кормить. Хоть на козѣ, говоритъ, женю, да съ деньгами“.

Аксюша.

Дѣлать нечего, трехъ тысячъ мнѣ взять негдѣ. У меня-то спрашивалъ ты, чья я; ты-то чей? Свой ли?

Петръ.

Я-то чужой, про меня чтò говорить! Я каторжный, по рукамъ, по ногамъ скованный навѣки нерушимо.

Аксюша.

Чтò ты такой грустный, неласковый?

Петръ.

Да чему радоваться-то? Я и то ужъ по лѣсу-то хожу, да все на деревья посматриваю, который сукъ покрѣпче. Самòй-то, чай, тоже не веселѣй моего?

Аксюша.

Мнѣ ни скучно, ни весело, я ужъ замерла давно. А ты забудь свое горе на время-то, пока я съ тобой!

Петръ.

Такъ-то такъ, да все радости-то мало.

Аксюша.

Ахъ, ты глупый! Какъ же тебѣ не радость, какая дѣвушка тебя любитъ!

Петръ.

Да что-жъ меня не любить-то? Я не мордва некрещеная. Да что вамъ дѣлать-то больше, какъ не любить? Ваша такая обязанность.

Аксюша *(сердито)*.

Поди ты прочь, коли такъ.

Петръ.

Нечего сердиться-то! У меня теперь засадъ въ головѣ, — третій день думаю, да мозги что-то плохо поварачиваются: и такъ кину, и этакъ...

Аксюша *(все еще съ сердцемъ)*.

Объ чемъ это ты думаешь? Ты бы обо мнѣ-то подумалъ? нужно, вѣдь, подумать-то.

Петръ.

О тебѣ-то и думаю. У меня надвое; вотъ одно дѣло: приставать къ тятенькѣ. Нынче онъ, примѣрно, поругаетъ, а я завтра опять за то же. Ну, завтра, будемъ такъ говорить, хоть и прибьетъ, а я послѣзавтра опять за то же; такъ, покудова ему не надоѣстъ ругаться. Да чтобъ ужъ къ ряду, ни одного дня не пропускать. Либо онъ убьетъ меня полѣномъ, либо сдѣлаетъ по-моему; по крайности развязка.

Аксюша *(подумавъ)*.

А другое-то что?

Петръ.

А другое дѣло почуднѣе будетъ. У меня есть своихъ денегъ рублевъ триста; да ежели закинуть горсть на счастье въ тятенькину конторку, такъ, пожалуй, что денегъ-то и въ волю будетъ.

Аксюша.

А потомъ что-жъ?

Петръ.

А потомъ ужъ „унеси ты мое горе“ — сейчасъ мы съ тобой на троечку: „ой вы, милыя!“ Подъѣхали къ Волгѣ; ссь... тпру! на пароходъ; внизъ-то бѣжитъ онъ ходко, по берегу-то не догонишь. Денекъ въ Казани, другой въ Самарѣ, третій въ Саратовѣ; жить, чего душа проситъ; дорогого чтобъ для насъ не было.

Аксюша.

А знакомыхъ встрѣтишь?

Петръ.

А вотъ взялъ сейчасъ одинъ глазъ зажмурилъ, вотъ тебѣ и кривой, и не узнаютъ. Я такъ тебѣ дня три прохожу. А то еще разъ какой со мной случай, я тебѣ скажу. Посылалъ меня тятенька въ Нижній за дѣломъ, да чтобъ не мѣшкать. А въ Нижнемъ-то нашлись пріятели, заманили въ Лысково съѣздить. Какъ быть? Узнаютъ дома — бѣда. Вотъ я чужую чуйку надѣлъ, щеку подвязалъ, ѣду. На пароходѣ какъ разъ тятенькинъ знакомый; я, знаешь, отъ него не прячусь, хожу смѣло; онъ все поглядываетъ. Вотъ вижу, подходитъ. „Вы, говоритъ, откуда ѣдете?“ Изъ Мышкина, говорю. А я тамъ съ роду и не бывалъ. „Чтò-то, говоритъ, лицо ваше знакомо?“ — Мудренаго нѣтъ, говорю, а самъ, знаешь, мимо. Подходитъ онъ ко мнѣ въ другой разъ все съ тѣмъ же, подходитъ въ третій, все пытаетъ. Взяло меня за сердце. „Мнѣ самому, говорю, лицо ваше знакомо. Не сидѣли ли мы съ вами вмѣстѣ въ острогѣ въ Казани?“ Да при всей публикѣ-то. Такъ онъ не зналъ, какъ откатиться отъ меня; ровно я его изъ штуцера застрѣлилъ. Встрѣча чтò!

Аксюша.

А проживемъ мы деньги, чтò-жъ потомъ?

Петръ.

Вотъ тутъ-то я не думалъ еще. Либо ѣхать виниться, либо выбрать яръ покруче, а мѣсто поглубже, да чтобъ воду-то воронкой вертѣло, да и по-топорному, какъ топоры плаваютъ. Надо подумать еще...

Аксюша.

Нѣтъ, ужъ ты, Петя, лучше первое-то попробуй.

Петръ.

Надоѣдать, стало-быть?

Аксюша.

Дà. Ну, а ужъ тамъ, коли... тамъ подумаемъ. Ты проберись завтра къ намъ въ садъ попозднѣе; у насъ рано ложатся.

Петръ.

Ладно. *(Вбѣгаетъ мальчикъ.)* Чтò?

Мальчикъ.

Тятенька! *(Быстро убѣгаетъ.)*

Петръ *(проворно)*.

Значитъ, шабашъ! Бѣжать во всѣ лопатки! Прощай! *(Цѣлуются и расходятся.)*.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Съ правой стороны изъ глубины показывается Несчастливцевъ. Ему лѣтъ 35, но на лицо онъ гораздо старѣе, брюнетъ, съ большими усами. Черты рѣзкія, глубокія и очень подвижныя, слѣды безпокойной и невоздержаной жизни. На немъ длинное и широкое парусинное пальто, на головѣ сѣрая, очень поношенная шляпа съ широкими полями, сапоги русскіе, большіе, въ рукахъ толстая, суковатая палка, за спиной небольшой чемоданъ, въ родѣ ранца, на ремняхъ. Онъ видимо утомленъ, часто останавливается, вздыхаетъ и бросаетъ мрачные взгляды исподлобья. Въ то же время съ другой стороны показывается Счастливцевъ; ему лѣтъ за 40, лицо какъ будто нарумяненное, волоса на головѣ въ родѣ вытертаго мѣха, усы и эспаньолка тонкіе, жидкіе, рыжевато-пепельнаго цвѣта, глаза быстрые, выражающіе и насмѣшливость, и робость въ одно и то же время. На немъ голубой галстукъ, коротенькій пиджакъ, коротенькія панталоны въ обтяжку, цвѣтные полусапожки, на головѣ дѣтскій картузикъ — все очень поношенное, на плечѣ, на палкѣ, повѣшено самое легкое люстриновое пальто и узелъ въ цвѣтномъ платкѣ. Утомленъ, переводитъ духъ тяжело и смотритъ кругомъ съ улыбкой, не то печальной, не то веселой.

(Сходятся.)

Несчастливцевъ *(мрачно)*.

Аркашка!

Счастливцевъ.

Я, Геннадій Демьянычъ. Какъ есть весь тутъ.

Несчастливцевъ.

Куда и откуда?

Счастливцевъ.

Изъ Вологды въ Керчь-съ, Геннадій Демьянычъ. А вы-съ?

Несчастливцевъ.

Изъ Керчи въ Вологду. Ты пѣшкомъ?

Счастливцевъ.

На своихъ-съ, Геннадій Демьянычъ. *(Полузаискивающимъ, полунасмѣшливымъ тономъ.)* А вы-съ, Геннадій Демьянычъ?

Несчастливцевъ *(густымъ басомъ).*

Въ каретѣ. *(Горячо.)* Развѣ ты не видишь? Чтò спрашиваешь? Оселъ!

Счастливцевъ *(робко).*

Нѣтъ, я такъ-съ...

Несчастливцевъ.

Сядемъ, Аркадій!

Счастливцевъ.

Да на чемъ-же-съ?

Несчастливцевъ *(указывая на пень).*

Я здѣсь, а ты гдѣ хочешь. *(Садится, снимаетъ чемоданъ и кладетъ подлѣ себя.)*

Счастливцевъ.

Чтò это у васъ за ранецъ-съ?

Несчастливцевъ.

Штука отличная. Самъ, братецъ, сшилъ для дороги. Легко и укладисто.

Счастливцевъ *(садится на землю подлѣ пня).*

Хорошо, кому есть чтò класть. Чтò же у васъ тамъ-съ?

Несчастливцевъ.

Пара платья, братецъ, хорошаго, въ Полтавѣ еврей сшилъ. Тогда я въ Ильинскую, послѣ бенефиса, много платья сдѣлалъ. Складная шляпа, братецъ; два парика; пистолетъ тутъ у меня хорошій, у черкеса въ карты выигралъ въ Пятигорскѣ. Замокъ попорченъ; какъ-нибудь, когда въ Тулѣ буду, починить прикажу. Жаль, фрака нѣтъ; былъ фракъ, да я его въ Кишиневѣ на костюмъ Гамлета вымѣнялъ.

Счастливцевъ.

Да на чтò же вамъ фракъ-съ?

Несчастливцевъ.

Какъ ты еще глупъ, Аркашка, какъ погляжу я на тебя! Ну, приду я теперь въ Кострому, въ Ярославль, въ Вологду, въ Тверь, поступлю въ труппу, долженъ я къ губернатору явиться, къ полицеймейстеру, по городу визиты сдѣлать? Комики визитовъ не дѣлаютъ, потому что они шуты, а трагики — люди, братецъ. А у тебя чтò въ узлѣ?

Счастливцевъ.

Библіотека-съ.

Несчастливцевъ.

Большая?

Счастливцевъ.

Пьесъ тридцать и съ нотами.

Несчастливцевъ *(басомъ)*.

Драмы есть?

Счастливцевъ.

Только двѣ-съ, а то все водевили.

Нечсастливцевъ.

Зачѣмъ ты такую дрянь носишь?

Счастливцевъ.

Денегъ стоитъ-съ. Бутафорскія мелкія вещи есть, ордена...

Несчастливцевъ.

И все это ты стяжалъ?

Счастливцевъ.

И за грѣхъ не считаю; жалованье задерживаютъ.

Несчастливцевъ.

А платье у тебя гдѣ-жъ?

Счастливцевъ.

Вотъ, что̀ на мнѣ-съ, а то ужъ давно никакого нѣтъ-съ.

Несчастливцевъ.

Ну, а какъ же ты зимой?

Счастливцевъ.

Я, Геннадій Демьянычъ, обдержался-съ. Въ дальнюю дорогу, точно, трудно-съ; такъ, вѣдь, кто на что̀, а голь на выдумки. Везли меня въ Архангельскъ, такъ въ большой коверъ закатывали. Привезутъ на станцію, раскатаютъ, а въ повозку садиться, опять закатаютъ.

Несчастливцевъ.

Тепло?

Счастливцевъ.

Ничего, доѣхалъ-съ; а много больше тридцати градусовъ было. Зимняя дорога-то, Двиной, между береговъ-то тяга; вѣтеръ-то съ сѣвера, встрѣчу. Такъ вы въ Вологду-съ? Тамъ теперь и труппы нѣтъ.

Несчастливцевъ.

А ты въ Керчь? И въ Керчи тоже, братъ, труппы нѣтъ.

Счастливцевъ.

Чтò-жъ дѣлать-то-съ, Геннадій Демьянычъ, пройду въ Ставрополь или въ Тифлисъ, тамъ ужъ неподалеку-съ.

Несчастливцевъ.

Мы съ тобой въ послѣдній разъ въ Кременчугѣ видѣлись?

Счастливцевъ.

Въ Кременчугѣ-съ.

Несчастливцевъ.

Ты тогда любовниковъ игралъ; чтò же ты, братецъ, послѣ дѣлалъ?

Счастливцевъ.

Послѣ я въ комики перешелъ-съ. Да ужъ очень много ихъ развелось; образованные одолѣли: изъ чиновниковъ, изъ офицеровъ, изъ университетовъ — все на сцену лѣзутъ. Житья нѣтъ. Изъ комиковъ-то я въ суфлеры-съ. Каково это для человѣка съ возвышенной душой-то, Геннадій Демьянычъ? Въ суфлеры!...

Несчастливцевъ *(со вздохомъ)*.

Всѣ тамъ будемъ, братъ, Аркадій.

Счастливцевъ.

Одна была у насъ дорожка, Геннадій Демьянычъ, и ту перебиваютъ.

Несчастливцевъ.

Оттого, что просто; паясничать-то хитрость не велика. А попробуй-ка въ трагики! Вотъ и нѣтъ никого.

Счастливцевъ.

А, вѣдь, игры хорошей у образованныхъ нѣтъ, Геннадій Демьянычъ?

Несчастливцевъ.

Нѣтъ. Какая игра! Мякина!

Счастливцевъ.

Канитель.

Несчастливцевъ.

Канитель, братецъ. А какъ пьесы ставятъ, хоть бы и въ столицахъ-то. Я самъ видѣлъ: любовникъ тенорь, резонеръ тенорь и комикъ теноръ; *(басомъ)* основанія-то въ пьесѣ и

нѣтъ. И смотрѣть не сталъ, ушелъ. Ты зачѣмъ это эспаньолку завелъ?

Счастливцевъ.

А что-же-съ?

Несчастливцевъ.

Скверно. Русскій ты человѣкъ, али нѣтъ? Что за гадость! Терпѣть не могу. Обрей совсѣмъ, или ужъ бороду отпусти.

Счастливцевъ.

Я пробовалъ бороду-съ, да не выходитъ.

Несчастливцевъ.

Какъ такъ? Что ты врешь?

Счастливцевъ.

Да вмѣсто волосъ-то перья растутъ, Геннадій Демьянычъ.

Несчастливцевъ.

Гм! Перья! Разсказывай еще! Говорю тебѣ, обрей. А то попадешь мнѣ подъ сердитую руку... съ своей эспаньолкой... смотри!

Счастливцевъ *(робко)*.

Обрею-съ.

Несчастливцевъ.

А я, братъ, Аркаша, тамъ, на югѣ, разстроился совсѣмъ.

Счастливцевъ.

Отчего же такъ-съ, Геннадій Демьянычъ?

Несчастливцевъ.

Характеръ, братецъ. Знаешь ты меня: левъ, вѣдь, я. Подлости не люблю, вотъ мое несчастіе. Со всѣми антрепренерами перессорился. Неуваженіе, братецъ, интриги; искусства не цѣнятъ, все конесчики. Хочу у васъ, на сѣверѣ, счастья попробовать.

Счастливцевъ.

Да, вѣдь, и у насъ то же самое, и у насъ не уживетесь, Геннадій Демьянычъ. Я вотъ тоже не ужился.

Несчастливцевъ.

Ты... тоже!... Сравнялъ ты себя со мной.

Счастливцевъ *(обидясь)*.

Еще у меня характеръ-то лучше вашего: я смирнѣе.

Несчастливцевъ *(грозно)*.

Что-о?

Счастливцевъ *(отодвигаясь)*.

Да какъ же, Геннадій Демьянычъ-съ? Я смирный, смирный-съ... я никого не билъ.

Несчастливцевъ.

Такъ тебя били, кому только не лѣнь было. Ха, ха, ха! И всегда такъ бываетъ: есть люди, которые бьютъ, и есть люди, которыхъ бьютъ. Что̀ лучше — не знаю; у всякаго свой вкусъ. И смѣешь ты...

Счастливцевъ *(отодвигаясь)*.

Ничего я не смѣю, а вы сами сказали, что не ужились.

Несчастливцевъ.

Не ужились?... А тебя изъ какого это города губернаторъ-то выгналъ? Ну, сказывай!

Счастливцевъ.

Что̀ сказывать-то? Мало ли что̀ болтаютъ. Выгналъ... А за что̀ выгналъ, какъ выгналъ?

Несчастливцевъ.

Какъ выгналъ? И то слышалъ, и то извѣстно, братецъ. Три раза тебя выбивали изъ города; въ одну заставу выгонятъ, ты войдешь въ другую. Наконецъ, ужъ губернаторъ вышелъ изъ терпѣнія: стрѣляйте его, говоритъ, въ мою голову, если онъ еще воротится.

Счастливцевъ.

Ужъ и стрѣлять! Развѣ стрѣлять можно?

Несчастливцевъ.

Стрѣлять не стрѣляли, а четыре версты казаки нагайками гнали.

Счастливцевъ.

Совсѣмъ и не четыре.

Несчастливцевъ.

Ну, будетъ, Аркадій! Не раздражай ты меня, братецъ! *(Повелительно.)* Подвигайся! *(Встаетъ.)*

Счастливцевъ.

Подвигаюсь, Геннадій Демьянычъ. *(Встаетъ.)*

Несчастливцевъ.

Да, братъ, Аркадій, разбился я съ театромъ; а ужъ и жаль теперь. Какъ я игралъ! Боже мой, какъ я игралъ!

Счастливцевъ *(робко).*

Очень хорошо-съ?

Несчастливцевъ.

Да такъ-то хорошо, что... Да что съ тобой толковать! Что ты понимаешь? Въ послѣдній разъ въ Лебедяни игралъ я Велизарія; самъ Николай Хрисанофычъ Рыбаковъ смотрѣлъ. Кончилъ я послѣднюю сцену, выхожу за кулисы, Николай Рыбаковъ тутъ. Положилъ онъ мнѣ такъ руку на плечо *(съ силою опускаетъ руку на плечо Счастливцеву).*

Счастливцевъ *(присѣдая отъ удара).*

Ой! Геннадій Демьянычъ, батюшка, помилосердуйте! Не убивайте! Ей-Богу, боюсь!

Несчастливцевъ.

Ничего, ничего, братъ; я легонько, только примѣръ... *(Опять кладетъ руку.)*

Счастливцевъ.

Ей-Богу, боюсь! Пустите! Меня, вѣдь, ужъ разъ такъ-то убили совсѣмъ до смерти.

Несчастливцевъ *(беретъ его за воротъ и держитъ).*

Кто? Какъ?

Счастливцевъ *(жмется).*

Бичевкинъ. Онъ Ляпунова игралъ, а я Фидлера-съ. Еще на репетиціи онъ все примѣривался. „Я, говоритъ, Аркаша, тебя вотъ какъ въ окно выкину: этой рукой за воротъ подниму, а этой поддержу, такъ и высажу. Такъ, говоритъ, Каратыгинъ дѣлалъ". Ужъ я его молилъ, молилъ, и на колѣняхъ стоялъ. „Дяденька, говорю, не убейте меня!" — „Не бойся, говоритъ, Аркаша, не бойся!" Пришелъ спектакль, подходитъ наша сцена; публика его принимаетъ; гляжу: губы у него трясутся, щеки трясутся, глаза налились кровью. „Постелите, говоритъ, этому дураку подъ окномъ что-нибудь, чтобъ я, въ самомъ дѣлѣ, его не убилъ". Ну, вижу, конецъ мой приходитъ. Какъ я пробормоталъ сцену — ужъ не помню; подходитъ онъ ко мнѣ, лица человѣческаго нѣтъ, звѣрь-звѣремъ; взялъ меня лѣвою рукой за воротъ, поднялъ на воздухъ, а правой какъ размахнется, да кулакомъ меня по затылку какъ хватитъ... Свѣта я не взвидѣлъ, Геннадій Демьянычъ, сажени три отъ окна-то летѣлъ, въ женскую уборную дверь прошибъ.

Хорошо трагикамъ-то! Его тридцать разъ за эту сцену вызвали; публика чуть театръ не разломала, а я на всю жизнь калѣкой могъ быть: немножко Богъ помиловалъ... Пустите, Геннадій Демьянычъ!

Несчастливцевъ *(держитъ его за воротъ).*

Эффектно! Надо это запомнить. *(Подумавъ.)* Постой-ка! какъ ты говоришь? Я попробую.

Счастливцевъ *(падая на колѣни).*

Батюшка, Геннадій Демьянычъ!...

Несчастливцевъ *(выпускаетъ его).*

Ну, не надо, убирайся! Въ другой разъ... Такъ вотъ, положилъ онъ мнѣ руку на плечо. „Ты, говоритъ... да я, говоритъ... умремъ, говоритъ..." *(Закрываетъ лицо и плачетъ. Отирая слезы.)* Лестно! *(Совершенно равнодушно.)* У тебя табакъ есть?

Счастливцевъ.

Какой табакъ, помилуйте! Крошки нѣтъ.

Несчастливцевъ.

Какъ же ты въ дорогу идешь, а табакомъ не запасся? Глупъ!

Счастливцевъ.

Да, вѣдь, и у васъ нѣтъ?

Несчастливцевъ.

„У васъ нѣтъ". Смѣешь ты мнѣ это говорить? У меня такой былъ, какого ты и не видывалъ, одесскій, первый сортъ отъ Кріона, да теперь вышелъ.

Счастливцевъ.

И у меня тоже вышелъ-съ.

Несчастливцевъ.

А денегъ съ тобой много?

Счастливцевъ.

У меня и съ роду много-то не было, а теперь копейки за душой нѣтъ.

Несчастливцевъ.

Какъ же въ дорогу безъ денегъ-то? Безъ табаку и безъ денегъ. Чудакъ!

Счастливцевъ.

Лучше, не ограбятъ-съ. Да развѣ не все равно безъ денегъ-то, что̀ на мѣстѣ сидѣть, что̀ по дорогѣ итти?

Несчастливцевъ.

Ну, до Воронежа, положимъ, ты съ богомольцами дойдешь, Христовымъ именемъ пропитаешься; а дальше-то какъ? Землей Войска Донского? Тамъ, не то что̀ даромъ, а и за деньги не накормятъ табачника. Облика христіанскаго на тебѣ нѣтъ, а ты хочешь по станицамъ итти: вѣдь, казачки-то тебя за бѣса сочтутъ — дѣтей стращать станутъ.

Счастливцевъ.

Ужъ вы не хотите ли мнѣ взаймы дать, Геннадій Демьянычъ? Надо правду сказать, душа-то нынче только у трагиковъ и осталась. Вотъ покойный Корнелій, бывало, никогда товарищу не откажетъ, послѣдними подѣлится. Всѣмъ бы трагикамъ съ него примѣръ брать.

Несчастливцевъ.

Ну, ты этого мнѣ не смѣй говорить! И у меня тоже душа широкая; только денегъ я тебѣ не дамъ: самому, пожалуй, не хватитъ. А пожалѣть тебя, братъ, Аркаша, я пожалѣю. У тебя нѣтъ тутъ, по-близости, родныхъ или знакомыхъ?

Счастливцевъ.

Нѣтъ; да, вѣдь, если-бъ и были, такъ они денегъ не дадутъ.

Несчастливцевъ.

Не объ деньгахъ рѣчь! А хорошо бы отдохнуть съ дороги, пироговъ домашнихъ, знаешь, наливочки попробовать. Какъ же это, братецъ ты мой, у тебя ни родныхъ, ни знакомыхъ нѣтъ? Что̀ же ты за человѣкъ?

Счастливцевъ.

Да, вѣдь, и у васъ тоже нѣтъ?

Несчастливцевъ.

У меня-то есть, да я было хотѣлъ мимо пройти: гордъ я очень. Да ужъ, видно, завернуть.

Счастливцевъ.

Вѣдь, и у родныхъ-то тоже не велика радость намъ, Геннадій Демьянычъ. Мы народъ вольный, гулящій — намъ трактиръ дороже всего. Я у родныхъ-то пожилъ, знаю. У меня

есть дяденька, лавочникъ въ уѣздномъ городѣ, верстъ за 500 отсюда, погостилъ я у него, да кабы не бѣжалъ, такъ...

Несчастлявцевъ.

Что̀ же?

Счастливцевъ.

Не хорошо-съ. Да вотъ я вамъ разскажу-съ. Шлялся я безъ дѣла мѣсяца три, надоѣло; дай, думаю, дяденьку навѣщу. Ну, и пришелъ-съ. Долго меня въ домъ не пущали, все разныя лица на крыльцо выглядывали. Наконецъ, выходитъ самъ. „Ты, говоритъ, зачѣмъ?“ — „Навѣстить, говорю, васъ, дяденька“. — „Значитъ, ты свои художества бросилъ?“ — „Бросилъ“, говорю. — „Ну, что̀-жъ, говоритъ, вотъ тебѣ каморка, поживи у меня, только прежде въ баню сходи.“ Сталъ я у нихъ жить. Встаютъ въ 4 часа, обѣдаютъ въ 10, спать ложатся въ восьмомъ часу; за обѣдомъ и за ужиномъ водки пей сколько хочешь, послѣ обѣда спать. И всѣ въ домѣ молчатъ, Геннадій Демьянычъ, точно вымерли. Дядя съ утра уйдетъ въ лавку, а тетка весь день чай пьетъ и вздыхаетъ. Взглянетъ на меня, ахнетъ и промолвитъ: „безчастный ты человѣкъ, душѣ своей ты погубитель!“ Только у насъ и разговору. „Не пора ли тебѣ, душѣ своей погубитель, ужинать, да шелъ бы ты спать“.

Несчастливцевъ.

Чего-жъ тебѣ лучше?

Счастливцевъ.

Оно точно-съ, я было поправился и толстѣть уже сталъ, да вдругъ какъ-то, за обѣдомъ, приходитъ въ голову мысль: не удавиться ли мнѣ? Я, знаете ли, тряхнулъ головой, чтобъ она вышла; погодя немного, опять эта мысль, вечеромъ опять. Нѣтъ, вижу, дѣло плохо, да ночью и бѣжалъ изъ окошка. Вотъ каково нашему брату у родныхъ-то.

Несчастливцевъ.

Я бы и самъ, братецъ, не пошелъ, да, признаться тебѣ сказать, усталъ, а еще до Рыбинска съ недѣлю пропутешествуешь, да и дѣло-то найдешь ли, неизвѣстно. Вотъ, если бы намъ найти актрису драматическую, молодую, хорошую...

Счастливцевъ.

Тогда бы ужъ и хлопотать нечего-съ, мы бы сами-съ...

остальныхъ подобрать легко. Мы бы такую труппу составили... Я кассиромъ...

Несчастливцевъ.

Да маломъ дѣло стало, актрисы нѣтъ.

Счастливцевъ.

За нихъ теперь и нигдѣ нѣтъ-съ.

Несчастливцевъ.

Да понимаешь ли ты, что̀ такое драматическая актриса? Знаешь ли ты, Аркашка, какую актрису мнѣ нужно? Душа мнѣ, братецъ, нужна, жизнь, огонь.

Счастливцевъ.

Ну, ужъ огня-то, Геннадій Демьянычъ, днемъ съ огнемъ не найдешь.

Несчастливцевъ.

Ты у меня не смѣй острить, когда я серьезно разговариваю. У васъ, водевильныхъ актеровъ, только смѣхъ на умѣ, а чувства ни на грошъ. Бросится женщина въ омутъ головой отъ любви — вотъ актриса. Да чтобъ я самъ видѣлъ, а то не повѣрю. Вытащу изъ омута, тогда повѣрю. Ну, видно, итти.

Счастливцевъ.

Куда-съ?

Несчастливцевъ.

Не твое дѣло. Пятнадцать лѣтъ, братецъ, не былъ; а, вѣдь, я чуть не родился здѣсь. Дѣтскія лѣта, невинныя игры, голубятни, знаешь ли, все это въ памяти. *(Опускаетъ голову.)* Что̀-жъ, отчего ей не принять меня? Она ужъ старушка; ей, по самому дамскому счету, давно за пятьдесятъ лѣтъ. Я ее не забывалъ, посылалъ, братецъ, ей часто подарки. Изъ Карасубазара послалъ ей туфли татарскія, мороженую нельму — изъ Иркутска, бирюзы — изъ Тифлиса, кирпичнаго чаю, братецъ, изъ Ирбита, балыкъ — изъ Новочеркасска, малахитовыя чётки — изъ Екатеринбурга, да всего и не упомнишь. Конечно, лучше бы намъ съ тобой подъѣхать къ крыльцу въ каретѣ; дворня навстрѣчу... а теперь пѣшкомъ, въ рубищѣ. *(Утираетъ слезы.)* Гордъ я, Аркадій, гордъ! *(Надѣваетъ чемоданъ.)* Пойдемъ, и тебѣ уголъ будетъ.

Счастливцевъ.

Куда же, Геннадій Демьянычъ?

Несчастливцевъ.

Куда? *(Указываетъ на столбъ.)* Читай!

Счастивцевъ *(читаетъ).*

Въ усадьбу Пеньки, помѣщицы г-жи Гурмыжской.

Несчастливцевъ.

Туда ведетъ меня мой жалкій жребій. Руку, товарищъ! *(Медленно уходятъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Гурмыжская.
Булановъ.
Несчастливцевъ.
Счастливцевъ.
Восьмибратовъ.
Петръ.
Карпъ.

Старый, густой садъ; налѣво отъ зрителей невысокая терраса барскаго дома, уставленная цвѣтами; съ террасы сходъ въ три или четыре ступени.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гурмыжская *(на террасѣ)*, Булановъ *(въ саду).*

Булановъ *(увидавъ Гурмыжскую, помогаетъ ей сойти съ террасы и цѣлуетъ ея руку).*

Съ добрымъ утромъ, Раиса Павловна!

Гурмыжская.

Здравствуйте, мой другъ!

Булановъ *(съ участіемъ).*

Какъ ваше здоровье-съ?

Гурмыжская.

Благодарю тебя, мой милый. Я здорова и какъ-то осо-

бенно свѣжо чувствую себя сегодня, несмотря на то, что плохо ночь спала. Какое-то волненіе, и такіе все непріятные сны видѣла. Ты снамъ вѣришь?

Булановъ.

Какъ же не вѣрить-съ? Можетъ быть, если-бъ я поучился побольше, я-бъ и не вѣрилъ-съ. *(Злобно улыбаясь.)* А, вѣдь, я не доучился-съ, я и растрепанный не хожу, и умываюсь каждый день, и снамъ вѣрю-съ.

Гурмыжская.

Бываютъ сны, которыхъ цѣлый день не выживешь изъ головы.

Булановъ.

Чтò же вы, Раиса Павловна, изволили видѣть?

Гурмыжская.

Ну, положимъ, что я тебѣ всего не скажу.

Булановъ.

Извините!

Гурмыжская.

И вины никакой нѣтъ. Другой сонъ я тебѣ скажу, а этотъ нѣтъ.

Булановъ.

Отчего-же-съ?

Гурмыжская.

Оттого, что разсказывать сны иногда точно то же, чтò разсказывать свои тайныя мысли или желанія; а это не всегда удобно: я — женщина, ты — мужчина.

Булановъ.

Такъ чтò-жъ, что мужчина-съ?

Гурмыжская.

Ужъ это такая невинность, что изъ рукъ вонъ. Ну, я тебя видѣла.

Булановъ.

Меня? Это мнѣ очень пріятно-съ.

Гурмыжская.

Будто?

Булановъ.

Значитъ, вы обо мнѣ думали-съ, какъ почивать ложились.

Гурмыжская.

Скажите, пожалуйста! И ты этимъ очень доволенъ?

Булановъ.

Да какъ же не доволенъ-съ? Я все боюсь, что вы на меня разсердитесь за что-нибудь и прогоните къ маменькѣ.

Гурмыжская.

Ахъ, какъ это смѣшно! Да за что̀ же мнѣ разсердиться на тебя? Бѣдный, ты меня боишься?

Булановъ.

Какъ же не бояться? Говорятъ, вы очень строги.

Гурмыжская.

Это хорошо, что такъ говорятъ. Но съ тобой, мой другъ, я строга не буду: хуже всего для тебя, если ты меня будешь бояться.

Булановъ.

Хорошо-съ. Вотъ, если-бъ я зналъ...

Гурмыжская.

Что̀?

Булановъ.

Какъ угодить вамъ.

Гурмыжская.

Догадайся.

Булановъ.

Догадаться-то развѣ легко-съ? Да у меня на это и ума нѣтъ.

Гурмыжская.

На что̀ же у тебя умъ?

Булановъ.

На все, что̀ прикажутъ; вотъ еще имѣніемъ управлять, мужиками-съ. Если-бъ были крѣпостные, вамъ бы лучше меня управляющаго не найти; нужды нѣтъ, что я молодъ.

Гурмыжская.

Ахъ, этотъ сонъ! Нейдетъ изъ головы, да и только.

Булановъ.

Чѣмъ же онъ васъ такъ безпокоитъ?

Гурмыжская.

Довольно трудно объяснить; но съ тобой я могу говорить

откровенно; я вижу, что ты мнѣ преданъ. Вотъ видишь: у меня есть племянникъ.

Булановъ.

Я знаю-съ. Вы его очень любите и часто говорите про него.

Гурмыжская.

Мой другъ, иногда говорятъ одно, а думаютъ совсѣмъ другое. Зачѣмъ я всякому стану объяснять свои чувства? Я по родству должна любить его, ну, я и говорю, что люблю.

Булановъ.

А въ самомъ-то дѣлѣ не любите?

Гурмыжская.

Не то, что не люблю, а... какъ тебѣ сказать... онъ теперь лишній. Я такъ покойна, я ужъ задумала, какъ мнѣ распорядиться своимъ состояніемъ, и вдругъ онъ явится. Какъ ему отказать? Надо будетъ и ему дать какую-нибудь часть, и я должна буду отнять у того, кого люблю...

Булановъ.

Такъ вы не отдавайте-съ.

Гурмыжская.

Да нельзя. За что́-жъ я ему откажу, если онъ почтителенъ и ведетъ себя хорошо? Да я здѣсь такъ себя поставила, что отказать родственнику не могу. Ну, а если онъ пріѣдетъ безъ средствъ? Надо будетъ его содержать; пожалуй, захочетъ поселиться у меня. Вѣдь, не выгнать же его?

Булановъ.

Прикажите мнѣ, я выгоню.

Гурмыжская *(съ испугомъ)*.

Ахъ, сохрани тебя Богъ! Береги себя, береги! Вотъ что́ я видѣла во снѣ: будто онъ пріѣхалъ и убилъ тебя изъ пистолета при моихъ глазахъ.

Булановъ.

Меня? Ну, еще мы это посмотримъ-съ. Да вы, Раиса Павловна, лучше о немъ не думайте, а то онъ все вамъ будетъ сниться.

Гурмыжская.

Онъ очень уменъ былъ до сихъ поръ, пятнадцать лѣтъ сюда и не заглядывалъ. Желала бы я, очень желала, чтобъ и еще пятнадцать лѣтъ такъ прошло.

Булановъ.

Такъ вы, Раиса Павловна, лучше о немъ забудьте совсѣмъ, и не говорите, а то, чего добраго, накличете, пожалуй.

Гурмыжская.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы не накликать. *(Входитъ Карпъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Гурмыжская, Булановъ, Карпъ.

Карпъ.

Пожалуйте, сударыня, чай кушать; самоваръ готовъ-съ.

Гурмыжская.

Пойдемъ, Алексисъ!

Карпъ.

Сударыня, сегодня ночью баринъ пріѣхали!

Гурмыжская.

Баринъ? Какой баринъ?

Карпъ.

Геннадій Демьянычъ-съ.

Гурмыжская *(съ испугомъ).*

Неужели? Слышишь, Алексисъ? *(Карпу.)* Гдѣ же онъ?

Карпъ.

Я ихъ въ бесѣдку проводилъ, тамъ и почивать имъ приготовилъ-съ. Они говорили, что остановились въ городѣ, въ гостинницѣ, всю поклажу тамъ оставили, а къ намъ пѣшкомъ изъ городу замѣсто прогулки.

Гурмыжская.

Еще ничего не говорилъ?

Карпъ.

Ничего-съ. Они были не въ духѣ-съ.

Гурмыжская.

Какъ не въ духѣ?

Карпъ.

Какъ, въ родѣ, въ забвеніи-съ; надо полагать, съ дороги-съ. Требовали бумагу и чернилъ; долго ходили по бесѣдкѣ; все думали; сѣли за столъ, написали записку и приказали вамъ отдать. *(Подаетъ записку.)*

Гурмыжская.

Что такое? Стихи какіе-то. *(Читаетъ:)*

Судьба моя, жестокая!
Жестокая, судьба моя!
Ахъ, теперь одна могила...

Что это, Алексисъ? Я не понимаю.

Булановъ.

Вы не понимаете, а мнѣ-то гдѣ-же-съ?

Гурмыжская *(Карпу).*

Онъ спитъ?

Карпъ.

Никакъ нѣтъ-съ. Встали рано и ушли, должно быть, купаться. Я ихъ сегодня не видалъ-съ.

Гурмыжская.

Ну, когда придетъ, проси въ гостиную чай кушать.

Карпъ.

Слушаю-съ. *(Уходитъ.)*

Гурмыжская *(пожимая плечами).*

Вотъ и не вѣрь снамъ. Пойдемъ, Алексисъ. *(Уходятъ. Выходятъ Несчастливцевъ, одѣтый очень прилично, на головѣ черная складная шляпа, и Счастливцевъ въ прежнемъ костюмѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВЪ, СЧАСТЛИВЦЕВЪ.

Несчастливцевъ.

Ну, Аркадій, тетушка моя женщина почтенная, строгая; я не хочу, братецъ, чтобъ она знала, что я актеръ да еще провинціальный. *(Грозитъ пальцемъ.)* Смотри, не проговорись: я Геннадій Демьяничъ Гурмыжскій, капитанъ въ отставкѣ, или маіоръ, ужъ какъ тебѣ угодно будетъ; однимъ словомъ, я баринъ, а ты мой лакей.

Счастливцевъ.

Какъ лакей?

Несчастливцевъ.

Такъ, просто, лакей, да и все тутъ. Нельзя-жъ мнѣ тебя вести въ гостиную? Какъ я тебя представлю тетенькѣ? Она

женщина набожная, въ домѣ, братецъ, тишина, скромность — и вдругъ, представьте себѣ — физіономія. А лакеемъ быть тебѣ, съ твоей рожей, братецъ, въ самый разъ.

Счастливцевъ.

Нѣтъ ужъ, извините! Это еще не извѣстно.

Несчастливцевъ.

Чтò не извѣстно?

Счастливцевъ.

Насчетъ рожи-то.

Несчастливцевъ.

Нѣтъ, ужъ ты, братъ, Аркадій, не сомнѣвайся.

Счастливцевъ.

Да, какъ же?

Несчастливцевъ *(грозно).*

Такъ же, говорю я тебѣ! Чего тебѣ еще? Накормятъ тебя здѣсь хорошо, служить ты будешь только мнѣ.

Счастливцевъ.

Да, вѣдь, я гордъ, Геннадій Демьянычъ.

Несчастливцевъ.

Очень мнѣ нужно, что ты гордъ. Не тебѣ чета, самъ Мартыновъ игралъ лакеевъ, а ты стыдишься! Какъ ты, братецъ, глупъ.

Счастливцевъ.

Да, вѣдь, то на сценѣ.

Несчастливцевъ.

Ну, и ты, братецъ, представь себѣ, что ты на сценѣ.

Счастливцевъ.

Нѣтъ, я не хочу. Ишь чтò выдумали! Какъ же! Я лучше уйду, и у меня есть амбиція.

Несчастливцевъ.

Я знаю, что амбиція есть; а паспортъ есть ли?

Счастливцевъ.

Вамъ чтò за дѣло?

Несчастливцевъ.

А вотъ чтò: уйди, попробуй, такъ увидишь. Мнѣ, братецъ, только мигнуть — и пойдешь ты по этапу на мѣсто жительства, какъ бродяга. Я, вѣдь, знаю, ты двѣнадцать лѣтъ безъ

паспорта ходишь. Вмѣсто паспорта, у тебя въ карманѣ статья Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, гдѣ напечатано, что пріѣхалъ актеръ такой-то и игралъ очень скверно. Вотъ и весь твой видъ. Ну, что̀-жъ ты замолчалъ? То-то же! А ты сдѣлай, братецъ, для меня! Кто тебя проситъ, подумай! Ну, по-товарищески, понимаешь, по-товарищески!

Счастливцевъ.

Если по-товарищески, я пожалуй.

Несчастливцевъ.

Ты не подумай, братецъ, что я гнушаюсь своимъ званіемъ. А неловко, братецъ; домъ такой: тишина, смиреніе. А, вѣдь, мы съ тобой почти черти, немного лучше. Самъ знаешь: скоморохъ попу не товарищъ. Только ты насчетъ ссоры или драки, ну, и насчетъ чужого поостерегись, Аркаша! Хоть тебѣ и трудно будетъ, а постарайся, братецъ, вести себя, какъ слѣдуетъ порядочному лакею. Вотъ, во-первыхъ, сними, братецъ, картузъ, да отойди къ сторонѣ, кто-то идетъ. *(Входитъ Карпъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Несчастливцевъ, Счастливцевъ, Карпъ.

Карпъ.

Здравствуйте, батюшка-баринъ! Какъ почивать изволили?

Несчастливцевъ.

Ничего, братецъ, соснулъ недурно.

Карпъ.

Что̀ это, сударь, какъ вы постарѣли?

Несчастливцевъ.

Жизнь, братецъ...

Карпъ.

Понимаю, сударь, какъ не понимать. Тоже, вѣдь, эта служба...

Несчастливцевъ.

Да, братецъ, эта служба...

Карпъ.

Опять же, сударь и походы.

Несчастливцевъ *(со вздохомъ).*

Охъ, походы, походы!

Карпъ.

Съ мѣста на мѣсто, сударь...

Несчастливцевъ.

Да, братъ, съ мѣста на мѣсто. Вы какъ здѣсь поживаете?

Карпъ.

Какая наша жизнь, сударь? Живемъ въ лѣсу, молимся пенью, да и то съ лѣнью. Пожалуйте, сударь, пожалуйте! Тетенька васъ чай кушать дожидаются.

Несчастливцевъ *(подходя къ террасѣ).*

Послушай, Карпъ, не забудь моего Аркашку, напой чайкомъ, братецъ!

Карпъ.

Слушаю, сударь, будьте покойны. *(Несчастливцевъ уходитъ.)*

Счастливцевъ.

Ахъ, чортъ возьми, ушелъ, оставилъ съ хамомъ! Вотъ ужъ онъ и съ разговоромъ лѣзетъ.

Карпъ.

Какъ васъ звать?

Счастливцевъ.

Сганарель.

Карпъ.

Вы кто же будете? Иностранецъ, что̀ ли?

Счастливцевъ.

Иностранецъ буду. А васъ какъ?

Карпъ.

Карпъ Савельичъ.

Счастливцевъ.

Не можетъ быть.

Карпъ.

Вѣрно.

Счастливцевъ.

Да, вѣдь, карпъ — рыба.

Карпъ.

То карпія.

Счастливцевъ.

Да что карпія, что карпъ — все равно. Ужъ лучше бы васъ Сазаномъ Савельичемъ звали.

Карпъ.

Ну, какъ можно. Хотите чаю?

Счастливцевъ.

Нѣтъ.

Карпъ.

Какъ, нѣтъ?

Счастливцевъ.

Такъ, нѣтъ.

Карпъ.

Такъ-таки совсѣмъ и не хотите?

Счастливцевъ.

Совсѣмъ и не хочу.

Карпъ.

Да почему же такъ?

Счастливцевъ.

Потому же.

Карпъ.

Это я не понимаю.

Счастливцевъ.

Очень просто. Оно послѣ купанья-то лучше бы...

Карпъ.

Само собой, что лучше-бы... только гдѣ взять?

Счастливцевъ.

Потрудитесь, Окунь Савельичъ!

Карпъ.

Да не Окунь, Карпъ. Нешто у ключницы попросить?

Счастливцевъ.

Попросите да принесите къ намъ въ бесѣдку!

Карпъ.

Да ужъ постараюсь для васъ.

Счастливцевъ.

Постарайтесь, Налимъ Савельичъ! *(Кланяется и уходитъ.)*

Карпъ.

Ахъ, шутъ гороховый! Откуда его вывезли, изъ какихъ такихъ земель? Должно быть, издалека. Вотъ такъ камардинъ! Да и то сказать — образованіе; а здѣсь что? Одно слово: лѣсъ. *(Входятъ Восьмибратовъ и Петръ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Карпъ, Восьмибратовъ, Петръ.

Карпъ.

Вамъ что?

Восьмибратовъ.

Барыню любопытно бы видѣть, любезнѣйшій.

Карпъ.

Дожидайтесь своего термину, когда васъ позовутъ.

Петръ.

Да чудакъ, вѣдь, у насъ съ тятенькой дѣла.

Карпъ.

Нужда намъ велика до вашихъ дѣлъ! Нельзя же, помилуйте! Куда же вы лѣзете?

Петръ.

А ты, все-таки, поди доложь, попробуй.

Карпъ.

Какъ вы говорите доложить, коли заняты съ полковникомъ. Племянникъ ихній пріѣхалъ.

Восьмибратовъ.

Полковникъ?

Карпъ.

Разумѣется, полковникъ... пятнадцать лѣтъ не видавшись.

Восьмибратовъ.

Надолго?

Карпъ.

Зачѣмъ ему надолго? Совсѣмъ пріѣхали.

Восьмибратовъ *(подумавъ)*.

Строги?

Карпъ.

Само собой, а то какъ же? Объ чемъ говорить еще! Какое званіе! Возьмите себѣ въ умъ!

Восьмибратовъ *(махнувъ рукой)*.

Ну, пущай ихъ!... А ты, все-таки, въ свое время... *(Уходитъ; за нимъ Петръ.)*

Карпъ.

Учите еще! *(Выходятъ изъ дому Несчастливцевъ и Булановъ. Карпъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Несчастливцевъ и Булановъ.

Несчастливцевъ.

Какова у меня сестренка, братецъ?

Булановъ.

Да-съ.

Несчастливцевъ.

Женись, братецъ, женись!

Булановъ.

Вы одобряете?

Несчастливцевъ.

Да мнѣ-то что̀ за дѣло? Родятся люди, женятся, умираютъ; значитъ, такъ нужно; значитъ, хорошо.

Булановъ.

Прошу васъ полюбить меня-съ.

Несчастливцевъ.

Да на что̀ тебѣ моя любовь? Что̀ въ ней, братецъ, толку?

Булановъ.

Все-таки-съ.

Несчастливцевъ.

Развѣ наслѣдства ждешь? Жди, братецъ, жди! А ты вотъ что̀: ты подыграйся къ тетушкѣ, она женщина богатая. Молодъ еще ты; а, впрочемъ, какъ знать, эти способности рано открываются. Умѣешь?

Булановъ *(стыдливо)*.

Умѣю-съ.

Несчастливцевъ.

Браво! Гдѣ же это ты научился въ такіе младенческіе годы?

Булановъ.

Чему-съ?

Несчастливцевъ.

Подыгрываться-то, братецъ, угождать, ползать-то?

Булановъ.

Нужда научить-съ.

Несчастливцевъ.

Нужда? А почемъ ты ее знаешь, эту нужду-то?

Булановъ.

Какъ мнѣ не знать-съ? Я въ жизни очень несчастливъ-съ.

Несчастливцевъ.

Вздоръ, не вѣрю. Ты счастливъ. Несчастливъ тотъ, кто угождать и подличать не умѣетъ. Чѣмъ ты несчастливъ? Говори!

Булановъ.

Во-первыхъ, мнѣ папенька мало наслѣдства оставилъ.

Несчастливцевъ.

А тебѣ сколько нужно?

Булановъ.

Хоть бы тысячи двѣ-три десятинъ земли-съ или деньгами тысячъ сорокъ-съ.

Несчастливцевъ.

И ты былъ бы счастливъ? Немного же тебѣ, братецъ, надо.

Булановъ.

Оно точно, что не много, а можно жить порядочно-съ.

Несчастливцевъ.

Ну, подожди, братецъ, я тебѣ больше оставлю.

Булановъ.

Вы нарочно-съ?

Несчастливцевъ.

Ну, вотъ еще! Родныхъ у меня нѣтъ; ты мнѣ очень понравился. А еще какое несчастіе у тебя?

Булановъ.

Ученьемъ несчастливъ-съ, . я даже въ гимназіи не кончилъ-съ.

Несчастливцевъ *(снимаетъ шляпу и кланяется).*

Ужъ ты меня, братецъ, извини, сдѣлай милость!

Булановъ.

Въ чемъ-же-съ?

Несчастливцевъ.

Въ этомъ я тебѣ помочь никакъ не могу. И радъ бы, да не могу.

Булановъ.

Да ничего, помилуйте-съ! Это и не нужно-съ: были бы деньги. Маменька говоритъ, что у меня умъ не такой, не для ученья-съ.

Несчастливцевъ.

Какой же?

Булановъ.

Практическій-съ.

Несчастливцевъ.

Ну, благодари Творца, что хоть какой-нибудь есть. А то часто бываетъ, что и никакого нѣтъ.

Булановъ.

Да и это ничего-съ. Было бы только земли побольше, да понимать свой интересъ, помѣщичій; а то и безъ ума можно прожить-съ!

Несчастливцевъ.

Да оно и лучше, головѣ легче. Такъ ума у тебя нѣтъ? Хоть папиросы есть ли? *(Гурмыжская показывается на террасѣ.)*

Булановъ *(смѣется).*

Тоже нѣтъ-съ.

Несчастливцевъ.

Чему же ты, братецъ, смѣешься? Да ты куришь или нѣтъ?

Булановъ *(тихо).*

Я курю-съ, и папиросы есть; только вотъ Раиса Павловна идутъ, а при нихъ я никогда себѣ не позволяю. *(Гурмыжская сходитъ въ садъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Гурмыжская, Несчастливцевъ, Булановъ, *потомъ* Карпъ.

Гурмыжская.

Я бы тебя никакъ не узнала, такъ ты измѣнился. Благодарю, что ты меня не совсѣмъ забылъ; а мы тебя вспоминали чуть не каждый день.

Несчастливцевъ.

Могу ли я забыть васъ! Вы не знаете моего сердца. Я помнилъ васъ, помню и буду помнить.

Гурмыжская.

Знаю, мой другъ, и благодарю тебя за память. Ужъ ничѣмъ ты мнѣ такъ не угодилъ, какъ чётками.

Несчастливцевъ.

Когда я посылалъ эти чётки, я думалъ: „добрая женщина, ты возьмешь ихъ въ руки и будешь молиться. О, помяни меня въ твоихъ святыхъ молитвахъ!“

Гурмыжская.

Поминаю, мой другъ, поминаю. Однако, я до сихъ поръ не спрошу у тебя. Судя по твоему платью, ты ужъ больше не служишь въ военной службѣ?

Несчастливцевъ.

Нѣтъ. Плохо здоровье, плохи силы, врагъ не грозитъ. Но, если... а!... мнѣ по душѣ кровавыя потѣхи! Служить въ мирное время для чиновъ, для почестей!... Я не честолюбивъ.

Гурмыжская.

Но я не думаю, чтобъ ты могъ жить безъ дѣла. Ты, вѣроятно, только перемѣнилъ службу?

Несчастливцевъ.

Перемѣнилъ.

Гурмыжская.

И ты доволенъ своимъ положеніемъ?

Несчастливцевъ.

Моя служба, тетушка, по мнѣ: я доволенъ и мной довольны.

Гурмыжская.

Ты въ отпускѣ?

Несчастливцевъ.

Нѣтъ, я проѣздомъ, захотѣлось отдохнуть.

Гурмыжская.

Очень рада, что ты догадался навѣстить меня. Удобно ли тебѣ въ бесѣдкѣ?

Несчастливцевъ.

О, не безпокойтесь! Садъ, природа, зелень, уединеніе! Это рай для моей души. *(Входитъ Карпъ.)*

Карпъ.

Сударыня, Восьмибратовъ давно дожидается-съ.

Гурмыжская.

Ахъ, да, я и забыла, что велѣла приходить ему пораньше. Позови его сюда! *(Карпъ уходитъ.)* Не хочешь ли погулять по окрестностямъ? Вотъ Алексисъ будетъ тебѣ товарищемъ.

Несчастливцевъ.

Нѣтъ, я гуляю только ночью. *(Буланову.)* Пойдемъ, братецъ, въ бесѣдку.

Булановъ.

Пойдемте-съ. *(Уходятъ. Входятъ Восьмибратовъ и Петръ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Гурмыжская, Восьмибратовъ и Петръ.

Гурмыжская.

Ты меня извини, я про тебя и забыла.

Восьмибратовъ.

Ничего-съ. Племянничекъ пріѣхалъ?

Гурмыжская.

Да, племянникъ.

Восьмибратовъ.

Дѣло хорошее-съ. Однако, сударыня, не задерживайте!

Гурмыжская.

Нѣтъ, ужъ я теперь тебя не задержу.

Восьмибратовъ.

То-то ужъ, не задерживайте-съ!

Гурмыжская.

Нѣтъ, нѣтъ, мы сейчасъ.

Восьмибратовъ.

Хорошо-съ! *(Молчаніе.)*

Гурмыжская.

Ты принесъ?

Восьмибратовъ.

Какъ же, свое дѣло помнимъ-съ.

Гурмыжская.

Ну, такъ вотъ мы сейчасъ.

Восьмибратовъ.

Хорошо, хорошо-съ. *(Молчаніе.)*

Гурмыжская.

Такъ какъ же, много-ль тамъ?

Восьмибратовъ.

Пожалуйте-съ.

Гурмыжская.

Что?

Восьмибратовъ.

Записочку-съ, условьице-то наше.

Гурмыжская.

Да какъ же, право; я не знаю, куда я ее дѣла.

Восьмибратовъ.

Поищите-съ.

Гурмыжская.

Гдѣ-жъ ее искать? Я, право, не знаю; я, должно быть, ее потеряла.

Восьмибратовъ.

Какъ же это такъ-съ? Вѣдь, вы меня такимъ манеромъ можете обидѣть.

Гурмыжская.

Чтò за вздоръ! Какъ я тебя обижу?

Восьмибратовъ.

Да какъ только вамъ угодно, такъ и обидите. Вы записочку потеряли, я тогда съ васъ тоже, по глупости, не взялъ. Вы скажете, что за десять тысячъ продали: вѣдь, ужъ я лѣсъ-то срубилъ и вывезъ, торговаться теперь не станешь.

Гурмысжкая.

Ну, вотъ еще! Развѣ ты меня не знаешь?

Восьмибратовъ.

Ужъ я на васъ въ надеждѣ-съ; потому я теперь весь въ вашихъ рукахъ-съ.

Гурмысжкая.

А, впрочемъ, что-жъ тебѣ сомнѣваться, Иванъ Петровичъ; я тебѣ записку приготовила новую.

Восьмибратовъ.

Приготовили-съ?

Гурмыжская.

Да. Что деньги я сполна всѣ получила.

Восьмибратовъ.

Да-съ. Это дѣло другое-съ. Много вами благодаренъ. Однакоже, позвольте эту самую записочку полюбопытствовать.

Гурмыжская.

Вотъ она! *(Подаетъ записку.)* Посмотри!

Восьмибратовъ *(принимая)*.

Безъ очковъ-то я не очень-съ, а въ очкахъ-то еще хуже. Да вотъ сынъ прочитаетъ. Петръ, читай! *(Отдаетъ записку Петру.)*

Петръ *(читаетъ)*.

„За проданный мною калиновскому купцу, Ивану Петрову Восьмибратову…“

Восьмибратовъ.

Да-съ, это такъ точно-съ!

Петръ *(читаетъ)*.

„…на срубъ лѣсъ въ пустошахъ: Горѣлой и Паленой…“

Восьмибратовъ.

Онѣ самыя-съ.

Петръ *(читаетъ)*.

„…и двѣ десятины въ Пылаевой, деньги всѣ сполна получила, калиновская помѣщица Раиса Гурмыжская“.

Восьмибратовъ *(беретъ записку)*.

Очень хорошо-съ. *(Вынимаетъ бумажникъ и тщательно укладываетъ въ него записку.)* Извольте получить-съ. *(Вы-*

нимаетъ деньги и считаетъ.) Тысяча... тысяча-триста, пятьсотъ, семьсотъ... *(задумывается и какъ будто вспоминаетъ)* восемьсотъ. Пожалуйте-съ! *(Подаетъ Гурмыжской.)*

Гурмыжская.

Какъ же, тысяча-восемьсотъ? Да, вѣдь, мнѣ нужно...

Восьмибратовъ.

Виноватъ-съ, простите великодушно! Вотъ память-то! *(Вынимаетъ деньги и подаетъ.)* Еще двѣсти рублей! Теперь такъ точно. Кажется, такъ? Петрушка, такъ? Чтò-жъ ты молчишь? *(Грозно.)* Говори, дерево стоеросовое!

Петръ.

Такъ-съ!

Гурмыжская.

Иванъ Петровичъ, ты шутишь со мной? Три, а не двѣ.

Восьмибратовъ *(обидясь).*

Какія три? Чтò вы, помилуйте!

Гурмыжская.

Развѣ ты забылъ? За одинъ полторы и за другой полторы.

Восьмибратовъ.

Нельзя этому быть-съ, по расчету не выходитъ-съ.

Гурмыжская.

По какому расчету?

Восьмибратовъ.

Гдѣ-жъ у меня глаза-то-съ! Нешто такой лѣсъ за три тысячи покупаютъ? Вѣдь, мы тоже поровимъ, чтобъ безъ убытку.

Гурмыжская.

Я на тебя надѣялась; я тебя всѣмъ хвалила, что ты хорошій семейный человѣкъ...

Восьмибратовъ.

Это въ составъ не входитъ-съ.

Гурмыжская.

Если ты такъ, я не согласна.

Восьмибратовъ.

Какъ вамъ угодно-съ. Прощенія просимъ. Пойдемъ, Петръ!

Гурмыжская.

Да, я не согласна продать тебѣ за эту цѣну Паленую и Пылаеву. Ну, разсуди самъ. Вѣдь, есть у тебя разсудокъ?

Восьмибратовъ.

Какъ не быть! Намъ безъ него нельзя-съ. Это вотъ вашей милости точно, что разсудку не требуется, потому вы за готовымъ и такъ проживете. Если не согласны продавать, пожалуйте деньги назадъ; надо какой-нибудь конецъ сдѣлать.

Гурмыжская.

Полторы тысячи за Горѣлую оставлю, а пятьсотъ возьми.

Восьмибратовъ.

Нѣтъ, я вижу, намъ долго торговаться-съ. Я за Паленую и Пылаеву меньше двухъ тысячъ не возьму, и то съ васъ только.

Гурмыжская.

Какъ не возьмешь?

Восьмибратовъ.

Да такъ-же-съ. Я ихъ купилъ у васъ; за что̀, значитъ, хочу, за то и продаю.

Гурмыжская.

Если я тебѣ отдамъ двѣ тысячи, мнѣ за Горѣлую ничего не останется.

Восьмибратовъ.

Это ужъ ваше дѣло-съ.

Гурмыжская.

Нѣтъ, нѣтъ, не хочу, не хочу!

Восьмибратовъ.

Ежели бы вы для насъ, такъ и мы бы для васъ; а вы нашимъ родомъ и званіемъ гнушаться изволите...

Петръ.

Тятенька!

Восьмибратовъ.

Убью!

Гурмыжская.

Нѣтъ, нѣтъ. Ты возьми пятьсотъ рублей.

Восьмибратовъ.

Чего ежели не возможно, зачѣмъ говорить! Пойдемъ, Петръ!

Гурмыжская.

Такъ какъ же?

Восьмибратовъ.

Это и малый ребенокъ пойметъ. Лѣсъ я у васъ купилъ,

деньги вамъ отдалъ, вы мнѣ расписочку дали; значитъ, лѣсъ мой, а деньги ваши. Теперь поклонъ, да и вонъ. Прощенья просимъ! *(Уходитъ; за нимъ Петръ.)*

Гурмыжская.

Чтὸ-жъ это такое? Денной грабежъ! Удивительное дѣло, ничего-то мнѣ въ жизни не удалось ни купить, ни продать, чтобъ меня не обманули. Видно, ужъ такъ мнѣ на роду написано. *(Уходитъ на террасу. Входятъ Несчастливцевъ и Булановъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Гурмыжская, Несчастливцевъ, Булановъ.

Булановъ.

Какъ вы фокусы дѣлаете безподобно-съ! Какъ же это у васъ девятка-то...

Несчастливцевъ.

Вольтъ, братецъ.

Булановъ.

Научите меня вольты дѣлать!

Несчастливицевъ.

Зачѣмъ?

Булановъ.

Вотъ видите ли, помѣщики у насъ кругомъ богатые... иногда въ карты-съ... чтὸ-жъ мнѣ за расчетъ проигрывать; я человѣкъ бѣдный-съ.

Несчастливцевъ.

Да ты, братецъ, молодецъ совсѣмъ.

Гурмыжская *(сходя съ террасы).*

Представь, Алексисъ, я продала Ивану Петрову лѣсъ за три тысячи, а получила только двѣ.

Булановъ.

Какъ же это-съ?

Гурмыжская.

Я сама виновата: я ему впередъ расписку отдала, что я всѣ сполна получила, ну, онъ и далъ только двѣ.

Несчастливцевъ *(грозно).*

Ахъ, анаѳема!

Булановъ.

Зачѣмъ же вы такъ-съ? Ахъ, какая жалость! Лучше бы...

Гурмыжская.

Ужъ теперь нечего дѣлать, мой другъ; хорошо, что и двѣ-то далъ.

Несчастливцевъ *(съ жаромъ)*.

Какъ нечего? Воротить его! *(Поднимая глаза къ небу.)* Что̀ я съ нимъ сдѣлаю! Боже, что̀ я съ нимъ сдѣлаю!

Булановъ.

Да, вѣдь, у него расписка.

Несчастливцевъ.

Толкуй еще! Нужно мнѣ очень расписки знать! Гдѣ онъ? Подайте его сюда! Что̀ я съ нимъ сдѣлаю! *(Входятъ Карпъ и Счастливцевъ.)*

Гурмыжская *(Буланову)*.

Ахъ, какой онъ страшный! Пойдемъ, пойдемъ!

Булановъ.

Позвольте, я останусь; любопытно-съ. *(Гурмыжская уходитъ.)* Ушелъ Иванъ Петровъ?

Карпъ.

Нѣтъ еще, здѣсь, на дворѣ-съ.

Несчастливцевъ.

Вороти этого мошенника! Я его!... За воротъ тащи. *(Карпъ уходитъ)* Аркашка, подай мои ордена! *(Счастливцевъ уходитъ.)*

Булановъ.

Что̀ же вы съ нимъ будете говорить?

Несчастливцевъ.

Почемъ я знаю, братецъ, что̀ я буду говорить!

Булановъ.

Да развѣ можно противъ документовъ-съ?

Несчастливцевъ.

А вотъ я тебѣ покажу, что можно. Что̀ мнѣ за дѣло до документовъ? Я не подьячій Да отстань ты отъ меня: мнѣ

теперь, братецъ, не до тебя. *(Счастливцевъ приноситъ бутафорскіе ордена; Несчастливцевъ надѣваетъ ихъ.)*

Булановъ.

Какіе же это ордена-съ? Иностранные? *(Входятъ Карпъ, Восьмибратовъ и Петръ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Несчастливцевъ, Булановъ, Счастливцевъ, Восьмибратовъ, Петръ, Карпъ

Восьмибратовъ.

Чего еще? Какая такая надобность? У насъ тоже свое дѣло есть; разговоры-то ужъ намъ надоѣли.

Карпъ.

Пожалуйте! Мнѣ что̀, коли требуютъ.

Булановъ.

Это иностранные ордена-съ?

Несчастливцевъ.

Иностранные Оставь, братецъ, меня въ покоѣ! *(Восьмибратову.)* Поди сюда!

Восьмибратовъ.

Желаю здравствовать, ваше высокородіе! Имени, отечества не знаю-съ...

Несчастливцевъ.

Поди сюда, говорятъ тебѣ!

Восьмибратовъ *(сыну)*.

Петрушка, отдайся къ сторонѣ! Отойди маненько! Вотъ такъ-то! *(Несчастливцеву.)* Что̀ же будетъ вамъ угодно-съ?

Несчастливцевъ.

Не могу же я съ тобой за версту разговаривать?

Восьмибратовъ.

Можетъ, на ухо крѣпки-съ, такъ мы подойдемъ; важности не составитъ.

Несчастливцевъ.

Какъ же ты посмѣлъ подумать?...

Восьмибратовъ.

Позвольте-съ!

Несчастливцевъ.

Молчи! Такая женщина! И ты...

Восьмибратовъ.

Какая женщина? Позвольте-съ...

Несчастливцевъ.

Какая женщина? Онъ спрашиваетъ! Молчи, говорятъ тебѣ! Женщина, передъ которой всѣ, всѣ, даже я... я благоговѣю! И ты, презрѣнный алтынникъ!...

Восьмибратовъ.

Насчетъ чего же это-съ?

Несчастливцевъ.

Не перебивай меня! Благодари Бога, что у меня еще есть капля терпѣнія! Горе тебѣ, если его не будетъ! *(Грозитъ пальцемъ)*

Восьмибратовъ.

Петрушка! Что̀ ты ротъ разинулъ? Стой хорошенько!

Несчастливцеяъ.

Несчастный! Не становись между львомъ и его...

Восьмибратовъ.

Что̀ же вы кричите? Вы будете кричать, я буду кричать, будетъ базаръ, а толку не выйдетъ.

Несчастливцевъ.

Ты, ты?... Ты будешь кричать?

Восьмибратовъ.

Да отчего-жъ не кричать, коли здѣсь такое заведеніе? Мы промежъ себя говоримъ тихо, потому у насъ глухихъ нѣтъ.

Несчастливцевъ *(Буланову)*.

Что̀ онъ говоритъ? Что̀ онъ говоритъ? Что̀ онъ смѣетъ говорить?

Булановъ.

Да-съ.

Несчастливцевъ.

Боже великій! И онъ живъ еще? Я еще не убилъ его?

Восьмибратовъ.

Это на что-же-съ? А вы позвольте, что̀ вамъ угодно? Потому мнѣ тутъ даромъ гостить нечего.

Несчастливцевъ.

Что̀ мнѣ угодно? Онъ спрашиваетъ, что̀ мнѣ угодно! А! Ха, ха, ха! Мнѣ угодно сказать тебѣ, что ты мошенникъ.

Восьмибратовъ.

Нѣтъ, вы ужъ это оставьте! Ни къ чему не ведетъ. По нынѣшнему времени это лишнее.

Петръ.

Какіе комплименты!

Восьмибратовъ.

Петрушка, поди сюда!

Петръ.

Я здѣсь, тятенька.

Восьмибратовъ.

Коли есть дѣло, такъ говорите, а нѣтъ, такъ прощенья просимъ. Да вотъ что̀, лучше ко мнѣ пожалуйте; мнѣ дома-то слободнѣе разговаривать. Петръ, пойдемъ!

Несчастливцевъ *(грозно)*.

Постой!

Петръ.

За постой-то деньги платятъ.

Несчастливцевъ.

Какъ же ты обманулъ честную женщину?

Восьмибратовъ.

Обманъ! Говорить-то все можно. Отчего же вы тетенькѣ вѣрите, а мнѣ нѣтъ?

Несчастливцевъ.

Онъ спрашиваетъ... Она кроткая, какъ ангелъ, и онъ... *(Всплеснувъ руками.)* Онъ еще разговариваетъ! Посмотрите на него! Одна рожа-то твоя, богопротивная, чего сто̀итъ!

Восьмибратовъ.

Петрушка, стань тутъ!

Петръ.

Однако, тятенька, ужъ довольно бы этихъ куплетовъ слушать ..

Несчастливцевъ.

Кротость! Олицетворенная кротость!

Восьмибратовъ.

Этого у нихъ никто не отнимаетъ, только что разсудку... въ умаленіи.

Несчастливцевъ.

Что̀ твой разсудокъ! На что̀ твой разсудокъ? Разсудокъ вершокъ, золотникъ, гранъ, а честь безконечна. И ея-то у тебя нѣтъ.

Восьмибратовъ.

Нѣтъ ужъ, баринъ, ты что̀ хочешь говори, а чести не трожь; судиться буду. Какъ такъ у меня чести нѣтъ? Коли я свои документы оправдаю — вотъ моя и честь. Да про меня спроси на сто верстъ, всѣ тебѣ то же скажутъ. Мало тебѣ, я самъ про себя скажу, что я — честный человѣкъ. Ужъ насчетъ тамъ чего другого я не хвалюсь, а насчетъ чести я вотъ что̀ скажу, баринъ: я не человѣкъ, я — правило.

Несчастливцевъ *(садится къ столу и опускаетъ голову).*

Ступай!

Восьмибратовъ.

Чего ступай?

Несчастливцевъ.

Довольно! Пошелъ вонъ! О, люди, люди!

Восьмибратовъ.

Чего довольно? Нѣтъ, погоди. Хочешь, баринъ, я тебя однимъ словомъ убью?

Несчастливцевъ.

Меня?

Восьмибратовъ.

Да, тебя *(Подходитъ, вынимаетъ бумажникъ и бросаетъ на столъ.)* Видалъ ты это?

Несчастливцевъ.

Что̀ такое?

Восьмибратовъ.

Можетъ, твоя тетенька сама забыла; ну, да Богъ съ ней; ты ей вѣришь, бери на свою совѣсть, бери, сколько хочешь! Я не препятствую, бери.

Булановъ.

Берите скорѣй!

Несчастливцевъ *(Буланову)*.

Пошелъ прочь! *(Восьмибратову, отдавая бумажникъ.)* Отдай самъ!

Восьмибратовъ.

То-то самъ. *(Отсчитываетъ деньги.)* Вотъ я какой человѣкъ. Въ поминанье меня запишите!

Несчастливцевъ.

Руку!

Восьмибратовъ.

Чего руку! *(Подаетъ руку.)* Давно бы такъ. Я какой человѣкъ? Ты, должно быть, баринъ, знаешь мой характеръ? Коли меня раздразнить, я въ задоръ войду — все отдамъ. Точно, что мы торговались за три, кажись, а навѣрное не скажу... Документовъ нѣтъ, моя воля. Нà вотъ, отдай имъ тысячу рублей. А все-таки, скажу: не порядокъ. *(Входитъ Гурмыжская.)*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Гурмыжская, Несчастливцевъ, Булановъ, Счастливцевъ, Восьмибратовъ, Петръ и Карпъ.

Несчастливцевъ *(подавая Гурмыжской деньги)*.

Вотъ ваши деньги, получите. *(Отходитъ къ сторонѣ и стоитъ, скрестя руки и опустя голову.)*

Гурмыжская.

Очень тебѣ благодарна, мой другъ!

Восьмибратовъ.

Получили-съ? А только, если-бъ не баринъ, не видать бы вамъ этихъ самыхъ денегъ. Да и я-то бы противъ себя виноватъ былъ; потому тоже совѣсть.

Гурмыжская.

Ты на меня не сердись, Иванъ Петровичъ! Я женщина, съ меня строго взыскать нельзя. Сдѣлай милость, пріѣзжай ко мнѣ завтра обѣдать.

Восьмибратовъ.

Отъ хлѣба, отъ соли не отказываются Да тамъ еще насчетъ пеньковъ...

Гурмыжская.

Ну, и насчетъ пеньковъ.

Восьмибратовъ.

Прощенія просимъ! Прощай, баринъ сердитый! Петръ, пойдемъ! *(Уходитъ; за нимъ Петръ и Карпъ.)*

Гурмыжская *(Несчастливцеву).*

Ахъ, какъ я тебѣ благодарна! А ты знаешь ли, вѣдь, я тебѣ еще должна ровно такую сумму. *(Какъ бы спохватившись, торопливо прячетъ деньги.)*

Несчастливцевъ.

Не вѣрю.

Гурмыжская *(запирая коробку).*

Я твои деньги берегу, мой другъ, берегу!

Несчастливцевъ.

Ахъ, тетушка, оставьте свои хитрости! Какъ вамъ не стыдно! О, сердце женское! Вы хотите предложить мнѣ денегъ, да не знаете, какъ это сдѣлать поделикатнѣе. Вы мнѣ должны! Ну, и прекрасно! Когда-нибудь сочтемся! Не откажите, когда буду нуждаться, а теперь мнѣ не нужны деньги: я богатъ.

Гурмыжская.

Ну, какъ хочешь, мой другъ.

Счастливцевъ *(про-себя).*

Что̀ онъ ломается безъ копейки-то?

Гурмыжская *(взглянувъ на Буланова).*

Я надѣюсь, что ты погостишь у насъ?

Несчастливцевъ.

Два, три дня, не больше, если позволите.

Гурмыжская.

Что̀-жъ такъ мало?

Несчастливцевъ.

Съ меня довольно Навѣстить родные кусты, вспомнить

дни глупаго дѣтства, безпечной юности .. Кто знаетъ, придется ли еще разъ предъ вратами вѣчности...

Гурмыжская.

Не думаешь ли ты, что стѣснишь меня? Напротивъ, я была бы очень рада!

Несчастливцевъ.

Благородная женщина! Не расточай напрасно передо мною сокровища твоего сердца! Мой путь тернистъ, но я не сойду съ него.

Гурмыжская *(показываетъ глазами Буланову, что она очень довольна)*.

Какъ хочешь, мой другъ. Я думала, что тебѣ будетъ здѣсь покойнѣе.

Несчастливцевъ.

Мой покой въ могилѣ. Здѣсь рай; я его не стóю. Благодарю, благодарю! Душа моя полна благодарностью, полна любовью къ вамъ, грудь моя полна теплыхъ слезъ! *(Утираетъ слезы.)* Довольно милостей, довольно ласкъ! Я сдѣлаюсь идолопоклонникомъ, я буду молиться на тебя! *(Закрываетъ лицо рукою и уходитъ. Счастливцевъ идетъ за нимъ, но останавливается и смотритъ изъ-за куста.)*

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Гурмыжская, Булановъ, Счастливцевъ *(за кустомъ)*.

Гурмыжская.

Ушелъ. Ну, теперь я покойна; онъ мнѣ не помѣшаетъ. Онъ какой-то восторженный! Просто, мнѣ кажется, онъ глупый человѣкъ. А какъ я давеча испугалась! Какъ онъ страшенъ!

Булановъ.

Нѣтъ, это ничего-съ: это съ простымъ народомъ очень хорошо-съ.

Гурмыжская.

Все-таки, ты остерегайся! Береги себя, мой другъ! Этотъ сонъ у меня изъ головы нейдетъ... у него такой бѣшеный характеръ.

Булановъ.

Да не безпокойтесь, мы съ нимъ подружились.

Гурмыжская.

Я никакъ не ожидала... самъ отъ денегъ отказывается! Какъ это мило съ его стороны! И напрасно я напоминала про этотъ долгъ. Съ чего это я расчувствовалась! Играешь, играешь роль, ну и заиграешься. Ты не повѣришь, мой другъ, какъ я не люблю денегъ отдавать!

Булановъ.

Я не знаю, я еще молодъ-съ; а умные люди говорятъ, Раиса Павловна, что скупость не глупость.

Гурмыжская.

Да я не скупа; кого я полюблю, тому я все отдамъ.

Булановъ.

А у васъ много денегъ-съ?

Гурмыжская.

Много. Вотъ посмотри! *(Открываетъ коробку. Булановъ смотритъ и вздыхаетъ.)* И всѣ эти деньги я отдамъ тому, кого полюблю.

Булановъ *(съ глубокимъ вздохомъ).*

Охъ-съ!

Гурмыжская.

Вотъ что я хотѣла тебѣ сказать, Алексисъ! Ты держишь себя очень подобострастно, ты все еще смотришь мальчикомъ; это мнѣ не нравится. Конечно, тебя нельзя судить строго; это въ тебѣ отъ бѣдности. Ну, мы какъ-нибудь этому горю поможемъ, сдѣлаемъ тебя посолиднѣе. Я хочу, чтобъ ты былъ посолиднѣе, Алексисъ. На-дняхъ ты поѣдешь въ губернскій городъ, закажи себѣ побольше хорошаго платья, попросторнѣе, купи дорогіе золотые часы съ цѣпочкой, ну, и прочее... Кромѣ того, нужно, чтобъ у тебя постоянно было много денегъ въ карманѣ: это придастъ тебѣ апломбъ. *(Вынимаетъ изъ коробочки деньги, которыя ей передалъ Несчастливцевъ.)* Это деньги глупыя; я ихъ получила случайно. Я тебѣ ихъ дарю.

Булановъ *(потерявшись).*

Мнѣ-съ? *(Беретъ деньги.)* Благодарю-съ! *(Цѣлуетъ руку.)* Солиднымъ приказываете быть? Буду-съ.

Гурмыжская.

Пойдемъ, составимъ списокъ, что̀ тебѣ купить въ городѣ. *(Уходятъ.)*

Счастливцевъ.

Прощай, денежки! Охъ, эти трагики! Благородства пропасть, а смысла никакого.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Гурмыжская.
Булановъ.
Несчастливцевъ.
Счастливцевъ.
Аксюша.
Петръ.
Карпъ.
Улита.

Другая часть сада; направо бесѣдка, налѣво садовая скамья; вдали, сквозь деревья, видно озеро. Лунная ночь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Несчастливцевъ и Счастливцевъ.

Несчастливцевъ.

Ты, Аркадій, поужиналъ?

Счастливцевъ.

Поужиналъ.

Несчастливцевъ.

Хорошо тебя, братецъ, накормили?

Счастливцевъ.

Отлично. Умный человѣкъ, Геннадій Демьянычъ, нигдѣ не пропадетъ.

Несчастливцевъ.

Умный? Это ты про кого же?

Счастливцевъ.

Про себя-съ.

Несчастливцевъ.

Ну, кто-жъ это тебѣ сказалъ, что ты умный? Ты, братецъ, не вѣрь, тебя обманули.

Счастливцевъ.

Даже очень умный-съ. Вотъ, во-первыхъ, я ѣмъ съ барскаго стола, — я сказалъ, что такъ пріученъ у васъ; а во-вторыхъ, сошелся съ ключницей, и, по этому случаю, Геннадій Демьянычъ, занялъ у нея денегъ; да еще у меня бутылка наливки въ уголку подлѣ кровати, будто вакса.

Несчастливцевъ.

Для перваго дебюта недурно, Аркашка. Ты, братъ, старайся, играй свою роль хорошенько!

Счастливцевъ.

Я-то хорошо, вы-то какъ?

Несчастливцевъ.

Я нынче счастливъ, Аркадій; я сдѣлалъ хорошее дѣло.

Счастливцевъ.

Да-съ, хорошее. А еще лучше, кабы эти деньги...

Несчастливцевъ.

Что̀?

Счастливцевъ.

Ампошѐ.

Несчастливцевъ.

Я тебѣ такое „ампошѐ“ задамъ!

Счастливцевъ.

Сколько денегъ въ рукахъ было! Ахъ, Геннадій Демьянычъ!

Несчастливцевъ.

Были, да сплыли.

Счастливцевъ.

Зачѣмъ же вы ихъ отдали?

Несчастливцевъ.

Ты помѣшался, Аркашка! Какъ зачѣмъ? Онѣ не мои.

Счастливцевъ.

Вотъ еще важность! Сейчасъ „давай Богъ ноги!“ Въ городъ на тройку... покатили бы!... потомъ на пароходѣ въ Ярославль, туда-сюда, а тамъ въ Нижній на ярмарку!

Несчастливцевъ.

Удавить тебя, Аркашка, я такъ думаю, было бы и для тебя лучше, и для меня покойнѣе.

Счастливцевъ.

Удавить? Вотъ вы говорите, что умны; а гимназистъ-то, видно, умнѣе: онъ здѣсь получше вашего роль-то играетъ.

Несчастливцевъ.

Какая роль, братецъ? Ну, что̀ онъ такое? Мальчишка, больше ничего.

Счастливцевъ.

Какая роль? Первый любовникъ-съ.

Несчастливцевъ.

Любовникъ? *(Грозно.)* Чей?

Счастливцевъ *(комически-подобострастно).*

Тетеньки вашей.

Несчастливцевъ.

Ха, ха, ха! Ну, Аркашка, у тебя не только фигура, а и душа холопская. Только ты будь осторожнѣй, не болтай лишняго, за это вашего брата бьютъ.

Счастливцевъ.

Ну да, бьютъ...

Несчастливцевъ.

И очень больно.

Счастливцевъ.

Какъ же не бить! *(Отходитъ къ кустамъ.)* Онъ-то любовника играетъ, а вы-то... *(изъ-за куста)* простака.

Несчастливцевъ *(наступая).*

Я простака? Я?

Счастливцевъ *(перебѣгая на другую сторону).*

Надъ которымъ смѣются.

Несчастливцевъ *(наступая).*

Надо мной смѣются? Кто? кто? Говори, несчастный!

Счастливцевъ *(отступая).*

Да будетъ вамъ пугать-то! Я убѣгу... Чѣмъ же я виноватъ, я самъ слышалъ, своими ушами.

Несчастливцевъ.

Да кто? Проклятіе!

Счастливцевъ.

Тетенька съ Булановымъ.

Несчастливцевъ *(хватаясь за голову).*

О!

Счастливцевъ.

Дуракомъ называли. *(Прячется за кустъ.)*

Несчастливцевъ.

Аркашка! Иль тебѣ твоя гнусная жизнь надоѣла? Такъ поди, удавись самъ! Не заставляй меня марать рукъ объ тебя!

Счастливцевъ.

Были деньги, да взять не сумѣли: по усамъ текло, да въ ротъ не попало. А еще меня въ товарищи звали! Коли товарищи, такъ все пополамъ, — тутъ и моя часть была.

Несчастливцевъ.

Да, вѣдь, я тебя въ товарищи-то не на разбой звалъ?

Счастливцевъ.

Подайте мою часть, подайте!

Несчастливцевъ.

Аркашка! ты пьянъ, что̀ ли?

Счастливцевъ.

Ну, такъ что̀-жъ, что пьянъ! И горжусь этимъ.

Несчастливцевъ.

Нѣтъ, убить, убить, и кончено дѣло! И разговаривать нечего!

Счастливцевъ *(отступая).*

Ну да, какъ не убить! *(Изъ-за куста.)* Руки коротки! *(Убѣгаетъ.)*

Несчастливцевъ.

Онъ солгалъ, безстыдно солгалъ! О, какъ гнусенъ можетъ быть человѣкъ! Но если... Пусть лучше онъ лжетъ, чѣмъ говоритъ правду! Я только прибью его... Но если моя благочестивая тетушка, этотъ образецъ кротости и смиренія... О, я тогда заговорю съ ней по-своему. Посмѣяться надъ чувствомъ, надъ теплыми слезами артиста! Нѣтъ, такой обиды не проститъ Несчастливцевъ! *(Уходитъ. Входитъ Карпъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Карпъ, *потомъ* Улита.

Карпъ.

Поужинали; барыня въ спальню ушла, можно и отдохнуть. *(Садится на скамью. Входитъ Улита и осматривается.)* Погулять вышли?

Улита.

Да, Карпъ Савельичъ. Ночь ужъ очень...

Карпъ.

Дѣйствительно... располагаетъ... Чтò-жъ, погуляйте! И то сказать, живой человѣкъ, а живой о живомъ и думаетъ.

Улита.

Вы это про чтò же?

Карпъ.

Хоть бы про васъ.

Улита.

Въ какихъ смыслахъ?

Карпъ.

Сами можете понять!

Улита.

Нѣтъ, однако?

Карпъ.

Да мнѣ чтò! Какъ хотите! Я вамъ не мужъ!

Улита.

Это даже очень глупо, чтò вы говорите.

Карпъ.

Ужъ это какъ вамъ будетъ угодно.

Улита.

Не понимаю, какъ люди завсегда во всемъ только дурное видятъ.

Карпъ.

Ничего я ни дурного, ни хорошаго не вижу; а только-что удивительно...

Улита.

Чтò удивительно?

Карпъ.

При такихъ вашихъ лѣтахъ...

Улита.

Какихъ такихъ? Вы на моихъ крестинахъ не были. Нечего вамъ говорить-то, я вижу.

Карпъ.

Васъ отъ разговору моего не убудетъ.

Улита.

Сидите тутъ, какъ филинъ, да прибираете, что̀ въ голову придетъ.

Карпъ.

Стало-быть, я вамъ здѣсь мѣшаю?

Улита.

Это къ чему еще? Напрасно вы такъ обо мнѣ понимаете! *(Входитъ Счастливцевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Карпъ, Улита, Счастливцевъ.

Счастливцевъ.

Честная компанія!

Улита.

Милости просимъ!

Карпъ.

Вашъ спитъ?

Счастливцевъ *(садясь)*.

Кто его знаетъ!

Улита.

Вы долго у насъ прогостите?

Счастливцевъ.

Что̀ намъ здѣсь дѣлать?

Карпъ.

А слѣдовало бы. Порядокъ другой: вотъ давеча Иванъ Петровъ сейчасъ деньги отдалъ.

Улита.

Конечно, мужчина.

Карпъ.

А барынѣ гдѣ же! Добрые люди прикупаютъ, а мы все продаемъ. Что̀ одного лѣсу продано, что̀ прочаго! Набьетъ ба-

рыня полну коробку деньгами и держитъ ихъ, и гроша никто не выпроситъ; а тутъ вдругъ и полетятъ тысячи, и полетятъ.

Счастливцевъ.

Развѣ летаютъ?

Карпъ.

Летаютъ.

Улита.

Все бѣднымъ да родственникамъ.

Счастливцевъ *(не слушая)*.

Вотъ бы поймать!

Карпъ.

Да и ловятъ.

Улита.

Все бѣднымъ да родственникамъ.

Карпъ.

Какъ же, родственникамъ!

Улита.

А кому же, по вашему?

Карпъ.

Знаемъ мы, кому.

Улита.

Вы бы стыдились хоть при постороннихъ-то!

Карпъ.

Что̀ его стыдиться? Онъ нашъ братъ, стало-быть, чего же...

Улита.

Кажется, ужъ про насъ на всю губернію извѣстно, объ нашей примѣрной жизни.

Карпъ.

Я про деревню и не говорю; вотъ развѣ что̀ дальше будетъ. А въ Петербургѣ? а въ Москвѣ?

Улита.

Все-таки, вы не должны барыню осуждать.

Карпъ.

Да развѣ я осуждаю? Барыня добрая, служить намъ хорошо. А правду отчего не сказать? Я деньги-то на почту вожу, такъ мнѣ вѣрнѣй знать, кому ихъ посылаютъ, родственникамъ или нѣтъ

Счастливцевъ.

Любопытный разговоръ.

Улита.

Ничего любопытнаго нѣтъ. Что вы! Онъ все сочиняетъ.

Карпъ.

Доктору-французу посылали? Итальянцу посылали? Топографу, что̀ землю межуетъ, посылали?

Улита.

Ахъ, ахъ! Какъ это вамъ не стыдно!

Карпъ.

Ну, что̀ еще! Какой разговоръ! Я правду люблю. Однакоже, и спать. Ну васъ! Счастливо оставаться!

Счастливцевъ.

Прощайте, Осетръ Савельичъ!

Карпъ.

Ужъ ты мнѣ, балагуръ! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Счастливцевъ и Улита.

Улита.

Пробовали наливочку? Не знаю, хороша ли; хотѣлось вамъ угодить, а ужъ, право, не знаю.

Счастливцевъ.

Очень хороша, отличная; должно быть, вы сами ее дѣлаете.

Улита.

Я слова эти ваши не иначе, какъ въ шутку принимаю. Хотите, я вамъ завтра къ чаю сливокъ принесу?

Счастливцевъ.

Сдѣлайте одолженіе, только отъ бѣшеной коровы.

Улита.

Ахъ, я васъ не понимаю.

Счастливцевъ.

То-есть, рому. Онъ такъ у насъ называется.

Улита.

Поищу.

Счастливцевъ.

Поищите, если любите!...

Улита.

Вотъ вы сказали: „если любите!“ Знаете, что я вамъ скажу на это?

Счастливцевъ.

Нѣтъ, не знаю.

Улита.

Вы вотъ это слово сказали мнѣ въ насмѣшку. А вы нашу сестру не судите!

Счастливцевъ.

За что же, помилуйте! Я очень доволенъ.

Улита.

Мужчины завсегда довольны, потому на нихъ отвѣту нѣтъ. А вы возьмите наше дѣло! Бывало... и вспомнить-то смерть, такъ жизнь-то не живя и коротали. Замужъ тебя не пускаютъ, любить тоже никого не приказываютъ... у насъ насчетъ любви большой запретъ былъ. Ну, одно средство: къ барынѣ поддѣлываешься. Ползаешь, ползаешь передъ барыней-то, то-есть хуже, кажется, всякой твари послѣдней; ну, и выползаешь себѣ льготу маленькую, сердцу-то своему отвагу и дашь. Потому, вѣдь, оно живое, тоже своего требуетъ. Ужъ и какъ эта крѣпость людей уродуетъ! Про себя вамъ скажу... Да вамъ слышать-то будетъ скучно... само собой, во всемъ этомъ одна только подлость. И не хочу я разстраивать ни себя, ни васъ, потому какъ вы мнѣ милы. *(Оглядываясь.)* Никакъ, вашъ баринъ?

Счастливцевъ.

Бить меня идетъ.

Улита.

Ахъ, жалости какія!

Счастливцевъ.

Я присяду, а вы меня загородите; авось не замѣтитъ. *(Присѣдаетъ.)* Что, идетъ, приближается?

Улита.

Нѣтъ, назадъ пошелъ; только такъ дико посмотрѣлъ. Какой у него взглядъ! Ужасти просто; такъ тебя въ дрожь...

Счастливцевъ *(встаетъ)*.

Варваръ!

Улита.

Какъ же вы, мой милый, живете у такого барина?

Счастлицевъ.

Да какой онъ мнѣ баринъ! Я такой же, какъ и онъ. Ишь, ломается, благо горло-то широко.

Улита.

Что вы это говорите? У нихъ барственность настоящая, врожденная. Этого отнять у нихъ никакъ невозможно.

Счастливцевъ.

Кто у него отнимаетъ? Я говорю только, что мы съ нимъ равные, оба актеры, онъ — Несчастливцевъ, я — Счастливцевъ, и оба пьяницы.

Улита.

Актеры? Ахъ, что вы! Что вы!

Счастливцевъ.

Больше десяти лѣтъ по Россіи-то бродимъ, изъ театра въ театръ, какъ цыгане. Оттого онъ и не былъ у тетки, что стыдно глаза показать.

Улита.

Ахъ, ужасти!

Счастливцевъ.

Вотъ и теперь въ Вологду пѣшкомъ идетъ съ сумочкой. Нельзя-жъ ему безъ лакея показаться: онъ дворянинъ, ну, и укланялъ меня. Такъ и обращайся хорошенько. Я еще на провинціи-то получше его считаюсь: нынче оралы-то не въ модѣ.

Улита.

Что только я слышу отъ васъ!

Счастливцевъ.

Думаетъ здѣсь попользоваться чѣмъ-нибудь отъ тетушки. Ужъ просилъ бы прямо на бѣдность; такъ, видишь, стыдно. Давеча оплошалъ, не удалось зажать деньги-то; вотъ теперь на меня за это бѣсится. Самой низкой души человѣкъ! Въ карты давеча игралъ съ гимназистомъ, заманивалъ его. Ужъ я ушелъ отъ нихъ; обыграетъ его, думаю, отниметъ деньги, да еще прибьетъ. Да такъ и будетъ; ему это не въ первой!

Онъ убьетъ кого-нибудь, съ нимъ въ острогъ попадешь. Вся ухватка-то разбойничья, Пугачевъ живой.

Улита.

Хорошо, что вы мнѣ сказали. Прощайте!

Счастливцевъ.

Адью, монъ плезиръ.

Улита *(съ испугомъ).*

Я ужъ пойду! Ахъ, страсти!

Счастливцевъ.

А, испугалась? А я такъ все чертей игралъ, прыгалъ вотъ такъ по сценѣ. *(Прыгаетъ и кричитъ.)* У! У!

Улита.

Батюшки мои! Ужъ вы меня извините!

Счастливцевъ.

Да что мнѣ въ твоемъ извиненіи? Провалитесь вы и съ усадьбой-то! Я вотъ убѣгу отъ васъ. Будьте вы прокляты! *(Улита убѣгаетъ.)* Ушелъ бы сейчасъ, да боюсь: по деревнѣ собакъ пропасть. Экой народъ проклятый! Самимъ ѣсть нечего, а собакъ развели. Да и лѣсомъ-то одному страшно. Придется въ бесѣдкѣ переночевать; надо же туда итти: тамъ библіотека и наливка осталась. А какъ сунешься? Онъ не спитъ еще, такой монологъ прочитаетъ! Пожалуй, вылетишь въ окно, не хуже Фидлера. Пойду, поброжу по саду, хоть георгины всѣ переломаю, все-таки, легче. *(Уходитъ. Петръ робко крадется въ тѣни кустовъ и осматривается.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Петръ, *потомъ* Аксюша.

Петръ.

Ну, кажись, всѣ въ домѣ спать полегли. Только этотъ безчастный путается. Ну, да ему полтину серебра пожертвовать, такъ онъ отца родного продастъ. Ночь-то очень свѣтла; можетъ, Аксюша не выйдетъ совсѣмъ, побоится, чтобы не увидали. А какъ нужно-то! Ужъ послѣдній бы разъ повидались, да и кончено дѣло. Эхъ ты, подневольная жизнь! Дрожитъ сердце, какъ овечій хвостъ, да и шабашъ! Ничего съ собой не сдѣлаешь: и руки и ноги трясутся. Воровать

легче! Приди въ чужой домъ повидаться съ дѣвушкой, не въ примѣръ тебя хуже вора сочтутъ. Эка эта любовь! Вонъ тятенька говоритъ, что это баловство одно, на годъ, на два, говоритъ, это занятіе, не больше, а тамъ сейчасъ насчетъ капиталу. Дожидайся, когда она пройдетъ, а пока что́ му́ки-то примешь. Никакъ идетъ? И то. *(Входитъ Аксюша; увидавъ Петра, подбѣгаетъ къ нему.)*

Аксюша.

Ахъ, ты здѣсь!

Петръ.

Давно ужъ тутъ путаюсь. Здравствуй! Жива ли покуда? *(Цѣлуетъ ее.)*

Аксюша.

Видишь, что жива. Ну, говори скорѣй! Некогда, вѣдь, того гляди, хватятся.

Петръ.

Съ тятенькой у насъ опять разговоръ былъ.

Аксюша.

Ну, что́-жъ онъ? Говори скорѣй! Душа мретъ.

Петръ.

Подается. Часъ ругалъ по обыкновенію. Потомъ: „за тебя, говоритъ, дурака, видно, невѣсту съ приданымъ не найдешь! Хоть бы двѣ тысячи за тебя дали, и то бы ладно“. Слышишь?

Аксюша.

Да, вѣдь, негдѣ ихъ взять.

Петръ.

Надо доставать.

Аксюша.

У Раисы Павловны не выпросишь; нечего и унижаться.

Петръ.

А ты у братца попроси, у Геннадія Демьяныча!

Аксюша.

Ай, что̀ ты! Страшно, да и стыдъ-то какой!

Петръ.

Да, вѣдь, ужъ ау, братъ! До самаго не́льзя вплоть приходить.

Аксюша.

Надо, вѣдь, ему будетъ признаться во всемъ.

Петръ.

Ну, такъ что̀-жъ! И признайся! Онъ свой человѣкъ. Отъ него намъ ужъ послѣднее рѣшеніе выйдетъ.

Аксюша.

Да, ужъ послѣднее.

Петръ.

А, вѣдь, кто его знаетъ? На грѣхъ мастера нѣтъ. Онъ съ виду-то баринъ добрый. Да ты поскорѣй, завтра же чѣмъ свѣтъ; а въ полдень мы съ тятенькой придемъ, ты мнѣ скажешь.

Аксюша.

Хорошо, хорошо.

Петръ.

Только ты долго этого разговору не тяни; а такъ и такъ, молъ, до зарѣзу мнѣ; вотъ и конецъ. Либо панъ, либо пропалъ.

Аксюша.

Да, да, разумѣется. До стыда ли тутъ, когда...

Петръ.

Что̀: „когда“?

Аксюша.

Когда смерть приходитъ.

Петръ.

Ну, полно, что̀ ты?

Аксюша.

Вотъ что̀, Петя! Мнѣ все пусто какъ-то вотъ здѣсь.

Петръ.

Съ чего же?

Аксюша.

Я не могу тебѣ сказать, съ чего, — я неученая. А пусто, вотъ и все. По своему я такъ думаю, что съ дѣтства меня грызетъ горе да тоска; вотъ, должно быть, подлѣ сердца-то у меня и выѣло, вотъ и пусто. Да, все я одна; у другой мать есть, бабушка, ну, хоть нянька или подруга; все-таки есть съ кѣмъ слово сказать о жизни своей, а мнѣ не съ кѣмъ — вотъ у меня все и копится. Плакать я не плачу, слезъ у меня нѣтъ, и тоски большой нѣтъ, а вотъ, говорю я тебѣ, пусто тутъ, у сердца. А въ головѣ все дума. Думаю, думаю.

Петръ.

А ты брось думать! Задумаешься — бѣда!

Аксюша.

Да нельзя бросить-то, силъ нѣтъ. Кабы меня кто уговаривалъ, я бы, кажется, послушалась, — кабы держалъ кто! И все мнѣ вода представляется.

Петръ.

Какая вода?

Акюсша.

Да вотъ что̀, милый ты мой, все меня въ воду тянетъ.

Петръ.

Ой, что̀ ты, перестань!

Аксюша.

Гуляю по саду, а сама все на озеро поглядываю. Ужъ я нарочно подальше отъ него хожу, а такъ меня и тянетъ, хоть взглянуть; а увижу издали, вода-то между деревъ мелькнетъ,—такъ меня вдругъ, точно сила какая, ухватитъ, да такъ и несетъ къ нему. Такъ бы съ разбѣгу и бросилась.

Петръ.

Да съ чего-жъ это съ тобой грѣхъ такой?

Акюсша.

Сама не знаю. Вотъ какъ ты говорилъ вчера, такъ это у меня въ умѣ-то и осталось. И дома-то я сижу, такъ все мнѣ представляется, будто я на дно иду, и все вокругъ меня зелено. И не то, чтобъ во мнѣ отчаянность была, чтобъ мнѣ душу свою загубить хотѣлось — этого нѣтъ. Что̀-жъ, жить еще можно. Можно скрыться на время, обмануть какъ-нибудь; вѣдь, не убьютъ же меня, какъ приду; все-таки кормить станутъ, и одѣвать, хоть плохо, станутъ.

Петръ.

Ну, что̀ ужъ за жизнь!

Аксюша.

А что̀-жъ жизнь? Я и прежде такъ жила!

Петръ.

Вѣдь, такъ-то и собака живетъ, и кошка; а человѣку-то, кажись, надо бы лучше.

Аксюша.

Ахъ, милый мой! Да я-то про что-жъ говорю? Все про то же. Что жить-то такъ можно, да только не стоитъ. И какъ это случилось со мной, не понимаю! Вѣдь, ужъ мнѣ не шестнадцать лѣтъ! Да и тогда я съ разсудкомъ была, а тутъ вдругъ... Нужда да неволя ужъ очень душу сушили; ну, и захотѣлось душѣ-то хоть немножко поиграть, хоть маленькій праздничекъ себѣ дать. Вотъ, дурачокъ ты мой, сколько я изъ-за тебя горя терплю. *(Обнимаетъ его.)*

Петръ.

Ахъ ты, горькая моя! И гдѣ это ты такъ любить научилась? И съ чего это твоя ласка такъ душу разнимаетъ, что ни мать, кажется, и никто на свѣтѣ... Только ужъ ты, пожалуйста! Вѣдь, мнѣ что же? Ужъ и мнѣ за тобой... не миновать, выходитъ.

Аксюша.

Ну, ужъ это твое дѣло. Вѣдь, ужъ мнѣ не узнать, будешь ли ты меня жалѣть, или будешь смѣяться надо мной. Мнѣ съ своей бѣдой не разстаться, а тебѣ дѣло до себя, мнѣ легче не будетъ.

Петръ.

Нѣтъ, ужъ ты лучше подожди: хоть немного, да поживемъ въ свою волю. Да что загодя и думать-то! Еще вотъ что твой братецъ скажетъ?

Аксюша.

Конечно, коли есть случай, зачѣмъ его обѣгать.

Петръ.

Можетъ, и выручитъ.

Аксюша.

Можетъ быть. Ты никого не видалъ въ саду?

Петръ.

Геннадія Демьяныча камарденъ тутъ путался.

Аксюша.

Такъ ты ступай! Время ужъ.

Петръ.

А ты, Аксюша, домой, чтобъ... а то... и Боже тебя охрани!

Аксюша.

Домой, домой, не бойся. Что мнѣ за охота: у меня теперь, все-таки, что-нибудь впереди есть.

Петръ.

Ну, то-то же, смотри! *(Цѣлуются.)* Я на тебя въ надеждѣ. *(Уходитъ. Аксюша хочетъ итти домой, оборачивается и видитъ Несчастливцева, который выходитъ изъ бесѣдки.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Аксюша, Несчастливцевъ, *потомъ* Счастливцевъ.

Несчастливцевъ *(про-себя)*.

Женщина, прекрасная женщина. *(Подходитъ къ Аксюшѣ.)* Ты женщина или тѣнь?

Аксюша.

Братецъ!

Несчастливцевъ.

А! Я вижу, что ты женщина. А я желалъ бы теперь, въ эту прекрасную ночь, побесѣдовать съ загробными жителями

Аксюша.

Братецъ!

Несчастливцевъ.

Много тайнъ, много страданій унесли они съ собой въ могилу. Душа моя мрачна, мнѣ живыхъ не надо. Мнѣ нечего говорить съ живыми! Мнѣ нужно выходцевъ съ того свѣта! Прочь!

Аксюша.

Братецъ, и я много страдала, и я страдаю.

Несчастливцевъ.

Ты?

Аксюша.

Я. Я очень несчастна.

Несчастливцевъ.

О, если ты несчастна, поди ко мнѣ, поди на грудь мою. *(Аксюша прилегаетъ къ нему на грудь.)* Я два раза тебѣ братъ: братъ по крови и братъ по несчастію.

Аксюша *(опускаясь на колѣни)*.

Братецъ, я виновата!

Несчастливцевъ *(поднимая ее).*

Нѣтъ, нѣтъ, не передо мной! Можешь ли ты быть виновата? Ты, такая юная, такая прекрасная? И передъ кѣмъ же? Что я? Я отребіе, обноски человѣчества.

Аксюша.

Я виновата передо всѣми, передъ собой! Я люблю...

Несчастливцевъ.

Дитя мое! люби, кого хочешь. На то тебѣ Богъ далъ сердце, чтобъ любить.

Аксюша.

Ахъ, что вы говорите? Любить! Я люблю, не помня себя; но, вѣдь, мнѣ нужно выйти за него замужъ, нужно, нужно!

Несчастливцевъ.

А кто-жъ тебѣ мѣшаетъ?

Аксюша.

Люди мѣшаютъ, люди, которые власть имѣютъ.

Несчастливцевъ.

А ты ихъ не слушай! Иди за того, кого любишь. И да будетъ надъ тобой мое благословеніе.

Аксюша.

Онъ не женится на мнѣ безъ приданаго; отецъ ему не позволяетъ. Нужно приданое, а у меня его нѣтъ.

Несчастливцевъ.

Какой вздоръ! Счастье дороже денегъ.

Аксюша.

Мнѣ нѣтъ счастья безъ денегъ.

Несчастливцевъ.

А много-ль денегъ нужно?

Аксюша.

Двѣ тысячи рублей.

Несчастливцевъ.

Какіе пустяки! Неужели Раиса Павловна откажетъ тебѣ въ такой малости?

Аксюша.

Откажетъ. Меня держатъ изъ милости, кормятъ изъ ми-

лости; смѣю ли я еще просить приданаго? Корку хлѣба дадутъ мнѣ, а денегъ нѣтъ.

Несчастливцевъ.

И отъ такой ничтожной суммы зависитъ счастіе дѣвушки, счастіе молодой души...

Аксюша.

Нѣтъ, не счастіе, а жизнь.

Несчастливцевъ.

Жизнь? Силы небесныя! Такъ ли ты сказала?

Аксюша.

Такъ, братецъ.

Несчастливцевъ.

Наконецъ, Боже! Неужели я вижу женщину? И любовь твоя не простая прихоть? И ты готова на всѣ жертвы?

Аксюша.

Много я жертвъ принесла этой любви; а жизнь моя такъ горька, такъ горька, что ее и жалѣть не стóитъ.

Несчастливцевъ.

И ты безъ страха?

Аксюша.

Безъ страха, хоть сейчасъ...

Несчастливцевъ *(простираетъ надъ ней руки).*

Ангелы Божіи, покройте ее своими крылами! *(Аксюша склоняетъ голову въ молчаніи, сложа руки. Короткая пауза.)*

Аксюша.

Братецъ, не сердитесь на меня! Не подумайте обо мнѣ дурно! Мнѣ такъ тяжко сказать вамъ...

Несчастливцевъ.

Говори, говори!

Аксюша.

Братецъ, не сочтите меня за обманщицу, за бѣдную родственницу-попрошайку! Братецъ, мы жили съ маменькой очень бѣдно; я была ребенкомъ, но я ни разу не поклонилась, ни разу не протянула руки богатымъ родственникамъ; я работала. Теперь, братецъ, только васъ одного я прошу, и то ночью, благо, не видно стыда на щекахъ моихъ: братецъ,

вы богаты, одиноки, дайте мнѣ счастье, дайте мнѣ жизнь! *(Становится на колѣни.)*

Несчастливцевъ *(поднимаетъ ее, растроганный и съ дрожью въ голосѣ).*

Дитя мое! Дитя мое!

Аксюша.

Если-бъ не страхъ стыда за мою грѣшную любовь, я бы никогда, никогда... Будьте мнѣ отцомъ, я дѣвушка добрая, честная. Я научу маленькихъ дѣтей моихъ благословлять васъ и молиться за васъ.

Несчастливцевъ.

О, замолчи, замолчи! Я вырву всѣ свои волосы. О, дитя мое! Я преступникъ! Я могъ имѣть деньги, могъ помочь тебѣ, могъ сдѣлать тебя счастливой, и я промоталъ, прожилъ ихъ безпутно; я ихъ втопталъ въ грязь вмѣстѣ съ своею молодостью, съ жизнью. И вотъ когда онѣ нужны, ихъ нѣтъ у меня. Если-бъ я зналъ, если-бъ я зналъ, я бы питался однимъ хлѣбомъ, я бы ходилъ въ рубищѣ и каждый рубль зашивалъ въ это рубище. Мы пьемъ, шумимъ, представляемъ пошлыя, фальшивыя страсти, хвастаемъ своимъ кабачнымъ геройствомъ, а тутъ бѣдная сестра стоитъ между жизнью и смертью. Плачь, пьяница, плачь!

Аксюша.

Братецъ, братецъ!

Несчастливцевъ.

Прости меня, прости! Я бѣднѣй тебя, я прошелъ пѣшкомъ сотни верстъ, чтобъ повидаться съ родными; я не берегъ себя, а берегъ это платье, чтобъ одѣться приличнѣе, чтобъ меня не выгнали. Ты меня считаешь человѣкомъ, благодарю тебя! Ты у меня просишь тысячи — нѣтъ у меня ихъ. Сестра, сестра! Не тебѣ у меня денегъ просить! А ты мнѣ не откажи въ пятачкѣ мѣдномъ, когда я постучусь подъ твоимъ окномъ и попрошу опохмелиться. Мнѣ пятачокъ, пятачокъ! Вотъ кто я!

Аксюша *(хватаясь за сердце).*

Охъ, охъ! Еще, еще горе! Еще обманъ моему сердцу! За что же я себя обидѣла? И я, глупая, понадѣялась! Развѣ

я смѣю надѣяться? Развѣ есть для меня надежда? Прощайте! *(Отходитъ, шатаясь, потомъ быстрѣе и быстрѣе и, наконецъ, бѣжитъ.)*

Несчастливцевъ *(смотритъ ей въ слѣдъ).*

Куда она? Она бѣжитъ, бросаетъ платокъ съ себя, она у берега. Нѣтъ, нѣтъ сестра! Тебѣ рано умирать! *(Убѣгаетъ. Входитъ Счастливцевъ.)*

Счастливцевъ.

Ну, убѣжалъ куда-то. Ужъ не топиться ли? Вотъ бы хорошо-то. Туда ему и дорога! Зайду въ бесѣдку, соберу свою библіотеку, и прощайте. Посижу въ кустахъ до свѣту, и маршъ. Деньги есть; слава Богу, занялъ-таки, удалось наконецъ. Хорошій это способъ доставать деньги; да все какъ-то мнѣ не счастливилось до сихъ поръ: такой мнительный народъ сталъ. Ну, теперь доберусь до какого-нибудь театра. *(Уходитъ въ бесѣдку. Выходитъ Несчастливцевъ, поддерживая Аксюшу, которая едва идетъ.)*

Несчастливцевъ.

Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое! Какъ ни велико твое горе, а умереть тебѣ я не дамъ. Тебѣ надо жить, ты еще такъ молода! Тебя заѣло горе, надоѣла тебѣ молодая жизнь? Забудь это горе, брось эту жизнь! Начнемъ новую, сестра, для славы, для искусства.

Аксюша.

Я ничего не знаю, ничего не чувствую, я мертвая. Отдохнуть мнѣ.

Несчастливцевъ *(сажая ее на скамью).*

Ты ничего не знаешь? Нѣтъ, дитя мое, ты знаешь больше другихъ; ты знаешь бури, знаешь страсти — и довольно.

Аксюша.

Дѣлайте, что̀ хотите. У меня впереди ничего нѣтъ. Куда вы меня зовете, зачѣмъ вы меня зовете, что̀ тамъ — я не знаю. Хуже не будетъ.

Несчастливцевъ.

И тамъ есть горе, дитя мое; но зато есть и радости, которыхъ другіе люди не знаютъ. Зачѣмъ же даромъ изнашивать свою душу? Кто здѣсь откликнется на твое богатое чувство? Кто оцѣнитъ эти перлы, эти брильянты слезъ? Кто,

кромѣ меня? А тамъ... О! Если половину этихъ сокровищъ ты бросишь публикѣ, театръ развалится отъ рукоплесканій. Тебя засыплютъ цвѣтами, подарками. Здѣсь на твои рыданія, на твои стоны нѣтъ отвѣта; а тамъ за одну слезу твою заплачетъ тысяча глазъ. Эхъ, сестрёнка! Посмотри на меня. Я нищій, жалкій бродяга, а на сценѣ я принцъ. Живу его жизнью, мучусь его думами, плачу его слезами надъ бѣдною Офеліей и люблю ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ. А ты? Ты молода, прекрасна, у тебя огонь въ глазахъ, музыка въ разговорѣ, красота въ движеніяхъ. Ты выйдешь на сцену королевой и сойдешь со сцены королевой, такъ и останешься.

Аксюша.

Я убита, братецъ, убита.

Несчастливцевъ.

Ты оживешь, сестра; первые звуки оркестра воскресятъ тебя.

Аксюша.

А Петя?

Несчастливцевъ.

Сестра, ты женщина, а женщины забываютъ скоро. Ты забудешь его, какъ забываютъ всѣ свою первую любовь. Много молодыхъ красавцевъ, много богачей будутъ ловить каждый твой взглядъ, каждое твое слово.

Аксюша *(качая головой)*.

Это не хорошо.

Несчастливцевъ.

Тѣмъ лучше, дитя мое; тѣмъ больше чести для тебя. Ты брось, оттолкни съ презрѣніемъ золото богача и полюби бѣднаго артиста. Рѣшайся, дитя мое!

Аксюша.

Какъ вамъ угодно. Я готова на все.

Несчастливцевъ.

Ты будешь моею гордостью, моей славой. А я буду тебѣ отцомъ, дитя мое, буду твоей нянькой, твоей горничной. Пойдемъ ко мнѣ! Въ такую ночь грѣшно спать. У меня есть нѣсколько ролей, я тебѣ почитаю. Эту ночь я отдаю тебѣ, въ эту ночь я посвящаю тебя въ актрисы.

Аксюша.

Пойдемте! *(Идутъ къ бесѣдкѣ, навстрѣчу имъ Счастливцевъ съ узломъ.)*

Несчастливцевъ.

Стой, бѣглецъ! Я великодушенъ, я тебя прощаю. Торжествуй, Аркашка! У насъ есть актриса; мы съ тобой объѣдемъ всѣ театры и удивимъ всю Россію. *(Уходятъ въ бесѣдку. Входятъ Гурмыжская и Улита.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Гурмыжская и Улита.

Гурмыжская.

Ты говорила ему?

Улита.

Какъ же, сударыня, говорила и очень политично говорила. Барыня, говорю, не почиваютъ, потому погода необнаковенная; гуляютъ онѣ по саду, и даже, можетъ, скучаютъ, такъ какъ однѣ, не съ кѣмъ имъ время провести. А вы лежите да нѣжитесь; какой же вы кавалеръ послѣ всего этого! Онъ сейчасъ вскочилъ и сталъ одѣваться.

Гурмыжская.

Ну, хорошо.

Улита.

Да вотъ еще, матушка-барыня, ужъ и не знаю, какъ вамъ доложить.

Гурмыжская.

Говори, что̀ такое?

Улита.

Барышня куда-то скрылась.

Гурмыжская.

Ушла?

Улита.

Въ комнатѣ нѣтъ, и постель не смята.

Гурмыжская.

И прекрасно.

Улита.

Какъ же, матушка-барыня?

Гурмыжская.

Да такъ же. Я очень рада. Она мнѣ ужъ давно надоѣла; я все не знала только, какъ ее выжить изъ дома. А теперь вотъ и причина есть; что̀ мнѣ ее жалѣть, когда она сама себя не жалѣетъ? Я говорила, что она его не сто́итъ.

Улита.

Не сто́итъ, не сто́итъ... Далеко ей! Ужъ и я не мало дивилась, какъ этакому красавцу милому да такая...

Гурмыжская.

Ну, это не твое дѣло!

Улита.

Слушаю-съ. Ужъ и еще я узнала кой-что, да только какъ-то и выговорить странно. Какъ услыхала я, такъ всю въ ужасъ ударило, и такъ даже по всѣмъ членамъ трясеніе.

Гурмыжская.

Сколько разъ тебѣ приказано, чтобъ ты такихъ глупыхъ словъ не говорила. Я сама женщина нервная. Ты всегда меня прежде напугаешь до истерики, а потомъ скажешь какіе-нибудь пустяки.

Улита.

Пустяки, матушка-барыня, пустяки, не извольте безпокоиться! Насчетъ Геннадія Демьяныча.

Гурмыжская.

Что̀ же?

Улита.

Да, вѣдь, онъ васъ обманулъ; онъ не баринъ, а актеръ, и родовую свою фамилію нарушилъ: теперь Несчастливцевъ прозывается. И не столько на театрѣ они, а больше все будто пьянствомъ. И одежонка-то вся тутъ, что̀ на немъ, ужъ я это доподлинно знаю, и пришли сюда пѣшкомъ съ котомочкой.

Гурмыжская.

Такъ онъ Несчастливцевъ; слыхала, слыхала. Ну, это еще лучше.

Улита.

И человѣкъ-то его тоже актеръ, только, матушка-барыня, и изъ актеровъ-то онъ самый каторжный, какъ есть однихъ чертей представляетъ.

Гурмыжская.

Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Какъ все это ловко для меня устроилось.

Улита.

Да чѣмъ же, матушка-барыня, хорошо?

Гурмыжская.

А тѣмъ, что завтра же утромъ ихъ здѣсь не будетъ. У меня не гостиница, не трактиръ для такихъ господъ.

Улита.

Истинно, матушка-барыня. Пожалуйте ручку. *(Тихо.)* Алексѣй Сергѣичъ идутъ. *(Отходя.)* Ужъ вотъ, можно сказать, картинка, а не баринъ. *(Уходитъ. Входитъ Булановъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гурмыжская и Булановъ.

Булановъ *(торопливо поправляясь)*.

Чтò же вы, Раиса Павловна, мнѣ прежде не приказали? Вы бы мнѣ сказали-съ.

Гурмыжская.

Чтò?

Булановъ.

Что вы любите гулять по ночамъ-съ.

Гурмыжская.

Да тебѣ-то чтò-жъ за дѣло? Я люблю природу, а ты, можетъ быть, не любишь?

Булановъ.

Я, вѣдь, какъ прикажете-съ. Ежели вамъ однѣмъ скучно...

Гурмыжская.

А тебѣ не скучно въ такую ночь? Тебя не трогаетъ ни луна, ни этотъ воздухъ, ни эта свѣжесть? Посмотри, какъ блеститъ озеро, какія тѣни отъ деревьевъ! Ты холоденъ ко всему?

Булановъ.

Нѣтъ-съ, какъ холоденъ! Я только не знаю, чтò вамъ угодно-съ, какъ для васъ пріятнѣе.

Гурмыжская.

А, мой милый, ты хочешь играть навѣрное?

Булановъ.

Я бы, кажется, Богъ знаетъ, что̀ далъ, только-бъ узнать, что̀ вы любите! Я бы ужъ такъ и старался.

Гурмыжская.

Ну, а ка́къ ты думаешь, что̀ я люблю? Это любопытно будетъ тебя послушать.

Булановъ.

Луну-съ.

Гурмыжская.

Какой онъ простодушный! Ахъ, милый мой! я луну любила, да это ужъ давно прошло; мнѣ не шестнадцать лѣтъ.

Булановъ *(подумавъ)*.

Родственниковъ-съ?

Гурмыжская.

Ха-ха-ха! Прошу покорно! Онъ уморитъ меня со смѣху! Ахъ, простота! *(Смѣется.)* Какъ это мило: „родственниковъ!“

Булановъ.

Виноватъ-съ!

Гурмыжская.

Говори, говори! Я приказываю!

Булановъ.

Не знаю-съ.

Гурмыжская.

Тебя, дуракъ! Тебя!

Булановъ.

Да-съ… Я и самъ думалъ, да не смѣлъ-съ. Давно бы вы-съ… а то, что̀ я здѣсь такъ сколько времени… Вотъ такъ-то лучше, Раисенька! давно бы ты… *(Обнимаетъ Гурмыжскую и хочетъ поцѣловать.)*

Гурмыжская *(отталкивая его)*.

Что̀ ты, съ ума сошелъ? Пошелъ прочь! Ты неучъ, негодяй, мальчишка! *(Уходитъ.)*

Булановъ.

Что̀ я сдуру-то надѣлалъ? Завтра же меня… отсюда… *(Кричитъ вслѣдъ Гурмыжской.)* Виноватъ-съ! Завтра же

меня въ три шеи! Не слушаетъ. *(Кричитъ громче.)* Виноватъ-съ! Ничего знать не хочетъ. *(Падаетъ на скамейку.)* Пропалъ, пропалъ, пропалъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА:

Гурмыжская.
Милоновъ.
Бодаевъ.
Несчастливцевъ.
Счастливцевъ.
Булановъ.
Восьмибратовъ.
Петръ.
Аксюша.
Карпъ.

Декорація перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Карпъ, *потомъ* Булановъ.

Карпъ *(убираетъ чашки со стола и видитъ коробку Гурмыжской.)*

Ишь ты, забыла свою казну, а потомъ искать примется. Лучше ужъ не трогать, пущай тутъ лежитъ. *(Входитъ Булановъ.)* Геннадія Демьяныча чай кушать дожидаться не станете?

Булановъ.

Вотъ еще! Очень нужно!

Карпъ.

Какъ угодно-съ.

Булановъ.

Да когда онъ придетъ, такъ доложи мнѣ, а Раису Павловну не безпокоить!

Карпъ.

Слушаю-съ.

Булановъ.

Я тебя прошу, Карпъ, исполнять мои приказанія хорошенько. Я безпорядковъ въ домѣ не потерплю. Я вамъ не Раиса Павловна; у меня всѣ по стрункѣ будете ходить, а то и маршъ со двора. У меня всякая вина виновата.

Карпъ.

Чтò-жъ дѣлать, сударь, будемъ исполнять. Мы и не то видали. Поживешь на свѣтѣ-то, такъ всего насмотришься. Такія ли еще чудеса бываютъ!

Булановъ.

Да и не разговаривать. Я этого не люблю.

Карпъ.

Можно и не разговаривать, оно еще и лучше. Чтò тутъ разговаривать! О чемъ? Дѣло видимое.

Булановъ.

Ну, и можешь итти. *(Карпъ уходитъ. Входитъ Несчастливцевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Несчастливцевъ и Булановъ.

Булановъ.

Здравствуйте, господинъ Несчастливцевъ!

Несчастливцевъ.

Несчастливцевъ? Ты знаешь, чтò я Несчастливцевъ?

Булановъ.

Знаю.

Несчастливцевъ.

Я очень радъ, братецъ; значитъ, ты знаешь, съ кѣмъ ты имѣешь дѣло, и потому будешь вести себя осторожно и почтительно.

Булановъ.

Да чтò-жъ такое? Провинціальный актеръ, чтò за важность?

Несчастливцевъ.

Ну, значитъ, ты не знаешь, кто такой Несчастливцевъ и какъ съ нимъ разговаривать. Жаль! Мнѣ придется тебя учить уму-разуму, чтò, разумѣется, для меня будетъ непріятно, а для тебя еще непріятнѣе.

Булановъ.

Ну, еще неизвѣстно. Вѣдь, это въ древнія времена физическая-то сила много значила.

Несчастливцевъ.

Что-жъ, мнѣ съ тобою огнестрѣльное оружіе что ли употреблять? Нѣтъ, братъ, я — человѣкъ простой, и люблю простыя средства, натуральныя.

Булановъ.

Оставимъ этотъ разговоръ. Позвольте узнать, что вамъ угодно?

Несчастливцевъ.

Ужъ, разумѣется, не тебя.

Булановъ.

Кого же?

Несчастливцевъ.

Что, ты отъ рожденья глупъ, или сегодня вдругъ съ тобой сдѣлалось? Кого? Кого? Ты въ этомъ домѣ то же, что въ операхъ бываютъ „неизвѣстные"; а я здѣсь въ родной семьѣ. Я пришелъ чай пить къ своей теткѣ.

Булановъ.

Извините.

Несчастливцевъ.

Въ чемъ тебя извинить? Вотъ что: ты надѣнь сумку черезъ плечо, прицѣпи на пуговицу грифельную доску и поди доучиваться.

Булановъ.

Извините.

Несчастливцевъ.

Ну, извиняю.

Булановъ.

Не меня; Раиса Павловна проситъ извиненія. Она не можетъ васъ принять; она не совсѣмъ здорова и чувствуетъ, что посѣщенія и разныя гости, хотя бы даже и родные, ей теперь очень въ тягость.

Несчастливцевъ.

Она меня гонитъ? Но за что же?

Булановъ.

Это до меня не касается. Вообще она проситъ васъ освободить ее отъ вашего присутствія, которое ее разстраиваетъ.

Несчастливцевъ.

Ну, что дѣлать! Я ее любилъ, я ее считалъ вмѣсто матери *(отираетъ слезу.)* Что-жъ такое, что я актеръ? Всякій обязанъ дѣлать, что умѣетъ. Я, вѣдь, не разбойникъ, я честнымъ, тяжелымъ трудомъ добываю хлѣбъ свой. Я не милостыню пришелъ просить у нея, а теплаго слова. Обидно!... О, женщины! Если ужъ ей хотѣлось обидѣть меня, неужели она хуже тебя никого не нашла?

Булановъ *(горячо).*

Послушайте, милостивый государь!

Несчастливцевъ.

О, Боже мой! Онъ разговариваетъ! Слушай ты, гимназистъ, школьникъ, ученикъ приходскаго училища! Изъ уваженія къ этому дому я тебя милую, но если ты мнѣ въ другомъ мѣстѣ попадешься...

Булановъ.

Мы еще посмотримъ!

Несчастливцевъ.

Молчи, таблица умноженія! Корнелій Непотъ! Пиѳагоровы штаны! Ты вымѣняй образъ моего ангела и молись утромъ и вечеромъ, чтобъ намъ не встрѣтиться. А если гдѣ завидишь меня, такъ бѣги безъ оглядки, творя обѣты и молитвы!

Булановъ.

Да что вы, въ самомъ дѣлѣ? Вы потише! Раису Павловну безпокоите.

Несчастливцевъ.

Она сама виновата; зачѣмъ она посылаетъ ко мнѣ не человѣка, а котенка? Нельзя равнодушно разговаривать съ котенкомъ.

Булановъ.

Да, кажется, и не о чемъ разговаривать.

Несчастливцевъ.

Есть мнѣ о чемъ говорить или нѣтъ, тутъ твоего ума не хватитъ: ты еще не доросъ.

Булановъ.

Если вы желаете что-нибудь сказать Раисѣ Павловнѣ, скажите мнѣ; я передамъ.

Несчастливцевъ.

Да ты что̀ такое? Оруженосецъ, пажъ что̀ ли Раисы Павловны? Менестрель? Ну, наконецъ, скороходъ, шутъ? Говори.

Булановъ.

Что̀ я, это вы послѣ узнаете.

Несчастливцевъ.

Не желаю. Ну, кто бы ты ни былъ, передай Раисѣ Павловнѣ, что я на нее не сержусь, что я желалъ бы по-родственному проститься; но если она не хочетъ, такъ Богъ съ ней.

Булановъ.

Хорошо, я скажу-съ.

Несчастливцевъ *(замѣтивъ коробку, про себя).*

Ящикъ здѣсь, надо это принять къ свѣдѣнію. Погоди же!

Булановъ.

Больше ничего-съ?

Несчастливцевъ.

Ничего. Прощай, грифель! *(Уходитъ. Входитъ Гурмыжская.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Гурмыжская и Булановъ.

Гурмыжская.

Ну, ужъ теперь онъ сюда больше не заглянетъ. *(Садится у окна.)* А у тебя есть манера, есть тонъ; я, признаюсь, этого не ожидала.

Булановъ *(ходитъ, заложа руки назадъ).*

Все зависитъ, Раиса, отъ обстановки. Что̀ я такое былъ у тебя? Нахлѣбникъ, самое фальшивое положеніе. Согласись сама, что нахлѣбнику очень трудно вести себя съ достоинствомъ.

Гурмыжская.

Однако, я на тебя сердита за вчерашнее.

Булановъ.

Ты, Раиса, поставь себя на мое мѣсто! Я такъ обрадовался!

Гурмыжская.

На все есть форма, мой другъ. Ты только представь себѣ,

какъ ты меня оскорбилъ своимъ поведеніемъ! Что̀ ты подумалъ обо мнѣ? Какъ ты могъ себѣ позволить? Репутація моя тебѣ извѣстна! Вся губернія уважаетъ меня, а ты...

Булановъ *(развязно цѣлуетъ ея руку)*.

Прости меня!

Гурмыжская.

Прощаю, мой другъ, прощаю. Я вообще очень снисходительна — это мой недостатокъ. Но ты всегда уважай деликатность женщины, ея цѣломудренное чувство.

Булановъ.

Разумѣется, я еще мальчишка. Что̀ говорить! Но твоя любовь, твоя опытность помогутъ. Мнѣ бы только установиться прочнѣе; посмотри, какъ я буду себя вести — я приберу въ руки весь уѣздъ. А что касается твоихъ интересовъ, Раиса, такъ ужъ повѣрь...

Гурмыжская.

Вѣрю, вѣрю, мой милый. Поди, прикажи позвать ко мнѣ Аксюшу.

Булановъ.

Да, объ этой дѣвушкѣ надо подумать.

Гурмыжская.

Что̀ объ ней думать? Особенно тебѣ, мой другъ! Это тебя совсѣмъ не касается. Ты ужъ теперь долженъ совершенно забыть о ней Она убѣжала ночью изъ дому, отъ нея надо избавиться.

Булановъ.

Она была у брата, Геннадія Демьяныча; онъ всю ночь декламировалъ ей монологи.

Гурмыжская.

Ты почемъ знаешь? Погляди мнѣ въ глаза, погляди!

Булановъ.

Я видѣлъ, проходя мимо бесѣдки.

Гурмыжская.

Я тебѣ вѣрю. Но, все-таки, она оставаться здѣсь не можетъ.

Булановъ *(съ улыбкой)*.

Ты начинаешь принимать предосторожности.

Гурмыжская.

Не лишнее, мой другъ: ты еще такъ молодъ, что за себя отвѣчать не можешь, да и я не могу вполнѣ на тебя надѣяться.

Булановъ.

Да, вѣдь, нельзя-жъ ее на улицу выгнать, у нея нѣтъ никого. Ее бы выдать замужъ.

Гурмыжская.

Но чтобъ выдать ее изъ нашего дома и чтобъ это было прилично, нужно ей дать приданое. А съ какой же стати я стану роскошничать для нея? Чтò вдругъ за щедрость такая!

Булановъ.

Само собой! Нѣтъ, ужъ теперь, пожалуйста, Рапса, никакихъ лишнихъ расходовъ! Кабы кто взялъ ее безъ приданаго!

Гурмыжская.

О, тогда другое дѣло. Чего же лучше! И всѣ конвенансы были бы сохранены, и издержекъ немного. Я была бы посаженой матерью, ты посаженымъ отцомъ; устроили бы у себя вечеръ, дѣвичникъ, благословили бы молодыхъ, и Богъ съ ними. Все это было бы благодѣтельно и недорого. *(Входитъ Аксюша.)* Вотъ она сама. Поди, мой другъ, поди! *(Булановъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гурмыжская и Аксюша.

Аксюша.

Чтò вамъ угодно?

Гурмыжская *(встаетъ)*.

Послушай, Аксюша, мнѣ не хочется, чтобъ ты обманывалась. Ты живешь здѣсь и, кажется, воображаешь, что это можетъ вѣчно продолжаться. Въ твоемъ заблужденіи виновата я: было одно время, когда я думала отдать тебя замужъ за Алексѣя Сергѣича. Теперь ты не должна и думать о немъ.

Аксюша.

Я и не думаю.

Гурмыжская.

Я тебѣ не вѣрю; но все равно. Очень скоро я увидала, что вы не пара. Я тебѣ скажу прямо: ты не стóишь этого

человѣка. Тебѣ даже и мечтать о немъ было бы глупо. Что же ты молчишь?

Аксюша.

Я слушаю.

Гурмыжская.

Такіе женихи не по васъ, моя милая! Я не знаю, можетъ быть, онъ даже за тобой и ухаживалъ...

Аксюша.

Можетъ быть.

Гурмыжская.

Но ты пойми, что это ничего не значитъ. Это просто прихоть, шалость. Можетъ быть, и ты съ нимъ кокетничала?

Аксюша.

Нѣтъ, этого не можетъ быть.

Гурмыжская.

Положимъ; но я должна тебѣ сказать — ужъ пріятно ли тебѣ будетъ, непріятно ли, это не мое дѣло — ты ему не нравишься. *(Про-себя.)* Вотъ тебѣ, милая.

Аксюша.

Очень рада.

Гурмыжская.

Рада? Однако, ты хитрая дѣвушка; но меня перехитрить трудно. *(Про-себя.)* Погоди же, я тебя кольну почувствительнѣе. *(Аксюшѣ.)* Я еще тебѣ скажу: ему нравится другая. Что? Пріятно тебѣ?

Аксюша.

Что же мнѣ за дѣло?

Гурмыжская.

Ты не безпокойся, я, вѣдь, себя обмануть не дамъ! Онъ теперь не женихъ тебѣ; вы люди посторонніе, и, слѣдовательно, вамъ въ одномъ домѣ жить нельзя.

Аксюша.

Какъ вамъ угодно.

Гурмыжская.

Ты должна будешь оставить мой домъ.

Аксюша.

Когда прикажете?

Гурмыжская.

Но куда же ты дѣнешься?

Аксюша.

Я очень благодарна вамъ за ваши милости; но когда я оставлю вашъ домъ, я ужъ попрошу васъ обо мнѣ больше не безпокоиться.

Гурмыжская.

Но, можетъ быть, ты думаешь поселиться гдѣ-нибудь по близости?

Аксюша *(про-себя)*.

Старушка-то ревнуетъ.

Гурмыжская.

Чтò ты шепчешь? Можетъ быть, ты переѣдешь въ городъ?

Аксюша.

Можетъ быть.

Гурмыжская.

Но это не-возможно.

Аксюша.

Отчего же? Вѣдь, городъ, Раиса Павловна, не въ вашихъ владѣніяхъ?

Гурмыжская.

Но это ужасно! Это очень близко.

Аксюша.

Да, недалеко.

Гурмыжская.

Послушай, Аксюша, милая, нѣтъ ли у тебя родныхъ гдѣ-нибудь подальше? Поѣзжай къ нимъ, я тебя отправлю на свой счетъ. Я такъ боюсь за тебя, моя душа; Алексисъ такой вѣтреный мальчикъ.

Аксюша.

Да, онъ очень вѣтренъ.

Гурмыжская.

Ты замѣтила?

Аксюша.

Еще бы не замѣтить! И если-бъ я только захотѣла...

Гурмыжская.

Вотъ ты сама говоришь. Послушай, милая! Ну, поди ко мнѣ поближе! *(Обнимаетъ ее.)* Ну, сдѣлай это для меня!

Аксюша.

Для васъ? Это дѣло другое, такъ бы вы и говорили. А то что̀ вамъ за надобность беречь меня и смотрѣть за мной? Просто, вы ревнуете. Вы знатная барыня, а я дѣвочка съ улицы, и вы ко мнѣ ревнуете своего любовника.

Гурмыжская.

Что̀ за слова ты говоришь!

Аксюша.

Ну, да. Я говорю правду. Признайтесь хоть разъ въ жизни! А то вы всегда и для всѣхъ святая, а мы грѣшныя.

Гурмыжская.

Душа моя, я тоже женщина.

Аксюша.

Признайтесь! Признайтесь, и я убѣгу отъ васъ за тысячу верстъ.

Гурмыжская.

Ты хочешь, чтобъ я открыла тебѣ свою слабость? *(Обнимаетъ ее.)* Да, я ревнива.

Аксюша.

Мнѣ только и нужно. Я ухожу отъ васъ далеко, далеко. *(Хочетъ поцѣловать ея руку.)*

Гурмыжская.

За что̀, за что̀, моя милая?

Аксюша.

За хлѣбъ-соль.

Гурмыжская.

Ахъ, не надо, не надо! *(Цѣлуетъ ее.)* Дай Богъ тебѣ всякаго счастья!

Аксюша.

Я пойду собираться. *(Уходитъ.)*

Гурмыжская *(садится у окна)*.

Ну, слава Богу, теперь все улажено, и я могу вполнѣ наслаждаться своимъ счастьемъ. Сколько я перенесла непріятностей за эту глупую комедію съ родственниками! И подѣломъ. Но ужъ зато теперь я покойна совершенно. Алексисъ будетъ управлять имѣніемъ, а я займусь только добрыми дѣлами. Опредѣлю себѣ для этого сумму, конечно, небольшую, и буду совершенно въ своей сферѣ. *(Входитъ Карпъ.)*

Карпъ.

Геннадій Демьяпычъ желаетъ васъ видѣть.

Гурмыжская.

Скажи, что я...

Карпъ.

Да они здѣсь-съ; они никакихъ резоновъ не слушаютъ.

Гурмыжская.

Боже мой, опять! *(Входитъ Несчастливцевъ въ дорожномъ платьѣ, снимаетъ котомку и кладетъ въ уголъ, туда же ставитъ палку.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гурмыжская, Несчастливцевъ, Карпъ.

Несчастливцевъ.

Поди, Карпъ, и не пускай никого! Скажи, что мы заняты.

Карпъ.

Слушаю-съ. *(Уходитъ.)*

Гурмыжская.

Какой костюмъ!

Несчастливцевъ.

Дорожный. Мы пѣшіе путешественники. Это пальто — мой старый другъ и товарищъ. Въ непогоду я въ этомъ пальто бродилъ, какъ старый Лиръ, по степямъ Новороссіи. Часто въ бурную ночь я искалъ убѣжища, и меня принимали въ этомъ пальто, принимали чужіе теплѣе, чѣмъ родные. Прощайте!

Гурмыжская.

Прощай, мой другъ.

Несчастливцевъ.

Два только слова, и болѣе я васъ не буду безпокоить никогда.

Гурмыжская.

Я слушаю. *(Беретъ колокольчикъ.)*

Несчастливцевъ.

Что это? Вы хотите позвонить? Рано еще. Дайте мнѣ колокольчикъ! *(Беретъ колокольчикъ.)* Я самъ позвоню, когда надо будетъ. Намъ свидѣтелей не нужно. Напротивъ, те-

тушка, вы постараетесь, чтобъ къ намъ не вошелъ никто, а главное, Булановъ, если только вамъ дорога его мизерная жизнь.

Гурмыжская.

Хорошо, я не прикажу никому входить. *(Про-себя.)* Ахъ, сонъ!

Несчастливцевъ.

И прекрасно. *(Ставитъ колокольчикъ на столъ и садится на стулъ подлѣ стола.)*

Гурмыжская *(замѣтя свою коробку на столѣ).*

Коробка! Я ее забыла. *(Самымъ ласковымъ тономъ.)* Послушай, мой другъ, Геннадій, будь такъ добръ, потрудись передать мнѣ эту коробку.

Несчастливцевъ.

Не безпокойтесь! Ей и здѣсь хорошо.

Гурмыжская.

Ну, если ты не хочешь, я сама встану за ней.

Несчастливцевъ *(вынимаетъ пистолетъ и кладетъ его на столъ).*

Не трудитесь!

Гурмыжская.

Что̀ ты дѣлаешь? Это ужасно! Я могу умереть со страху.

Несчастливцевъ.

Не бойтесь! Мы будемъ разговаривать очень мирно, даже любезно. *(Разсматривая коробку.)* Знаете, что̀? Подарите мнѣ ее на память?

Гурмыжская *(съ испугомъ).*

Ахъ!... Нельзя, мой другъ, тутъ важныя бумаги, документы по имѣнію.

Несчастливцевъ.

Планы, купчія крѣпости, межевыя книги? Какъ же онѣ уберутся въ такую коробку? Извините, я позволю себѣ полюбопытствовать. *(Открываетъ коробку.)*

Гурмыжская.

Вотъ пытка!

Несчастливцевъ.

Вы ошиблись, тутъ деньги. Злато, злато! Сколько черезъ

тебя зла-то! Ну, мы пока ее закроемъ. *(Закрываетъ коробку.)* Былъ одинъ актеръ провинціальный, оскорбила его женщина, жена антрепренера; онъ смолчалъ, но не забылъ обиды. Всю зиму онъ терпѣлъ; въ послѣднее воскресенье на масленицѣ у антрепренера былъ прощальный вечеръ для артистовъ. Слушайте, тетушка!

Гурмыжская.

Слушаю.

Несчастливцевъ.

По окончаніи вечера, стали всѣ прощаться, подходитъ и онъ къ хозяйкѣ: „пожалуйте ручку“, говоритъ; та ему подала, онъ ей, тетушка, было палецъ и откусилъ прочь.

Гурмыжская.

Къ чему ты мнѣ это говоришь?

Несчастливцевъ.

Разумѣется, онъ поступилъ глупо. Я его знаю: онъ дуракъ. Можно было сдѣлать умнѣе.

Гурмыжская.

Зачѣмъ мнѣ знать все это?

Несчастливцевъ.

На всякій случай не мѣшаетъ. Другой актеръ поступилъ гораздо умнѣе. У одной богатой помѣщицы былъ племянникъ, человѣкъ съ благородною душой, но бѣдный. Вздумалъ онъ навѣстить свою тетку, которую не видалъ лѣтъ пятнадцать. Вотъ собрался издалека, шелъ пѣшкомъ долго; приходитъ, его принимаютъ по-родственному. Вдругъ тетка узнаетъ, что онъ актеръ, гонитъ его изъ дому, не простясь, срамитъ его передъ людьми, передъ дворней.

Гурмыжская.

Ахъ, нѣтъ, Геннадій...

Несчастливцевъ.

То-есть, она думала такъ поступить, а вышло не такъ. Трагикъ Несчастливцевъ не позволитъ играть собой. *(Открываетъ коробку.)* Вотъ, во-первыхъ, трагику Несчастливцеву нужны деньги на дорогу: неприлично ему отъ богатой тетки пѣшкомъ итти. Потомъ, у васъ живетъ бѣдная дѣвушка. Ну, что̀ хорошаго, если она, живя у васъ и пользуясь вашими благодѣяніями, утопится?

Гурмыжская.

Что ты сочиняешь?

Несчастливцевъ.

Я ее возьму съ собой, и на ея долю нужно что-нибудь удѣлить. Потомъ, такъ какъ мы отказываемся отъ всякаго наслѣдства послѣ васъ — это намъ легко сдѣлать, вы намъ и такъ ничего не оставите, а оставите все гимназисту — и за это нужно что-нибудь взять. *(Считаетъ деньги.)*

Гурмыжская.

Ты не томи меня; скажи, сколько тебѣ нужно?

Несчастливцевъ.

Я великодушенъ. *(Встаетъ, беретъ въ одну руку пистолетъ, а въ другую коробку съ деньгами и подаетъ ее Гурмыжской.)* Дайте сами.

Гурмыжская *(поглядывая на пистолетъ)*.

Напрасна вся эта комедія! Я тебѣ должна тысячу рублей; вотъ твои деньги! Но если ты нуждаешься...

Несчастливцевъ *(беретъ деньги)*.

Довольно! Милостыни не надо. Благодарю васъ. *(Прячетъ деньги.)*

Гурмыжская.

Ахъ, убери, пожалуйста, этотъ пистолетъ! У меня душа не на мѣстѣ.

Несчастливцевъ.

Да чего вы боитесь? Я, вѣдь, не Стенька Разинъ. Въ крайнемъ случаѣ, если бы вы меня оскорбили очень, я бы убилъ этого гимназиста, а ужъ никакъ не васъ. *(Кладетъ пистолетъ въ карманъ.)* Ну-съ, теперь вы меня, конечно, проводите честь честью. Мы позавтракаемъ и расцѣлуемся, какъ слѣдуетъ родственникамъ.

Гурмыжская.

Да, разумѣется.

Несчастливцевъ.

Бариномъ я сюда явился, бариномъ и уѣду, съ честью. *(Звонитъ въ колокольчикъ. Входитъ Карпъ.)* Пошли кого-нибудь поскорѣе въ городъ нанять самую лучшую тройку до первой пароходной пристани. Да вотъ, братецъ ты мой, я

уѣзжаю, такъ барыня приказываетъ поскорѣе собрать хорошій завтракъ. Подай вина получше, шампанскаго!

Карпъ.

Слушаю-съ. Завтракъ готовъ.

Гурмыжская.

Подай въ столовую!

Несчастливцевъ.

Позови Аркадія! *(Гурмыжской.)* Я его вамъ представлю на прощаньи; вы не много потеряли, что я не познакомилъ васъ прежде.

Карпъ.

Сударыня, Иванъ Петровъ съ сыномъ дожидаются-съ.

Гурмыжская.

Скажи, чтобъ онъ подождалъ въ столовой. *(Карпъ уходитъ.)* Извини меня, любезный другъ, я тебя должна оставить не надолго.

Несчастливцевъ.

Помилуйте! Между своими...

Гурмыжская.

Мнѣ нужно одѣться. Я жду гостей. Поди въ столовую, покушай на дорогу; я приду съ тобой проститься.

Несчастливцевъ.

Значитъ, мы разстаемся мирно. Вы на меня не сердитесь?

Гурмыжская.

Нѣтъ, не сержусь; но мнѣ кажется, что можно было бы тебѣ вести себя поделикатнѣе: я, все-таки, дама.

Несчастливцевъ.

О, Боже! Я васъ оскорбилъ? Скажите, оскорбилъ я васъ? Я не прощу себѣ. Я застрѣлюсь при вашихъ глазахъ. *(Вынимаетъ пистолетъ.)*

Гурмыжская.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!

Несчастливцевъ.

Нѣтъ, вы мнѣ скажите, обидѣлъ я васъ? О, я...

Гурмыжская.

Ахъ, нѣтъ, нисколько! Напротивъ. *(Уходитъ.)*

Несчастливцевъ.

Вотъ такъ-то лучше... Я ужъ теперь и самъ не разберу, Несчастливцевъ я или Ротшильдъ. *(Входитъ Счастливцевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Несчастливцевъ и Счастливцевъ.

Нечастливцевъ.

Ну, Аркадій, теперь можно будетъ намъ и отдохнуть. Денегъ, братецъ, у меня много. *(Показываетъ пачку ассигнацій.)* Поѣдемъ мы съ тобой до Волги въ хорошемъ экипажѣ, а потомъ на пароходѣ въ первомъ классѣ.

Счастливцевъ.

Геннадій Демьянычъ, безподобно! Ахъ, безподобно! Ужъ какъ я комфортъ люблю, кабы вы знали!

Несчастливцевъ.

Сдѣлаютъ намъ выгодныя предложенія, такъ мы съ тобой примемъ, будемъ играть, а нѣтъ, такъ и не надо. Поѣдемъ въ Нижній на ярмарку за бенефисомъ; да бенефисъ чтобъ въ началѣ августа, а въ сентябрѣ, шалишь, не возьму! Покутимъ, братецъ!

Счастливцевъ.

И ужъ товарища вамъ лучше меня не найти: я, знаете, я, Геннадій Демьянычъ, рожденъ для такой жизни. А бѣдность что! Въ бѣдности-то всякій жить умѣетъ; нѣтъ, ты умѣй прожить деньги съ эффектомъ; тутъ много ума нужно, Геннадій Демьянычъ!

Несчастливцевъ.

А теперь, братъ, пойдемъ, выпьемъ добраго вина, закусимъ на дорогу, по стакану, по другому шампанскаго.

Счастливцевъ.

Вотъ жизнь, Геннадій Демьянычъ! Вотъ это я понимаю. А то что: пѣшкомъ... самъ себя презираешь. Не знаю, какъ вы, а я презираю такую жизнь. Я всегда за богатыхъ людей. Кто шампанское пьетъ, хорошія сигары куритъ, тотъ и человѣкъ, а остальное — ничтожество. Такъ, вѣдь, Геннадій Демьянычъ? *(Уходитъ въ столовую. Входитъ Аксюша.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Аксюша, *потомъ* Петръ *и* Несчастливцевъ.

Аксюша.

Гдѣ же братецъ? *(Заглядываетъ въ дверь.)* Онъ въ столовой, и Петя тамъ. Какъ бы его вызвать? Мнѣ бы только хоть два слова сказать на прощанье, при людяхъ неловко будетъ. (*Тихо.*) Петя! Петя! Услыхалъ, идетъ. *(Петръ тихо бокомъ прокрадывается въ дверь.)*

Петръ.

А, это ты?

Аксюша.

Тише, ради Бога, тише! Кончено дѣло, у братца денегъ нѣтъ; я ѣду съ нимъ далеко и навсегда. *(Беретъ его голову, прижимаетъ къ себѣ и цѣлуетъ.)* Прощай! Ступай! ступай!

Петръ.

Ѣдешь? Куда, зачѣмъ?

Аксюша.

Въ театръ, въ актрисы.

Петръ.

Что̀ ты? Опомнись, съ ума ты сошла!

Аксюша.

Рѣшено̀, рѣшено̀. Ступай, ступай!

Петръ.

Что̀ ты! У меня сердце упало, ровно кто меня камнемъ въ грудь-то ушибъ. А, вѣдь, я съ тятенькой опять говорилъ.

Аксюша *(робко и оглядываясь).*

Ну, что̀ же?

Петръ.

Сначала, извѣстно, два часа ругалъ безъ отдыха; потомъ говоритъ: хоть бы тысячу за тебя, дурака, дали.

Аксюша.

Я на прощаньи словечко закину тетенькѣ; а впрочемъ, надежды мало. Ну, ступай! *(Цѣлуетъ его.)* Прощай! Ужо не

прощайся! Стыдно. Глазами только проводи; я на тебя все глядѣть буду.

Петръ.

Ахъ ты, жизнь! Вотъ бы когда въ омутъ-то съ великимъ моимъ удовольствіемъ. *(Входитъ Несчастливцевъ.)*

Несчастливцевъ.

А! Попались!

Аксюша.

Братецъ, потише! *(Петръ уходитъ.)* Одно слово, одно слово, братецъ! Утопающій за соломинку хватается. Попросите тетушку, можетъ быть, она сжалится надо мной; теперь только тысячу рублей нужно, только тысячу.

Несчастливцевъ.

А что-жъ въ актрисы-то, дитя мое? Съ твоимъ-то чувствомъ...

Аксюша *(прилегая къ нему, нѣжно).*

Братецъ... чувство... оно мнѣ дома нужно.

Несчастливцевъ *(басомъ).*

Поколебалась! Что на землѣ незыблемо теперь? Пойдемъ, меня ждетъ компанія. Дай мнѣ хорошенько вдохновить себя, а то я поговорю. *(Уходитъ въ столовую. Выходятъ Милоновъ, Бодаевъ и Карпъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Милоновъ, Бодаевъ, Карпъ, *потомъ* Гурмыжская *и* Булановъ.

Карпъ.

Пожалуйте-съ! Онѣ сейчасъ выйдутъ.

Милоновъ.

Что это у васъ, Карпуша, нынче какъ-то особенно нарядно?

Карпъ.

Не могу знать *(Выходитъ Гурмыжская, очень нарядно и молодо одѣтая, подъ руку съ Булановымъ.)*

Гурмыжская.

Извините, господа, что я заставила васъ ждать!

Бодаевъ.

Да мы ничего и не ждали.

Милоновъ *(цѣлуя руку).*

Вы прекрасны! *(Отходитъ и смотритъ издали.)* Прекрасны! Вы все молодѣете.

Гурмыжская.

Мнѣ и нужно молодѣть. Господа, я васъ звала для подписанія завѣщанія; но обстоятельства нѣсколько измѣнились. Я выхожу замужъ. Рекомендую вамъ будущаго моего мужа.

Милоновъ.

Прекрасно! Прекрасно!

Бодаевъ.

Я такъ и ожидалъ.

Гурмыжская *(садясь).*

Прошу покорнѣйше садиться! *(Милоновъ и Бодаевъ садятся.)* Алексисъ, садись!

Булановъ *(цѣлуя руку).*

Ахъ, Раиса, позволь, я буду стоять подлѣ тебя.

Гурмыжская.

Не правда ли, онъ милъ? Господа, я вижу, что въ душѣ вы осуждаете меня. Прежде выслушайте, потомъ судите. Господа, у меня оправданій много. Я была беззащитна, имѣніе разстроено; я думала поручить управленіе племяннику; но онъ меня поразилъ, поразилъ... Знаете, какую онъ карьеру избралъ? Онъ актеръ провинціальный...

Милоновъ.

Ужасъ, ужасъ, ужасъ!

Бодаевъ.

Что̀ такое?

Булановъ.

О племянникѣ...

Бодаевъ.

А! Ну, не мое дѣло.

Гурмыжская.

И ведетъ жизнь самую безпорядочную. Онъ здѣсь, у меня, вы можете его видѣть.

Милоновъ.

А ваша племянница?

Гурмыжская.

Я недовольна ея поведеніемъ. Чтò же мнѣ оставалось дѣлать? Я васъ спрашиваю. При всемъ моемъ желаніи остаться навсегда вдовой *(томно)* и даже отказаться совсѣмъ отъ свѣта, я рѣшилась пожертвовать собой. Я выхожу замужъ, чтобъ устроить имѣніе и чтобъ оно не досталось въ дурныя руки.

Милоновъ.

Это геройскій подвигъ! Вы героиня!

Бодаевъ.

Ну, какая героиня! Просто блажитъ.

Милоновъ.

Давно бы вамъ, давно бы...

Гурмыжская.

Ахъ, Евгеній Аполлонычъ, надо было найти человѣка. Это такъ трудно нынче, такъ трудно. Вѣдь, это чтò за человѣкъ, кабы вы знали! *(Нѣжно взглядываетъ на Буланова.)* Ахъ, другъ мой!

Булановъ *(цѣлуя ея руку)*.

Раиса, ты меня конфузишь.

Милоновъ *(грозя пальцемъ)*.

Только смотрите, Раиса Павловна, смотрите за нимъ хорошенько! Онъ такъ еще молодъ.

Гурмыжская.

Ахъ, нѣтъ! Онъ далъ мнѣ клятву, страшную клятву.

Булановъ.

Господа, повѣрьте, что я постараюсь быть достойнымъ той чести, которую мнѣ дѣлаетъ Раиса Павловна, избирая меня своимъ супругомъ. Чтò касается интересовъ Раисы Павловны, то, господа, въ самомъ скоромъ времени само дѣло будетъ говорить за меня; вы увидите наше имѣніе въ цвѣтущемъ положеніи.

Милоновъ.

Каковъ? каковъ? Прекрасно, молодой человѣкъ, прекрасно!

Гурмыжская.

Я вамъ говорила...

Бодаевъ.

Все вретъ, все промотаетъ.

Булановъ.

Господа, хотя я и молодъ, но я очень близко къ сердцу принимаю не только свои, но и общественныя дѣла, и желалъ бы служить обществу. Повѣрьте, что вы найдете во мнѣ самаго горячаго защитника вашихъ интересовъ и привилегій.

Милоновъ.

А вотъ мы жаловались, что людей-то нѣтъ. Для новыхъ учрежденій нужны новые люди, а ихъ нѣтъ. Вотъ они!

Бодаевъ.

Чтò-жъ, пожалуй; пусть служитъ, мы не разборчивы.

Булановъ *(пожимая плечами).*

Вотъ только года мои... я не понимаю, къ чему эти стѣсненія! Если я чувствую себя способнымъ...

Милоновъ.

Ну, чтò-жъ, мы подождемъ годика два; а тамъ и въ управу или другую почетную должность найдемъ.

Гурмыжская.

Господа, кушать сегодня мы будемъ поздно; а теперь можно по бокалу шампанскаго. Карпъ, подай шампанскаго.

Карпъ.

Слушаю-съ. Честь имѣю поздравить, сударыня. *(Про-себя.)* Пойти оповѣстить! *(Уходитъ.)*

Милоновъ.

Но откуда такой умъ, такая сила въ молодомъ человѣкѣ?

Гурмыжская.

Ахъ, онъ много страдалъ, бѣдный! Мать его была богатая женщина, и онъ съ дѣтства былъ пріученъ къ нѣгѣ, къ раболѣпству прислуги и всѣхъ окружающихъ; потомъ они обѣднѣли, и онъ узналъ страшную нужду. Ужасно! Онъ рожденъ повелѣвать, а его заставляли чему-то учиться въ гимназіи. *(Входитъ Карпъ съ бутылкой шампанскаго. Всѣ встаютъ.)*

Милоновъ *(принимая бокалъ).*

Все высокое и все прекрасное основано на разнообразіи, на контрастахъ. Возьмемъ самыя изящныя сочетанія въ природѣ, и чтò-жъ мы видимъ? Суровый гранитъ и меланхолическій плющъ, несокрушимый дубъ и нѣжную повилику. И

теперь передъ нашими глазами: непоколебимая добродѣтель, житейская мудрость, укрѣпленная опытомъ, въ союзѣ съ нѣжной молодой отраслью благороднаго питомника. Раиса Павловна, Алексѣй Сергѣичъ! желаю вамъ многолѣтней, безмятежной жизни, на радость вамъ, на утѣшеніе вашихъ друзей и на пользу всего окрестнаго населенія до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ! *(Въ столовой: „ура!“)*

Гурмыжская.

Что̀ такое?

Карпъ.

Геннадій Демьянычъ изволятъ... за ваше здоровье.

Милоновъ.

Господа, я не могу говорить: все прекрасное и все высокое заставляетъ молчать уста мои и вызываетъ горячія и обильныя слезы на мои рѣсницы. *(Пьетъ.)*

Гурмыжская *(жметъ ему руку).*

Благодарю, благодарю васъ. *(Въ столовой: „ура!“)*

Бодаевъ *(съ бокаломъ).*

Поздравляю! Постарайтесь жить счастливо, и я первый буду очень радъ! *(Пьетъ.)*

Гурмыжская.

Покорно васъ благодарю! *(Буланову.)* Какой грубый человѣкъ! *(Садится. Въ столовой: „ура!“ Двери изъ столовой растворяются, выходитъ Несчастливцевъ; остаются въ дверяхъ Счастливцевъ, Восьмибратовъ, Петръ и Аксюша.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Гурмыжская, Милоновъ, Бодаевъ, Булановъ, Несчастливцевъ, Счастливцевъ, Восьмибратовъ, Петръ, Аксюша, Карпъ.

Несчастливцевъ.

Тетушка, поздравляю! Замужъ выхо̀дите? Время, тетушка, время! И для васъ хорошо, и для родственниковъ пріятно. Это дѣлаетъ вамъ честь, а намъ удовольствіе. Я, съ своей стороны, очень радъ и одобряю вашъ союзъ. *(Обращаясь къ дверямъ.)* Господа, что же вы стали? *(Счастливцевъ и*

Восьмибратовъ подходятъ.) Тетушка, рекомендую: другъ мой, Аркадій Счастливцевъ!

Гурмыжская.

Очень пріятно!

Милоновъ.

Это вашъ племянникъ?

Несчастливцевъ *(Милонову).*

Честь имѣю рекомендоваться: Геннадій Гурмыжскій. *(Бодаеву.)* Гурмыжскій, Геннадій! *(Милоновъ и Бодаевъ встаютъ, подаютъ ему руку и садятся.)*

Восьмибратовъ *(Гурмыжской).*

Доброе дѣло-съ. Значитъ, по закону, какъ слѣдуетъ. Чего же лучше-съ. Очень пріятно-съ.

Гурмыжская.

Ну, какъ тебѣ, Иванъ Петровичъ, нравится мой женихъ?

Восьмибратовъ.

Ничего-съ, женихъ во вкусѣ-съ. Ежели насчетъ малоумія, такъ это отъ малодушества, со временемъ проходитъ-съ.

Несчастливцевъ *(Счастливцеву и Восьмибратову).*

Господа, покорнѣйше прошу садиться. Тетушка, позвольте мнѣ распорядиться какъ дома. Карпъ, подай, братецъ, намъ вина, да побольше! Ты не жалѣй; такіе случаи рѣдки: вѣдь, тетушка не каждый годъ замужъ выходитъ. *(Садится съ правой стороны; тамъ же садятся Счастливцевъ и Восьмибратовъ. Карпъ уходитъ.)* Продолжайте, господа, вашъ разговоръ; мы вамъ не мѣшаемъ.

Милоновъ.

Намъ интересно васъ послушать.

Несчастливцевъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ, господа. Мнѣ очень пріятно говорить въ такомъ благородномъ обществѣ. Тетушка, вы счастливы, вы безмѣрно счастливы?

Гурмыжская.

Да, мой другъ, я счастлива.

Несчастливцевъ.

Въ счастіи человѣкъ дѣлается добрѣе, благороднѣе. Не такъ ли я говорю? Правда, господа?

Милоновъ.

Совершенно справедливо; прекрасно, прекрасно!

Несчастливцевъ.

Тетушка, у васъ есть племянница, милое, кроткое созданіе; у нея есть тоже женихъ. Онъ не такъ красивъ и смѣлъ, какъ вашъ, но она его любитъ. А вотъ его тятенька.

Гурмыжская.

Знаю, мой другъ.

Несчастливцевъ.

Онъ, то-есть, тятенька, человѣкъ русскій, господа, благочестивый, но по душѣ совершеннѣйшій коканецъ и киргизъ-кайсакъ. Онъ человѣкъ семейный, очень любитъ своихъ дѣтей, любитъ женить сыновей; но непремѣнно желаетъ получить приданаго тысячу рублей, по своей жадности и по своему невѣжеству.

Восьмибратовъ.

Это точно, баринъ, что по невѣжеству; только намъ безъ этого невѣжества никакъ нельзя, потому на немъ весь кругъ держится.

Несчастливцевъ.

Вотъ, тетушка, для васъ прекрасный случай сдѣлать доброе дѣло.

Гурмыжская.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Что еще за новости? Оставь, пожалуйста! Это не твое дѣло. Я и такъ издержала очень много, потомъ впереди большіе расходы.

Булановъ.

Намъ съ Раисой теперь нельзя тратить ничего лишняго. Я хочу конный заводъ завести, пруды надо чистить, копать канавы.

Несчастливцевъ.

Такъ не дадите?

Гурмыжская.

Деньги не велики; но согласитесь, господа, что бываютъ обстоятельства...

Несчастливцевъ.

Да зачѣмъ деньги? Довольно вашего благороднаго слова въ присутствіи вотъ этихъ господъ.

Восьмибратовъ.

Для насъ ваше слово лучше векселя.

Гурмыжская.

Нѣтъ, нѣтъ! Это неделикатно даже, вдругъ, при постороннихъ... Такое требованіе... Это насиліе... У васъ комплотъ!

Булановъ.

Да ты, Раиса, откажи рѣшительно.

Гурмыжская.

Ну, согласитесь, господа, вѣдь, нельзя же такъ вдругъ... Я рѣшительно отказываю.

Несчастливцевъ.

Такъ не дадите?

Гурмыжская.

Извини, мой другъ, не могу.

Несчастливцевъ *(Восьмибратову)*.

Почтенный, скинь что̀-нибудь! Уважь! Уступи!

Восьмибратовъ.

Не расчетъ, баринъ. И то ужъ такъ, что изъ хорошаго дома, а то бы и вниманія не взяли.

Несчастливцевъ *(встаетъ)*.

Тетушка, Раиса Павловна! благодѣтельница рода человѣческаго! Не роняйте себя передъ почтеннымъ обществомъ! Не стыдите фамилію Гурмыжскихъ. Я краснѣю за васъ. У васъ только и родныхъ — я да она: она ужъ больше не попроситъ, а мнѣ приданаго не нужно. Гурмыжская не можетъ отказать въ такой суммѣ! Вы женщина богатая, что̀ значитъ для васъ эта малость? Я бѣдный труженикъ; но если-бъ у меня были... *(ударяетъ себя въ грудь.)* А? Что̀ такое? Да онѣ есть. *(Вынимаетъ изъ кармана деньги.)* Вотъ онѣ! Признаться, не грѣхъ бы бѣднягѣ Несчастливцеву и покутить на эти деньги; не мѣшало бы ему, старому псу, и поберечь ихъ на черный день.

Счастливцевъ *(дергая его за руку)*.

Что̀ вы дѣлаете?

Несчастливцевъ.

Молчи, Аркашка! Такъ не дадите?

Гурмыжская.

Я ужъ сказала.

Несчастливцевъ.

Ну, если богатая помѣщица отказываетъ бѣдной дѣвушкѣ въ приданомъ, такъ не откажетъ бѣдный артистъ. *(Аксюшѣ.)* Поди сюда, дитя мое!

Счастливцевъ.

А говорили, на тройкѣ поѣдемъ! Вотъ тебѣ и тройка! Вотъ и на пароходъ.

Несчастливцевъ.

Молчи, Аркашка! *(Аксюша подходитъ.)* Вотъ тебѣ, дитя мое! Бери!

Аксюша.

Что̀ вы, что̀ вы, братецъ? Не надо!

Несчастливцевъ.

Бери, говорятъ тебѣ! Я что̀ задумалъ — не передумываю, что̀ сдѣлалъ — не передѣлываю.

Аксюша *(обнимая его)*.

Братецъ! Братецъ! *(Карпъ приноситъ бутылку вина и стаканы и ставитъ на столъ.)*

Несчастливцевъ.

Ну, довольно; я могу заплакать, а это не хорошо — стыдно.

Аксюша.

Какъ мнѣ благодарить васъ?

Несчастливцевъ.

Какъ благодарить? Скажи: „спасибо", и все тутъ. Вотъ теперь выпьемъ! *(Подходитъ къ столу и наливаетъ два стакана. Аксюша отдаетъ деньги Петру.)*

Петръ *(отдавая деньги отцу)*.

Извольте получить-съ! *(Восьмибратовъ отходитъ къ сторонѣ и считаетъ.)*

Гурмыжская *(Несчастливцеву)*.

Это очень великодушно съ твоей стороны.

Несчастливцевъ.

Надѣюсь! Поди, Аркадій, выпей! *(Счастливцевъ подходитъ и пьетъ.)*

Гурмыжская *(Аксюшѣ).*

Я очень рада, моя милая, что такъ устроилось, и готова способствовать твоему счастію всѣмъ, чѣмъ могу; я даже не откажусь быть твоей посаженой матерью. *(Аксюша кланяется.)*

Восьмибратовъ.

Много вами благодарны-съ. Ужъ у насъ, сударыня, безъ васъ дѣло не обойдется. Вы у насъ на свадьбѣ-съ — пятьдесять процентовъ къ приданому, вотъ какъ мы васъ цѣнимъ. А ужъ банкетъ я сдѣлаю для вашей милости, такъ мѣсяца на два въ городѣ разговору хватитъ. Пущай по крайности знаютъ.

Милоновъ *(подходя къ столу).*

Прекрасно, прекрасно! Вашъ поступокъ надо напечатать въ газетахъ.

Несчастливцевъ.

Чтò тутъ за газеты! Давай, выпьемъ брудершафтъ!

Милоновъ.

Но, мой милый... нельзя же...

Несчастливцевъ.

А не хочешь, не надо. Убирайся! Пошелъ прочь! Выпьемъ, Аркадій. *(Милоновъ отходитъ.)*

Бодаевъ *(Буланову).*

Кто онъ такой? А?

Булановъ.

Актеръ.

Бодаевъ.

Актеръ? Ахъ, чортъ его возьми! Браво, браво! *(Подходитъ къ Несчастливцеву.)* Вашу руку! То-то я слушаю, кто такъ хорошо говоритъ, благородно. Это такая рѣдкость у насъ. *(Указывая на Счастливцева.)* А онъ тоже актеръ?

Несчастливцевъ.

Актеръ.

Бодаевъ.

Онъ ничего не говоритъ?

Несчастливцевъ.

Нѣтъ, говоритъ.

Бодаевъ.

Чтò же онъ говоритъ?

Счастливцевъ.

Скворцомъ свищу, сорокой прыгаю.

Бодаевъ.

А, браво, браво! *(Отходитъ и сейчасъ же возвращается къ Несчастливцеву).* Я ему пѣнковую трубку подарю. Заходите ко мнѣ, милости прошу.

Несчастливцевъ.

Забавлять-то тебя? Шутовъ заведи! Давай, брудершафтъ выпьемъ!

Бодаевъ.

Что̀? Ха, ха, ха! Онъ забавный! *(Отходитъ.)*

Гурмыжская *(Буланову).*

Его надо какъ-нибудь выжить; онъ, Богъ знаетъ, что̀ надѣлаетъ.

Булановъ.

Вы, кажется, ѣхать собираетесь?

Несчастливцевъ.

Давно я, братъ, сбираюсь.

Булановъ.

Такъ не пора ли вамъ?

Несчастливцевъ.

Аркадій, насъ гонятъ. И въ самомъ дѣлѣ, братъ, Аркадій, зачѣмъ мы зашли, какъ мы попали въ этотъ лѣсъ, въ этотъ сыръ дремучій боръ? Зачѣмъ мы, братецъ, спугнули совъ и филиновъ? Что̀ имъ мѣшать! Пусть ихъ живутъ, какъ имъ хочется! Тутъ все въ порядкѣ, братецъ, какъ въ лѣсу быть слѣдуетъ. Старухи выходятъ замужъ за гимназистовъ, молодыя дѣвушки топятся отъ горькаго житья у своихъ родныхъ: лѣсъ, братецъ.

Гурмыжская *(пожимая плечами).*

Комедіанты.

Несчастливцевъ.

Комедіанты? Нѣтъ, мы артисты, благородные артисты, а комедіанты вы. Мы коли любимъ, такъ ужъ любимъ; коли не любимъ, такъ ссоримся или деремся; коли помогаемъ, такъ ужъ послѣднимъ трудовымъ грошемъ. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благѣ общества, о любви къ человѣчеству.

А что вы сдѣлали? Кого накормили? Кого утѣшили? Вы тѣшите только самихъ себя, самихъ себя забавляете. Вы комедіанты, шуты, а не мы. Когда у меня деньги, я кормлю на свой счетъ двухъ-трехъ такихъ мерзавцевъ, какъ Аркашка, а родная тетка потяготилась прокормить меня два дня. Дѣвушка бѣжитъ топиться; кто ее толкаетъ въ воду? Тетка. Кто спасаетъ? Актеръ Несчастливцевъ! „Люди, люди! Порожденіе крокодиловъ! Ваши слезы — вода! Ваши сердца — твердый булатъ! Поцѣлуи — кинжалы въ грудь. Львы и леопарды питаютъ дѣтей своихъ, хищные враны заботятся о птенцахъ, а она, она!... Это ли любовь за любовь? О, если-бъ я могъ быть гіэною! О, если-бъ я могъ остервенить противъ этого адскаго поколѣнія всѣхъ кровожадныхъ обитателей лѣсовъ!“*).

Милоновъ.

Но позвольте, за эти слова можно васъ и къ отвѣту.

Булановъ.

Да просто къ становому. Мы всѣ свидѣтели!

Несчастливцевъ *(Милонову).*

Меня? Ошибаешься. *(Вынимаетъ пьесу Шиллера „Разбойники“.)* Цензуровано. Смотри! Одобряется къ представленію. Ахъ, ты злокачественный мужчина! Гдѣ же тебѣ со мной разговаривать? Я чувствую и говорю, какъ Шиллеръ, а ты, какъ подьячій! Ну, довольно! Въ дорогу, Аркашка! Прощайте! *(Кланяется всѣмъ.)* Тетушка, пожалуйте ручку!

Гурмыжская *(прячетъ руку).*

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ...

Булановъ.

Позвольте ему, онъ скорѣе уйдетъ.

Несчастливцевъ.

Не укушу, не бойтесь.

Милоновъ.

Разумѣется, не укуситъ.

Булановъ.

Разумѣется...

Гурмыжская.

Ахъ, нѣтъ, вы не знаете!

---

*) Изъ „Разбойниковъ“, Шиллера. Дѣйств. І-е, сцена II.

Несчастливцевъ.

О, люди, люди! *(Идетъ въ уголъ, надѣваетъ котомку, Аксюша помогаетъ ему и цѣлуетъ его. Беретъ въ руки палку.)* Ну, Аркадій, мы съ тобой попировали, пошумѣли, братецъ; теперь опять за работу! *(Выходитъ на средину сцены, подзываетъ Карпа и говоритъ ему съ разстановкой и внушительно.)* Послушай, Карпъ. Если пріѣдетъ тройка, ты вороти ее, братецъ, въ городъ; скажи, что господа пѣшкомъ пошли. Руку, товарищъ! *(Подаетъ руку Счастливцеву и медленно удаляется.)*

БѢШЕНЫЯ ДЕНЬГИ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Вмѣсто пролога.

ЛИЦА:

Савва Геннадіевичъ Васильковъ, провинціалъ, лѣтъ 35-ти. Говоритъ слегка на «о», употребляетъ поговорки, принадлежащія жителямъ городовъ средняго теченія Волги: *когда же нѣтъ* — вмѣсто да; *ни, Боже мой!* — вмѣсто отрицанія; *шаберъ* — вмѣсто сосѣдъ. Провинціальность замѣтна и въ платьѣ.

Иванъ Петровичъ Телятевъ, неслужащій дворянинъ, лѣтъ 40-ка.

Григорій Борисовичъ Кучумовъ, лѣтъ 60-ти, важный баринъ, въ отставкѣ съ небольшимъ чиномъ, имѣетъ и по женѣ, и по матери много титулованой родни.

Егоръ Дмитріевичъ Глумовъ.

Надежда Антоновна Чебоксарова, пожилая дама съ важными манерами.

Лидія Юрьевна, ея дочь, 24-хъ лѣтъ.

Андрей, слуга Чебоксаровыхъ.

Григорій, слуга Телятева.

Николай, слуга Кучумова.

Мальчикъ изъ кофейной.

Гуляющіе.

Въ Петровскомъ паркѣ, въ саду Сакса; направо отъ зрителей ворота въ паркъ, налѣво кофейная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Проходятъ гуляющіе, нѣкоторые останавливаются и читаютъ афишу на воротахъ. Телятевъ *и* Васильковъ *выходятъ изъ кофейной.*

Телятевъ *(что-то жуетъ).*

Ну да, ну да! *(Въ сторону.)* Когда онъ отстанетъ!

Васильковъ.

Я хочу сказать, что она, по своей миловидности, очень привлекательная дѣвица.

Телятевъ.

Вотъ новость! Какое открытіе вы сдѣлали. Кто же этого не знаетъ? *(Снимаетъ шляпу и кланяется.)* Совершенная правда-съ. Чебоксарова хороша — дважды два четыре. Вы еще такой безспорной истины не знаете ли?

Васильковъ.

Я хотѣлъ вамъ сказать, что она мнѣ очень понравилась.

Телятевъ.

Еще лучше. Да кому же она не нравится? Помилуйте вы меня! И что̀ тутъ для меня интереснаго, что она вамъ нравится? Вы, должно быть, издалека пріѣхали?

Васильковъ.

Да, не близко-таки.

Телятевъ.

Вотъ бы вы меня удивили, если-бъ сказали, что вы ей понравились. Это была бы штука любопытная! А что она вамъ нравится, диковины тутъ нѣтъ. Я знаю человѣкъ пятнадцать, которые въ нее влюблены безъ памяти, только изъ взрослыхъ людей, а если считать съ гимназистами, такъ и конца нѣтъ. А вы знаете что̀? Вы попробуйте сами ей понравиться.

Васлиьковъ.

Да развѣ-жъ это такъ трудно?

Телятевъ.

Ну, да ужъ я вамъ скажу.

Васильковъ.

А что̀-жъ нужно для этого? Какія качества?

Телятевъ.

Такія, какихъ нѣтъ у насъ съ вами.

Васильковъ.

А, позвольте, напримѣръ?

Телятевъ.

А напримѣръ: полмилліона денегъ или около того.

Васильковъ.

Это ничего...

Телятевъ.

Какъ, ничего! Батюшка вы мой! Да что-жъ, милліоны-то какъ грибы растутъ? Или вы Ротшильдамъ племянникъ? Тогда и разговаривать нечего.

Васильковъ.

Хотя ни то, ни другое, но нынче такое время, что съ большимъ умомъ...

Телятевъ.

Вотъ, видите ли, съ умомъ, да еще съ большимъ. Значитъ, прежде надо умъ имѣть. А у насъ большіе умы такъ же рѣдки, какъ и милліоны. Да оставимте лучше объ умѣ говорить, а то кто-нибудь изъ знакомыхъ услышитъ, смѣяться станутъ. Умные люди сами по себѣ, а мы сами по себѣ. Значитъ, умъ по боку. Ну его! Гдѣ его взять, коли Богъ не далъ?

Васильковъ.

Нѣтъ, я не такъ скоро откажусь отъ этой способности. Но что же еще нужно, чтобы ей понравиться?

Телятевъ.

Красивый гвардейскій мундиръ да чинъ, по крайней мѣрѣ, полковника, да врожденную свѣтскость, которой ужъ научиться никакъ нельзя.

Васильковъ.

Это же очень странно. Неужели никакими другими достоинствами, никакими качествами ума и сердца нельзя покорить эту дѣвушку?

Телятевъ.

Да какъ же она узнаетъ про ваши качества ума и сердца? Астрономію, что ли, вы напишете, да будете читать ей?

Васильковъ.

Жалѣю, очень жалѣю, что она такъ недоступна.

Телятевъ.

Да вамъ-то чтò же?

Васильковъ.

Вотъ, видите ли, я съ вами откровенно буду говорить. У меня особаго рода дѣла и мнѣ именно нужно такую жену, блестящую и съ хорошимъ тономъ.

Телятевъ.

Ну, да мало ли чтò кому нужно! Чтò, вы богаты очень?

Васильковъ.

Нѣтъ еще.

Телятевъ.

Значитъ, надѣетесь разбогатѣть?

Васильковъ.

Въ настоящее время...

Телятевъ.

Да чтò вы все съ настоящимъ временемъ!

Васильковъ.

Потому болѣе, что именно въ настоящее время разбогатѣть очень возможно.

Телятевъ.

Ну, это кому какъ Богъ дастъ. Это еще буки. А въ настоящее-то время вы имѣете чтò-нибудь вѣрное? Скажите! Я васъ не ограблю.

Васильковъ.

Я вполнѣ увѣренъ, что не ограбите. Вѣрнаго я имѣю, безъ всякаго риску, три лѣсныя дачи при моемъ имѣніи, что можетъ составить тысячъ пятьдесятъ.

Телятевъ.

Это хорошо; пятьдесятъ тысячъ деньги; съ ними въ Москвѣ можно имѣть на сто тысячъ кредита; вотъ вамъ и полтораста тысячъ. Съ такими деньгами можно довольно долго жить съ пріятностями.

Васильковъ.

Но, вѣдь, надо же будетъ платить наконецъ.

Телятевъ,

А вамъ-то какая печаль? Чтò вы ужъ очень заботливы!

Вотъ охота лишнюю думу въ головѣ имѣть! Это дѣло предоставьте кредиторамъ, пусть думаютъ и получаютъ, какъ хотятъ. Чтò вамъ въ чужое дѣло мѣшаться? Наше дѣло умѣть занять, ихъ дѣло умѣть получить.

Васильковъ.

Не знаю, такихъ операцій не производилъ; наши операціи имѣютъ совсѣмъ другія основанія и расчеты.

Телятевъ.

Вы еще молоды, дойдете и до нашихъ расчетовъ.

Васильковъ.

Не спорю. Но позвольте просить васъ познакомить меня съ Чебоксаровыми. Хотя я имѣю мало вѣроятности понравиться, но надежда, знаете ли, никогда не покидаетъ человѣка. Я какъ увидалъ ее съ недѣлю тому назадъ, все о ней и мечтаю. Я узналъ, гдѣ онѣ живутъ, и въ томъ же домѣ квартиру нанялъ, чтобы видѣть ее почаще. Стыдно дѣловому человѣку увлекаться; но, чтò дѣлать, я въ любви еще юноша. Познакомьте, прошу васъ.

Телятевъ.

Извольте, съ удовольствіемъ.

Васильковъ *(крѣпко жметъ ему руку).*

Если я вамъ могу быть чѣмъ-нибудь полезенъ...

Телятевъ.

Бутылку шампанскаго, я другихъ взятокъ не беру. Будетъ бутылка?

Васильковъ.

Когда же нѣтъ! Во всякое время и сколько вамъ угодно. *(Крѣпко жметъ Телятеву руку.)* Я, право, такъ вамъ благодаренъ.

Телятевъ.

Да позвольте, позвольте руку-то! Это чортъ знаетъ чтò!

Васильковъ *(оглядывается, не выпуская руки Телятева).*

Кажется, онѣ?

Телятевъ.

Онѣ, онѣ.

Васильковъ.

Пойду поближе, полюбоваться. Право, я такой чувствительный!... Вамъ, можетъ быть, смѣшно?

Телятевъ.

Да вы руку-то...

Васильковъ.

Извините! Я надѣюсь васъ найти на этомъ мѣстѣ.

Телятевъ.

Надѣйтесь. *(Васильковъ поспѣшно уходитъ. Входитъ Глумовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Телятевъ и Глумовъ.

Глумовъ.

Что̀ за шутъ гороховый съ тобой разговаривалъ?

Телятевъ.

Это мнѣ Богъ на шапку послалъ за мою простоту.

Глумовъ.

Что̀-жъ тебѣ за барышъ?

Телятевъ.

Шампанскимъ поитъ.

Глумовъ.

А! Это не дурно.

Телятевъ.

Я вотъ погляжу, погляжу на него, да, должно быть, денегъ у него займу.

Глумовъ.

Это еще лучше, коли дастъ, разумѣется.

Телятевъ.

Думаю, что дастъ; я ему нуженъ.

Глумовъ.

Перестань, сдѣлай милость! Кому и для чего ты можешь быть нуженъ?

Телятевъ.

А вотъ слушай.

Глумолъ.

Слушаю.

Телятевъ.

Я увидалъ его въ первый разъ здѣсь, въ паркѣ, съ недѣлю тому назадъ. Иду я по той аллеѣ и издали вижу: стоитъ человѣкъ, разиня ротъ и вытаращивъ глаза; шляпа на затылкѣ. Меня взяло любопытство, на чтò онъ такъ удивляется. Слона не водятъ, пѣтухи не дерутся. Гляжу, и чтò-жъ бы ты думалъ, на кого онъ такъ уставился? Угадай!

Глумовъ.

На кого, не знаю. Какое диво въ паркѣ можетъ быть?

Телятевъ.

На Чебоксарову.

Глумовъ.

У него губа-то не дура.

Телятевъ.

Коляска Чебоксаровыхъ остановилась, кругомъ нея толпа молодежи; онѣ обѣ разговаривали съ кѣмъ-то, ужъ не знаю: а онъ стоитъ поодаль, такъ и впился глазами. Коляска тронулась; онъ бросился вслѣдъ за ней, человѣкъ пять сшибъ съ ногъ, и мнѣ досталось. Сталъ извиняться, тутъ мы и познакомились.

Глумовъ.

Поздравляю.

Телятевъ.

А сегодня, представь себѣ, увидалъ, что я разговаривалъ съ Чебоксаровыми, ухватилъ меня чуть не за воротъ, втащилъ въ садъ, спросилъ бутылку шампанскаго, потомъ другую, ну, мы и выпили малымъ дѣломъ. А вотъ здѣсь открылся мнѣ, что влюбленъ въ Чебоксарову и желаетъ на ней жениться. Видишь ты, по его дѣламъ — а какія у него дѣла, самъ чортъ не разберетъ — ему именно такую жену нужно: ну, разумѣется, просилъ меня познакомить его съ ними.

Глумовъ.

Ахъ, онъ эѳіопъ! Вотъ потѣха-то! Пріѣхалъ откуда-то изъ Камчатки и прямо жениться на лучшей нашей невѣстѣ. Видишь ты, у него дѣла такія, что ему непремѣнно нужно жениться на ней! Какая простота! Мало ли у кого какія дѣла! Вотъ и у меня дѣла такія, что мнѣ нужно на богатой невѣстѣ жениться, да не отдаютъ. Чтò онъ такое за птица? Чтò онъ дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ?

Телятевъ.

Это ужъ одному Аллаху извѣстно.

Глумовъ.

Объясни мнѣ его слова, манеры, и я тебѣ сразу скажу, кто онъ.

Телятевъ.

Нѣтъ, пожалуй, и съ двухъ не скажешь. Онъ дворянинъ, а разговариваетъ, какъ матросъ съ волжскаго парохода.

Глумовъ.

Судохозяинъ, свои пароходы имѣетъ на Волгѣ.

Телятевъ.

Сталъ расплачиваться за вино, вынулъ бумажникъ вотъ какой *(показываетъ руками)*, поларшина навѣрное. Чего тамъ нѣтъ! Акціи всякія, счеты на разныхъ языкахъ, засаленныя письма на сѣрой бумагѣ, писанныя мужицкимъ почеркомъ.

Глумовъ.

Да богатъ онъ?

Телятевъ.

Едва ли. Говоритъ, что есть имѣніе небольшое и тысячъ на пятьдесятъ лѣсу.

Глумовъ.

Не велико дѣло. Виноватъ, онъ не пароходчикъ.

Телятевъ.

Онъ не богатъ или скупъ: заплатилъ за вино и сейчасъ же при мнѣ записалъ въ книжку въ расходъ.

Глумовъ.

Не конторщикъ ли? А какъ характеромъ?

Телятевъ.

Простъ и наивенъ, какъ институтка.

Глумовъ.

Простъ и наивенъ... не шулеръ ли?

Телятевъ.

Не могу сказать. А вотъ пьетъ шампанское, такъ на диво: отчетливо, методически, точно воду зельтерскую. Выпили по бутылкѣ, и хоть бы краска въ лицѣ прибавилась, хоть бы голосъ поднялся.

Глумовъ.

Ну, такъ сибирякъ, навѣрное сибирякъ.

Телятевъ.

Сигары куритъ дорогія, по-французски говоритъ отлично, только съ какимъ-то акцентомъ небольшимъ.

Глумовъ.

Теперь знаю: агентъ какого-нибудь торговаго дома лондонскаго, и толковать нечего.

Телятевъ.

Разбирай его, какъ знаешь! Вотъ задачу-то задалъ!

Глумовъ.

Ну, да кто бы онъ ни былъ, а комедію сыграть нужно. Мы ужъ и то давно не смѣялись, всѣ пріуныли что-то.

Телятевъ.

Только въ твоей комедіи комическія-то роли, пожалуй, достанутся намъ.

Глумовъ.

Нѣтъ, мы будемъ играть злодѣевъ, по крайней мѣрѣ, я... И вотъ съ чего начинается: ты познакомь этого чудака съ Чебоксаровыми, а я скажу Надеждѣ Антоновнѣ, что у него золотые пріиски, и будемъ любоваться, какъ она станетъ за нимъ ухаживать.

Телятевъ.

А ну, какъ узнаютъ, что это вздоръ? Какъ окажется, что у него только и есть чухломская деревня?

Глумовъ.

А намъ-то что? Мы скажемъ, что отъ него слышали, что онъ самъ хвасталъ.

Телятевъ.

Ну, зачѣмъ же!

Глумовъ.

Что-жъ, тебѣ его жалко? Эка телячья натура! Ну, мы скажемъ, что ошиблись, что у него не золотые пріиски, а пріиски брусники по лѣсамъ. *(Подходитъ Васильковъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Телятевъ, Глумовъ и Васильковъ.

Телятевъ.

Наглядѣлись на свою красавицу?

Васильковъ.

До сытости.

Телятевъ.

Позвольте васъ познакомить! Савва Геннадьичъ Васильковъ, Егоръ Дмитричъ Глумовъ.

Васильковъ *(крѣпко жметъ руку Глумова).*

Очень пріятно.

Глумовъ.

А мнѣ вотъ непріятно, что вы крѣпко руку жмете.

Васильковъ.

Извините, провинціальная привычка.

Глумовъ.

Васъ зовутъ: „Савва"; вѣдь, это не то, что Савватій?

Васильковъ *(очень учтиво).*

Нѣтъ, то другое имя.

Глумовъ.

И не то, что Севастьянъ?

Васильковъ.

Нѣтъ, Севастьянъ по-гречески значитъ: достойный почета, а Савва — слово арабское.

Глумовъ.

А Савёлъ?

Васильковъ.

Ну, ужъ напрасно. Возьмите святцы и посмотрите.

Телятевъ.

Вы и по-гречески знаете?

Васильковъ.

Учился немного.

Глумовъ.

А по-татарски?

Васильковъ.

Простой разговоръ понимаю — казанское нарѣчіе, а вотъ въ Крыму былъ, такъ съ трудомъ объяснялся.

Глумовъ *(въ сторону)*.

Ужъ это чортъ знаетъ, что̀ такое!

Телятевъ.

А вы давно изъ Крыма?

Васильковъ.

Дней десять не болѣе. Я проѣздомъ былъ изъ Англіи.

Глумовъ *(въ сторону)*.

Какъ третъ-то!

Телятевъ.

Какъ же вы изъ Англіи въ Крымъ попали?

Васильковъ.

А на Суэзскомъ перешейкѣ земляныя работы меня интересовали и инженерныя сооруженія.

Глумовъ *(въ сторону)*.

А можетъ быть, и не третъ. *(Василькову.)* Вы насъ застали, когда мы про бракъ разговаривали, то-есть, не про тотъ бракъ, который бракуютъ, а про тотъ, который на простонародномъ языкѣ законнымъ называется.

Васильковъ.

Хорошій разговоръ.

Глумовъ.

Вотъ я хочу посвататься на Чебоксаровой.

Васильковъ.

Судя по ея красотѣ, вѣроятно, многіе желаютъ того же.

Глумовъ.

Но эти многіе глупы; они сами не знаютъ, зачѣмъ хотятъ жениться. Красота имъ нравится, и они хотятъ только сами воспользоваться этой красотой, то-есть похоронить ее, какъ мертвый капиталъ. Нѣтъ, красота не мертвый капиталъ; она должна приносить проценты. Только дуракъ можетъ жениться на Чебоксаровой безъ расчета; на ней долженъ жениться или шулеръ, или человѣкъ, составляющій карьеру. У перваго ея красота будетъ служить приманкой для неопытныхъ юношей, у другого — приманкой для начальства и средствомъ къ быстрому повышенію.

Васильковъ.

Я буду спорить.

Глумовъ.

Вотъ вамъ расчетъ вѣрный и благоразумный! Вотъ вамъ современный взглядъ на жизнь.

Васильковъ.

Я буду спорить.

Глумовъ.

Всѣ эти кислые толки о добродѣтели глупы ужъ тѣмъ, что не практичны. Нынче вѣкъ практическій.

Васильковъ.

Позвольте, я буду съ вами спорить.

Глумовъ.

Спорьте, пожалуй.

Васильковъ.

Честные расчеты и теперь современны. Въ практическій вѣкъ честнымъ быть не только лучше, но и выгоднѣе. Вы, кажется, не совсѣмъ вѣрно понимаете практическій вѣкъ и плутовство считаете выгодною спекуляціей. Напротивъ, въ вѣка фантазіи и возвышенныхъ чувствъ плутовство имѣетъ болѣе простора и легче маскируется. Обмануть неземную дѣву, заоблачнаго поэта, обыграть романтика или провести на службѣ начальника, который занятъ элегіями, гораздо легче, чѣмъ практическихъ людей. Нѣтъ, вы мнѣ повѣрьте, что въ настоящее время плутовство спекуляція плохая.

Телятевъ.

Чебоксаровы подходятъ.

Васильковъ *(быстро хватая его за руки).*

Познакомьте! Умоляю васъ!

Телятевъ.

Ой! *(Отдергиваетъ руку.)* Съ величайшимъ удовольствіемъ. *(Подходятъ Надежда Антоновна и Лидія.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Надежда Антоновна, Лидія, Васильковъ, Телятевъ и Глумовъ.

Телятевъ *(Надеждѣ Антоновнѣ).*

Хотите, съ милліонщикомъ познакомлю?

Надежда Антонона.

Да ты, тюлень, и солгать не дорого возьмешь.

Телятевъ.

Вѣдь, я даромъ; процентовъ съ васъ не возьму.

Надежда Антоновна.

Познакомь! Да, вѣдь, ты дрянь, тебѣ вѣрить нельзя.

Телятевъ.

Ей-Богу! Ну, вотъ еще!... Савва Геннадьичъ!

Надежда Антоновна.

Погоди, погоди! Что̀ за имя!

Телятевъ.

Ничего! Не бойтесь! Милліонщиковъ всегда такъ зовутъ. *(Васильковъ подходитъ.)* Честь имѣю вамъ представить друга моего, Савву Геннадьича Василькова.

Надежда Антоновна.

Очень пріятно.

Васильковъ.

Искренно желалъ. Знакомства въ Москвѣ не имѣю.

Телятевъ.

Отличный человѣкъ, по-гречески говоритъ. *(Отходитъ къ Лидіи.)*

Надежда Антоновна.

Судя по вашему имени, вы въ Греціи родились?

Васильковъ.

Нѣтъ, я въ Россіи, недалеко отъ Волги.

Надежда Антоновна.

Вы гдѣ живете?

Васильковъ.

Въ деревнѣ, а то все въ разъѣздахъ.

Надежда Антоновна *(Глумову)*.

Егоръ Дмитричъ, сыщите моего человѣка! *(Глумовъ подходитъ.)*

Васильковъ.

Да позвольте, я бѣгомъ сбѣгаю. Его какъ зовутъ?

Надежда Антоновна.

Андреемъ.

Васильковъ.

Сію минуту отыщу вамъ.

Надежда Антоновна.

Возьмите у него мою шаль, что-то сыро становится. *(Говоритъ тихо съ Глумовымъ. Васильковъ уходитъ.)*

Телятевъ *(Лидіи)*.

Я противъ сырости мѣры принялъ.

Лидія.

Жаль; вы такой добрый, васъ можно бы любить, но вы такой развратный человѣкъ.

Телятевъ.

Я развратный человѣкъ?... Да вы добродѣтельнѣй меня не найдете. Я вамъ сейчасъ докажу.

Лидія.

Докажите!

Телятевъ.

Извольте! Я вамъ представлю моего соперника, который уничтожитъ меня въ вашемъ сердцѣ.

Лидія.

Это совсѣмъ не такъ трудно; гораздо легче, чѣмъ вы думаете. *(Васильковъ съ шалью почти бѣгомъ подбѣгаетъ къ Надеждѣ Антоновнѣ; за нимъ Андрей.)*

Васильковъ.

Нашелъ, вотъ онъ здѣсь-съ. *(Подаетъ шаль.)*

Надежда Антоновна.

Ахъ, какъ вы меня испугали! *(Надѣвая шаль.)* Благодарю васъ. Андрей, вели коляскѣ дожидаться у театра.

Андрей.

Слушаю-съ. *(Уходитъ.)*

Телятевъ *(Василькову)*.

Савва Геннадьичъ!

Лидія.

Какое имя!... Онъ иностранецъ?

Телятевъ.

Изъ Чухломы.

Лидія.

Какая это земля? Я не знаю. Ея нѣтъ въ географіи.

Телятевъ.

Недавно открыли. *(Васильковъ подходитъ.)* Позвольте вамъ представить моего друга, Савву Геннадьича Василькова. *(Лидія кланяется.)* Онъ бывалъ въ Лондонѣ, въ Константинополѣ, въ Тетюшахъ, въ Казани; говоритъ, что видѣлъ красавицъ, но подобныхъ вамъ никогда.

Васильковъ.

Да перестаньте-же! Я конфужусь.

Лидія.

Вы знаете въ Казани мадамъ Чурило-Пленкову!

Васильковъ.

Когда же нѣтъ!

Лидія.

Она, говорятъ, разошлась съ мужемъ?

Васильковъ.

Ни, Боже мой!

Лидія.

Подворотникова знаете?

Васильковъ.

Онъ мой шабёръ. *(Лидія взглядываетъ на Телятева. Нѣсколько времени молчанія. Васильковъ, конфузясь, отходитъ.)*

Лидія.

На какомъ онъ языкѣ говоритъ?

Телятевъ.

Онъ очень долго былъ въ плѣну у ташкентцевъ. *(Говорятъ тихо.)*

Глумовъ *(Надеждѣ Антоновнѣ).*

У него пріиски, самые богатые по количеству золота; изъ каждаго пуда песку фунтъ золота намываютъ.

Надежда Антоновна *(взглядываетъ на Василькова).*

Неужели?

Глумовъ.

Онъ самъ говоритъ. Оттого онъ такъ и дикъ, что все въ тайгѣ живетъ съ бурятами.

Надежда Антоновна *(ласково смотритъ на Василькова).*

Скажите! По наружности никакъ нельзя догадаться.

Глумовъ.

Какъ же вы золотопромышленника узнаете по наружности? Не надѣть же ему золотое пальто! Довольно и того, что у него всѣ карманы набиты чистымъ золотомъ; онъ прислугѣ на водку даетъ горстями.

Надежда Антоновна.

Какъ жаль, что онъ такъ неразумно тратитъ деньги.

Глумовъ.

А для кого же ему беречь? Онъ человѣкъ одинокій. Ему нужно хорошую жену, а главное, умную тещу.

Надежда Антоновна *(очень ласково смотритъ на Василькова)*.

А онъ, вѣдь, и собой недуренъ.

Глумовъ.

Да, между тунгусами былъ бы даже красавцемъ.

Надежда Антоновна *(Лидіи)*.

Пройдемъ, Лидія, еще разъ. Господа, я гуляю; мнѣ докторъ велѣлъ каждый вечеръ гулять. Кто съ нами?

Васильковъ.

Если позволите.

Надежда Антоновна *(пріятно улыбаясь)*.

Благодарю васъ, очень рада. *(Уходятъ Надежда Антоновна, Лидія, Васильковъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Глумовъ и Телятевъ.

Глумовъ.

Ну, комедія начинается.

Телятевъ.

Ты-таки сказалъ?

Глумовъ.

Развѣ я пропущу такой случай?

Телятевъ.

То-то она поглядывала на него очень сладко.

Глумовъ.

Пусть маменька съ дочкой за нимъ ухаживаютъ, а онъ

тастъ отъ любви; мы доведемъ ихъ до экстаза, да потомъ и разочаруемъ.

Телятевъ.

Не ошибись. Повѣрь мнѣ, что онъ женится на Чебоксаровой и увезетъ ее въ Чебоксары. Мнѣ страшно его, точно сила какая-то идетъ на тебя. *(Подходитъ Кучумовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Телятевъ, Глумовъ и Кучумовъ.

Кучумовъ *(издали).*

Ma in Ispania, ma in Ispania... mille e tre... *(Подходитъ гордо, подымая голову кверху.)*

Телятевъ.

Здравствуй, князенька!

Кучумовъ.

Какую я сегодня кулебяку ѣлъ, господа, просто объяденье! Mille e tre...

Глумовъ.

Не на похоронахъ ли, не отъ кондитера ли?

Кучумовъ.

Что̀ за вздоръ! Ma in Ispania... Купецъ одинъ зазвалъ. Я очень много для него сдѣлалъ, а теперь ему нужно какую-то привилегію имѣть. Ну, я обѣщалъ. Что̀ для меня значитъ?

Глумовъ.

Да и обѣщать-то ничего не значитъ.

Кучумовъ.

Какой у тебя, братецъ, языкъ злой. *(Грозитъ пальцемъ.)* Ужъ ты дождешься, выгонятъ тебя изъ Москвы. Смотри. Мнѣ только слово сказать.

Глумовъ.

Да ты давно бы сказалъ; можетъ быть, Богъ дастъ, попаду въ общество людей поумнѣй васъ.

Кучумовъ.

Ну, ну! *(Махнувъ рукой.)* Съ тобой не сговоришь.

Телятевъ.

А коли не сговоришь, такъ и не начинай. Я всегда такъ дѣлаю.

Кучумовъ.

Mille e tre... Да, да, да! Я и забылъ. Представьте, какой случай: я вчера одиннадцать тысячъ выигралъ.

Телятевъ.

Ты ли? Не другой ли кто?

Глумовъ *(горячо)*.

Гдѣ и какъ, говори скорѣй!

Кучумовъ.

Въ купеческомъ клубѣ.

Телятевъ.

И получилъ?

Кучумовъ.

Получилъ.

Телятевъ.

Разсказывай по порядку!

Глумовъ.

Удивительно, если правда.

Кучумовъ *(съ сердцемъ)*.

Ничего нѣтъ удивительнаго! Будто, ужъ я и не могу выиграть! Заѣзжаю я вчера въ купеческій клубъ, прошелъ раза два по заламъ, посмотрѣлъ карточку кушанья, велѣлъ приготовить себѣ устрицъ...

Глумовъ.

Какія теперь устрицы!

Кучумовъ.

Нѣтъ, забылъ, велѣлъ приготовить пельменей. Подходитъ ко мнѣ какой-то господинъ...

Телятевъ.

Незнакомый?

Кучумовъ.

Незнакомый. Говоритъ: не угодно ли, вашему сіятельству, въ бакару? Извольте, говорю, извольте! Денегъ со мною было много, рискну, думаю, тысчонку-другую. Садимся, начинаемъ съ рубля, и повезло мнѣ, что называется, дурацкое счастье. Ужъ онъ мѣнялъ, мѣнялъ карты, видитъ, что дѣло плохо; довольно, говоритъ. Стали считаться, — двѣнадцать съ половиной тысячъ... Вынулъ деньги...

Глумовъ.

Ты говорилъ одиннадцать.

Кучумовъ.

Ужъ не помню хорошенько. Чтò-то около того.

Телятевъ.

Кто же это проигрываетъ по двѣнадцати тысячъ въ вечеръ? Такихъ людей нельзя не знать.

Кучумовъ.

Говорятъ, пріѣзжій.

Глумовъ.

Да я вчера былъ въ купеческомъ клубѣ, тамъ никакого разговора не было.

Кучумовъ.

Я пріѣхалъ очень рано, почти еще никого не было, и всю игру-то мы кончили въ полчаса.

Глумовъ.

Съ тебя ужинъ сегодня.

Телятевъ.

Ужинъ у насъ есть съ Василькова, а ты насъ поди коньячкомъ попотчуй, чтò-то сыро становится.

Кучумовъ.

Да ты, пожалуй, цѣлую бутылку выпьешь; вѣдь, это по рюмкамъ-то дорого обойдется.

Телятевъ.

Нѣтъ, я рюмку, много двѣ.

Кучумовъ.

Коли двѣ, пожалуй. А я васъ въ воскресенье обѣдомъ накормлю дома, дамъ вамъ севрюгу свѣжую, ко мнѣ изъ Нижняго привезли живую, дупелей и такого бургонскаго, что вы...

Телятевъ *(беретъ его подъ руку).*

Пойдемъ, пойдемъ! У меня ужъ зубы начинаютъ стучать отъ сырости; пожалуй, лихорадку схватишь. *(Уходятъ. Подходятъ Надежда Антоновна, Лидія, Васильковъ и человѣкъ Чебоксаровыхъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Надежда Антоновна, Лидія, Васильковъ и Андрей.

Надежда Антоновна *(Андрею).*

Вели коляскѣ подъѣхать поближе!

Андрей.

Слушаю-съ! *(Уходитъ и скоро возвращается.)*

Надежда Антоновна *(Василькову).*

Благодарю васъ, намъ пора ѣхать. Прошу васъ бывать у насъ.

Васильковъ.

Когда прикажете?

Надежда Антоновна.

Когда угодно. Я принимаю отъ двухъ до четырехъ; лучше всего вы пріѣзжайте къ намъ обѣдать за-просто. По вечерамъ мы ѣздимъ гулять.

Васильковъ.

Почту за счастіе быть у васъ при первой возможности. Лидія Юрьевна, я человѣкъ простой, позвольте мнѣ выразить вамъ все мое удивленіе къ вашей несравненной красотѣ.

Лидія.

Благодарю васъ. *(Отходитъ и, замѣтивъ, что мать говоритъ съ Васильковымъ, выражаетъ нетерпѣніе.)*

Надежда Антоновна.

Такъ мы васъ ждемъ.

Васильковъ.

Не премину. Завтра же воспользуюсь вашимъ обязательнымъ приглашеніемъ. Я живу недалеко отъ васъ.

Надежда Антоновна.

Неужели?

Васильковъ.

Въ одномъ домѣ, только по другой лѣстницѣ. *(Надежда Антоновна, уходя, нѣсколько разъ оглядывается. Васильковъ долго стоитъ безъ шляпы неподвижно и смотритъ имъ въ слѣдъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Васильковъ *(одинъ).*

Какъ она ласкова со мною. Удивительно! Должно быть, она или очень доброе сердце имѣетъ, или очень умна, что черезъ грубую провинціальную кору видитъ мою доброту. Но какъ еще я сердцемъ слабъ! Вотъ что̀ значитъ очень долго и постоянно заниматься чистой и прикладной математикой. При сухихъ выкладкахъ сердце скучаетъ, зато, когда представится случай, оно отомститъ и одурачитъ математика. Такъ и мнѣ сердце отмстило; я вдругъ влюбился, какъ несовершеннолѣтній, влюбился до того, что готовъ дѣлать глупости. Хорошо еще, что у меня воля твердая, и я, какъ бы ни увлекся, изъ бюджета не выйду. Ни, Боже мой! Эта строгая подчиненность однажды опредѣленному бюджету не разъ спасала меня въ жизни. *(Задумывается.)* О, Лидія, Лидія! Какъ сердце мое таетъ при одномъ воспоминаніи о тебѣ! Но ежели ты безсердечна, ежели ты любишь однѣ только деньги!... Да, такая красавица легко можетъ взять власть надъ моей младенческой душой. Я чувствую, что буду игрушкой женщины, ея покорнымъ рабомъ. Хорошо еще, что у меня довольно расчета, и я никогда не выйду изъ бюджета. *(Подходятъ Кучумовъ, Телятевъ и Глумовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Васильковъ, Кучумовъ, Телятевъ и Глумовъ.

Телятевъ.

Ну, что̀, познакомились? Легче стало на душѣ? Поздравляю! *(Цѣлуетъ Василькова.)*

Васильковъ.

Я вамъ много обязанъ и, повѣрьте, не забуду.

Телятевъ.

Если забудете, я вамъ напомню. За вами бутылочка; поѣдемте ужинать, тамъ и разопьемъ. *(Кучумову.)* Князенька, вотъ нашъ новый пріятель, Савва Геннадьичъ Васильковъ.

Кучумовъ.

А! Да! Вы пріѣзжій?

Васильковъ.

Пріѣзжій, ваше сіятельство.

Телятевъ.

Нѣтъ, онъ не сіятельство: онъ просто Гриша Кучумовъ, а это мы такъ его зовемъ, оттого, что очень любимъ.

Кучумовъ.

Да! Наше общество слишкомъ взыскательно, слишкомъ высоко, довольно трудно попасть новичку: много, много надо имѣть...

Телятевъ.

Чтò онъ вздоръ-то говоритъ?

Глумовъ.

Кабы наше общество было взыскательнѣе, такъ бы намъ съ тобой туда не попасть.

Телятевъ.

А вотъ чтò, не выпить ли здѣсь разгонную?

Васильковъ.

Если общество желаетъ. Человѣкъ, подай бутылку шампанскаго.

Глумовъ.

И четыре большихъ стакана.

Кучумовъ.

Ну да, четыре. Я тоже сдѣлаю вамъ честь, выпью съ вами.

Глумовъ.

Отсюда прямо въ клубъ, вотъ насъ партія. *(Кучумову.)* Мы твои вчерашнія двѣнадцать тысячъ-то пересчитаемъ.

Кучумовъ.

Не приложи своихъ.

Телятевъ *(человѣку, который стоитъ у воротъ).*

Гришка! Григорій Алексѣичъ! *(Подходитъ Григорій.)* Григорій Алексѣичъ, надѣньте на меня пальто! Карета моя близко?

Григорій *(надѣвая пальто).*

Здѣсь, сударь, у воротъ!

Кучумовъ *(своему лакею).*

Николай! *(Подходитъ Николай.)* Ну, чтò-жъ ты ротъ ра-

знпуль? Стой здѣсь! Посадишь меня въ карету. *(Мальчикъ изъ кофейной подастъ шампанское и стаканы.)*

Васильковъ.

Пожалуйте, господа, покорно прошу. *(Всѣ берутъ стаканы.)*

Телятевъ.

За успѣхъ! Хотя вѣроятности очень мало.

Глумовъ.

За хлопоты, а успѣха не будетъ.

Кучумовъ.

За какой успѣхъ?

Глумовъ.

Хочетъ жениться на Чебоксаровой.

Кучумовъ.

Да какъ это возможно? Да, наконецъ, я не позволю.

Телятевъ.

Твоего позволенія и не спросятъ.

Васильковъ.

Угодно три тысячи пари? Я одинъ держу противъ троихъ, что женюсь на Чебоксаровой.

Кучумовъ.

Я никогда не держу пари.

Глумовъ.

Я бы и держалъ, да денегъ нѣтъ.

Телятевъ.

А я боюсь проиграть.

Васильковъ.

Ха, ха, ха! Господа москвичи! Вы струсили? Такъ зачѣмъ же было смѣяться? Идетъ, что ли, на чистоту? Вотъ три тысячи. *(Вынимаетъ деньги; всѣ киваютъ отрицательно.)* Вино развязало мнѣ языкъ. Я полюбилъ Чебоксарову и женюсь на ней непремѣнно. Что я сказалъ, то и будетъ: я даромъ слова не говорю. Поѣдемте ужинать!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Чебоксарова.
Лидія.
Кучумовъ.
Телятевъ.
Васильковъ.
Глумовъ.
Андрей.

Богато меблированная гостиная, съ картинами, коврами, трапри. Три двери: двѣ по бокамъ и одна входная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Васильковъ *ходитъ взадъ и впередъ; изъ дверей налѣво выходитъ* Телятевъ.

Телятевъ.

Я думалъ, что ты давно уѣхалъ. Что же ты нейдешь къ дамамъ? Не хватаетъ храбрости?

Васильковъ.

Все мое несчастіе, что я не умѣю поддерживать разговора.

Телятевъ.

Какое тутъ умѣнье! Не нужно только заводить, особенно послѣ обѣда, ученыхъ споровъ. Говори, что въ голову придетъ; лишь бы только была веселость, остроуміе, легкое злословіе, а ты толкуешь объ усѣченныхъ пирамидахъ, о кубическихъ футахъ.

Васильковъ.

Я уже теперь обдумалъ одинъ веселый анекдотъ, который хочу разсказать.

Телятевъ.

Такъ иди скорѣе, пока не забылъ.

Васильковъ.

А ты куда же торопишься?

Телятевъ.

Меня Лидія Юрьевна за букетомъ послала.

Васильковъ.

О, я вижу по всему, что ты мой самый опасный соперникъ.

Телятевъ.

Не бойся, другъ! Кто въ продолженіе двадцати лѣтъ не пропустилъ ни одного балета, тотъ въ мужья не годится. Меня не страшись и смѣло иди разсказывать свой анекдотъ. *(Васильковъ уходитъ въ дверь налѣво; оттуда же выходитъ Глумовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Телятевъ и Глумовъ.

Глумовъ.

Этотъ еще здѣсь? Каковъ гусь! Нѣтъ, я вижу, пора его выгнать. Довольно, потѣшились. Жаль, что мы не подержали пари.

Телятевъ.

Я и теперь держать не стану.

Глумовъ.

Однако, онъ тогда, въ купеческомъ, ловко насъ обработалъ. Хорошъ Кучумовъ! Говорилъ, что двѣнадцать тысячъ наканунѣ выигралъ, а тутъ 600 рублей отдать не могъ. Въ первый разъ человѣка видитъ и остался долженъ... Ты куда?

Телятевъ.

На Петровку.

Глумовъ.

Поѣдемъ вмѣстѣ. *(Уходятъ. Входятъ Кучумовъ и Надежда Антоновна.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Кучумовъ и Надежда Антоновна.

Кучумовъ.

Muta d'aciento e de pensier...

Надежда Антоновна.

Съ нѣкоторыхъ поръ я только такія извѣстія и получаю.

Кучумовъ.

Хм, да... непріятно! e de pensier.

Надежда Антоновна.

Что ни день, то и жди какой-нибудь новости въ такомъ родѣ.

Кучумовъ.

Но что же онъ тамъ дѣлаетъ, вашъ мужъ? Какъ же это такъ... допустить?... Не понимаю. Нашъ братъ, человѣкъ со смысломъ...

Надежда Антоновна.

А что-жъ онъ сдѣлать можетъ? Вѣдь, вы читали, что онъ пишетъ: неурожай, засуха, лѣса всѣ сожжены на заводѣ, а отъ завода каждый годъ убытокъ. Онъ пишетъ, что ему теперь непремѣнно нужно тысячъ тридцать, что имѣніе ужъ назначено въ продажу.

Кучумовъ.

Да что-жъ онъ, чудакъ... Развѣ у него мало знакомства? Да вотъ я, напримѣръ... Вы ему такъ и напишите, чтобъ онъ ко мнѣ адресовался прямо. Muta d'aciento...

Надежда Антоновна.

Ахъ, другъ мой! Я всегда была въ васъ увѣрена.

Кучумовъ.

Ну, да что такое, что за одолженіе! По старому знакомству, я радъ... Что для меня значитъ?...

Надежда Антоновна.

Григорій Борисычъ, но... ради Бога... я откровенна только съ вами, а для другихъ мы пусть останемся богатыми людьми. У меня дочь, ей двадцать четыре года; подумайте, Григорій Борисычъ!

Кучумовъ.

Конечно, конечно.

Надежда Антоновна.

Намъ надо поддерживать себя... Пока еще есть кредитъ... но немного. Подойдетъ зима: театры, балы, концерты. Надо спросить у матерей, чего все это стоитъ. У меня Лидія ничего и слушать не хочетъ, ей чтобъ было. Она ни цѣны деньгамъ, ни счету въ нихъ не знаетъ. Поѣдетъ по магазинамъ, наберетъ товаровъ, не спрашивая цѣны, а потомъ я по счетамъ и расплачивайся.

Кучумовъ.

А жениховъ не предвидится?

Надежда Антоновна.

На ея вкусъ трудно угодить.

Кучумовъ.

Такую дѣвушку въ прежнее время давно тихонько бы увезли. Да, кажется, если-бъ у меня не старуха...

Надежда Антоновна.

У васъ шутки... А каково мнѣ, матери? Столько лѣтъ счастливой жизни, и вдругъ... Прошлую зиму я ее вывозила всюду, ничего для нея не жалѣла, прожила все, что̀ было отложено ей на приданое. и все даромъ. А нынче, вотъ ждала отъ мужа денегъ, и вдругъ такое письмо. Я ужъ и не знаю, чѣмъ мы жить будемъ. Какъ я скажу Лиденькѣ? Это ее убьетъ.

Кучумовъ.

Да вы, пожалуйста, коли что̀ нужно, безъ церемоніи... Ужъ позвольте мнѣ замѣнить Лиденькѣ отца, на время его отсутствія. Я знаю ее съ дѣтства и люблю, повѣрьте мнѣ, больше, чѣмъ дочь... люблю... да.

Надежда Антоновна.

Не знаю, какъ вы любите, а для меня нѣтъ жертвы, которую бы я не принесла для нея.

Кучумовъ.

И я то же самое, то же самое. Зачѣмъ у васъ этотъ Васильковъ? Надо быть разборчивѣе.

Надежда Антоновна.

Отчего-жъ ему не бывать?

Кучумовъ.

Не пріятенъ... Кто онъ такой, откуда взялся, никто не знаетъ.

Надежда Антоновна.

И я не знаю. Знаю, что онъ дворянинъ, прилично держитъ себя.

Кучумовъ.

Да, ну такъ что̀-жъ?

Надежда Антоновна.

Хорошо говоритъ по-французски.

Кучумовъ.

Да. Не велико же достоинство.

Надежда Антоновна.

Говорятъ, что у него какія-то дѣла важныя.

Кучумовъ.

И только. Не много же вы знаете.

Надежда Антоновна.

Кажется, не глупъ.

Кучумовъ.

Ну, ужъ объ этомъ позвольте мнѣ судить. Какъ же онъ къ вамъ попалъ?

Надежда Антоновна.

Не помню, право. Его представилъ кто-то; кажется, Телятевъ. У насъ всѣ бываютъ.

Кучумовъ.

Ужъ не думаетъ ли онъ жениться на Лиденькѣ?

Надежда Антоновна.

Кто же знаетъ, можетъ быть, и думаетъ.

Кучумовъ.

А состояніе есть?

Надежда Антоновна.

Я, признаться сказать, такъ мало о немъ думаю, что не интересуюсь его состояніемъ.

Кучумовъ.

Толкуетъ все: „нынѣшнее время, да нынѣшнее время“.

Надежда Антоновна.

Теперь всѣ такъ говорятъ.

Кучумовъ.

Вѣдь, этакъ можно и надоѣсть. Говори тамъ, гдѣ тебя слушать хотятъ. А что̀ такое нынѣшнее время, лучше-ль оно прежняго? Гдѣ дворцы княжескіе и графскіе? Чьи они? Петровыхъ да Ивановыхъ. Гдѣ роговая музыка? я васъ спрашиваю. А бывало, на закатѣ солнца, надъ прудами, а потомъ огни, а посланники-то смотрятъ. Вѣдь, это слава Россіи. Гонять такихъ господъ надо.

Надежда Антоновна.

Зачѣмъ же? Напротивъ, я хочу приласкать его. Въ нашемъ положеніи всякіе люди могутъ пригодиться.

Кучумовъ.

Ну, едва ли этотъ на что̀-нибудь годится. Ужъ вы лучше на насъ, старичковъ, надѣйтесь. Конечно, я жениться не могу, жена есть. Охъ, охъ, охъ, охъ! Фантазіи, вѣдь, бываютъ у стариковъ-то; вдругъ ничего ему не жаль. Я сирота, у меня дѣтей нѣтъ — меня, куда хочешь, поверни, и въ посаженые отцы, и въ кумовья. Старику ласка дороже всего; мнѣ свои сотни тысячъ въ могилу не брать. Прощайте, мнѣ въ клубъ пора.

Надежда Антоновна *(провожая до двери)*.

Можно надѣяться васъ скоро видѣть?

Кучумовъ.

Да, разумѣется. Я еще вашей дочери конфеты проигралъ. Вотъ я какой старикъ-то, во мнѣ все еще молодая кровь говоритъ. *(Уходитъ.)*

Надежда Антоновна.

Эхъ, не конфеты намъ нужны. *(Стоитъ задумавшись. Выходитъ Васильковъ и беретъ шляпу.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Надежда Антоновна и Васильковъ.

Надежда Антоновна.

Куда вы торопитесь?

Васильковъ.

Честь имѣю кланяться.

Надежда Антоновна.

Погодите! *(Садится на диванъ.)*

Васильковъ.

Что̀ прикажете?

Надежда Антоновна.

Садитесь! *(Васильковъ садится.)* Я хочу съ вами поговорить. Мы давно знакомы, а я совершенно не знаю васъ; мы почти не разговаривали. Вы, должно быть, не любите старухъ?

Васильковъ.

Нисколько. Но что же вамъ, сударыня, угодно знать обо мнѣ?

Надежда Антоновна.

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, нужно знать васъ настолько, чтобъ умѣть отвѣчать, когда про васъ спрашиваютъ; у насъ бываетъ много народу, никто васъ не знаетъ.

Васильковъ.

Оттого меня и не знаютъ, что я жилъ въ провинціи.

Надежда Антоновна.

Вы гдѣ воспитывались?

Васильковъ.

Въ высшемъ учебномъ заведеніи, но болѣе самъ занимался своею спеціальностью.

Надежда Антоновна.

Это прекрасно. Ваши родители живы еще?

Васильковъ.

Только мать жива, но и она безвыѣздно въ деревнѣ.

Надежда Антоновна.

Значитъ, вы почти одинокій человѣкъ. Вы служите?

Васильковъ.

Нѣтъ, занимаюсь частными предпріятіями, имѣю дѣло больше съ простымъ народомъ: съ подрядчиками, съ десятскими.

Надежда Антоновна *(снисходительно кивая головой).*

Да, десятники, сотники, тысячники... Я слышала одну диссертацію...

Васильковъ.

Нѣтъ, у насъ только одни десятники.

Надежда Антоновна.

Ахъ, это очень хорошо... да, да, да! я вспомнила. Это теперь въ моду вошло... и нѣкоторые даже изъ богатыхъ людей... для сближенія съ народомъ... Ну, разумѣется, вы въ красной шелковой... Въ бархатномъ кафтанѣ. Я видѣла зимой въ вагонѣ милліонщика, и въ простомъ бараньемъ... Какъ это называется?

Васильковъ.

Полушубкѣ.

Надежда Антоновна.

Да, въ полушубкѣ и въ бобровой шапкѣ.

Васильковъ.

Нѣтъ, я своей одёжи не мѣняю.

Надежда Антоновна.

Но, вѣдь, чтобъ такъ проводить время, нужно имѣть состояніе?

Васильковъ.

Во-первыхъ, это самое дѣло ужъ очень доходно.

Надежда Антоновна.

То-есть, весело, вы хотите сказать. Поютъ пѣсни, водятъ хороводы; вѣроятно, у васъ свои гребцы на лодкахъ.

Васильковъ.

У меня ничего подобнаго нѣтъ; впрочемъ, вы правы: нашего дѣла безъ состоянія начинать нельзя.

Надежда Антоновна.

Ну, еще бы, конечно, я такъ и думала. Съ перваго разу видно, что вы человѣкъ съ состояніемъ. Вы что-то не въ духѣ сегодня. *(Молчаніе.)* Зачѣмъ вы спорите съ Лидіей? Это ее раздражаетъ: она дѣвушка съ характеромъ.

Васильковъ.

Что она съ характеромъ, это очень хорошо; въ женщинѣ характеръ — большое достоинство. А вотъ что̀ жаль: Лидія Юрьевна имѣетъ мало понятія о такихъ вещахъ, которыя теперь уже всѣмъ извѣстны.

Надежда Антоновна.

Да зачѣмъ ей, скажите, мой другъ, зачѣмъ ей имѣть понятіе о вещахъ, которыя всѣмъ извѣстны? Она имѣетъ высшее образованіе. У насъ богатая французская библіотека. Спросите ее что̀-нибудь изъ миѳологіи, ну, спросите! Повѣрьте, она такъ хорошо знакома съ французской литературой и знаетъ то, о чемъ другимъ дѣвицамъ и не грезилось. Съ ней самый ловкій свѣтскій говорунъ не сговоритъ и не удивитъ ее ничѣмъ.

Васильковъ.

Такое оборонительное образованіе хорошо при другомъ.

Разумѣется, я не имѣю права никого учить, если меня не просятъ. Я бы не сталъ и убѣждать Лидію Юрьевну, если бы...

Надежда Антоновна.

Что̀ „если бы“?

Васильковъ.

Если бы не надѣялся принести пользу. Съ перемѣной убѣжденій, въ ней измѣнился бы взглядъ на людей: она бы стала болѣе обращать вниманія на внутреннія достоинства.

Надежда Антоновна.

Да, на внутреннія достоинства... Это очень хорошо вы говорите.

Васильковъ.

Тогда могъ бы и я надѣяться заслужить ея расположеніе. А теперь быть пріятнымъ я не могу, а быть смѣшнымъ не хочу.

Надежда Антоновна.

Ахъ, нѣтъ, что̀ вы! Она еще такъ молода, она еще десять разъ перемѣнится. А я, признаюсь, всегда съ удовольствіемъ васъ слушала и безъ васъ часто говорила ваши слова дочери.

Васильковъ.

Благодарю васъ. Я хотѣлъ уже ретироваться, чтобъ не играть здѣсь жалкой роли.

Надежда Антоновна.

Ай, ай, стыдно!

Васильковъ.

Мнѣ, вѣдь, особенно унижаться не изъ чего: не я ищу, меня ищутъ.

Надежда Антоновна.

Молодой человѣкъ, вы найдете во мнѣ союзницу, готовую помогать вамъ во всѣхъ вашихъ намѣреніяхъ. *(Таинственно.)* Слышите: во всѣхъ, потому что я нахожу ихъ честными и вполнѣ благородными. *(Входитъ Лидія и останавливается у двери.)*

Васильковъ *(встаетъ и цѣлуетъ руку Надежды Антоновны).*

До свиданія, Надежда Антоновна!

Надежда Антоновна.

До свиданья, мой добрый другъ! *(Васильковъ кланяется Лидіи и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Надежда Антоновна и Лидія.

Лидія.

Чтò вы съ нимъ говорили? О чемъ? Онъ ужасенъ, онъ сумасшедшій.

Надежда Антоновна.

Ужъ повѣрь мнѣ, я знаю, чтò дѣлаю. Наше положеніе не позволяетъ намъ быть очень разборчивыми.

Лидія.

Какое положеніе? Его нельзя терпѣть ни въ какомъ положеніи. Онъ не знаетъ нашей жизни, нашихъ потребностей; онъ чужой.

Надежда Антоновна.

Ахъ, онъ часто говоритъ правду.

Лидія.

Да кто же ему далъ право проповѣдывать? Чтò онъ за пророкъ? Согласитесь, maman, что гостиная не аудиторія, не технологическій институтъ, не инженерный корпусъ.

Надежда Антоновна.

Лидія, ты ужъ очень безжалостна съ нимъ.

Лидія.

Ахъ, maman, да какое же есть терпѣніе его слушать? Какіе-то онъ экономическіе законы выдумалъ! Кому они нужны? Для насъ съ вами, надѣюсь, одни только законы и есть — законы свѣта и приличій. Если всѣ носятъ такое платье, такъ я, хоть умри, а надѣвай. Тутъ некогда думать о законахъ, а надо ѣхать въ магазинъ и взять. Нѣтъ, онъ сумасшедшій.

Надежда Антоновна.

А мнѣ кажется, онъ просто оригинальничаетъ. Такъ многіе дѣлаютъ. Онъ не очень образованъ, а можетъ быть, и не уменъ, остроуміемъ не отличается, а говорить надо что-нибудь, чтобъ быть замѣтнымъ: вотъ онъ и хочетъ показаться оригиналомъ. А, вѣроятно, и думаетъ, и поступаетъ, какъ и всѣ порядочные люди.

Лидія.

Можетъ быть, и такъ; но онъ надоѣлъ до невозможности.

Надежда Антоновна.

Онъ человѣкъ съ состояніемъ; къ такимъ людямъ надо быть снисходительнѣе. Вѣдь, прощаемъ же мы прочихъ; половина тѣхъ господъ, которые къ намъ ѣздятъ, хвастуны и лгутъ ужасно.

Лидія.

Мнѣ что за дѣло, что они лгутъ, по крайней мѣрѣ съ ними весело, а онъ скученъ. Вотъ чего простить нельзя.

Надежда Антоновна.

Есть, мой другъ, и еще причина быть къ нему снисходительнѣе, и я тебѣ совѣтую...

Лидія.

Что̀ за причина? Говорите!

Надежда Антоновна.

Ты благоразумна... Я надѣюсь, что у тебя достанетъ присутствія духа выслушать меня хладнокровно.

Лидія *(съ испугомъ).*

Что̀ такое, что̀ такое?

Надежда Антоновна.

Я получила письмо отъ отца изъ деревни.

Лидія.

Онъ боленъ, умираетъ?

Надежда Антоновна.

Нѣтъ.

Лидія.

Что̀ же такое? Говорите!

Надежда Антоновна.

Наши надежды на нынѣшній сезонъ должны рушиться.

Лидія.

Какимъ образомъ? Я ничего не понимаю.

Надежда Антоновна.

Я писала къ мужу въ деревню, чтобъ онъ намъ выслалъ денегъ. Мы много должны да на зиму намъ нужна очень значительная сумма... Сегодня я получила отвѣтъ...

Лидія.

Что̀ же онъ пишетъ?

Надежда Антоновна *(нюхая спиртъ).*

Онъ пишетъ, что денегъ у него нѣтъ, что ему самому нужно тысячъ тридцать, а то продадутъ имѣніе; а имѣніе это послѣднее.

Лидія.

Очень жаль! Но согласитесь, maman, что, вѣдь, я могла этого и не знать, что вы могли пожалѣть меня и не разсказывать мнѣ о вашемъ разореніи.

Надежда Антоновна.

Но, все равно, вѣдь, послѣ ты узнала бы?

Лидія.

Да зачѣмъ же мнѣ и послѣ узнавать? *(Почти со слезами.)* Вѣдь, вы найдете средства выйти изъ этого положенія, вѣдь, непремѣнно найдете, такъ оставаться нельзя. Вѣдь, не покинемъ же мы Москву, не уѣдемъ въ деревню: а въ Москвѣ мы не можемъ жить, какъ нищіе! Такъ или иначе, вы должны устроить, чтобъ въ нашей жизни ничего не измѣнилось. Я этой зимой должна выйти замужъ, составить хорошую партію. Вѣдь, вы мать, ужели вы этого не знаете? Ужели вы не придумаете, если ужъ не придумали, какъ прожить одну зиму, не уронивъ своего достоинства? Вамъ думать, вамъ! Зачѣмъ же вы мнѣ-то разсказываете о томъ, чего я знать не должна? Вы лишаете меня спокойствія, вы лишаете меня беззаботности, которая составляетъ лучшее украшеніе дѣвушки. Думали бы вы, maman, однѣ и плакали бы однѣ, если нужно будетъ плакать. Развѣ вамъ легче будетъ, если я буду плакать вмѣстѣ съ вами? Ну, скажите, maman, развѣ легче?

Надежда Антоновна.

Разумѣется, не легче.

Лидія.

Такъ зачѣмъ же, зачѣмъ же мнѣ-то плакать? Зачѣмъ вы навязываете мнѣ заботу? Забота старитъ, отъ нея морщины на лицѣ. Я чувствую, что постарѣла на десять лѣтъ. Я не знала, не чувствовала нужды и не хочу знать. Я знаю магазины: бѣлья, шелковыхъ матерій, ковровъ, мѣховъ, мебели; я знаю, что, когда нужно что-нибудь, ѣдутъ туда, берутъ вещь, отдаютъ деньги, а если нѣтъ денегъ, велятъ commis пріѣхать на домъ. Но откуда берутъ деньги, сколько ихъ нужно имѣть въ годъ, въ зиму — я никогда не знала,

и не считала нужнымъ знать. Я никогда не знала, что̀ значитъ дорого, что̀ дешево: я всегда считала все это жалкимъ, мѣщанскимъ, копеечнымъ расчетомъ. Я съ дрожью омерзѣнія отстраняла отъ себя такія мысли. Я помню одинъ разъ, когда я ѣхала изъ магазина, мнѣ пришла мысль: не дорого ли я заплатила за платье? Мнѣ такъ стало стыдно за себя, что я вся покраснѣла и не знала, куда спрятать лицо; а, между тѣмъ, я была одна въ каретѣ. Я вспомнила, что видѣла одну купчиху въ магазинѣ, которая торговала кусокъ матеріи; ей жаль и много денегъ-то отдать, и кусокъ-то изъ рукъ выпустить. Она подержитъ его да опять положитъ, потомъ опять возьметъ, пошепчется съ какими-то двумя старухами, потомъ опять положитъ, а commis смѣются. Ахъ, maman, за что̀ вы меня мучите?

Надежда Антоновна.

Я понимаю, душа моя, что я должна была скрыть отъ тебя наше разстройство; но нѣтъ возможности. Если остаться въ Москвѣ, мы принуждены будемъ сократить свой расходъ: надо будетъ продать серебро, нѣкоторыя картины, брильянты.

Лидія.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Сохрани Богъ! Невозможно, невозможно! Вся Москва узнаетъ, что мы разорены; къ намъ будутъ являться съ кислыми лицами, съ притворнымъ участіемъ, съ глупыми совѣтами. Будутъ качать головами, ахать, и все это такъ искусственно, форменно, такъ оскорбительно! Повѣрьте, что никто не дастъ себѣ труда даже притвориться хорошенько. *(Закрываетъ лицо руками.)* Нѣтъ! Нѣтъ!

Надежда Антоновна.

Но что̀ же намъ дѣлать?

Лидія.

Что̀ дѣлать? Не терять своего достоинства. Отдѣлывайте заново квартиру, покупайте новую карету, закажите новыя ливреи людямъ, берите новую мебель, и чѣмъ дороже, тѣмъ лучше.

Надежда Антоновна.

Гдѣ же деньги?

Лидія.

Онъ за все заплатитъ.

Надежда Антоновна.

Кто онъ?

Лидія.

Мужъ мой.

Надежда Антоновна.

Кто твой мужъ, гдѣ онъ?

Лидія.

Кто бы онъ ни былъ.

Надежда Антоновна.

Не дѣлалъ ли кто тебѣ предложенія?

Лидія.

Никто не дѣлалъ, никто не смѣлъ дѣлать; мои женихи отъ меня, кромѣ презрѣнія, ничего не видали. Я сама искала красавца съ состояніемъ — теперь мнѣ нужно только богатаго человѣка, а ихъ много.

Надежда Антоновна.

Не ошибись въ своихъ расчетахъ.

Лидія.

Неужели красота потеряла свою цѣну? Нѣтъ, maman, не безпокойтесь! Красавицъ мало, а богатыхъ дураковъ много. *(Входитъ Андрей.)*

Андрей.

Господинъ Телятевъ.

Лидія.

Вотъ вамъ первый.

Надежда Антоновна *(Андрею)*.

Проси! *(Андрей уходитъ.)*

Лидія.

Оставьте насъ, не мѣшайте. Вотъ кто заплатитъ за все.

Надежда Антоновна.

А если?...

Лидія.

А если?... Ну, что́-жъ? Вы говорите, что у Василькова большое состояніе, тогда пошлите за нимъ. У него золотые пріиски, онъ глупъ — золото наше.

Надежда Антоновна *(уходя)*.

Я лучше теперь пошлю, надо его приготовить. *(Уходитъ. Входитъ Телятевъ съ букетомъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Телятевъ и Лидія.

Лидія.

Какъ вы проворны, какъ вы меня балуете! Говорите, зачѣмъ вы это дѣлаете?

Телятевъ.

Развѣ это новость для васъ? Когда же я не исполнялъ вашихъ приказаній?

Лидія.

Зачѣмъ же вы всегда меня балуете?

Телятевъ.

Я ужъ такъ устроенъ для услугъ — это мое призваніе. Что̀ мнѣ дѣлать? Больше у меня и дѣла никакого нѣтъ.

Лидія.

Значитъ, развлеченіе отъ скуки. Однако, вы своими угожденіями кружите мнѣ голову.

Телятевъ.

Я же виноватъ!

Лидія.

Это или совсѣмъ не вина, или вина большая, смотря по тому, искренни ваши поступки или нѣтъ.

Телятевъ.

Конечно, искренни.

Лидія.

Но, вѣдь, постоянныя угожденія, постоянная лесть — это все своего рода удочки, на которыя вы насъ ловите. Вы заставляете предполагать въ васъ такую преданность, къ которой нельзя оставаться равнодушной.

Телятевъ.

Тѣмъ лучше; не все же намъ однимъ быть неравнодушными, пора и вашему чувству проснуться.

Лидія.

Да, хорошо вамъ говорить, когда у васъ всякое чувство давно ужъ сдѣлалось только фразой. У васъ въ жизни было столько практики по этой части, что вы умѣете владѣть собой во всякомъ положеніи. А вы представьте неопытную дѣвушку.

у которой чувство проснется въ первый разъ, — ея положеніе очень трудно и опасно.

Телятевъ.

Очень можетъ быть. Я своего мнѣнія сказать не могу; ни разу дѣвушкой не былъ.

Лидія.

Если разъ обнаружить свое чувство, то или сдѣлаешься игрушкой мужчины, или будешь смѣшна; и то, и другое не хорошо. Вѣдь, не хорошо?

Телятевъ.

Не хорошо.

Лидія.

Такъ не кружите мнѣ голову напрасно, будьте искреннѣе, я васъ прошу объ этомъ! Не говорите того, чего не чувствуете; не любезничайте со мной, если я вамъ не нравлюсь!

Телятевъ.

Кто вамъ сказалъ? Помилуйте! Я всегда говорю то, чтò чувствую.

Лидія.

Неужели?

Телятевъ.

Даже меньше говорю, чѣмъ чувствую.

Лидія.

Зачѣмъ же?

Телятевъ.

Не смѣю... Развѣ позволите?

Лидія.

Я прошу васъ.

Телятевъ.

Я перестаю вѣрить ушамъ своимъ. Не во снѣ ли я? Чтò за счастливый день! Которое нынче число?

Лидія.

Отчего счастливый день?

Телятевъ.

Да могъ ли я ждать! Вы любезны со мной, вы для меня сходите на землю съ вашей неприступной высоты. Вы были Діаной, презирающей мужской родъ, съ луной въ прическѣ, съ колчаномъ за плечами; а теперь вы преобразились въ простую, сердечную, даже наивную пейзанку, изъ тѣхъ, кото-

рыя въ балетахъ пляшутъ, перебирая свой передникъ. Вотъ такъ. *(Дѣлаетъ обыкновенные пейзанскіе жесты.)*

Лидяі.

Развѣ это для васъ счастье?

Телятевъ.

Вѣдь, я не „Мѣдный всадникъ", не „Каменный гость"!

Лидія.

Какъ легко васъ осчастливить! Чтò-жъ, я очень рада, что могу осчастливить васъ.

Телятевъ.

Меня осчастливить? Лидія Юрьевна, вы ли, вы ли это?

Лидія.

Чтò васъ удивляетъ? Развѣ вы не стóите счастья?

Телятевъ.

Не знаю, стóю ли; но, вѣдь, я съ ума сойду.

Лидія.

Сойдите!

Телятевъ.

Я надѣлаю глупостей.

Лидія.

Надѣлайте.

Телятевъ.

Или вы зло шутите, или вы...

Лидія.

Договаривайте!

Телятевъ.

Или вы меня любите!

Лидія.

Къ несчастію, послѣднее справедливѣе.

Телятевъ.

Да какое же это несчастіе? Это счастіе, блаженство! Лучше придумать нельзя. *(Слегка обнимаетъ Лидію.)*

Лидія.

Jean, ты мой?

Телятевъ.

Рабъ, рабъ, негръ, абиссинецъ...

Лидія *(поднимая на него глаза).*

Надолго ли?

Телятевъ.

Навѣкъ, на всю жизнь, даже болѣе, если это можно.

Лидія.

Ахъ, какъ я счастлива!

Телятевъ.

Нѣтъ, какъ я-то счастливъ! *(Цѣлуетъ ее.)*

Лидія.

Ахъ, Боже мой, какое блаженство! Maman!

Телятевъ.

Какъ, maman? Зачѣмъ тутъ maman? Намъ третьяго не нужно.

Лидія.

Я знаю, Jean, что не нужно; но я такъ счастлива.

Телятевъ.

Тѣмъ лучше.

Лидія.

Моя душа такъ полна, мнѣ хочется подѣлиться съ ней моею радостью.

Телятевъ.

Не надо ничѣмъ дѣлиться! Намъ больше останется.

Лидія.

Да, да, твоя правда, радостью не надо дѣлиться, ея и такъ немного на землѣ. Но все равно, должны же мы будемъ ей сказать?

Телятевъ.

Вотъ ужъ не понимаю. Что̀ ей сказать?

Лидія.

А то, Jean, что мы любимъ другъ друга и желаемъ быть неразлучны на всю жизнь.

Телятевъ.

Да, вотъ что̀! Значитъ, по формѣ, какъ слѣдуетъ, законнымъ бракомъ. Ну, извините, я этого не ожидалъ.

Лидія.

Что̀ я слышу? Чего же вы ожидали? Говорите!

Телятевъ.

Быть вашимъ слугой, рабомъ, чѣмъ угодно. А что касается брака — это ужъ не мое дѣло.

Лидія.

Какъ же вы осмѣлились?

Телятевъ.

Я ни на что̀ не осмѣливался. Я только не запрещалъ вамъ любить меня и никому запрещать не буду.

Лидія.

Да развѣ вы сто̀ите моей любви?

Телятевъ.

Совершенная правда, что не сто̀ю; но развѣ любятъ только тѣхъ, которые сто̀ятъ? Что̀-жъ бы я былъ за дуракъ, если бы сталъ отказываться отъ вашей любви и читать вамъ мораль? Извините, учить васъ морали я никакъ не возьмусь: это мнѣ и не по способностямъ, и совсѣмъ не въ моихъ правилахъ. По-моему, чѣмъ въ женщинѣ меньше нравственности, тѣмъ лучше.

Лидія.

Вы чудовище! Вы гадкій!

Телятевъ.

Справедливо, и потому вы сами должны благодарить меня, что я не женился на васъ. *(Лидія уходитъ.)* Вотъ было попался-то! Хорошо еще, что цѣлъ. Нѣтъ, эти игрушки надо бросить; такъ заиграешься, что и не увидишь, какъ въ мужья попадешь. Долго-ль до грѣха, человѣкъ слабъ. *(Идетъ къ дверямъ. Входитъ Васильковъ.)* Честь и мѣсто. *(Уходитъ. Входитъ Надежда Антоновна.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Надежда Антоновна и Васильковъ.

Надежда Антоновна.

Здравствуйте! Очень рада! Вотъ видите, мнѣ ваше общество сдѣлалось необходимымъ. Сядьте ко мнѣ поближе.

Васильковъ.

Вы присылали за мной?

Надежда Антоновна.

Извините, что побезпокоила. Мнѣ нужно совѣта, я — существо совершенно безпомощное; только одного серьезнаго человѣка и знаю, это — васъ.

Васильковъ.

Благодарю васъ! Чѣмъ могу служить?

Надежда Антоновна.

Я говорила съ дочерью: мы хотимъ измѣнить свой образъ жизни; намъ надоѣло шумное общество; мы не станемъ никого принимать, кромѣ васъ. Хотя у насъ средства очень большія, но, вѣдь, это не обязываетъ бѣситься съ утра до ночи.

Васильковъ.

Я полагаю.

Надежда Антоновна.

Лидія хочетъ докончить свое образованіе; въ этомъ дѣлѣ безъ руководителя нельзя; мы и рѣшились обратиться къ вамъ.

Васильковъ.

Всей душой радъ служить вамъ; но чему же я могу учить Лидію Юрьевну? Сферической тригонометріи?

Надежда Антоновна.

Ахъ, да! именно, именно! Согласитесь, что быть учителемъ молодой дѣвушки довольно пріятно!

Васильковъ.

Конечно; но для чего Лидіи Юрьевнѣ сферическая тригонометрія?

Надежда Антоновна.

Она вообще съ большими странностями, но добрая, очень добрая дѣвушка. *(Таинственно.)* Она, вѣдь, не любитъ этихъ шаркуновъ.

Васильковъ.

Удивляюсь.

Надежда Антоновна.

Что касается до меня, я давно ихъ не жалую. Вотъ вамъ каждая мать, безъ опасенія, можетъ довѣрить свою дочь. Простите меня, мой другъ, за откровенность; но я очень бы желала, чтобы вы Лидіи понравились.

Васильковъ.

Благодарю васъ.

Надежда Антоновна.

Кажется, если-бъ можно, я рѣшилась бы употребить даже власть, чтобъ только видѣть ее счастливой.

Васильковъ.

Развѣ другого средства уже нѣтъ?

Надежда Антоновна.

Не знаю, попытайте сами. А вы любите мою дочь? Погодите, я погляжу вамъ въ глаза. Ну, не говорите, не говорите, я вижу; только, вѣдь, вы очень робки; хотите, я ей скажу за васъ? А то заспорите и поссоритесь — сохрани Богъ.

Васильковъ.

Позвольте мнѣ самому! Мнѣ еще нужно подготовиться къ моему объясненію, подумать.

Надежда Антоновна.

О чемъ думать? Что готовить? *(Входитъ Лидія.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Васильковъ, Надежда Антоновна и Лидія.

Надежда Антоновна.

Вотъ, Лидія, Савва Геннадьичъ дѣлаетъ тебѣ предложеніе чрезъ меня: онъ проситъ твоей руки. Хотя, съ своей стороны, я согласна и очень рада, но твоей воли я нисколько не стѣсняю.

Лидія.

Въ такомъ дѣлѣ, разумѣется, я должна имѣть свою волю, и если-бъ мнѣ кто-нибудь понравился, повѣрьте, maman, я скорѣе бы послушалась своего сердца, чѣмъ вашего совѣта. Но ко всѣмъ моимъ поклонникамъ я равнодушна одинаково: вы знаете, сколькимъ женихамъ я ужъ отказала; а выйти замужъ надо, пора ужъ, потому я и предоставляю себя въ полное ваше распоряженіе.

Васильковъ.

Значитъ, вы меня не любите?

Лидія.

Нѣтъ, не люблю. Зачѣмъ я буду васъ обманывать? Но мы съ вами послѣ объяснимся. Maman, вы беретесь устраивать мою судьбу, помните, что вы же должны будете и отвѣчать за мое счастье.

Надежда Антоновна *(Василькову).*

Слышите, мой другъ?

Васильковъ.

Я очень жалѣю.

Лидія.

Очень? Что я васъ не люблю?

Васильковъ.

Нѣтъ, что я поторопился.

Лидія.

Откажитесь, еще есть время. Должно быть, и съ вашей стороны любовь не очень сильна, когда вы такъ легко отъ меня отказываетесь. Не сердитесь, а благодарите меня, что я съ вами откровенна; притворяться ничего не стóитъ, но я не хочу этого. Всѣ невѣсты говорятъ, что влюблены въ своихъ жениховъ, но вы не вѣрьте имъ — любовь приходитъ послѣ. Отбросьте въ сторону самолюбіе и согласитесь! За что̀ мнѣ было полюбить васъ? И лицо ваше не изъ красивыхъ, и имя неслыханное, и фамилія какая-то мѣщанская. Все это мелочи, къ этому можно привыкнуть, но не вдругъ. За что̀ вы сердитесь? Вы меня любите, благодарю васъ. Заслужите мою любовь, и мы будемъ счастливы.

Надежда Антоновна.

Главное, вы помните, что ни я, ни отецъ для нея ничего не жалѣли, рѣшительно ничего. Все-таки, она приноситъ для васъ жертву.

Васильковъ.

Я не хочу жертвы.

Лидія.

Вы, кажется, сами не знаете, чего хотите?

Васильковъ.

Нѣтъ, я знаю, чего хочу. Можно жениться безъ любви, любовь придетъ со временемъ, вы правы. Но я желаю, чтобъ вы меня уважали, безъ этого ужъ бракъ невозможенъ.

Лидія.

Все это разумѣется само собой, иначе бы я не пошла за васъ.

Васильковъ.

Откровенность за откровенность. Вы мнѣ сказали, что не любите меня, а я вамъ скажу, что я полюбилъ васъ, можетъ быть, прежде, чѣмъ вы того заслуживали. Вы должны тоже

заслужить мою любовь; иначе, я не скрою отъ васъ: она очень легко можетъ перейти въ ненависть.

Лидія.

Вотъ какъ!

Васильковъ.

Откажитесь отъ меня, еще есть время.

Лидія.

Зачѣмъ отказываться? Ха, ха, ха! Будемте играть комедію, заслуживать любовь другъ друга.

Васильковъ.

Я не комедіи желаю, а свѣтлой жизни и счастія.

Лидія.

Нѣтъ, вы именно комедіи желаете. Вы дѣлаете мнѣ предложеніе — я изъявляю согласіе; чего же вамъ еще? Вы меня любите, вы только должны быть безконечно счастливы, а не разсуждать объ обязанностяхъ. Свои обязанности всякій долженъ знать про-себя. О томъ, какъ жить, разсуждаютъ только люди бѣдные, которымъ жить нечѣмъ.

Надежда Антоновна.

Я вижу, вижу, что вы другъ друга любите, и всѣ споры ваши только, такъ сказать, литературные.

Васильковъ.

Позвольте, въ качествѣ жениха, поднести вамъ. Я сегодня нечаянно купилъ эти вещи, а вотъ онѣ и пригодились. *(Подаетъ коробку, въ которой серьги и брошка.)*

Надежда Антоновна.

О! да эти вещи стóятъ нѣсколько тысячъ!

Васильковъ.

Всего три.

Лидія.

Мнѣ кажется, есть возможность полюбить васъ. *(Протягиваетъ Василькову руку; тотъ почтительно цѣлуетъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Надежда Антоновна.
Васильковъ.
Лидія, его жена.
Кучумовъ
Телятевъ.
Глумовъ.
Василій, камердинеръ Василькова.
Андрей, слуга } Васильковыхъ.
Горничная }

Та же гостиная, что̀ во второмъ дѣйствіи, но богаче меблированная. Направо отъ зрителей дверь въ кабинетъ Василькова, налѣво въ комнаты Лидіи, посрединѣ выходная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Изъ кабинета выходитъ Васильковъ *съ портфелемъ и съ газетами, быстро пробѣгаетъ ихъ глазами, потомъ звонитъ. Входитъ* Василій.

Васильковъ.

Казанское имѣніе Чебоксаровыхъ съ заводомъ и лѣсомъ на-дняхъ продается. Жалко! И заводъ можетъ приносить большой доходъ, и лѣсу много. Василій Иванычъ, сходи къ Павлу Ермолаеву, скажи ему, чтобъ онъ сейчасъ же шелъ на биржу и подождалъ меня тамъ. Мнѣ нужно совершить на его имя довѣренность. Скажи ему также, чтобы онъ былъ готовъ на всякій случай: я его пошлю въ Казань.

Василій.

Слушаю, сударь.

Васильковъ.

Ты, Василій Иванычъ, одѣлся бы какъ поскладнѣе.

Василій.

Никакъ невозможно-съ. Теперь, ежели эти сапоги, толстый спинжакъ и бархатный картузъ, я выхожу на подобіе, какъ англичанинъ при машинѣ; такая ужъ честь, и всякій понимаетъ.

Васильковъ.

Твое дѣло, Василій Иванычъ. Ступай! *(Василій уходитъ. Васильковъ вынимаетъ счетъ и разсматриваетъ. Изъ комнаты Лидіи выходитъ Надежда Антоновна.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Васильковъ и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна.

Медвѣдь! Недавно женился и все за дѣломъ.

Васильковъ.

Одно другому не мѣшаетъ, маменька.

Надежда Антоновна.

Чтò за маменька!

Васильковъ.

Слово хорошее, ласкательное и вѣрно выражаетъ предметъ.

Надежда Антоновна.

Ну, хорошо, хорошо. *(Подходитъ къ нему.)* Но счастливъ ли ты? Скажи, счастливъ ли, сынокъ? *(Беретъ его за ухо.)*

Васильковъ *(цѣлуя ея руку)*.

Да, я счастливъ, совершенно счастливъ. Я могу теперь сказать, что въ моей жизни было нѣсколько дней блаженства. Ахъ, маменька...

Надежда Антоновна.

Опять маменька!

Васильковъ.

Извините!

Надежда Антоновна.

Я ничего другого и ожидать не могла, кромѣ счастья, иначе бы я и не отдала за тебя Лиденьку.

Васильковъ.

Я былъ бы еще счастливѣе, если-бъ... если-бъ...

Надежда Антоновна *(садится)*.

Чтò, если-бъ? Чего вамъ еще мало, неблагодарный?

Васильковъ.

Если-бъ всю жизнь можно было разъѣзжать по Москвѣ то съ визитами, то по вечерамъ и концертамъ... ничего не

дѣлая; если-бъ не стыдно было такъ жить и были бы на то средства.

Надежда Антоновна.

Если всѣ порядочные люди такъ живутъ, значитъ, не стыдно, а средства нужны небольшія.

Васильковъ.

Однако! По моимъ соображеніямъ, я прожилъ много. Я не считаю, да и не знаю, сколько прожила Лидія; я въ ея расчеты не мѣшаюсь.

Надежда Антоновна.

И прекрасно дѣлаете.

Васильковъ.

У нея свое, у меня свое. Но я разсчитываю, много ли мнѣ придется такимъ образомъ прожить въ годъ.

Надежда Антоновна.

Ахъ, какіе пустяки! Да живите, какъ живется; вѣдь, васъ такіе расходы стѣснить не могутъ.

Васильковъ.

Какъ не могутъ? Вѣдь, такъ въ полгода проживешь тысячъ двадцать-пять!

Надежда Антоновна.

Ну, много ли это! Неужели вамъ жаль? Я васъ не узнаю.

Васильковъ.

Совсѣмъ не въ томъ вопросъ, жаль или нѣтъ; а въ томъ, гдѣ взять ихъ.

Надежда Антоновна.

Ну, ужъ это я не знаю. Вамъ это должно быть лучше извѣстно.

Васильковъ.

Чтобъ такъ жить, надо имѣть милліонъ.

Надежда Антоновна.

Мы не запрещаемъ вамъ имѣть ихъ и два.

Васильковъ.

Ни двухъ, ни одного нѣтъ у меня; мое состояніе обыкновенное.

Надежда Антоновна.

Надѣюсь, все-таки, за полмилліона. И это хорошо.

Васильковъ.

У меня есть имѣніе, есть деньги небольшія, есть дѣла. но, все-таки, я болѣе семи, восьми тысячъ въ годъ проживать не могу.

Надежда Антоновна.

А пріиски?

Васильковъ.

Какіе пріиски? Что̀ вы?

Надежда Антоновна.

Золотые.

Васильковъ.

Не только золотыхъ, и мѣдныхъ нѣтъ.

Надежда Антоновна *(встаетъ)*.

Зачѣмъ же вы насъ обманули такъ жестоко?

Васильковъ.

Чѣмъ же я васъ обманулъ?

Надежда Антоновна.

Вы сказали, что у васъ есть состояніе.

Васильковъ.

И дѣйствительно есть, очень порядочное.

Надежда Антоновна.

Подите вы! Вы не понимаете, что̀ говорите. Вы не знаете самыхъ простыхъ вещей, которыя маленькимъ дѣтямъ извѣстны.

Васильковъ.

Да позвольте! Чѣмъ же это не состояніе? Что̀-жъ это такое?

Надежда Антоновна.

Что̀? Нищета, бѣдность, вотъ что̀. Того, что̀ вы называете состояніемъ, дѣйствительно, довольно для холостого человѣка; этого состоянія ему достанетъ на перчатки. Что̀ же вы сдѣлаете съ моей бѣдной дочерью?

Васильковъ.

Я хотѣлъ сдѣлать ее счастливою и постараюсь достигнуть.

Надежда Антоновна.

Безъ состоянія? Смѣшно!

Васильковъ.

Я имѣю достаточно и стараюсь пріобрѣтать.

Надежда Антоновна.

Что̀ достаточно? Ей нужно состояніе, а состоянія вамъ пріобрѣсть нельзя: откуповъ нѣтъ, концессіи на желѣзную дорогу вамъ не дадутъ. Состояніе можно только получить по наслѣдству, да еще при большомъ счастьѣ выиграть въ карты.

Васильковъ.

Нѣтъ, еще есть средство: ограбить кого-нибудь. Не его ли вы мнѣ посовѣтуете?

Надежда Антоновна.

Вы думаете? Какъ хорошо вы меня знаете! Нѣтъ, я вижу, мнѣ нужно принимать свои мѣры и поправлять нашу ошибку.

Васильковъ.

Что̀ поправлять? Какая ошибка? Прошу васъ, не мѣшайтесь въ чужія дѣла. *(Беретъ шляпу.)*

Надежда Антоновна.

Вы уходите?

Васильковъ.

Мнѣ пора. До свиданья. *(Уходитъ.)*

Надежда Антоновна.

Вотъ еще хлопоты съ этимъ зятемъ. Впрочемъ, кто же бы взялъ Лидію, если-бъ узнали, что у нея ничего нѣтъ? Надо будетъ для него постараться; ужъ нечего дѣлать. *(Входитъ Андрей.)*

Андрей.

Господинъ Кучумовъ.

Надежда Антоновна.

Вотъ кстати. *(Андрею.)* Проси. *(Андрей уходитъ.)* Я сейчасъ за него примусь. *(Входитъ Кучумовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Надежда Антоновна и Кучумовъ.

Кучумовъ.

Pace e joia son con voi!

Надежда Антоновна.

Очень рада. Садитесь!

Кучумовъ (*садясь*).

Pace e joia... А гдѣ-жъ наша нимфа?

Надежда Антонона.

Полетѣла съ визитами, она сейчасъ будетъ.

Кучумовъ.

А сатиръ, который у насъ ее похитилъ?

Надежда Антоновна.

Побѣжалъ по своимъ дѣламъ. У него все какія-то дѣла.

Кучумовъ.

Черствый человѣкъ! Впрочемъ, что-жъ ему! Онъ мужъ, а вотъ мы таемъ да облизываемся, какъ лисица на виноградъ.

Надежда Антоновна.

Старичокъ, старичокъ, что вы?

Кучумовъ.

Сердцемъ молодъ, Надежда Антоновна, волканическая натура.

Надежда Антоновна.

Ахъ, да! Вы получили отъ мужа письмо?

Кучумовъ.

Получилъ. Не безпокойтесь! Завтра же пошлю ему. Какая это сумма! Выкиньте изъ головы!

Надежда Антоновна.

У меня еще до васъ просьба.

Кучумовъ.

Что такое, что такое? Радъ, душевно радъ.

Надежда Антоновна.

Не можете ли вы доставить одному моему знакомому мѣсто повыгоднѣе, да еще опеку большую, или управленіе богатымъ имѣніемъ?

Кучумовъ.

Надо знать, кому?

Надежда Антоновна (*пожимая плечами*).

Зятю.

Кучумовъ.

Что, видно, плохо дѣло? Я такъ и ожидалъ.

Надежда Антоновна.

Да, мой истинный другъ, мы немножко ошиблись.

Кучумовъ.

Какое-жъ онъ право имѣлъ на вашу дочь? Прикидывался, чай, что золотомъ осыплетъ? А теперь вышло, что самого корми. Знаете, онъ, должно быть, хапуга по природѣ. Въ немъ, вѣроятно, подьяческой крови много! Онъ для чего мѣсто ищетъ? Чтобъ взятки брать. Какъ же мнѣ его рекомендовать? Онъ, пожалуй, осрамитъ меня, каналья.

Надежда Антоновна.

Вы меня-то пожалѣйте: онъ мнѣ зять.

Кучумовъ.

Да, вѣдь, вы сами говорили,что въ немъ ошиблись. То-то мнѣ рожа-то его...

Надежда Антоновна.

Ахъ, перестаньте! Неужели вамъ не пріятно быть покровителемъ человѣка, у котораго жена такая хорошенькая?

Кучумовъ.

Какъ не пріятно? Кто вамъ сказалъ? Очень пріятно.

Надежда Антоновна.

Я Лидію знаю: она не захочетъ остаться неблагодарной.

Кучумовъ.

Да я всѣ средства... всѣхъ знакомыхъ на ноги...

Надежда Антоновна.

Вы думаете, женщины не умѣютъ быть благодарными? Нѣтъ, если онѣ захотятъ...

Кучумовъ.

Да я лечу, сейчасъ лечу... Ка̀къ, что̀, ку́да? Приказывайте! *(Входитъ Лидія.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Надежда Антоновна, Кучумовъ и Лидія.

Кучумовъ.

Ахъ, ахъ, нѣмѣю!

Лидія.

Очень жаль будетъ, если онѣмѣете, вы такъ хорошо го-

ворите. Измучилась! *(Садится на кресло.)* Всю Москву объѣздила.

Надежда Антоновна.

Да, Лидія, Григорій Борисычъ не только хорошо говоритъ, но хорошо и дѣла дѣлаетъ; онъ завтра посылаетъ отцу твоему деньги на выкупъ имѣнія, да и намъ оказываетъ услуги. Мы должны быть ему очень, очень благодарны. *(Взглядываетъ на дочь. Входитъ Андрей.)*

Андрей.

Господинъ Глумовъ.

Надежда Антоновна.

Проси его ко мнѣ; я его у себя приму. *(Уходитъ, за ней Андрей.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Кучумовъ и Лидія.

Лидія.

Скажите, пожалуйста, что̀ вы за благодѣтель такой? Вѣдь, помогать другимъ — отнимать у себя. Что̀ васъ побуждаетъ?

Кучумовъ.

И вы, вы меня спрашиваете?

Лидія.

Отчего-жъ мнѣ не спрашивать?

Кучумовъ.

Да я не только состояніемъ, я для васъ готовъ жизнью...

Лидія.

Всего вѣроятнѣе, что такая жертва мнѣ будетъ не нужна. Но вы дѣйствительно посылаете отцу денегъ?

Кучумовъ.

Завтра же.

Лидія.

Это благородно. Нельзя не цѣнить такой дружбы.

Кучумовъ.

Больше, чѣмъ дружба, Лидія Юрьевна, гораздо больше. Знаете что̀? Я лучше куплю это имѣніе у вашего отца и подарю его вамъ.

Лидія.

Ну, что-жъ, купите и подарите. Я очень люблю подарки.

Кучумовъ.

Я завтра же пишу вашему отцу, что покупаю у него имѣніе и пошлю ему въ задатокъ 380 тысячъ. Что мнѣ деньги? Мнѣ ваше расположеніе, только ваше расположеніе.

Лидія.

Какъ же можетъ выразиться мое расположеніе? Вы у насъ и такъ, какъ родной.

Кучумовъ *(подвигаясь).*

Какъ родной, какъ родной...

Лидія.

Однакоже, вы можете быть мнѣ родня! Для брата вы ужъ стареньки. Хотите быть папашей на время?

Кучумовъ *(опускаясь на колѣни и цѣлуя ея руку).*

Папашей, папашей!

Лидія *(отнимая руку).*

Шалишь, папашка!

Кучумовъ.

Шалю, шалю! *(Опять цѣлуетъ руку. Глумовъ показывается на порогѣ и быстро уходитъ.)*

Лидія *(встаетъ).*

Тебѣ стыдно шалить, ты не маленькій. *(Кучумовъ встаетъ съ колѣнъ. Входитъ Андрей.)*

Андрей.

Господинъ Телятевъ.

Лидія.

Проси. *(Андрей уходитъ.)*

Кучумовъ.

Addio, mia carina! Лечу по вашимъ дѣламъ.

Лидія.

По какимъ?

Кучумовъ.

Послѣ узнаете. *(Уходитъ. Входитъ Телятевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лидія и Телятевъ.

Телятевъ.

Казните, да только поскорѣе. Если вы хотите дуться на меня, такъ я убѣгу куда-нибудь въ лѣсъ. Вы лучше прибейте меня, только потомъ смилуйтесь надо мной. Я не могу жить безъ васъ, на меня нападаетъ сплинъ, и я застрѣлюсь, какъ англичанинъ.

Лидія.

За что̀ мнѣ сердиться на васъ?

Телятевъ.

Ну, вотъ какія слова! Вѣдь, это кинжалы.

Лидія.

Чѣмъ вы хуже другихъ? Есть и хуже васъ.

Телятевъ.

Ну, вотъ опять. Терзать желаете? Говорите прямо, что негодяй.

Лидія.

Не спорю. Вы много виноваты передо мной, очень много! Вы причина того, что я вышла за человѣка, котораго не люблю.

Телятевъ.

Не любите? Это очень хорошо.

Лидія.

Да, кажется, и онъ меня не любитъ.

Телятевъ.

Не любитъ? Безподобно!

Лидія.

Что̀ же тутъ хорошаго?

Телятевъ.

Не знаю, какъ для васъ, а для нашего брата, безпутнаго холостяка, это находка. Мы, вѣдь, сироты, всю жизнь такихъ случаевъ ищемъ.

Лидія.

Вы безнравственный до мозга костей.

Телятевъ.

Ну, еще какъ-нибудь побраните!

Лидія.

Довольно бранить. За что̀? За то, что вы меня любите? За любовь развѣ можно бранить? За то, что вы не женились на мнѣ, любя меня? Такъ, вѣдь, это прошло. Этой бѣды вамъ поправить нельзя.

Телятевъ.

Жениться нельзя. Это вѣрно. Любить можно.

Лидія.

Развѣ я могу запретить? Это льститъ женскому самолюбію. Чѣмъ больше поклонниковъ, тѣмъ лучше.

Телятевъ.

Ну, на что̀ вамъ много? Возьмите пока одного.

Лидія.

Вы еще плохо жизнь знаете. Одного-то и не хорошо, сейчасъ разговоры пойдутъ, а какъ много-то, такъ и подозрѣнія нѣтъ. Какъ узнаешь, который настоящій?

Телятевъ.

Такъ вы возьмите меня настоящаго, да еще человѣка четыре сверхштатныхъ.

Лидія *(смѣясь)*.

Вы такой шутъ, что на васъ рѣшительно сердиться нельзя.

Телятевъ.

Гнѣвъ прошелъ. Можно теперь любезныя слова говорить?

Лидія.

Говорите, я люблю васъ слушать. Вѣдь, вы милый! А?

Телятевъ.

Ей-Богу, милый. Какъ вы похорошѣли! Знаете, какая перемѣна въ васъ? Такая перемѣна всегда...

Лидія.

Нѣтъ, вы, пожалуйста, пожалѣйте меня! Я еще недавно дама, не успѣла привыкнуть къ вашимъ разговорамъ! Я знаю, какія вы вещи дамамъ разсказываете.

Телятевъ.

Какъ жаль, что вы не привыкли! Привыкайте поскорѣй,

а то скучно. Обратимся къ старому. Скоро вы заведете cavalier servant?

Лидія.

Да развѣ у насъ это принято?

Телятевъ.

Надо завести этотъ прекрасный обычай. Хорошее перенимать не стыдно.

Лидія.

А мужья что̀ скажутъ?

Телятевъ.

Привыкнутъ понемножку. Ну, конечно, сначала многихъ изъ насъ, кавалеровъ, побьютъ довольно чувствительно, особенно купцы; многихъ сведутъ къ мировымъ; а тамъ дѣло и пойдетъ своимъ порядкомъ. Первые должны пожертвовать собой, зато другимъ будетъ хорошо. Безъ жертвъ никакое полезное нововведеніе не обходится.

Лидія.

Прекрасно, но едва ли это скоро введется.

Телятевъ.

Уже начинаемъ, ужъ нѣсколько жертвъ принесено: одного въ синюю кубовую краску окрасили, съ другимъ еще хуже было.

Лидія.

Ну, вотъ, когда этотъ похвальный обычай укоренится...

Телятевъ.

Тогда вы возьмете меня.

Лидія.

Если будете сто̀ить. Вы очень вѣтрены.

Телятевъ.

Отчего я вѣтренъ, знаете ли?

Лидія.

Оттого, что душа мелка.

Телятевъ.

Нѣтъ! Оттого, что мнѣ постояннымъ быть не для кого. Прикажите, и я буду постояннѣе телеграфнаго столба.

Лидія.

Испытаемъ.

Телятевъ.

Испытаете? Да я за одно это сейчасъ буду у ногъ вашихъ.

Лидія.

Нѣтъ, ужъ отъ этой церемоніи вы меня увольте! Можно и безъ нея обойтись.

Телятевъ.

Какъ угодно. Однако, я, все-таки, чувствую потребность оказать вамъ какую-нибудь видимую, осязательную ласку.

Лидія *(подаетъ ему руку)*.

Цѣлуйте! *(Входитъ Глумовъ и остается въ глубинѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Лидія, Телятевъ и Глумовъ.

Телятевъ *(не замѣчая Глумова)*.

Въ перчаткѣ? Чтò это за поцѣлуй! Электричество, которымъ такъ переполнено мое сердце и которое я желаю передать вамъ, не дойдетъ до вашего сердца черезъ перчатку. Лайка дурной проводникъ. *(Цѣлуетъ руку нѣсколько выше перчатки.)*

Лидія.

Ну, довольно! Вамъ нельзя ничего позволить! Вы всегда дѣлаете больше того, чтò вамъ дозволяютъ.

Телятевъ.

Да много ли больше-то? Всего на полвершка; стóитъ ли объ этомъ разговаривать!

Лидія.

Нынче на полвершка, завтра на полвершка, этакъ... *(Увидѣвъ Глумова.)* А! Егоръ Дмитричъ! Мы васъ и не видимъ.

Глумовъ.

Ничего, продолжайте, продолжайте, я вамъ не мѣшаю.

Лидія.

Чтò такое: продолжайте? Чтò за тонъ? Вы не хотите ли придать какую-нибудь важность тому, что я позволила Телятеву, моему старому другу, поцѣловать мою руку? Я съ охотой позволяю и вамъ то же сдѣлать. *(Протягиваетъ ему руку.)*

Глумовъ.

Покорно благодарю! Я рукъ не цѣлую ни у кого. Я позволяю себѣ цѣловать руку только у матери или у любовницы.

Лидія.

Ну, такъ вамъ моей руки не цѣловать никогда.

Глумовъ.

Какъ знать! Жизнь велика; гора съ горой не сходится...

Лидія.

Пойдемте, Иванъ Петровичъ. *(Подаетъ руку Телятеву.)* Онъ грубый человѣкъ. *(Глумову.)* Вы мужа дожидаетесь? Подождите, онъ скоро придетъ.

Глумовъ.

Да-съ, я вашего супруга дожидаюсь, у меня есть много интереснаго передать ему.

Лидія.

Сдѣлайте милость, развеселите его чѣмъ-нибудь! Онъ такой задумчивый. Забавлять лучше васъ никто не умѣетъ: вы очень забавны. *(Уходятъ Телятевъ и Лидія.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Глумовъ *одинъ, потомъ* Василій.

Глумовъ.

Да, я васъ позабавлю! Ай, Лидія Юрьевна, браво! Я еще только задумалъ подъѣхать къ ней съ любезностями, а ужъ тутъ двое. Теперь остается только ихъ стравить, всѣхъ втроемъ, и съ мужемъ. Василій! *(Входитъ Василій.)*

Василій.

Что, сударь, прикажете?

Глумовъ.

Когда у васъ Кучумовъ бываетъ, въ какое время?

Василій.

Завсегда, сударь, во второмъ часу. Баринъ въ это время дома не бываетъ.

Глумовъ.

Гдѣ же онъ бываетъ?

Василій.

Въ своемъ засѣданіи, съѣзжаются тоже все люди богатые, разговоръ промежъ нихъ идетъ о дѣлахъ.

Глумовъ.

О какихъ дѣлахъ?

Василій.

Какъ все чтобъ лучше, чтобъ имъ денегъ больше.

Глумовъ.

А твой баринъ богатъ?

Василій.

Само собою.

Глумовъ.

Вѣдь, по-вашему, у кого есть сторублевая бумажка, тотъ и богатъ.

Василій.

Можетъ, и не сто, и не тысяча, а и больше есть.

Глумовъ.

Не велики деньги.

Василій.

Поищемъ, такъ найдемъ. Да что говорить-то! Даже еще и не приказано, и не всякій понимать можетъ. Тоже и наука, а не то, что̀ лежа на боку. Мы, можетъ, ночи не спали, страху навидѣлись. Какъ вы обо мнѣ понимаете? Я до Лондона только одиннадцать верстъ не доѣзжалъ, назадъ вернули при машинахъ. Стало-быть, намъ много разговаривать нельзя. *(Уходитъ.)*

Глумовъ.

Что̀ онъ тутъ нагородилъ? Кучумовъ бываетъ во второмъ часу, это важное дѣло; такъ мы и запишемъ. *(Входятъ Васильковъ, Лидія, Телятевъ и Надежда Антоновна.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Глумовъ, Васильковъ, Лидія, Телятевъ и Надежда Антоновна.

Глумовъ *(Василькову).*

Здравствуй!

Васильковъ.

Здравствуй!

Глумовъ.

Что ты такъ озабоченъ?

Васильковъ.

Да, вѣдь, у меня дѣла-то не то, что у васъ по улицамъ собакъ гонять. Господа кавалеры, вы меня извините, толкуйте съ дамами; а мнѣ некогда, у меня дѣлъ много, я пойду заниматься.

Телятевъ и Глумовъ.

Ступай! ступай!

Васильковъ.

Къ обѣду освобожусь. Коли хотите обѣдать, такъ оставайтесь безъ церемоніи! Милости просимъ! А не хотите, такъ убирайтесь. *(Уходитъ въ кабинетъ.)*

Надежда Антоновна.

Учтиво, нечего сказать.

Телятевъ.

Мы на него не сердимся; онъ добрый малый. А не убираться ли намъ, въ самомъ дѣлѣ?

Глумовъ.

Поѣдемъ. Я домашнихъ обѣдовъ, запросто, не люблю. Въ нихъ всегда есть что-то фамиліарное: либо квасъ по серединѣ стола въ большомъ графинѣ, либо домашнія наливки, либо миска съ отбитой ручкой, либо пирожки свѣчнымъ саломъ пахнутъ. У васъ, конечно, все роскошно; но я, все-таки, предпочитаю обѣдать въ гостинницѣ или клубѣ.

Телятевъ.

Поѣдемъ въ Англійскій, нынче тамъ обѣдъ.

Глумовъ.

Поѣдемъ. *(Раскланиваются и уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Лидія и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна.

Лидія, мужъ твой или скупъ, или не имѣетъ состоянія.

Лидія *(съ испугомъ).*

Что вы говорите?

Надежда Антоновна.

Онъ давеча сказалъ мнѣ, что такъ жить ему не позволяютъ средства и что надо сократить расходы. Что̀-жъ будетъ, если онъ узнаетъ, сколько мы сдѣлали долговъ до свадьбы и что все придется платить ему. Твоихъ долговъ онъ и знать не хочетъ.

Лидія.

А гдѣ-жъ пріиски?

Надежда Антоновна.

Выдумка Глумова.

Лидія.

Я погибла. Я, какъ бабочка, безъ золотой пыли жить не могу; я умру, умру!

Надежда Антоновна.

Мнѣ кажется, у него есть деньги, только онъ скупъ. Если-бъ ты оказала ему побольше ласки... Переломи себя.

Лидія *(задумавшись)*.

Ласки? Ласки? О, если только нужно, онъ увидитъ такую ласку, что задохнется отъ счастья. Это мнѣ будетъ практикой. Мнѣ нужно испробовать себя, сколько сильна моя ласка и что̀ она сто̀итъ на вѣсъ золота. Мнѣ это годится впередъ; мнѣ безъ золота жить нельзя.

Надежда Антоновна.

Страшныя слова говоришь ты, Лидія.

Лидія.

Страшнѣй бѣдности ничего нѣтъ.

Надежда Антоновна.

Есть, Лидія, — порокъ.

Лидія.

Порокъ! Что̀ такое порокъ? Бояться порока, когда всѣ порочны, и глупо, и нерасчетливо. Самый большой порокъ есть бѣдность. Нѣтъ, нѣтъ! Это будетъ первый мой женскій подвигъ. Я доселѣ была скромно кокетлива; теперь я испытаю себя, насколько я могу обойтись безъ стыда.

Надежда Антонона.

Ахъ, перестань, Лидія! Ужасно, ужасно!

Лидія.

Вы старуха, вамъ бѣдность не страшна; я молодая, я хочу жить. Для меня жизнь тамъ, гдѣ блескъ, раболѣпство мужчинъ и безумная роскошь.

Надежда Антоновна.

Я не слушаю.

Лидія.

Кто богаче, Кучумовъ или Телятевъ? Мнѣ это нужно знать, они оба въ моихъ рукахъ.

Надежда Антоновна.

Оба они богаты и мотаютъ; но Кучумовъ богаче и добрѣе.

Лидія.

Только мнѣ и нужно. Гдѣ у васъ счеты изъ магазиновъ и лавокъ? Давайте сюда!

Надежда Антоновна *(достаетъ изъ кармана)*.

Вотъ всѣ. *(Уходитъ. Лидія беретъ ихъ и рѣшительнымъ шагомъ идетъ въ кабинетъ мужа. Навстрѣчу ей выходитъ Васильковъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Лидія и Васильковъ.

Лидія.

Я шла къ тебѣ.

Васильковъ.

А я къ тебѣ.

Лидія.

Вотъ и прекрасно. Мы сошлись на полдорогѣ; куда же намъ итти, къ тебѣ или ко мнѣ? Туда? *(Указываетъ на свои комнаты.)* Туда, что ли? Говори, милый ты мой! А? Ну!

Васильковъ.

Остановимся пока на полдорогѣ. Поболтаемъ полчасика до обѣда. Ты меня, Лидія, прости, я тебя такъ часто оставляю одну.

Лидія.

Чѣмъ рѣже я тебя вижу, тѣмъ дороже ты для меня. *(Обнимаетъ его.)*

Васильковъ.

Что съ тобою, Лидія? Такая перемѣна меня удивляетъ!

Лидія.

Да развѣ я не живой человѣкъ, развѣ я не женщина? Зачѣмъ же я выходила замужъ? Мнѣ нечего стыдиться моей любви къ тебѣ! Я не дѣвочка, мнѣ 24 года. Не знаю, какъ для другихъ, а для меня мужъ все — понимаешь, все! Я и такъ долго дичилась тебя, но вижу, что это совершенно напрасно.

Васильковъ.

Совершенно напрасно.

Лидія.

Теперь ужъ, когда мнѣ придетъ въ голову задушить тебя въ своихъ объятіяхъ, такъ я задушу. Ты мнѣ позволь.

Васильковъ.

Да какъ не позволить.

Лидія.

Я не знаю, что̀ со мной сдѣлалось? Я не любила тебя прежде, и вдругъ привязалась такъ страстно. Слышишь, какъ бьется мое сердце? Другъ мой, блаженство мое! *(Плачетъ.)*

Васильковъ.

Но объ чемъ же ты плачешь?

Лидія.

Отъ счастія.

Васильковъ.

Я долженъ плакать. Я искалъ въ тебѣ только изящную внѣшность — и нашелъ доброе, чувствительное сердце. Полюби меня, я того стою.

Лидія.

Я тебя и такъ люблю, мой дикарь.

Васильковъ.

Да, я дикарь; но у меня мягкія чувства и образованный вкусъ. Дай мнѣ твою прелестную руку. *(Беретъ руку Лидіи.)* Какъ хороша твоя рука! Жаль, что я не художникъ.

Лидія.

Моя рука! У меня нѣтъ ничего моего, все твое, твое! *(Прилегаетъ къ нему на грудь.)*

Васильковъ *(цѣлуя руку Лидіи).*

Дай мнѣ обѣ! *(Лидія прячетъ счеты въ карманъ.)* Что̀ ты тамъ прячешь?

Лидія.

Ахъ, пожалуйста, не спрашивай меня! Другъ мой, прошу тебя, не спрашивай!

Васильковъ.

Зачѣмъ ты такъ просишь? Если есть у тебя тайна, такъ береги ее про себя: я до чужихъ тайнъ не охотникъ.

Лидія.

Развѣ у меня могутъ быть тайны? Развѣ мы не одна душа? Вотъ мой секретъ: въ этомъ карманѣ у меня счеты изъ магазиновъ, по которымъ maman должна заплатить за мое приданое. Она теперь въ затрудненіи: отецъ денегъ не высылаетъ; у него какое-то большое предпріятіе. Я хотѣла заплатить за нее изъ своихъ денегъ, да не знаю, достанетъ ли у меня въ настоящую минуту. Видишь, какой вздоръ.

Васильковъ.

Покажи мнѣ эти счеты!

Лидія *(отдаетъ счеты)*.

На! зачѣмъ они тебѣ, не понимаю.

Васильковъ.

А вотъ зачѣмъ: за то блаженство, которое ты мнѣ нынче доставила, я заплачу за твое приданое. Все равно, вѣдь, я могъ жениться на бѣдной, пришлось бы дѣлать приданое на свой счетъ. А еще неизвѣстно, любила ли бы она меня, а ты любишь.

Лидія.

Нѣтъ, нѣтъ! Я тоже должна чѣмъ-нибудь заплатить матери за ея заботы обо мнѣ.

Васильковъ.

Береги свои деньги, дитя мое, для себя. Василій! *(Входитъ Василій.)* Подай со стола изъ кабинета счеты. *(Василій приноситъ счеты и уходитъ. Входитъ Надежда Антоновна. Васильковъ садится къ столу и начинаетъ разбирать счеты.)*

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Васильковъ, Лидія и Надежда Антоновна.

Лидія *(тихо Надеждѣ Антоновнѣ)*.

Онъ все заплатитъ. *(Ложится на диванъ и беретъ книгу въ руки. Громко.)* Maman, не будемте мѣшать ему: онъ за-

нять. *(Надеждѣ Антоновнѣ, которая садится въ головахъ Лидіи, тихо.)* Онъ у меня въ рукахъ.

Васильковъ *(считая на счетахъ).*

Лидія, тутъ счетъ за обои и за драпировки, которыя никакъ не могутъ итти въ приданое.

Лидія.

Ахъ, мой другъ! Все это надо было поновить къ нашей свадьбѣ; къ намъ такъ много народу стало съѣзжаться. Не будь моей свадьбы, мы бы не рѣшились на такую трату.

Надежда Антоновна.

Простояло бы еще зиму.

Васильковъ.

Ну, хорошо, хорошо. *(Считаетъ.)*

Лидія *(Надеждѣ Антоновнѣ тихо).*

Я вамъ говорю, что онъ заплатитъ за все, рѣшительно за все. *(Входитъ горничная, очень модно одѣтая, и подаетъ Лидіи счетъ; та показываетъ ей рукой на мужа. Горничная подаетъ счетъ Василькову; тотъ, пробѣжавъ его, киваетъ головой на жену и продолжаетъ стучать на счетахъ. Горничная опять подаетъ счетъ Лидіи, та беретъ его и небрежно бросаетъ на столъ. Горничная уходитъ. Входитъ Андрей съ двумя счетами — повторяется точно та же исторія. Андрей уходитъ. Входитъ Василій съ десяткомъ счетовъ и подаетъ ихъ Василькову.)*

Василій.

Вотъ ихъ сколько, сударь! Что французовъ тамъ дожидается!

Васильковъ.

Подай барынѣ! *(Василій подаетъ, Лидія бросаетъ ихъ на полъ.)*

Василій *(подбирая счеты).*

Зачѣмъ же бросать? Счетъ — вѣдь, это документъ, по ёмъ надо деньги платить.

Лидія.

Вонъ отсюда! Я не могу видѣть тебя! *(Василій разглаживаетъ каждый счетъ, кладетъ ихъ аккуратно на столъ и уходитъ.)*

Васильковъ *(встаетъ и ходитъ по комнатѣ).*

Я кончилъ. Тутъ 32.547 рублей 98 копеекъ. Эта сумма для меня слишкомъ значительна; но я заранѣе далъ тебѣ слово и потому заплатить долженъ. Я займу сегодня, сколько будетъ нужно; но чтобъ сохранить равновѣсіе въ бюджетѣ, мы должны будемъ надолго значительно сократить наши расходы. Черезъ улицу, напротивъ, есть одно-этажный домикъ въ три окна на улицу; я его смотрѣлъ: онъ для насъ будетъ очень достаточенъ. Надо распустить прислугу: я себѣ оставлю Василья, а ты одну горничную, подешевле, — повара отпустимъ и наймемъ кухарку. Лошадей держать не будемъ.

Лидія *(смѣется).*

Какъ же мы безъ лошадей останемся? Вѣдь, лошади для того и созданы, чтобъ на нихъ ѣздить. Неужели вы этого не знаете? На чемъ мы выѣзжать будемъ? Въ аэростатѣ, вѣдь, никто еще не ѣздилъ. Ха, ха, ха!

Васильковъ.

Когда сухо — пѣшкомъ, а грязно — на извозчикѣ.

Лидія.

Вотъ любовь-то ваша!

Васильковъ.

Я оттого и не хочу разориться, что люблю тебя.

Лидія.

Подите скорѣй! Commis дожидаются: они люди порядочные. Это неучтиво! Имъ надо заплатить.

Васильковъ.

Платите вы, у васъ есть свои деньги.

Лидія.

Я не заплачу.

Васильковъ.

Васъ заставятъ судомъ.

Лидія.

Но мнѣ нечѣмъ заплатить! Боже мой! *(Закрываетъ лицо руками.)*

Надежда Антоновна *(горячо).*

За что̀ вы терзаете насъ? Мы заслуживаемъ лучшей участи. Мы ошиблись — вы бѣдны; но мы же стараемся и по-

править эту ошибку. Конечно, по грубости чувствъ, вы едва ли поймете нашу деликатность, но я приведу вамъ въ примѣръ моего мужа. Онъ имѣлъ видное и очень отвѣтственное мѣсто; чрезъ его руки проходило много денегъ, и, знаете ли, онъ такъ любилъ меня и дочь, что когда требовалась какая-нибудь очень большая сумма для поддержанія достоинства нашей фамиліи, или просто даже для нашихъ прихотей, онъ... онъ не зналъ различія между своими и казенными деньгами. Понимаете ли вы, онъ пожертвовалъ собою для святого чувства семейной любви: онъ былъ преданъ суду и долженъ былъ уѣхать изъ Москвы.

Васильковъ.

И подѣломъ.

Надежда Антоновна.

Вы не умѣете цѣнить его, оцѣните хоть насъ! Вы бѣдны, мы васъ не оставимъ въ бѣдности; мы имѣемъ связи. Мы ищемъ и непремѣнно найдемъ вамъ хорошее мѣсто и богатую опеку. Вамъ останется только подражать моему мужу, примѣрному семьянину. *(Подходитъ къ Василькову, кладетъ ему руку на плечо и говоритъ шопотомъ.)* Вы не церемоньтесь!... понимаете? *(Показываетъ на карманъ.)* Ужъ это мое дѣло, чтобъ на васъ глядѣли сквозь пальцы. Пользуйтесь вездѣ, гдѣ только можно.

Васильковъ.

Да подите-жъ прочь съ вашими совѣтами. Никакая нужда, никакая красавица меня воромъ не сдѣлаютъ. Если вы мнѣ еще о воровствѣ заикнетесь, я съ вами церемониться не буду. Лидія, перестань плакать! Я заплачу за тебя, но въ послѣдній разъ и съ такимъ условіемъ: завтра же переѣхать въ этотъ домикъ съ тремя окнами — тамъ и для маменьки есть комната — и вести жизнь скромную. Мы не будемъ никого принимать. *(Разсматриваетъ счеты.)*

Лидія *(прилегая на плечо къ матери).*

Надо съ нимъ согласиться. *(Тихо.)* У насъ будутъ деньги, и мы съ вами будемъ жить богато. *(Громко мужу.)* Мой другъ, я согласна. Не противиться тебѣ, а благодарить тебя я должна. *(Тихо матери.)* Какъ я проведу его! *(Громко мужу.)* Мы не будемъ никого принимать.

Васильковъ *(считая).*

Я знаю, что ты у меня умница.

Лидія.

Но старикъ Кучумовъ, онъ благодѣтель всего нашего семейства, почти родственникъ.

Васильковъ *(считая).*

Ну, Кучумова можно. *(Лидія судорожно сжимаетъ матери руку.)*

Надежда Антоновна *(тихо).*

Ты что-то затѣваешь?

Лидія *(тихо).*

Затѣваю. Никто такъ меня не унижалъ, какъ онъ. Я теперь не женщина, я змѣя, и я его больно ужалю.

Васильковъ.

Однако, ты порядочная мотовка!

Лидія *(кидается ему на шею).*

Ну, прости меня, душа моя, жизнь моя! Я — сумасшедшая, избалованная женщина; но я постараюсь исправиться. Мнѣ такіе уроки нужны, не жалѣй меня!

Васильковъ.

Значитъ, миръ?

Лидія.

Миръ, миръ, надолго, навсегда!

Васильковъ.

Ну, вотъ и прекрасно, моя милая! По крайней мѣрѣ, мы теперь знаемъ другъ друга. Ты знаешь, что я расчетливъ, я знаю, что ты избалована, но зато любишь меня и доставишь мнѣ счастье, на которое грубому труженику нельзя было надѣяться и которое мнѣ дорого, очень дорого, моя Лидія, мой ангелъ! *(Обнимаетъ жену.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Надежда Антоновна.
Васильковъ.
Лидія.
Кучумовъ.
Телятевъ.
Глумовъ.
Василій.

Весьма скромная зала, она же и кабинетъ; по сторонамъ — окна; на задней сторонѣ, направо отъ зрителей, дверь въ переднюю, налѣво — во внутреннія комнаты; между дверей изразцовая печь; меблировка бѣдная: письменный столъ, старое фортепіано.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Васильковъ *(сидитъ у стола и собираетъ бумаги),* Василій *(стоитъ за стуломъ).*

Васильковъ.

Ну, что, Василій Иванычъ, барыня, кажется, начинаетъ привыкать и къ новой квартирѣ, и къ тебѣ?

Василій.

Насчетъ квартиры не знаю, сударь, что̀ сказать. Все смѣются съ маменькой по-французски. А про меня ужъ что̀! Какъ еще только я живъ?

Васильковъ.

Что̀ ты, Богъ съ тобою!

Василій.

Да помилуйте, Савва Геннадьичъ, сударь! Имъ нужно, чтобъ въ штиблетахъ, а я не могу. Какой же я камардинъ, коли я при васъ служащій, все одно какъ помощникъ. Помилуйте, Савва Геннадьичъ, мы, можетъ быть, съ вами нужду видали вмѣстѣ, можетъ быть, тонули вмѣстѣ въ рѣкѣ по нашему дѣлу.

Васильковъ.

Ну, да, да, конечно. *(Встаетъ со стула.)*

Василій.

Ну, и за фрукты тоже съѣла было совсѣмъ.

Васильковъ.

За какіе фрукты?

Василій.

Конечно, по нашему званію... и всего-то вотъ сколько было. *(Показываетъ на пальцъ.)*

Васильковъ.

Чего?

Василій.

Рѣдечки... всего-то вотъ сколько было. Сидѣлъ въ передней, доѣдалъ.

Васильковъ.

Ужъ ты, Василій Иванычъ...

Василій.

Да невозможно, сударь, Савва Геннадьичъ! Мы народъ рабочій, на томъ воспитаны. Да мнѣ дороже она Богъ знаетъ чего.

Васильковъ.

Такъ слушай, Василій Иванычъ! Безъ меня, кромѣ Кучумова, никого не принимай!

Василій.

Ужъ будьте покойны! *(Уходятъ. Входитъ Лидія.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Лидія *(одна).*

Лидія.

Чтò такъ долго не ѣдетъ этотъ противный старичишка! Вотъ ужъ три дня я томлюсь въ этой конурѣ, мнѣ страшно подойти къ окну. Теперь, чай, нарочно ѣздятъ мимо, чтобъ увидать меня въ окнѣ. У Глумова, пожалуй, и стихи готовы. Старичокъ, Кучуминька, миленькій! Выручи меня изъ заключенія! Переѣхали бы мы съ maman на старую квартиру и зажили лучше прежняго. Развлечь себя хоть музыкой! Звуки вальса имѣютъ много утѣшенія. Чтò ни говори, а Страусъ и Гунгль лучшіе знатоки женскаго сердца. *(Пробуетъ фортепіано.)* Экая дрянь! Это онъ нарочно завелъ, чтобъ меня унизить. Погоди же, мой другъ, я тебя утѣшу! *(Прислу-*

шивается, слышитъ стукъ экипажа.) Посмотрѣла бы, да стыдно свѣтской дамѣ подойти къ косящату окну! Не Кучумовъ ли? Онъ всегда въ 2 часа бываетъ. Онъ, онъ! Идетъ на крыльцо, слышу его походку. Ну, что-то будетъ? *(За сценой голосъ Кучумова: „Дома барыня?“ Голосъ Василья: „Пожалуйте! У себя-съ!“ Кучумовъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Лидія и Кучумовъ.

Лидія.

Наконецъ-то, а еще папаша!

Кучумовъ *(цѣлуя руку Лидіи, грозно оглядываетъ комнату).*

Что такое? Что такое? Куда это вы попали? Что за обстановка? Это постоялый дворъ какой-то. Но, я васъ спрашиваю, что все это значитъ? Мой ангелъ, не сердитесь на меня, что я такъ грубо васъ спрашиваю! Въ такихъ комнатахъ иначе нельзя говорить, какъ грубо. Какъ это случилось? Чѣмъ вы себя довели до такого униженія? Вы срамите фамилію Чебоксаровыхъ!

Лидія.

Вы меня не упрекайте, а лучше пожалѣйте!

Кучумовъ.

Нельзя васъ жалѣть, милостивая государыня. Вы позорите свой родъ. Что бы сказалъ вашъ бѣдный отецъ, если бы узналъ ваше униженіе!

Лидія.

Что же мнѣ дѣлать?

Кучумовъ.

Бѣжать, сударыня, бѣжать безъ оглядки.

Лидія.

Куда? У maman ничего нѣтъ. Онъ за насъ всѣ долги заплатилъ.

Кучумовъ.

Его прямая обязанность. За обладаніе такимъ сокровищемъ, за то счастье, которое вы доставили этому моржу, онъ обязанъ исполнять всѣ ваши желанія.

Лидія.

Видно, онъ не считаетъ за большое счастіе обладать мною.

Кучумовъ.

А не считаетъ, тѣмъ лучше. Вы должны знать цѣну себѣ. Переѣзжайте съ maman на старую квартиру, въ этомъ нѣтъ ничего дурного, а жить въ курятникѣ позорно.

Лидія.

Но, папаша, чѣмъ же намъ жить? У maman нѣтъ ничего, у меня тоже. На кредитъ нельзя разсчитывать.

Кучумовъ.

Кредитъ! Да на что̀ вамъ кредитъ? Стыдно, стыдно! Надо было прямо обратиться ко мнѣ. Вамъ стыдно было попросить у меня денегъ, а не стыдно феѣ жить въ такомъ шалашѣ? Вы, фея наша легкокрылая, вы забыли свое могущество. Вамъ сто̀итъ сдѣлать только одинъ жестъ — и этотъ шалашъ превратится во дворецъ!

Лидія.

Какой жестъ, папаша?

Кучумовъ.

Вы, и какъ фея, и какъ женщина, должны это знать лучше, чѣмъ мы, мужчины. У фей и женщинъ въ запасѣ много жестовъ.

Лидія *(бросаясь къ нему на шею).*

Такой жестъ, папаша?

Кучумовъ.

Такъ, такъ, такъ... *(Зажмуривъ глаза, опускается на стулъ.)* Съ тебя будетъ пока сорока тысячъ на первый разъ?

Лидія.

Я не знаю, папаша.

Кучумовъ.

Теперь вамъ много не нужно, вы переѣдете на старую квартиру, она отдѣлана превосходно и еще не занята. Гардеробъ у тебя восхитительный! На первое время вамъ сорока тысячъ слишкомъ довольно. Послушай, если ты не возьмешь, я выброшу ихъ изъ кареты, нарочно проиграю въ клубѣ. Во всякомъ случаѣ, я эту сумму уничтожу, если ты не хочешь взять ее.

Лидія.

Ну, такъ давай, папаша!

Кучумовъ *(берется за карманъ).*

Ахъ, Боже мой! Это только со мной съ однимъ случается. Нарочно положилъ на столѣ бумажникъ и позабылъ. Дитя, прости меня! *(Цѣлуетъ у нея руку.)* Я тебѣ привезу ихъ завтра на новоселье! Я надѣюсь, что вы нынче же переѣдете. Закажу у Эйнемъ пирогъ, куплю у Сазикова золотую солонку фунтовъ въ пять и положу туда деньги. Хорошо бы положить все золотомъ для счастья, да такой суммы едва ли найдешь. Все-таки, полуимперіаловъ съ сотню наберу у себя.

Лидія.

Merci, merci, папаша! *(Гладитъ его по головѣ.)*

Кучумовъ.

Блаженство! Блаженство! Что̀ такое деньги? Имѣй я хоть милліоны, но если не вижу такихъ глазъ, такихъ ласкъ — я нищій. *(Входитъ Надежда Антоновна.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лидія, Кучумовъ и Надежда Антоновна.

Лидія.

Maman, Григорій Борисычъ совѣтуетъ намъ переѣзжать на старую квартиру.

Кучумовъ.

Разумѣется. Нельзя оставаться, дорогая моя, нельзя.

Надежда Антоновна.

Ахъ, Григорій Борисычъ, не говорите! Что̀ я терплю! Ка́къ я страдаю! Вы знаете мою жизнь въ молодости; теперь, при одномъ воспоминаніи, у меня дѣлаются припадки. Я бы уѣхала съ Лидіей къ мужу; но онъ пишетъ, чтобъ мы не ѣздили. О вашихъ деньгахъ ничего не упоминаетъ.

Кучумовъ.

Не дошли. *(Считаетъ по пальцамъ.)* Вторникъ, среда, четвергъ, пятница... Онъ ихъ получилъ вчера вечеромъ или сегодня утромъ.

Лидія.

Maman, намъ бы переѣхать сейчасъ же.

Надежда Антоновна.

Ахъ, Лидія, нужно подумать. Мнѣ все кажется, что твой мужъ притворяется, а что онъ очень богатъ.

Лидія.

Богатъ онъ, бѣденъ ли, но онъ насъ унизилъ, и между нами все кончено. Григорій Борисычъ сдѣлалъ для насъ много и не желаетъ, чтобъ я жила съ мужемъ. Наша жизнь будетъ вполнѣ обезпечена; папашка мнѣ обѣщалъ.

Надежда Антоновна.

Папашка! Гдѣ ты научилась? Ахъ, Лидія, какъ ты говоришь! Невозможно, невыносимо слушать матери.

Лидія.

Скажите! Стыдно? Я теперь рѣшилась называть стыдомъ только бѣдность; все остальное для меня не стыдно. Maman, мы съ вами женщины, у насъ нѣтъ средствъ жить даже порядочно; а вы желаете жить роскошно, какъ же вы можете требовать отъ меня стыда! Нѣтъ, ужъ вамъ поневолѣ придется смотрѣть кой на что сквозь пальцы. Такова участь всѣхъ матерей, которыя воспитываютъ дѣтей въ роскоши и оставляютъ ихъ безъ денегъ.

Кучумовъ.

Benissimo! Я никакъ не могъ ожидать, чтобы въ такой молодой женщинѣ было столько житейской мудрости.

Лидія.

Maman, папашка обѣщаетъ намъ на новоселье сорокъ тысячъ.

Надежда Антоновна *(съ радостью).*

Неужели? *(Кучумову.)* Вы очень, очень добрый человѣкъ. Однакожъ, все-таки, подумать надо.

Лидія.

О чемъ думать? Здѣсь — униженіе, тамъ — счастіе.

Надежда Антоновна.

Пойдемте въ мою комнату, обсудимте вопросъ со всѣхъ сторонъ. Главное, чтобъ приличіе было сохранено.

Лидія *(матери).*

Въ этомъ положитесь на меня.

Кучумовъ.

Я ужъ не мальчишка, умѣю пользоваться счастьемъ втихомолку, много не болтаю. *(За сценой голосъ Василія: „Не приказано принимать“. Голосъ Глумова: „Что̀ ты врешь!“*

Кучумовъ, Лидія, Надежда Антоновна уходятъ. Шляпа Кучумова остается на столѣ. Входятъ Глумовъ и Василій.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Глумовъ и Василій.

Глумовъ.

Что ты, болванъ, выдумываешь? Меня не велѣно принимать! Невозможно!

Василій.

Совсѣмъ я не болванъ; на болванахъ чепчики шьютъ. А что не велѣно пущать, опять же не моя вина.

Глумовъ.

Кто-жъ не велѣлъ пущать, баринъ или барыня?

Василій.

Да нешто для васъ не все равно? Кто бы ни приказалъ, а, значитъ, пущать не буду. А коли хотите знать, такъ вотъ вамъ разъ: и баринъ не велѣлъ, и барыня, и ни за что къ вамъ не выдутъ.

Глумовъ.

Ты глупъ безгранично, исторически; но, все-таки, ты можешь знать причину, почему меня не велѣно принимать. Не знаешь ли? Не слыхалъ ли ты, любезный другъ, хоть краемъ своего ослинаго уха? Такъ повѣдай, рубль серебромъ деньга не малая.

Василій.

Покорно благодарю. Пожалуйте. *(Беретъ рубль и прячетъ въ карманъ.)* А что я вамъ проповѣдаю? Извѣстно, дѣла, обстоятельства. Вы придете, другой, третій; рюмка водки, другая, пятая, десятая, а все расчетъ. А дѣла наши, баринъ говоритъ, повидимому, подходятъ тонкія. А вы разсудите сами! Пожалуй, корми дармоѣдовъ-то, пользы отъ нихъ никакой, а все изъ кармана. Вотъ кабы знакомство хорошее, степенное, а то какое у насъ знакомство!...

Глумовъ.

Ну, довольно! Дай клочокъ бумаги, и убирайся! Я напишу барину записку и уйду.

Василій.

Да вотъ бумага-то на столѣ! Только вы отъ хорошей, зря, не рвите! А я, что̀-жъ, я уйду. *(Уходитъ.)*

Глумовъ *(беретъ бумагу и перо).*

Что̀ бы такое ему написать? *(Замѣчаетъ шляпу.)* Чья эта шляпа? *(Беретъ ее въ руки.)* Ба, ба, ба! Да это Кучумова. Значитъ, князинька здѣсь. Вотъ и прекрасно. Васильковъ теперь ужъ получилъ письмо, Телятевъ тоже; съѣдутся всѣ вмѣстѣ. Вотъ будетъ сцена! Напишу, для отклоненія подозрѣнія, что̀-нибудь. *(Пишетъ и читаетъ:)* „Любезнѣйшій другъ, я заходилъ къ тебѣ посовѣтоваться по одному дѣлу. Жаль, что не засталъ. Завтра зайду пораньше. Твой Глумовъ". Написано крупно, положу посрединѣ стола, чтобъ онъ увидалъ сразу. *(Голосъ Телятева: „Ну, а я, все-таки, войду". Входитъ Телятевъ и Василій.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Глумовъ, Телятевъ и Василій.

Телятевъ *(Глумову).*

Ты былъ у Лидіи Юрьевны?

Глумовъ.

Нѣтъ, зачѣмъ мнѣ она? Я заходилъ къ Саввѣ, да не засталъ; записку ему оставилъ. Прощай! Если ты хочешь Василькова видѣть, такъ ступай на биржу: онъ тамъ цѣлый день проводитъ.

Телятевъ.

Тѣмъ лучше.

Глумовъ.

Онъ, кажется, новою отраслью промышленности занялся, шелкомъ маклеруетъ.

Телятевъ.

Отличное занятіе.

Глумовъ.

Въ хорошій день рублей пять выторгуетъ.

Василій.

Вотъ ужъ это, сударь, что̀ напрасно, то напрасно.

Глумовъ.

Помнишь, сколько къ намъ провинціаловъ наѣзжало! По-

думаешь, у него горы золотыя — та́къ развернется. А глядишь, покутитъ недѣль шесть, либо въ солдаты продается, либо его домой по этапу вышлютъ, а то пріѣдетъ отецъ, да какъ въ трактирѣ за волосы ухватитъ, такъ и везетъ его до самаго дома верстъ четыреста. *(Глядитъ на часы.)* Однако, мнѣ пора. Какъ я заболтался. *(Быстро уходитъ.)*

Телятевъ *(садится къ столу, держа свою шляпу въ лѣвой рукѣ).*

Ну, какъ же, Василій Иванычъ, принимать не велѣли?

Василій.

Да такъ же, сударь.

Телятевъ.

Да вы это, Василій Иванычъ, по глупости, можетъ быть?

Василій.

Нѣтъ, истинно, истинно. Что̀ вы? Смѣю ли я!

Телятевъ.

И вамъ, Василій Иванычъ, меня не жаль?

Василій.

Какъ не жаль, сударь. Извѣстно, вы не какъ другіе.

Телятевъ.

Лучше?

Василій.

Не въ примѣръ.

Телятевъ.

Садитесь, Василій Иванычъ! *(Василій Иванычъ садится и опирается руками въ колѣни.)* Давайте съ вами разговаривать.

Василій.

Вы думаете, не могу?

Телятевъ.

Ничего я не думаю. Вы, я слышалъ, были въ Лондонѣ, а въ Марокко не были?

Василій.

Этакихъ странъ я, сударь, и не слыхивалъ. Морокъ, такъ онъ Морокомъ и останется, а намъ не для чего. У насъ, по нашимъ грѣхамъ, тоже этого достаточно, обморочатъ какъ разъ. А знаютъ ли они тамъ холодъ и голодъ, вотъ что̀?

Телятевъ.

Про голодъ не слыхалъ, а холоду не бываетъ отъ того, что тамъ очень жарко.

Василій.

Ну, и пущай они дохнутъ съ голоду ли, съ жару ли, а намъ пуще всего уповать нужно.

Телятевъ.

На что̀ же уповать, Василій Иванычъ?

Василій.

Чтобъ какъ все къ лучшему. По нашему теперь тоже дѣлу, босоты и наготы навидались. Конечно, порядокъ такой, искони бѣ, а Богъ невидимо посылаетъ.

Телятевъ.

Василій Иванычъ, въ философіи далеко уходить не годится.

Василій.

Я и про что̀ другое могу.

Телятевъ.

Прощайте, Василій Иванычъ. *(Въ разсѣяніи беретъ со стола правой рукой шляпу Кучумова и хочетъ надѣть обѣ.)* Это какъ же, Василій Иванычъ?

Василій.

Грѣхъ, сударь, бываетъ со всякимъ.

Телятевъ.

Какой же тутъ грѣхъ-то, Василій Иванычъ?

Василій.

Бываетъ, что и уносятъ.

Телятевъ.

Вы, Василій Иванычъ, заврались!

Василій.

А вотъ что̀, сударь: помѣряйте обѣ, которая впору, та и ваша.

Телятевъ.

Вотъ, Василій Иванычъ, умныя рѣчи пріятно и слушать. *(Примѣриваетъ сначала свою.)* Это моя. А это чья же? Да это князинькина. Значитъ, онъ здѣсь?

Василій *(таинственно)*.

Здѣсь-съ.

Телятевъ.

Гдѣ же онъ? *(Василій молча и величественно указываетъ на дверь во внутреннія комнаты.)* Отчего же его принимаютъ, а меня нельзя?

Василій.

Потому, сродственникъ.

Телятевъ.

Такой же сродственникъ, какъ и вы, Василій Иванычъ. Ужъ вы меня извините, я останусь, а вы подите въ переднюю.

Василій.

Оно точно, что въ это время баринъ никогда дома не бываетъ, а если въ другой разъ...

Телятевъ.

Ну, довольно, Василій Иванычъ! Учтивость за учтивость, а то скажу вамъ: „пошелъ вонъ!“

Василій.

Можно, для васъ все, сударь, можно *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Телятевъ *(вынимаетъ изъ кармана письмо и читаетъ)*.

Не будь, Телятевъ, легковѣренъ,
Бываютъ въ мірѣ чудеса;
Князекъ надуть тебя намѣренъ,
У Васильковой въ два часа.

И все такъ точно, и надулъ. Онъ сродственникъ, а меня и принимать не приказано. Чтò же мнѣ дѣлать? Уступить даромъ какъ-то неловко, чтò-то за сердце скребетъ. Подожду ихъ, посмотрю, какъ она будетъ его провожать. Вотъ удивятся, вотъ рты-то разинутъ, какъ я встану передъ ними, какъ statua gentilissima. А статуя командора — мнѣ одинъ нѣмецъ божился до того, что заплакалъ — представляетъ совѣсть. Ужасно будетъ ихъ положеніе! А не лучше ли явиться къ нимъ самому? Оно, конечно, не совсѣмъ учтиво... Гдѣ

они скрываются? *(Подходитъ къ двери и прислушивается.)* Никого нѣтъ. Проникну далѣе. *(Отворяетъ осторожно дверь, уходитъ и такъ же осторожно затворяетъ. Входятъ Васильковъ и Василій.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Васильковъ и Василій.

Васильковъ *(быстро).*

Былъ безъ меня кто-нибудь?

Василій.

Господинъ Глумовъ. Вотъ и записку оставили

Васильковъ *(строго).*

А еще кто?

Василій.

Господинъ Кучумовъ... а...

Васильковъ.

Ну, хорошо, ступай! *(Василій уходитъ.)* Кучумовъ такъ старъ, что и подозрѣвать нельзя; моя жена женщина со вкусомъ. *(Останавливается передъ столомъ въ задумчивости и видитъ записку Глумова. Вынимаетъ изъ кармана письмо и сличаетъ съ запиской Глумова.)* Ничего не похоже, а я думалъ, что онъ. *(Читаетъ письмо:)*

Изъ дома мужъ уходитъ смѣло
Съ утра на биржу дѣлать дѣло
И вѣритъ, что жена отъ скуки
Сидитъ и ждетъ, сложивши руки.
Несчастный мужъ!

Для мужа, другъ, велико дѣло,
Когда жена сидитъ безъ дѣла.
Мужъ занятъ, а жена отъ скуки,
Глядишь, и бьетъ на обѣ руки.
Несчастный мужъ!

„Будь дома въ два часа непремѣнно, и ты поймешь смыслъ этихъ словъ“. *(Короткое молчаніе.)* Что это, шутка или несчастіе? Если это шутка, то глупо и непростительно шутить надъ человѣкомъ, не зная его сердца. Если это несчастіе, то зачѣмъ же оно приходитъ такъ рано и неожиданно. Если-бъ

я зналъ свою жену, я бы не колебался. Какъ любитъ, какъ чувствуетъ простая дѣвушка или женщина, я знаю; а какъ чувствуетъ свѣтская дама — я не знаю. Я души ея не вижу; я ей чужой и она мнѣ чужая. Ей не нужно сердца, а нужны рѣчи. А у меня рѣчей нѣтъ. О, проклятыя рѣчи! Какъ легко мы перенимаемъ чужія рѣчи и какъ туго перенимаемъ чужой умъ! Теперь говорятъ, какъ въ англійскомъ парламентѣ, а думаютъ все еще, какъ при Аскольдѣ. А дѣлаютъ... Да что здѣсь дѣлаютъ? Ничего не дѣлаютъ. Но, что же, однако, значитъ это письмо? Пойду, покажу его Лидіи. Но если, если... Боже! Что мнѣ дѣлать тогда, что мнѣ дѣлать? Какъ повести себя? Нѣтъ, нѣтъ, стыдно въ такомъ дѣлѣ готовиться, стыдно роль играть! Что подскажетъ мнѣ глупое провинціальное сердце, то и сдѣлаю. *(Открываетъ ящикъ съ пистолетами, осматриваетъ ихъ, опять кладетъ на мѣсто; ящикъ остается открытымъ. Идетъ къ двери; навстрѣчу ему тихо, пятясь задомъ, показывается Телятевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Васильковъ и Телятевъ.

Васильковъ.

Телятевъ, такъ друзья не дѣлаютъ.

Телятевъ.

А, здравствуй. *(Тихо.)* Постой, погоди, они сейчасъ выйдутъ.

Васильковъ.

Отвѣчай мнѣ на мои вопросы, или я тебя убью на мѣстѣ.

Телятевъ.

Потише ты, я говорю тебѣ! *(Прислушивается.)* Ну, что нужно? Спрашивай!

Васильковъ.

Ты къ моей женѣ пріѣхалъ?

Телятевъ.

Да.

Васильковъ.

Зачѣмъ?

Телятевъ.

Пріятно провести время, полюбезничать. Какіе ты странные вопросы дѣлаешь!

Васильковъ.

Отчего же ты къ моей женѣ ѣдешь, а не къ другимъ?

Телятевъ.

Оттого, что у меня вкусъ хорошъ.

Васильковъ.

Мы будемъ стрѣляться.

Телятевъ.

Ну, хорошо, хорошо! Ты только не шуми. Я слышу голоса.

Васильковъ.

Чьи бы голоса ни были, они мнѣ не помѣшаютъ.

Телятевъ.

Ты съ ума сошелъ, Савва! Опомнись, выпей холодной воды.

Васильковъ.

Нѣтъ, Телятевъ. Я человѣкъ смирный, добрый; но бываютъ въ жизни минуты... Ахъ, я разсказать тебѣ не могу, что дѣлается въ моей груди... Видишь, я плачу... Вотъ пистолеты! Выбирай любой.

Телятевъ.

Коли ты подарить хочешь, такъ давай оба: къ чему ихъ розпить; а коли стрѣляться, такъ куда торопиться, чудакъ! У меня сегодня обѣдъ хорошій. Послѣ сытнаго обѣда мнѣ всегда тяжело жить на свѣтѣ; тогда, пожалуй, давай стрѣляться.

Васильковъ.

Нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, безъ свидѣтелей.

Телятевъ.

Ну, ужъ, вѣдь, я тоже съ характеромъ, я здѣсь не буду, говорю тебѣ наотрѣзъ. Что̀ за мѣсто! Всякое дѣло, Савва, нужно дѣлать порядкомъ. Да! Постой! Прежде всего скажи ты мнѣ, зачѣмъ ты переѣхалъ въ такую гнусную квартиру?

Васильковъ.

Средствъ нѣтъ жить лучше.

Телятевъ.

Такъ возьми у меня. *(Вынимаетъ бумажникъ.)* Сколько тебѣ нужно? Да, пожалуй, бери все; я въ Москвѣ и безъ денегъ проживу.

Васильковъ.

Ты этими деньгами хочешь купить мою снисходительность, хочешь купить жену у меня? *(Беретъ пистолетъ.)*

Телятевъ.

Послушай, любезный другъ! Ты меня лучше убей, только не оскорбляй! Я тебя уважаю больше, чѣмъ ты думаешь и чѣмъ ты стóишь.

Васильковъ.

Извини! Я человѣкъ помѣшанный.

Телятевъ.

Я просто предлагаю тебѣ деньги, по добротѣ сердечной, или, лучше сказать, по нашей общей распущенности; когда есть деньги, давай первому встрѣчному, когда нѣтъ — занимай у перваго встрѣчнаго.

Васильковъ.

Ну, хорошо, давай деньги! Сколько тутъ?

Телятевъ.

Сочтешь послѣ. Тысячь около пяти.

Васильковъ.

Надо счесть теперь и дать тебѣ расписку.

Телятевъ.

Ужъ отъ этого, сдѣлай милость, уволь. Съ меня берутъ расписки, а я ни съ кого; хоть бы я и взялъ, я ее непремѣнно потеряю.

Васильковъ.

Спасибо. Я тебѣ заплачу хорошіе проценты.

Телятевъ.

Шампанскимъ; другихъ процентовъ не беру.

Васильковъ.

А, все-таки, за то, что ты ухаживаешь за моей женой, мы съ тобой стрѣляться будемъ.

Телятевъ.

Не стóитъ, повѣрь мнѣ, не стóитъ. Если она честная женщина, изъ моего ухаживанія ничего не выйдетъ, а мнѣ, все-таки, развлеченіе; если она дурная женщина, не стóитъ за нее стрѣляться.

Васильковъ.

Чтò же мнѣ тогда дѣлать, въ этомъ послѣднемъ случаѣ? *(Съ отчаяніемъ.)* Чтò мнѣ дѣлать?

Телятевъ.

Бросить ее, и все тутъ.

Васильковъ.

Я былъ такъ счастливъ; она такъ притворялась, что любитъ меня! Ты только подумай! Для меня, для провинціала, для несчастнаго тюленя, ласки такой красавицы, вѣдь, рай! И вдругъ она измѣняетъ! У меня оборвалось сердце, подкосились ноги, мнѣ жизнь не мила — она меня обманываетъ.

Телятевъ.

Такъ ты ее убей, а меня-то за что же?

Васильковъ.

За то, что вы ее развратили. Она отъ природы созданіе доброе; въ вашемъ омутѣ женщина можетъ потерять все — и честь, и совѣсть, и всякій стыдъ. А ты развратнѣй всѣхъ. Нѣтъ, нѣтъ, бери пистолетъ, а то я тебя убью стуломъ.

Телятевъ.

Ну, чортъ съ тобой! Ты мнѣ надоѣлъ. Давай стрѣляться! *(Проходитъ къ пистолетамъ и прислушивается у двери.)* Вотъ чтò: передъ смертью попробуемъ спрятаться за печку!

Васильковъ.

Нѣтъ, нѣтъ, стрѣляться!

Телятевъ *(беретъ его за плечи).*

Тише ты, тише, ради Бога! *(Насильно уводитъ его за печку къ выходной двери. Входятъ Кучумовъ и Лидія.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Васильковъ, Телятевъ, Кучумовъ и Лидія.

Кучумовъ *(поетъ).*

„In mia mano al fin tu sei“.

Лидія.

Прощай, папашка!

Кучумовъ *(поетъ).*

Лобзай меня! Твои лобзанья... Addio, mia carina!...

Лидія.

Изволь, папашка! *(Цѣлуетъ его. Телятевъ и Васильковъ выходятъ изъ-за печки.)* Ай! *(Отходитъ въ сторону.)*

Кучумовъ *(грозя пальцемъ).*

Но, но, но, господа! Я по правамъ старой дружбы. Honni soit qui mal y pense!

Васильковъ *(указываетъ двери).*

Вонъ! Завтра я пришлю къ вамъ секунданта.

Кучумовъ.

Ни, ни, ни, молодой человѣкъ! Я съ вами драться не стану; моя жизнь слишкомъ дорога для Москвы, чтобъ поставить ее противъ вашей, можетъ быть, совсѣмъ безполезной.

Васильковъ.

Такъ я убью васъ! *(Идетъ къ столу.)*

Кучумовъ.

Но, молодой человѣкъ, но! Такъ не шутятъ, молодой человѣкъ, не шутятъ! *(Быстро уходитъ. Входитъ Надежда Антоновна.)*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Васильковъ, Телятевъ, Лидія и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна.

Что̀ за шумъ у васъ?

Васильковъ.

Возьмите отъ меня вашу дочь! Мы съ вами въ расчетѣ. Я возвращаю ее вамъ такую же безнравственную, какъ и взялъ отъ васъ; она жаловалась, что перемѣнила свою громкую фамилію на мою почти мѣщанскую — зато я теперь въ правѣ жаловаться, что она запятнала мое простое, но честное имя. Она, выходя за меня, говорила, что не любитъ меня; я, проживя съ ней только недѣлю, презираю ее. Она шла за меня ни съ чѣмъ — я заплатилъ за ея приданое и за ея наряды; это пусть она зачтетъ за то, что я недѣлю пользовался ея ласками, хотя и не одинъ.

Лидія.

Ха, ха, ха! Какая трагедія!

Надежда Антоновна.

Что вы? Что вы? У васъ какое-то недоразумѣніе. Бываютъ случаи, что люди расходятся, но всегда мирно, прилично.

Васильковъ (*Телятеву*).

Другъ мой, не оставляй меня; мнѣ нужно сдѣлать нѣкоторыя распоряженія. Вотъ твои деньги, возьми ихъ! Я хотѣлъ за твою доброту заработать тебѣ огромные проценты. Возьми ихъ! (*Отдаетъ деньги Телятеву, тотъ кладетъ ихъ небрежно въ карманъ. Лидія пристально смотритъ на деньги.*) Нужно сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, написать къ матушкѣ... Я застрѣлюсь. (*Опускаетъ голову на грудь.*)

Телятевъ.

Полно, полно! Савва, ты дурачишься. У моего знакомаго двѣ жены бѣжали. Что-жъ, ему два раза надо было застрѣлиться? Савва, ну, взгляни на меня! Послушай, я человѣкъ благоразумный, я тебѣ много могу дать хорошихъ совѣтовъ. Во-первыхъ, ты не вздумай стрѣляться въ комнатѣ — это не принято: стрѣляются въ Петровскомъ паркѣ; во-вторыхъ, мы съ тобой сначала пообѣдаемъ хорошенько, а тамъ видно будетъ.

Васильковъ (*Надеждѣ Антоновнѣ*).

Берите скорѣе вашу дочь отъ меня! Берите ее скорѣй!

Лидія.

Скорѣе, чѣмъ вы думаете. Мы сами сегодня хотѣли переѣхать. Мы наняли нашу старую квартиру и постараемся изъ ея зеркальныхъ оконъ даже не глядѣть на эту жалкую лачугу съ жалкимъ обитателемъ ея. Вы играли комедію, и мы играли комедію. У насъ больше денегъ, чѣмъ у васъ; но мы женщины, а женщины платить не любятъ. Я притворялась, что люблю васъ, притворялась съ отвращеніемъ; но мнѣ нужно было, чтобъ вы заплатили наши долги. Я въ этомъ успѣла, съ меня довольно. Оцѣнили ли вы мою способность притворяться? Съ такой способностью женщина не погибнетъ. Застрѣлитесь, пожалуйста, поскорѣй! Телятевъ, не отговаривайте его. Вы мнѣ развяжете руки, и ужъ въ другой разъ я не ошибусь въ выборѣ или мужа, или... ну, сами понимаете, кого. Прощайте! Все мое желаніе — не видѣть васъ болѣе никогда. (*Матери.*) Вы послали за экипажемъ?

Надежда Антоновна.

Посылала, онъ готовъ. *(Уходитъ, за ней Лидія.)*

Васильковъ.

Кончено, теперь все уже для меня кончено.

Телятевъ.

Ну, гдѣ же кончено? Мало ли еще осталось въ жизни?

Васильковъ.

Нѣтъ, уже все. Если бы я самъ былъ злой человѣкъ, какъ она, я бы теперь грызъ себѣ руки, колотился головой объ стѣну; если-бъ я самъ ее обманывалъ, я бы ее простилъ. Но я человѣкъ добрый, я ей вѣрилъ, а она такъ коварно насмѣялась надъ моей добротой. Надъ чѣмъ хочешь смѣйся: надъ лицомъ моимъ, надъ моей фамиліей, но надъ добротой!... Надъ тѣмъ, что я любилъ ее, что послѣ каждой ласки ея я по часу сидѣлъ въ кабинетѣ и плакалъ отъ счастья! Другъ, во мнѣ оскорблено не самолюбіе, а душа моя! Душа моя убита; осталось убить тѣло. *(Плачетъ.)*

Телятевъ.

Послушай! Ты лучше замолчи! А то я самъ расплачусь; хороша будетъ у меня физіономія! Перестань, Савва, перестань! Отдайся ты на мою волю хоть на нѣсколько часовъ! Мы съ тобой пообѣдаемъ; чѣмъ я тебя буду кормить, поить — это мое дѣло.

Васильковъ *(беретъ пистолетъ и кладетъ въ карманъ).*

Другъ мой, что̀ это? *(Подбѣгаетъ къ окну.)* Карета! Онѣ уѣзжаютъ! *(Совершенно убитый.)* Вези мой трупъ, куда хочешь, пока онъ не ляжетъ гдѣ-нибудь подъ кустомъ за заставой. *(Уходитъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА:

Чебоксарова.
Лидія.
Васильковъ.
Кучумовъ.
Телятевъ.
Глумовъ.
Андрей.
Горничная.

Будуаръ въ прежней квартирѣ Чебоксаровыхъ; направо отъ зрителей дверь въ залу, прямо — входная, налѣво — зеркальное окно.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лидія *въ утреннемъ костюмѣ лежитъ на кушеткѣ;* Чебоксарова *входитъ.*

Надежда Антоновна.

Что, не былъ?

Лидія.

Нѣтъ еще.

Надежда Антоновна.

Я совершенно потеряла голову. Что намъ дѣлать? Кучумовъ, недѣлю тому назадъ, вмѣсто того, что обѣщалъ привезти на новоселье, далъ мнѣ только 613 рублей, и то съ такими гримасами, съ такими ужимками, какъ будто онъ дѣлаетъ Богъ знаетъ какое одолженіе. У насъ опять накопилась пропасть долговъ. Не забудь, вся мебель новая — та продана твоимъ злодѣемъ.

Лидія.

Онъ обѣщалъ непремѣнно привезти сегодня. Ему не вѣрить стыдно, когда онъ сдѣлалъ такое одолженіе отцу.

Надежда Антоновна.

Да сдѣлалъ ли? Я что-то сомнѣваюсь. Вотъ я сегодня получила письмо отъ мужа; онъ пишетъ, что никакихъ денегъ не получалъ, что имѣніе его продано, а самъ онъ теперь живетъ у своего пріятеля. Онъ мнѣ пишетъ, что послѣ про-

дажи, за удовлетвореніемъ долга, ему остается очень незначительная сумма, и что на нее онъ хочетъ съ какимъ-то татариномъ или башкиромъ завести кумысъ.

Лидія.

Теперь я понимаю. Знаете, кто купилъ имѣніе?

Надежда Антоновна.

Кто?

Лидія.

Кучумовъ. Онъ обѣщалъ купить и подарить его мнѣ.

Надежда Антоновна.

Едва ли. Твой отецъ пишетъ, что на торгахъ далъ самую большую сумму какой-то Ермолаевъ, повѣренный Василькова. Ужъ не онъ ли? *(Показываетъ на окно.)*

Лидія.

Смѣшно! Гдѣ ему? Вы сами видѣли, что онъ занималъ деньги у Телятева и обѣщалъ большіе проценты, а большіе проценты даютъ только въ нуждѣ. Да онъ и слишкомъ глупъ для такого дѣла. Не упоминать о немъ будетъ гораздо покойнѣе.

Надежда Антоновна.

Ужъ конечно.

Лидія.

Я считаю себя опозоренной, что вышла за него. Мнѣ надо, чтобъ всякая память о немъ изгладилась изъ моего воображенія. Я бросила бы ему всѣ его подарки, если-бъ они не были такъ драгоцѣнны. Я ихъ велѣла всѣ передѣлать, чтобъ они не имѣли прежней формы.

Надежда Антоновна.

Я пойду спрошу, привезли ли коляску. Я ухитрилась взять въ долгъ у одного каретника и гербы велѣла сдѣлать. Лошадей будемъ брать извозчичьихъ, а своей коляски не имѣть нельзя. Извозчичій экипажъ всегда замѣтенъ. *(Уходитъ.)*

Лидія.

Да, опытность — великое дѣло. Я все еще очень довѣрчива. А съ довѣрчивостью можно сдѣлать ошибку непоправимую. *(Входитъ Андрей.)*

Андрей.

Господинъ Кучумовъ.

Лидія.

Проси! *(Андрей уходитъ. Входитъ Кучумовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Лидія и Кучумовъ.

Кучумовъ *(становясь на колѣни и цѣлуя руки Лидіи).*

Il segretto per esser felice...

Лидія.

Чтò за шалости! Садитесь, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Кучумовъ.

Какая холодность! Чтò за тонъ, дитя мое?

Лидія.

Э! Полно! Довольно шутить! Послушайте! Вы меня заставили переѣхать отъ мужа; мы должаемъ; мнѣ стыдно напоминать вамъ о деньгахъ, точно я у васъ на содержаніи; вы сами навязались съ деньгами.

Кучумовъ *(садится).*

Вамъ меня надо или убивать, или прощать за мою разсѣянность. Сейчасъ отсчитывалъ деньги въ бумажникъ, чтобы взять съ собой, вошла вдругъ жена, я его кинулъ въ столъ и заперъ. Заболтался съ ней, такъ и позабылъ. Я вамъ привезу деньги черезъ полчаса.

Лидія.

А кто купилъ имѣніе отца?

Кучумовъ.

Разумѣется, я.

Лидія.

Отецъ пишетъ, что купилъ повѣренный Василькова.

Кучумовъ.

Иначе и быть не можетъ, я далъ довѣренность Василькову, одному знакомому купцу. Я у него сына крестилъ. Онъ законовъ не знаетъ и передовѣрилъ отъ себя другому. Какое онъ мнѣ уморительное письмо прислалъ! Я вамъ привезу его черезъ десять минутъ. *(Встаетъ и оглядываетъ комнату. Поетъ:)* Jo son ricco, tu sei bella. Вотъ это мило и это не-

дурно. Какой у васъ вкусъ! Тутъ надо зелени. Я пришлю большую пальму и тропическихъ растеній. Здѣсь подъ пальмой будетъ мѣсто нашихъ интимныхъ разговоровъ. Я это сегодня же пришлю. *(Садится подлѣ Лидіи.)*

Лидія *(отодвигаясь).*

Ну вотъ, когда вы привезете намъ деньги, я васъ опять буду звать папашей и, можетъ быть, полюблю.

Кучумовъ *(поетъ).*

Jo son ricco! tu sei bella! Такъ какъ въ моей честности сомнѣнія быть не можетъ, то любви своей вамъ откладывать нечего, мое блаженство.

Лидія.

Вы думаете? Я сегодня въ дурномъ расположеніи духа, мнѣ не до любви. Я ужъ сколько времени только и слышу о богатствѣ: у мужа золотые пріиски, у васъ золотыя горы; Телятевъ чуть не милліонщикъ, и Глумовъ, говорятъ, вдругъ богатъ сталъ. Всѣ мои поклонники прославляютъ мою красоту, всѣ сулятъ меня золотомъ осыпать, а ни мужъ мой, ни мои обожатели не хотятъ ссудить меня на время ничтожною суммой на булавки. Мнѣ не въ чемъ выѣхать; я ѣзжу въ извозчичьей коляскѣ на клячахъ.

Кучумовъ.

Это ужасно! Но, вѣдь, черезъ полчаса все будетъ поправлено. Я виноватъ, я признаюсь, я одинъ виноватъ.

Лидія.

Я живу безъ мужа; вы ко мнѣ ѣздите каждый день въ извѣстный часъ; что̀ подумаютъ, что̀ будутъ говорить?

Кучумовъ.

Пища для разговора дана; слѣдовательно, разговоръ будетъ, какъ вы строго себя ни ведите. По-моему, ужъ если переносить осужденія, такъ лучше не даромъ; терпѣть напраслину дѣло ужасное, idol mio. Вѣдь, я вамъ говорю, черезъ полчаса... ну... могутъ тамъ встрѣтиться обстоятельства: необходимые взносы; въ конторѣ вдругъ столько денегъ нѣтъ; ну, черезъ день, два... въ крайнемъ случаѣ, черезъ недѣлю вы будете имѣть все, больше чего желать невозможно.

Лидія *(встаетъ)*.

Черезъ недѣлю? Черезъ десять минутъ чтобы все было! Слышите, чтò я говорю? Иначе я васъ пускать не велю.

Кучумовъ.

Десять минутъ? Я не Меркурій, чтобы такъ быстро летать. Меня могутъ задержать дѣла.

Лидія.

Никто васъ не можетъ задержать: деньги у васъ въ ящикѣ, письмо, вѣроятно, въ другомъ. До свиданья.

Кучумовъ.

Я себя оправдаю въ вашихъ глазахъ; но я вамъ долго-долго *(грозитъ пальцемъ)* не прощу такого обращенія со мной. *(Уходитъ.)*

Лидія.

Вотъ когда моя самоувѣренность колебаться начинаетъ. Какой-то холодъ пробѣгаетъ по мнѣ. Кучумовъ обманываетъ меня или нѣтъ? *(Рѣшительно.)* Обманываетъ. Онъ еще не исполнилъ ни одного своего обѣщанія. Затѣмъ чтò же у меня? Отчаяніе и самоубійство, или... то же самоубійство, только медленное и мучительное... *(Входитъ Андрей.)*

Андрей.

Господинъ Телятевъ.

Лидія *(задумчиво)*.

Проси. *(Андрей уходитъ. Входитъ Телятевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Лидія и Телятевъ.

Лидія.

Что васъ давно не видать? Гдѣ вы пропадаете?

Телятевъ.

У человѣка, которому дѣлать нечего, всегда дѣлъ много. Чтò вы такъ серьезны? Ай, ай, ай! *(Смотритъ на нее пристально.)*

Лидія.

Чтò вы? Чтò съ вами?

Телятевъ.

Морщинка, вотъ тутъ, на лбу; маленькая, маленькая, но морщинка.

Лидія *(съ испугомъ).*

Не можетъ быть!

Телятевъ.

Посмотрите въ зеркало! Ай, ай, ай! Въ ваши-то лѣта! Стыдно!

Лидія *(передъ зеркаломъ).*

Не говорите лучше! Надоѣли.

Телятевъ.

Думать не надобно, Лидія Юрьевна; больше всего думать остерегайтесь. Боже васъ сохрани! У насъ женщины тѣмъ и сохраняютъ красоту, что никогда ничего не думаютъ.

Лидія.

Ахъ, Иванъ Петровичъ, на моемъ мѣстѣ посѣдѣть легко, Какъ мнѣ не думать? Кто-жъ за меня думать будетъ?

Телятевъ.

Да чего же вамъ лучше? Ваше положеніе солидное: вы живете однѣ, въ великолѣпной квартирѣ, совершенно свободны, вы богаты, что̀ я самъ отъ васъ слышалъ; поклонниковъ у васъ много; мужъ для васъ не существуетъ.

Лидія *(съ радостію).*

Онъ застрѣлился?

Телятевъ.

Нѣтъ, раздумалъ.

Лидія.

Жаль. Можно вамъ повѣрить тайну?

Телятевъ.

Очень можно.

Лидія.

Вы умѣете ихъ беречь?

Телятевъ.

Нѣтъ, не умѣю. Зато я умѣю ихъ терять сейчасъ же, это лучше. Скажите мнѣ въ одно ухо, а у меня въ ту же минуту вылетитъ въ другое; а черезъ часъ, хоть убейте, никакой тайны не вспомню.

Лидія.

Наши дѣла очень плохи; намъ просто жить нечѣмъ.

Телятевъ.

Въ рѣдкомъ семействѣ не найдется такой тайны.

Лидія.

Слушайте! Вы несносны. Я переѣхала отъ мужа потому... нѣтъ, мнѣ стыдно.

Телятевъ.

Ахъ, что вы! Продолжайте! Меня-то стыдно? Я ужъ такой особенный человѣкъ, что меня никогда ни одна женщина не стыдилась.

Лидія.

Ну, такъ и мнѣ васъ не стыдно. Я переѣхала отъ мужа въ надеждѣ на Кучумова; онъ мнѣ обѣщалъ дать взаймы сорокъ тысячъ.

Телятевъ.

Ахъ, онъ чудакъ! Да отчего-жъ не восемьдесятъ?

Лидія.

А онъ можетъ и восемьдесятъ?

Телятевъ.

Еще бы! Онъ и двѣсти можетъ, то-есть, обѣщать, а заплатить гдѣ же! У него рѣдко и десять рублей найти въ карманѣ можно.

Лидія.

Вы лжете на него. Онъ выкупилъ отцово имѣніе; оно стоитъ большихъ денегъ; я сама видѣла, какъ онъ далъ моей maman шестьсотъ рублей.

Телятевъ.

Насчетъ имѣнія я сказать ничего не могу; а откуда у него шестьсотъ рублей — я знаю. Онъ пять дней бѣгалъ по Москвѣ, искалъ ихъ, насилу ему дали на мѣсяцъ и взяли вексель въ двѣ тысячи рублей. Я думалъ, что онъ ищетъ денегъ для вашего мужа, которому онъ уже давно проигралъ въ клубѣ эту сумму и не заплатилъ.

Лидія *(въ отчаяніи)*.

Вы меня убиваете!

Телятевъ.

Чѣмъ? Онъ человѣкъ очень хорошій. Вы не безпокойтесь. Мы всѣ его любимъ; только онъ забывчивъ очень. У него, точно, было большое состояніе; но онъ часто забываетъ, что

все прожито. Да ему легко и забыть: у него теперь и обѣды, и балы, и ужины, и великолѣпные экипажи; только все это женино и все еще при жизни отдано племянницамъ. А ему собственно выдается деньгами не болѣе десяти рублей на клубъ. Въ именины и въ праздники даютъ ему пятьдесятъ, а иногда сто рублей. Ну, вотъ тогда и посмотрите на него! Пріѣдетъ въ клубъ, садится въ концѣ стола, тутъ у него и трюфели, и шампанское, и устрицы; а какъ разборчивъ! Прислугу всю съ ногъ собьетъ; человѣкъ пять такъ и бѣгаютъ около него. А ужъ что̀ достается бѣднымъ поварамъ!

Лидія *(блѣднѣя)*.

Что̀ мнѣ дѣлать? Я столько задолжала.

Телятевъ.

Есть отчего въ отчаянье прійти! Кто нынче не долженъ?

Лидія.

Телятевъ! У васъ огромное состояніе, пожалѣйте меня! Не дайте мнѣ погибнуть! *(Телятевъ опускаетъ голову.)* Телятевъ, поддержите честь нашей фамиліи! Я могу полюбить васъ! Вы добрый, милый. *(Телятевъ еще ниже опускаетъ голову.)* Jean, я гибну! Спасите меня! Если вы мнѣ поможете въ этой бѣдѣ, я ваша. *(Кладетъ ему обѣ руки на плечи и склоняется головой.)*

Телятевъ.

Все это очень мило съ вашей стороны, и я былъ бы совершенно счастливъ; но, Лидія Юрьевна, я самъ-то теперь не свой.

Лидія *(смотритъ на него во всѣ глаза)*.

Ка́къ? Вы женитесь или женаты?

Телятевъ.

Не женюсь и не женатъ, а должно быть, завтра свезутъ меня къ Воскресенскимъ воротамъ.

Лидія.

Какъ къ Воскресенскимъ воротамъ?

Телятевъ.

Такъ, привезутъ съ квартальнымъ и опустятъ.

Лидія.

Не можетъ быть. Гдѣ же ваши деньги? Я знаю, что вы давали мужу взаймы.

Телятевъ.

Ну, что-жъ изъ этого? Развѣ мнѣ чужихъ-то жалко?

Лидія.

А своихъ у васъ нѣтъ?

Телятевъ.

Я ужъ и не помню, когда онѣ были. Я вчера узналъ, что я долженъ тысячъ до трехсотъ. Все, что вы у меня видѣли когда-нибудь, все чужое: лошади, экипажи, квартира, платье. За все это денегъ не плачено, за все это писали счеты на меня, потомъ векселя, потомъ подали ко взысканію, потомъ получили исполнительные листы. Деньгами взято у ростовщиковъ видимо-невидимо. Всѣ кредиторы завтра явятся ко мнѣ; картина будетъ поразительная. Мебель, ковры, зеркала, картины взяты на прокатъ и нынче же обобраны. Коляска и лошади отъ Вахапскаго; платье портной возьметъ завтра чѣмъ свѣтъ! Я увѣренъ, что кредиторы насмѣются досыта. Я ихъ приму, разумѣется, въ халатѣ: это единственная моя собственность; предложу имъ по сигарѣ: у меня еще съ десятокъ осталось. Посмотрятъ они на меня да на пустыя стѣны и скажутъ: „гуляй, Иванъ Петровичъ, по бѣлому свѣту!“ Одинъ за жену сердитъ; этотъ, пожалуй, продержитъ мѣсяца два въ ямѣ, пока не надоѣстъ кормовыя платить. Ну, а тамъ и выпустятъ, и опять я свободенъ, и опять кредитъ будетъ, потому что я добрый малый, и у меня еще живы одиннадцать тетокъ и бабушекъ, и всѣмъ имъ я наслѣдникъ. Что я гербовой бумаги извелъ на векселя, вы не повѣрите. Если ее съ пуда продавать, то больше возьмешь, чѣмъ съ меня.

Лидія.

И вы такъ покойны?

Телятевъ.

Что-жъ мнѣ безпокоиться-то? Совѣсть моя такъ же чиста, какъ и карманы. Кредиторы мои давно получили съ меня втрое, а взыскиваютъ, только чтобъ форму соблюсти.

Лидія.

Гдѣ-жъ мнѣ денегъ взять, то-есть, большихъ денегъ, много денегъ? Неужели нѣтъ ни у кого?

Телятевъ.

Есть, какъ не быть!

Лидія.

У кого же онѣ?

Телятевъ.

У дѣловыхъ людей, которые ихъ даромъ не бросаютъ.

Лидія.

Не бросаютъ? Жаль!

Телятевъ.

Еще какъ жаль-то! Теперь и деньги-то умнѣй стали, все къ дѣловымъ людямъ идутъ, а не къ намъ. А прежде деньги глупѣй были. Вотъ именно такія деньги вамъ и нужны.

Лидія.

Какія?

Телятевъ.

Бѣшеныя. Вотъ и мнѣ доставались все бѣшеныя: никакъ ихъ въ карманѣ не удержишь. Знаете ли, я недавно догадался, отчего у насъ съ вами бѣшеныя деньги? Оттого, что не мы сами ихъ наживали. Деньги, нажитыя трудомъ, — деньги умныя. Онѣ лежатъ смирно. Мы ихъ манимъ къ себѣ, а онѣ нейдутъ; говорятъ: мы знаемъ, какія вамъ деньги нужны; мы къ вамъ не пойдемъ. И ужъ какъ ихъ ни проси, не пойдутъ. Что̀ обидно-то — знакомства съ нами не хотятъ имѣть.

Лидія.

Я въ актрисы пойду.

Телятевъ.

Талантъ нуженъ, Лидія Юрьевна.

Лидія.

Я въ провинцію.

Телятевъ.

Что̀ за расчетъ? Увлечете какого-нибудь мучника Тулумбасова, или ужъ много-много средней руки помѣщика. Что за карьера?

Лидія.

Телятевъ, помогите, мнѣ нужны деньги!

Телятевъ.

А вотъ, пожалуйте сюда! *(Подводитъ ее къ окну.)* Видите?

У воротъ стоитъ
Домикъ-крошечка;
Онъ на всѣхъ глядитъ
Въ три окошечка.

Вотъ гдѣ деньги.

Лидія.

У мужа?

Телятевъ.

Да, у него. Онъ не только богаче всѣхъ насъ, но такъ богатъ, что подумаешь, такъ голова закружится. Нынче не тотъ богатъ, у кого денегъ много, а тотъ, кто ихъ добывать умѣетъ. Если у вашего мужа теперь наличныхъ тысячъ триста, такъ можно поручиться, что черезъ годъ будетъ милліонъ, а черезъ пять — пять.

Лидія.

Не можетъ быть! Я не вѣрю вамъ. Подите прочь. Это онъ васъ подослалъ ко мнѣ.

Телятевъ.

А вотъ послушайте. Когда вы его оставили, поѣхали мы обѣдать въ Троицкій. Сидитъ, на свѣтъ не глядитъ, ни ухи не ѣстъ, ни вина не пьетъ. Подходили къ нему какія-то странныя личности, шептались что̀-то; онъ какъ-будто сталъ поживѣе. Потомъ вдругъ несутъ ему телеграмму, прочелъ ее, и глаза засіяли. „Нѣтъ, говоритъ, глупо стрѣляться. Покутимъ, говоритъ, нынѣшній день, поздравь меня“. Ну, я его поздравилъ, поцѣловались, и поѣхали, и поѣхали. Познакомилъ я его кое съ кѣмъ изъ старыхъ своихъ знакомыхъ, то-есть, не изъ старыхъ, а изъ прежнихъ, а онѣ еще молоденькія.

Лидія *(глядя въ окно)*.

Погодите! Что̀ это за коляска? Кружева! Неужели это maman взяла для меня? Какая прелесть, какая роскошь!

Телятевъ.

Нѣтъ, вы ошиблись. Это коляска, которую онъ подарилъ моей знакомой и съ лошадьми, и кучера нанялъ такого, что въ Зоологическомъ саду показывать можно. Вотъ она ѣдетъ отъ него, блондиночка, а глаза васильки.

Лидія.

Ай! Я упаду въ обморокъ. Это не коляска, это мечта. Можно задохнуться отъ счастья сидѣть въ этой коляскѣ. Что̀ со мною? Я его ненавижу и какъ-будто ревную. Я бы убила эту блондинку. Носъ у нея и такъ не великъ, а она его еще вздергиваетъ.

Телятевъ.

Это не ревность, а зависть.

Лидія.

Онъ ее любитъ?

Телятевъ.

Что̀? Коляску?

Лидія.

Нѣтъ, блондинку.

Телятевъ.

Зачѣмъ же? И любить, да и деньги давать, ужъ слишкомъ много расходу будетъ. Хотите слушать, что̀ вашъ мужъ мнѣ разсказалъ про себя?

Лидія.

Говорите!

Телятевъ.

Учился онъ много, чему, ужъ не помню. Разныя есть науки, Лидія Юрьевна, про которыя мы съ вами и не слыхали.

Лидія.

Говорите, говорите!

Телятевъ.

Поѣхалъ за границу, посмотрѣлъ, какъ ведутъ желѣзныя дороги, вернулся въ Россію и снялъ у подрядчика небольшой участокъ. Самъ съ рабочими и жилъ въ баракахъ, да Василій Иванычъ съ нимъ. Знаете Василья Иваныча? Золото, а не человѣкъ.

Лидія.

Ахъ, подите вы!

Телятевъ.

Первый подрядъ удался; онъ взялъ побольше, потомъ еще побольше. Теперь получилъ какую-то телеграмму. „Ну, говоритъ, Ваня, ближе милліона не помирюсь“. А я говорю: „и не мирись“. Что̀-жъ, мнѣ, вѣдь, все равно, убытку не будетъ!

Лидія.

Я умираю!

Телятевъ.

Что̀ съ вами?

Лидія *(ложится на диванъ)*.

Позовите maman! Позовите скорѣй!

Телятевъ *(въ дверь)*.

Надежда Антоновна! *(Входитъ Надежда Антоновна.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лидія, Телятевъ и Надежда Антоновна.

Лидія.

Maman, ради Бога!

Надежда Антоновна.

Что съ тобой, Лидія? Что съ тобой, дитя мое?

Лидія.

Ради Бога, maman, подите къ моему мужу, позовите его сюда, скажите, что я умираю.

Телятевъ.

Берите моихъ лошадей, Надежда Антоновна, и поѣзжайте скорѣе!

Надежда Антоновна *(всматривается въ дочь)*.

Да, да, я вижу, ты въ самомъ дѣлѣ не хороша. Я сейчасъ ѣду. *(Уходитъ. Входитъ Андрей.)*

Андрей.

Господинъ Глумовъ.

Лидія *(привставъ)*.

Принимать его или нѣтъ? Еще мужъ придетъ или нѣтъ, неизвѣстно. Утопающій хватается за соломинку. *(Андрею.)* Проси! *(Андрей уходитъ. Входитъ Глумовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Лидія, Телятевъ и Глумовъ.

Глумовъ.

Что съ вами?

Лидія.

Немного нездорова. А съ вами что? Я слышала, что вы разбогатѣли?

Глумовъ.

Еще нѣтъ, а надѣюсь. Очень выгодную должность занялъ.

Телятевъ.

И совершенно по способностямъ.

Глумовъ.

Счастливый случай, больше ничего. Одна пожилая дама долго искала не то, чтобъ управляющаго, а какъ бы это назвать...

Лидія.

Un secrétaire intime?

Глумовъ.

Oui, madame! Ея нужно было честнаго человѣка, которому бы она могла довѣрить...

Телятевъ.

И себя, и свое состояніе?

Глумовъ.

Почти такъ. У нея дома̀, имѣнія, куча дѣлъ: гдѣ же ей управляться! Съ наслѣдниками она въ ссорѣ. Я стараюсь все обратить въ капиталъ, на что̀ имѣю полную довѣренность, и пользуюсь значительными процентами за комисію.

Телятевъ.

Благородная, довѣрчивая женщина. Признайся, Глумовъ, вѣдь, не много найдешь такихъ?

Глумовъ.

Да, должно быть, одна только осталась; я наперечетъ всѣхъ знаю.

Телятевъ.

Мы сейчасъ только говорили о бѣшеныхъ деньгахъ, что онѣ перевелись, а ты счастливѣй насъ: ты ихъ нашелъ.

Глумовъ.

Зато какъ долго и прилежно я искалъ ихъ.

Лидія.

Значитъ, у васъ теперь денегъ много?

Глумовъ.

„Много“ — вѣдь, это понятіе относительное. Для Ротшильда было бы мало, а для меня довольно.

Лидія.

Дайте мнѣ взаймы тысячъ двадцать.

Глумовъ.

Молоденькимъ, хорошенькимъ женщинамъ взаймы денегъ не даютъ, потому что неделикатно имъ напоминать, когда

онѣ забудутъ о долгѣ, а взыскивать еще неделикатнѣе. Имъ или учтиво отказываютъ, или дарятъ.

Лидія.

Ну, какъ хотите, только дайте.

Глумовъ.

Теперь не могу, извините. Помните, вы сказали, что мнѣ никогда вашей руки не цѣловать? Я злопамятенъ.

Лидія.

Цѣлуйте.

Глумовъ.

Теперь ужъ поздно, или, лучше сказать, рано. Подождите меня годъ, я пріѣду цѣловать ваши ручки. Я завтра отправляюсь съ своей довѣрительницей въ Парижъ; она не знаетъ счета ни на рубли, ни на франки: я буду ея кассиромъ. Она страдаетъ одышкой и общимъ ожиреніемъ; ей и здѣсь-то доктора больше года жизни не даютъ, а въ Парижѣ, съ переѣздами на воды и съ помощью усовершенствованной медицины, она умретъ скорѣе. Вы видите, что мнѣ некогда, годъ я долженъ сердобольно ухаживать за больной, а потомъ могу пожинать плоды трудовъ своихъ, могу и проживать довольно много, пожалуй, при вашемъ содѣйствіи, если вамъ будетъ угодно.

Лидія.

Вы злой, злой человѣкъ!

Глумовъ.

Прежде вамъ эта черта во мнѣ нравилась; мы съ этой стороны похожи другъ на друга.

Лидія.

Да, пока вы не переходили границъ, а теперь прощайте.

Глумовъ.

Прощайте! Я уѣзжаю съ сладкою надеждой, что въ годъ вы обо мнѣ соскучитесь, что вы меня оцѣните, и мы, вѣроятно, встрѣтимся, какъ родные.

Лидія.

Довольно, довольно!

Глумовъ.

До свиданья.

Телятевъ.

Прощай, Глумовъ. Счастливаго пути! Вспомни обо мнѣ въ Парижѣ: тамъ на каждомъ перекресткѣ еще блуждаетъ моя тѣнь.

Глумовъ.

Прощай, Телятевъ. *(Уходитъ. Входитъ Надежда Антоновна съ склянками; за ней горничная съ подушками, кладетъ ихъ на диванъ и уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лидія, Телятевъ и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна.

Тебѣ надо лечь, Лидія, непремѣнно. Напрасно ты себя, мой другъ, утомляешь! По лицу твоему видно, что ты ужасно страдаешь. Я такъ и мужу сказала. Онъ сейчасъ придетъ. Вотъ твой спиртъ и капли, которыя тебѣ всегда помогали.

Лидія *(ложится на подушки)*.

Какъ онъ васъ принялъ?

Надежда Антоновна.

Очень вѣжливо, хотя довольно холодно. Онъ спросилъ, серьезно ли ты больна; я отвѣчала, что очень. Что̀ вы, Иванъ Петровичъ, смѣетесь?

Телятевъ.

Мнѣ равнодушно нельзя оставаться: надо либо плакать, либо смѣяться.

Надежда Антоновна.

Вы не знаете ни натуры, ни сложенія Лидіи; она такая нервная, такая нервная... это у нея съ дѣтства.

Телятевъ.

Извините, я дѣйствительно не знаю сложенія Лидіи Юрьевны: это для меня тайна.

Лидія.

Иванъ Петровичъ, вы такой болтунъ, вы меня разсмѣшите.

Надежда Антоновна.

Да вы, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ разсмѣшите, а онъ войдетъ.

Телятевъ.

Скрыться прикажете?

Лидія *(томно)*.

Нѣтъ, останьтесь! Мнѣ такъ пріятно видѣть васъ: вы мнѣ даете силу.

Телятевъ.

Если вамъ пріятно, то я не только не уйду, а какъ привинченный, буду стоять противъ васъ. Смотрите на меня, сколько вамъ угодно. Только позвольте мнѣ въ этой комедіи быть лицомъ безъ рѣчей. *(Входитъ Андрей.)*

Андрей.

Господинъ Васильковъ.

Лидія *(слабымъ голосомъ)*.

Проси! *(Андрей уходитъ. Надежда Антоновна оправляетъ подушки. Телятевъ подноситъ платокъ къ глазамъ своимъ. Входитъ Васильковъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Лидія, Телятевъ, Надежда Антоновна и Васильковъ.

Васильковъ *(сдѣлавъ общій поклонъ)*.

Вы меня звали?

Лидія.

Я умираю.

Васильковъ.

Въ такомъ случаѣ нуженъ или докторъ, или священникъ; я ни то, ни другое.

Лидія.

Вы насъ покинули.

Васильковъ.

Не я, а вы меня, и не простившись даже, какъ слѣдуетъ.

Лидія.

Такъ надо проститься?

Васильковъ.

Если вамъ угодно.

Лидія.

По-русски, проститься значитъ попросить прощенья?

Васильковъ.

Просите.

Лидія.

Я виновата только въ томъ, что оставила васъ, не сообразя своихъ средствъ; въ остальномъ вы виноваты.

Васильковъ.

Мы поквитались: я былъ виноватъ, вы меня оставили. О чемъ же больше говорить? Прощайте!

Лидія.

Ахъ, нѣтъ, постойте!

Васильковъ.

Что̀ вамъ угодно?

Лидія.

Вы за свою вину ничѣмъ не платите, а я могу поплатиться жестоко. Я кругомъ въ долгу: меня посадятъ, вмѣстѣ съ мѣщанками, въ Московскую яму.

Васильковъ.

А! Вы вотъ чего боитесь? Вотъ какое безчестье вамъ страшно? Не бойтесь! Въ яму попадаютъ и честные люди: изъ ямы есть выходъ. Бояться Московской ямы хорошо, но больше надо бояться той бездонной ямы, которая называется развратомъ, въ которой гибнетъ и имя, и честь, и благообразіе женщины. Ты боишься ямы, а не боишься той пропасти, изъ которой ужъ нѣтъ возврата на честную дорогу!

Лидія.

Кто вамъ позволилъ говорить здѣсь такія слова?

Васильковъ.

А кто позволяетъ зрячему вывести на дорогу слѣпого? Кто позволяетъ умному остеречь неразумнаго? Кто позволяетъ ученому учить неученаго?

Лидія.

Вы не имѣете права учить меня.

Васильковъ.

Нѣтъ, имѣю. Это право — сострадапіе.

Лидія.

Вамъ ли говорить о состраданіи! Вы видите жену въ такомъ положеніи и не хотите заплатить за нее ничтожнаго долга!

Васильковъ.

Я даромъ денегъ не бросаю. Ни, Боже мой!

Надежда Антоновна.

Я не понимаю вашей философіи. Все это для меня какая-то новость, принесенная съ луны. Развѣ платить за жену, значитъ — бросать даромъ?

Васильковъ.

Какая-жъ она мнѣ жена? Да она-жъ сама сказала, что у нея денегъ больше, чѣмъ у меня.

Надежда Антоновна.

„Сказала". Мало ли что̀ можетъ сказать женщина въ раздраженіи! Какъ бы жена ни оскорбила мужа, все-таки надо жалѣть жену больше, чѣмъ мужа. Мы такъ слабы, такъ нервны, намъ всякая ссора такъ дорого обходится. Горячая женщина скоро сдѣлаетъ глупость, скоро и одумается.

Васильковъ.

Да она же не говоритъ, что одумалась.

Лидія.

Я одумалась и раскаиваюсь въ своемъ поступкѣ.

Васильковъ.

Не поздно ли?

Надежда Антоновна.

Ахъ, нѣтъ! Она можетъ увлечься, но до паденія себя не допуститъ.

Васильковъ.

Я знаю, что не допустила; ваша прислуга гораздо больше получала отъ меня, чѣмъ отъ васъ. Но я не знаю, что̀ спасло ее отъ паденія — честь или недостатокъ денегъ у Кучумова? *(Лидіи.)* Чего же вамъ угодно?

Лидія.

Я бы хотѣла жить опять вмѣстѣ съ вами.

Васильковъ.

Невозможно. Вы такъ быстро мѣняете свои рѣшенія, что, пожалуй, завтра же захотите уѣхать отъ меня. Для меня одного позора довольно: я двухъ не хочу.

Лидія.

Но вы должны меня спасти.

Васильковъ.

Какъ я васъ спасу? Есть только одно средство: я вамъ предложу честную работу и за нее вознагражденіе.

Лидія.

Какую работу и какое вознагражденіе?

Васильковъ.

Подите ко мнѣ въ экономки: я вамъ дамъ тысячу рублей въ годъ.

Лидія *(встаетъ съ дивана).*

Ступайте вонъ! *(Васильковъ уходитъ.)*

Телятевъ *(отнимая платокъ отъ глазъ).*

Теперь вы выздоровѣли; я могу перестать плакать.

Лидія.

Ахъ, теперь не до шутокъ! Бѣгите, догоните, воротите его, во что̀ бы то ни стало! *(Телятевъ убѣгаетъ.)*

Надежда Антоновна.

Ахъ, какой онъ упрямый! Какой несносный! Человѣкъ изъ порядочнаго общества такъ поступать не можетъ; онъ скорѣе убьетъ жену, а такого предложенія не сдѣлаетъ. *(Возвращаются Васильковъ и Телятевъ.)*

Лидія.

Вы меня извините; я не поняла васъ. Объясните мнѣ, что̀ значитъ слово „экономка", и какія ея обязанности?

Васильковъ.

Извольте, объясню; но если вы не примете моего предложенія, я больше не вернусь къ вамъ. Экономка значитъ женщина, которая занимается хозяйствомъ. Это ни для кого не унизительно. А вотъ обязанности: у меня въ деревнѣ маменька — старушка, хозяйка отличная; вы поступите къ ней подъ начальство — она васъ выучитъ: грибы солить, наливки дѣлать, варенья варить, передастъ вамъ ключи отъ кладовой, отъ подвала, а сама будетъ только наблюдать за вами. Мнѣ такая женщина нужна; я постоянно бываю въ отъѣздѣ.

Лидія.

Ужасно, ужасно!

Васильковъ.

Прикажете кончить?

Лидія.

Продолжайте!

Васильковъ.

Когда вы изучите въ совершенствѣ хозяйство, я васъ возьму въ свой губернскій городъ, гдѣ вы должны ослѣпить губернскихъ дамъ своимъ туалетомъ и манерами. Я на это денегъ не пожалѣю, но изъ бюджета не выйду. Мнѣ тоже, по моимъ обширнымъ дѣламъ, нужно такую жену. Потомъ, если вы будете со мной любезны, я свезу васъ въ Петербургъ: Патти послушаемъ; тысячу рублей за ложу не пожалѣю. У меня въ Петербургѣ, по моимъ дѣламъ, есть связи съ очень большими людьми; самъ я мѣшковатъ и неуклюжъ; мнѣ нужно такую жену, чтобъ можно было завести салонъ, въ которомъ даже и министра принять не стыдно. У васъ все есть для этого; только вамъ надо будетъ отучиться отъ нѣкоторыхъ манеръ, которыя вы переняли отъ Телятева и прочихъ.

Телятевъ.

Но развѣ я зналъ, что Лидіи Юрьевнѣ предстоитъ такая блестящая перспектива отъ деревенскаго подвала до петербургскаго салона?

Васильковъ *(глядя на часы)*.

Согласны вы на мое предложеніе или нѣтъ? Только помните, что прежде всего вы будете экономкой, и довольно долго.

Лидія.

Пожалѣйте меня, пожалѣйте мою гордость! Я дама, дама съ головы до ногъ. Сдѣлайте мнѣ какую-нибудь уступку!

Васильковъ.

Никакой! Мнѣ ли жалѣть вашу гордость, когда вы не жалѣли моей простоты, моей доброты сердечной! Я и теперь предлагаю вамъ званіе экономки, любя васъ.

Лидія.

Ну, хоть слово измѣните: оно жестко для моего нѣжнаго уха.

Васильковъ.

Нѣтъ, это слово хорошее.

Лидія.

Я должна подумать.

Васильковъ.

Думайте.

Телятевъ.

Ахъ, кабы меня кто взялъ въ экономки! *(Входитъ Андрей.)*

Андрей.

Слѣдственный приставъ желаетъ описать имущество.

Лидія и Надежда Антоновна.

Ахъ, ахъ! Ай, ай! *(Лидія прячется въ подушки.)*

Телятевъ.

Чтò вы испугались? Утѣшьтесь! Вчера описали мебель у двухъ моихъ знакомыхъ, сегодня — у васъ, завтра — у меня, послѣ завтра — у вашего Кучумова. Это нынче такое повѣтріе.

Лидія *(мужу).*

Спасите меня отъ стыда! Я на все согласна! Чтò дѣлать? Я хотѣла блистать неугасающею звѣздой, а вы хотите сдѣлать меня метеоромъ, который блеститъ на минуту и погаснетъ въ болотѣ. Но я согласна, согласна! Умоляю васъ, спасите меня! *(Васильковъ уходитъ съ Андреемъ. Андрей возвращается.)*

Андрей.

Господинъ Кучумовъ.

Лидія.

Я думаю принять его.

Телятевъ.

Примите!

Лидія *(Андрею).*

Проси! *(Андрей уходитъ. Входитъ Кучумовъ, потомъ Васильковъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Лидія, Надежда Антоновна, Телятевъ, Кучумовъ, *потомъ* Васильковъ.

Кучумовъ *(напѣвая).*

Jo son ricco... Чтò съ вами?

Лидія.

У меня описываютъ имущество; привезли вы сорокъ тысячъ?

Кучумовъ.

Jo son ricco... Нѣтъ, вы представьте себѣ, какое со мною несчастіе! *(Входитъ Васильковъ и останавливается у двери.)* Мой человѣкъ, котораго я любилъ, какъ сына, обокралъ меня совершенно и убѣжалъ, должно быть, въ Америку.

Телятевъ.

Очень жаль мнѣ твоего человѣка! Съ тѣмъ, что у тебя можно украсть, не только до Америки, но и до Звенигорода не доѣдешь.

Кучумовъ.

Не шути, я не люблю. Я разослалъ телеграммы по всѣмъ трактамъ; вѣроятно, его скоро схватятъ, отберутъ деньги, и тогда я вамъ, дитя мое, доставлю ихъ.

Телятевъ.

Не всѣ же онъ укралъ; вѣдь, осталось же что-нибудь?

Кучумовъ.

Какъ не остаться! Я безъ тысячи рублей изъ дому не выѣзжаю.

Васильковъ.

Такъ отдайте мнѣ шестьсотъ рублей, которые должны по картамъ.

Кучумовъ.

А! Вы здѣсь? И очень хорошо. Я давно хотѣлъ съ вами расчесться. Карточный долгъ для меня первое дѣло. *(Вынимаетъ бумажникъ.)* Что за вздоръ такой? Вѣроятно, я какъ-нибудь обложился, положилъ въ лѣвый карманъ. Ахъ, да я не тотъ сертукъ надѣлъ. Впрочемъ, вы можете получить эти деньги съ Надежды Антоновны.

Васильковъ.

Хорошо, я получу. Лидія Юрьевна, я вашъ долгъ заплатилъ. Вамъ нужно ѣхать въ деревню.

Лидія.

Когда хотите?

Васильковъ.

Я ѣду завтра, будьте готовы!

Лидія *(подаетъ мужу руку).*

Благодарю васъ, что на цѣлый день вы даете волю моимъ слезамъ. Мнѣ нужно о многомъ поплакать! О погибшихъ

мечтахъ всей моей жизни, о моей ошибкѣ, о моемъ униженіи. Мнѣ надо поплакать о томъ, чего воротить нельзя. Моя богиня беззаботнаго счастія валится съ своего пьедестала; на ея мѣсто становится грубый идолъ труда и промышленности, которому имя бюджетъ. Ахъ, какъ мнѣ жаль бѣдныхъ, нѣжныхъ созданій, этихъ милыхъ, веселенькихъ дѣвушекъ! Имъ не видать больше изящныхъ, нерасчетливыхъ мужей! Эфирныя существа, бросьте мечты о несбыточномъ счастьѣ, бросьте думать о тѣхъ, которые изящно проматываютъ, и выходите за тѣхъ, которые грубо наживаютъ и называютъ себя дѣловыми людьми!

Телятевъ.

Каково это слушать намъ, бездѣльникамъ!

Кучумовъ *(поетъ).*

Jo son ricco...

Телятевъ.

Неправда. Noi siamo poveri.

Лидія.

Вотъ другая жертва, которую я приношу вамъ.

Васильковъ.

Жертвъ не надо.

Лидія.

Я вижу, что нашла коса на камень. Извольте, я признаюсь. Я принимаю ваше предложеніе, потому что нахожу его выгоднымъ.

Васильковъ.

Но знайте, что я изъ бюджета не выйду.

Лидія.

Охъ, ужъ мнѣ этотъ бюджетъ!

Васильковъ.

Только бѣшеныя деньги не знаютъ бюджета.

Телятевъ.

Ты говоришь святую истину; скажу болѣе, ты повторяешь мои слова.

Васильковъ *(Телятеву).*

Прощай, другъ, мнѣ тебя отъ души жаль. Ты завтра будешь безъ крова и безъ пищи.

Телятевъ.

Ты не хочешь ли мнѣ денегъ дать взаймы? Не давай, не надо. Пропадутъ, ей-Богу, пропадутъ. Москва, Савва, такой городъ, что мы, Телятевы да Кучумовы, въ ней не погибнемъ. Мы и безъ копейки будемъ имѣть и почетъ, и кредитъ. Долго еще каждый купчикъ будетъ за счастье считать, что мы ужинаемъ и пьемъ шампанское на его счетъ. Вотъ, портные — отъ тѣхъ уваженія мало. Но и старую шинель, и старую шляпу можно носить съ такимъ достоинствомъ, что издали даютъ тебѣ дорогу. Прощай, другъ Савва! Не жалѣй насъ. И въ рубищѣ почтенна добродѣтель. *(Обнимается съ Кучумовымъ. Лидія робко подходитъ къ Василькову, кладетъ ему руку на плечо и склоняется головой. Картина.)*

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Павлинъ Павлинычъ Курослѣповъ, именитый купецъ.
Матрена Харитоновна, его жена.
Параша, дочь его отъ первой жены.
Наркисъ, приказчикъ Курослѣпова (по дому).
Гаврила, приказчикъ по лавкѣ.
Вася Шустрый, сынъ недавно разорившагося купца.
Дѣвушка.
Силанъ, дальній родственникъ Курослѣпова, живетъ въ дворникахъ.

Дѣйствіе происходитъ лѣтъ 30 назадъ, въ уѣздномъ городѣ Калиновѣ.

Дворъ; направо отъ зрителей крыльцо хозяйскаго дома; рядомъ дверь въ комнату, гдѣ живутъ приказчики; налѣво флигелекъ; передъ нимъ звено забора; передъ флигелемъ кусты, большое дерево, столъ и скамья, на заднемъ планѣ ворота. Лѣтній вечеръ; восьмой часъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гаврила *(сидитъ на скамьѣ съ гитарой)*, Силанъ *(съ метлой стоитъ подлѣ)*.

Силанъ.

Слышалъ ты, пропажа-то у насъ?

Гаврила.

Слышалъ.

Силанъ.

Вотъ она гдѣ у меня сидитъ, пропажа эта. По этому случаю, теперь, братцы мои, господа приказчики, у меня чтобъ аккуратно: въ девятомъ часу чтобъ дома, и ворота на запоръ. А ужъ это, чтобъ по ночамъ черезъ заборъ лазить — ужъ это заведеніе надо вамъ бросить; а то сейчасъ за воротъ, да къ хозяину.

Гаврила.

Чудакъ ты человѣкъ, да коли нужно.

Силанъ.

Мое дѣло: было-бъ сказано, а тамъ, какъ знаете! Я теперь необнаковенно золъ, вотъ какъ золъ, бѣда! *(Гаврила брянчитъ на гитарѣ. Силанъ молча смотритъ ему на руки.)* Доходишь?

Гаврила.

Дохожу помаленьку. *(Поетъ и акомпанируетъ себѣ:)*

Ни папаши, ни мамаши,
Дома нѣту никого,
Дома нѣту никого,
Полѣзай, милый, въ окно

Силанъ.

Пѣсня важная.

Гаврила.

Пѣсня расчудесная, въ какой хочешь компаніи пой; только вотъ переборъ... смотри хорошенько! Видишь? Не выходитъ, да и нà поди!

Силанъ.

Я такъ полагаю, другъ любезный, тебѣ это самое занятіе лучше бросить.

Гаврила.

Зачѣмъ же мнѣ его бросать, дядюшка Силантій? Чтò я труда положилъ, ты то подумай!

Силанъ.

Много тебѣ мỳки мученицкой за него.

Гаврила.

Мỳка-то ничего, а убытку много, это вѣрно; потому гитара струментъ ломкій.

Силанъ.

Ежели ее съ маху да объ печку, тутъ ей и конецъ.

Гаврила.

Конецъ, братецъ ты мой, конецъ, — плакали денежки.

Силанъ.

Объ печку? А? Придумалъ же хозяинъ экую штуку; какъ увидитъ эту самую гитару и сейчасъ ее объ печку! Чудно!

Гаврила *(со вздохомъ).*

Не все объ печку, дядюшка Силантій, двѣ объ голову мою расшибъ.

Силанъ.

И довольно это, должно быть, смѣшно; потому гулъ по всему дому.

Гаврила.

Кому смѣшно, а мнѣ...

Силанъ.

Больно? Само собой, если краемъ...

Гаврила.

Ну, хоть и не краемъ... Да ужъ я за этимъ не гонюсь: голова-то у меня своя, некупленая; а за гитары-то я деньги плачу.

Силанъ.

И то правда. Голова-то поболитъ, поболитъ, да и заживетъ; а гитару-то ужъ не вылѣчишь.

Гаврила.

А чтò, не убираться ли мнѣ? Какъ бы хозяинъ не увидалъ.

Силанъ.

Нѣтъ! Гдѣ! Онъ спитъ, по обнаковенію. Ночь спитъ, день спитъ; заспался совсѣмъ: ужъ никакого понятія нѣту ни къ чему; подъ носомъ у себя не видитъ. Съ просонковъ-то, чтò на яву съ нимъ было, чтò во снѣ видитъ, все это вмѣстѣ путаетъ; и разговоръ станетъ у него неявственный, только мычитъ; ну, а потомъ обойдется, ничего.

Гаврила *(громко поетъ).*

Ни папаши, ни мамаши,
Дома нѣту никого. *(Курослѣповъ выходитъ на крыльцо.)*

Силанъ.

Постой-ка! Никакъ вышелъ! И то! Уходи отъ грѣха! Или, стой! Притулись тутъ; онъ дальше крыльца не пойдетъ, потому лѣнивъ. *(Гаврила прячется.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Курослѣповъ и Силанъ.

Курослѣповъ *(садится на крыльцо и нѣсколько времени зѣваетъ).*

И съ чего это небо валилось? Такъ вотъ и валится, такъ вотъ и валится. Или это мнѣ во снѣ, что̀-ль? Вотъ угадай, поди, что̀ такое теперь на свѣтѣ: утро или вечеръ? И никого, прахъ ихъ... Матрена! Ни дома, ни на дворѣ, чтобъ имъ!... Матрена! Вотъ какъ оно страшно, когда не знаешь, что̀ на свѣтѣ... Жутко какъ-то. И сонъ это я видѣлъ, али что̀? Дровъ будто много наготовлено и мурины. Для чего, говорю, дрова? Говорятъ: грѣшниковъ поджаривать. Неужто-жъ это я въ адѣ? Да куда-жъ это всѣ провалились? И какой это на меня страхъ сегодня! А вѣдь, небо-то никакъ опять валится? И то валится... Батюшки! А теперь вотъ искры. И что̀, ежели вдругъ теперь свѣтопреставленіе? Ничего мудренаго нѣтъ! Очень это все можетъ случиться, потому... вотъ смолой откуда-то запахло, и пѣлъ кто-то дикимъ голосомъ, и звукъ струнный или трубный, что̀ ли... Не поймешь. *(Бьютъ часы городскіе.)* Разъ, два, три, четыре, пять *(считаетъ, не слушая)*, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать. *(Часы, пробивъ восемь, перестаютъ.)* Только? Пятнадцать!... Боже мой, Боже мой! Дожили! Пятнадцать! До чего дожили! Пятнадцать! Да еще мало по грѣхамъ нашимъ! Еще то ли будетъ! Ежели пойти выпить для всякаго случаю? Да, говорятъ, въ такомъ разѣ хуже, а надо, чтобы человѣкъ съ чистой совѣстью... *(Кричитъ.)* Силантій, эй!...

Силанъ.

Не кричи, слышу.

Курослѣповъ.

Гдѣ ты пропадаешь? Этакое дѣло начинается...

Силанъ.

Нигдѣ не пропадаю, тутъ стою, тутъ, тебя берегу.

Курослѣповъ.

Слышалъ часы?

Силанъ.

Ну, такъ что-жъ?

Курослѣповъ.

То-то, молъ! Живы еще всѣ покудова?

Силанъ.

Кто?

Курослѣповъ.

Домочадцы и всѣ православные христiане?

Силанъ.

Ты очувствуйся! Умойся поди!

Курослѣповъ.

Источники водные еще не изсяклись?

Силанъ.

Нѣтъ. Съ чего имъ!

Курослѣповъ.

А гдѣ же теперь жена?

Силанъ.

Въ гости ушла.

Курослѣповъ.

Вотъ этакой теперь случай; она должна при мужѣ.

Силанъ.

Ну, ужъ это ея дѣло.

Курослѣповъ.

Какiе гости? Нашла время! Страхъ этакой.

Силанъ.

Какой?

Курослѣповъ.

Всѣмъ въ услышанiе пятнадцать-то часовъ било.

Силанъ.

Ну, пятнадцать, не пятнадцать, а девятый часъ это точно… ужинать теперь бы самое время, да опять спать.

Курослѣповъ.

Ты говоришь, ужинать?

Силанъ.

Да, ужъ это безпремѣнно. Ужъ ежели что положоное, безъ того нельзя.

Курослѣповъ.

Такъ это, значитъ, мы вечеромъ?

Силанъ.

Вечеромъ.

Курослѣповъ.

И все, какъ бываетъ завсегда? Ничего такого?

Силанъ.

Да чему же?

Курослѣповъ.

А я было какъ испугался! Мало ли я, тутъ сидя, чего передумалъ! Представилось мнѣ, что послѣдній конецъ начинается. Да, вѣдь, и то сказать, долго ли!

Силанъ.

Что̀ толковать!

Курослѣповъ.

Въ соборѣ отошли?

Силанъ.

Сейчасъ только.

Курослѣповъ *(запѣваетъ)*.

„Но, яко...“ Ты ворота заперъ?

Силанъ.

Заперъ.

Курослѣповъ.

Пойти посмотрѣть за тобой.

Силанъ.

Пройдись малость, лучше тебѣ...

Курослѣповъ.

Да, „пройдись малость!“ Все твое несмотрѣніе. Вездѣ свой глазъ нуженъ. У меня двѣ тысячи рублей пропало. Шутка! Наживи поди!

Силанъ.

А ты спи больше, такъ и всего обворуютъ.

Курослѣповъ.

Вамъ развѣ хозяйскаго жаль! Еще я съ тобой. . погоди.

Силанъ.

Ну да, какъ же! Испугался! Съ меня взять нечего. Я свое дѣло дѣлаю, я всю ночь хожу, опять же собаки... Я хоть къ присягѣ. Не токма что воръ, муха-то не пролетитъ, кажется. У тебя гдѣ были деньги-то?

Курослѣповъ.

Не успѣлъ я въ сундукъ-то убрать, подъ подушкой были, въ чулки спрятаны.

Силанъ.

Ну, кому же возможно, самъ посуди! Въ чулки прячешь, такъ вотъ ты чулки-то и допроси хорошенько!

Курослѣповъ.

Разсказывай! А вотъ, взять тебя за волосы, да какъ бабы бѣлье полощутъ...

Силанъ.

Руки коротки!

Курослѣповъ.

Опять же вина не наготовишься: цѣлыми бутылями пропадаетъ.

Силанъ.

Съ того ищи, кто пьетъ, а меня Богъ миловалъ.

Курослѣповъ.

Кто бы это укралъ?

Силанъ.

Диковина!

Курослѣповъ.

Ужъ, кажется, кабы...

Силанъ.

Ну, да ужъ и я бы...

Курослѣповъ *(нараспѣвъ)*.

„Но, яко...“ Такъ ужинать, ты говоришь?

Силанъ.

Одно дѣло.

Курослѣповъ.

Пойти приказать.

Силанъ.

А что-жъ ворота?

Курослѣповъ.

Послѣ. Ты у меня .. *(Грозитъ.)* Слушай! Я, братъ, вѣдь, нужды нѣтъ, что ты дядя. А у меня чтобъ все, двери, замки, чтобъ все цѣло! Пуще глазу, какъ зеницу ока, береги. Мнѣ изъ-за васъ не разориться.

Силанъ.

Ну, да ужъ и довольно! Сказано, и будетъ.

Курослѣповъ.

Гдѣ приказчики?

Силанъ.

А кто ихъ знаетъ.

Курослѣповъ.

Ежели котораго нѣтъ, не отпирай: пусть за воротами ночуетъ; только хозяйку пусти. А ежели постороннихъ кого къ нимъ, хоть знакомый-раззнакомый, ни подъ какимъ видомъ. У меня тоже дочь невѣста. *(Уходитъ въ домъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Силанъ, Гаврила *и потомъ* Вася Шустрый.

Силанъ *(подходитъ къ Гаврилѣ).*

Вылѣзай, ничего!

Гаврила.

Ушелъ?

Силанъ.

Ушелъ. Вотъ теперь поужинаетъ, да опять спать. А отчего это онъ спитъ такъ? Оттого, что капиталъ! А ты вотъ тутъ майся всю ночь. Награбилъ денегъ, а я ему ихъ стереги! Двѣ тысячи рублей! Легко сказать! Отъ твоего, говоритъ, несмотрѣнія! Каково мнѣ на старости лѣтъ попреки слушать! Ужъ, кажется, кабы мнѣ этого вора! Ужъ я-бъ ему!... То-есть, кажется, зубами бы загрызъ! Ну, вотъ покажись теперь, вотъ такъ метлой прямо ему... *(Увидавъ Васю, который показывается на заборѣ.)* Постой, постой! Вотъ онъ! Погоди, дай ему съ забору-то слѣзть. *(Бросается на него съ метлой.)* Караулъ!

Вася.

Чтò ты, чтò ты? Не кричи, я свой!

Силанъ *(ухвативъ его за воротъ).*

И то никакъ свой! О, чтобъ тебя! Перепугалъ. Ты зачѣмъ же черезъ заборъ-то? Кара...

Вася.

Не кричи, сдѣлай милость! Я къ вамъ посидѣть, больно скучно дома-то.

Силанъ.

Коли ты къ намъ честью, на то есть ворота.

Вася.

Ворота заперты, а стучать — пожалуй, хозяинъ услышитъ.

Силанъ *(держитъ за воротъ).*

А гдѣ-жъ это показано, чтобъ черезъ заборъ? Ка... ка...

Вася.

Сдѣлай такую милость! Вѣдь, ты меня знаешь; развѣ я въ первый разъ?

Силанъ.

Знаю я, что ты и прежде черезъ заборъ лазилъ, да разъ на разъ не приходитъ; прежде взыску не было, а теперь вонъ двѣ тысячи рублей пропало. Вотъ оно что̀ значитъ васъ баловать!

Вася.

Вѣдь, не я укралъ, ты самъ знаешь; какое-жъ мнѣ до этого дѣло?

Силанъ *(трясетъ его за воротъ).*

Тебѣ нѣтъ дѣла? Тебѣ нѣтъ дѣла? Стало-быть, я одинъ за всѣхъ отвѣчай? Вамъ никому нѣтъ дѣла. Все я! Вотъ ты у меня теперь запоешь! Караулъ!

Гаврила.

Да полно ты его мытарить-то!

Силанъ *(Васѣ).*

Кланяйся въ ноги! *(Вася кланяется.)* Вотъ такъ! *(Беретъ его за воротъ.)*

Вася.

Зачѣмъ же ты меня опять за воротъ-то взялъ?

Силанъ.

Для всякой осторожности. Что̀, отецъ здоровъ?

Вася.

Слава Богу!

Силанъ.

Знаю, вѣдь, я, зачѣмъ ты пришелъ; да нѣтъ ея дома: въ гости ушла.

Вася.

Да пусти!

Силанъ *(держа за воротъ).*

Въ гости ушла, другъ любезный. Вотъ, погоди, придетъ. Вотъ придетъ, такъ повидайся, чтò-жъ!

Вася.

Да полно тебѣ мудрить то надо мной. Чтò ты меня за воротъ-то держишь?

Силанъ.

А вотъ чтò: не свести ли мнѣ тебя къ хозяину покудова?

Вася.

Силантій Иванычъ, есть ли на тебѣ крестъ?

Силанъ *(отпускаетъ).*

Ну, Богъ съ тобой! Сиди здѣсь. Только, чтобъ честно и благородно; а ежели чтò, сейчасъ руки назадъ и къ хозяину. Понялъ?

Вася.

Чтò же мнѣ понимать-то?

Силанъ.

Ну, то-то же. Мнѣ было-бъ сказано. *(Отходитъ и стучитъ въ доску.)*

Гаврила.

Чтò тебя не видать давно?

Вася.

Недосужно было. Ну, Гаврикъ, какія я чудеса видѣлъ, такъ, кажется, всю жизнь не увидишь!

Гаврила.

Гдѣ-жъ это?

Вася.

У Хлынова былъ.

Гаврила.

У подрядчика?

Вася.

Да. Онъ ужъ теперь подряды бросилъ.

Гаврила.

Развѣ у тебя дѣловъ теперь нѣтъ никакихъ?

Вася.

Какія дѣла? Все врозь ползетъ, руки отваливаются. Въ люди итти не хочется отъ этакого-то капиталу; я тоже человѣкъ балованный...

Гаврила.

А, вѣдь, поневолѣ пойдешь, какъ ѣсть-то нечего будетъ.

Вася.

Ну, тамъ что̀ Богъ дастъ, а покуда погуляю.

Гаврила.

Что̀ же ты, какія диковины видѣлъ у Хлынова?

Вася.

Чудеса! Онъ теперь на дачѣ живетъ, въ рощѣ своей. И чего-чего только у него нѣтъ! Въ саду бесѣдокъ, фонтановъ надѣлалъ; пѣсельники свои; каждый праздникъ полковая музыка играетъ; лодки разныя завелъ и гребцовъ въ бархатные кафтаны нарядилъ. Сидитъ все на балконѣ безъ сертука, а медали всѣ навѣшены, и съ утра пьетъ шампанское. Кругъ дому народъ толпится; всѣ на него удивляются. А когда народъ въ садъ велитъ пустить, поглядѣть всѣ диковины, и тогда ужъ въ саду дорожки шампанскимъ поливаютъ. Рай, а не житье!

Гаврила.

А, вѣдь, изъ крестьянъ недавно.

Вася.

Умъ такой имѣетъ въ себѣ. Ужъ какихъ-какихъ только прихотей своихъ онъ не исполняетъ! Пушку купилъ. Ужъ чего еще! Ты только скажи! А? Пушку! Чего еще желать на свѣтѣ? Чего теперь у него нѣтъ? Все.

Гаврила.

Да на что̀ же пушку?

Вася.

Какъ на что̀, чудакъ? По его капиталу, необходимая это вещь. Какъ пьетъ стаканъ, сейчасъ стрѣляютъ; пьетъ дру-

гой — стрѣляютъ, чтобы всѣ знали, какая честь ему передо всѣми. Другой умреть, этакой чести не дождется. Хоть бы денекъ такъ пожилъ.

Гаврила.

Гдѣ ужъ намъ! Ты моли Бога, чтобы вѣкъ работа была, чтобы сытымъ быть.

Вася.

Еще баринъ съ нимъ. Онъ его изъ Москвы привезъ, за сурьезность къ себѣ взялъ и вездѣ возитъ съ собой для важности. Баринъ этотъ ничего не дѣлаетъ и все больше молчитъ, только пьетъ шампанское. И большое ему жалованье положено за видъ только за одинъ, что ужъ очень необыкновенные усы. Вотъ тоже этому барину житье — умирать не надо.

Гаврила.

Эхъ, братъ Вася! Кому ты позавидовалъ? Нынче онъ этого барина шампанскимъ поитъ, а завтра, можетъ быть, надругается да прогонитъ. Хорошо, какъ деньжонки есть, а то и ступай пѣшкомъ въ Москву. А ты, хоть съ грошомъ въ карманѣ, да самъ себѣ господинъ.

Вася.

А то у него еще другой атютантъ есть — здѣшній мѣщанинъ, Алистархъ.

Гаврила.

Знаю.

Вася.

Этотъ только на выдумки: какъ что̀ сдѣлать почуднѣе, вынить повеселѣе, чтобъ не все одно и то же. Машины Хлынову дѣлаетъ, флаги краситъ, фонтаны въ саду проводитъ, цвѣтные фонари клеитъ; лебедя ему сдѣлалъ на лодкѣ на носу, совсѣмъ какъ живой; часы надъ конюшней на башнѣ поставилъ съ музыкой. Этотъ не пьетъ и денегъ беретъ не много; зато ему и уваженія меньше. „У тебя, говоритъ, золотыя руки; наживай капиталы отъ меня!“ — „Не хочу, говоритъ Листрахъ, и твой-то капиталъ весь несправедливый“. — „Какъ ты, говоритъ, смѣешь грубить! Я тебя прогоню“. Алистархъ ему прямо такъ: „гони, говоритъ, не запла̀чу, по мою жизнь васъ, дураковъ, хватитъ“. И такъ будто побранятся. Только Алистархъ его ничего не боится, грубитъ ему и ру-

гаетъ въ глаза. А Хлыновъ его за это даже любитъ; да и то надо сказать: денегъ у Хлынова много, а жить скучно, потому ничего онъ не знаетъ, какъ ему эти деньги истратить, чтобъ весело было. „Коли, говоритъ, не будетъ у меня Аристарха, стану ихъ такъ просто горстями бросать“. Вотъ ему Аристархъ и нуженъ, чтобъ думать за него. А коли что̀ самъ выдумаетъ, все не складно. Вотъ недавно придумалъ лѣтомъ въ саняхъ ѣздить по полю. Тутъ недалеко деревня; собрали двѣнадцать дѣвокъ и запрягли ихъ въ сани. Ну, что̀ за удовольствіе? На каждую дѣвку далъ по золотому. А то вдругъ на него хандра нападетъ: „не хочу, говоритъ, пьянствовать, хочу о своихъ грѣхахъ казниться“. Позоветъ духовенство, посадитъ всѣхъ въ гостиной по порядку, кругомъ, на кресла и начнетъ потчевать; всѣмъ въ ноги кланяется; потомъ пѣть заставитъ, а самъ сидитъ посереди комнаты и горькими слезами плачетъ.

Гаврила.

Что̀-жъ ты у него дѣлалъ?

Вася.

Меня Аристархъ позвалъ. Они теперь эту самую игру-лодку всю по-своему передѣлали. Лодка настоящая и ѣздятъ по пруду кругомъ острова, а на острову закуска и вина приготовлены, а Аристархъ хозяиномъ, одѣтъ туркой. Три дня къ ряду эту игру играли, надоѣла. *(Подходитъ Наркисъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Наркисъ.

Наркисъ.

Я что̀-жъ, я, пожалуй, съ вами вмѣстѣ сяду, нужды нѣтъ, что вы мнѣ не компанія. *(Садится.)*

Вася *(не обращая на него вниманія).*

Какъ разбойники раза два кругомъ острова объѣдутъ, и все атаманъ глядитъ въ трубу подзорную, и вдругъ закричитъ не своимъ голосомъ, и сейчасъ причаливаютъ — и грабить, а хозяинъ кланяется и всѣхъ потчуетъ.

Наркисъ.

Какіе это такіе разбойники проявились и откудова? Мнѣ это чтобы сейчасъ было извѣстно.

Вася *(не слушая его).*

И хозяинъ говоритъ по-турецки, и такъ похоже, вотъ какъ быть надо.

Наркисъ.

Есть тоже, которые разговаривать не хотятъ, но тоже и бьютъ ихъ за это довольно порядочно.

Вася.

А одѣты всѣ въ бархатъ, настоящій венецейскій.

Наркисъ *(вынимаетъ красный фуляровый платокъ, надушенный, и размахиваетъ имъ).*

Можетъ, и другой кто одѣться-то умѣетъ, такъ что и купцу въ носъ бросится.

Гаврила.

Поди ты съ своими духами!

Наркисъ *(показывая перстень).*

И супиры тоже можетъ имѣть, что, которыя купеческія дѣти есть, такъ, можетъ, и не видывали. А про разбойниковъ про вашихъ все узнается, потому прикрывать ихъ не показано.

Вася.

Да, можетъ, ты самъ разбойникъ-то и есть, кто тебя знаетъ!

Наркисъ.

И за такія слова тоже судъ съ вашимъ братомъ короткій.

Вася.

Я когда въ Москвѣ былъ, „Двумужницу" видѣлъ, такъ тамъ съ лодки прямо такъ изъ ружья и стрѣляетъ. Ужъ на что̀ лучше!

Наркисъ.

Я вотъ поѣду въ Москву, я погляжу, я погляжу, такъ ли ты говоришь.

Вася.

Ужъ этому актеру трепали, трепали въ ладоши — страсть!

Наркисъ.

Ты погоди врать-то, вотъ я погляжу, еще, можетъ, твоя неустойка выдетъ.

Вася.

А это купецъ, а не актеръ, а больше на разбойника похожъ.

Наркисъ *(встаетъ).*

Умнаго у васъ разговору, я вижу, нѣтъ: слушать мнѣ нечего. А между прочимъ, надобно сказать, я самъ скоро въ купцы выду. *(Входитъ во флигель.)*

Гаврила.

А ты послушай, какую я пѣсню паладилъ.

Вася.

Валяй!

Гаврила *(поетъ съ гитарой).*

Ни папаши, ни мамаши,
Дома нѣту никого,
Дома нѣту никого,
Полѣзай, милый, въ окно!

Силанъ *(издали).*

Тише ты, никакъ хозяинъ...

(Курослѣповъ выходитъ на крыльцо.)

Гаврила *(не слушая, съ большимъ азартомъ).*

Дома нѣту никого,
Полѣзай, милый, въ окно!
Милый ручку протянулъ,
Казакъ плеткой стеганулъ.
На то сѣни, на то двери,
На то новы ворота.

Курослѣповъ *(сходитъ съ крыльца).*

Гаврюшка! Вотъ кто гудитъ-то. Какое такое столпотвореніе ты тутъ на дворѣ заводишь?

Гаврила.

Батюшки! Бери скорѣй гитару да полѣзай въ кусты. *(Вася беретъ отъ него гитару и лѣзетъ въ кусты.)*

Курослѣповъ.

Кому я говорю? Глухъ ты, что ли? Иди сейчасъ сюда на глаза и съ бандурой!

Гаврила.

Гитары нѣтъ у меня, Павлинъ Павлинычъ, провалиться на мѣстѣ, нѣтъ-съ, это я такъ...

Курослѣповъ.

Какъ такъ? Какъ такъ, мошенникъ?

Гаврила.

Я, Павлинъ Павлинычъ, на губахъ, право, на губахъ.

Курослѣповъ.

Поди сюда, поди сюда, говорятъ тебѣ! *(Вася убѣгаетъ съ гитарой во флигель.)*

Силанъ.

Ты, братецъ, иди, коли велятъ; ужъ дѣлать, стало-быть, нечего.

Гаврила.

Что же такое? Я иду-съ!

Силанъ.

Ну, маленько потреплетъ, ужъ безъ того нельзя, на то онъ хозяинъ. *(Гаврила идетъ нога за ногу. Курослѣповъ обходитъ его и хочетъ къ нему подойти. Гаврила отступаетъ, потомъ бѣжитъ на крыльцо, Курослѣповъ за нимъ въ домъ. Стучатъ въ калитку; Силанъ отпираетъ. Входятъ Матрена и Параша. Силанъ, впустивъ ихъ, уходитъ за ворота.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Матрена, Параша, *потомъ* Гаврила.

Матрена *(идетъ къ крыльцу, изъ дому выбѣгаетъ Гаврила, растрепанный, и сталкивается съ ней).*

Ой! Пострѣлъ! Подъ ребро! Подъ самое — подъ сердце! Я-жъ тебя, погоди! *(Ловитъ его за руку. Параша смѣется.)* Ты чему смѣешься, чему?

Параша.

Захотѣла смѣяться и смѣюсь.

Матрена.

Эко зелье! Эко зелье! *(Идетъ къ Парашѣ и ведетъ Гаврилу за собой; тотъ упирается.)*

Параша.

Не подходи лучше, не хорошо тебѣ будетъ.

Матрена.

Запру тебя, въ чуланъ запру, вотъ и весь разговоръ.

Параша.

Нѣтъ, не весь, много у насъ съ тобой разговору будетъ. *(Уходитъ.)*

Матрена.

Эко зелье зарожденное! *(Гаврилѣ.)* А ты откуда взялся? Ужъ ты на людей метаться сталъ! Ишь, ты какой всклокоченный! Трепали тебя, да, должно быть, мало.

Гаврила.

Что̀-жъ, хорошо, что̀-ль, трепать людей-то? Есть чѣмъ хвастаться! Вѣдь, это все отчего людей-то треплютъ?

Матрена.

Отчего? Ну, говори, отчего?

Гаврила.

Отъ необразованія.

Матрена.

Отъ необразованія? Тебя, видно, мало? Пойдемъ, я еще къ хозяину сведу.

Гаврила.

Да что̀ вы, въ самомъ дѣлѣ? Пустите! *(Вырывается.)* Я ужъ и такъ топиться отъ васъ хочу.

Матрена.

И чудесно! Вонъ и Парашка хочетъ топиться; такъ ужъ вы вмѣстѣ, и насъ-то развяжете.

Гаврила.

Ну, я-то ужъ таковскій, а за что̀ вы на дочь-то? Никакого ей житья отъ васъ нѣтъ. Это даже довольно подло съ вашей стороны.

Матрена.

Ахъ ты тварь ползущая! Смѣешь ли ты такъ хозяйкѣ?

Гаврила.

Вѣдь, это въ васъ невѣжество ваше такъ свирѣпствуетъ.

Матрена.

Молчи! Сейчасъ я тебя всѣхъ твоихъ правъ рѣшу.

Гаврила.

Какихъ правъ? У меня и нѣтъ никакихъ. А что̀ мнѣ молчать? Я по всему городу кричать буду, что вы надъ падчерицей тиранствуете. Вотъ вы и знайте. *(Уходитъ. Входитъ Наркисъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Матрена и Наркисъ.

Матрена.

Это ты, Наркисъ?

Наркисъ *(грубо)*.

Нѣтъ, не я.

Матрена.

Какъ ты можешь со мной такъ неучтиво? Хозяйка желаетъ съ тобой нѣжно разговаривать: есть ея такое теперь желаніе...

Наркисъ.

Вообразите! И что̀ еще будетъ?

Матрена.

Ты, какъ есть, мужикъ неотесанный.

Наркисъ.

И то мужикъ, я себя бариномъ и не ставлю. Что̀ ты меня изъ кучеровъ-то приказчикомъ произвела, экономомъ — ты думаешь, что я сейчасъ бариномъ и сталъ для тебя, какъ же! Ты выправь мнѣ такой листъ, чтобы былъ я, какъ есть, природный дворянинъ, да тогда учтивости отъ меня и спрашивай.

Матрена.

Что̀ ты выдумываешь-то, чего невозможно!

Наркисъ.

А невозможно, я и такъ живу. Какъ былъ невѣжа, обломъ и грубіянъ, такъ, значитъ, и остался. И ничего я объ этомъ не безпокоюсь, потому что мнѣ и такъ оченно хорошо.

Матрена.

Что̀ ты такой неласковый сегодня?

Наркисъ.

А вотъ неласковый, такъ и неласковый.

Матрена.

Да отчего?

Наркисъ.

Такъ, ни отчего. Про разбойниковъ много слышалъ.

Матрена.

Про какихъ?

Наркисъ.

Объявились въ нашихъ мѣстахъ... Человѣкъ полтораста. Шайками по лѣсамъ и по водѣ на лодкахъ.

Матрена.

Да врутъ, чай, поди.

Наркисъ.

Кто ихъ знаетъ; можетъ, и врутъ.

Матрена.

Что̀-жъ, ты боишься, что̀ ли?

Наркисъ.

Ну, вотъ еще выдумала! Стану я бояться, очень нужно!

Матрена.

Ты что̀ вышелъ-то? Тебѣ не нужно-ль чего?

Наркисъ.

Да, мнѣ теперича очень требуется...

Матрена.

Чего?

Наркисъ.

Денегъ.

Матрена.

Какихъ денегъ? Что̀ ты?

Наркисъ.

Такихъ денегъ — обыкновенныхъ, государственныхъ: а ты думала, игрушечныхъ? Такъ я не маленькій; мнѣ не играть ими. Тысячу рублей давай!

Матрена.

Да опомнись ты! Давно ли...

Наркисъ.

Оно точно, что недавно; только, коли я требовао, такъ, стало-быть, нужно. Потому какъ я въ купцы выходить хочу въ скорости и безпремѣнно, такъ, значитъ, чтобъ мнѣ была тысяча рублей.

Матрена.

Варваръ ты, варваръ!

Наркисъ.

Это точно, я варваръ; это ты правду. Жалости во мнѣ на васъ нѣтъ.

Матрена.

Да, вѣдь, ты меня грабишь!

Наркисъ.

А для чего-жъ мнѣ тебя не грабить, коли я могу? Чтò же я, теперича, за дуракъ, что мнѣ отъ своего счастья отказываться!

Матрена.

Да, ненасытная твоя душа, ужли тебѣ мало еще?

Наркисъ.

Мало не мало, а коли есть мое такое желаніе, такъ, значитъ, подавай: разговаривать нечего. Ежели да мнѣ съ тебя денегъ не брать, это будетъ довольно смѣшно.

Матрена.

Ахъ ты... Боже мой милостивый... чтò мнѣ съ тобой дѣлать?

Наркисъ.

Ужъ теперь шабашъ, ничего не подѣлаешь! Ты бы объ этомъ прежде...

Матрена.

Гдѣ-жъ я тебѣ денегъ возьму?

Наркисъ.

А это не моего разсудка дѣло.

Матрена.

Да подумай ты самъ, дубовая башка, самъ подумай!

Наркисъ.

Вотъ еще, очень нужно! Мнѣ какое дѣло! Стану я для тебя голову ломать, какъ же! Думаютъ-то пѣтухи индѣйскіе. Я весь вѣкъ прожилъ не думавши; а какъ сейчасъ чтò въ голову придетъ, вотъ и конецъ.

Матрена.

Кровопивецъ ты, окаянный! *(Хочетъ итти.)*

Наркисъ.

Постой, погоди. Не надо мнѣ денегъ. Пошутилъ.

Матрена.

Вотъ такъ-то лучше.

Наркисъ.

А чтобы падчерицу за меня замужъ, Парашу.

Матрена.

Ну, не пёсъ ты послѣ этого?

Наркисъ.

И денегъ, и приданаго, всего, какъ слѣдуетъ.

Матрена.

У! Проклятый! Выколоть тебѣ бѣльма-то твои завистливыя.

Наркисъ.

И сдѣлай такую милость, свадьба чтобъ была скорѣе. А то я такихъ дѣловъ надѣлаю, что и не расчерпаешь. Чего душа моя желаетъ, чтобъ это было! И пожалуйста, ты меня не задерживай. Вотъ тебѣ и сказъ! Больше я съ тобой разговаривать теперь не въ расположеніи. *(Уходитъ.)*

Матрена.

Попуталъ меня, охъ, попуталъ! Накинула я себѣ петлю на шею! Вымоталъ онъ всю мою душеньку изъ бѣла тѣла. Ноженьки-то мои съ мѣста не двигаются. Точно меня громомъ ошарашилъ! Кабы эту чаду гдѣ бревномъ придавило, кажется бы въ Кіевъ сходила по обѣщанію. *(Выходитъ Параша.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Матрена и Параша.

Матрена.

Куда ты, куда выскочила?

Параша.

Иди скорѣй, батюшка зоветъ.

Матрена.

Ступай передомъ, я за тобой.

Параша.

Я не барабанщикъ, впереди тебя ходить. *(Сходитъ съ крыльца.)*

Матрена.

Куда норовишь? Не бывать же по-твоему: не пущу я тебя почью шляться по двору.

Параша.

Ну, такъ, вѣдь, уйду же, и на улицу, коли ты стала раз-

говаривать. И незачѣмъ уйти, а уйду. Иди домой, кличетъ, говорятъ тебѣ.

Матрена.

Разорвусь пополамъ, а на своемъ поставлю.

Параша.

Вынула ты изъ меня все сердце, вынула! Что̀ тебѣ нужно отъ меня? *(Становится прямо противъ нея.)*

Матрена.

Какъ что̀ нужно, какъ что̀ нужно? Первый мой долгъ, я тебя соблюдать должна!

Параша.

Себя соблюдай!

Матрена.

Ты мнѣ не указъ.

Параша.

И ты мнѣ не указъ.

Матрена.

Мнѣ за тебя, за дрянь, да передъ отцомъ отвѣчать...

Параша.

Нечего тебѣ придумывать-то, чего быть не можетъ. Не въ чемъ тебѣ отвѣчать, сама ты знаешь; только ненависть тебя разжигаетъ. Что̀ я мѣшаю тебѣ, что̀ ли, что на дворѣ погуляю. Вѣдь, я дѣвушка! Только и отрады у насъ, что̀ лѣтнимъ дѣломъ погулять вечеркомъ, подышать на волѣ. Понимаешь ли ты, на волѣ, на своей волѣ, какъ мнѣ хочется!

Матрена.

Знаю я, зачѣмъ ты вышла-то; не даромъ Наркисъ-то говорилъ.

Параша.

Ты-бъ стыдилась объ Наркисѣ-то и поминать.

Матрена.

Такъ вотъ нѣтъ же... *(Голосъ Курослѣпова: „Матрена!“)* О! Чтобъ вамъ пусто было! Измучили вы меня! Въ гробъ меня вгоните.

Параша.

За что̀ ты надо мной тиранствуешь? У звѣря лѣсного и у того чувство есть. Много-ль у насъ воли-то въ нашей жизни, въ дѣвичьей? Много ли времени я сама своя-то? А то, вѣдь, я — все чужая, все чужая. Молода — такъ отцу съ матерью

работница, а выросла да замужъ отдали — такъ мужнина, мужнина раба безпрекословная. Такъ отдамъ ли я тебѣ эту волюшку, дорогую, короткую? Все, все отнимите у меня, а воли я не отдамъ... На ножъ пойду за нее!

Матрена.

Ахъ, убьетъ она меня! Ахъ, убьетъ! *(Курослѣповъ выходитъ на крыльцо, Силанъ въ ворота.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Матрена, Параша, Курослѣповъ, Силанъ.

Курослѣповъ.

Матрена! Что̀ тебя не дозовешься?

Матрена.

Уйми дочь-то, уйми! Зарѣзать меня хочетъ.

Параша.

Нечего меня унимать: я и такъ смирна.

Матрена.

Попала я въ семейку, въ каторжную. Лучше бы я у родителя въ дѣвичествѣ пребывала.

Курослѣповъ.

Экъ, хватилась!

Матрена.

Тамъ меня любили, тамъ нѣжили, тамъ и по сю пору обо мнѣ убиваются.

Силанъ.

Ты кричи шибче! И такъ почитай весь городъ у воротъ, не пожаръ ли, молъ.

Курослѣповъ.

А ты метлой-то ее!

Матрена *(Силану)*.

И сохрани тебя Господи! Что̀ я съ тобой... *(Курослѣпову.)* Ты дочь избаловалъ, ты! У васъ одинъ умыселъ, погубить вы меня хотите. Вели дочери покориться! Съ мѣста не сойду.

Курослѣповъ.

Прасковья, покорись!

Параша.

Да въ чемъ покориться-то? Я по двору погулять вышла, а

она меня гонитъ. Что она обо мнѣ думаетъ? Зачѣмъ она меня порочитъ? Я честнѣй ея! Мнѣ это обида. Горькая обида!

Матрена.

Говори, лохматый шутъ...

Курослѣповъ.

Метлой-то ее!

Матрена.

Тебя метлой-то! Говори, заспаные твои буркалы: мое дѣло беречь ее?

Параша.

Нечего того беречь, кто самъ себя бережетъ! Не говори ты мнѣ такихъ словъ!

Курослѣповъ.

Ну, что тутъ еще? Что за базаръ? Покорись, тебѣ говорятъ.

Параша.

И ты говоришь: покорись? Ну, изволь... Я покорюсь. *(Матренѣ.)* Я покорюсь, только вотъ я тебѣ при отцѣ говорю — это въ послѣдній разъ — запомни ты мои слова! Впередъ я, когда хочу и куда хочу, туда и пойду. А коли ты меня станешь останавливать, такъ докажу я вамъ, что значитъ у дѣвки волю отнимать. Слушай ты, батюшка! Не часто мнѣ съ тобой говорить приходится, такъ ужъ скажу я тебѣ за разъ. Вы меня, дѣвушку, обидѣли. Браниться мнѣ съ тобой совѣсть не велитъ, а молчать силы нѣтъ; я послѣ хоть годъ буду молчать, а тебѣ вотъ что скажу: не отнимай ты моей воли дорогой, не марай мою честь дѣвичью, не ставь за мной сторожей! Коли я себѣ добра хочу — я сама себя уберегу, а коли вы меня беречь станете... Не уберечь вамъ меня! *(Уходитъ. Курослѣповъ уходитъ за ней, потупя голову. Матрена за нимъ, ворчитъ и бранится про-себя.)*

Силанъ *(стучитъ въ доску).*

Посматривай!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Курослѣповъ.
Матрена.
Параша.
Серапіонъ Мардарьичъ Градобоевъ, городничій.
Вася Шустрый.
Гаврила.
Силанъ.
Сидоренко, полицейскій унтеръ-офицеръ, онъ же и письмоводитель городничаго.
Жигуновъ, будочникъ.
Дѣвушка.
Рабочіе Курослѣпова.

Декорація перваго дѣйствія. 10-й часъ. Къ концу дѣйствія на сценѣ темно.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Градобоевъ, Силанъ, Сидоренко и Жигуновъ *(входятъ въ ворота).*

Градобоевъ.

Чтò, человѣкъ божій, хозяева не спятъ еще?

Силанъ.

Надо быть, нѣтъ; ужинать хотятъ.

Градобоевъ.

Чтò поздно?

Силанъ.

Да все раздоръ; бранятся подолгу, вотъ и опаздываютъ.

Градобоевъ.

А какъ дѣло?

Силанъ.

Мнѣ чтò! Говори съ хозяиномъ!

Градобоевъ.

Сидоренко, Жигуновъ, вы подождите меня у воротъ.

Сидоренко и Жигуновъ.

Слушаемъ, ваше высокоблагородіе. *(Градобоевъ уходитъ на крыльцо.)*

Сидоренко *(Силану, подавая табакерку).*

Березинскаго!

Силанъ.

Съ золой?

Сидоренко.

Малость.

Силанъ.

А стекла толченаго?

Сидоренко.

Кладу по препорціи.

Силанъ.

Что нюхать, что нюхать, братецъ ты мой? Старъ сталъ, ничего не дѣйствуетъ; не доходитъ. Ежели ты мнѣ — такъ стекла клади больше, чтобъ онъ бодрилъ... встряхивалъ; а это что? Нѣтъ, ты мнѣ, чтобъ куражилъ, до мозговъ доходилъ. *(Уходитъ въ ворота. Съ крыльца сходитъ Параша.)*

Параша.

Тихо... Никого... А какъ душа-то таетъ. Васи нѣтъ, должно быть. Не съ кѣмъ часокъ скоротать, не съ кѣмъ сердечко погрѣть! *(Садится подъ деревомъ.)* Сяду я да подумаю, какъ люди на волѣ живутъ, счастливые. Эхъ, да много-ль счастливыхъ-то? Ужъ не то, чтобы счастія, а хоть бы жить-то по-людски... Вонъ звѣздочка падаетъ. Куда это она? А гдѣ-то моя звѣздочка, что-то съ ней будетъ? Неужто-жъ опять терпѣть? Гдѣ это человѣкъ столько терпѣнья беретъ? *(Задумывается, потомъ запѣваетъ:)*

Ахъ ты воля, моя воля, воля дорогая,
Воля дорогая, дѣвка молодая —
Дѣвка по торгу гуляла...

(Входятъ Вася и Гаврила.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Параша, Вася и Гаврила.

Гаврила.

Погулять вышли?

Параша.

Погулять, Гаврюша. Дома-то душно.

Гаврила.

Теперь самое такое время, что гулять-съ, и для разговору съ дѣвушками это время самое для сердца пріятное. Такъ-съ, точно мечта какая, али сонъ волшебный-съ. По моимъ замѣчаніямъ, вы, Прасковья Павлиновна, меня любить не желаете-съ?

Параша.

Послушай, Гаврюша, вѣдь, этакъ можно и надоѣсть! Который ты разъ меня спрашиваешь? Вѣдь, ты знаешь, что я другого люблю, такъ чего-жъ тебѣ?

Гаврила.

Такъ-съ. Я полагаю, что мнѣ и напредки въ ожиданіи не быть-съ.

Параша.

А напредки, голубчикъ, что̀ будетъ, одинъ Богъ знаетъ; развѣ я въ своемъ сердцѣ вольна? Только, пока я Васю люблю, ужъ тебѣ нечего приставать. Ты погляди-ка лучше, не подошелъ бы кто, мнѣ съ нимъ поговорить нужно...

Гаврила.

Оченно могу-съ. Потому желаю отъ всего моего чувствительнаго сердца хотя даже этакой малостью быть вамъ пріятнымъ. *(Отходитъ.)*

Параша.

Ну, вотъ молодецъ! *(Васѣ.)* Вася, когда же?

Вася.

Дѣла-то у насъ съ тятенькой поразстроились.

Параша.

Знаю. Да, вѣдь, вы живете; значитъ, жить можно; больше ничего и не надобно.

Вася.

Такъ-то такъ...

Параша.

Ну, такъ что̀-жъ? Ты знаешь, въ здѣшнемъ городѣ такой обычай, чтобы невѣстъ увозить. Конечно, это дѣлается больше по согласію родителей, а вѣдь, много и безъ согласія увозятъ; здѣсь къ этому привыкли, разговору никакого не будетъ — одно только и бѣда: отецъ, пожалуй, денегъ не дастъ

Вася.

Ну, вотъ видишь ты!

Параша.

А что-жъ за важность, милый ты мой? У тебя руки, у меня руки.

Вася.

Я ужъ лучше осмѣлюсь, да такъ приду когда-нибудь, отцу твоему поклонюсь въ ноги.

Параша.

Вася, голубчикъ, терпѣнья моего не хватаетъ!

Вася.

Да какъ же быть-то, право, сама посуди.

Параша.

Ты по волѣ ходишь, а я-то, голубчикъ, подумай, что терплю? Я тебѣ говорю по душѣ: не хватаетъ моего терпѣнія, не хватаетъ!

Вася.

Ужъ ты малость-то, Параша, потерпи еще для меня!

Параша.

Вася, нешуточныя это слова, пойми ты! Видишь ты, я дрожу вся. Ужъ коли я говорю, что терпѣнія не хватаетъ, значитъ, скоро ему конецъ.

Вася.

Ну, полно! Что ты! Не пугай!

Параша.

Что ты пугливъ больно? Ты вотъ словъ моихъ испугался, а кабы ты въ душу-то мою заглянулъ, что тамъ-то! Черно, Вася, черно тамъ. Знаешь ли ты, что съ душой-то дѣлается, когда терпѣнью конецъ приходитъ? *(Почти шопотомъ.)* Знаешь ли ты, парень, какой это конецъ-то, гдѣ этотъ конецъ-то терпѣнью?

Вася.

Да видитъ Богъ!... Ну, вотъ, что-жъ мнѣ! Нешто не жаль, ты думаешь!

Параша *(жмется къ нему)*.

Такъ держи ты меня, держи меня крѣпче, не выпускай изъ рукъ. Конецъ-то терпѣнію въ водѣ, либо въ петлѣ.

Вася.

Да вотъ, вотъ, какъ маленько съ дѣлами управлюсь, такъ сейчасъ къ отцу твоему, а то, пожалуй, и такъ, безъ его вѣдома.

Параша.

Да когда-жъ, когда? День-то скажи! Ужъ я такъ замру до того дня, заморю сердце-то, зажму его, руками ухвачу.

Вася.

Да вотъ, какъ Богъ дастъ. Полученія тоже есть, старые должншики; въ Москву тоже надо съѣздить...

Параша.

Да ты слышалъ, что̀ я тебѣ сказала? Что̀-жъ, я обманываю тебя, лишнее на себя наговариваю? *(Плачетъ.)*

Вася.

Да Богъ съ тобой! Что̀ ты!

Параша.

Слышалъ ты, слышалъ? Даромъ я, что̀-ль, передъ тобой сердце-то изъ груди вынимала? Больно, вѣдь, мнѣ это, больно! Не болтаю я пустяковъ! Какой ты человѣкъ? Дрянной ты, что̀ ли? Что̀ слово, что̀ дѣло — у меня все одно. Ты меня водишь, ты меня водишь, а мнѣ смерть видимая. Му́ка нестерпимая, часу мнѣ терпѣть больше нельзя, а ты мнѣ: „Когда Богъ дастъ; да въ Москву съѣздить, да долги получить!“ Или ты мнѣ не вѣришь, или ты дрянь такая на свѣтъ родился, что глядѣть-то на тебя не сто́итъ, не токмо что любить!

Вася.

Ну, что̀-жъ ты такъ? Вотъ вдругъ...

Параша.

За что̀-жъ это, Господи, наказанье такое! Что̀-жъ это за парень, что̀ за плакса на меня навязался! Говоришь-то ты, точно за душу тянешь. Глядишь-то, точно укралъ что̀. Аль ты меня не любишь, обманываешь? Видѣть-то тебя мнѣ тошно, только ты у меня духу отнимаешь. *(Хочетъ итти.)*

Вася.

Да постой, Параша, постой!

Параша *(останавливается)*.

Ну, ну! Надумался, слава Богу! Пора!

Вася.

Что-жъ ты такъ въ сердцахъ-то уходишь; нешто такъ прощаются? Что ты, въ самомъ дѣлѣ! *(Обнимаетъ ее.)*

Параша.

Ну, ну, говори. Милый ты мой, милый!

Вася.

Когда-жъ мнѣ къ тебѣ еще побывать-то? Потолковали бы, право, потолковали.

Параша *(отталкиваетъ его)*.

Я думала, ты за дѣломъ. Хуже ты дѣвки; пропадай ты пропадомъ! Видно, мнѣ самой объ своей головѣ думать! Никогда-то я, никогда теперь на людей надѣяться не стану. Зарокъ такой себѣ положу. Куда я сама себя опредѣлю, такъ тому и быть. Не на кого, по крайности, мнѣ плакаться будетъ! *(Уходитъ въ домъ. Гаврила подходитъ къ Васѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Вася и Гаврила.

Гаврила.

Ну, что, поговорилъ?

Вася *(почесавъ затылокъ)*.

Поговорилъ.

Гаврила.

И какъ, должно быть, это пріятно, въ такую погоду, вечеркомъ, и съ дѣвушкой про любовь говорить! Что въ это время чувствуетъ человѣкъ? Я думаю, у него на душѣ-то точно музыка играетъ. Мнѣ вчужѣ было весело, что ты съ Прасковьей Павлиновной говорилъ; а каково тебѣ?

Вася.

Что-жъ, ничего! Она нынче сердита что-то.

Гаврила.

Будешь сердиться отъ такой-то жизни. Ужъ хоть ты-то ее не огорчай! Я бы, кажется, на твоемъ мѣстѣ... Вотъ скажи она мнѣ: пляши, Гаврила, — я плясать; поди въ омутъ — я

въ омутъ. Изволь, молъ, моя родная, изволь. Скажи мнѣ, Вася, какой это такой секретъ, что одного парня дѣвушки могутъ любить, а другого ни за что на свѣтѣ?

Вася.

Надо, чтобъ парень былъ видный, изъ себя красивый.

Гаврила.

Да, да, да! Такъ, такъ!

Вася.

Это первое дѣло, а второе дѣло — разговаривать нужно умѣть!

Гаврила.

Объ чемъ, милый другъ, разговаривать?

Вася.

Объ чемъ хочешь, только чтобъ вольность въ тебѣ была, развязка.

Гаврила.

А я, братецъ ты мой, какъ мнѣ дѣвушка понравится — и сейчасъ она мнѣ, какъ родная, и сейчасъ я ее жалѣть начну. Ну, и конецъ, и разговору у меня вольнаго нѣтъ. Другая и у хорошихъ родителей живетъ, а все мнѣ ее жалко что-то; а ужъ если у дурныхъ, такъ и говорить нечего; каждый мигъ у меня за нее сердце болитъ, какъ бы ее не обидѣлъ кто. И начну я по ночамъ думать, что вотъ ежели бы я женился, и какъ бы я сталъ жену свою беречь, любить, и все для нея на свѣтѣ бы дѣлалъ, не только что̀ она пожелаетъ, но и даже сверхъ того, всячески бы старался для нея удовольствіе сдѣлать. Тѣмъ бы я утѣшался, что ужъ очень у насъ женщины въ обидѣ и во всякомъ забвеніи живутъ — нѣтъ такого ничтожнаго, послѣдняго мужичонка, который бы не считалъ бабу ниже себя. Такъ вотъ хоть одну-то за всѣхъ сталъ бы ублажать всячески. И было-бъ у меня на сердцѣ весело, что хотя одна-то живетъ во всякомъ удовольствіи и безъ обиды.

Вася.

Ну, и что̀-жъ изъ этого? Для чего ужъ ты объ себѣ такъ мечтаешь? Къ чему это ведетъ? Это даже понять никакъ невозможно.

Гаврила.

Что̀ тутъ не понять? Все тебѣ ясно. А вотъ что̀ горько:

что̀ вотъ съ этакой-то я душой, а достанется мнѣ дрянь ка̀кая-нибудь, какую и любить-то не сто̀итъ, а все-таки я ее любить буду; а хорошія-то достаются вамъ, прощалыгамъ.

Вася.

Что̀-жъ, ты эту всю прокламацію разсказываешь дѣвкамъ, аль нѣтъ?

Гаврила.

Начиналъ, милый другъ, пробовалъ; только я отъ робости ничего этого, какъ слѣдуетъ, не выговорю, только мямлю. И такой на меня конфузъ...

Вася.

Что̀-жъ онѣ тебѣ на отвѣтъ?

Гаврила.

Извѣстно что̀: смѣются.

Вася.

Потому этотъ твой разговоръ самый низкій. А ты старайся сказать что-нибудь облагороженное. Меня Параша когда полюбила? Я тебѣ сейчасъ скажу. Была вечеринка; только я наканунѣ былъ выпимши и въ это утро съ тятенькой побранился, и такъ, знаешь ты, весь день былъ не въ себѣ. Прихожу на вечеринку и сижу молча, ровно какъ я сердитъ или разстроенъ чѣмъ. Потомъ вдругъ беру гитару, и такъ какъ мнѣ это горько, что я съ родителемъ побранился, и съ такимъ я чувствомъ запѣлъ:

Черный воронъ, что̀ ты вьешься
Надъ моею головой?
Ты добычи не дождешься:
Я не твой, нѣтъ, я не твой!
Посмотри за кустъ зеленый!
Дорожи теперь собой:
Пистолетъ мой заряжоный!
Я не твой, нѣтъ, я не твой!

Потомъ бросилъ гитару и пошелъ домой. Она мнѣ послѣ говорила: „такъ ты мнѣ все сердце и прострѣлилъ насквозь!“ Да и что̀-жъ мудренаго, потому было во мнѣ геройство. А ты что̀ говоришь? Какія-то плачевныя слова, и совсѣмъ не интересно ничего. Погоди, я тебя какъ-нибудь обучу, какъ надо съ ихней сестрой разговаривать и въ какомъ духѣ быть.

А ты это что? Это одна канитель. Теперь какъ бы мнѣ выбраться? Мимо Силана итти не рука: махну опять черезъ заборъ. Прощай! *(Идетъ къ забору; на крыльцѣ показываются Курослѣповъ, Градобоевъ, Матрена и дѣвушка.)*

Гаврила.

Куда ты? Вернись назадъ. Хозяева вышли; увидятъ — бѣда! Притаимся въ кустахъ, пока уйдутъ. *(Прячутся въ кусты.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Курослѣповъ, Градобоевъ, Матрена и дѣвушка.

Курослѣповъ.

Давай, Серапіонъ Мардарьичъ, выпьемъ мы теперича подъ древомъ! *(Дѣвкѣ.)* Ставь закуску подъ древо.

Градобоевъ.

Выпьемъ подъ древомъ!

Матрена.

Что вамъ на одномъ мѣстѣ-то не сидится?

Курослѣповъ *(женѣ)*.

Брысь подъ лавку! *(Градобоеву.)* Какъ же ты это съ туркой-то воевалъ?

Градобоевъ.

Такъ и воевалъ, очень просто. Что мы у нихъ этихъ однѣхъ крѣпостей побрали!

Матрена.

Да, можетъ, ты неправду?

Курослѣповъ.

Брысь, говорятъ тебѣ!

Матрена.

Что ты ужъ очень некстати? Что я тебѣ кошка, что ли, въ самомъ дѣлѣ?

Курослѣповъ.

Ты, Серапіонъ Мардарьичъ, не осердись, помилуй Богъ! Ты и не гляди на нее, обернись ты къ ней задомъ; пущай она на вѣтеръ брешетъ. Какъ же вы эти самыя крѣпости брали?

Градобоевъ.

Какъ брали? Чудакъ! Руками. У турки храбрость большая, а духъ у него короткій, и присяги онъ не понимаетъ, какъ надобно ее соблюдать. И на часахъ ежели онъ стоитъ, его сейчасъ за ногу цѣпью прикуютъ къ пушкѣ или тамъ къ чему, а то уйдетъ. Вотъ когда у нихъ вылазка изъ крѣпости, тогда его берегись: тутъ они опивумъ по стакану принимаютъ.

Курослѣповъ.

Какимъ же это опивомъ?

Градобоевъ.

Ну, какъ тебѣ это растолковать? Ну, все одно — олифа. И сейчасъ у него куражъ; тутъ ужъ ему не попадайся, зубами загрызетъ. Такъ наши и здѣсь сноровку нашли. Какъ они повалятъ изъ крѣпости кучей, загалдятъ по-своему, наши сейчасъ отступать, отступать, все ихъ заманиваютъ дальше, чтобъ у нихъ куражъ-то вышелъ; какъ отведутъ ихъ далеко, духъ-то этотъ храбрый весь у нихъ вылетитъ, тутъ ужъ казаки заѣзжаютъ съ боковъ, да такъ ихъ косяками и отхватываютъ. Ужъ тутъ его руками бери, сейчасъ аманъ кричитъ.

Курослѣповъ.

Не любитъ! Что-жъ это онъ аманъ кричитъ, зачѣмъ?

Градобоевъ.

По — нашему сказать, по-русски: пардонъ.

Матрена.

Ты вотъ говоришь: пардонъ, а я слышала, что у нихъ такіе есть, которые совсѣмъ безпардонные.

Градобоевъ.

Слышала ты звонъ, да не знаешь, гдѣ онъ.

Курослѣповъ.

Сдѣлай ты для меня такую милость, не давай ты ей повадки, не слушай ея словъ: пусть одна говоритъ. А то вотъ только малость дай ей за что уцѣпиться, такъ и жизни не радъ будешь. Ну, вотъ мы съ тобой теперича, послѣ сраженія турецкаго, и выпить можемъ.

Градобоевъ.

Это ужъ своимъ чередомъ! *(Садятся и наливаютъ.)* Вотъ я какой городничій! О туркахъ съ вами разговариваю, водку

ью, невѣжество ваше всякое вижу, и мнѣ ничего. Ну, не птецъ ли я вамъ, скажи?

Курослѣповъ.

Да ужъ что̀ толковать!

Матрена.

Ты пирожка не хочешь ли? Кушай на здоровье, Скорпіонъ Мардарьичъ!

Градобоевъ.

Боже ты мой милостивый! Да какой же я Скорпіонъ? Это ты скорпіонъ, а я — Серапіонъ.

Матрена.

Что̀ ты ко мнѣ присталъ? Не я тебя крестила! Нешто я виновата, что тебѣ такихъ именъ надавали? Какъ ни выворачивай языкъ-то, все тотъ же скорпіонъ выйдетъ.

Градобоевъ.

Вотъ что̀, милая дама, ты бы пошла по хозяйству присмотрѣла; все-таки свой-то глазъ лучше.

Матрена.

Ну, ужъ ты эти свои дьявольскіе подходы оставь! Не глупѣй я тебя, только-что развѣ въ Туречинѣ не бывала. Я вижу, что вамъ прогнать меня хочется, а я вотъ останусь.

Курослѣповъ.

Брось ты ее! Вотъ охота! Не понимаю... Ужъ самое это послѣднее занятіе: съ бабой разговаривать. Диви бы дѣла не было! Вотъ она, закуска-то! *(Пьютъ.)*

Градобоевъ.

Ну, какъ же твои деньги? Какъ же намъ съ этимъ дѣломъ быть?

Курослѣповъ.

Что̀ съ возу упало, то пропало.

Градобоевъ.

Гдѣ онѣ у тебя были?

Курослѣповъ.

Ну, ты знаешь, моя каморка, такая темненькая. Туда, кромѣ меня съ женой, никто и не ходитъ.

Градобоевъ.

Подозрѣніе на кого-нибудь имѣешь?

Курослѣповъ.

Что грѣшить-то, ни на кого не имѣю.

Градобоевъ.

Надо слѣдствіе.

Матрена.

Ну да, какъ же не средствіе.

Градобоевъ.

Безпремѣнно надо.

Матрена.

Такъ вотъ я и позволю въ моемъ домѣ тебѣ безобразничать.

Градобоевъ.

Да мы тебя-то, пожалуй, и не спросимся.

Матрена.

Знаю я это средствіе-то, для чего оно бываетъ.

Градобоевъ.

Какъ тебѣ не знать, ты женщина умная. Мнѣ нужно себя очистить, а то скажутъ, пожалуй, въ городѣ грабежъ, а городничій и не почешется.

Матрена.

Ну, какъ же! Совсѣмъ не для того, а для того, что ты человѣкъ алчный.

Градобоевъ.

Разговаривай еще!

Курослѣповъ.

Обернись къ ней задомъ.

Матрена.

Все тебѣ мало...

Градобоевъ.

И то мало. Ты знаешь наше жалованье-то, а у меня семья.

Матрена.

И выходитъ, ты человѣкъ алчный! Какъ зародился на свѣтъ скорпіонъ, такъ скорпіонъ и есть.

Градобоевъ *(старается испугать).*

Я съ тобой побранюсь! Сказалъ я тебѣ, чтобы не смѣла ты меня скорпіономъ звать: я, вѣдь, капитанъ, регаліи имѣю; я съ тебя безчестье сдеру, а то и въ смирительный!

Курослѣповъ.

Хорошенько ее!

Матрена.

Въ усмирительный? Въ умѣ ли ты?

Градобоевъ.

Да еще на дуэль вызову.

Матрена.

Такъ вотъ я испугалась, какъ же! Тебѣ только съ бабами и драться! Велика бѣда, что я тебя скорпiономъ назвала. Вашего брата, какъ ни назови, только хлѣбомъ накорми!

Курослѣповъ.

Не связывайся ты съ ней! Я ужъ съ ней давно ни объ чемъ не разговариваю, очень давно; потому нѣтъ моей никакой возможности. Разговору у меня съ ней нѣтъ, окромя: подай, прими, поди вонъ — вотъ и все.

Матрена *(Градобоеву)*.

Ты свое средствiе, а я свое средствiе знаю. Запру ворота на запоръ, да собакъ выпущу, вотъ тебѣ и средствiе. Ты бы лучше разбойниковъ-то ловилъ, а то средствiе...

Градобоевъ.

Какихъ разбойниковъ?

Курослѣповъ.

Брось ты ее!

Матрена.

Изъ брынскихъ лѣсовъ человѣкъ полтораста приплыли.

Градобоевъ.

По сухому-то берегу... Гдѣ-жъ ты ихъ видѣла?

Курослѣповъ.

Оставь, молчи лучше, а то она такую понесетъ околесную, что только развѣ пожарной трубой уймешь.

Градобоевъ.

Ты бы ее останавливалъ.

Курослѣповъ.

Пробовалъ, хуже! А вотъ одно дѣло: дать ей на произволъ, мели, что̀ хочешь, а слушать и отвѣчать, молъ, не согласны. Устанетъ, перестанетъ. *(Пьютъ.)*

Матрена.

Разбойники народъ крещеный грабятъ, а они тутъ прохлаждаются, водку пьютъ.

Градобоевъ.

Гдѣ грабятъ? Ну, сказывай! Кого ограбили?

Матрена.

А я почемъ знаю? Я что̀ за сыщикъ? По лѣсамъ грабятъ.

Градобоевъ.

Такъ это не мое дѣло, а исправника.

Курослѣповъ.

Чего тебѣ отъ нея хочется? Я тебѣ доподлинно объясню, что нельзя съ ней разговаривать. Вотъ попробуй, такъ я тебѣ, чѣмъ хочешь, отвѣчаю, что безпремѣнно ты черезъ полчаса либо съ ума сойдешь, либо по стѣнамъ начнешь метаться; зарѣжешь кого-нибудь чужого, совсѣмъ невиноватаго. Потому это дѣло испробованное.

Градобоевъ.

Ну ужъ, видно, принесть тебѣ подарочекъ. Я въ Бессарабіи у казака купилъ, у киргиза.

Курослѣповъ.

Сдѣлай такую милость!

Матрена.

Это что̀ еще за выдумки?

Градобоевъ.

Въ ордѣ плетена, ручка въ серебро оправлена съ чернетью. Для друга не жаль. А ужъ какая пользительная!

Матрена.

Умны вы больно, какъ погляжу я на васъ! Это ты плеть хочешь подарить, либо нагайку! Дорога твоя плеть, только стегать не по чемъ; потому это дороже васъ обоихъ, не токма̀, что твоей плети. Приноси свою плеть! Что̀-жъ, мы возьмемъ! Можетъ, и пригодится на какую-нибудь невѣжу гостя.

Градобоевъ.

Который у васъ заборъ-то на пустырь выходитъ?

Курослѣповъ *(указывая)*.

Вонъ этотъ.

Градобоевъ.

Обмѣрить надо, сколько саженъ отъ дому.

Курослѣповъ.

Для чего?

Градобоевъ.

Для порядку.

Курослѣповъ.

Ну что-жъ, можно.

Градобоевъ.

Давай шагами мѣрить, ты отъ дому, а я отъ забора, такъ и сойдемся вмѣстѣ. *(Отходитъ къ забору.)*

Курослѣповъ.

Ну, давай! *(Отходитъ къ дому.)*

Матрена.

Шагайте, благо темно, смѣяться-то на васъ некому.

Градобоевъ *(идетъ отъ забора).*

Разъ, два, три...

Курослѣповъ *(идетъ отъ дому).*

Первый, другой, третій... погоди, сбился, начинай сначала. *(Каждый идетъ на прежнее мѣсто и постепенно сходятся.)*

Градобоевъ *(натыкаясь на Васю).*

Стой! Что за человѣкъ? *(Хватаетъ Васю за воротъ.)* Сидоренко! Жигуновъ!

Курослѣповъ *(натыкаясь на Гаврилу, который подшибаетъ его и убѣгаетъ).*

Ай, убилъ! Ай, убилъ! Караулъ! Держи его! *(Вбѣгаетъ Силанъ, за нимъ два будочника и нѣсколько рабочихъ.)*

Матрена.

Ахъ! Разбойники! Караулъ! Рѣжутъ!

Силанъ.

Гдѣ тутъ они?

Матрена.

Вонъ, въ кустахъ, хозяина рѣжутъ! Ахъ! Караулъ!

Градобоевъ *(будочникамъ).*

Вяжи, крути его, разбойника! Ты воровать, ты воровать? У меня, въ моемъ-то городѣ? Хо-хо-хо! *(Будочники вяжутъ Васю.)*

Силанъ *(ухвативъ Курослѣпова)*.

Нѣтъ, ужъ ты мнѣ что̀ хочешь пой, а ужъ я тебя тепе-рича поймалъ! Попался ты мнѣ! Что̀ я изъ-за тебя муки, что̀ этого сумлѣнія...

Курослѣповъ.

Кого ты, кого ты? Хозяина-то! Возьми глаза-то въ зубы.

Силанъ.

Шалишь! Не обманешь! Что̀ этого грѣха я за тебя при-нялъ.

Градобоевъ *(Силану)*.

И его тащи сюда! Огня подайте!

Силанъ *(одному дворнику)*.

Бѣги въ молодцовскую, принеси фонарь. *(Работникъ ухо-дитъ.)*

Курослѣповъ.

Ты съ разбойниками вмѣстѣ: ты на хозяина, а еще дядя!

Матрена.

Много-ль ихъ тамъ, разбойниковъ-то?

Силанъ.

Ни одинъ не уйдетъ, всѣ тутъ. Подержите, братцы. Гдѣ тутъ у меня веревка была?

Матрена.

Всѣ? Ахъ, полтораста! Караулъ! Всѣхъ они васъ, всѣхъ перекрушатъ и до меня доберутся. *(Падаетъ на скамью.)*

Градобоевъ.

Вяжите! Хо-хо-хо-хо! У меня-то въ городѣ? Не нашли вы другого мѣста?

Курослѣповъ.

Погоди-жъ ты! Дай мнѣ только руки-то высвободить, ве-ликая тебѣ будетъ... *(Рабочій приноситъ и ставитъ фо-нарь на столъ.)*

Градобоевъ.

Давай ихъ сюда! Сейчасъ допросъ. Ухъ, усталъ! Вотъ она наша служба-то! *(Хочетъ садиться на скамью.)* Тутъ что̀ еще? Мягко что̀-то! Никакъ мертвое тѣло? *(Трогаетъ ру-ками.)* Еще забота! Фу, ты! Нѣтъ тебѣ минуты покою.

Матрена.

Ахъ! до меня, до меня добираются!

Градобоевъ.

Охъ, ужъ мнѣ эта баба! Опять ты тутъ? *(Беретъ ее за руку.)*

Матрена.

Пуще всего не рѣжьте вы меня и не троньте моего тѣла бѣлаго!

Градобоевъ.

Ну да, какъ же, очень нужно! Какая невидаль! Пошла домой! говорятъ тебѣ. *(Топаетъ ногами.)* Что̀ ты тутъ судопроизводству мѣшаешь? *(Садится на лавку.)* Я свою должность правлю, сейчасъ арестовать велю. *(Матрена уходитъ.)*

Силанъ *(тащитъ Курослѣпова; ему помогаютъ другіе дворники).*

Вотъ ваше высоко... О, чтобъ!... И то никакъ хозяинъ.

Курослѣповъ.

Что̀ вы, оглашенные! *(Вырывается и хватаетъ за воротъ Силана.)* Серапіонъ Мардарьичъ! Господинъ городничій! Суди ты его! Я тебѣ кланяюсь, суди его сейчасъ! *(Силану.)* Вѣдь, теперь тебя всякими разными казнями казнить надо, потому какъ ты купца, который отъ всего общества превозвышенъ и за разныя пожертвованія и для благолѣнія... опять же его иждивеніемъ... а ты ему руки назадъ при народѣ: и что̀ ты со мной сдѣлалъ? Теперь всѣ мои чины, какъ есть въ ничто...

Градобоевъ.

Не бойся! Всѣ при тебѣ останутся, садись!

Силанъ.

Кто же тебя... Вотъ поди-жъ ты! То ты бранишься, что плохо стерегу! Ну, вотъ я... что̀-жъ... что силы было — страсть, какъ усталъ. Ишь, ты какой здоровый! Вотъ ты опять... а нешто я виноватъ, что темно?

Градобоевъ.

Ну, это дѣло вы послѣ разберете. Давай сюда вора настоящаго. *(Будочники подводятъ Васю.)* Ты что̀ за человѣкъ?

Курослѣповъ.

Да это Васька!

Градобоевъ.

Зачѣмъ же это, другъ мой милый, ты за воровство принялся?

Курослѣповъ.

Да ужъ безпремѣнно онъ, потому какъ отецъ теперь въ разстройство...

Градобоевъ *(Курослѣпову)*.

Ты будешь допрашивать? Можетъ быть, я не за свое дѣло взялся? Такъ надѣвай мой мундиръ, а ужъ я буду прошеніе писать, чтобы меня въ отставку.

Курослѣповъ.

Ну, полно, не сердись!

Градобоевъ *(Васѣ)*.

Такъ какъ же, другъ любезный?

Вася.

Да помилуйте, Серапіонъ Мардарычъ! Нешто вы насъ съ тятенькой не знаете?

Градобоевъ.

Постой! Ты отвѣчай мнѣ на вопросъ: зачѣмъ ты за воровство взялся? Занятіе это, что ли, тебѣ понравилось? Или очень выгодно?

Вася.

Да помилуйте, я собственно побывать зашелъ, а извѣстное дѣло — прячешься отъ Павлина Павлиныча, такъ какъ у нихъ обнаковеніе все за волосы больше... А что я съ малолѣтства къ воровству никакой охоты... Кажется, даже малость какую, да ежели чужая, такъ мнѣ и не надо.

Градобоевъ.

Одинъ ты этимъ дѣломъ промышляешь или въ компаніи?

Вася.

Что вамъ угодно, а за мной никакихъ дѣловъ нѣтъ-съ.

Курослѣповъ.

Ну васъ! Что за судъ! Развѣ онъ признается? Да хоть и признается, такъ ужъ денежки прощай! Гдѣ-жъ это бываетъ, а у насъ и подавно, чтобы пропащія деньги нашлись? Стало быть, ихъ и искать нечего, и судить не объ чемъ.

Градобоевъ.

Нѣтъ, ты такихъ словъ не говори! Отвѣтишь!

Курослѣповъ.

Было бы за что̀ отвѣчать-то! Найди, тогда отвѣчу.

Градобоевъ.

Не дразни ты меня! Не обижай! Примусь искать, такъ найду. Теперь ты меня за живое задѣлъ.

Курослѣповъ.

Ну, ищи! Найдешь, ты будешь правъ, а я виноватъ. А мы вотъ сдадимъ его въ некруты за общество; они же теперь съ отцомъ разстроились, значитъ, онъ такъ шатается, не при дѣлѣ — вотъ и весь конецъ. На той же недѣлѣ сдадимъ, а покуда пусть посидитъ въ арестантской за подозрѣніе.

Градобоевъ.

Ладно, пусть посидитъ покуда. *(Будочникамъ.)* Сведите его въ арестантскую.

Вася.

Да за что̀ же, помилуйте?

Градобоевъ.

Маршъ! Безъ разговору. *(Будочники уводятъ Васю.)*

Курослѣповъ.

Ты еще моли Бога... *(Рабочимъ.)* Ступайте по мѣстамъ, что̀ рты-то разинули! *(Силанъ и рабочіе уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Курослѣповъ и Градобоевъ.

Градобоевъ.

Съ нимъ еще кто-то былъ?

Курослѣповъ.

Надо быть, изъ своихъ. Я такъ думаю: Гаврилка! Ну, ужъ съ этимъ я самъ разочтусь.

Градобоевъ.

Значитъ, кончено дѣло?

Курослѣповъ.

Кончено.

Градобоевъ.

Ну!

Курослѣповъ.

Что̀, ну?

Градобоевъ.

Если дѣло кончено, такъ что̀?

Курослѣповъ.

Что̀?

Градобоевъ.

Мерси.

Курослѣповъ.

Какая такая мерси?

Градобоевъ.

Ты не знаешь? Это — покорно благодарю. Понялъ теперь? Что̀-жъ, я за даромъ для тебя пропажу-то искалъ?

Курослѣповъ.

Да, вѣдь, не нашелъ.

Градобоевъ.

Еще бы найти! Тогда бы я не такъ съ тобой заговорилъ. Мальчикъ я, что̀ ли, для васъ по ночамъ-то разбойниковъ ловить, живота не жалѣя? Я человѣкъ раненый!

Курослѣповъ.

Да, вѣдь, ты такъ, между дѣломъ, за водкой.

Градобоевъ.

Водка сама по себѣ; дружба дружбой, а порядку не теряй! Ты безъ барыша ничего не продашь, ну, такъ и я завелъ, чтобы мнѣ отъ каждаго дѣла щетинка была. Ты мнѣ щетинку подай! Побалуй тебя одного, такъ и другіе волю возьмутъ. Ты кушаешь, ну и я кушать хочу.

Курослѣповъ.

Да ну, что̀-жъ, я, пожалуй, завтра...

Градобоевъ.

Милости просимъ на чашку чая, пораньше.

Курослѣповъ.

Хорошо, зайду.

Градобоевъ *(подаетъ ему руку)*.

До пріятнаго! Ты завтра пришли ко мнѣ Силана, мнѣ его разспросить надо! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Курослѣповъ, *потомъ* Гаврила *и* Силанъ.

Курослѣповъ *(громко).*

Гаврилка! *(Гаврила у окна громко поетъ: „Ни папаши, ни мамаши“.)* Врешь, не обманешь! Гаврилка! *(Гаврила входитъ.)*

Гаврила.

Ежели вы опять за̀ волосы, такъ пожалуйте лучше расчетъ.

Курослѣповъ.

Вотъ я тебя разочту сейчасъ. Силантій! Дядюшка! Эй! *(Входитъ Силанъ.)* Выкинь его сундучишко на улицу и самого въ шею.

Гаврила.

Куда-жъ я ночью?

Курослѣповъ.

А мнѣ что̀ за дѣло? Мой домъ не общественнаго призрѣнія для всякаго, который того не сто́итъ. Коли жить не умѣешь, ступай вонъ, и конецъ.

Гаврила.

Да у меня полтораста рублей денегъ зажито.

Курослѣповъ.

Важное дѣло полтораста рублей; а у меня двѣ тысячи пропало. Полтораста! А въ острогъ хочешь?

Гаврила.

Да за что̀ же? Я человѣкъ бѣдный.

Курослѣповъ.

Бѣдные-то и воруютъ.

Гаврила.

Мнѣ деньги пожалуйте! Не съ голоду же мнѣ помирать?

Курослѣповъ.

Ну, ищи поди съ меня. Эки проклятые! Тьфу! Вотъ хотѣлось ужинать, вотъ теперь и не хочется. А онъ съ голоду помирать... да полтораста рублей! Да я съ тебя тысячу бы не взялъ за это разстройство. Поди за мной, Силантій, я

тебѣ его пачпортъ отдамъ. *(Гаврилѣ.)* А то у меня и въ острогѣ насидишься. *(Уходитъ съ Силаномъ.)*

Гаврила.

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день! Куда ты теперь, Гаврилка, дѣнешься? Куда ни сунься, скажутъ, за воровство прогнали. Срамъ головушкѣ! Убытокъ-то убыткомъ, а мараль-то какая. На какой я теперь линіи? Прямая моя теперь линія — изъ воротъ да въ воду. Самъ на дно, пузырики вверхъ. Ай, ай, ай, ай. *(Выходитъ Силанъ.)*

Силанъ.

Вотъ тебѣ пашпортъ! Вольный ты теперь казакъ. Я такъ полагаю, что къ лучшему. Собрать, что ли, твое приданое-то?

Гаврила.

Сбери, братъ, сдѣлай милость, добра-то немного, все въ узелъ; у меня руки не дѣйствуютъ. Гитару-то не забудь. Я тутъ на столбушкѣ посижу. *(Силанъ уходитъ. Гаврила садится на столбикъ. Выходитъ Параша.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Параша *и* Гаврила, *потомъ* Силанъ.

Параша.

Что̀ у васъ тутъ за бѣда случилась? Батюшка изъ себя выходитъ.

Гаврила.

И-и-и не расчерпаешь. Я рѣшенъ совсѣмъ.

Параша.

Какъ совсѣмъ?

Гаврила.

Всего рѣшенъ. Ни копейки, вся служба ни во что̀, и на всѣ четыре стороны.

Параша.

Ахъ, ты бѣдный!

Гаврила.

Я-то еще ничего, а Васю въ солдаты.

Параша *(съ ужасомъ).*

Въ солдаты?

Гаврила.

Теперь въ арестантской сидитъ, а на-дняхъ сдадутъ.

Параша.

Полно! Чтò ты? За меня въ солдаты?

Гаврила.

Не за васъ, а его застали тутъ на дворѣ, и занапрасно воромъ поставили, что будто онъ деньги укралъ.

Параша.

Да, вѣдь, это все равно, все равно; вѣдь, онъ для меня сюда пришелъ. Вѣдь, онъ меня любитъ! Боже мой! Грѣхъ-то какой! Онъ пришелъ повидаться со мной, а его въ солдаты отъ отца, отъ меня. Отецъ-старикъ одинъ останется, а его погонятъ, погонятъ! *(Вскрикиваетъ.)* Ахъ, я несчастная! *(Хватается за голову.)* Гаврила, посиди тутъ, подожди меня минуту! *(Убѣгаетъ.)*

Гаврила.

Куда она? Чтò съ ней? Бѣдная она, бѣдная! Вотъ и съ отцомъ, съ матерью живетъ, а сирота сиротой! Все сама объ своей головушкѣ думаетъ. Никто въ ея сиротское, дѣвичье горе не войдетъ. Ужъ ее-ль не любить-то! Охъ, какъ мнѣ грудь-то больно! Слезы-то мнѣ горло давятъ. *(Плачетъ. Выходитъ Силанъ съ узломъ и гитарой.)*

Силанъ.

Вотъ тебѣ шапка! *(Надѣваетъ на него.)* Вотъ тебѣ узелъ, вотъ тебѣ гитара. И, значитъ, братецъ ты мой, прощай! Не поминай лихомъ, а добромъ не помянешь! *(Выходитъ Параша въ бурнусѣ и съ платкомъ на головѣ.)*

Параша.

Пойдемъ, пойдемъ!

Гаврила.

Куда вы, куда вы? Помилуйте!

Параша.

Къ нему, Гаврилушка, къ нему, мой милый!

Гаврила.

Да, вѣдь, онъ въ арестантской, помилуйте, чтò вы!

Параша.

У меня деньги, вотъ видишь! Я подарю солдатамъ, меня пропустятъ.

Гаврила.

Такъ, вѣдь, это утромъ, а гдѣ же вы ночью-то? *(Кланяется въ ноги.)* Останьтесь, матушка, родная, останьтесь!

Параша.

Я у крестной ночую. Пойдемъ! Пойдемъ! Что̀ за разговоры!

Силанъ *(Парашѣ).*

Ты за ворота проводить, что̀-ль? Ну, проводи? Дѣло доброе. Онъ сирота.

Параша *(оборотившись къ дому, нѣсколько времени молча смотритъ на него).*

Прощай, домъ родительскій! Что̀ тутъ слезъ моихъ пролито! Господи, что слезъ! А теперь хоть бы слезинка выкатилась: а, вѣдь, я родилась тутъ, выросла... Давно ли я ребенкомъ была: думала, что милѣй тебя и на свѣтѣ нѣтъ, а теперь хоть бы вѣкъ тебя не видать. Пропадай ты пропадомъ, тюрьма моя дѣвичья! *(Убѣгаетъ. Гаврила за ней.)*

Силанъ.

Постой! Куда ты? *(Махнувъ рукой.)* Не мое дѣло! *(Запираетъ калитку.)* Эка жизнь! Наказаніе! *(Стучитъ въ доску и кричитъ:)* Посматривай!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Градобоевъ.
Курослѣповъ.
Гаврила.
Параша.
Вася.
Аристархъ, мѣщанинъ.
Тарасъ Тарасычъ Хлыновъ, богатый подрядчикъ.
Баринъ съ большими усами.
Силанъ.
Сидоренко.
Жигуновъ.
Мѣщане: 1-й, 2-й и 3 й.
Гребцы.
Пѣсельники.
Инвалидные солдаты.
Арестанты.
Разные люди.

Площадь на выѣздѣ изъ города. Налѣво отъ зрителя городническій домъ съ крыльцомъ; направо арестантская, окна съ желѣзными рѣшетками, у воротъ инвалидный солдатъ; прямо рѣка и небольшая пристань для лодокъ; за рѣкой сельскій видъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Аристархъ *(сидитъ на пристани, ловитъ рыбу на удочку)*, Силанъ *(подходитъ и молча смотритъ). У городническаго крыльца стоитъ куча людей.*

Аристархъ *(не замѣчая Силана).*

Ишь, хитритъ, ишь, лукавитъ! Погоди-жъ ты, я тебя перехитрю. *(Вынимаетъ удочку и поправляетъ.)* Ты хитра, а я хитрѣй тебя; рыба хитра, а человѣкъ премудръ Божьимъ произволеніемъ... *(Закидываетъ удочку.)* Человѣку такая хитрость дана, что онъ надъ всѣми, иже на землѣ и подъ землею, и въ водахъ... Поди сюда! *(Тащитъ удочку.)* Что̀? Попалась? *(Снимаетъ рыбу съ крючка и сажаетъ въ садокъ.)*

Силанъ.

Вотъ ты какъ ловишь-то?

Аристархъ *(оборачиваясь)*.

Здорово, дядюшка Силантій!

Силанъ.

Съ приговоромъ-то оно... дѣйствительно... Много ты этого всякаго приговору знаешь, а я не знаю; вотъ она мнѣ и не попадаетъ.

Аристархъ.

Какого приговору?

Силанъ.

Молитва, молъ, что̀-ль, аль слова какія; вотъ я слушалъ, да не понялъ, а рыба-то и идетъ на нихъ.

Аристархъ.

Полно, дядюшка Силантій, какіе приговоры! Такъ, самъ съ собой разговариваю.

Силанъ.

Ну, да ужъ что̀! Коли слово знать, на что̀ лучше... Ты вонъ и часы... Скажешь, такъ спроста.

Аристархъ.

Ты тоже рыбки половить?

Силанъ.

До рыбки-ль! Я къ городничему.

Аристархъ.

Зачѣмъ?

Силанъ.

У насъ теперь дома литовское разореніе: все одно, что Мамай прошелъ... Деньги пропали, разъ; крестница твоя ушла...

Аристархъ.

Что̀ мудренаго! Уйдешь. Куда-жъ она?

Силанъ.

Она у крестной, я заходилъ. Не велѣла, чтобъ отцу... Ну, мнѣ какая нужда.

Аристархъ.

Какъ же это деньги? Кому-жъ бы?

Силанъ.

Ты-жъ говори! У вора одинъ грѣхъ, а у насъ съ хозяи-

номъ десять: что мы народу перешлепали! Гаврилу прогналъ; Вася Шустрый теперь въ арестантской соблюдается покудова.

Аристархъ.

Въ арестантской? Что ты? Вотъ грѣхи-то!

Силанъ.

Какъ есть грѣхи... Натворили... паче песка морского.

Аристархъ.

Какъ же быть-то? Надо Васю выручать! Кто-жъ его въ арестантскую? Хозяинъ, что-ль?

Силанъ.

Хозяинъ! Силёнъ, ну, и чудитъ. Городничій проснулся?

Аристархъ.

Поди, узнай!

Силанъ.

Что ходить-то? Онъ самъ на крыльцо выйдетъ. Онъ цѣлый день на крыльцѣ сидитъ, все на дорогу смотритъ. И какой зоркій на безпашпортныхъ! Хоть сто человѣкъ артель вали, какъ сейчасъ воззрится да поманитъ кого къ себѣ: „а поди-ка сюда, другъ любезный!“ Такъ тутъ и есть. *(Почесываетъ затылокъ.)* А то пойти! *(Подходитъ къ городническому дому.)*

Аристархъ.

Что только за дѣла у насъ въ городѣ! Ну, ужъ обыватели! Самоѣды! Да и тѣ, чай, обходительнѣе. Ишь ты, чудное дѣло какое! Ну-ка! Господи благослови! *(Закидываетъ удочку. Выходятъ Градобоевъ въ халатѣ и въ форменной фуражкѣ, съ костылемъ и трубкою, и Сидоренко.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Градобоевъ, Сидоренко и тѣ же.

Градобоевъ *(садясь на ступени крыльца)*.

До Бога высоко, а до царя далеко. Такъ я говорю?

Голоса.

Такъ, Серапіонъ Мардарьичъ. Такъ, ваше высокоблагородіе!

Градобоевъ.

А я у васъ близко, значитъ, я вамъ и судья.

Голоса.

Такъ, ваше высокоблагородіе! Вѣрно, Серапіонъ Мардарьичъ.

Градобоевъ.

Какъ же мнѣ васъ судить теперь? Ежели судить васъ по законамъ...

1-й голосъ.

Нѣтъ, ужъ за что же, Серапіонъ Мардарьичъ!

Градобоевъ.

Ты говори, когда тебя спросятъ, а станешь перебивать, такъ я тебя костылемъ. Ежели судить васъ по законамъ, такъ законовъ у насъ много... Сидоренко, покажи имъ, сколько у насъ законовъ. *(Сидоренко уходитъ и скоро возвращается съ цѣлой охапкой книгъ.)* Вотъ сколько законовъ! Это у меня только, а сколько ихъ еще въ другихъ мѣстахъ! Сидоренко, убери опять на мѣсто! *(Сидоренко уходитъ.)* И законы все строгіе; въ одной книгѣ строги, а въ другой еще строже, а въ послѣдней ужъ самые строгіе.

Голоса.

Вѣрно, ваше высокоблагородіе, такъ точно.

Градобоевъ.

Такъ вотъ, друзья любезные, какъ хотите: судить ли мнѣ васъ по законамъ, или по душѣ, какъ мнѣ Богъ на сердце положитъ? *(Сидоренко возвращается.)*

Голоса.

Суди по душѣ, будь отецъ, Серапіонъ Мардарьичъ.

Градобоевъ.

Ну, ладно. Только ужъ не жаловаться, а коли вы жаловаться... ну, тогда ужъ...

Голоса.

Не будемъ, ваше высокоблагородіе.

Градобоевъ *(Жигунову)*.

Плѣнные есть?

Жигуновъ.

Ночью понабрали, ваше высокоблагородіе, за безобразіе: двое портныхъ, сапожникъ, семь человѣкъ фабричныхъ, приказный да купеческій сынъ.

Градобоевъ.

Купеческаго сына запереть въ чуланъ да сказать отцу, чтобъ выручить приходилъ и выкупъ приносилъ; приказнаго отпустить, а остальныхъ... Есть у насъ работа на огородѣ?

Жигуновъ.

Есть. Человѣка два нужно.

Градобоевъ.

Такъ отбери двоихъ поздоровѣе, отправь на огородъ, а тѣхъ въ арестантскую: имъ резолюція послѣ. *(Жигуновъ съ арестантами уходитъ.)* Какія еще дѣла? Подходите по одному!

1-й мѣщанинъ.

Деньги вашему высокоблагородію, по векселю.

Градобоевъ.

Вотъ и ладно, одно дѣло съ плечъ долой. Сидоренко, положи въ столъ! *(Отдаетъ деньги Сидоренкѣ.)*

Сидоренко.

Много у насъ, ваше высокоблагородіе, этихъ самыхъ денегъ накопилось, не разослать ли ихъ по почтѣ?

Градобоевъ.

Посылать еще! Это что̀ за мода? Наше дѣло взыскать, вотъ мы и взыскали. Кому нужно, тотъ самъ пріѣдетъ — мы ему и отдадимъ; а то разсылать еще, Россія-то велика! А коли не ѣдетъ, значитъ, ему не очень нужно. *(Подходитъ 2-й мѣщанинъ.)* Тебѣ что̀?

2-й мѣщанинъ.

Векселекъ вамъ! Не платитъ.

Градобоевъ *(принявъ вексель)*.

Сидоренко, сунь его за зеркало! *(Сидоренко уходитъ.)*

2-й мѣщанинъ.

Да какъ же, за зеркало?

Градобоевъ.

А то куда-жъ его? Въ рамку, что̀-ль, вставить? У меня тамъ не одинъ твой: векселей тридцать торчитъ.

2-й мѣщанинъ.

А если онъ...

Градобоевъ.

А если онъ... а если ты станешь еще разговаривать, такъ

видишь. *(Показываетъ костыль.)* Пошелъ прочь! *(Увидавъ 3-го мѣщанина.)* А, другъ любезный, ты здѣсь! Долги платить — денегъ нѣтъ, а на пьянство есть: вексель на тебя другой годъ за зеркаломъ торчитъ, заплѣсневѣлъ давно, а ты пьянствуешь. Ступай въ сѣни, дожидайся! Вотъ я тебѣ вексель-то на спину положу, да костылемъ и стану взысканіе производить.

3-й мѣщанинъ.

Явите божескую милость, ваше высокоблагородіе! Достатки наши вамъ извѣстные... Помилосердуйте!

Градобоевъ.

Вотъ я те помилосердую, ступай! *(Замѣтивъ Силана.)* Эй, ты, дядя! Иди за мной въ комнаты! Съ тобой у насъ большой разговоръ будетъ. *(Прочимъ.)* Ну, съ Богомъ! Некогда мнѣ теперь судить васъ. Кому что̀ нужно, приходите завтра. *(Уходитъ съ Силаномъ. Всѣ расходятся. Входитъ Гаврила съ холстиннымъ мѣшкомъ за плечами.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Аристархъ и Гаврила.

Аристархъ.

А! Гонимый, здравствуй!

Гаврила.

Слышалъ, стало быть?

Аристархъ.

Слышалъ.

Гаврила.

Гдѣ правда?

Аристархъ.

Развѣ не знаешь? Подыми голову кверху. *(Гаврила подымаетъ.)* Вонъ тамъ!

Гаврила.

Знаю. А гдѣ намъ суда искать?

Аристрахъ.

А суда? Вонъ тамъ! *(Показываетъ на домъ городничаго.)*

Гаврила.

А ежели мнѣ праваго нужно?

Аристархъ.

А праваго нужно, такъ подожди: будетъ и правый.

Гаврила.

Да скоро ли?

Аристархъ.

Ну, не такъ, чтобъ; за то ужъ хорошій. Всѣхъ разсудитъ: и судей, и судимыхъ, и тѣхъ, которые неправый судъ давали, и тѣхъ, которые никакого не давали.

Гаврила.

Знаю я, про что ты говоришь-то.

Аристархъ.

А знаешь, зачѣмъ спрашиваешь. Ты что это мѣшокъ-то надѣлъ, аль въ дорогу собрался?

Гаврила.

На богомолье.

Аристархъ.

Часъ добрый! Куда?

Гаврила.

Въ пустынь.

Аристархъ.

Одинъ?

Гаврила.

Нѣтъ, насъ много, и крестница твоя.

Аристархъ.

Бѣглянка-то? Дома-то, чай, ищутъ?

Гаврила.

Нѣтъ, крестная посылала сказать, что, молъ, ушли на богомолье, чтобъ не искали. Да кому плакать-то о ней? Мачеха, поди, рада, а отцу все равно, потому онъ сталъ совсѣмъ безъ понятія. Мнѣ зажитыхъ не отдастъ, полтораста рублевъ. *(Съ крыльца сходятъ городничій и Силанъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Градобоевъ, Силанъ, Гаврила, Аристархъ.

Градобоевъ.

Съ ума я сойду съ этимъ дѣломъ проклятымъ; всю ночь нынче не спалъ. Точно гвоздь мнѣ въ голову засѣлъ. А ужъ доберусь. *(Силану.)* Говори хоть ты толкомъ, чучело!

Силанъ.

Ничего я не скажу, вотъ что̀: грѣха много. Это дѣло мудреное! И! Мудреное! Куда мудреное!

Градобоевъ.

Ну, а хозяинъ-то, прежде Василья, думалъ на кого-нибудь?

Силанъ.

Заплыли у него очи-то, я говорю; заплыли, потускнѣли совсѣмъ. Въявь-то онъ ничего не можетъ... что̀ надлежащее, а городитъ такъ, зря, отъ дикости отъ своей.

Градобоевъ.

Я за тебя примусь; я тебя въ острогъ.

Силанъ.

Ну, вотъ еще! Думалъ-думалъ, да выдумалъ. Съ большого-то ума.

Градобоевъ.

Кому ты грубишь? Ты погляди, кому ты грубишь?

Силанъ.

Да коли нескладно и совсѣмъ некстати.

Градобоевъ.

Ты, видно, въ арестантской давно не сидѣлъ.

Силанъ.

Для того и не сидѣлъ, что не мое это мѣсто, вотъ что̀.

Градобоевъ.

Молчи!

Силанъ.

Молчу.

Градобоевъ.

Я тебя, дружокъ, говорить заставлю! *(Наступая на него.)* Кто укралъ?

Силанъ.

Коли ты пужать... Знать не знаю... Вотъ и залажу, и залажу... Хоть огнемъ жги... Такъ ужъ это, я тебѣ скажу, ты отъ камня скорѣй отвѣта дождешься, чѣмъ отъ меня.

Градобоевъ.

Варвары! Да, вѣдь, не Васька?

Силанъ.

Я почемъ знаю. Васька человѣкъ маленькій, его какъ хошь тормоши: а что, конечно, и у него тоже душа: она чувствуетъ.

Градобоевъ.

И не Гаврилка?

Силанъ.

Опять же мое дѣло сторона. Гаврилка весь тутъ, его хоть выворoти. У него за душой есть ли желѣзный грошъ? Наврядъ ли! А совѣсти у него супротивъ другихъ... очень даже достаточно.

Градобоевъ.

Ну, такъ на твое и выходитъ.

Силанъ.

На что̀, на мое? Я ничего не знаю, вотъ тебѣ и сказъ!

Градобоевъ.

Ну, въ острогъ, нечего съ тобой больше толковать.

Силанъ.

Хоть и въ острогъ, все то же будетъ. Такъ вотъ же тебѣ... *(Рѣшительно.)* Знать не знаю... что̀ меня, старика, пужать выдумалъ!

Градобоевъ *(подбѣгаетъ къ нему съ кулаками).*

Да я не пугаю. Вѣдь, я съ тобой лаской, понимаешь ли ты, лаской!

Силанъ.

Да хоть и лаской...

Градобоевъ.

Вѣдь, если ты мнѣ поможешь, я тебѣ такой могорычъ .. ну, десять, пятнадцать рублей.

Силанъ:

Ужъ это, кажется, скорѣй отъ каменнаго попа желѣзной про...

Градобоевъ.

Не договаривай, мошенникъ! Имѣй почтеніе къ градоначальнику!

Силанъ.

Что̀-жъ почтеніе? Я, какъ должно, безъ шапки... передъ тобой.

Градобоевъ.

Слушай! *(Шепчетъ на ухо.)*

Силанъ.

Да!

Градобоевъ.

Часто?

Силанъ.

Почитай, каждую ночь.

Градобоевъ.

Ну, слушай. *(Шепчетъ.)* Сейчасъ ты и подай знакъ. Закричи!

Силанъ.

Ладно.

Градобоевъ.

Только ты никому ни гу-гу, а то знаешь у меня!

Силанъ.

Ну, да ужъ...

Градобоевъ.

Ступай!

Силанъ.

Прощенья просимъ. *(Уходитъ. Подходитъ Гаврила.)*

Градобоевъ *(увидя Гаврилу).*

Ты что̀ тутъ, другъ любезный, шатаешься?

Гаврила.

Я, ваше высокоблагородіе, безъ мѣста теперича-съ.

Градобоевъ.

Не хорошо! Кто безъ мѣста, тотъ прохвостъ.

Гаврила.

Я, Серапіонъ Мардарьичъ, ничему этому не причиненъ. Не то, что безъ мѣста, я теперича, какъ есть, безъ копейки.

Градобоевъ.

Еще хуже! И мнѣ теперь съ тобой лишняя печаль. Какъ объ сынѣ родномъ, милый, объ тебѣ заботиться надо.

Гаврила.

Не оставьте.

Градобоевъ.

Не оставлю. Буду въ оба глядѣть, какъ бы ты не укралъ чего. У кого копейки въ карманѣ нѣтъ, у того, на чужое глядя, руки чешутся, а такіе люди близки сердцу моему.

Гаврила.

На что̀ мнѣ чужое! Мнѣ и мое-то не отдаютъ.

Градобоевъ.

Не отдаютъ?

Гаврила.

И хозяинъ прогналъ безъ расчету.

Градобоевъ.

И прогналъ? Ахъ, разбойникъ! Ну, что̀-жъ мнѣ теперь прикажете съ нимъ дѣлать?

Гаврила.

Явите божескую милость.

Градобоевъ.

Явлю. Подожди, вотъ придетъ твой хозяинъ, проси у него расчета при мнѣ; я съ нимъ раздѣлаюсь.

Гаврила.

Будетъ ли мнѣ польза, ваше высокоблагородіе?

Градобоевъ.

Не знаю, другъ. Я такъ думаю, хозяинъ обругаетъ тебя, а будешь приставать, такъ прибьетъ, а я прибавлю.

Гаврила.

Гдѣ же мнѣ съ него денегъ искать, ваше высокоблагородіе?

Градобоевъ.

Мнѣ-то что̀ за дѣло? Ищи, гдѣ хочешь!

Гаврила.

Стало-быть, мнѣ теперь голодной смертью помирать?

Градобоевъ.

Стало-быть, помирать. А кто его знаетъ, можетъ быть, и отдастъ.

Гаврила.

Нѣтъ, не отдастъ. Развѣ вы прикажете.

Градобоевъ.

Прикажете! А ты сперва подумай, велика ли ты птица, чтобы мнѣ изъ-за тебя съ хозяиномъ твоимъ ссориться? Вѣдь, его за воротъ не возьмешь, костылемъ внушенія не сдѣлаешь, какъ я вамъ дѣлаю. Поди-ка, заступись я за приказчика, что̀ хозяева-то заговорятъ! Ни мучки мнѣ не пришлютъ, ни лошад-

камъ овеца: вы, что-ль, меня кормить-то будете? Ну, что, не прошла-ль у тебя охота судиться-то? А то подожди, подожди, другъ любезный!

Гаврила.

Нѣтъ, ужъ я лучше...

Градобоевъ.

То-то, ты лучше... бѣги, да проворнѣй, а то задержать велю.

Гаврила *(отступая и кланяясь).*

Такъ я ужъ...

Градобоевъ.

Ступай съ Богомъ! *(Гаврила проворно уходитъ.)* Держи его! Ха-ха-ха! *(Гаврила убѣгаетъ и прячется за уголъ.)* Эхъ, дѣла, дѣла! Не сходить ли на рынокъ для порядку? *(Кричитъ.)* Сидоренко! *(Сидоренко показывается въ дверяхъ.)*

Сидоренко.

Чего изволите, ваше высокоблагородіе?

Градобоевъ.

Бери кулекъ, догоняй; я на рынокъ пошелъ. *(Уходитъ. Сидоренко съ кулькомъ бѣжитъ за нимъ. Входитъ Гаврила и Параша, — одѣта, какъ богомолка. Аристархъ подходитъ къ ней).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Параша, Аристархъ и Гаврила.

Аристархъ.

Что ты, красавица моя, по городу-то бродишь?

Параша.

Крестный, какъ бы мнѣ съ Васей повидаться?

Аристархъ.

Да что тебѣ въ немъ? Богъ съ нимъ!

Параша.

Нѣтъ, крестный, нельзя. За меня, вѣдь, онъ, безвинно. Все мое горе я тебѣ сейчасъ скажу: нечего мнѣ тебя стыдиться. Онъ со мной повидаться пришелъ, а его за вора сочли.

Аристархъ.

Э! Да не хорошо! Ты дочь богатаго отца; пожалуй, увидитъ кто.

Параша.

Ничего! Не узнають; видишь, какъ я одѣлась; я платкомъ закроюсь. А хоть и узнаютъ, что-жъ за бѣда? Какая я дочь богатаго отца: я теперь солдатка, крестный.

Аристархъ.

Какъ солдатка? Чтò ты?

Параша.

Такъ! *(Развязываетъ узелокъ въ платкѣ.)* Я за него безпремѣнно на-дняхъ замужъ выйду, а ежели мнѣ помѣшаютъ, такъ я напередъ говорю, я сраму надѣлаю, я къ нему въ казармы уйду. *(Даетъ ему деньги.)* На вотъ деньги-то, солдатамъ дай.

Аристархъ.

Въ умѣ ли ты? Батюшки мои!

Параша.

Да что-жъ? Чего ты испугался? Нешто я не властна надъ собой? Ты не пугайся! Чтò-жъ! Меня совѣсть заставляетъ. Такъ, стало-быть, нужно. Люди его обидѣли, все, все отняли... съ отцомъ разлучили. Чтò-жъ! Онъ меня любитъ, можетъ, у него только одно это на свѣтѣ и осталось: такъ неужто я отниму у него эту послѣднюю радость? Чтò я такое? Чѣмъ мнѣ гордиться-то передъ нимъ? Развѣ онъ меня хуже? Все равно, вѣдь, ужъ мнѣ въ дѣвкахъ не оставаться. Выдадутъ, крестный. Развѣ мнѣ легче будетъ тѣшить какого-нибудь купца-то пьянаго противъ своей воли? Не то, чтò по охотѣ, а кажись бы, его ножомъ лучше зарѣзала! А тутъ, безъ грѣха, по любви.

Аристархъ.

Ну, видно, тебя не переспоришь. Чтò съ тобой дѣлать! Да на чтò мнѣ деньги-то? У меня свои есть, а тебѣ, можетъ, и понадобятся. *(Отдаетъ деньги и уходитъ въ арестантскую.)*

Гаврила *(надѣвъ мѣшокъ).*

Мы скоро пойдемъ-то?

Параша.

А вотъ только съ Васей повидаюсь.

Гаврила.

Ну, чтò-жъ, повидайтесь, а мы съ Аристархомъ стеречь будемъ, чтобъ не увидалъ кто. *(Выходитъ Аристархъ.)*

Аристархъ.

Сейчасъ арестанты пойдутъ за водой, такъ и его выпустятъ съ ними. *(Выходятъ два арестанта съ ушатомъ и проходятъ на рѣку; за ними Вася и солдатъ. Аристархъ и Гаврила отходятъ къ пристани.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Вася.

Параша *(кланяется)*.

Здравствуй, Вася!

Вася *(совершенно убитый)*.

Какими же ты это судьбами? Господи! Еще мнѣ ужъ теперь тяжелѣ! *(Отираетъ слезы.)*

Параша.

Ничего, Вася, ничего! Ты не плачь! *(Обнимаетъ его.)* Я изъ дому ушла совсѣмъ; я ужъ съ тобой теперь всю жизнь; какъ ты будешь жить, такъ и я.

Вася.

Какимъ манеромъ?

Параша.

Я за тебя замужъ, насъ обвѣнчаютъ... ничего, не плачь... Ну, скажу на себя, что онъ, молъ, мнѣ мужъ, не могу съ нимъ разлучиться... Не разорвете, молъ, насъ, а лучше повѣнчайте!

Вася.

Спасибо тебѣ! *(Цѣлуетъ ее.)*

Параша.

Ну, будетъ про это. Теперь давай потолкуемъ о житьѣ-то, Вася, голубчикъ, Вася!

Вася.

Давай, потолкуемъ.

Параша *(прижимаясь къ нему)*.

Больно тебя бить-то будутъ!

Вася.

Я буду стараться.

Параша.

Старайся, Вася, старайся! А ты вотъ что̀: какъ тебя обучатъ всему и станутъ переводить изъ некрутовъ въ полкъ,

въ настоящіе солдаты, ты и просись у самаго главнаго, какой только есть самый главный начальникъ, чтобъ тебя на Кавказъ, и прямо чтобъ сейчасъ на страженіе!

Вася.

Зачѣмъ?

Параша.

И старайся ты убить больше, какъ можно больше непріятеля. Ничего ты своей головы не жалѣй.

Вася.

А какъ ежели самого...

Параша.

Ну, что-жъ: одинъ разъ умирать-то! По крайности мнѣ будетъ плакать объ чемъ. Настоящее у меня горе-то будетъ, самое святое. А ты подумай, ежели ты не будешь проситься на страженіе и переведутъ тебя въ гарнизонъ, начнешь ты баловаться .. воровать по огородамъ... что тогда за жизнь моя будетъ? Самая послѣдняя. Горемъ назвать нельзя, а и счастья-то не бывало — такъ, подлость одна. Изомретъ тогда мое сердце, на тебя глядя.

Вася.

Меня, я такъ полагаю, въ гвардію, въ Петербургъ.

Параша.

Что-жъ, хорошо, а на страженіе, все-таки, лучше Ты возьми: коли Богъ тебѣ поможетъ, произведутъ тебя за твою храбрость офицеромъ, отпросишься ты въ отпускъ... Пріѣдемъ мы съ тобой въ этотъ самый городъ, пойдемъ съ тобой подъ ручку. Пусть тогда злодѣи-то наши поглядятъ на насъ. *(Обнимаетъ его.)* А, Вася? Можетъ, мы съ тобой, за все наше горе, и дождемся такой радости.

Вася.

Что-жъ, мудренаго нѣтъ, ежели духъ имѣть...

Параша.

Ну, теперь, Вася, я иду въ пустынь, помолюсь Богу за тебя. Буду я, Васенька, молиться весь день, весь-то денёчекъ, чтобы все, что мы съ тобой задумали, Богъ намъ далъ. Неужели моя грѣшная молитва не дойдетъ? Куда-жъ мнѣ тогда? Люди обижаютъ и .. *(Плачетъ.)* Вотъ что, Вася, я

завтра опять къ тебѣ побываю. Я теперь живу у крестной, а домой не пойду ни за что! Какъ я перешагнула порогъ, какъ я перешагнула, вѣришь ли ты, кажется мнѣ, лучше я въ огонь, чѣмъ назадъ. И представляется мнѣ, что и холодно-то мнѣ тамъ, и ровно свѣту-то тамъ нѣтъ, и обида-то тамъ въ каждомъ углу живетъ, и ровно я тамъ обруганная какая навѣки вѣковъ, и грудь-то у меня вся сжатая. Вотъ какъ въ яму мнѣ, какъ въ яму. *(Задумывается.)* А ты ничего, Вася, ты куражься, чтобы передъ другими-то...

Солдатъ.

Эй, ты! Не велѣно арестантамъ.

Вася.

Погоди, кавалеръ, малость. *(Парашѣ.)* Кажется, ты мнѣ теперь, какъ ангелъ какой небесный...

Параша.

Ну, милый, прощай покуда!

Вася *(цѣлуетъ ее).*

Прощай! *(Цѣлуетъ ее. Параша отходитъ и издали кланяется. Вася подходитъ къ воротамъ съ солдатомъ.)*

Параша *(солдату).*

Ахъ, постой, кавалеръ, постой! *(Солдатъ и Вася останавливаются.)* Вася, вотъ тебѣ деньжонокъ: хоть калачика купишь, голубчикъ. Прощай!

Вася.

Да ужъ полно!

Солдатъ.

Да пойдемъ! Что тутъ! Не велѣно!

Параша.

Ну, Богъ съ тобой! *(Вася съ солдатомъ уходятъ; Параша нѣсколько времени смотритъ ему вслѣдъ.)* Погоди, погоди, кавалеръ! *(Подходятъ Аристархъ и Гаврила.)*

Гаврила.

Пойдемъ поскорѣе! Вонъ богомольцы-то изъ города вышли.

Параша.

Подите вы прочь отъ меня! *(Подходитъ къ арестантской, заглядываетъ въ окна, потомъ садится на скамью у воротъ и запѣваетъ:)*

Провожу-то ли я дружка далекохонько,
Я до города-то его, до Владиміра,
Я до матушки-то его, каменной Москвы.
Среди-то Москвы мы становилися,
Господа-то, купцы на насъ дивовалися:
Ужъ и кто это, да съ кѣмъ прощается?
Или мужъ съ женой, иль это братъ съ сестрой,
Добрый молодецъ съ красной дѣвицей?

(Отираетъ слезы и подходитъ къ Гаврилѣ.) Ну, пойдемъ! Ты на меня не сердись.

Гаврила *(подавая палку)*.

Что вы, помилуйте! Вотъ я вамъ палочку прибралъ...

Параша *(беретъ палку)*.

Новую мнѣ жизнь, Гаврюша, начинать приходится. Трудно мнѣ. Какъ ни говори, все-таки, силы-то не мужскія, Гаврюша.

Гаврила *(сквозь слезы)*.

Кожица-то на палочкѣ вырѣзана — таково красиво!

Аристархъ.

Ступай, Параша, ступай! Городничій идетъ съ отцомъ.

Параша.

Прощай, крестный! *(Параша и Гаврила уходятъ.)*

Аристархъ.

Вотъ и не родная дочь, а какъ жаль, смерть! *(Входятъ городничій, Курослѣповъ и Сидоренко съ кульками.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Аристархъ, Градобоевъ, Курослѣповъ и Сидоренко.

Градобоевъ *(будочнику)*.

Вели закуску готовить! *(Сидоренко уходитъ.)*

Курослѣповъ.

Ты мнѣ ее сыщи! Это твое прямое дѣло! На то ты и городничимъ у насъ поставленъ.

Градобоевъ.

Ужъ ты меня не учи; я свое дѣло знаю, зачѣмъ я поставленъ. Не ты меня поставилъ, значитъ, не смѣешь ты мнѣ и указывать.

Курослѣповъ.

Ежели ты будешь бѣглыхъ безо всякаго вниманія...

Градобоевъ.

Развѣ она бѣглая? Она на богомолье ушла съ матерью крестной.

Курослѣповъ.

На богомолье?

Градобоевъ.

Вотъ, значитъ, я больше тебя знаю. Оттого я и городничій, оттого я и жалованный, а ты мужикъ, такъ мужикомъ и останешься навѣки вѣковъ.

Курослѣповъ.

Да какъ же она можетъ безъ спросу?

Градобоевъ.

У кого ей спрашиваться? Мачеха не пуститъ; ты спишь цѣлый день, а у нея есть усердіе.

Курослѣповъ.

Ну, вотъ, какъ она придетъ, ты ее ко мнѣ съ солдатомъ...

Градобоевъ.

Съ солдатомъ?

Курослѣповъ.

На веревкѣ.

Градобоевъ.

И на веревкѣ?

Курослѣповъ.

Мы ее наверхъ въ свѣтелку, тамъ и запремъ безвыходно.

Градобоевъ.

Что̀ вы за нація такая? Отчего вы такъ всякій срамъ любите? Другіе такъ боятся сраму, а для васъ это первое удовольствіе! Честь-то, понимаешь ты, что̀ значитъ, или нѣтъ?

Курослѣповъ.

Какая такая честь? Нажилъ капиталъ, вотъ тебѣ и честь. Что̀ больше капиталу, то больше и чести.

Градобоевъ.

Ну, мужики и выходите! Невѣжествомъ-то вы точно корой обросли. И кору эту пушкой не пробьешь.

Курослѣповъ.

Ну, и пущай!

Градобоевъ.

Дочь, дѣвушка, невѣста, а онъ ее съ солдатомъ на веревкѣ!

Курослѣповъ.

Потому... за непочтеніе, чтобы чувствовала...

Аристархъ.

Бѣдненькая!

Курослѣповъ.

Это кто еще... произноситъ?

Градобоевъ.

Аристархъ, кумъ твой.

Курослѣповъ *(Аристарху)*.

Кто это у тебя бѣдная?

Аристархъ *(кланяясь)*.

Здравствуйте, ваше степенство!

Курослѣповъ.

Нѣтъ, кто бѣдная-то?

Аристархъ *(со вздохомъ)*.

Рыбка малая.

Курослѣповъ.

Отчего такъ она бѣдная?

Аристархъ.

Оттого, что большая ее обижаетъ.

Курослѣповъ.

То-то рыбка! А ежели ты бунтовать, такъ...

Градобоевъ.

Будетъ толковать-то, вѣдь, ничего умнаго не скажешь.

Курослѣповъ.

Ты когда мнѣ кумомъ-то былъ? Когда у меня капиталу не было.

Градобоевъ.

Пойдемъ, пойдемъ! Закуска дожидается. *(Уводитъ Курослѣпова.)*

Аристархъ.

Отчего я люблю щуку ловить? Оттого, что она обидчица, рыба зубастая, такъ и хватаетъ. Бьется, бьется бѣдная мел-

кая рыба, никакъ передъ щукой оправдаться не можетъ! *(Вдали слышна пѣсня.)* Это что еще? Не наши ли? Ну, да кстати. *(Подъѣзжаетъ лодка; въ ней стоитъ Хлыновъ безъ сертука, руки фертомъ; баринъ съ большими усами и шестеро гребцовъ.)* Что вы безобразничаете, только рыбу пугаете! *(Хлынову.)* Ишь ты, съ утра глазки-то налилъ. Нигдѣ отъ васъ скрыться нельзя. *(На пристань выводятъ Хлынова и барина съ усами.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Аристархъ, Хлыновъ, баринъ и гребцы въ лодкѣ.

Хлыновъ *(важно)*.

Какъ ты можешь, братецъ ты мой? Рѣка никому не заказана.

Аристархъ.

Вотъ что, братецъ ты мой, поди-ка сюда. *(Отводитъ Хлынова на авансцену.)* Если ты хочешь быть такимъ купцомъ, чтобы всѣ на тебя ахали, ты перестань шампанскимъ песокъ-то поливать! Ничего не выростетъ.

Хлыновъ.

Ну, братецъ, говори скорѣй! Я теперь не въ такомъ разѣ, чтобъ твоихъ наставленіевъ слушать...

Аристархъ.

Ты сдѣлай хоть одно доброе дѣло. Вотъ тогда про тебя заговорятъ, вотъ тогда ты себя покажешь.

Хлыновъ.

Я все могу...

Аристархъ.

Ты знаешь Василья Шустраго? Онъ сидитъ въ арестантской занапрасно; ты возьми его на поруки!

Хлыновъ.

Не суть важное! Говори, братецъ, скорѣе! Ты видишь, мнѣ некогда.

Аристархъ.

Голова по злобѣ его въ солдаты отдаетъ, а ты его выкупи; онъ твои деньги заслужитъ: охотника найми, либо квитанцію купи.

Хлыновъ.

Изъ такого нестóящаго дѣла, братецъ ты мой, ты меня тревожишь.

Аристархъ.

Человѣкъ погибаетъ задаромъ, а онъ нестóящее.

Хлыновъ.

Никакого я въ тебѣ, братецъ, ума не вижу. Какая мнѣ можетъ быть честь передъ другими, если я его выкуплю? Всѣ эти твои слова ни къ чему. А все дѣло состоитъ: такъ какъ Васька на бубнѣ даже очень хорошо сталъ понимать, и мнѣ чрезъ это самое отъ него утѣшеніе, значитъ, я самъ въ одну минуту это дѣло кончаю. Потому, если кто мнѣ по нраву, тѣхъ трогать не смѣй.

Аристархъ *(съ поклономъ)*.

Ну, какъ знаешь, какъ знаешь. Только не давай въ обиду!

Хлыновъ.

Какъ ты смѣешь мнѣ приказывать? Дома я съ тобой разговаривать могу, а въ городѣ я тебѣ не компанія. Сейчасъ на свою дистанцію, назадъ! Баринъ, ваше благородіе, пойдемъ къ городничему!

Аристархъ.

Безъ сертука-то! Вотъ такъ гости!

Хлыновъ.

Тебѣ сказано, знай свое мѣсто! На задній столъ къ музыкантамъ! И всѣ твои нравоученія такъ и останутся при тебѣ, не оченно-то намъ интересно.

Баринъ.

Я не пойду, не хорошо, неучтиво.

Хлыновъ.

Я такъ понимаю, что это гордость.

Баринъ.

Совсѣмъ не гордость, mon cher; чѣмъ мнѣ гордиться? А не хорошо! Ты знаешь, я въ тебѣ эту черту не люблю. Ужъ извини.

Хлыновъ.

Да-съ? Какую это черту, позвольте спросить?

Баринъ.

Свинства твоего! *(Выходятъ городничій и Курослѣповъ; Сидоренко въ дверяхъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Хлыновъ, баринъ, Аристархъ, городничій, Курослѣповъ, Сидоренко и гребцы.

Хлыновъ.

Нашему градоначальнику! *(Кланяется.)* Господинъ полковникъ, мы къ вашему высокоблагородію!... Павлину Павлинычу, предводителю нашему купеческому, почтеніе. Баринъ, гляди, вотъ все это наше начальство! Господинъ полковникъ Градобоевъ, господинъ Курослѣповъ, его высоко... высокостепенство; а для насъ это все одно ничего, можемъ слободно...

Градобоевъ.

Ужъ очень ты, господинъ Хлыновъ, безобразничаешь!

Хлыновъ.

Господинъ полковникъ, это вы дѣйствительно; безобразія въ насъ даже очень достаточно. Господинъ полковникъ, вы извольте съ меня, за мое безобразіе, штрафъ положить! Какъ я такое безобразіе, вы сейчасъ: „Хлыновъ, штрафъ!“ Извольте получать, господинъ полковникъ.

Курослѣповъ.

Что̀ ты ужъ больно куражишься-то?

Хлыновъ.

Отчего же мнѣ, господинъ Курослѣповъ, не куражиться? У меня куражу-то полонъ погребъ. Господа начальство, извольте мнѣ отвѣтъ дать, по какому такому случаю Васька Шустрый у васъ содержится?

Градобоевъ.

Ну ужъ, господинъ Хлыновъ, ты куражиться — куражься, а въ чужое дѣло не лѣзь, а то я тебя ограничу.

Хлыновъ.

Никакъ не чужое, потому онъ мнѣ сейчасъ нуженъ.

Курослѣповъ.

Намъ тоже баловство-то въ городѣ не очень пріятно.

Хлыновъ.

Ежели отъ него баловство, я въ отвѣтѣ. Беру сейчасъ на поруки.

Курослѣповъ.

У насъ за общество уйдетъ; мы найдемъ мѣсто всякому.

Хлыновъ.

Охотника ставлю. Господинъ городничій, извольте отпустить Шустраго ко мнѣ на поруки. Ежели благодарность требуется, мы за этимъ не постоимъ. *(Ищетъ въ карманѣ.)*

Баринъ.

Полно, что ты!

Хлыновъ.

Шш-ъ, ни слова! Господинъ полковникъ, извольте сами назначить.

Градобоевъ.

Сидоренко, поди, вели выпустить Шустраго!

Сидоренко.

Слушаю, вашескоблагородіе! *(Уходитъ.)*

Хлыновъ.

Господа, пожалуйте ко мнѣ откушать на дачу; покорнѣйше я васъ прошу щи да кашу кушать! А можетъ, поищемъ, и стерлядей найдемъ — я слышалъ, что онѣ въ садкахъ сидѣть соскучились: давно въ уху просятся. Винца тоже отыщемъ; кажется, у меня завалялась бутылочка гдѣ-то; а не полѣнятся лакеи, такъ и въ подвалъ сходятъ, дюжину-другую шампанскаго приволокутъ. Такъ какъ вы наше начальство, будемъ здоровье ваше пить съ пушечной пальбой и народъ поставимъ въ саду ура кричать.

Градобоевъ.

Вотъ когда ты дѣло говоришь, и слышать тебя пріятно.

Курослѣповъ.

Жена будетъ ждать, пожалуй, надумается.

Хлыновъ.

Супругѣ депешу пошлемъ, штафету снарядимъ. *(Сидоренко приводитъ Шустраго.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же и Вася.

Хлыновъ *(Васѣ).*

Знай порядки! Какъ ты, братецъ, довольно необразованъ! Въ ноги градоначальнику! *(Вася кланяется.)* Его высокостепенству! *(Вася кланяется.)* Мнѣ! *(Вася кланяется.)* Пошелъ въ лодку, бери бубенъ! *(Вася уходитъ въ лодку.)* Пожалуйте, господа! *(Всѣ входятъ въ лодку.)* Алистархъ, къ рулю! *(Аристархъ становится у руля.)* Маркитантъ! Знай свое дѣло! *(Одинъ изъ гребцовъ подаетъ флягу съ водкой и закуску.)* Пожалуйте, господа, на дорожку, чтобы смѣлѣй было ѣхать. *(Всѣ пьютъ и закусываютъ.)* Алистархъ, наблюдай, братецъ, гдѣ мели и подводные камни! Чуть гдѣ мѣсто опасное, докладывай — мы въ тѣ поры будемъ на нутрь принимать, для храбрости. Поѣхали! Начинай! Васька, дѣйствуй съ бубномъ! *(Пѣсня. Отъѣзжають.)*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена 1-я.

Садъ на дачѣ Хлынова; налѣво входъ въ домъ.

ЛИЦА:

Хлыновъ.
Баринъ.
Аристархъ.
Курослѣповъ.
Градобоевъ.
Вася.
Прислуга.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Градобоевъ, Курослѣповъ, Хлыновъ, баринъ и прислуга Хлынова *(выходятъ изъ дому).*

Курослѣповъ.

Вотъ такъ угощеніе! Дай только Богъ перенести. Хоть какого

губернатора этакимъ манеромъ уважить можно. Надо тебѣ чести приписать!

Хлыновъ.

А изъ чего-жъ мы и бьемся, какъ не изъ чести; одно дѣло, на томъ стоимъ.

Курослѣповъ.

Ну, и прощай! За мной лошади пріѣхали, повезутъ теперь меня домой.

Хлыновъ.

Погоди, такъ нельзя. Надо послѣднюю, разгонную выпить. *(Прислугѣ.)* Эй! Братецъ! Посмотри, поди, нѣтъ ли у насъ какого-нибудь вина. Я думаю, что какое-нибудь найдется. *(Человѣкъ уходитъ.)*

Градобоевъ.

Вы пейте, а я шабашъ.

Хлыновъ.

Господинъ полковникъ, у насъ такая пословица: въ гостяхъ — въ неволѣ.

Градобоевъ.

Ужъ ты меня неволилъ довольно. *(Человѣкъ вноситъ бутылку шампанскаго.)*

Хлыновъ.

Градоначальникъ нашъ! Уважаю! Храбрый воинъ! Не огорчайте хозяина, не обезкураживайте купца Хлынова. *(Подаетъ ему стаканъ.)*

Градобоевъ.

Нѣтъ, стара штука. Всего вина у тебя не выпьешь. Пейте сами.

Хлыновъ.

Ежели вамъ, господинъ полковникъ, угодно видѣть, исправны ли обыватели, мы вамъ это сейчасъ покажемъ. *(Курослѣпову.)* Господинъ предводитель, прошу обо всей! Баринъ, выручай! *(Пьютъ.)* Кажется, довольно чисто и аккуратно. *(Показываетъ Градобоеву стаканъ.)* Потому, я въ своемъ домѣ люблю опрятность. *(Человѣку.)* Догадайся, братецъ, догадайся!

Человѣкъ.

Готово-съ! *(Подаетъ другую бутылку.)*

Курослѣповъ.

Ну, нѣтъ, прощай, а то до дому не доѣдешь, съ дрожекъ свалишься.

Хлыновъ.

Провожатаго дадимъ.

Курослѣповъ.

Ты упрямъ, а я тебя упрямѣе. Зарѣжь такъ, не стану. Я тебѣ удовольствіе сдѣлалъ, и будетъ. И то ужъ сны какіе стали сниться! Господи! Звѣри все да хоботы, все тебя хватаютъ да ловятъ, да небо валится... Прощайте! Ну васъ! *(Идетъ.)*

Хлыновъ.

Напредки не забывай.

Курослѣповъ.

Твои гости. *(Уходитъ.)*

Хлыновъ.

Эй, молодцы! посадите господина Курослѣпова на дрожки! А ежели мы въ немъ настоящей крѣпости не найдемъ, посадимъ напротивъ него молодца и будемъ держать за плечи до самаго дому. *(Хочетъ итти.)*

Баринъ.

Ты останься съ полковникомъ! Я пойду провожу. *(Уходитъ. Нѣсколько людей за нимъ.)*

Хлыновъ *(съ стаканомъ на подносѣ).*

Господинъ полковникъ, жду!

Градобоевъ.

Не буду! Русскимъ я тебѣ языкомъ говорю или нѣтъ?

Хлыновъ.

У меня законъ, господинъ полковникъ: кто не выпьетъ, тому на голову лить.

Градобоевъ.

Очень мнѣ нужно твои законы знать. У тебя законъ, а у меня костыль.

Хлыновъ.

Не сладите, господинъ полковникъ, обольемъ. Могу съ вами парѣ держать, что обольемъ.

Градобоевъ.

Попробуй! Что̀ я съ тобою сдѣлаю!

Хлыновъ.

Ничего вы со мной не сдѣлаете, я такъ понимаю.

Градобоевъ.

Да тебя засудятъ, тебѣ въ Сибири мѣста не будетъ.

Хлыновъ.

Не страшно мнѣ, господинъ полковникъ, не пугайте вы меня! Право, не пугайте лучше! Потому я отъ этого хуже. А хотите парё держать, что я не боюсь ничего? Вотъ вамъ сейчасъ видимый резонъ: доведись мнѣ какое безобразіе сдѣлать, я ту-жъ минуту въ губернію къ самому. Первое мнѣ слово отъ ихъ превосходительства: „Ты, Хлыновъ, безобразничаешь много!“ Безобразничаю, ваше превосходительство; потому такое наше воспитаніе — биты много, а толку никакого. Наслышанъ я насчетъ пожарной команды, починки и поправки требуются, такъ могу безвозмездно. „Да, говорятъ, ты нраву очень буйнаго?“ Буйнаго, ваше превосходительство, самъ своему нраву не радъ, звѣрь звѣремъ. Да и арестантскія тожъ плохи, ваше превосходительство. Что̀ хорошаго — арестанты разбѣгутся. Такъ я тоже могу безвозмездно. — Вотъ вамъ, господинъ полковникъ, наша политика! Да это еще не все. Отъ самого-то да къ самой. „Не угодно ли, матушка, ваше превосходительство, я домъ въ городѣ выстрою да на сиротъ пожертвую“. Потому что къ самой я не только вхожъ, но даже пивалъ у ней чай и кофей, и довольно равнодушно. Ну, и выходитъ, господинъ полковникъ, что, значитъ, городничимъ со мной ссориться барышъ не великъ. Другому они страшны, а для насъ все одно, что̀ ничего. Такъ ужъ лучше вы со мной не судитесь, потому я сейчасъ васъ обремизить могу; а лучше положите съ меня штрафъ, за всякое мое безобразіе, сто рублей серебра. *(Подноситъ вино.)* Пожалуйте безъ церемоніи!

Градобоевъ *(беретъ стаканъ).*

Прокаженные вы! Турокъ я такъ не боялся, какъ боюсь васъ, чертей! Черезъ душу, вѣдь, я пью для тебя, для варвара. Когда вы захлебнетесь этимъ виномъ проклятымъ?

Хлыновъ.

Все это намъ, господинъ полковникъ, на пользу сотворено... Ежели иной разъ и много, такъ что случается ужасно даже много...

Градобоевъ.

Случается! Каждый день съ вами это случается.

Хлыновъ.

Допустимъ такъ; но ежели съ молитвой и, главное, чтобъ не оговорилъ никто... какой можетъ быть вредъ?

Градобоевъ.

Прощай! Теперь не скоро заманишь. *(Баринъ возвращается.)*

Хлыновъ.

Зачѣмъ же-съ! А мы такъ надѣемся, что вы наши постоянные гости. *(Вынимаетъ бумажникъ.)* Позвольте вамъ! *(Подаетъ три сторублевыя ассигнаціи.)* Сочтите такъ, что за штрафъ!

Градобоевъ.

Ну тебя, не надо!

Хлыновъ *(обнимаетъ его и кладетъ ему насильно деньги въ карманъ).*

Невозможно! Безъ гостинцу не отпущу. Мы тоже очень понимаемъ, что̀ такое ваша служба.

Градобоевъ.

Изломалъ ты меня, лѣшій!

Хлыновъ.

Вы ничему не причины, не извольте безпокоиться; потому вамъ насильно положили.

Градобоевъ.

Ну, прощай! Спасибо! *(Цѣлуются.)*

Хлыновъ.

Эй, народы! Градоначальника провожать! Чтобъ въ струнѣ. *(Всѣ уходятъ. Входитъ Вася.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Баринъ, Вася, *потомъ* Хлыновъ и прислуга.

Баринъ.

Ну, какъ твои дѣла?

Вася.

Квитанцію добылъ, да не знаю, какъ вотъ Тарасъ Тарасычъ... Онъ...

Баринъ.

Деньги заплатитъ.

Вася.

Ужли заплатитъ?

Баринъ.

Заплатитъ, только тебя въ шуты опредѣлитъ.

Вася.

Ну, ужъ это зачѣмъ баловаться!

Баринъ.

Чтò-жъ, не хочешь? Лучше въ солдаты пойдешь?

Вася.

Само собой.

Баринъ.

Нѣтъ, шалишь! Я вашего брата видалъ довольно; не такіе солдаты бываютъ: у тебя поджилки не крѣпки. Въ писаряхъ тебѣ быть, это такъ; хохолъ завивать, волосы помадить, бронзовыя цѣпочки развѣшивать, чувствительные стихи въ тетрадку переписывать, это такъ; а въ солдаты ты не годишься. А вотъ самъ Хлыновъ идетъ, толкуй съ нимъ. *(Вася робко отступаетъ. Входитъ Хлыновъ и нѣсколько человѣкъ прислуги.)*

Хлыновъ.

Уѣхали. Ну, вотъ чтò я теперь, братецъ ты мой, остался? Съ тоски помирать мнѣ надобно изъ-за своего-то капиталу!

Баринъ.

Вольно-жъ тебѣ скучать-то!

Хлыновъ.

А чтò-жъ мнѣ дѣлать? Взадъ, впередъ бѣгать? На тебя, чтò-ль, удивляться? Какіе такіе узоры, братецъ, на тебѣ написаны?

Баринъ.

Во-первыхъ, ты осторожнѣй выражайся, а во-вторыхъ, у тебя на то Аристархъ, чтобы тебѣ увеселенія придумывать.

Хлыновъ.

Да, должно быть, ничего не придумалъ. Я ему еще давеча приказывалъ: сиди, братецъ, не сходи съ мѣста, думай, чтò мнѣ дѣлать сегодня вечеромъ. *(Слугѣ.)* Гдѣ Алистархъ?

Слуга.

Здѣсь, въ саду, подъ деревомъ лежитъ.

Хлыновъ.

Думаетъ?

Слуга.

Нѣтъ, въ дудку дудитъ, ястребовъ приманиваетъ.

Хлыновъ.

Ему думать приказано, а онъ въ дудку дудитъ! Позвать его сейчасъ ко мнѣ на глаза! *(Слуга уходитъ. Хлыновъ, увидавъ Васю, садится въ кресла, разваливается и говоритъ важнымъ тономъ.)* А, ты здѣсь! Поди сюда, я желаю съ тобой разговаривать! Какъ я, братецъ ты мой, при твоей бѣдности, хочу быть тебѣ благодѣтелемъ *(Вася кланяется)*, по этому самому я у тебя спрашиваю, какъ ты самъ о себѣ думаешь?

Вася.

Квитанцію нашли-съ.

Хлыновъ.

А какой можетъ быть курсъ на эти самые патенты?

Вася.

То-есть, какъ цѣна-съ?

Хлыновъ.

Ты, братецъ, должонъ съ разу понимать. Я для всякаго ничтожнаго человѣка не могу по десяти разъ повторять.

Вася.

Четыреста рублей-съ.

Хлыновъ.

Откуда-жъ ты эти самые капиталы получить въ надеждѣ?

Вася *(кланяясь въ ноги)*.

Не оставьте, Тарасъ Тарасычъ!

Хлыновъ.

Ты, можетъ, братецъ, воображаешь, что твои поклоны очень дорого стóятъ?

Вася.

Богъ дастъ, мы съ тятенькой поправимся, такъ въ тѣ поры вамъ съ благодарностью...

Хлыновъ.

Какъ ты, братецъ, мнѣ, на моей собственной дачѣ, смѣешь

такія слова говорить? Нешто я тебѣ равный, что ты мнѣ хочешь деньги отдать? Ты взаймы, что ли, хочешь взять у меня, по-дружески? Какъ посмотрю я на тебя, такъ ты, братецъ, никакого образованія не имѣешь! Ты долженъ ждать, какая отъ меня милость будетъ; можетъ, я тебѣ эти деньги прощу, можетъ, я заставлю тебя одинъ разъ перекувырнуться, вотъ и квитъ. Ты почемъ мою душу можешь знать, когда я самъ ее не знаю, потому это зависитъ, въ какомъ я расположеніи.

Вася.

На все ваша воля, Тарасъ Тарасычъ, а что у меня теперича душа разстается съ тѣломъ...

Хлыновъ.

Такъ бы ты должонъ съ самаго спервоначалу... покорность... Теперь я тебя, братецъ ты мой, такъ рѣшаю: четыреста рублевъ для меня все равно плюнуть, а за эти деньги ты будешь служить у меня годъ, въ какое я тебя званіе опредѣлю.

Вася.

Ужъ вы мнѣ теперь скажите, Тарасъ Тарасычъ; потому мое дѣло такое: тятенька, опять же знакомства много, какъ были мы въ городѣ на знати, сами тоже въ купеческомъ званіи...

Хлыновъ.

Быть тебѣ, братецъ ты мой, у господина Хлынова запѣвалой. Вотъ тебѣ и чинъ отъ меня.

Вася.

Ужъ очень срамъ передъ своимъ братомъ, Тарасъ Тарасычъ.

Хлыновъ.

А коли срамъ, братецъ, я тебя не неволю, ступай въ солдаты.

Вася.

Позвольте, Тарасъ Тарасычъ, подумать!

Хлыновъ.

Вотъ опять ты выходишь дуракъ и невѣжа! Давно-ль ты сенаторомъ сталъ, что думать захотѣлъ? Думають-то люди умные. А коли ты, братецъ, думать захотѣлъ, такъ свести тебя опять въ арестантскую, тамъ тебѣ думать будетъ способнѣе.

Вася.

Нѣтъ, ужъ вы, Тарасъ Тарасычъ, мою молодость не губите, а какъ, значитъ, вамъ угодно, такъ пусть и будетъ.

Хлыновъ.

Не долго же ты, братецъ мой, думалъ. *(Входитъ Аристархъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Аристархъ.

Хлыновъ.

Гдѣ ты, братецъ ты мой...

Аристархъ.

Погоди, безобразный! *(Прислугѣ.)* Вы тутъ пьяные-то по саду путаетесь, такъ вы смотрите, тамъ у меня въ капканъ не попадите: на хорька поставленъ. Тоже прислуга! Не плоше хозяина. Да тамъ у меня змѣй подъ деревомъ.

Хлыновъ.

Для чего у тебя змѣй? Какъ ты, братецъ, довольно глупъ! Еще укуситъ кого.

Аристархъ.

Ты вотъ уменъ. Онъ бумажный. Я его склеилъ, такъ сушить поставилъ.

Хлыновъ.

А для какой надобности?

Аристархъ.

Пускать будемъ вечеромъ съ фонаремъ, съ лодки. А къ лодкѣ я такую машину придѣлываю, ручную, и колеса заказалъ: будетъ, какъ въ родѣ, пароходъ.

Хлыновъ.

А что-жъ, братецъ ты мой, я тебѣ думать приказывалъ, куда мнѣ себя нынѣшній вечеръ опредѣлить?

Аристархъ.

Я ужъ придумалъ; вотъ сейчасъ скажу. *(Беретъ стулъ и садится.)* Слушайте! Тутъ неподалеку есть баринъ, по фамиліи Хватскій. У него было имѣніе хорошее; только онъ все это нарушилъ черезъ разныя свои затѣи. Домъ свой весь

переломалъ, всѣ печи и перегородки разобралъ и сдѣлалъ изъ него театръ, а самъ живетъ въ банѣ. Накупилъ декорацiевъ, разныхъ платьевъ, париковъ, и лысыхъ, и всякихъ; только ни представлять, ни смотрѣть у него этотъ театръ некому. Въ деньгахъ онъ теперь очень нуждается, потому онъ на всѣхъ поляхъ картофель насадилъ, хотѣлъ изъ него крахмалъ дѣлать, а онъ у него въ поляхъ замерзъ, такъ въ землѣ и остался; и хочетъ онъ теперь въ Астрахань ѣхать, рыбiй клей дѣлать; теперича онъ весь свой театръ продастъ за безцѣнокъ.

Хлыновъ.

Для чего ты, братецъ, намъ эту рацею разводишь?

Баринъ.

Погоди, тутъ что̀-то на дѣло похоже.

Аристархъ.

Да само собою; нешто я стану зря? Ты, слушай, безобразный, что̀ дальше-то будетъ! Вотъ я сейчасъ поѣду и куплю у него всѣ костюмы. А вечеромъ всѣхъ людей нарядимъ разбойниками; шляпы у него есть такiя большiя, съ перьями. Разбойники у насъ будутъ не русскiе, а такiе, какъ на театрахъ, кто ихъ знаетъ, какiе они — не умѣю тебѣ сказать. Чего не знаю, такъ не знаю. И сами нарядимся: я пустынникомъ...

Хлыновъ.

Зачѣмъ пустынникомъ?

Аристархъ.

Что̀ ты понимаешь? Ужъ я, стало-быть, знаю, коли говорю. При разбойникахъ завсегда пустынникъ бываетъ; такъ смѣшнѣе. И выйдемъ всѣ въ лѣсъ, къ большой дорогѣ, подлѣ шалаша. Барина атаманомъ нарядимъ, потому у него видъ строгiй, ну, и усы. Тебя тоже разбойникомъ нарядимъ; да тебя и рядить-то не много нужно, ты и такъ похожъ; а въ лѣсу-то, да ночью, такъ точь-въ-точь и будешь.

Хлыновъ.

Ну, ты, братецъ, въ забвенiе-то не приходи!

Аристархъ.

Станемъ мы въ свистки свистѣть по кустамъ, будемъ останавливать прохожихъ и проѣзжихъ, да къ атаману водить! Напугаемъ, а потомъ доньяна напоимъ и отпустимъ.

Баринъ.

Превосходно придумано.

Хлыновъ.

Ничего, ладно. Занятіе очення интересное. Ну, ты поѣзжай, а я сосну пойду. *(Уходитъ.)*

Баринъ.

Мы прежде съ народомъ репетицію сдѣлаемъ. Это отличная будетъ штука, и благородная штука, и пріятная. Да, весело, чортъ возьми, а то было я ужъ издохъ со скуки. *(Уходитъ. Вася подходитъ къ Аристарху.)*

Вася.

Дядюшка Аристархъ, я порѣшился къ Хлынову.

Аристархъ.

Твое дѣло.

Вася.

Да все какъ-то раздумье беретъ! Иной разъ такая мысль придетъ: не лучше-ль въ солдаты? Да кабы не такъ трудно, я бы сейчасъ... потому еройскій духъ...

Аристархъ.

То-то ты съ еройскимъ-то духомъ да въ шуты и пошелъ.

Вася.

Ничего не подѣлаешь. Страшно! А ужъ ежели бы я осмѣлился, кажется, какихъ бы дѣловъ надѣлалъ.

Аристархъ.

Полно! Гдѣ ужъ! Пшеничнаго ты много ѣлъ. Душа-то коротка, такъ что̀ хвастать! Хе, хе, хе! Мелочь ты, лыкомъ шитая! Всю жизнь крупинками питаешься, никогда тебѣ цѣлаго куска не видать, а все бодришься, чтобъ не очень тебя хамомъ-то ставили. Все какъ-то барахтаешься, лѣзешь куда-то, не хочется вовсе-то ничкомъ въ грязи лежать.

Вася.

Оно, точно, что...

Аристархъ.

Смолоду-то, пока образъ-то и подобіе въ насъ еще свѣтится, оно, какъ будто, не хорошо колесомъ-то ходить. Конечно, мое дѣло сторона, а къ слову пришлось, я и сказалъ.

Вася.

Да, это ты вѣрно. Вотъ еще мнѣ забота: что̀ Параша скажетъ, коли я у Хлынова запѣвалой останусь? Э, да что̀ мнѣ на людей смотрѣть! Коли любитъ, такъ и думай по-моему, какъ мнѣ лучше. А то, что̀ слезы-то заводить? Своя-то рубашка къ тѣлу ближе. Такъ, что̀ ли, дядюшка Аристархъ? Охъ, да какой же я у васъ ухорскій пѣсельникъ буду! *(Уходитъ съ Аристархомъ.)*

Сцена 2-я.

ЛИЦА:

Хлыновъ.
Баринъ.
Аристархъ.
Вася.
Параша.
Гаврила.
Люди Хлынова.
Наркисъ и прохожіе люди.

Поляна въ лѣсу. Налѣво небольшой плетеный сарай для сѣна; у сарая, со стороны, обращенной къ зрителямъ, положена доска на двухъ обрубкахъ въ видѣ скамьи; на правой сторонѣ два или три пня и срубленное сухое дерево. Въ глубинѣ сплошь деревья, за ними видна дорога, за дорогой поля и вдали деревня. Вечерняя заря.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Наркисъ *(за сценой)*.

Тпрррру! Чтобъ тебя! Куда это я заѣхалъ? Вотъ такъ чаща! Тутъ не то, что на лошади, а и пѣшій не пролѣзешь! *(Выходитъ.)* И какимъ манеромъ меня угораздило! Задремалъ, должно быть. *(Останавливаясь.)* Это что̀ за избушка на курьихъ ножкахъ? Да это сарай! Э! Да я ужъ въ другой сюда попадаю, все на то же мѣсто. Обошелъ! Дѣло не чисто! Наше мѣсто свято! И какъ бы, кажется, обойти, не такіе часы теперь: еще совсѣмъ свѣтло. Нѣтъ, надо такъ полагать, что я задремалъ. И диви бы съ ними, съ мужиками, много пилъ; а то что̀! Что̀ я пилъ? Дай Богъ памяти! Два

стакана, да полстакана, да двѣ чайныхъ чашки, да еще полчашки, да рюмка. Да чтò считать-то! Дай Богъ на здоровье! Чтò-жъ, я, слава Богу... мнѣ все одно, чтò воду, да другому и воды столько не одолѣть. А считать-то грѣхъ. Съ того сохнутъ, говорятъ, кто считанное-то... Всего четыре версты отъ дому, а никакъ не доѣду. Пойду, выведу лошадь-то на дорогу, да такъ нахлещу, чтобъ мигомъ дома. А то чтò за страмъ! Хозяинъ послалъ за дѣломъ, а я пропалъ: еще подумаютъ, пьянъ. *(Уходитъ. Изъ лѣса выходятъ маршемъ: Хлыновъ — на немъ сверхъ жилета испанскій плащъ, на головѣ бархатная шапочка съ перьями; Аристархъ въ костюмѣ капуцина; баринъ и за нимъ попарно люди Хлынова въ разныхъ костюмахъ; между ними Вася; сзади несутъ двѣ корзины съ напитками и съѣстнымъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Хлыновъ, Аристархъ, баринъ, Вася и прислуга.

Хлыновъ *(хочетъ итти на дорогу).*

Маршъ!

Аристархъ *(удерживая его).*

Погоди, безобразный! Куда ты?

Хлыновъ.

Проѣхалъ ктó-то, братецъ ты мой.

Аристархъ.

Ну, такъ чтò-жъ?

Хлыновъ.

Долженъ я поглядѣть, али нѣтъ?

Аристархъ.

Намъ изъ лѣсу выходить-то еще рано, больно свѣтло. *(Смотритъ на дорогу.)* А кто проѣхалъ, я тебѣ сейчасъ скажу. Это Наркисъ, приказчикъ Курослѣпова, на хозяйской тележкѣ. Посылали куда-нибудь. Э! да какъ его покачиваетъ! Задремалъ, должно быть! Куда онъ поворачиваетъ, чудакъ! Ну, да лошадь сама знаетъ, вывезетъ на дорогу.

Хлыновъ.

Ты, братецъ, затѣялъ, ты и порядокъ заводи.

Аристархъ.

Вотъ и стой здѣсь всѣ! Тутъ у насъ привалъ будетъ. Баринъ, помѣщикъ Хлыновъ, садитесь на скамейку за сараемъ: тамъ васъ съ дороги не видно будетъ. Корзины въ сарай несите.

Хлыновъ.

Маркитантъ, приготовь закуску, чтобы, братецъ ты мой, въ лучшемъ видѣ! *(Садится съ бариномъ на скамью.)*

Аристархъ.

Вотъ теперь разставимъ людей. Вы двое на бугоръ, вы двое къ мосту, да хоронитесь хорошенько за кусты; на проселокъ не надо: тамъ только крестьяне да богомольцы ходятъ. Вы коли увидите прохожаго или проѣзжаго, такъ сначала пропусти его мимо себя, а потомъ и свистни. А вы, остальные, тутъ неподалеку въ кусты садитесь. Только сидѣть не шумѣть, пѣсенъ не пѣть, въ орлянку не играть, на кулачки не биться. Свистну, такъ выходите. *(Подходитъ къ Хлынову.)*

Хлыновъ.

Чтò же мы, братецъ, сидимъ? Первое твое стараніе, чтобъ мнѣ занятіе было. А какъ скоро мнѣ нѣтъ занятія, я могу сейчасъ въ скуку и въ тоску впасть. А въ тоскѣ и въ скукѣ, братецъ ты мой, дурныя мысли въ голову приходятъ, и даже я могу вдругъ похудѣть черезъ это самое.

Аристархъ.

Съ чего скучать-то? Какая тишина! Не вышелъ бы изъ лѣсу-то, какой вечеръ чудесный!

Хлыновъ.

Чтò такое чудесный вечеръ? И чѣмъ онъ хорошъ? Можешь ли ты, братецъ, понимать это? Лѣтній вечеръ оттого пріятность въ себѣ имѣетъ, что шампанское хорошо пьется, ходко — потому прохлада. А не будь шампанскаго, чтò такое значитъ вечеръ? Баринъ, не нарушить ли намъ флакончикъ? *(Свистъ.)*

Аристархъ.

Постой! *(Свиститъ. Изъ лѣсу выходятъ люди Хлынова.)* Тише!

Наркисъ *(за сценой).*

Тирр...у! Чтобъ тебя! О, волкъ тебя заѣшь! Куда меня занесло? Тирр...у!

Аристархъ.

Я огляжу пойду. *(Подходитъ къ кустамъ и возвращается.)* Это Наркисъ; онъ въ лѣсу запутался. *(Хлынову.)* Вотъ тебѣ и добыча!

Наркисъ *(за сценой).*

Оказія! Никакой силой тутъ не выдерешься. Придется мнѣ тебя назадъ за хвостъ тащить. И куда это я застрялъ? Надо оглядѣться.

Аристархъ *(людямъ).*

Обойдите его кругомъ; какъ подамъ знакъ, такъ хватайте и ведите сюда. *(Наркисъ выходитъ. Люди Хлынова заходятъ со всѣхъ сторонъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Наркисъ.

Наркисъ *(осматриваясь).*

Вотъ такъ важно! Сарай! Да я опять тута, въ третій разъ. Молодецъ! Ну, не навожденіе ли это дьявольское! Нѣтъ, ужъ что ни толкуй, а дѣло видимое. Вотъ ужъ и темнѣетъ, вотъ ужъ и страхъ меня забираетъ. *Онъ* шутитъ. *Онъ* теперь вышелъ; какъ начнетъ темнѣть, такъ ему и выходъ; засвѣтло не выходитъ никогда, не положено, не можетъ... Ужъ пускай бы пошутилъ, только въявь не показывался. Очень ужъ, говорятъ, видомъразителенъ, такъ что нѣтъ такого смѣлаго человѣка, чтобъ на него прямо смотрѣть! Когда я теперь дома буду? Нѣтъ, шабашъ! Теперь въ поводу поведу, уже не задремлю. Только-бъ онъ мнѣ навстрѣчу не вышелъ, а то, кажется, и лошадь бросишь. Нѣтъ, ужъ я теперь дома буду; я не робкаго десятка. Ну, само собой, если вотъ прямо такъ передъ носомъ твоимъ изъ земли выростетъ, такъ нешу... *(Идетъ къ лошади. По знаку Аристарха одинъ изъ людей Хлынова загораживаетъ ему дорогу.)* А вотъ онъ и есть... Вотъ тебѣ и разъ! Вотъ онъ и какъ тутъ! Я, вѣдь, и въ другую сторону поверну и оглядываться не стану. *(Идетъ въ другую сторону. Другой человѣкъ загораживаетъ ему дорогу.)* Вотъ и другой! Однако! *(Аристархъ выходитъ изъ-за сарая*

и дѣлаетъ знакъ, чтобы его взяли.) Вотъ и третій! Да ихъ тутъ полонъ лѣсъ! Это ужъ, надо быть, самый настоящій! И хмель у меня соскочилъ. Кричать али нѣтъ? Да чего кричать! Кромѣ лѣшаго никто не откликнется. *(Машетъ рукой на Аристарха.)* Наше мѣсто свято! *(Шепчетъ.)* Не дѣйствуетъ! Ну, теперь капутъ! *(Слуги берутъ его подъ руки и ведутъ къ Хлынову. Другіе приносятъ вино и стаканъ. Баринъ дѣлаетъ ему знакъ, чтобы онъ пилъ.)* Это, значитъ, пить надо? Да, можетъ, это зелье какое? Можетъ, съ него разорветъ? *(Баринъ дѣлаетъ отрицательный знакъ.)* Вѣрно твое слово? Ну, такъ я, чтò-жъ, я выпью. *(Пьетъ. Ему наливаютъ еще.)* Стало-быть, и еще? Ничего, первый прошелъ, какъ быть слѣдуетъ. Я и еще. *(Пьетъ.)* Благодарствуйте. Теперь позвольте васъ спросить, чтò вы такое: люди, примѣрно, аль чтò другое?

Баринъ *(густымъ басомъ).*

Мы разбойники.

Наркисъ.

Разбойники? Не похоже. На тѣхъ-то вы, на не нашихъ-то, не къ ночи сказать, ко дню, больше похожи, особливо вотъ этотъ. *(Указывая на Аристарха.)* Вѣдь, это какая страсть-то, особенно въ лѣсу-то да ночью.

Аристархъ.

Трепещи!...

Наркисъ.

Да ужъ и то трепещусь. Все во мнѣ трепещется.

Баринъ.

Мы изъ чужихъ земель.

Наркисъ.

Да? Наѣхали? Чтò-жъ, вы и смертоубивствомъ занимаетесь?

Баринъ.

Нѣтъ.

Наркисъ.

Ну, теперича мнѣ легче. Чтò-жъ, это хорошо, что вы душъ не губите. А грабите-таки довольно?

Баринъ.

Нѣтъ.

Наркисъ.

Какъ нѣтъ? Чтò-жъ вы не грабите? Это вы напрасно. Вы

изъ чужихъ земель, вы нашего народу не знаете. Нашъ народъ простой, смирный, терпѣливый народъ, я тебѣ скажу: его можно грабить. И промежду прочимъ, даже есть много такихъ, которые не знаютъ, куда имъ съ деньгами дѣваться. Право. Вотъ Хлыновъ, да чтò-жъ его не ограбить? Ему еще, пожалуй, лучше отъ этого.

Хлыновъ.

Какъ ты, братецъ мой...

Аристархъ *(грозно).*

Молчи!

Наркисъ *(барину).*

Вотъ чтò, другъ любезный, вели еще стаканчикъ поднести. А то отъ страха что-то зябнется. *(Баринъ киваетъ головой.)* А ужъ опосля, чтò хотите со мной дѣлайте. У васъ и вино-то, должно, привозное; а у насъ въ торговлѣ такой-то, другъ любезный, обманъ живетъ. *(Подносятъ; пьетъ.)* Такъ вы не грабите?

Баринъ.

Не грабимъ.

Наркисъ.

Чтò же вы съ нами дѣлаете?

Баринъ.

Возьмемъ, напоимъ и отпустимъ.

Наркисъ.

Это очень хорошо. Это расчудесно!

Аристархъ.

Понравилось?

Наркисъ.

Да чтò-жъ лучше! И не слыхано, да кто и сказалъ-то бы, такъ не повѣришь.

Баринъ.

Хочешь въ нашу шайку, въ разбойники?

Наркисъ.

Въ разбойники? А у васъ какъ положеніе? Артельно или отъ хозяина, на жалованьи?

Баринъ.

На жалованьи.

Наркисъ.

Харчи свои али хозяйскіе?

Баринъ.

Хозяйскіе.

Наркисъ.

Положеніе хорошее. Я съ превеликимъ бы удовольствіемъ, да вотъ что̀, другъ... *(Оглядываясь на людей Хлынова.)* Что̀ они тутъ стоятъ? Прогони ихъ, не бойся, я не уйду. Сядемъ на траву; я хорошую компанію люблю. *(Аристархъ даетъ знакъ; люди расходятся. Наркисъ, Хлыновъ, баринъ, Аристархъ садятся на землю.)* Вотъ что̀, другъ ты мой единственный, какъ звать тебя, не знаю... Я бы съ охотой... а не пойду.

Баринъ.

Отчего?

Наркисъ.

Мнѣ житье теперь, мнѣ житье! Малина! Умирать не надо. Что̀ только есть, первый сортъ. Хозяинъ у меня глупый; вотъ послалъ меня съ мужиками рядиться, луга кортомимъ; а я не очень, чтобъ уважаю. А съ хозяйкой я въ любви и во всякомъ согласіи.

Аристархъ.

Не вѣрю.

Наркисъ.

Ужъ это такъ точно. Ужъ что̀! Даромъ слова не скажу. И насчетъ съѣстного, и прочаго... все... Вотъ сейчасъ пріѣду... поѣдемъ ко мнѣ въ гости! Сейчасъ при тебѣ потребовано вина, братецъ, всякаго: краснаго, бѣлаго, рому... всякаго. И вотъ сейчасъ скажу: неси тысячу рублей! Чтобъ мигомъ тутъ было! И принесетъ.

Аристархъ.

Врешь!

Наркисъ.

Истинно! Нешто первый разъ! Двѣ принесетъ, только-бъ ей какъ у мужа спроворить. Страсть какъ любитъ! Говорю тебѣ, другъ ты мой единственный, ужасно какъ любитъ, и словъ такихъ нѣтъ. Вотъ недавно двѣ тысячи своими руками принесла. Я сейчасъ, другъ мой единственный, подъ подушку въ ящикъ... ключомъ щелкъ, а ключъ на крестъ. Вотъ и нынче, какъ пріѣду, велю тысячу принести и сейчасъ въ ящикъ, и щелкъ; потому я хочу, другъ мой любезный, въ купцы

выходить. Такъ я себя понимаю, что̀ мнѣ надо. А вотъ что̀, другъ милый, мнѣ еще бы...

Аристархъ.

Видно, ты любишь?

Наркисъ.

Не то, чтобъ я любилъ, а какъ мнѣ, по моимъ чувствамъ, это на пользу.

Аристархъ.

Изволь! Только-бъ охота была, а вина у насъ вдоволь. *(Подзываетъ человѣка.)* Вотъ они тебѣ и лошадь помогутъ вывести. *(Человѣку.)* Попотчуй его хорошенько, *(тихо)* потомъ положи въ телѣгу да проводи до города. *(Наркису.)* Ступай съ нимъ, обиды не будетъ.

Наркисъ.

Благодарю за компанію. *(Уходитъ.)*

Аристархъ *(Хлынову)*.

Ну, что̀, доволенъ ты? Нѣтъ худа безъ добра. Вотъ нынче же все это городничему я и объясню, чтобъ за него, за плута, невинные люди не страдали.

Хлыновъ.

Хорошо бы теперь, братецъ, какого благороднаго, чтобъ съ нимъ шампанскаго выпить.

Баринъ.

Барышню какую-нибудь воспитанную, институтку!... Я бы сейчасъ палъ на колѣни передъ ней и сцену изъ трагедіи.

Аристархъ.

А вотъ пойдемте на большую дорогу; можетъ, кто и попадется. А тутъ что̀, тутъ проселокъ. Вонъ, видишь, богомолки идутъ. *(По дорогѣ проходятъ богомолки.)*

Хлыновъ.

Съ этимъ народомъ, братецъ, какое можетъ быть развлеченіе, одна канитель. *(Уходятъ. Параша и Гаврила показываются на дорогѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Параша и Гаврила.

Параша.

Какъ я устала! Силъ моихъ нѣтъ! Я съ мѣста двинуться не могу; мнѣ не дойти до города.

Гаврила.

Отдохните, Прасковья Павлиновна; вотъ тутъ на полянкѣ присядьте, на брёвнышкахъ. На траву не садитесь — роса. Отдохнувши-то, мы своихъ догонимъ, еще рано. Часу въ десятомъ будемъ въ городѣ.

Параша.

Посидимъ, не могу итти, не могу!

Гаврила.

Вы не то, что съ дороги, а больше отъ чувствъ.

Параша.

Я падаю, падаю!

Гаврила.

Позвольте, я васъ поддержу подъ локоточекъ. *(Доводитъ ее до брёвенъ.)*

Параша.

Я только устала, а мнѣ, помолившись-то, какъ будто легче. Какъ мнѣ тебя благодарить, я не знаю. Кабы не ты, мнѣ бы не дойти.

Гаврила.

Чтò-жъ, мнѣ, вѣдь, самому надо было...

Параша.

Нѣтъ, не говори: я знаю, что ты только для меня пошелъ. Какъ у меня голова... руки и ноги точно не свои, и какъ будто забытье. И въ головѣ-то шумъ, а ничего у меня не болитъ, и такъ мнѣ хорошо, пріятно, только, какъ будто, вотъ чтò-то мнѣ представляется. Чтò такое?... Гудитъ, гудитъ, точно вотъ рѣчка по камнямъ или мельница... Дурно мнѣ, Гаврюша, дурно!

Гаврила.

Да чтò вы, родная? Я пойду водицы принесу; тутъ гдѣ-то ключикъ былъ.

Параша.

Поди, поди! *(Гаврила идетъ; въ разныхъ мѣстахъ свистъ. Онъ бѣжитъ назадъ.)*

Гаврила.

Свистятъ.

Параша.

Чтò ты? Не слышу.

Гаврила.

Свистятъ по лѣсу.

Параша.

Ну, что-жъ, палятъ... Поди. *(Гаврила отходитъ. Въ это время свистъ усиливается. Изъ кустовъ выходитъ баринъ и, замѣтивъ Парашу, подбѣгаетъ къ ней; она на него съ испугомъ смотритъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ показываются люди Хлынова.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, баринъ и люди Хлынова.

Баринъ.

Красавица! Наконецъ-то, я нашелъ тебя! *(Беретъ ее за руку. Параша хочетъ бѣжать, но силы ее оставляютъ. Баринъ ее поддерживаетъ, обнявъ ее одной рукой.)*

Гаврила *(схвативъ большую суковатую палку, бросается на барина).*

Не трожь ее! Я умру на этомъ мѣстѣ, а тронуть ее не позволю! *(Баринъ стрѣляетъ изъ пистолета. Гаврила падаетъ.)*

Параша.

Ахъ, убитъ, убитъ! *(Закрываетъ лицо руками.)*

Гаврила *(приподымаясь и ощупываясь).*

Нѣтъ, я словно живъ? Это я, надо полагать, съ испугу. Оглушило только. Что-жъ это, Господи? *(Встаетъ. Баринъ дѣлаетъ знакъ, набѣгаютъ люди и уносятъ Гаврилу.)*

Баринъ.

Ты меня не узнаешь? О, я давно люблю тебя. Зачѣмъ ты сдѣлала меня несчастнымъ? Я бросилъ людей, бѣжалъ въ лѣса и набралъ шайку разбойниковъ. Наконецъ, ты въ моихъ рукахъ. Ты будешь моя. О!...

Параша *(дѣлаетъ усиліе, чтобъ оттолкнуть его).*

Нѣтъ, нѣтъ! Вася, Вася!

Баринъ.

Хочешь парчи, хочешь бархату, брильянтовъ? Все твое! Только люби меня.

Параша *(стараясь освободиться, но силы ея слабѣютъ)*.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Не надо, ничего не надо. Пусти меня! Пожалѣй... Прошу тебя, молю тебя, пожалѣй меня! *(Почти шопотомъ.)* Я не своя теперь. Я чужая, я Васина... Вася, Вася! *(Лишается чувствъ. Баринъ сажаетъ ее на скамью у сарая и поддерживаетъ. Входятъ Хлыновъ и Аристархъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Параша, баринъ, Хлыновъ, Аристархъ и люди Хлынова.

Хлыновъ.

Что за стрѣльба?

Баринъ.

Идите скорѣй! Какую я красавицу обрящилъ! Да, должно быть, испугалась очень; надо ей помочь какъ-нибудь.

Хлыновъ.

Дѣвка, братецъ, первый сортъ. Одобряю.

Аристархъ *(подбѣгая)*.

Ахъ, вы, варвары! Да, вѣдь, это крестница моя, Параша, Курослѣпова дочь. *(Хлынову.)* Пошли скорѣй за коляской; я ее домой свезу! *(Хлыновъ посылаетъ одного изъ своихъ людей.)* Ужъ и ты, баринъ, нашелъ кого обидѣть! Ума-то у тебя, видно, какъ у малаго ребенка. Подайте ее сюда, разбойники, она вамъ, пьяницамъ, не пара! Далеко вамъ, далеко! *(Садится на скамью подлѣ Параши и обмахиваетъ ее платкомъ.)* Воды! *(Люди бѣгутъ за водой.)* Какъ вы смѣли трогать-то ее своими грязными лапами? Она, какъ есть, голубка; а вы мало чѣмъ лучше дьяволовъ. Вотъ она, шутка-то! И я-то, дуракъ, тѣшить васъ взялся! Пора мнѣ знать, что у васъ ни одной шутки безъ обиды не обходится. Первое ваше удовольствіе — бѣдныхъ да беззащитныхъ обижать. *(Приносятъ воды; онъ льетъ ей нѣсколько капель на голову.)* Ужъ эта ли дѣвушка не обижена, а тутъ вы еще! Дома ее заѣли совсѣмъ; вырвалась она кой-какъ *(Параша понемногу приходитъ въ чувство и прислушивается)*, пошла Богу помолиться, у Него защиты попросить... Такъ отецъ, съ сонныхъ-

то глазъ, по мачехину наученью, давеча по утру велѣлъ городничему изловить ее, да на веревкѣ, съ солдатомъ, по городу провести для страма; да въ чуланъ дома запрутъ ее на полгода, а то и на годъ.

Параша *(привстаетъ и какъ бы въ бреду).*

По городу съ солдатомъ? Въ чуланъ? Гдѣ онъ? Гдѣ атаманъ? Пойдемъ! Вмѣстѣ пойдемъ! И я съ вами...

Баринъ и Аристархъ.

Куда? Куда?

Параша.

Въ городъ, въ городъ! Я сама... *(Съ крикомъ.)* Не ругаться имъ надо мной! Не сидѣть мнѣ въ чуланѣ! Зажгу я свой домъ съ четырехъ угловъ. Пойдемте! Я васъ проведу, я васъ прямо проведу. Дайте мнѣ въ руки-то что-нибудь... Ружье... да огня, больше огня! *(Обезсиливаетъ.)*

Аристархъ.

Параша! Что ты? Богъ съ тобой! Да, вѣдь, это я, твой крестный. *(Снимаетъ капюшонъ.)*

Параша *(смотритъ на него).*

Крестный?

Аристархъ.

Да, да, крестный! Аристархъ. Узнала теперь? Мы шутимъ. Это вотъ подрядчикъ Хлыновъ. Слыхала? Безобразный такой. Нечего ему дѣлать-то, а денегъ много, вотъ онъ и забавляется.

Параша.

А Гаврила гдѣ?

Аристархъ *(оборачиваясь).*

Гдѣ Гаврила?

Одинъ изъ людей.

Онъ вырвался отъ насъ да убѣжалъ.

Аристархъ.

Вотъ теперь прибѣжитъ, перемутитъ весь городъ; ну, да мы на лошадяхъ-то раньше его будемъ. А знаешь ли, Параша, Хлыновъ Васю изъ солдатства выкупилъ.

Параша.

Выкупилъ?

Хлыновъ.

Четыреста серебра внесъ.

Аристархъ.

Да гдѣ Вася-то? Онъ съ нами былъ.

Хлыновъ.

Гдѣ Васька? Позвать сюда Ваську! *(Вася выходитъ изъ рощи.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Вася.

Параша.

Вася! Вася! *(Бросается къ нему на шею.)*

Вася.

Чтò ты? При народѣ-то нехорошо.

Хлыновъ.

Я его теперича въ пѣсельники опредѣлилъ.

Параша *(отступая)*.

Въ пѣсельники?

Вася.

Чтò-жъ, надо чѣмъ-нибудь заниматься, хлѣбъ добывать.

Хлыновъ.

Я его теперича въ кабалу взялъ за эти самыя деньги на годъ.

Параша *(съ испугомъ)*.

Въ кабалу?

Аристархъ.

Вотъ чѣмъ похвалился! Благодѣтель! Изъ людей шутовъ дѣлаетъ.

Хлыновъ.

А хоть бы и шутовъ, братецъ ты мой. Кто же мнѣ можетъ запретить? Онъ человѣкъ несостоятельный; я за свои деньги въ какую угодно должность, въ такую его и опредѣлю, стало-быть, ему самому нравится. Въ шуты нанялся, шутомъ и будь. Васька, знай свою дистанцію! На задній столъ! Барышня, угодно вамъ, мы васъ потѣшимъ? Сейчасъ могу скомандовать веселую. Эй, народы! Васька, бери бубенъ, дѣлай колѣно! *(Вася отходитъ.)*

Параша *(со слезами)*.

Вася! Вася!

Вася *(подходя къ ней)*.

Что тебѣ?

Параша.

Вася, зачѣмъ ты деньги бралъ?

Вася.

Что-жъ, въ солдаты?...

Параша.

Да, да. Я ужъ и помолилась... Я рѣшилась. Да, да, въ солдаты... Обидно, да за то честно это... Вѣдь, рѣшились мы; вѣдь, уговорились; ты хотѣлъ... развѣ ты... развѣ ты...

Хлыновъ.

Васька, знай свое мѣсто! *(Вася отходитъ)*.

Параша.

Развѣ ты... струсилъ? *(Васѣ подаютъ бубенъ; онъ его беретъ молча.)* Отвѣчай! Отвѣчай мнѣ! Струсилъ ты? Оробѣлъ? *(Вася съ сердцемъ встряхиваетъ бубномъ.)* Такой красивый, такой молодецъ и струсилъ. Съ бубномъ стоитъ! Ха, ха, ха! Вотъ когда я обижена. Что я? Что я? Онъ плясунъ, а я что? Возьмите меня кто-нибудь! Я для него только жила, для него горе терпѣла. Я, богатаго купца дочь, солдаткой хотѣла быть, въ казармахъ съ нимъ жить, а онъ?... Ахъ, крестный! Трудно мнѣ... духу мнѣ!... духу мнѣ надо... а нѣтъ. Била меня судьба, била... а онъ... а онъ... добилъ. *(Падаетъ къ Аристарху на руки)*.

Аристархъ.

Лошадей проворнѣй! Дай Богъ только живую довезти! Бѣдная ты, бѣдная мученица!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА:

Курослѣповъ.
Матрена.
Параша.
Силанъ.
Наркисъ.
Градобоевъ.
Аристархъ.
Гаврила.
Вася.
Сидоренко.
Жигуновъ.
Рабочіе и будочники.

Декорація перваго дѣйствія. Десять часовъ вечера.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Матрена *сходитъ съ крыльца и идетъ по двору;* Курослѣповъ, *нѣсколько времени спустя, выходитъ на крыльцо; у воротъ* Силанъ.

Курослѣповъ.

Матрена!

Матрена.

Чтò еще? Нянчись съ нимъ, какъ съ маленькимъ. Проснулся, видно, продралъ глаза-то.

Курослѣповъ.

Поди сюда!

Матрена *(возвращаясь).*

Ну?

Курослѣповъ.

Чтò ты меня одного покидаешь? Ночное дѣло...

Матрена.

А ночное дѣло, такъ спи! Чего еще?

Курослѣповъ.

Спать-то бы оно, точно... да меня сумлѣніе... гдѣ Наркисъ?

Матрена.

Не печалься, найдется. Наркисъ не иголка; ту потеряешь, такъ не скоро сыщешь.

Курослѣповъ.

Какой же такой порядокъ? Какъ же онъ можетъ? Стало-быть, его гнать надобно по шеѣ. По хозяйскому дѣлу посланъ, опять же я ему наказывалъ...

Матрена.

А если онъ дома?

Курослѣповъ.

Для чего не кажется?

Матрена.

А коли онъ спитъ? Человѣкъ онъ тоже или нѣтъ?

Курослѣповъ.

Значитъ, онъ не въ своемъ видѣ?

Матрена.

А ты давеча въ своемъ видѣ пріѣхалъ отъ Хлынова. Впереди тебя человѣкъ сидитъ да за плечи держитъ. Днемъ-то такъ, по городу.

Курослѣповъ.

Такъ всякій знаетъ, что я хозяинъ. А онъ что̀?

Матрена.

Каковъ хозяинъ, таковы и люди. Съ кого имъ примѣръ-то брать, какъ не съ хозяина?

Курослѣповъ.

Что̀ ты меня морочишь! Я еще не совсѣмъ изъ ума-то выжилъ. Кого за дѣломъ посылаютъ, долженъ онъ отвѣтъ дать? Говори, долженъ?

Матрена.

Развѣ завтра для васъ дня-то не будетъ? Наговоритесь. Авось, дѣло то не государственное.

Курослѣповъ *(со страхомъ)*.

Матрена! Матрена!

Матрена.

Что̀ съ тобой?

Курослѣповъ.

Смотри кверху! Гляди сюда!

Матрена.

Охъ! Какъ ты, Павлинъ Павлинычъ, вдругъ женщинѣ! Вѣдь, ты какъ испугать можешь? Наше дѣло такое слабое, что ото всякой малости, мало-ль что̀! Ты меня такимъ манеромъ когда-нибудь уродомъ сдѣлаешь. Вотъ упало сердце. Чуть жива стою, вся какъ пустая.

Курослѣповъ.

Гляди ты кверху! Говорятъ тебѣ!

Матрена.

Зачѣмъ?

Курослѣповъ.

Падаетъ?

Матрена.

Что̀ падаетъ-то, оглашенный человѣкъ?

Курослѣповъ.

Небо.

Матрена.

Ну, будетъ! Поговорилъ и будетъ. Ступай спать! Мочи моей нѣтъ съ тобой! Связать тебя да въ сумасшедшій домъ! Какъ можетъ небо падать, когда оно утвержденное. Сказано: твердь! Ступай спать! Ступай безъ разговору! Минуты съ тобой покою нѣтъ.

Курослѣповъ *(уходя).*

А спать, такъ спать. Я пошелъ.

Матрена.

Ты что̀ это въ сапогъ-то прячешь?

Курослѣповъ.

Деньги.

Матрена.

Много ли?

Курослѣповъ.

Доложить рубль, такъ шестьсотъ-сорокъ будетъ.

Матрена.

Потеряешь изъ сапога-то, а потомъ опять исторію заведешь.

Курослѣповъ.

Нѣтъ, ужъ я теперь ихъ, знаешь куда? Въ спальнѣ мѣшочекъ съ орѣхами, такъ я ихъ подъ орѣхи, подъ самый подъ низъ, пущай до завтраго. Тамъ цѣлѣй, въ орѣхахъ-то! *(Уходитъ.)*

Матрена.

Силантій!

Силанъ *(подходя)*.

Чего тебѣ?

Матрена.

Чтò Наркисъ?

Силанъ.

Ничего, образумился. Причесывается теперь.

Матрена.

Гдѣ это онъ?

Силанъ.

Мало мѣстовъ-то? Была-бъ охота! Съ мужиками торговался, со всѣмъ міромъ.

Матрена.

Такъ чтò-жъ?

Силанъ.

То-жъ. У мужиковъ-то ни этой думы, ни сенату не выстроено; одно строеніе только и есть, гдѣ мірскія дѣла судять.

Матрена.

Такъ вотъ что!

Силанъ.

А то чтò же? Заведенъ порядокъ, не мѣнять его стать. Ну, значитъ, суди сама, ежели кто падокъ. Да вотъ онъ, Наркисъ-то. *(Отходитъ отъ Матрены и потомъ уходитъ за ворота. Выходитъ Наркисъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Матрена и Наркисъ.

Матрена.

Чтò, безпутный! Чтò, безпутный! Вотъ, погоди, достанется тебѣ отъ хозяина.

Наркисъ.

Не больно страшно. Ты меня не пугай! Я нынче и не такія страсти видѣлъ, да не испугался. Вотъ тебя бы на этакую страсть, посмотрѣлъ бы я, чтò ты заговорила. Тутъ на одномъ такіе сапоги были, что у тебя отъ однихъ отъ сапогъ-то душа бы въ пятки ушла. А ужъ какія шляпы! Да все съ перьями. А у одного мѣшокъ на головѣ суконный.

Матрена.

Отъ такого загулу мало-ль что приснится! Дня на два разсказывать будетъ.

Наркисъ.

Ну, ужъ это я знаю, приснилось мнѣ или нѣтъ. Оно хоть я и не больно испугался, а все меня какъ будто ломаетъ; мнѣ теперь поправка хорошая нужна.

Матрена.

Какая поправка?

Наркисъ.

Рому бутылка, а то двѣ... На ночь я теплаго...

Матрена.

Ты липоваго цвѣту лучше.

Наркисъ.

Ври еще! Ромашки не выпить ли? Очень нужно сырость-то эту въ животѣ заводить. Сказано тебѣ, рому. Я свою натуру лучше знаю.

Матрена.

Гдѣ-жъ я возьму?

Наркисъ.

Ищи поди! Не найдешь впотьмахъ, такъ фонарь зажги.

Матрена.

Этакого Ирода, какъ ты, еще свѣтъ не создавалъ.

Наркисъ.

Да ужъ ты, кстати, съ ромомъ-то захвати для меня тысячу рублей; по моимъ расчетамъ, у меня теперь ровно тысячи не хватаетъ.

Матрена.

Ни, ни, ни! Ни подъ какимъ видомъ! И не заикайся!

Наркисъ.

Я и то не заикаюсь: я тебѣ явственно говорю. А то я тебя и на порогъ къ себѣ не пущу. А завтрашняго числа, какъ буду хозяину отчетъ отдавать, всѣ твои дѣла ему, какъ на ладони.

Матрена.

Не я-ль твою образину кругомъ облагодѣтельствовала? И тебѣ не жаль свою благодѣтельницу?

Наркисъ.

Который я разъ тебѣ говорю, что во мнѣ жалости нѣтъ. Ты на мою жалость и не уповай никогда.

Матрена.

Охъ, погубитель! погубитель!

Наркисъ.

Вотъ что̀: ты тише, не дѣлай страму прежде времени.

Матрена.

Гдѣ я столько денегъ возьму?

Наркисъ.

Ну, ежели малость чего не хватитъ, я прощу.

Матрена.

Да какъ я къ тебѣ приду-то? Ну, какъ Силантій увидитъ?

Наркисъ.

А ты вотъ что̀: возьми у мужа кафтанъ, либо шинель, да и надѣнь, а на голову шляпу. Силантій ежели хоть и увидитъ, такъ подумаетъ, что самъ хозяинъ идетъ ко мнѣ браниться. А я пойду самоваръ поставлю, чтобы мнѣ теплаго... *(Уходитъ во флигель, Матрена въ домъ; Силанъ выходитъ изъ воротъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Силанъ, *потомъ* Матрена.

Силанъ.

Врозь разошлись. Диковина! А городничій дожидается. Пойти сказать ему, чтобъ шелъ домой. Полно, молъ, тебѣ по ночамъ-то! Иди, молъ, старичокъ убогонькій, домой! Тоже, вѣдь, и ихъ дѣло! Какъ не пожалѣть! Обыватель теперь спитъ, а онъ его береги. А кого беречь-то? Кого? Да еще взыскиваютъ. То не усмотрѣлъ, другое оплошалъ. Ишь ты, обывателю покой нуженъ. А для чего ему покой? Что̀ онъ трудился, что̀ ли, черезъ силу? Напился, наѣлся, да и на пуховикъ, какъ чурбанъ али пень какой. Службы онъ никакой не несъ, походовъ изъ конца въ конецъ не ломалъ, смертной чаши не видывалъ; лежитъ, какъ боровъ, да говоритъ: ты меня отъ всякой напасти соблюдай! Нѣтъ, кто какъ, а мнѣ нашего

старика жаль. Первое дѣло — старый, уродованный... *(Выходитъ Матрена въ шинели и шляпѣ.)* Что̀ за диво? Хозяинъ вышелъ! Очень мнѣ это удивительно, потому въ эту пору, развѣ его только рычагомъ или на блокѣ, а то не подымешь. *(Подходитъ къ Матренѣ.)* Что̀ тебѣ? Аль не спится? Ты будь безъ сумлѣнія, я тута.

Матрена *(перемѣнивъ голосъ).*

Ступай за ворота! Чего ты здѣсь не видалъ?

Силанъ.

Приказываешь за ворота? Были мы и за воротами.

Матрена.

Ступай, говорятъ тебѣ!

Силанъ *(про-себя).*

Эге! Вотъ оно что̀! *(Матренѣ.)* Иду, иду, хозяинъ; всю ночь буду у калитки сидѣть — оставайся съ успокоемъ. *(Идетъ къ воротамъ; Матрена входитъ къ Наркису.)* Нѣтъ, шалишь! Не обманешь. Коротко шагаешь, ноги спутаны. Что̀ у нея въ рукахъ-то? Какой-то мѣшечекъ; должно, орѣховъ Наркису несетъ, позабавиться. *(Подходитъ къ калиткѣ и отворяетъ ее. Входятъ Аристархъ и Параша.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Силанъ, Аристархъ и Параша.

Силанъ.

Ты какими судьбами?

Аристархъ.

Соро́ка на хвостѣ принесла. Прошла?

Силанъ.

Кто? Ступай, братъ, ступай! Твоего тутъ дѣла никакого. Коли что̀ есть, мы съ хозяиномъ промежъ себя. Не въ трубу намъ трубить.

Аристархъ.

Не ломайся со мной! Меня городничій прислалъ; я съ нимъ за добросовѣстнаго.

Силанъ.

Ну, такъ бы ты и говорилъ! Прошла, братецъ, прошла. *(Парашѣ съ поклономъ.)* Помолимшись!

Параша.

Богъ милости прислалъ, дядюшка Силантій.

Аристархъ *(Парашѣ)*.

Ну, иди, красавица, въ свое гнѣздышко, ничего не бойся, душой своей отвѣчаю. Будетъ бѣда, да только не тебѣ. На отца не гнѣвись! Онъ не столько со злобы, сколько отъ слабости. Чтò дѣлать! Ночная кукушка денную перекукуетъ. А злодѣйкѣ твоей мы, Богъ дастъ, языкъ-то прищемимъ. *(Параша уходитъ въ домъ.)*

Силанъ *(громко)*.

Посматривай! *(Входятъ Градобоевъ, Вася, Сидоренко, нѣсколько будочниковъ и инвалидныхъ солдатъ.)*

Градобоевъ *(Сидоренкѣ)*.

Разставляй команду къ окнамъ, къ дверямъ и къ воротамъ, чтобъ муха не пролетѣла. Хо, хо, хо! У меня пропажа не находится! Пропажа не находится! Вотъ я ему покажу, какъ не находится. Я ему найду, уткну его носомъ въ деньги-то. Смотри, скажу, смотри! Не находятся? Видишь ты теперь? А вотъ, чтобъ ты не обижалъ старыхъ заслуженныхъ офицеровъ, я эти денежки теперь въ карманъ. Сидоренко, бумаги съ тобой, постановленіе писать?

Сидоренко.

Со мной, ваше высокоблагородіе.

Градобоевъ.

Понятые здѣсь?

Сидоренко.

За воротами сидятъ, ваше высокоблагородіе.

Градобоевъ *(Силану)*.

Теперь ты намъ хозяина подавай!

Силанъ.

Будить, чтò ли? Да чтò въ немъ проку-то? Онъ спросонковъ у насъ, какъ чумовой! *(Курослѣповъ выходитъ на крыльцо.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Курослѣповъ.

Силанъ.

Да вотъ онъ самъ... Теперь, чтò хочешь съ нимъ...

Курослѣповъ *(на крыльцѣ).*

Вотъ тебѣ и орѣхи! Матрена! Матрена, не видала-ль ты, гдѣ орѣхи? *(Взглянувъ наверхъ.)* О, Господи! Опять валится! Вотъ, вотъ... Нѣтъ, не валится, а точно оно пополамъ раскололось...

Силанъ *(Градобоеву).*

Слышите, что̀ говоритъ?

Курослѣповъ.

Матрена! Силанъ! Эй! Кто тутъ живые люди! *(Матрена показывается изъ двери флигеля.)*

Сидоренко *(загораживая ей дорогу).*

Не велѣно!

Матрена.

Ай! *(Уходитъ во флигель.)*

Курослѣповъ.

Ну, рѣжутъ кого-то. Вотъ тутъ и живи, какъ знаешь. Въ домѣ грабежъ, а на дворѣ и вовсе разбой; видимое дѣло, что послѣдніе дни; въ небѣ трещина съ чего-то.

Градобоевъ.

Будетъ тебѣ предсказывать-то! Поди сюда; мы давно тебя ждемъ.

Курослѣповъ.

Да ты что̀ за человѣкъ?

Градобоевъ.

Слѣзай, говорятъ тебѣ! Прохлаждаться-то некогда.

Курослѣповъ.

А! Да это ты! Ну, мнѣ теперь, все-таки, облегченіе. А у меня, братъ, опять... весь мѣшокъ и съ орѣхами.

Градобоевъ.

Найдется.

Курослѣповъ.

Да, вотъ ты все — найдется, а ничего не находится. На посулѣ-то вы...

Градобоевъ.

Ну, такъ ты знай же: твои деньги нашлись, только взять ихъ мудрено.

Курослѣповъ.

Отчего такъ?

Градобоевъ.

А вотъ самъ увидишь! Пойдемъ вмѣстѣ.

Курослѣповъ.

Пойдемъ.

Градобоевъ.

Жигуновъ, бери команду. Маршъ впередъ! *(Жигуновъ и нѣсколько солдатъ марширують къ флигелю.)*

Курослѣповъ.

Постой!

Градобоевъ *(Жигунову).*

Стой! *(Жигуновъ останавливается.)*

Курослѣповъ.

Вотъ что̀ я у тебя хочу спросить, чтобъ ужъ мнѣ покойнѣй было... Гляди на верхъ.

Градобоевъ.

Гляжу.

Курослѣповъ.

Лопнуло небо? Такъ немножко наискось?

Градобоевъ.

Да я-то что̀, астрономъ, что̀ ли? У меня и безъ того дѣла-то по горло. Лопнуло, такъ починятъ. Намъ-то какое дѣло? Маршъ! *(Дверь во флигель отворяется; на порогѣ показывается Матрена въ шинели и шляпѣ.)*

Сидоренко *(не пуская ее).*

Не велѣно.

Курослѣповъ.

Вотъ она когда смерть-то моя! Ужъ какихъ чудесъ со мной ни дѣлалось, а этого еще не бывало! Нѣтъ, ужъ видно, другъ ты мой, сколько мнѣ ни маяться, а не отвертѣться. Потому, гляди! Вотъ здѣсь съ тобой я, а вонъ тамъ, на порогѣ, опять тоже я. *(Матрена, увидавъ мужа, скрывается во флигель.)*

Градобоевъ.

Еще то ли увидишь, погоди! Маршъ! *(Жигуновъ съ солдатами уходитъ во флигель, Градобоевъ и Курослѣповъ за ними.)*

Аристархъ *(Васѣ).*

Теперь твое дѣло, Василій, поправляется.

Вася.

Да, ужъ теперь я строго, потому не смѣй онъ порочить. Я съ него за безчестье... Онъ меня въ солдаты, а я, по его милости, долженъ былъ въ кабалу итти. Ужъ я теперь за все это его дочь могу требовать смѣло. Мы хоть люди маленькіе, а насъ тоже марать-то зачѣмъ же! Нѣтъ, ужъ теперь дочь подавай. Всѣ знаютъ, что я къ ней черезъ заборъ лазилъ, въ городѣ-то не утаишь. Ну, стало-быть, я ей и женихъ. У насъ такой порядокъ.

Аристархъ.

Дѣйствуй, братецъ, какъ тебѣ къ лучшему!

Вася.

Какой у меня, дядюшка Аристархъ, характеръ! Бѣда! Тоже въ обиду не дадимся. *(Изъ флигеля выходятъ Градобоевъ, Курослѣповъ, Матрена, Наркисъ связанный, Жигуновъ и солдаты.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Градобоевъ, Курослѣповъ, Матрена, Аристархъ, Вася, Сидоренко, Жигуновъ, Силанъ, Наркисъ, солдаты.

Градобоевъ *(Курослѣпову)*.

Понялъ ты теперь?

Курослѣповъ.

Какъ не понять, я не вчера изъ пеленокъ-то. Ну, такъ какъ же, Матрена Харитоновна?

Матрена.

Развѣ я своей волей? Извѣстное дѣло, врагъ попуталъ. Такъ на него на одного всю вину положить и надо. Смущалъ онъ меня, смущалъ, да вотъ и... Какъ я ему ни противилась, какъ себя ни утверждала, да видно силенъ... Горами качаетъ, не то, что нами, грѣшными, которые въ слабости.

Курослѣповъ.

Да? Горами... Вы вчера намъ тутъ проповѣдывали, что у тятеньки вамъ не въ примѣръ лучше, что тамъ оченно по васъ убиваются; такъ ужъ вы теперича къ нему поступайте!

Матрена.

Да ужъ, конечно. Должна же я кому-нибудь на васъ пла-

каться. Кто за меня здѣсь заступится? По крайности, я буду жаловаться родителю, что вы меня осрамили. Какъ вы были всю жизнь моимъ злодѣемъ, такъ чего же еще мнѣ отъ васъ дожидаться? А что еще у насъ съ вами судьбище будетъ большое.

Курослѣповъ.

Ничего не страшно. Вамъ бы отъ стыда теперь носъ-то въ подушки спрятать покудова, а завтра мы васъ чѣмъ свѣтъ препроводимъ. *(Матрена уходитъ.)*

Градобоевъ.

Ну, вотъ и ладно, вотъ и молодецъ.

Курослѣповъ *(Наркису)*.

Ты это какъ же?

Наркисъ.

А вотъ такъ же.

Курослѣповъ.

Вѣдь, тебя теперь не похвалятъ!

Наркисъ.

Ну, тамъ еще что будетъ, а я по крайности пожилъ въ свое удовольствіе. Жаль, что я давеча въ разбойники не пошелъ! Это настоящее мое занятіе.

Градобоевъ.

Ну, такъ какъ же съ нимъ? Постановленіе сдѣлать да порядкомъ дѣло начать?

Курослѣповъ.

Вотъ еще, нужно очень бумагу-то марать. Вели свести его въ арестантскую, замѣсто Васьки отдадимъ въ солдаты, и шабашъ!

Градобоевъ.

Сидоренко, сведи въ арестантскую, да распусти понятыхъ. Эй вы, воины! Маршъ домой! *(Уходятъ и уводятъ Наркиса.)*

Вася.

Чтò-жъ, въ самомъ дѣлѣ! За чтò-жъ вы на меня, коли я выхожу правый человѣкъ? Обижать-то нешто хорошо!

Курослѣповъ.

И то, братъ, виноватъ! Больно поторопился. Въ солдатахъ-то тебѣ быть, только не сейчасъ. Ну, чтò-жъ, коли ты правый человѣкъ, такъ погуляй немножко, покуда очередь не дошла.

Градобоевъ.

Ну, деньги твои у меня, мы съ тобой ихъ завтра раздѣлимъ. Помнишь разговоръ, помнишь обиду; мы съ тобой посчитаемся, а теперь хорошо бы послѣ трудовъ-то горло промочить, находку спрыснуть.

Курослѣповъ.

Дядя Силантій, вели-ка поди намъ шипучаго подать. *(Силанъ уходитъ.)*

Градобоевъ.

Вотъ теперь ты будешь жить порядкомъ, хозяйничать у тебя будетъ дочь, да возьми зятя хорошаго въ домъ.

Курослѣповъ.

Дочь? Дочь-то сбѣжала.

Градобоевъ.

Это ты во снѣ видѣлъ.

Курослѣповъ.

Ну, вотъ еще!

Аристархъ.

Во снѣ, ваше степенство.

Курослѣповъ.

Толкуйте! *(Силанъ входитъ.)* Гдѣ дочь?

Силанъ.

Гдѣ-жъ ей? Извѣстно, дома. *(Выходитъ Параша съ бутылкой вина и съ стаканами на подносѣ.)* Да, вотъ, она вино несетъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Параша.

Курослѣповъ.

Постойте! *(Отводитъ Градобоева въ сторону.)* Вотъ что, будь другъ, слезно я тебя прошу, скажи мнѣ по душѣ: вовсе я рехнувшись, или еще во мнѣ какая искра теплится? Если я вовсе, такъ ужъ вы лучше меня за рѣшетку, чтобъ я межъ людей не путался.

Градобоевъ.

Погляди-ка на меня! Нѣтъ, еще рано за рѣшетку, еще погуляй. Я тогда тебѣ скажу.

Курослѣповъ.

Ну, ладно. *(Парашѣ.)* Обноси гостей-то! Привыкай къ хозяйству. *(Параша наливаетъ стаканы и подаетъ Аристарху.)* Вотъ и видно, что дура. Ты по чину обноси!

Параша.

Чиновъ вашихъ я не знаю, а тому прежде и подаю, кто меня больше любитъ. Коли я хозяйка, такъ ужъ ты меня не учи. *(Подноситъ Градобоеву.)*

Градобоевъ *(пьетъ).*

Право, братъ, отдай ее замужъ, пора; по всему вижу, что пора. *(Параша подноситъ отцу.)*

Курослѣповъ.

Хочешь замужъ?

Параша.

Отчего-жъ не пойти! Только я тебѣ напередъ говорю, чтобъ у насъ брани не было! Отдавай меня за того, кого я сама полюблю. А ужъ ты меня не неволь! А то ежели я выйду противъ воли да съ моимъ сердцемъ, такъ добра не жди.

Градобоевъ.

Вонъ она какая! Говорю, отдавай поскорѣй! *(Сильный стукъ въ ворота.)*

Силанъ.

Кого тамъ еще? *(Отпираетъ; вбѣгаетъ Гаврила.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Гаврила.

Гаврила *(не замѣчая Параши).*

Батюшки! Мочи моей нѣтъ! Павлинъ Павлинычъ! Охъ, задохся! Вотъ бѣда-то!

Курослѣповъ.

Да ты съ висѣлицы, чтò-ль, сорвался?

Гаврила.

Хуже! Вѣдь, отняли, изъ рукъ отняли!

Курослѣповъ.

Чтò?

Гаврила.

Дочку-то вашу, родную-то, Прасковью Павлиновну! Я къ ней, а онъ въ меня разъ изъ пистолета. Да что̀ мнѣ! Я-бъ радъ за нее жизни рѣшиться: да не убилъ, не убилъ.

Курослѣповъ.

Вижу, что не убилъ.

Гаврила.

Двѣ деревни сбивалъ, весь лѣсъ обыскали — нѣту, похитилъ. Вотъ изъ рукъ, изъ рукъ... Батюшка, Павлинъ Павлинычъ! *(Кланяется.)*

Курослѣповъ.

Что̀ мнѣ теперь съ нимъ? Развѣ водой попробовать изъ ушата?

Гаврила.

Батюшки мои! Родные! На грѣхъ она меня взяла-то, дурака! Что̀ для меня дороже-то всего на свѣтѣ, что̀ я берегъ-то пуще глазу... цѣлый день, кажется, вотъ всякую пылинку съ нея сдувалъ — а тутъ вдругъ ее у меня...

Курослѣповъ.

Ну, Гаврилка, видно намъ съ тобой на одной цѣпи сидѣть!

Гаврила.

Простите вы меня, ради Бога! Я только сказать-то забѣжалъ, а то мнѣ ужъ одинъ конецъ... Съ мосту, съ мосту! Съ самой средины съ камнемъ. Простите меня, православные, ежели я кого чѣмъ... *(Увидавъ Парашу.)* Ахъ! *(Хочетъ бѣжать.)*

Силанъ *(останавливаетъ)*.

Постой! Куда ты? Ужъ это шалишь, теперь на мостъ!... Да что̀ за напасть! И не пущу... Ничего въ этомъ хорошаго, ужъ повѣрь ты мнѣ. *(Аристархъ подходитъ къ Гаврилѣ и шепчетъ ему на ухо.)*

Параша.

Ничего, пройдетъ. Это онъ съ горя, что ему отъ мѣста отказали. *(Подноситъ Градобоеву.)* Пожалуйте!

Курослѣповъ.

Ты бы намъ еще бутылочку.

Параша.

Сейчасъ подадутъ. Дѣдушка Силантій! Возьми изъ сѣней

бутылочку. *(Силанъ уходитъ.)* А вотъ я давеча начала говорить, да не кончила. *(Отцу.)* Ужъ ты мнѣ дай слово крѣпкое, что за немилаго неволить не станешь.

Градобоевъ.

Да, а мы свидѣтелями будемъ.

Курослѣповъ.

Да по мнѣ хоть сейчасъ. Ну, скажи, кто тебѣ любъ, за того и ступай.

Параша.

Кто любъ-то мнѣ? Сказать развѣ? Изволь, скажу! *(Беретъ Васю за руку.)* Вотъ кто мнѣ любъ.

Гаврила *(утираетъ слезы).*

Ну, вотъ и слава Богу!

Вася.

Да, ужъ теперь прямо говори.

Параша.

Я прямо и буду говорить. *(Отцу.)* Вотъ какъ мнѣ любъ этотъ человѣкъ: когда ты хотѣлъ его въ солдаты отдать, я и тогда хотѣла за него замужъ итти, не боялась солдаткой быть.

Гаврила.

Вотъ и хорошо, все благополучно!

Параша.

А теперь, когда онъ на волѣ, когда у меня и деньги, и приданое будетъ, и мѣшать-то намъ некому...

Гаврила.

Ну, и дай Богъ!

Параша.

Теперь бы я пошла за него, да боюсь, что онъ отъ жены да въ плясуны уйдетъ. И не пойду я за него, хоть осыпь ты меня съ ногъ до головы золотомъ. Не умѣлъ онъ меня брать бѣдную, не возьметъ и богатую. А пойду я вотъ за кого. *(Беретъ Гаврилу.)*

Гаврила.

Нѣтъ, нѣтъ-съ! Вы ошиблись. Не то совсѣмъ-съ!

Параша *(отцу).*

Не отдашь ты меня за него, такъ мы убѣжимъ да обвѣнчаемся. У него ни гроша, у меня столько же. Это намъ не

страшно. У насъ отъ дѣла руки не отвалятся, будемъ хоть по базарамъ гнилыми яблоками торговать, а ужъ въ кабалу ни къ кому не попадемъ! А дороже-то для меня всего: я вѣрно знаю, что онъ меня любить будетъ. Одинъ день я его видѣла, а на всю жизнь душу ему повѣрю.

Гаврила.

Да невозможно, помилуйте, что̀ вы!

Параша.

Отчего же?

Гаврила.

Какой я вамъ женихъ! Нешто я настоящій человѣкъ, такой же, какъ и всѣ?

Параша.

Какъ же не настоящій?

Гаврила.

Такъ-съ, я не полный человѣкъ. Меня ужъ очень много по затылку, какъ спервоначалу, такъ и по сей день; такъ ужъ у меня очень много чувствъ отшибено, какія человѣку слѣдуетъ. Я ни ходить прямо, ни въ глаза это людямъ смотрѣть — ничего не могу.

Градобоевъ.

Ничего. Понемножку оправишься.

Курослѣповъ.

Ну, что̀-жъ, выходи за Гаврилку. Все-жъ-таки, у насъ въ домѣ будетъ честнѣй, чѣмъ до сихъ поръ было.

Параша.

Вотъ, батюшка, спасибо тебѣ, что ты меня, сироту, вспомнилъ. Много лѣтъ прошло, а въ первый разъ я тебѣ кланяюсь съ такимъ чувствомъ, какъ надо дочери. Долго я тебѣ чужая была, а не я виновата. Я тебѣ съ своей любовью не навязываюсь, а коль хочешь ты моей любви, такъ умѣй беречь ее. Крестный, мы тебя возьмемъ въ приказчики на мѣсто Наркиса. Переѣзжай къ намъ завтра. *(Силанъ приноситъ вино.)*

Курослѣповъ.

Ты ужъ меня и не спрашиваешь?

Параша.

Чего не знаю, такъ спрошу, а что̀ сама знаю, такъ зачѣмъ спрашивать?

Курослѣповъ.

Да ну, хозяйничай, хозяйничай!

Параша *(подавая вино)*.

Пожалуйте!

Градобоевъ.

Поздравляй жениха-то съ невѣстой!

Курослѣповъ.

Что̀-жъ, дѣтки, дай вамъ Богъ счастливѣи нашего.

Гаврила.

Покорнѣйше благодаримъ-съ. *(Парашѣ.)* Да неужто вправду-съ?

Градобоевъ.

Ужъ теперь запили; значитъ, дѣло кончено.

Курослѣповъ.

Сколько въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ дней: тридцать-семь или тридцать-восемь?

Градобоевъ.

Вона! Что̀-то ужъ длиненъ больно.

Курослѣповъ.

Да и то длиненъ.

Градобоевъ.

Да что̀ считать-то! Сколько дней ни выйдетъ, всѣ надо жить вплоть до слѣдующаго.

Курослѣповъ.

Да, само собой, надо; а несчастливъ онъ для меня. Каковъ-то новый будетъ? Чего-то со мной въ этомъ мѣсяцѣ не было! Пропажа, долговъ не платятъ; вчера мнѣ показалось — свѣтопреставленіе начинается, сегодня — небо все падаетъ, да во снѣ-то раза два во адѣ былъ.

Градобоевъ.

Сподобился?

Параша.

Ну, гости дорогіе, отцу, я вижу, спать пора, ужъ онъ заговариваться началъ.

Градобоевъ.

Ну, прощай! Когда сговоръ?

Параша.

А вотъ позвольте намъ убраться немного; мы приглашенія разошлемъ. Прощай, крестный! Прощай, Вася! Ты не сердись, навѣщай насъ. *(Всѣ уходятъ. Отцу.)* Ну, прощай, батюшка! Спи, Господь съ тобой! А я теперь дождалась красныхъ дней: я теперь всю ночку на волѣ просижу съ милымъ дружкомъ подъ деревцомъ, потолкую я съ нимъ по душѣ, какъ только мнѣ, дѣвушкѣ, хочется. Будемъ съ нимъ щебетать, какъ ласточки, до самой ясной зореньки. Птички проснутся, защебечутъ по-своему, ну, тогда ужъ ихъ пора, а мы по домамъ разойдемся. *(Обнимаетъ Гаврилу; садятся на скамью подъ дерево.)*

СОЧИНЕНІЯ

А. Н. ОСТРОВСКАГО

ИЗДАНІЕ ДЕСЯТОЕ

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

МОСКВА

ИЗДАНІЕ КНИЖН. МАГ. В. ДУМНОВА, ПОДЪ ФИРМОЮ „НАСЛѢДНИКИ БР. САЛАЕВЫХЪ“.

1896.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., домъ Э. Лисснера.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НЕ БЫЛО НИ ГРОША, ДА ВДРУГЪ АЛТЫНЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Михей Михеичъ Крутицкій, отставной чиновникъ.
Анна Тихоновна, его жена.
Настя, племянница Крутицкаго.
Домна Евсигнеевна Мигачева, мѣщанка.
Елеся, ея сынъ.
Истукарій Лупычъ Епишкинъ, купецъ, лавочникъ.
Ѳетинья Мироновна, его жена.
Лариса, дочь ихъ.
Модестъ Григорьичъ Баклушинъ, молодой человѣкъ.
Петровичъ, мелкій стряпчій изъ мѣщанъ.
Тигрій Львовичъ Лютовъ, квартальный.

Дѣйствіе происходитъ, лѣтъ 30 назадъ, на самомъ краю Москвы.

Слѣва отъ зрителей уголъ полуразвалившагося одноэтажнаго каменнаго дома. На сцену выходитъ дверь, каменное крыльцо въ три ступени и окно съ желѣзною рѣшеткой. Отъ угла дома идетъ поперекъ сцены заборъ; близъ дома у забора рябина и кустъ тощей акаціи. Часть забора развалилась и открываетъ свободный входъ въ густой садъ, за деревьями котораго видна крыша дома купца Епишкина. На продолженіи забора, посреди сцены, небольшая деревянная овощная лавка; за лавкой начинается переулокъ. У лавки два входа: одинъ съ лица съ стеклянной дверью, другой съ переулка — открытый. Съ правой стороны, на первомъ планѣ калитка; потомъ одноэтажный деревянный домъ мѣщанки Мигачевой; передъ домомъ, въ разстояніи не болѣе аршина, загородка; за ней подстриженная акація. Въ переулокъ видны заборы и за ними сады. Вдали панорама Москвы.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Епишкинъ и Петровичъ *сидятъ у лавки и играютъ въ шашки.* Мигачева *стоитъ у калитки своего дома.*

Епишкинъ.

Фукъ да въ дамки. Ходи!

Петровичъ.

Эхъ-ма! Прозѣвалъ.

Епишкинъ.

Ходи!

Петровичъ.

Хоти да ходи! Куда тутъ ходить? *(Раздумывая.)* Куда ходить?

Епишкинъ.

Ходи!

Петровичъ.

Пошелъ.

Епишкинъ.

Вотъ тебѣ карантинъ, чтобы ты не тарантилъ. *(Входитъ Лютовъ.)* Убери доску! *(Петровичъ съ доской уходитъ въ лавку.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Епишкинъ, Мигачева и Лютовъ.

Лютовъ *(Мигачевой).*

Тамъ заборъ у тебя, а вотъ загородка! *(Грозитъ пальцемъ.)*

Мигачева.

Изъ какихъ доходовъ, помилуйте! Кабы у меня торговля или что̀, да нешто-бъ я... Ахъ, Боже мой! Я бы только, Тигрій Львовичъ, для одного вашего удовольствія...

Лютовъ.

А? Что̀ ты говоришь?

Мигачева.

Да развѣ-бъ я не окрасила? Окрасила бы, очень бы окрасила. А коли тутъ худо, въ другомъ мѣстѣ валится... а какая моя возможность? Чѣмъ я дышу на свѣтѣ?

Лютовъ.

Мнѣ что за дѣло? Чтобъ было окрашено!

Мигачева.

Будетъ, будетъ, только-бъ малость управиться. Хорошо тому, у кого довольно награблено, очень ему можно быть исправнымъ обывателемъ. Вотъ съ кого спрашивать-то надо. Крась да мажь! У насъ кому любоваться-то? И народъ-то не ходитъ.

Лютовъ.

Безъ разсужденій! Вотъ если завтра не будетъ выкрашено, я тогда посмотрю.

Мигачева.

Вотъ и живи.

Лютовъ *(оборачивается къ каменному дому).*

Ужъ хоть бы развалился совсѣмъ поскорѣе. *(Пожимаетъ плечами и, махнувъ рукой, отворачивается.)* Эхъ, обыватели!

Епишкинъ.

Тигрію Львовичу, наше почтеніе.

Лютовъ.

Здравствуй, Истукарій Лупычъ! *(Подаетъ руку.)* Тебѣ-то, братецъ, ужъ стыдно! Заборъ-то не загородишь: вѣдь, точно ворота проѣзжія.

Епишкинъ.

Оно точно, что я оплошалъ: онъ маленько развалился, а мнѣ невдомекъ было; такъ ваша-жъ команда на дрова себѣ растаскала.

Лютовъ.

Загороди, братецъ.

Епишкинъ.

Вы себя безпокоить не извольте, будетъ въ порядкѣ. Признаться, теперь въ головѣ-то не то, объ этихъ глупостяхъ и думать-то не хочется.

Лютовъ.

Не глупости, братецъ, коли начальство тебѣ приказываетъ.

Епишкинъ.

Понимаемъ, Тигрій Львовичъ, да, вѣдь, ужъ и обязанностей-то нашихъ больно много. Ежели счесть теперь всѣ по-

винности да провинности, оклады да наклады, поборы да недоборы, торжества да празднества, такъ, вѣдь, можно и пожалѣть по человѣчеству. Съ одного-то вола семи шкуръ не дерутъ.

Лютовъ.

Развѣ я тебя не жалѣю? Я тебя-жъ берегу: деревья у тебя въ саду большія; вдругъ кому-нибудь мѣсто понравится: дай, скажетъ, удавиться попробую.

Епишкинъ.

Вѣрно изволите говорить! Мѣстоположеніе заманчивое для этого занятія. Такой садъ, что ни на что окромя и не годенъ. Я ужъ и то каждое утро этихъ самыхъ фруктовъ поглядываю.

Лютовъ.

Ну, такъ ты народъ-то не искушай! Слѣдствіе, братецъ... понялъ? А я тебѣ этой бѣды не желаю.

Епишкинъ.

Ужъ что говорить! Ну, да думаю, Богъ милостивъ.

Лютовъ.

Кабы ты чистый человѣкъ, а то... Я, братецъ, ничего не знаю, я ничего не знаю, а, чай, слышалъ, какой разговоръ-то про тебя насчетъ притону-то?

Епишкинъ.

Мало ли всякихъ разговоровъ-то! И про ваше благородіе тоже кой-что погогариваютъ; да мы, признаться, вниманія не беремъ и слушать-то.

Лютовъ.

Такъ ужъ ты загороди; побереги хоть меня-то, коль себя не бережешь; съ насъ тоже, вѣдь, спрашиваютъ.

Епишкинъ.

Не извольте безпокоиться! Стоитъ ли объ такихъ пустякахъ разговаривать! Милости просимъ на полчасика! Особенной попотчевать могу.

Лютовъ.

Попозже зайду, теперь некогда. *(Подаетъ руку.)*

Епишкинъ.

Какъ угодно-съ Завсегда рады, завсегда вы у насъ первый

гость. Поискать еще такихъ-то благодѣтелевъ. *(Лютовъ уходитъ.)* Терпитъ же, вѣдь, земля, Господи! *(Уходитъ въ лавку; изъ лавки выходитъ Өетинья.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Мигачева и Өетинья.

Мигачева.

Здравствуйте, матушка, Өетинья Мироновна!

Өетинья *(гордо)*.

Здравствуй!

Мигачева.

Куда Богъ несетъ?

Өетинья.

Такъ, для воздуху, у лавочки посидѣть. А ты куда?

Мигачева.

Куда мнѣ? Сына поглядываю.

Өетинья.

На что̀ онъ тебѣ?

Мигачева.

Поругать хочется, Өетинья Мироновна.

Өетинья.

Послѣ поругаешь, не къ спѣху дѣло.

Мигачева.

Боюсь, сердце-то пройдетъ; сердце-то у меня круто да отходчиво. А теперь бы онъ мнѣ въ самый разъ попался: въ разстройствѣ я.

Өетинья *(подходя)*.

Что̀ такъ?

Мигачева.

Квартальный, матушка, разобидѣлъ; пристаетъ — заборъ красить, отдыху не даетъ. Какіе мои доходы, сами знаете: одинъ домъ, да и тотъ валится. Четверо жильцовъ, а что̀ въ нихъ проку-то? Вотъ Петровичъ — самый первый жилецъ, а и тотъ только за два съ четвертакомъ живетъ. Ну, опять возьмите вы подземельныя. Все-бъ еще ничего, да, вѣдь, домъ-то заложенъ, процентъ одолѣлъ.

Ѳетинья.

Заложенъ?

Мигачева.

Заложенъ.

Ѳетинья.

Скажите!

Мигачева.

Третій годъ я вамъ говорю, Ѳетинья Мироновна, одно и то же, а вы все будто не слыхали, да все удивляетесь.

Ѳетинья.

Ахъ, рѣдкости какія! Коли у меня такой характеръ, что̀-жъ мнѣ дѣлать-то? А то такъ тебѣ и дать одной все пòряду говорить! Этакъ ты всю матерію скоро разскажешь. А нынче день-то — годъ, пущай поговоримъ, куда намъ торопиться-то; а время-то и пройдетъ, будто дѣло дѣлали.

Мигачева.

Помощникъ-то у меня, сами знаете, одинъ.

Ѳетинья.

Одинъ? И то, вѣдь, одинъ.

Мигачева.

Да и тотъ не важный, такъ какая-то балалайка безструнная. Ну, еще по дому-то кой-что̀ хозяйничаетъ, а ужъ на сторонѣ достать что̀-нибудь, на это разуму у него нѣтъ. Думала въ люди отдать, хоть въ лавку, да сама не при чемъ останешься. А онъ, все-таки, и подбѣлитъ, и подкраситъ, и подколотитъ.

Ѳетинья.

Чего-жъ тебѣ лучше?

Мигачева.

За одно у насъ съ нимъ война: вдругъ провалится, неизвѣстно куда. Синицъ по огородамъ ловитъ, рыбу на Москвѣ рѣкѣ ловитъ; а тутъ его, какъ на грѣхъ, нужно, ну, и пошла баталія.

Ѳетинья.

Молодъ еще. Женила-бъ ты его.

Мигачева.

Женить! Лестно взять жену-то съ деньгами, хоть съ небольшими; а кто-жъ отдастъ за него, кому крайность?

Ѳетинья.

Нѣтъ, ты не говори. Бываютъ случаи. Другая дѣвушка и съ деньгами, да порокъ какой-нибудь въ себѣ имѣетъ: либо коситъ очень — одинъ глазъ на насъ, другой въ Арзамасъ; либо вовсе крива; а то бываетъ, что разумомъ недостаточна: дурой не назовешь, а и къ умнымъ не причтешь, такъ, полудурье; ну, вотъ и ищутъ жениховъ-то попроще, чтобъ невзыскательный былъ. А бѣдному человѣку поправка.

Мигачева.

Бываетъ людямъ счастье, да не намъ.

Ѳетинья.

У тебя, все-таки, сынъ, что тебѣ горевать-то? Такъ, развѣ, когда, отъ скуки, поплачешься для разговору только для одного. А вотъ наша забота съ дочкой-то.

Мигачева.

Такъ вы съ деньгами.

Ѳетинья.

Чудная ты! И съ деньгами не берутъ. *(Со вздохомъ.)* Мало-ль ее смотрѣли-то, Домнушка!

Мигачева.

Какая-жъ причина? Такая ея красота...

Ѳетинья.

Ужъ чего еще? Поглядѣть любо-дорого, самый первый вкусъ. Одна бѣда — разговоромъ не складна. Кабы только съ глазъ брали, такъ, кажется, ее давно бы съ руками оторвали; а поговорятъ, ну, и прочь, и прочь. Войдетъ — удивитъ, убьетъ красотой всякаго, а скажетъ слово, такъ и сразитъ, такъ съ ногъ и сразитъ. А ужъ какъ выдать хочется.

Мигачева.

Вамъ что, вы свою сбудете. А вы возьмите сосѣдку — вотъ мается съ дѣвушкой-то, вотъ гдѣ слезы-то!

Ѳетинья.

Ужъ чѣмъ только онѣ живы, бѣдныя?

Мигачева.

Чѣмъ живы? Выработаютъ гривенникъ, купятъ калачика, тѣмъ и сыты.

Ѳетинья.

Какъ бы, мнѣ кажется, у старика денегъ не быть; вѣдь, онъ чиновникъ, съ кавалеріей, гляди, пенсію получаетъ.

Мигачева.

Кто его знаетъ! Отъ него толку не добьешься, онъ и не говоритъ ни съ кѣмъ, только ругается да ворчитъ. Бродитъ весь день по Москвѣ, только ночевать домой приходитъ.

Ѳетинья.

Я разъ иду городомъ, а онъ у Казанскаго собора съ нищими стоитъ.

Мигачева.

Съ нищими? Вотъ, вѣдь, дѣла-то какія!

Ѳетинья.

Съ чего онъ въ такой упадокъ пришелъ?

Мигачева.

Всѣ только руки врозь, матушка. Его въ нашей сторонѣ всѣ знаютъ; у него здѣсь свой домъ былъ, лошади хорошія. Служилъ онъ въ какомъ-то судѣ секлетаремъ, ну, и отставили его за взятки, что ужъ очень грабилъ. Анна Тихоновна сказывала, что и сталъ онъ съ той поры сумлѣваться, какъ ему жить безъ дохода. Продалъ домъ, лошадей, сталъ деньги въ проценты отдавать. И зажили мы, говоритъ, день ото дня хуже: переѣхали въ одну комнатку; прислугу всю онъ распустилъ, а тамъ ужъ и кухарку сослалъ. И пришлось Аннѣ Тихоновнѣ самой и кушанье готовить, и за водой ходить. А потомъ и совсѣмъ, говоритъ, дома стряпать перестали, купимъ что-нибудь въ лавочкѣ — и поѣдимъ, а когда и такъ просидимъ. А теперь вотъ къ намъ въ сосѣдство перебрались; домъ-то этотъ еще съ француза въ тяжбѣ находится, такъ съ тѣхъ поръ безъ починки и безъ всякаго призрѣнія и стоитъ; такъ Михея Михеича задаромъ пустили, чтобъ онъ только на дворѣ присматривалъ, кирпичи подбиралъ да въ кучку складывалъ.

Ѳетинья.

Чтò мы живемъ? Мы отъ жиру и Бога-то забыли, а ты попробуй, вотъ такъ поживи.

Мигачева.

Ну, старуха-то ужъ притерпѣлась, а каково дѣвушкѣ-то!

Θетинья.

Да откуда она у нихъ взялась, скажи ты мнѣ на милость?

Мигачева.

Она Михею племянница родная, сирота. Какъ случилась съ нимъ бѣда, погнали его со службы, ее и взяла крестная мать, барыня богатая.

Θетинья.

Богатая?

Мигачева.

Богатая. И воспитывала ее съ дочерьми своими въ полномъ достаткѣ. Вотъ какъ выросла эта Настенька, и возненавидѣла ее барыня за красоту, что на Настеньку всѣ прельщаются, а на ея дочерей нѣтъ, и прогнала ее безъ всякаго награжденія. А прежде обѣщала замужъ ее выдать. Да мнѣ Анна Тихоновна сказывала, что у Настеньки ужъ и женихъ былъ, молодой человѣкъ, хорошаго роду. Пріѣхала Настенька въ эту конуру разряженная, въ перчаткахъ... И сѣсть-то боится, и дотронуться-то до всего ей гадко... Всплеснетъ, всплеснетъ вотъ такъ руками, за голову ухватится, да и упадетъ безъ памяти. Больна съ мѣсяцъ лежала, насилу оправилась. Ну, разумѣется, дѣвушка избалованная, и кофейку, и чайку, того, другого, — вотъ тетка-то всѣ ея платьица, колечки, сережки и продавала; за безцѣнокъ шло, даже жалость смотрѣть. А теперь ужъ, видно, не до чаю, и хлѣбъ-то имъ сталъ въ диковинку. *(Крутицкій показывается на крыльцѣ.)* Вотъ старый куда-то собрался, изъ дому выползъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мигачева, Θетинья и Крутицкій.

Крутицкій *(въ полурастворенную дверь).*

Ты, смотри, никуда не смѣй! Боже тебя сохрани! Скучно дома, ну, выдь на крылечко, посиди. А съ крыльца ни шагу, слышишь ты? А? Что? Ну, хорошо. Такъ ты... точно... сядь тутъ! Я, вѣдь, скоро, я бѣгомъ.

Мигачева.

Здравствуйте, Михей Михеичъ!

Крутицкій.

Здравствуйте! *(Кланяется и хочетъ итти.)*

Мигачева.

Что это вы, Михей Михеичъ, въ шинели?

Крутицкій.

Что тебѣ шинель? Что тебѣ шинель? Не твоя шинель.

Мигачева.

Да жарко.

Крутицкій.

Кому жарко, а мнѣ не жарко: я старичокъ. *(Подходитъ къ Ѳетиньѣ и говоритъ ей тихо.)* Оставь дома, такъ ее и украдутъ, пожалуй.

Ѳетинья.

Ну, ужъ кому она нужна!

Крутицкій.

Нѣтъ, ты не говори! Шинель хорошая *(гладитъ по ворсу)*. Это я сшилъ, когда еще на службѣ былъ. Тогда у меня деньги были шальныя.

Ѳетинья.

Куда-жъ ты ихъ дѣлъ?

Крутицкій.

Прожили. Безъ доходу живемъ; все проживаемъ, все проживаемъ, а доходиковъ никакихъ, вотъ и прожили.

Мигачева.

Мудрено что-то. По вашей жизни, вамъ и процентовъ-то не прожить съ вашего капитала.

Крутицкій.

Какого капитала? А ты почемъ знаешь, сколько у меня денегъ было? Кто тебѣ сказывалъ? Кто? Я тебѣ не сказывалъ, такъ ты и не болтай. *(Ѳетиньѣ.)* Какъ прожилъ? Много-то было, такъ не берегли: я шампанское пилъ. Ты думаешь, на чужія деньги? На чужія-то я его море выпилъ, а случалось бывало и на свои бутылочку купишь. По десяти рублей ассигнаціями за бутылку платилъ. Въ Сибирь меня надо за это сослать. Вино-то выпилъ, гдѣ оно? Тю-тю! А и денегъ-то нѣтъ. Вотъ какъ деньги-то проживаютъ! Взаймы

давалъ, пропадали; жена у меня не берегла ничего. *(Ѳетиньѣ почти на ухо.)* Жена у меня мотовка. У! мотовка!

Ѳетинья.

Не знаю я вашихъ дѣловъ.

Крутицкій.

Мотовка, мотовка! Я ее любилъ, я ей дарилъ, много дарилъ. У меня каждый день былъ доходъ; ну, бывало иногда и подаришь ей то десять, то пять рублей. Береги, Анна! Вотъ и уберегла. Было мое время: каждый день все прибывало, все прибывало.

Мигачева.

Ну, какъ же, я, вѣдь, помню; знала я, все знала.

Крутицкій.

Ничего ты не знала. Что ты могла знать? Никто не зналъ; жена — и та не знала. Я возилъ деньги домой, каждый день возилъ; а сколько я взялъ, съ кого я взялъ — никто не зналъ. Я злодѣй былъ для проситслей, у меня жалости нѣтъ, я варваръ былъ.

Ѳетинья.

Вотъ тебя Богъ-то и наказалъ.

Крутицкій.

А другихъ, а другихъ? За что-жъ меня одного? Всѣ брали, торговля была, не судъ, а торговля. Кто меньше, кто больше, а все-таки, брали. Бывало товарищи мнѣ говорятъ: „ты много берешь". А вы, говорю, мало берете, ну, значитъ, вы дешевле меня свою совѣсть продаете? Хе-хе-хе!

Мигачева.

Охъ, Михей Михеичъ, племянницу-то вы голодомъ заморили.

Крутицкій.

Какую племянницу? Чѣмъ мы ее заморили? Я къ тебѣ на кухню не хожу, горшковъ не нюхаю.

Мигачева.

Конечно, что не мое дѣло, а со стороны жалко.

Крутицкій.

Племянницу! Много всякой родни-то на свѣтѣ! Мы всѣ

родня; все отъ одного человѣка. Всякій о себѣ. Пусть работаетъ, я ей не мѣшаю.

Мигачева.

Ну, много ли она выработаетъ, такая барышня воспитанная?

Крутицкій.

Вотъ языкъ-то у тебя безъ костей, вотъ ужъ безъ костей; такъ и болтаетъ, такъ и болтаетъ.

Мигачева.

Хоть бы вы побаловали ее чѣмъ-нибудь, такъ, малость.

Крутицкій.

Чтò-жъ, малость! Ты вотъ все болтаешь, сама не знаешь чтò; потому что разума у тебя нѣтъ. Малость, малость! Ее только избалуешь, а себя обидишь. Малость дай! Все дай, все дай; а мнѣ кто дастъ? Всякій для себя. За чтò я дамъ? Какъ это люди не понимаютъ, чтò свое, чтò чужое? Сколько я ни нажилъ, все — мое. Пойми ты! Рубль я нажилъ, такъ всякая въ немъ копейка моя. Хочу — проживаю ее, хочу — любуюсь на нее. Кому нужно свои отдавать? Зачѣмъ свои отдавать? *(Отходя.)* Все я дай, а мнѣ кто дастъ? Попрошайки!

Мигачева.

Ну, заворчала, грыжа старая!

Крутицкій *(возвращаясь)*.

А ты не болтай! Я не малость, я вотъ ей за приданымъ иду.

Ѳетинья.

Чтò-жъ, ты его въ узелкѣ принесешь, все приданое-то?

Крутицкій.

Нѣтъ, не въ узелкѣ, а вотъ здѣсь. *(Показываетъ на боковой карманъ.)*

Мигачева.

Батюшки!

Крутицкій.

Да, вотъ я что для нея... А ты нюхаешь по горшкамъ, чтò ѣдятъ, болтунья пустая. *(Уходитъ, ворча.)*

Өетинья.

Пойти въ лавочку, никакъ мужъ чай пьетъ. *(Елеся показывается изъ калитки, въ халатѣ, съ клѣткой.)* Да вотъ сынъ-то, а ты ищешь! *(Уходитъ въ лавку.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Мигачева и Елеся.

Елеся *(поетъ).*

Чижикъ-пыжикъ у воротъ,
Воробышекъ маленькій.

Мигачева.

Скажите на милость, а онъ дома былъ.

Елеся *(громче).*

Ахъ, братцы, мало насъ,
Голубчики, немножко.

Мигачева.

У матери такое разстройство насчетъ забора, а онъ пѣсни поетъ. Погоди-жъ ты! *(Елеся, бросивъ клѣтку, убѣгаетъ въ калитку; Мигачева за нимъ. Входитъ Настя; за ней, въ нѣсколькихъ шагахъ, Баклушинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Настя, Баклушинъ, *потомъ* Епишкинъ.

Баклушинъ.

Милая дѣвица, куда же вы такъ торопитесь?

Настя *(быстро оборачиваясь).*

Стойте, стойте! Воротитесь, не ходите дальше, умоляю васъ!

Баклушинъ.

Боже милостивый! Настасья Сергѣевна, вы ли это?

Настя *(потупляя глаза).*

Я, я; только вы не ходите за мной.

Баклушинъ.

Чтò-жъ вы раньше не остановились, если узнали меня? Я версты двѣ бѣгу за вами.

Настя.

Я васъ не видала, не узнала. Ахъ, уйдите, уйдите!

Баклушинъ.

Скажите мнѣ, существо прелестное, какъ вы попали въ эту глушь? Вѣдь, это край Москвы, это — захолустье.

Настя *(обидчиво)*.

Не всѣмъ же на Тверской жить; тамъ для всѣхъ и мѣста недостанетъ.

Баклушинъ.

Такъ вы здѣсь и живете?

Настя *(осматривая себя и конфузясь)*.

Отчего же вы думаете, что я непремѣнно должна здѣсь жить?

Баклушинъ.

Вы сами сказали.

Настя.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, что̀ вы! Я сюда пришла къ знакомымъ, у меня есть дѣло. Вы не вѣрите? Ну, право, право!

Баклушинъ.

Ну, не здѣсь, такъ не здѣсь; къ чему же такъ ажитироваться? А гдѣ же, позвольте узнать?

Настя *(потупясь)*.

Зачѣмъ вамъ?

Баклушинъ.

Вотъ мило! Ужъ не прятаться ли вы отъ меня хотите? Съ какой стати, зачѣмъ?

Настя.

Я не прятаться... Ахъ, право! Уйдите! Я не знаю.

Баклушинъ.

Отчего такая перемѣна? Нѣтъ, вы скажите...

Настя *(со вздохомъ)*.

Что̀ я скажу? Это не отъ меня. Мнѣ нельзя... вотъ...

Баклушинъ.

Вы хоть меня-то пожалѣйте! Ну, за что̀? Я все тотъ же, такъ же къ вамъ привязанъ.

Настя.

Все такъ же? Правда ли это?

Баклушинъ.

Божусь вамъ!

Настя.

Ну, такъ вотъ чтò: оставьте меня, мнѣ теперь некогда, я вамъ послѣ...

Баклушинъ.

Когда послѣ? Гдѣ я увижу васъ?

Настя.

Я вамъ напишу, я знаю вашъ адресъ. Ступайте! Ступайте!

Баклушинъ.

Вы чтò-то скрываете отъ меня. Ну, да Богъ съ вами; я вамъ вѣрю. Вы, однако, измѣнились.

Настя *(съ испугомъ)*.

Подурнѣла? Скажите пожалуйста, подурнѣла? Ахъ, я такъ и знала.

Баклушинъ.

Успокойтесь, нисколько вы не подурнѣли; вы только похудѣли немного. *(Епишкинъ выходитъ изъ лавки и садится на складномъ стулѣ.)*

Настя.

Чтò же вы стоите здѣсь? Мнѣ некогда, я за дѣломъ пришла.

Баклушинъ.

Идите за дѣломъ, я васъ подожду. У меня есть твердое намѣреніе проводить васъ до дому.

Настя.

Нѣтъ, нѣтъ, ни подъ какимъ видомъ! Это невозможно. Я здѣсь до ночи останусь. Идите, идите, умоляю васъ!

Баклушинъ.

Ну, прощайте! Чтò съ вами дѣлать!

Настя.

До свиданія! *(Дожидается, пока Баклушинъ уходитъ за уголъ лавки, потомъ убѣгаетъ въ домъ, гдѣ живетъ Крутицкій.)*

Баклушинъ *(возвращаясь)*.

Одна, никто ее не провожаетъ, ни человѣкъ, ни дѣвушка! Безъ перчатокъ, въ такомъ платьѣ! Странно! Тутъ чтò-нибудь да кроется. Но, во всякомъ случаѣ, я очень радъ, что опять нашелъ ее; мнѣ безъ нея, не шутя, было скучно. *(Епишкину.)* Послушайте, почтеннѣйшій!

Епишкинъ.

Чтò вамъ угодно, сударь?

Баклушинъ.

Вы знаете эту дѣвушку?

Епишкинъ.

Дѣвушку-то? Я думалъ, вы про чтò путное спрашиваете. Не наше это дѣло. *(Смотритъ въ другую сторону.)*

Баклушинъ.

По крайней мѣрѣ, будьте такъ добры, скажите мнѣ, она здѣсь живетъ?

Епишкинъ *(какъ бы зѣвая).*

О-хо-хо! *(Показываетъ рукой, не глядя.)* Вонъ живетъ!

Баклушинъ.

Покорно васъ благодарю.

Епишкинъ.

Не за чтò-съ

Баклушинъ.

Можно войти въ лавку написать письмо? Я вамъ заплачу за бумагу.

Епишкинъ.

Пожалуйте! Тамъ мальчикъ вамъ подастъ. *(Баклушинъ входитъ въ лавку. Изъ калитки дома Мигачевой выбѣгаетъ Елеся, растрепанный, въ халатѣ и останавливается подлѣ калитки; изъ калитки показывается ухватъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Епишкинъ, Елеся, *потомъ* Мигачева.

Елеся.

Но оставьте, маменька! Не хорошо! Эхъ, не хорошо! *(Хочетъ войти въ калитку.)*

Мигачева *(показываясь съ ухватомъ).*

И не подходи! Такъ, кажется, вотъ и разражу!

Епишкинъ *(хохочетъ).*

Хорошенько его, Домна Евсигневна! Хорошенько!

Елеся.

Къ чему это, маменька? Ну, къ чему это? Вотъ ужъ къ вамъ это не пристало, всегда скажу, что не пристало. Но оставьте же! Вотъ барышни смотрятъ. Ай, ай, ай! А барышни-то смотрятъ.

Мигачева *(выходя изъ калитки)*.

Очень мнѣ нужно, что онѣ смотрятъ! Я никого знать не хочу.

Елеся.

А я-то, маменька, я-то! Меня-то пожалѣйте; вѣдь, я женихъ...

Мигачева.

Ахъ ты, наказанье ты мое! Посудите только, добрые люди: дома денегъ ни копейки, а онъ чижей ловитъ да на барышень любуется. Вотъ я тебя!

Елеся.

Позвольте, маменька! Да на что намъ много денегъ? Намъ, вѣдь, серебряныхъ подковъ не покупать, потому у насъ и лошадей нѣтъ.

Мигачева.

Какія серебряныя подковы? Какія лошади? Двугривеннаго въ домѣ нѣтъ, а онъ...

Елеся.

Позвольте! Это вѣрно. Намъ теперь съ вами какой-нибудь двугривенный дороже каменнаго моста.

Мигачева.

Какой мостъ? Квартальный давеча срамилъ, срамилъ при людяхъ, что заборъ не крашенъ.

Елеся.

Важное дѣло! Кабы хитрость какая! А то взять голландской сажи — вотъ и весь составъ.

Мигачева.

Когда еще этотъ твой составъ будетъ!

Елеся.

Одна минута.

Мигачева *(ставитъ ухватъ у калитки)*.

Безъ денегъ-то? Наказанье...

Елеся.

Сейчасъ умомъ раскину...

Мигачева.

Какимъ умомъ, какимъ умомъ? Наказанье ты мое, данное! Дуракъ, вѣдь, ты у меня круглый, наказанье ты мое!

Елеся.

Чтò-жъ, что дуракъ, маменька? Видно, родомъ такъ.

Мигачева.

Да отецъ-то былъ у тебя умный.

Елеся.

Я, маменька, не въ отца.

Мигачева *(беретъ ухватъ)*.

Въ мать, чтò ли? Дуракъ, дуракъ! Непочтительный! Неуважительный! Супротивникъ ты для всего настоящаго, чтò по закону требуется.

Епишкинъ *(хохочетъ)*.

Учи его, учи!

Мигачева.

Слышишь, чтò добрые-то люди говорятъ, слышишь? Вонъ изъ моего дому, вонъ! Я и знать тебя не хочу.

Елеся.

Нѣтъ, вы, маменька, такими словами не шутите! Такія-то слова своему дѣтищу надо осторожно. Вы знаете, можно человѣка и въ тоску вогнать.

Мигачева.

Ахъ, скажите, пожалуйста, нужно мнѣ очень!

Елеся.

А въ тоскѣ куда-жъ человѣку? Одно средство въ Москву рѣку.

Мигачева.

Чтò ты, не грозить ли мнѣ вздумалъ?

Елеся.

Не грозить, а прочитаютъ вамъ въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ ..

Мигачева.

Какія такія новости прочитаютъ?

Елеся.

„Найдено тѣло неизвѣстнаго человѣка“.

Мигачева.

Ишь, вѣдь, глупости...

Елеся.

„Юноша цвѣтущихъ лѣтъ, прекрасной наружности“. И тутъ еще добавлено: „такъ видно, что по непріятностямъ отъ родителевъ“.

Мигачева *(ставя ухватъ).*

Скажите, пожалуйста, что̀ онъ городитъ! Не рада, что и связалась. Уйди ты отъ грѣха съ глазъ моихъ! *(Идетъ въ калитку.)*

Епишкинъ.

Домна Евсигневна! Ухватъ-то захвати!

Мигачева.

Ахъ, извините! Я, знаете, по своей горячности, замечталась очень, вотъ какое невѣжество на улицу принесла.

Епишкинъ.

Нѣтъ, ничего, что̀ за невѣжество! И ухватъ свою службу сослужитъ, какъ ничего другого подъ руками нѣтъ. Я тоже дома попросту.

Мигачева *(беретъ ухватъ).*

Ахъ, право! Вдругъ закипитъ, и сдѣлаюсь безъ понятія, даже людей совѣстно. *(Уходитъ. Изъ лавки выходитъ Баклушинъ съ письмомъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Епишкинъ, Елеся и Баклушинъ.

Баклушинъ *(Епишкину).*

Я тамъ заплатилъ. Покорно васъ благодарю. Не можете ли вы передать это письмо?

Епишкинъ *(будто не слышитъ).*

Чего-съ?

Баклушинъ.

Передать по адресу.

Епишкинъ.

Ахъ, баринъ! Борода-то у меня ужъ посѣдѣла.

Баклушинъ.

Что̀ мнѣ за дѣло до вашей бороды?

Епишкинъ.

А то и дѣло, что отдавайте сами. Ходили тоже и мы по этимъ самымъ дѣламъ, да ужъ теперь у меня у самого дочери двадцать-седьмой годочекъ пошелъ.

Баклушинъ.

По какимъ „этимъ дѣламъ“?

Епишкинъ.

Ну, что ужъ! Вонъ парень-то безъ дѣла гуляетъ, пошлите его. Ему все равно; онъ у насъ не спесивъ.

Баклушинъ *(Елесѣ)*.

Не можете ли вы доставить письмо?

Елеся.

Кому-съ?

Баклушинъ.

Настасьѣ Сергѣвнѣ.

Елеся.

Барышнѣ-съ?

Баклушинъ.

Да, барышнѣ.

Елеся.

Истукарій Лупычъ, а по затылку нашего брата за эти дѣла не скомандуютъ?

Епишкинъ.

Снеси! Ничего.

Елеся.

Я снесу, Истукарій Лупычъ.

Епишкинъ.

Снеси! Баринъ на чай дастъ.

Баклушинъ.

Разумѣется, не даромъ. *(Даетъ Елесѣ двугривенный.)* Такъ отдайте письмо. Эта барышня у кого живетъ?

Елеся.

У тетеньки-съ.

Баклушинъ.

Чѣмъ онѣ занимаются?

Елеся.

Рубашки берутъ шить русскія ситцевыя на площадь на продажу, по пятачку за штуку.

Баклушинъ.

Что̀? Можетъ ли быть?

Елеся.

Такъ точно-съ.

Баклушинъ.

Да, вотъ что̀. Такъ дайте письмо. *(Беретъ письмо назадъ.)* Ну, все равно, снесите! *(Отдаетъ опять и уходитъ.)*

Елеся.

Я отдамъ, Истукарій Лупычъ. *(У двери Крутицкаго.)* Получите письмецо! *(Подаетъ въ дверь и подходитъ къ лавкѣ.)*

Епишкинъ.

А двугривенный-то тебѣ годится.

Елеся.

И вотъ сейчасъ, Истукарій Лупычъ, голландской сажи на всю эту сумму, только побольше.

Епишкинъ.

Поди, отвѣсятъ тебѣ.

Елеся.

Вотъ, вѣдь, она, кажется, сажа, а и матери удовольствіе, и квартальному мило. *(Уходитъ въ лавку.)*

Епишкинъ *(встаетъ)*.

Ѳетинья! *(Ѳетинья выходитъ изъ лавки.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Епишкинъ и Ѳетинья.

Ѳетинья.

Что̀ угодно, Истукарій Лупычъ?

Епишкинъ.

Допрежъ въ нашей сторонѣ смирно было, а теперь строкулисты стали похаживать, да записочки любовныя летаютъ.

Ѳетинья.

Что̀ вы говорите?

Епишкинъ.

Такъ точно... Значитъ, Ларису поскорѣй замужъ надо.

Ѳетинья.

Да разумѣется, надо.

Епишкинъ *(вздохнувъ).*

Такъ-то, братъ, вотъ что̀!

Ѳетинья.

Признаться, есть женишишко-то, да не по ней.

Епишкинъ.

Ну, да хоть ужъ плохонькій, да только бы съ рукъ скорѣй. Это вы только сами себѣ цѣну-то высоку ставите да еще жениховъ разбираете, а по-нашему, такъ вы и хлѣба-то не сто́ите. Коли есть избранники, такъ и слава Богу, отдавай безъ разбору! Ужъ что̀ за товаръ, коли придачи нужно давать, чтобъ взяли только.

Ѳетинья.

Коли вы дочь свою къ товару примѣняете...

Епишкинъ.

Товаръ ли, не товаръ ли, какъ хочешь ее поворачивай — все дрянь. *(Уходитъ въ лавку, Ѳетинья за нимъ. Изъ лавки выходитъ Елеся. Лариса, разряженная, гуляетъ по саду подлѣ разваливвшагося забора.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Елеся, Лариса, *потомъ* Ѳетинья.

Елеся.

Наше почтеніе-съ!

Лариса *(постоянно держась прямо).*

Здравствуйте! Тирановъ моихъ нѣтъ здѣсь?

Елеся.

Это вы насчетъ родителевъ-съ?

Лариса.

Они-то самые мои тираны и есть.

Елеся.

Почему вы такъ заключаете?

Лариса.

Я хочу завсегда у людей на виду быть, а мнѣ изъ дому выходу нѣтъ. Я собственно своего требую, чтобъ люди меня видѣли, потому зачѣмъ же я наряды имѣю?

Елеся.

Это дѣйствительно-съ.

Лариса.

Маменька говоритъ, что я разговору не знаю. Коли хотятъ, чтобъ я знала разговоръ, дайте мнѣ настоящихъ кавалеровъ. А то какъ же мнѣ знать разговоръ, коли все сижу одна и сама промежду себя думаю?

Елеся.

О чемъ же вы думаете?

Лариса.

Я этого не могу сказать, потому мы съ вами довольно далеки другъ отъ друга. Имѣете такъ близко предметъ и сами себя отдаляете.

Елеся.

И видитъ кошка молоко, да рыло коротко. Ежели-бъ я только смѣлъ-съ... Потому какъ я давно чувствую любовь.

Лариса.

Можетъ, ваша любовь безчувственная?

Елеся.

Какъ же можетъ быть безчувственная, когда вы харуймъ.

Лариса.

Коли вы такъ чувствуете, отчего вы ко мнѣ не подойдете?

Елеся.

Стало-быть, мнѣ къ вамъ въ садъ поступить?

Лариса.

Поступайте! *(Елеся переходитъ въ садъ. Ѳетинья выходитъ изъ лавки и садится на стулъ.)* Вы умѣете цѣловаться?

Елеся.

Похвастаться противъ васъ не смѣю, а такъ думаю, что занятіе не мудреное.

Лариса.

Поцѣлуйте меня!

Елеся.

Даже очень пріятно съ. *(Цѣлуетъ Ларису. Ѳетинья прислушивается.)*

Лариса.

Нѣтъ, вы не умѣете.

Елеся.

Да нешто-бъ я такъ-съ, только званіе мое очень низко, такъ я сумнѣваюсь.

Лариса.

Коль скоро я вамъ позволяю, вы забудьте ваше званіе и цѣлуйте, не взирая.

Елеся.

Только за смѣлостью и дѣло стало. *(Крѣпко цѣлуетъ Ларису; Ѳетинья заглядываетъ въ садъ.)*

Ѳетинья.

О, чтобъ васъ! Напугали до смерти. Я думала, что чужой кто. Вѣдь, отъ Ларисы все станется. А это ты, мой милый!

Елеся *(потерявшись)*.

Про-про-валиться здѣсь на мѣстѣ, не нарочно-съ! И самъ не знаю, какъ это я! Вотъ поди-жъ ты! На грѣхъ мастера нѣтъ, Ѳетинья Мироновна.

Ѳетинья.

Ну, съ тобой послѣ. Ты только хоть ужъ молчи-то. *(Ларисѣ.)* А тебѣ это среди бѣлаго-то дня и не совѣстно? На-ко! На всемъ на виду! Солнышко-то во всѣ глаза смотритъ...

Лариса.

Вамъ давно сказано, что я не могу жить противъ своей натуры. Чего-жъ еще? Чѣмъ же я виновата, когда моя такая природа? Значитъ, я всѣ слова ваши оставляю безъ вниманія! *(Уходитъ.)*

Ѳетинья.

Что съ ней будешь дѣлать? Нѣтъ, ужъ надоѣло мнѣ въ сторожахъ-то быть. *(Уходитъ.)*

Елеся.

Вотъ такъ разъ! Что-то теперь мнѣ будетъ за это? Чего мнѣ ожидать? Быть бычку на веревочкѣ! *(Петровичъ выходитъ изъ лавки.)*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Елеся и Петровичъ.

Елеся.

Адвокатъ, выручай! Попался, братецъ!

Петровичъ.

Въ какомъ художествѣ?

Елеся.

Купеческую дочь поцѣловалъ.

Петровичъ.

Дѣло — казусъ. Какой гильдіи?

Елеся.

Третьей.

Петровичъ.

Совершенныхъ лѣтъ?

Елеся.

Ужъ даже и сверхъ того.

Петровичъ.

По согласію?

Елеся.

По согласію.

Петровичъ.

Худо дѣло, да не очень. А гдѣ?

Елеся.

Въ саду у нихъ.

Петровичъ.

А какъ ты туда попалъ?

Елеся.

Черезъ заборъ, другъ.

Петровичъ.

Шабашъ! Пропала твоя голова.

Елеся.

Охъ, не пугай! Я и такъ пуганый.

Петровичъ.

Непоказанная дорога — вотъ что̀! Тутъ съ ихъ стороны большая придирка.

Елеся.

Придирка?

Петровичъ.

Но и съ нашей крючокъ есть.

Елеся.

Какой? Скажи, другъ!

Петровичъ.

Ты держись за одно, что ногами ты стоялъ на общественной землѣ.

Елеся.

На общественной?

Петровичъ.

На общественной. А только губы въ садъ протянулъ.

Елеся.

Облегченіе?

Петровичъ.

Большое.

Елеся.

Спасибо, пріятель! Чай за мной. *(Уходятъ въ калитку. Анна Тихоновна и Настя сходятъ съ крыльца.)*

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Анна и Настя.

Настя.

Ахъ, тетенька, голубокъ! Вотъ бы поймать!

Анна.

Лови, коли тебѣ хочется. Дитя ты мое глупое, бѣда мнѣ съ тобой. Не съ голубями тебѣ, а съ людьми жить-то придется.

Настя.

Улетѣлъ. *(Снимаетъ съ головы небольшой бумажный платокъ.)* Ахъ, этотъ платокъ противный! Сокрушилъ онъ меня. Такой дрянной, такой неприличный, самый мѣщанскій.

Анна.

Что дѣлать-то, Настя? Хорошо, что и такой есть. Какъ обойдешься безъ платка?

Настя.

Да, правда. Отъ стыда закрыться нечѣмъ.

Анна.

Охъ, Настя, и я прежде стыдилась бѣдности, а потомъ и стыдъ прошелъ. Вотъ что̀ я тебѣ разскажу: разъ, какъ ужъ очень-то мы обѣднѣли, подходитъ зима — надѣть мнѣ нечего, а бѣгать въ лавочку надо; добѣжать до лавочки, больше-то мнѣ ходить некуда. Только, какъ хочешь, въ одномъ легкомъ платьѣ по морозу, да въ лавочкѣ-то простоишь, прождешь на холоду! Затрепала меня лихорадка. Вотъ гдѣ-то Михей Михеичъ и досталъ солдатскую шинель, старую-разстарую, и говоритъ мнѣ: „Надѣнь, Аннушка, какъ пойдешь со двора. Что̀ тебѣ дрогнуть?“ Я и руками, и ногами; бѣгаю въ одномъ платьишкѣ. Побѣгу бѣгомъ, согрѣться не согрѣюсь, только задохнусь, поневолѣ остановишься; сердце забьется, духъ захватитъ, а вѣтеръ-то тебя такъ и пронимаетъ. Вотъ какъ-то зло меня взяло; что̀-жъ, думаю, пускай смѣются, не замерзать же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, — взяла да и надѣла солдатскую шинель. Иду, народъ посмѣивается.

Настя.

Ахъ, это ужасно, ужасно!

Анна.

А мнѣ нужды нѣтъ, замеръ совсѣмъ стыдъ-то. И чувствую я, что мнѣ хорошо, руки не поютъ, въ груди тепло, и такъ полюбила я эту шинель, какъ точно что живое какое. Не повѣришь ты, а это правда. Точно вотъ, какъ я благодарность какую къ ней чувствую, что она меня согрѣла.

Настя.

Что̀ вы говорите, Боже мой!

Анна.

Вотъ тутъ-то я и увидѣла, что человѣческому-то тѣлу только нужно тепло, что теплу оно радо; а мантильйки тамъ да разныя вырѣзки и выкройки — только наша фантазія.

Настя.

Тетенька, вѣдь, вы старуха, а я-то, я-то? Я, вѣдь, молода. Да я лучше... Господи!

Анна.

А вотъ погоди, нужда-то подойдетъ.

Настя.

Да подошла ужъ. Ужъ чего еще? Я послѣднее платье заложила; вотъ ужъ я въ какомъ платкѣ хожу. А давеча, тетенька, побѣжала я въ ту улицу, гдѣ Модестъ Григорьичъ живетъ, хожу мимо дома, думаю: неужто онъ меня совсѣмъ забылъ? Вотъ, думаю, какъ бы онъ увидѣлъ меня изъ окна или попался навстрѣчу; а про платокъ-то и забыла. Да какъ вспомнила, что онъ на мнѣ надѣтъ; нѣтъ ужъ, думаю, лучше сквозь землю провалиться, чѣмъ съ Модестомъ Григорьичемъ встрѣтиться. Оглянулась назадъ, а онъ тутъ и былъ; пустилась я чуть не бѣгомъ, и ногъ подъ собой не слышу. Оглянусь, оглянусь, а онъ все за мной. Платокъ-то, платокъ-то, тетенька, жжетъ мнѣ шею, хоть бы бросить его куда-нибудь. А потомъ взглянула на башмаки. Ахъ!

Анна.

Ну, вотъ, видѣла ты, наконецъ, своего Модеста Григорьича?

Настя.

Да, видѣла. Думала, что, Богъ знаетъ, какъ обрадуюсь, а только испугалась да сконфузилась.

Анна.

Кто онъ такой, скажи ты мнѣ?

Настя.

Да я не знаю.

Анна.

Вотъ хорошо! Хотѣла замужъ итти, а за кого — не знаешь.

Настя.

Да онъ милый такой.

Анна.

Все-жъ-таки хоть званіе-то его знать надо.

Настя.

Какъ это? Вотъ который съ портфелемъ все ходитъ.

Анна.

Чиновникъ?

Настя.

Такъ, кажется.

Анна.

И онъ хотѣлъ жениться на тебѣ?

Настя.

Да. Маменька крестная хотѣла приданое дать.

Анна.

Онъ тебя любитъ?

Настя.

Охъ! Очень, очень любитъ.

Анна.

Ты почемъ это знаешь?

Настя.

Какъ же мнѣ не знать? Онъ мнѣ, бывало, въ уголкѣ потихоньку каждый день про свою любовь говорилъ.

Анна.

Только про любовь?

Настя.

Да. У маменьки крестной ни о чемъ другомъ въ домѣ и разговору не было. Только про любовь и говорили — и гости всѣ, и она сама, и дочери.

Анна.

Можно богатымъ-то про любовь разговаривать, имъ дѣлать-то нечего.

Настя.

Ахъ, какъ жаль, что у меня денегъ нѣтъ!

Анна.

Ну, а если-бъ были, что̀-жъ бы ты сдѣлала?

Настя.

Вотъ что̀: наняла бы хорошенькую квартирку, маленькую-маленькую, только чистенькую; самоварчикъ завела бы маленькій, хорошенькій. Вотъ зашелъ бы Модестъ Григорьичъ, стала бы я его чаемъ поить, сухарей, печенья купила бы.

Анна.

Ну, а дальше что̀?

Настя.

Дальше — ничего. Ахъ, тетенька, вы представить себѣ не можете, какое это наслажденіе — принимать у себя любимаго человѣка, а особенно наливать ему чай сладкій, хорошій! Вотъ онъ пишетъ, что нынче же придетъ къ намъ. Что̀ мнѣ дѣлать, ужъ я и не знаю! Дяденька идетъ. *(Анна и Настя быстро уходятъ въ домъ. Крутицкій проходитъ за ними, не останавливаясь. Мигачева выбѣгаетъ изъ своей калитки; за ней выходятъ Елеся и Петровичъ. Ѳетинья выходитъ изъ лавки.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Мигачева, Елеся, Петровичъ, Ѳетинья, *потомъ* Крутицкій, Анна *и* Настя.

Мигачева.

Пришелъ, матушка, пришелъ. Что̀-то онъ принесъ — вотъ любопытно.

Ѳетинья.

Потерпи, узнаешь. Куда торопиться-то?

Мигачева.

Каково терпѣть-то! Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ деньги принесъ?

Петровичъ.

Кто-жъ его знаетъ? Человѣкъ темный, а́редъ какъ есть.

Елеся.

Алхимикъ.

Мигачева *(подбѣгая къ окну)*.

Бранятся что-то. *(Выходятъ изъ дома Крутицкій, Анна, Настя.)*

Крутицкій.

Идите, говорю вамъ! Идите! Вотъ тебѣ приданое! Вотъ, на̀! *(Даетъ Настѣ бумагу.)*

Настя.

Нѣтъ, нѣтъ, ни за что̀! Лучше я съ голоду умру, сейчасъ съ голоду умру!

Крутицкій.

Ну, умирай, умирай! Только ужъ на дядю не жалуйся! Тебѣ стыдно у богатыхъ просить, стыдно? А не стыдно у дяди кусокъ хлѣба отнимать? Я самъ нищій. У нищаго тебѣ отнимать не стыдно?

Анна *(беретъ у Насти бумагу).*

Михей Михеичъ, побойся ты Бога! Чтò ты съ нами дѣлаешь?

Крутицкій *(Ѳетиньѣ).*

Вотъ онѣ какія! Вотъ онѣ какія! Онѣ глупыя. Я имъ хлѣбъ досталъ, хлопоталъ для нихъ, а онѣ упрямятся. Отецъ родной того для нея не сдѣлаетъ, а она бранится. Да, вотъ, всѣ меня бранятъ; а, вѣдь, я имъ... знаете чтò?

Ѳетинья.

Чтò же за сокровище ты добылъ?

Крутицкій.

Дà, сокровище. Вѣрно ты говоришь: сокровище. Я имъ свидѣтельство досталъ на бѣдную невѣсту. Вотъ я чтò! И священникъ подписалъ, и староста церковный подписалъ.

Мигачева.

Ахъ, ахъ, ахъ!

Крутицкій.

Пойдутъ по городу, по лавкамъ, чтò денегъ-то наберутъ! Какой доходъ! Счастье, вѣдь, это, счастье!

Ѳетинья.

Да, счастье... на мосту съ чашкой.

Мигачева *(подбѣгая къ Аннѣ).*

Позвольте бумажку, полюбопытствовать.

Анна *(подавая бумагу).*

Да на чтò вамъ? Вѣдь, вы читать не умѣете.

Мигачева.

Все-таки, интересно, помилуйте! *(Разсматривая бумагу.)* Ахъ, ахъ! Ну, вотъ ужъ чего вамъ лучше!

Петровичъ.

Постой ты! Подай сюда! *(Беретъ бумагу.)* Чтò ты смыслишь? *(Просматриваетъ бумагу, потомъ щелкаетъ по ней*

пальцемъ.) Вѣрно! Ничего, идите смѣло. По этой бумагѣ ходите смѣло. *(Отдаетъ Аннѣ бумагу.)*

Настя.

Чтò-жъ, очень это стыдно?

Мигачева.

Да, таки порядочно. Какъ начнутъ срамить, такъ только держись, особливо приказчики.

Елеся *(смѣется)*.

Приказчики? Приказчики проберутъ.

Настя.

А много денегъ сóбрать можно?

Мигачева.

Счастьемъ, вѣдь, это. Кто рубликъ дастъ, кто просто поклонится да рукой махнетъ, значитъ — проходи мимо; кто насмѣется въ волю; а добрые люди попадаются — и по десяти, и по двадцати рублей даютъ.

Настя.

Тетенька, мнѣ очень нужны деньги.

Ѳетинья.

Ступайте! Кому-жъ не мило даромъ-то деньги брать! Случалось, что рублей и по сту набирали, особенно если дѣвушка повиднѣй, да на всякій разговоръ не стыдлива.

Крутицкій.

Какой доходъ! Какія деньги! Вотъ чтò я вамъ! Вотъ чтò!

Настя.

А мнѣ деньги очень нужны. Ужъ какъ мнѣ нужны сегодня деньги! Ужъ пойдемте, тетенька, чтò-жъ дѣлать! Ахъ, несчастная я, несчастная! *(Плачетъ.)*

Анна *(тихо Настѣ)*.

Ну, ничего! Ну, не плачь! Вотъ можно будетъ *(Крутицкій прислушивается)* и платье выкупить, и платочекъ купить хорошенькій.

Крутицкій *(отводя Анну къ сторонѣ)*.

Чтò ты, безумная? Чтò ты говоришь? Какіе платочки? Еще

не видя денегъ, да ужъ мотать задумала? Мотовка, мотовка! Ты ей и не показывай, что̀ тебѣ дадутъ: ты всѣ мнѣ неси! И Боже тебя сохрани!

Анна.

Она, благородная дѣвушка, за деньги то такой стыдъ принимать будетъ, а мы у нея ихъ отнимемъ!

Крутицкій.

Что̀ ее жалѣть-то? Не родная дочь. А ты, что̀ покрупнѣй-то, и зажми въ рукѣ-то, и зажми! Жаль тебѣ ее? О, мотовка! *(Злобно.)* Анна, если я узнаю, что у тебя были въ рукахъ большія деньги, да ты ихъ изъ рукъ выпустила...

Анна.

Что̀ ты при людяхъ-то, Михей Михеичъ!

Крутицкій.

Въ петлю тебя, въ петлю!

Ѳетинья.

Вотъ бы вы и шли; самое время теперь: всѣ купцы въ городѣ.

Анна.

Пойдемъ, Настенька.

Мигачева.

Да, постойте! Какъ вы пойдете? На все нужно порядокъ знать. Вы, Анна Тихоновна, впередъ идите; а вы, Настенька, такъ шага три сзади, такъ и идите. Платочкомъ-то поприкройтесь для скромности. А если кто захочетъ на васъ полюбопытствовать, поманитъ васъ, вы и подойдите, и платочекъ откройте. Ну, идите въ добрый часъ.

Ѳетинья.

Постойте! Какъ вы бумагу-то держите? Такъ, вѣдь, не хорошо. Все, вѣдь, это надо знать, коли ужъ пошли за такимъ дѣломъ. Надо въ чистый платокъ завернуть. Нѣтъ у васъ? Вотъ возьмите мой, только назадъ принесите, а то вы, пожалуй. *(Завертываетъ бумагу въ платокъ.)* Да вотъ такъ, противъ груди и держите! *(Отдаетъ бумагу.)* Вотъ такъ, вотъ! Ну, и ступайте! Дай Богъ счастливо. *(Анна и Настя медленно уходятъ.)*

Мигачева *(Елесѣ).*

Елеся, Елеся, погляди! Ведутъ ее, бѣдную, какъ овечку. Ахъ, какъ интересно!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Крутицкій.
Анна.
Настя.
Мигачева.
Елеся.
Ѳетинья.
Лариса.
Баклушинъ.

Декорація та же.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мигачева *у калитки,* Ѳетинья *у лавки,* Крутицкій *сходитъ съ крыльца,* Анна *за нимъ.*

Ѳетинья.

Вернулись, что̀ ли?

Мигачева.

Охъ, вернулись!

Ѳетинья.

Принесли что̀-нибудь?

Мигачева.

Еще не слыхала. Вонъ Михей Михеичъ; спросить бы у него, да боюсь.

Крутицкій.

Кто хозяинъ-то, кто? Кто у васъ большой-то? Какъ вы смѣли купить безъ позволенія? Нынче и хлѣбъ-то дорогъ, и хлѣбъ-то надо по праздникамъ ѣсть, а вы чаю да тряпокъ накупили. Чай пьютъ! Вы меня съ ума сведете! Набралъ я тебѣ липоваго цвѣта на бульварахъ, съ полфунта насушилъ, вотъ и пейте.

Анна.

Она на свои купила.

Крутицкій.

Какія у нея свои? Откуда у нея свои! У нея нѣтъ своихъ, всѣ мои — я ее кормлю. Да ты врешь, ты затаила деньги, затаила!

Анна.

Не вѣрь, пожалуй, Богъ съ тобой, а я тебѣ всѣ отдала.

Крутицкій.

У, мотовка!

Мигачева.

Позвольте, Михей Михеичъ, сколько же вамъ Богъ да добрые люди?

Крутицкій.

Не подходи!

Мигачева.

Ужъ и спросить нельзя! Кажется, не великъ секретъ! Не краденыя деньги.

Крутицкій.

Отступись, говорю! Чтò тебѣ до чужихъ денегъ? Иль ограбить меня хочешь? Меня и такъ ограбили. *(Аннѣ.)* Обманули меня! Чаю захотѣли! Есть у васъ липовый цвѣтъ и изюмцу есть немножко, я у бакалейной лавки подобралъ. Онъ чистый: я его перемылъ. А то чай! Чего онъ стòитъ? Вотъ я посмотрю, сколько вы завтра принесете. Я самъ съ вами пойду.

Мигачева.

Она завтра не пойдетъ; чтò ей за неволя мучиться?

Крутицкій.

Не пойдетъ — изъ дому выгоню, ночью на улицу выгоню. *(Уходитъ. Настя выходитъ на крыльцо съ гребенкой въ рукѣ, причесывая голову.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Оѳимья, Мигачева, Анна и Настя.

Настя.

Чтò-же вы, тетенька! Попросите поскорѣй у кого-нибудь самоварчика-то. Нашъ подать нельзя: онъ никуда не годится. Мы здѣсь будемъ пить чай, подъ деревьями, здѣсь хорошо. Я пока пріодѣнусь немножко; я того и жду, что Модестъ Григорьичъ придетъ. *(Показываетъ шелковый платокъ.)* Тетенька, вотъ платочекъ-то! Ахъ, душка, какой милый!

Анна.

Милый, милый! А ты не забывай, что намъ завтра опять итти.

Настя.

Нѣтъ, ужъ завтра я не пойду. Хорошенькаго понемножку; я и нынче не знала, ворочусь ли живая. Да вы бы сами-то пріодѣлись.

Анна.

Во что мнѣ?

Настя.

Да хоть немножко! Хлопочите, тетенька, поскорѣй, скоро вечерни. *(Уходитъ.)*

Мигачева *(подходитъ къ Аннѣ).*

Ну, матушка, Анна Тихоновна, разсказывайте! *(Ѳетинья подходитъ медленно и важно.)*

Анна.

Что разсказывать? Дѣло обыкновенное. Одолжите намъ самоварчикъ.

Мигачева.

Послѣ трудовъ-то хотите чайку напиться? Это хорошо. Извольте, извольте. Ужъ я и посуду свою дамъ, и столикъ. Елеся, Елеся! *(Выходитъ Елеся.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Анна, Мигачева, Ѳетинья и Елеся.

Елеся.

Что вамъ, маменька?

Мигачева.

Вынеси столикъ сюда и чайникъ съ чашками, да поставь самоваръ. Накрой вонъ тамъ, у крылечка, да поскорѣй поворачивайся!

Елеся.

Спѣши не спѣши, а потораапливайся. *(Уходитъ, напѣвая „чижикъ", и потомъ въ продолженіе сцены приноситъ столъ и приборъ чайный.)*

Мигачева.

Еще чего не нужно ли? Хоть весь домъ возьмите, Анна Тихоновна, только ужъ разскажите, не томите! Измаялась!

Анна.

Да, право, занимательнаго не много; вотъ развѣ одинъ случай.

Мигачева.

Ахъ, такъ и случай съ вами былъ?

Анна.

Заходимъ мы въ одинъ магазинъ, въ амбаръ ли, ужъ не знаю; хозяинъ такой видный, важный, стоитъ за конторкой, что̀ то пишетъ. Ну, мы поджидаемъ, когда онъ кончитъ. Онъ попишетъ, взглянетъ на насъ да опять писать примется. Мы стоимъ; приказчики посмѣиваются. Вотъ онъ кончилъ, кивнулъ намъ головой и указываетъ рукой на дверь. Я хотѣла подойти, бумагу подать: „Знаю, знаю, говоритъ, мы въ эти дѣла не входимъ". Я было заговорила, что я благородная. „Вамъ, говоритъ, сказано, кажется; ну, и довольно съ васъ; мнѣ теперь некогда, а пожалуйте въ другое время". А самъ закричалъ на парня, который у дверей стоитъ: „Ты, говоритъ, что̀ смотришь? Впередъ не допускать до меня просящихъ!" Такъ мы со стыдомъ и вышли. Прошли немного, только глядимъ, этотъ купецъ догоняетъ насъ. Поклонился такъ учтиво и сталъ разспрашивать; разспросилъ все подробно и адресъ записалъ. „Я, говоритъ, навѣщу васъ сегодня вечеромъ изъ городу. Какъ у меня, говоритъ, своихъ дѣтей нѣтъ, такъ желаю быть этой дѣвушкѣ благодѣтелемъ". И даетъ мнѣ десять рублей.

Мигачева.

Однакоже, это довольно хорошо.

Ѳетинья.

Надо-жъ куда-нибудь имъ деньги-то дѣвать?

Анна.

Потомъ поговорилъ немножко съ Настенькой, такъ хорошо, солидно, и ей далъ пятнадцать.

Мигачева.

Ахъ, скажите!

Ѳетинья.

Мало-ль проказниковъ-то!

Анна.

Еще по мелочи рублей шесть набрали.

Мигачева.

А, вѣдь, поди, чай, всѣ мужу отдала, себѣ ничего не оставила?

Анна.

Конечно, всѣ; какъ ему не отдать, онъ изъ души вытянетъ. Настенька истратила кой-что на себя, а рублей пять, все-таки, у нея онъ отнялъ.

Мигачева.

Теперь ужъ у него не выпросишь. И всю-то жизнь ты съ нимъ такъ маешься?

Анна.

Всю жизнь. Онъ сначала, еще когда молодой былъ, точно пришибъ меня чѣмъ-нибудь. Жила я съ нимъ вмѣстѣ, а никогда не знала, есть у него деньги или нѣтъ. Бывало, мнѣ со стороны говорятъ: „хорошо твое житье, сколько твой мужъ грабитъ“. — „Не знаю, говорю, не вижу у него денегъ; видно, гдѣ-нибудь на сторонѣ проживаетъ“. И послѣ, когда онъ домъ, лошадей и все наше заведеніе продалъ, я у него спрашивала: „Михей Михеичъ, гдѣ-жъ деньги?“ — „Въ долги, говоритъ, роздалъ, въ долгахъ пропали“. И точно, былъ разговоръ, что онъ деньги за большіе проценты взаймы давалъ; только получалъ ли онъ ихъ обратно — не знаю. Вѣрите ли, двадцать пять лѣтъ я за нимъ замужемъ, а какъ прежде въ его кабинетъ не смѣла войти и не была тамъ ни разу, такъ и теперь въ его каморку глазомъ заглянуть не смѣю. Войдетъ — запрется и выйдетъ — на два замка запретъ.

Ѳетинья.

Только самъ себѣ свой, а то всѣ чужіе. Бываютъ такіе-то идолы.

Анна.

Такъ я всю жизнь въ своихъ рукахъ денегъ и не видала. Извините, что я васъ безпокоила насчетъ самовара. Да вотъ вы обѣщали; такъ ужъ не одолжите ли платочка на плечи накинуть?

Мигачева.

Ничего, что вы! Елеся, подай мой ковровый. *(Елеся уходитъ.)* Али вы кого ждете? Кажись, гостей то у васъ не бывало прежде?

Анна.

Какіе гости! Настенькинъ знакомый. Молодой человѣкъ, благородный...

Мигачева.

Благородный?

Анна.

Богатый человѣкъ, хорошей фамиліи.

Мигачева.

Скажите!

Анна.

Онъ познакомился съ Настенькой, когда она жила у крестной матери.

Мигачева.

Не онъ ли сватался?

Анна.

Онъ самый. Хочется принять получше; вѣдь, можетъ быть... А то, сами подумайте, куда намъ съ ней дѣваться?

Мигачева.

Конечно, конечно. Дай Богъ! *(Входитъ Елеся съ платкомъ.)*

Анна *(Мигачевой)*.

Благодарю покорно! *(Ѳетиньѣ.)* А вашъ платочекъ извольте.

Ѳетинья.

Да, вѣдь, завтра, чай, опять потреплетесь, такъ понадобится. А мнѣ что̀ за крайность! У меня этой дряни много. *(Анна уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мигачева и Ѳетинья.

Мигачева.

Набрали Христа-ради, да и закутили.

Ѳетинья.

Я слушаю да только помалчиваю. Съ чѣмъ сообразно: сами милостыню просятъ, а женихъ благородный, видишь ты, хорошей фамиліи.

Мигачева.

Да, можетъ, онъ не знаетъ ихъ похожденіевъ-то?

Ѳетинья.

А вотъ надо съ нихъ форсъ-то сшибить.

Мигачева.

Это даже и очинно можно.

Ѳетинья.

Мы вотъ и съ деньгами, да своей Ларисѣ жениха не найдемъ, а они нищіе, да за благороднаго норовятъ. Каково слушать-то!

Мигачева.

Само собой. Ну, да, вѣдь, у насъ не взыщите; мы такъ одолжимъ, что̀ чудо.

Ѳетинья.

Счастье вотъ людямъ! А ужъ я-бъ свою, право, и безъ разбору отдала.

Мигачева.

Куда торопиться-то?

Ѳетинья.

Какъ ты говоришь! Одно дѣло — дѣвкѣ удержу нѣтъ, а другое — намъ зять въ домѣ нуженъ. Самъ старъ; торговля у насъ опасная.

Мигачева.

А и выгодна ваша торговля: нѣтъ ея лучше.

Ѳетинья.

Еще бы. Само собой, что мы овощную и погребокъ только для виду держимъ; а настоящій нашъ товаръ темный.

Мигачева.

Тутъ глазъ да и глазъ нужно.

Ѳетинья.

Да и хлопотно. Эти самые люди приходятъ къ намъ на разсвѣтѣ; ночью-то они на промыслѣ. Ну, старику-то и тяжело. Кабы зять, такъ одну ночь самъ, а другую зять; да вотъ нѣтъ избранниковъ.

Мигачева.

Вы объ женихахъ, а я объ невѣстахъ. Женила-бъ вотъ Елесю, да какого лысаго бѣса за него отдадутъ?

Ѳетинья.

Зачѣмъ лысаго?

Мигачева.

А то какого же?

Ѳетинья.

Нѣтъ, онъ не объ лысомъ думаетъ.

Мигачева.

О какомъ же? Гдѣ еще ему? Онъ младенецъ.

Ѳетинья.

Младенецъ-то младенецъ, а по чужимъ садамъ лазитъ.

Мигачева.

Охота у него.

Ѳетинья.

И я говорю, что охота.

Мигачева.

Птицъ сѣтью накрываетъ.

Ѳетинья.

Не онъ накрываетъ, а я его накрыла и съ птицей вмѣстѣ. Только птица-то большая, больше тебя ростомъ будетъ.

Мигачева.

Матушка, виноваты! Ахъ, упаду! Ахъ, онъ разбойникъ! Погубилъ онъ мою голову!

Ѳетинья.

Не твою, а мою. Узнаетъ Истукарій Лупычъ, кого причесывать-то будутъ? Не тебя, а меня. Такъ ужъ вотъ что! Вы мнѣ не противны, а самъ-то, пожалуй, тоже не прочь. Онъ объ своей дочери невысокаго мнѣнія, а такъ надо сказать, что и за человѣка ее не считаетъ, такъ много спорить не будетъ. Конечно, Елеся противъ нашего званія и приданаго женихъ низменный; да, видно, ужъ судьба. Вели ты сыну одѣться почище да приходите къ намъ, не мѣшкая. Какое-нибудь рѣшеніе намъ выйдетъ: либо мнѣ быть битой, либо намъ свадьбу пировать...

Мигачева (*цѣлуя въ плечо Ѳетинью*).

Матушка, благодѣтельница! То-то мнѣ нынче во снѣ-то...

Ѳетинья.

Ну, да ужъ и я сонъ-то...

Мигачева.

Чему быть-то, такъ ужъ видно...

Өетинья.

Да, вотъ на грѣхъ-то мастера нѣтъ. Прощай покуда! Приходите скорѣй, пока самъ дома.

Мигачева.

Прощайте, пріятная моя! Мы мигомъ. *(Входитъ Елеся съ самоваромъ, Анна и Настя. Өетинья уходитъ въ лавку.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Анна, Настя, Мигачева и Елеся.

Елеся.

Кипитъ.

Мигачева.

Брось скорѣй! Поди, чисти сертукъ; въ гости зовутъ.

Елеся.

Вездѣ поспѣю. *(Уходитъ въ калитку; Мигачева за нимъ.)*

Настя.

Онъ писалъ, что ровно въ четыре часа...

Анна.

А къ вечернѣ ужъ звонили.

Настя.

Что̀ я съ нимъ буду говорить? У меня въ головѣ все перепуталось. Мнѣ хочется и плакать, и смѣяться. Я готова прыгать и хлопать въ ладоши, какъ глупый ребенокъ въ большой праздникъ; а что̀ мнѣ нужно, мнѣ того не выговорить.

Анна.

Мы прежде послушаемъ, что̀ онъ скажетъ.

Настя.

Тетенька, вы шаль-то вотъ такъ. *(Поправляетъ платокъ на теткѣ.)* Да пожалуйста, какъ можно поделикатнѣй!

Анна.

Ну, ужъ какъ умѣю. Лгать-то я не мастерица.

Настя.

Намъ бы какъ-нибудь, тетенька, припрятать свою бѣдность-то, чтобъ не очень ужъ сразу-то.

Анна.

Постараюсь.

Настя.

Тетенька, онъ идетъ.

Анна.

Поди, встрѣть его. *(Входитъ Баклушинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Анна, Настя и Баклушинъ.

Настя.

Вы таки пришли. Ну, ужъ нечего съ вами дѣлать! Милости просимъ. Пожалуйте сюда!

Баклушинъ.

Куда же?

Настя.

А вотъ сюда, подъ деревья. Здѣсь лучше, чѣмъ въ комнатахъ.

Баклушинъ.

Какъ? На улицѣ? Это довольно оригинально.

Настя *(представляя Баклушина).*

Модестъ Григорьичъ Баклушинъ! Тетушка моя, Анна Тихоновна. *(Баклушинъ кланяется.)*

Анна.

Садиться не угодно ли? *(Баклушинъ садится.)*

Настя *(наливая стаканъ чаю).*

Не прикажете ли чаю?

Баклушинъ.

Покорно васъ благодарю. *(Беретъ стаканъ.)*

Настя.

Не знаю, хорошо ли я хозяйничаю. Право, такъ неожиданно. Сладко ли я вамъ налила?

Баклушинъ.

Превосходно. Отличный чай, отличные сухарики.

Настя.

Ахъ, нынче и погода какая! И все такъ... Не угодно ли вамъ еще?

Баклушинъ.

Позвольте. *(Подаетъ стаканъ.)*

Настя *(наливая).*

Ахъ, какъ мнѣ весело, что мой чай вамъ нравится! Мнѣ такъ это пріятно слышать отъ васъ. *(Подаетъ стаканъ.)* Не правда ли, у насъ хорошо? Мы живемъ, конечно, не богато, но за то тихо, покойно. Мнѣ, право, здѣсь такъ весело. *(Входитъ Елеся въ жилетѣ, съ сертукомъ въ рукахъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Анна, Настя, Баклушинъ, Елеся, *потомъ* Мигачева.

Настя.

Никто насъ не трогаетъ, никто намъ не мѣшаетъ.

Елеся *(вѣшаетъ сертукъ на деревѣ и начинаетъ чистить).*

Чижикъ-пыжикъ у воротъ,
Воробышекъ маленькій.

Настя *(сконфузившись).*

Конечно, сосѣди у насъ люди простые. *(Елесѣ.)* Елеся, вы бы дома сертукъ-то чистили. *(Баклушину.)* Но всѣ насъ такъ уважаютъ.

Елеся.

Очень нужно дома-то пылить.

Настя *(почти сквозь слезы).*

А на насъ-то зачѣмъ пылите? Отойдите, по крайней мѣрѣ.

Елеся.

Ничего-съ, кушайте чай, вы мнѣ не мѣшаете.

Баклушинъ.

А онъ чудакъ порядочный!

Настя.

Не обращайте на него вниманія: онъ малоумный.

Елеся.

Ужъ и сертучокъ! Настасья Сергѣевна. *(Надѣваетъ сертукъ.)*

Настя.

Оставьте меня!

Елеся.

Да вы поглядите. *(Поворачивается кругомъ.)* Красота. Великонекъ немножко, да не перешивать же! Авось выросту; чтò доброе-то портить! *(Входитъ Мигачева, принарядившись пестро и безъ вкуса.)*

Баклушинъ.

Это чтò за явленіе?

Настя.

Это его мать! Она очень хорошая женщина! Учтивая, обязательная.

Мигачева *(Елесѣ)*.

Скоро-ль ты, чучело гороховое?

Елеся.

Готовъ. Совсѣмъ Максимъ, и шапка съ нимъ.

Мигачева *(проходя мимо Насти)*.

Чай да сахаръ всей компаніи. Охъ, не очень ли важно вы разсѣлись-то? *(Уходитъ въ садъ; Елеся за ней.)*

Настя *(сквозь слезы)*.

Это ужасно! Я не знаю, за чтò они нынче всѣ обижаютъ меня? А все-таки здѣсь хорошо.

Баклушинъ.

Нѣтъ, Настасья Сергѣевна, не утѣшайте себя, вамъ здѣсь не хорошо. Напрасно вы оставили вашу крестную маменьку.

Настя.

Развѣ я сама ее оставила? Она начала меня упрекать: „чтò ты все хорошѣешь?“ Ну, а чтò же мнѣ дѣлать? Я не виновата. Стала меня одѣвать похуже, а я, все-таки, лучше ея дочерей. Разсердилась за это, да и прогнала меня.

Баклушинъ.

Да, такъ вотъ чтò? Ну, теперь для меня дѣло ясно.

Анна.

Да, ни за чтò обидѣли дѣвушку. Да и намъ-то какая тя-

гость! Мы и сами-то съ куска на кусокъ перебиваемся, а тутъ еще ее намъ на шею спихнули.

Настя *(съ упрекомъ).*

Тетенька!

Анна.

Чтò, Настенька, скрываться-то, коли онъ тебѣ знакомый? Пусть ужъ все узнаетъ. Кабы съ рукъ ее сбыть, вотъ бы перекреститься можно.

Баклушинъ.

Сбыть! Точно вещь какую. А куда же сбыть ее вы думаете?

Анна.

Кромѣ какъ замужъ, куда-жъ она годится? Ничего она не знаетъ, ничего не умѣетъ.

Баклушинъ.

Непріятное положеніе! Надо подумать объ этомъ серьезно. Чтò же вы дѣлаете?

Настя.

Такъ, кое-чтò.

Баклушинъ.

Не кое-чтò, вамъ надо трудиться! Вы хоть бы уроки давали.

Настя.

Чему? Я сама ничего не знаю. Вы видѣли, какъ меня воспитывали. Меня учили только тѣшить гостей, чтобъ всѣ смѣялись каждому моему слову; меня учили быть милой да наивной; ну, я и старалась.

Баклушинъ.

Да, правда. Ну, такъ вотъ чтò: сами учитесь! Да учитесь прилежнѣй.

Анна.

Оно, точно, хорошо; только пока учишься, надо кушать чтò-нибудь.

Баклушинъ.

И то правда.

Анна.

Богатые думаютъ объ ученьи, а бѣдные о томъ, чтобъ только живу быть.

Настя.

Постойте, погодите, тетенька! Дайте намъ поговорить. *(Отходитъ къ сторонѣ и манитъ Баклушина.)* Подите сюда на минуточку!

Баклушинъ *(подходя)*.

Что̀ вамъ угодно?

Настя.

Можно васъ объ одномъ спросить?

Баклушинъ.

Спрашивайте, что̀ хотите!

Настя *(тихо)*.

Вы меня любите попрежнему?

Баклушинъ.

Больше прежняго.

Настя.

Ахъ, какъ это хорошо!

Баклушинъ.

А вы?

Настя.

Про меня-то что̀ и говорить! Кого-жъ мнѣ и любить, какъ не васъ? Такъ смотрите же!

Баклушинъ.

Что̀ смотрѣть-то?

Настя.

Не обманите меня.

Баклушинъ.

Въ чемъ? Я вамъ ничего не обѣщалъ.

Настя.

Вы обѣщали меня любить, а это мнѣ дороже всего.

Баклушинъ.

Если я вамъ такъ дорогъ, отчего же вы давеча не хотѣли сказать мнѣ своей квартиры? *(Подходитъ къ столу.)*

Настя.

Я боялась, что вы войдете къ намъ, увидите нашу бѣдность и разлюбите меня. *(Плачетъ.)*

Баклушинъ.

А плакать-то объ чемъ?

Настя.

Мнѣ стыдно.

Баклушинъ.

А зачѣмъ же стыдиться бѣдности?

Анна.

А то чего же стыдиться-то? Есть ли что̀ еще хуже, обиднѣй бѣдности, особенно для молодой дѣвушки?

Баклушинъ.

Мало-ль что̀ есть хуже бѣдности!

Анна.

Вы посмотрите хорошенько на людей-то! Многіе-ль стыдятся того, что̀ хуже-то; а бѣдности-то всякій стыдится. Вы сами бѣдности не знаете, оттого не по-людски и судите.

Настя.

Оставьте, тетенька, этотъ разговоръ. Вы опять за то же. Я такъ счастлива, что Модестъ Григорьичъ у меня въ гостяхъ! Можно намъ теперь хоть не надолго и забыть про свое горе.

Баклушинъ.

Вотъ теперь вы очень мило разсуждаете. Позвольте за это поцѣловать вашу руку!

Настя.

Ахъ, извольте, извольте! *(Входятъ изъ саду Ѳетинья, Мигачева, Лариса и Елеся.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Анна, Настя, Баклушинъ, Ѳетинья, Мигачева, Лариса и Елеся.

Ѳетинья.

Ишь, блаженствуютъ! Ну, не обида это?

Мигачева.

А вотъ я сейчасъ осажу ихъ. *(Подходитъ къ столу.)* Ужъ вы очень прохлажаетесь за чужимъ-то самоваромъ. Намъ самимъ нужно: у насъ тоже гости; они хоть и не благородные, а пожалуй, что и почище будутъ. Бери, Елеся! *(Елеся беретъ самоваръ и уходитъ.)*

Настя.

Что съ вами? За что вы насъ обижаете?

Мигачева.

Ужъ не взыщите! За свою собственность всегда могу.

Настя.

Намъ онъ былъ ужъ не нуженъ; мы бы и сами вамъ отдали.

Мигачева.

Ну, еще когда васъ дождешься, а такъ-то лучше. Да и платокъ-то бы отдали. Что щеголять-то въ чужомъ?

Анна *(отдавая платокъ).*

Возьмите!

Настя.

Ахъ, какой стыдъ, какой стыдъ!

Лариса *(подходя къ Настѣ.)*

Здравствуйте, Настенька!

Настя *(отворачиваясь).*

Здравствуйте!

Лариса.

Это вашъ женихъ? Даже очень недуренъ.

Настя.

Какой женихъ? У меня нѣтъ жениха.

Лариса.

Ахъ, напрасно. Вы не должны отъ насъ скрываться: формально все доказываетъ, что этотъ самый и есть вашъ женихъ.

Настя.

Оставьте вы меня!

Лариса.

Коль скоро вы ходите по лавкамъ собирать на приданое и даже бумагу для этого выправили, какъ же вы можете быть безъ жениха? Потому вы не должны народъ обманывать.

Настя.

Ахъ, ахъ! *(Закрываетъ лицо руками.)*

Лариса.

А вдругъ и мы хотимъ дать вамъ рубль серебра и говоримъ: покажите намъ вашего жениха для видимости. Можетъ,

съ вашей стороны обманъ!“ *(Отходитъ къ Ѳетиньѣ. Настя стоитъ, какъ убитая.)*

Ѳетинья.

Ай да Лариса! Она, нѣтъ-нѣтъ, да и скажетъ словцо!

Лариса.

Чтò-жъ, вы воображаете, что я совсѣмъ безъ образованія? Но какъ много вы о своемъ дитя ошибаетесь. *(Важно уходитъ въ калитку, Ѳетинья и Мигачева за нею.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Баклушинъ, Анна и Настя.

Баклушинъ.

Чтò это значитъ? Куда я попалъ?

Настя *(складывая руки и умоляющимъ голосомъ).*

Простите меня!

Анна *(беретъ ее за руку).*

Полно ты, полно! Чтò за оправданія? Ну, пошли, такъ и пошли. Надо чѣмъ-нибудь кормиться.

Баклушинъ.

Можно ли, можно ли? У меня руки опускаются. Чтò мнѣ думать о васъ?

Настя.

Вы меня разлюбите?

Анна.

Да чтò за бѣда такая? Дядя и свидѣтельство досталъ, и приказалъ ей итти, потому что кормить лишняго человѣка намъ нечѣмъ — мы сами часто не ѣвши сидимъ. Вотъ и все. Она не смѣла не итти.

Баклушинъ.

Вы говорили, что для молодой дѣвушки ничего нѣтъ хуже, обидпѣй бѣдности. Просить, побираться, милостивая государыня, вотъ чтò хуже бѣдности.

Анна.

Это не хуже бѣдности, милостивый государь: это сáмая бѣдность-то и есть. Сначала просить, потомъ воровать...

Баклушинъ.

Чтò за ужасы! Чтò вы ее пугаете? Вамъ еще далеко до крайности: вы пьете хорошій чай.

Настя.

Ахъ, этотъ чай! Вся и бѣда-то отъ него. Послушайте! Вы писали, что придете ко мнѣ, а у меня рѣшительно ничего не было, нечего и заложить; а мнѣ хотѣлось васъ чаемъ напоить, вотъ я и пошла. Я не знала, что это такъ дурно.

Баклушинъ.

Такъ вы это для меня? Благодарю васъ. Но вотъ чтò, Настасья Сергѣевна: коли денегъ нѣтъ, такъ работать надо, работать, а не милостыню просить.

Анна.

А вы думаете, мы сложа руки сидимъ? Мы чуть не ослѣпли отъ работы. Да чтò стóитъ наша работа, когда мы ничего не умѣемъ! Мы на хлѣбъ не вырабатываемъ.

Баклушинъ.

По-моему, ужъ лучше въ горничныя итти.

Настя.

Тетенька, вонъ чтò говорятъ. Найдите мнѣ мѣсто: я пойду въ горничныя.

Анна.

Мало-ль чтò говорятъ, а ты слушай всѣхъ. Гдѣ тебя держать будутъ? Тебѣ рубля въ мѣсяцъ не дадутъ. Ты и утюга-то въ руки взять не умѣешь. *(Баклушину.)* Вы видите наше положеніе, вы ее любите; вотъ вамъ бы и помочь бѣдной дѣвушкѣ.

Баклушинъ.

Чѣмъ же я могу?

Анна.

Вѣдь, вы холостой?

Баклушинъ.

Холостой.

Анна.

Женитесь!

Настя.

Тетенька, перестаньте.

Анна.

Что̀ за церемоніи? Спасите ее; вѣдь, погибнетъ.

Настя *(съ испугомъ).*

Тетенька, развѣ я погибну?

Анна.

Погибнешь, душа моя. Не ты первая, не ты послѣдняя.

Настя.

Ахъ, какъ страшно! *(Баклушину.)* Такъ спасите меня!

Баклушинъ.

Ангелъ мой, я люблю васъ, но жениться было бы безуміе съ моей стороны. У меня ничего нѣтъ. Жалованья мнѣ только хватаетъ на платье, да и то я чуть не всѣмъ портнымъ въ Москвѣ долженъ. Я самъ ищу богатой невѣсты, чтобы поправить свои дѣла.

Анна.

Да, вотъ что̀!

Настя.

Хорошо же вы меня любите!

Баклушинъ.

Васъ-то я люблю очень.

Настя.

А себя больше?

Баклушинъ.

Немножко больше.

Настя.

Богъ съ вами! *(Отворачивается и плачетъ.)*

Баклушинъ *(беретъ ее за руку).*

Ну, перестаньте, Настасья Сергѣевна! Настенька! Ну, разсмѣйтесь! Ну, агунюшки, дитя мое милое! Ну, какой я мужъ? Я, вѣдь, шалопай совершеннѣйшій. Ну, разсмѣйтесь! *(Настя улыбается.)*

Анна.

А, такъ вы шалопай? Да, я вижу. Ну, а намъ не до шутовства! Мнѣ слушать больно. У насъ забота о насущномъ хлѣбѣ, а вы хотите смѣшить насъ! Ей не агунюшки нужны! Ей нуженъ теплый уголъ да кусокъ хлѣба. Вотъ подойдетъ осень, этому ребенку и надѣть-то нечего, и кушать-то нечего, и жить-то негдѣ. Если дядя и не погонитъ, такъ она

въ нашей сырой конурѣ умереть черезъ недѣлю. Мы на васъ надѣялись; она, бѣдная, послѣднія деньжонки истратила, чтобы принять васъ поприличнѣе.

Баклушинъ.

Я бы радъ всей душой помочь Настасьѣ Сергѣевнѣ; но у меня есть одно ужасное обстоятельство, которое связываетъ мнѣ руки. Ахъ, если бы вы знали!

Анна.

Разговоръ коротокъ. Ей помощь нужна настоящая, а вы, какъ я вижу, ровно ничѣмъ ей помочь не можете.

Баклушинъ.

Отчего же ничѣмъ? Дружескимъ участіемъ, совѣтомъ.

Анна.

Отчего это богатымъ никто ничего не совѣтуетъ, а все только бѣднымъ? Какъ будто у бѣдныхъ ужъ и ума нѣтъ. У насъ, бѣдныхъ, только денегъ нѣтъ, а умъ такой же, какъ у васъ. Чтò нынче за свѣтъ такой? Съ наставленіемъ набивается всякій, а денегъ никто не даетъ.

Баклушинъ.

Гдѣ мнѣ взять денегъ? Мнѣ самому не хватаетъ. Развѣ малость какую-нибудь!

Анна.

Да хоть и малость, все-таки, ей помощь. У нея, вѣдь, ужъ чисто ничего.

Настя.

Тетенька, я отъ него не возьму ни за чтò.

Анна.

Ты не возьмешь, я возьму. Коли теперь съ вами нѣтъ, занесите какъ-нибудь. Доброе дѣло сдѣлаете.

Баклушинъ.

Непремѣнно занесу, непремѣнно. Я, знаете ли, чтò — я, все-таки, подумаю; можетъ быть, вѣдь...

Анна.

Подумайте! Душу-то ея пожалѣйте! А то, вѣдь, я... Ужъ тамъ суди меня Богъ! Я съ голоду умереть ей не дамъ. Я знаю, чтò такое голодъ.

Баклушинъ.

Прощайте, мой милый ребенокъ! Я вотъ что̀, я къ вамъ сегодня же зайду.

Настя.

Приходите! *(Баклушинъ раскланивается и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Анна и Настя.

Анна.

Ну, видѣла я теперь твоего знакомаго довольно хорошо. Надо бы тебя поругать хорошенько, да ужъ и жалко.

Настя.

За что̀?

Анна.

Истратила ты свои послѣднія деньжонки, а что̀ толку? Послушай-ка ты меня! Выкинь ты его изъ головы вонъ.

Настя.

Да, вѣдь, онъ сказалъ, что еще подумаетъ.

Анна.

Ну да, какъ же! Будетъ онъ думать, нужно ему очень! А коли и будетъ, такъ ничего не выдумаетъ. Ему бы только болтать о пустякахъ — вотъ это его дѣло. Много такихъ-то по Москвѣ бѣгаетъ, да не очень-то они намъ нужны. Мы иной день не ѣвши сидимъ, а онъ придетъ съ разговорами только оскомину набивать. И не надо его, и Богъ съ нимъ.

Настя.

Ахъ, не прогнать же его?

Анна.

Отчего-жъ не прогнать? И прогонимъ. Вотъ онъ нынче придетъ; я тебя научу тогда, что̀ ему сказать. Повѣрь, что онъ больше и не заглянетъ къ намъ. Да и хорошо бы. Какая отъ него польза? На что̀ онъ намъ? Сбивать тебя съ толку? Такъ у тебя и то его не много. А тебѣ, душа моя, пора самой думать о себѣ, да, охъ, думать-то хорошенько. Ребячество твое кончилось, миновалось.

Настя.

Я знаю, что оно миновалось.

Анна.

Нѣтъ, плохо знаешь! Все еще ты ребячишься. А ребячиться тебѣ ужъ не то, что стыдно, — какъ-то зазорно и глядѣть-то на тебя. Богатая дѣвушка прыгаетъ, такъ ничего, весело, а бѣдная скачетъ, какъ коза, такъ ужъ очень обидно на нее. Чтò было, то прошло, того не воротишь; а впереди для тебя нечего мнѣ скрывать — и сама ты видишь, ничего хорошаго нѣтъ: жить съ нами въ нищетѣ, въ холодѣ, въ голодѣ тебѣ нельзя. И остается тебѣ...

Настя.

Чтò мнѣ остается?

Анна.

Чтò тебѣ остается-то? Бѣдная ты, бѣдная! Лучше бы всего тебѣ теперь...

Настя.

Чтò, тетенька?

Анна.

Чтò? Умереть, вотъ чтò.

Настя.

Ахъ, умереть...

Анна.

Да. Я объ тебѣ и плакать бы не стала. Въ могилку-то тебя, какъ въ постельку бы положила.

Настя.

Страшно, тетенька! *(Съ крикомъ.)* Ахъ, страшно, страшно! Холодно! Повезутъ меня на этихъ черныхъ дрогахъ... такіе страшные! Лежать въ могилѣ, а всѣ живутъ! Мнѣ жить хочется: я такая молоденькая.

Анна.

Охъ, жить! Да, вѣдь, ужъ нечего дѣлать! Богъ смерти не даетъ, такъ, видно, жить надобно. Только я ужъ тебѣ сказала, что жить такъ, какъ мы живемъ, тебѣ нельзя. Да и чтò за напасть? Ты такая хорошенькая, тебѣ можно жить и лучше.

Настя.

А какъ же?

Анна.

А вотъ въ сумерки придетъ купецъ... Дѣло-то ясное; я давеча тебѣ всего не сказала, чтò онъ со мной говорилъ.

Настя (*закрывая лицо руками*).

Ахъ, ахъ! Нехорошо!

Анна.

Да, нехорошо. Что дурное хвалить! А гдѣ-жъ взять для тебя хорошаго-то? Тебѣ его въ жизни и не дождаться никогда. Ужъ худого-то не минуешь. Такъ изъ худого-то надо выбирать, что получше.

Настя.

Дайте мнѣ подумать.

Анна.

Думай, Настенька, думай, душа моя, хорошенько. Хуже всего, коли руки опустишь. Затянешься въ нашу нищенскую жизнь, бѣда. Думай теперь, пока еще въ тебѣ чувства-то не замерли, а то и солдатской шинели будешь рада.

Настя.

Ай, что вы! Нѣтъ, нѣтъ!

Анна.

Ходить по домамъ побираться, то кусочекъ сахарцу занять, то огарочекъ свѣчки; подбирать на чужихъ дворахъ щепочки, чтобъ вскипятить горшокъ пустыхъ щей...

Настя.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Не говорите, замолчите! (*Подумавъ.*) Тетенька!

Анна.

Что, душа моя?

Настя.

А много дѣвушекъ умираютъ?... отъ бѣдности, отъ горя?

Анна.

Довольно-таки.

Настя.

А много и такихъ...

Анна.

Какихъ?

Настя.

Ахъ, какъ стыдно!

Анна.

Охъ, много, много!

Настя.

И всѣ смѣются надъ ними, презираютъ, обижаютъ ихъ... бѣдныхъ?

Анна.

Есть, кто и пожалѣетъ; только мало христіанства-то въ людяхъ.

Настя.

И, вѣдь, никому-то, никому, кто на тебя косо взглянетъ, кто отъ тебя отворотится, разсказать нельзя, объяснить нельзя, что тебѣ только и оставалось: или смерть, или такая жизнь.

Анна.

Думай, Настенька! Времени остается намъ немного; купецъ придетъ скоро: надо будетъ ему сказать что-нибудь. Да ты не забудь и того, что завтра намъ опять итти сбирать; а если ты не пойдешь, такъ дядя тебя прогонитъ изъ дому.

Настя.

Помогите мнѣ, посовѣтуйте!

Анна.

Нѣтъ, мой другъ, я грѣха на душу не возьму. И не слушай ты никого: будь ты сама надъ собой большая. А я ни совѣтовать тебѣ, ни осуждать тебя не стану. Хочешь ты, живи...

Настя.

Да, тетенька, простите меня, не презирайте меня: мнѣ хочется пожить получше! *(Прилегаетъ на грудь къ Аннѣ Тихоновнѣ.)*

Анна.

Богъ тебя проститъ; я тебѣ не судья!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Крутицкій.
Анна.
Настя.
Ѳетинья.
Лариса.
Мигачева.
Елеся.
Петровичъ.
Баклушинъ.
Разновѣсовъ, солидная личность.

Декорація та же. Лѣтнія сумерки.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Выходятъ: Елеся *изъ своей калитки съ кистью и ведромъ краски,* Петровичъ *изъ лавки.*

Петровичъ.

За мастерство?

Елеся.

За мастерство, другъ. Не такъ живи, какъ хочется, а какъ люди приказываютъ.

Петровичъ.

А тебѣ какъ хочется?

Елеся.

Чего лучше не бываетъ, вотъ какъ.

Петровичъ.

Дѣло-то о поцѣлованіи купеческой дочери мировой кончилъ?

Елеся.

Еще какой мировой-то! Женихъ, братъ, я. Вотъ пословица-то: не родись уменъ, не родись пригожъ, а родись счастливъ.

Петровичъ.

На грѣхъ-то, говорятъ, и изъ палки выстрѣлишь.

Елеся.

Именно, братъ. Не надѣялся, нечего сказать.

Петровичъ.

Чудеса!

Елеся.

Вотъ поди-жъ ты!

Петровичъ.

На бабъ-то дивиться нечего, на нихъ куричья слѣпота бываетъ, а какъ же это самъ-то? Онъ тебя не въ первый разъ видитъ; дарованіе и образованіе твое ему извѣстны.

Елеся.

Самъ ничего, самъ меня любитъ. Знаешь, за чтò? У тебя, говоритъ, характеръ хорошъ, легокъ; если тебя когда щетами по затылку, ты не обидишься.

Петровичъ.

Чтò тутъ обиднаго!

Елеся.

Само собой. Русская пословица: за тычкомъ не гонись! Такъ-то, Петровичъ, за тычкомъ не гонись!

Петровичъ.

Вѣрно твое слово. Да и нечему дивиться, что, не догладя, тебя за человѣка приняли; ты вотъ чему подивись...

Елеся.

Чему, другъ? *(Входитъ Крутицкій, останавливается у своего крыльца и прислушивается.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Елеся, Петровичъ и Крутицкій.

Петровичъ.

Я вчера Михея видѣлъ въ Совѣтѣ Опекунскомъ.

Елеся.

На подъѣздѣ съ нищими? У него, гляди, тамъ мѣсто откуплено.

Петровичъ.

То-то, нѣтъ. Въ залѣ стоитъ у окошечка. Кладетъ ли онъ,

вынимаетъ ли, ужъ не разсмотрѣлъ, а въ рукахъ у него деньги видѣлъ.

Елеся.

Онъ ли, полно?

Петровичъ.

Вѣрно. А и то сказать, и удивляться-то нечего! Сколько лѣтъ онъ процентщикомъ-то былъ!

Елеся.

Слышали мы, братъ, слышали; да что-жъ у него денегъ-то не видать?

Петровичъ.

Увидишь ты, какъ же! Нишь ты, у него рѣшетка-то какая крѣпкая. Кабы денегъ не было, зачѣмъ бы ему за желѣзной рѣшеткой жить?

Елеся.

Значитъ, свою осторожность наблюдаетъ?

Петровичъ.

Наблюдаетъ. У него, говорятъ, и дверь-то внутри желѣзная, двумя замками запирается. Только нѣтъ такихъ замковъ, Елеся, которыхъ бы отпереть нельзя было. Ключъ не подойдетъ, такъ разрывъ-трава есть на то.

Елеся.

Да и надо этихъ процентщиковъ грабить, братецъ ты мой, потому, не пей чужую кровь.

Петровичъ.

Да и не забываютъ ихъ; это грѣхъ сказать. Что ни послышишь: того убили, другого ограбили.

Елеся.

Все-жъ-таки, братъ, лучше, ничѣмъ честныхъ людей.

Петровичъ.

Ну, другъ, у воровъ этого расчета нѣтъ. Воръ воруетъ, гдѣ ему ловчѣе, а, конечно, и того не забываетъ, что у процентщика сразу много зацѣпить можно. Про Михея, должно быть, наши мастера еще не знаютъ, а прослышатъ, такъ не миновать и ему. Да ужъ, кажется, своими бы руками помогъ, такъ я на него золъ.

Елеся.

За что, про что?

Петровичъ.

Есть тому причина. Еще когда онъ служилъ, такъ попался я по одному казусному дѣлу, по прикосновенности. Человѣкъ я тогда былъ состоятельный, дѣла велъ большія, конкурсами занимался. Не Петровичемъ меня звали-то, а Иваномъ Петровичемъ Самохваловымъ.

Елеся.

Ну, и что̀ же, другъ единственный?

Петровичъ.

Ну, и спряталъ онъ меня въ каменный мѣшокъ, что̀ острогомъ зовутъ. Томилъ, томилъ, сосалъ, сосалъ деньги-то, да тогда только погулять-то выпустилъ, когда всего на̀бѣло отчистилъ. Въ одномъ сертукѣ пустилъ. Вѣкъ я ему не забуду. *(Уходитъ въ калитку. Михеичъ подходитъ къ Елесѣ.)*

Елеся.

Михею Михеичу, наше почтеніе!

Крутицкій.

Здравствуй, Елеся! А я вотъ цѣлый день бродилъ; обѣщали мнѣ помочь на бѣдность, да ничего не дали, такъ цѣлый день даромъ и проходилъ.

Елеся.

А я такъ слышалъ, что вас поздравить надо съ полученіемъ, съ большимъ полученіемъ?

Крутицкій *(машетъ руками)*.

Что̀ ты закричалъ? Что̀ ты закричалъ? Эхъ, Елеся! Ну, кто услышитъ — и убьютъ меня. Убить-то убьютъ, а найдутъ у меня грошъ; старика за грошъ и убьютъ, даромъ душу и загубятъ. Тебѣ кто сказалъ, *(тихо)* что я деньги получилъ?

Елеся.

Петровичъ сказалъ.

Крутицкій.

Хороший человѣкъ Петровичъ, я его люблю. Ты ему скажи, что я его люблю. Только онъ ошибся.

Елеся.

Да нешто я ему вѣрю!

Крутицкій.

Ошибся онъ; долго-ль ошибиться? Дѣльный человѣкъ этотъ Петровичъ, дѣльный.

Елеся.

Еще какой дѣлецъ-то! По судамъ ходитъ, дѣла охлопатываетъ.

Крутицкій.

Да, да.

Елеся.

Пачпорта пишетъ.

Крутицкій.

Да, да... А кому онъ ихъ пишетъ?

Елеся.

Стало-быть, кому нужно... Правой рукой пишетъ, лѣвой руки прикладываетъ.

Крутицкій.

Хорошее занятіе, доходное. Хорошій человѣкъ Петровичъ, дѣльный... А воровъ онъ знаетъ?

Елеся.

Первый другъ имъ всѣмъ. Вотъ здѣсь въ лавочкѣ по ночамъ пачпортами и торгуетъ. У него и печати всякія есть.

Крутицкій.

И жилецъ онъ исправный: на квартирѣ его держать хорошо.

Елеся.

Что-жъ его не держать? За квартиру платитъ. Скоро насъ тутъ, Михей Михеичъ, одна компанія будетъ, потому меня лавочникъ въ зятья беретъ.

Крутицкій.

Хорошая компанія, хорошая. Всѣ вы хорошіе люди. А я вотъ нынче, Елеся, гривенничекъ было потерялъ. Какъ испугался! Потерять всего хуже; украдутъ, все-таки, не самъ виноватъ, все легче.

Елеся.

За то найти весело, Михей Михеичъ. Вотъ кабы...

Крутицкій.

Кому счастье, Елеся. А намъ нѣтъ счастья: бѣдному Кузенькѣ бѣдная и пѣсенка. Терять — терялъ, а находить — не находилъ. Очень страшно потерять, очень! Я вотъ гривенничекъ-то засунулъ въ жилетку, да и забылъ; вдругъ хва-

тился — нѣтъ. Ну, потерялъ... Задрожалъ весь, руки, ноги затряслись — шарю, шарю, кармановъ-то не найду. Ну, потерялъ... одно въ умѣ, что потерялъ. Еще хуже это; чѣмъ бы искать, а тутъ тоска. Присѣлъ, поплакалъ — успокоился немножко; сталъ опять искать, а онъ тутъ, ну, и радость.

Елеся.

Да, Михей Михеичъ, нашему брату и гривенникъ — деньги Деньги — вода, Михей Михеичъ: такъ сквозь пальцы и плывутъ. Денежка-то безъ ногъ, а весь свѣтъ обойдетъ.

Крутицкій.

Бѣгаютъ денежки, шибко бѣгаютъ. Безумія въ мірѣ много, оттого онѣ и бѣгаютъ. Кто уменъ-то, тотъ ловитъ ихъ да въ тюрьму.

Елеся.

Хитро ловить-то ихъ; это не то, что̀ чижей, не скоро поймаешь.

Крутицкій.

Не скоро поймаешь, не скоро. *(Отходитъ къ своему крыльцу.)*

Елеся *(начинаетъ красить загородку своего сада).*

Чижикъ-пыжикъ у воротъ,
Воробышекъ маленькій.

Крутицкій.

Ай, ай, ай! Что̀ я слышалъ-то, что̀ я слышалъ? Что̀ затѣваютъ? Что̀ затѣваютъ? Вотъ она, жизнь-то наша! Убить сбираются, ограбить. Уберегъ меня Богъ, уберегъ. А я вотъ услыхалъ, ну, и спрячусь, самъ-то и цѣлъ буду. Ну, и пусть ихъ приходятъ, пусть замки ломаютъ. Приходите, приходите! Милости просимъ. Не много найдете. Мы и дверей не запремъ! Хорошо бы ихъ всѣхъ, какъ въ ловушку, а потомъ кнутикомъ. Иголочку бы съ ниточкой мнѣ поискать; ну, да еще поспѣю. Приводи гостей, Петровичъ, приводи! А я пока вотъ въ полицію схожу. *(Уходитъ. Выходитъ изъ калитки Лариса.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Елеся, Лариса, *потомъ* Фетинья, Мигачева.

Лариса.

Но какъ вы не авантажны!

Елеся.

Умыться-то недолго; да, вѣдь, сколько ни умывайся, бѣлѣй воды не будешь. Медвѣдь и не умывается, да здоровъ живетъ.

Лариса.

Вы, пожалуй, и на крышу влѣзете?

Елеся.

Что-жъ, Москву видиѣй-съ.

Лариса.

Но когда же вы мной заниматься будете? Къ вамъ и подойти нельзя.

Елеся.

Ничего-съ, я со всякою осторожностью. Пожалуйте, здѣсь довольно свободно разговаривать можно. *(Лариса подходитъ къ нему. Выходятъ изъ калитки Фетинья и Мигачева.)*

Фетинья.

Я, матушка, никогда не закусываю, этой глупой привычки не имѣю.

Мигачева

Вы такая умная, такая умная, что ужъ я и руки врозь.

Елеся *(Ларисѣ).*

Однако, наши старушки разговорцу-то себѣ прибавили.

Лариса.

Одно для нихъ развлеченіе, потому какъ онѣ ко всему въ жизни довольно безчувственны.

Фетинья.

Почему я умна?

Мигачева.

Богъ одарилъ.

Фетинья.

Потому, я женщина ученая.

Мигачева.

Ужъ одно при одномъ.

Ѳетинья.

Я женщина ученая, очень ученая.

Мигачева.

Другія бы и рады, да негдѣ имъ этого ученья взять.

Ѳетинья.

Моему ученью ты не обрадуешься: я себѣ все ученье видѣла отъ супруга.

Мигачева.

Отъ супруга? Скажите!

Ѳетинья.

Да, отъ супруга. Ты спроси только, чѣмъ я не бита? И кочергой бита, и полѣномъ бита, и объ печку бита, только печкой не бита.

Мигачева.

Однакоже...

Ѳетинья.

Первая мнѣ наука была за мои чувствы, что чувствительна я до всего, и сейчасъ въ слезы. Вторая — за характеръ.

Мигачева.

Чтò-жъ, вашъ характеръ очень даже легкій!

Ѳетинья.

Не скажи ты этого, не скажи! Женщина я добрая, точно... и еслибъ мой не вздорный характеръ, дурацкій, что готова я до ножей изъ всякой малости, кажется, давно бы я была святая.

Мигачева.

Вспыльчивы?

Ѳетинья.

Вотъ за это-то за самое.

Мигачева *(Елесѣ)*.

Чтò ты носишься съ ведромъ-то, слоны-то продаешь? Красилъ бы поскорѣе, да и къ сторонѣ. Наговориться-то послѣ успѣете.

Лариса *(Елесѣ)*

Оставьте эти слова безъ вниманія.

Елеся.

Любовь, маменька.

Мигачева.

Ну, любовь! Ты дѣло-то отдѣлай сначала!

Елеся.

Я, маменька, живо!

Мигачева.

Да ты старательнѣй!

Елеся.

Чтò тутъ? Не живопись какая! Я, маменька, съ разу, я вотъ какъ. *(Поетъ:)*

Танцуй, Матвѣй. *(Краситъ машинально, переговариваясь и пересмѣиваясь съ Ларисой.)*

Ѳетинья *(садясь на скамью у калитки)*.

И сама я не хвалю свой характеръ; изъ-за малости, вотъ изъ-за малости готова я съѣсть человѣка. Пріятна ты мнѣ, а задѣнь меня чѣмъ-нибудь... Присѣсть, устала. *(Садится на скамью подлѣ загородки.)*

Мигачева.

Ахъ, вы поосторожнѣй! Тутъ...

Елеся *(одной рукой обнимаетъ Ларису, другой краситъ, не глядя)*.

Танцуй, Матвѣй. *(Задѣваетъ Ѳетинью кистью по лицу.)*

Ѳетинья.

Уахъ! Батюшки! Чтò это такое?

Елеся.

Не жалѣй лаптей. *(Задѣваетъ еще.)*

Ѳетинья.

Ай!

Мигачева.

Разбойникъ, чтò ты дѣлаешь? Чтò сдѣлалъ, погляди!

Елеся *(взглянувъ на Ѳетинью)*.

Окрасилъ. *(Бросаетъ кисть и съ отчаяніемъ опускаетъ руки.)*

Мигачева *(Ѳетиньѣ)*.

Матушка, Ѳетинья Мироновна, утритесь! *(Хочетъ утереть ее.)*

Өетинья.

Не тронь, не тронь! Вотрешь, хуже будетъ, внутрь войдетъ. Ахъ!

Мигачева.

Матушка, умойтесь подите! Ручки, ножки буду цѣловать.

Өетинья.

Нѣтъ! Вы будете красить, а я умывайся. Тебѣ хочется, чтобы знаку-то не было. Нѣтъ! Не хочу, не хочу. По всей Москвѣ такъ пойду: пусть люди смотрятъ.

Мигачева.

Матушка, припадемъ къ стопамъ твоимъ! Умойся!

Өетинья.

Нѣтъ, по улицамъ пойду, по всѣмъ переулкамъ пойду. Вотъ призрѣли нищихъ, а они на-ко что̀! Поняла я тебя теперь, очень хорошо поняла!

Мигачева.

Да я-то чѣмъ же...

Өетинья *(Елесѣ)*.

Ты не то что̀ въ нашъ садъ, и мимо-то не ходи, а то собакъ выпущу! *(Мигачевой.)* Поняла я тебя теперь довольно хорошо. Вотъ вы что̀, замѣсто благодарности. Да чтобы я забыла! Да, кажется, ни въ жизнь! *(Ларисѣ.)* Иди, говорятъ! Аль того-жъ дожидаешься? Поводись съ нищими-то, отъ нихъ все станется. Окна-то на вашу сторону заколотить велю.

Лариса.

Да пойдемте, будетъ вамъ маскарадъ-то представлять. *(Уходитъ.)*

Өетинья.

Вотъ еще выкормила чаду на свою голову. *(Уходя.)* Не забуду я вамъ обиды! До суда дойду. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мигачева и Елеся.

Мигачева *(плача)*.

Все ты, разбойникъ, нарушилъ, все ты нарушилъ!

Елеся.

Вѣшайте! Одно слово вѣшайте! Удавить меня теперь — одно средство!

Мигачева.

Что мнѣ проку вѣшать-то тебя, что проку? Ну, удавлю, да что толку-то будетъ? Отвѣчай ты мнѣ, что толку-то, отвѣчай! Ну, не злодѣй ты для своей матери?

Елеся.

Я, маменька, злодѣй. Я злодѣй. Теперь я самъ вижу, что я злодѣй.

Мигачева.

И не кажись ты мнѣ на глаза отнынѣ и до вѣка! И къ воротамъ ты не подходи! Хоть бы ты провалился куда, развязалъ бы мою голову. Нѣтъ вотъ на человѣка пропасти!

Елеся.

А вдругъ отъ слова-то станется?

Мигачева.

Что еще съ тобой станется, погубитель?

Елеся.

Прочитаете въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“.

Мигачева.

Отвяжись ты съ своими вѣдомостями! Провались ты и съ вѣдомостями вмѣстѣ! Не разстраивай ты меня больше! И такъ мнѣ слезъ своихъ не проплакать. У! Варваръ! Вотъ тебѣ и счастье! Словно во снѣ видѣла. *(Уходитъ. Выходитъ Петровичъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Елеся и Петровичъ.

Елеся.

Петровичъ, погибаю!

Петровичъ.

Опять?

Елеся.

Еще хуже.

Петровичъ.

Иль уголовщина?

Елеся.

Она самая. Остнию Мироновну окрасилъ.

Петровичъ.

Какимъ колеромъ?

Елеся.

Да все одно.

Петровичъ.

Нѣтъ, братъ, разница.

Елеся.

Сажей, другъ.

Петровичъ.

Худо!

Елеся.

Голландскою.

Петровичъ.

Еще хуже. Ну, плохо твое дѣло! Ты бы лучше въ какую-нибудь другую.

Елеся.

Почему такъ, скажи, братецъ?

Петровичъ.

Тутъ вотъ какой крючокъ! Окрась ты ее въ зеленую или синюю, можно сказать, что безъ умыслу. А сажа! Что̀ такое сажа? Ее и въ лавкахъ-то не для краски, а больше для насмѣшки держать. Тутъ умыселъ твой видимый.

Елеся.

Отвѣтъ великъ?

Петровичъ.

Великъ. Что̀ мужъ въ гильдію платитъ, такъ за жену вдвое заплатишь; а кабы дочь окрасилъ, такъ вчетверо.

Елеся.

Прощай, другъ! Не скоро увидимся.

Петровичъ.

Куда ты?

Елеся.

Скитаться. *(Убѣгаетъ. Петровичъ входитъ въ лавку. Изъ дома выходятъ Анна и Настя.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Анна, Настя, *потомъ* Баклушинъ.

Анна.

Онъ теперь, того гляди, придетъ, коль не обманетъ. Помни все, что̀ я тебѣ говорила. Такъ прямо ему и рѣжь. Объ чемъ ты, дурочка, плачешь? Вѣдь, ужъ все равно, долго онъ ходить къ тебѣ не станетъ; скорехонько ему надоѣстъ; самъ онъ тебя броситъ. Тогда хуже заплачешь, да еще слава дурная пойдетъ. А тебѣ славу свою надо беречь: у тебя только, вѣдь, и богатства-то! Вотъ онъ, кажется, идетъ. Смотри же, будь поумнѣе! Богатымъ дѣвушкамъ можно быть глупыми, а бѣдной дѣвушкѣ ума терять нельзя, а то пропадешь. *(Уходитъ. Входитъ Баклушинъ.)*

Баклушинъ.

Вотъ и я опять къ вамъ.

Настя.

Ахъ, это вы!

Баклушинъ.

Да, я. Видите, какъ я держу слово.

Настя.

Напрасно безпокоились. У васъ, должно быть, времени некуда дѣвать?

Баклушинъ.

Чтобъ видѣть васъ, я всегда найду время.

Настя.

Неужели? А лучше бы вы не ходили, оставили меня въ покоѣ.

Баклушинъ.

Что̀ такъ? Что̀ съ вами?

Настя.

Мнѣ некогда занимать васъ разговорами; я бѣдная дѣвушка: мнѣ нужно работать. Вы такой щеголь, вы любите одѣваться хорошо, а хотите, чтобъ я встрѣчала васъ въ этомъ платьѣ и не стыдилась! За что̀ вы меня мучите? Съ меня довольно и того, что я каждый день плачу, когда надѣваю это рубище. Вы одѣты вонъ какъ хорошо, а я — на что̀ это похоже?

Баклушинъ.

Ахъ, какое вы бѣдное существо!

Настя.

Ну, вотъ бѣдная, такъ мнѣ и нечего разговаривать съ вами, а надо работать.

Баклушинъ.

Ну, одну минуточку!

Настя.

Да чтò минуточку! Вотъ мнѣ завтра опять итти въ городъ у купцовъ просить.

Баклушинъ.

Чтò вы, чтò вы? Послушайте! Вамъ нельзя оставаться въ этомъ положеніи.

Настя.

Я знаю, что нельзя; я и не останусь.

Баклушинъ.

Какъ же вы поступить хотите?

Настя.

Да вамъ чтò за дѣло? Вотъ были давеча деньги, истратила вотъ такъ, задаромъ...

Баклушинъ.

Вы меня пугаете.

Настя.

Хоть бы какія-нибудь деньжонки, а то ничего! Какъ это, ни платья, ничего...

Баклушинъ.

Мнѣ страшно за васъ. Вы въ опасности.

Настя.

Ну, чтò-жъ такое? Туда мнѣ и дорога. Никому меня не жалко, никто меня не любитъ. Какъ это, ни башмаковъ, ничего...

Баклушинъ.

Какъ бы мнѣ хотѣлось помочь вамъ!

Настя.

Ну, такъ чтò-жъ, зачѣмъ же дѣло стало?

Баклушинъ.

Но какъ помочь, какъ?

Настя.

Дайте мнѣ тысячу рублей ассигнаціями.

Баклушинъ.

Не меньше?

Настя.

Не меньше. Мнѣ такъ нужно.

Баклушинъ.

Но отчего же непремѣнно тысячу, отчего не больше? Вамъ это слово нечаянно попало на языкъ, вотъ вы и говорите.

Настя.

Вы думаете? Какъ же! Нѣтъ, нѣтъ, ужъ я знаю. Вотъ если не дадите тысячу рублей, ну, и...

Баклушинъ.

Ну, и что̀ же?

Настя.

Ну, и разговаривать вамъ со мной, и видѣть меня нельзя.

Баклушинъ.

А если дамъ?

Настя.

Тогда пожалуйте къ намъ, когда вамъ угодно. Да что̀, Модестъ Григорьичъ, вѣдь, у васъ нѣтъ, такъ нечего и говорить.

Баклушинъ.

И очень жалко, что нѣтъ.

Настя.

И я жалѣю, да ужъ дѣлать нечего.

Баклушинъ.

Скажите, кто васъ научилъ такъ разговаривать?

Настя.

Что̀ вы меня все еще за дуру считаете? Нѣтъ, ужъ извините! Да что̀ мнѣ разговаривать! Мнѣ некогда: меня тетенька забранитъ.

Баклушинъ.

За что̀?

Настя.

Что я не работаю. Хорошо развѣ тутъ съ вами подъ заборомъ-то стоять? Вамъ хочется, чтобъ про меня дурна̀я слава пошла?

Баклушинъ.

Ну, Богъ съ вами! Прощайте! Будьте счастливы!

Настя.

Покорно васъ благодарю! А чтò-жъ, вы давеча обѣщали подумать-то? Подумали вы?

Баклушинъ.

Извините! Обстоятельства такія, просто самому хоть въ петлю.

Настя.

Я такъ и знала. Ну, прощайте! *(Баклушинъ медленно удаляется.)* Чтò тетенька со мной сдѣлала! Вотъ ужъ я теперь совсѣмъ одна въ Божьемъ мірѣ. И точно вотъ, какъ я бросилась въ море, а плавать не умѣю. *(Всходитъ на крыльцо и кланяется Баклушину, который стоитъ у лавки. Входитъ Разновѣсовъ и осматривается. На крыльцо выходитъ Анна.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Анна, Настя, Разновѣсовъ, *вдали* Баклушинъ.

Настя.

Тетенька, куда вы?

Анна.

Погляди, кто пришелъ-то! Встрѣтить надо.

Настя.

Вонъ онъ! Ахъ! Чтò же, чтò же вы скажете?

Анна.

Чтò же мнѣ говорить, Настенька? Я могу только попросить его, чтобъ онъ не обижалъ тебя.

Настя.

За чтò-жъ меня обижать? Я, вѣдь, беззащитна, совсѣмъ беззащитна. *(Анна подходитъ къ Разновѣсову. Настя стоитъ на крыльцѣ въ оцѣпенѣніи.)*

Анна *(Разновѣсову).*

Здравствуйте!

Разновѣсовъ *(кланяется).*

Пожалуйте сюда, къ сторонкѣ!

Анна.

Вы бы въ комнату пожаловали, посмотрѣли, какъ мы живемъ.

Разновѣсовъ.

Нѣтъ, ужъ вы насъ извините-съ! Этотъ самый вашъ домикъ-съ? Плохъ-съ. Отсюда вижу.

Анна.

Да что-жъ хорошаго на улицѣ...

Разновѣсовъ.

Нѣтъ, ужъ извините-съ! Мы тоже осторожность свою знаемъ. Не знавши-то, да въ семейный домъ неловко —бывали примѣры.

Анна.

Хоть убейте, не пойму.

Разновѣсовъ.

Меня тоже, такъ какъ слабости наши многимъ извѣстны, записочкой пригласили въ одинъ домъ.

Анна.

Ну, такъ что же-съ?

Разновѣсовъ.

Ну, только-что взошелъ, ту-жъ секунду расписку въ пятьсотъ цѣлковыхъ и взяли. Можно и здѣсь; разговоръ не великъ. Пожалуйте сюда, къ сторонкѣ! *(Отходитъ къ сторонѣ и говоритъ съ Анной тихо. Баклушинъ подходитъ къ Настѣ.)*

Баклушинъ.

Что это за господинъ?

Настя.

Ахъ, оставьте меня, отойдите! Зачѣмъ вы воротились? Зачѣмъ? Боже мой! *(Убѣгаетъ въ комнату.)*

Разновѣсовъ *(Аннѣ).*

Ужъ это само собой-съ, изъ рукъ въ руки. И насчетъ васъ мы тоже этотъ порядокъ знаемъ; вы не безпокойтесь! Ситчику темненькаго, а когда и шерстяной матеріи, недорогой; нынче эта фабрикація въ ходу.

Анна.

Покорно васъ благодарю.

Разновѣсовъ.

Насчетъ скромности оченно намъ желательно, чтобъ разговору этого меньше.

Анна.

Какой разговоръ? Чѣмъ тутъ хвастаться, батюшка, помилуйте?

Разновѣсовъ.

Такъ-съ, правду изволите говорить. А отъ насъ ужъ разговору не будетъ, потому мы тоже опасность имѣемъ отъ супруги, такъ какъ наша супруга, при всей ихъ безтолковости, очень горячій характеръ имѣютъ съ.

Анна.

Ужъ вы поберегите.

Разновѣсовъ.

Само собою-съ. Дебошу отъ насъ не ожидайте. У другихъ, это точно, что дебоширство на первомъ планѣ, потому въ томъ вся ихъ жизнь проходитъ; а мы совсѣмъ на другомъ положеніи основаны. Конечно, иногда, съ пріятелями...

Анна.

Охъ, ужъ съ пріятелями-то...

Разновѣсовъ.

Ничего-съ, сударыня, нельзя же. Иногда съ обѣда-съ какого немножко навеселѣ: куда-жъ дѣться? А, впрочемъ, деликатно.

Анна.

Знаю я вашу деликатность-то. Кто и видывалъ-то васъ вдоволь, и тому глядѣть на васъ сердце мретъ; а кто не видывалъ-то, подумайте! Да кажется... Боже васъ сохрани!

Разновѣсовъ.

Однакожъ, мы себя ничѣмъ не доказали съ дурной стороны.

Анна (*горячо*).

Да если вы ее обидите, я съ вами жива не разстанусь. Варваромъ надо быть, звѣремъ, а не человѣкомъ.

Разновѣсовъ.

Почему же такъ вы не вѣрите нашей солидности?

Анна.

За нее я, Господи, Боже мой, я васъ со свѣту сживу.

Разновѣсовъ.

Мы, признаться сказать, при вашей бѣдности, отъ васъ такихъ претензіевъ не ждали. А коль скоро вы, еще не видя отъ насъ ничего ни худого, ни добраго... такъ мы лучше все это дѣло оставимъ. Потому что, ежели кляузы...

Анна.

Какія кляузы! А жаль мнѣ ее, бѣдную. *(Плачетъ.)*

Настя *(выглядывая изъ двери, Баклушину).*

Что̀, ушелъ? Ушелъ?

Анна.

Извините вы меня! У меня сердце поворачивается: вѣдь, она сирота круглая. *(Падаетъ на колѣни.)* Батюшка, отецъ родной! Вѣдь, она голубка чистая! Грѣхъ вамъ будетъ ее обидѣть!

Настя *(на крыльцѣ).*

Тетенька, тетенька, что̀ вы? Вотъ бы когда умереть-то! Модестъ Григорьичъ! Модестъ Григорьичъ! *(Баклушинъ подходитъ.)* Дайте мнѣ ножикъ! Дайте мнѣ ножикъ!

Баклушинъ.

Что̀ вы, что̀ вы? Успокойтесь!

Анна *(рыдая).*

Не погубите, васъ Богъ накажетъ.

Разновѣсовъ *(поднимая Анну).*

Что̀ вы, помилуйте? Нешто мы не понимаемъ? Тоже чувствы имѣемъ. Будьте безъ сумлѣнія. Такъ ужъ завтрашняго числа пусть и перебираются, куда я сказалъ. На углу большой трущобы и малаго захолустья. Изволите знать?

Анна.

Хорошо-съ. Знаю.

Разновѣсовъ.

Прямо на все готовое-съ. Прощенья просимъ.

Анна.

Прощайте! *(Разновѣсовъ уходитъ.)*

Настя *(бросаясь къ теткѣ).*

Тетенька!

Анна.

Ну, Настенька, не вини меня ни передъ Богомъ, ни передъ людьми.

Настя.

Нѣтъ, нѣтъ, за что̀ же? Я сама. Я одна виновата, я, я, несчастная!

Баклушинъ.

Настасья Сергѣевна, что̀ это? Что̀ съ вами?

Настя.

Оставьте меня! Ужъ теперь, какъ бы я васъ ни любила, я для васъ навѣкъ чужая. Я куплена!

Баклушинъ *(растроганный)*.

Ахъ, Боже мой, что̀ вы дѣлаете?

Настя *(падая на грудь теткѣ)*.

Тетенька, я погибла, я погибла!

Анна *(плача)*.

Успокойся, мой другъ, успокойся.

Настя *(бросаясь на колѣни съ поднятыми руками)*.

Господи, ничего я не прошу у Тебя! Одной смерти, только одной смерти!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Крутицкій.
Анна.
Настя.
Епишкинъ.
Ѳетинья.
Мигачева.
Елеся.
Петровичъ.
Лютовъ.
Два будочника.

Декорація та же. Разсвѣтаетъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Анна и Настя *выходятъ изъ дому;* Крутицкій *въ кустахъ сада Епишкина.*

Анна.

Михей Михеичъ, гдѣ ты бродишь?

Крутицкій *(выходя изъ кустовъ).*

А? Кто тутъ? Кто тутъ? *(Увидавъ Анну.)* Ты зачѣмъ? Ты что̀ не спишь? Ты спи, спи! Я стерегу.

Анна.

Отдохни немножко, ты старый человѣкъ.

Крутицкій.

Нѣтъ, нѣтъ, ты поди, спи, ты спи!

Анна.

Да какъ мнѣ уснуть-то? Ты всю ночь бродишь; Настя вотъ съ вечера все металась да бредила, а теперь вотъ проснулась, плачетъ. Мы бы посидѣли на крылечкѣ. А ты бы пошелъ, соснулъ.

Крутицкій.

Нѣтъ, нѣтъ, я тутъ погуляю.

Анна.

Ну, какъ хочешь. Сядь тутъ, Настенька! Вѣтромъ тебя обдуетъ, лучше тебѣ будетъ.

Настя.

Какой страшный сонъ! Я и теперь вся дрожу!

Анна.

Да ты что видѣла, милая? Что такъ испугалась?

Настя *(въ дремотѣ)*.

Будто иду я по улицѣ и вижу свои похороны. Несутъ меня въ открытомъ гробѣ...

Анна.

Ты засыпаешь, никакъ?

Настя.

Нѣтъ. И сама я на себя смотрю. И все я будто прячусь отъ людей, все совѣщусь. Надѣта на меня шинель, старая, изорванная, и странно... какая-то она двуличневая. Въ одну сторону отливаетъ однимъ цвѣтомъ, какимъ ужъ — не помню, а въ другую золотымъ. Спать хочется... Такъ и сквозитъ, просвѣчиваетъ золото. И, какъ будто... *(Засыпаетъ, прислонясь къ плечу Анны.)*

Анна.

Ну, уснула.

Настя *(во снѣ)*.

Держите меня, не выпускайте!

Анна.

Э, матушка, вотъ ты что заговорила! Настенька, проснись! Пойдемъ въ комнату, тамъ уснешь.

Настя.

А? Что вы? Гдѣ я? Пойдемте!

Анна.

Михей Михеичъ, мы пойдемъ домой.

Крутицкій.

Идите, идите, я постерегу.

Анна.

Что ты, Михей Михеичъ, все стережешь? Этакъ и въ самомъ дѣлѣ подумаютъ, что у насъ денегъ много. Еще убьютъ.

пожалуй; съ тобой до бѣды доживешь. *(Уходитъ; Пастя за ней.)*

Крутицкій.

И убьютъ, и убьютъ. Чувствуетъ, бѣдная. *(Изъ лавки выходитъ Лютовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Крутицкій и Лютовъ.

Лютовъ *(въ дверяхъ лавки).*

Сдѣлай милость, Истукарій Лупычъ, не торгуй по ночамъ! Не хорошо. *(Подходитъ къ Крутицкому.)* Ну, что?

Крутицкій.

Не были, не пришли нынче. Что дѣлать-то, не пришли.

Лютовъ.

Да и не придутъ. Только вы полицію безпокоите.

Крутицкій.

Нѣтъ, батюшка, Тигрій Львовичъ, нѣтъ. Ужъ я вамъ ихъ замашо, нарочно заманю. Я старый подьячій, я свое дѣло знаю. Разомъ всю шайку накроете, орденъ получите.

Лютовъ.

Не дурно бы.

Крутицкій.

Вѣрно, вѣрно. Я самъ слышалъ своими ушами, какъ они сговаривались.

Лютовъ.

Ну, теперь свѣтло, я свою команду возьму. Надо кварталъ дозоромъ обойти. *(Подаетъ руку Крутицкому.)*

Крутицкій.

Ужъ завтра-то не откажите, батюшка, батюшка. *(Подобострастно беретъ обѣими руками руку Лютова и нѣсколько разъ кланяется.)* Возьмите теперь, возьмите. *(Лютовъ даетъ свистокъ и уходитъ; два будочника выходятъ изъ кустовъ и издали идутъ за нимъ.)* Я отъ старыхъ сыщиковъ слышалъ: никогда ты вора не хватай прежде времени, не мѣшай ему, не мѣшай, а то онъ на судѣ отвертится. А ты дай ему дѣло сдѣлать, дай ему просторъ, да тогда и бери его. Вотъ мы ихъ впустимъ, да и дадимъ имъ время распорядиться...

Вѣдь, можетъ быть... Что̀ дѣлать-то? Что̀ дѣлать-то?... *(Утираетъ слезы.)* Можетъ быть, они Анну и тукъ! *(Дѣлаетъ рукой жестъ, какъ рубятъ топоромъ.)* Что̀ дѣлать-то? За то ужъ всѣхъ на каторгу, всѣхъ на каторгу. Жаль Аннушки, да что̀-жъ? Это смерть хорошая; все равно, что̀ мученица. Да, да. А воровъ-то на каторгу! *(Входитъ Елеся.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Крутицкій и Елеся.

Крутицкій.

Откуда ты?

Елеся.

Гдѣ былъ, тамъ нѣту, Михей Михеичъ!

Крутицкій.

Что̀-жъ ты бродишь по ночамъ? Что̀ ты бродишь?

Елеся.

Будешь бродить, Михей Михеичъ, какъ изъ дому-то ухватомъ. Развѣ-бъ я спать-то не умѣлъ? Да, видно, скачи враже, якъ панъ каже. Вотъ и скачи по холодку-то, и слоняйся, какъ воръ.

Крутицкій.

Да, какъ воръ, какъ воръ.

Елеся.

А что̀ у насъ тутъ воровъ, Михей Михеичъ!

Крутицкій.

Много?

Елеся.

Страсть! Я всѣхъ знаю.

Крутицкій.

Знаешь?

Елеся.

Знаю, Михей Михеичъ. Я по ночамъ рыбу ловлю, такъ часто ихъ вижу. И какъ ихъ увижу, сейчасъ съ ними въ разговоръ: „Здравствуйте, господа жулики!“ А они мнѣ: „Здравствуйте, господинъ Мигачевъ!“ — „У меня, въ моемъ переулкѣ, чтобъ честно и благородно!“ — „Слушаемъ, Елисей Иванычъ!“ — „А то смотрите!“ — „Будьте покойны, Елисей

Иваныч!“ Вотъ какъ я съ ними! Я надъ ними командую, задачи имъ задаю. Видѣли у Ларисы собачку маленькую, лохматенькую? Это я ей подарилъ. Говорю: „Господа жулики!“ — „Что угодно, Елисей Иванычъ?“ — „Вы, говорю, по разнымъ мѣстамъ за своимъ промысломъ ходите, такъ ужъ вамъ кстати. Чтобъ была мнѣ, говорю, собачка, маленькая, лохматенькая, хвостикомъ вотъ такъ!“ — „Предоставимъ, Елисей Иванычъ“. Черезъ день готово въ лучшемъ видѣ, такъ точно.

Крутицкій.

Ты мнѣ ихъ укажи какъ-нибудь, чтобъ мнѣ ихъ въ лицо-то знать. Укажи!

Елеся.

Извольте. Да вотъ сейчасъ всѣ эти воры подлѣ насъ будутъ.

Крутицкій *(съ испугомъ).*

Гдѣ? Гдѣ?

Елеся.

А вотъ сюда въ лавочку одинъ по одному соберутся. Квартальный ушелъ изъ лавки?

Крутицкій.

Ушелъ.

Елеся.

Ну, такъ ужъ, гляди, есть кто-нибудь

Крутицкій.

Какъ же я ихъ не видалъ?

Елеся.

У нихъ съ той улицы особый ходъ есть. У всякаго плута свой расчетъ, Михей Михеичъ.

Крутицкій.

Много ихъ?

Елеся.

Человѣкъ восемь. Сбудутъ свой товаръ Истукарію Лупычу, да ужъ налегкѣ и разойдутся по своимъ мѣстамъ. Вонъ въ окошечко смотрятъ.

Крутицкій.

Куда смотрятъ?

Елеся.

Дозоръ нейдетъ ли, да и на васъ поглядываютъ.

Крутицкій *(прячась за Елесю).*

На меня?

Елеся.

Что, молъ, такой за новый сторожъ проявился. Имъ тоже нужно сторожей знать; они тоже свою осторожность должны имѣть.

Крутицкій.

Я не стеречь, я такъ вышелъ, погулять: не спится.

Елеся.

А дубина-то зачѣмъ съ вами? Ха-ха-ха! *(Въ лавкѣ хохотъ.)*

Крутицкій *(испугавшись).*

Я брошу ее, Елеся, брошу ее.

Елеся.

Бросьте лучше, а то, вѣдь, она объ двухъ концахъ. *(Хохочетъ. Въ лавкѣ хохотъ.)*

Крутицкій.

Чему они смѣются, Елеся, чему?

Елеся.

Страсть напущаютъ.

Крутицкій.

Они насъ это, насъ пугаютъ?

Елеся.

Да вы не бойтесь. Это они игру ведутъ! Такъ, шутя. А все-жъ-таки, чтобы и опасались. Что же это вы такое стережете?

Крутицкій.

Молчи ты, услышатъ.

Елеся.

Видно, у васъ и вправду денегъ много.

Крутицкій.

Молчи ты, молчи, болтунъ! Эхъ, какой ты болтунъ. Ну, что ты болтаешь; ну, что? Вѣдь, услышатъ!

Елеся.

Ну, а нѣтъ, такъ нѣтъ. Мнѣ что.

Крутицкій.

Да зачѣмъ болтать, зачѣмъ болтать? Ну, услышатъ, что у меня деньги, ну, убьютъ меня, ну, туда мнѣ и дорога: я ужъ старикъ. А тебѣ-то не хорошо; ты молодой человѣкъ,

а все болтаешь. Такъ вотъ болтуномъ и прозовутъ, и не хорошо. Всѣ и будутъ: болтунъ да болтунъ! Ну, что̀? Ну, что̀?

Елеся.

Да я къ примѣру, Михей Михеичъ.

Крутицкій.

Да не надо мнѣ твоего примѣра.

Елеся.

Вѣдь, я какой человѣкъ?

Крутицкій.

Какой? Глупый.

Елеся.

Нѣтъ, погодите! Я вотъ какой: будь у васъ въ карманѣ сто тысячъ...

Крутицкій *(зажимая ему ротъ)*.

Провались ты!

Елеся.

Нѣтъ, постойте! Хоть бы доподлинно, я никому не скажу. Мнѣ что̀ за дѣло! У васъ въ карманѣ деньги, значитъ...

Крутицкій.

Разбойникъ, разбойникъ! Вотъ навязался. Тамъ слушаютъ, пугаютъ, а ты...

Елеся.

Ну, и значитъ, ваше при васъ, а мое дѣло сторона. Такъ аль нѣтъ я говорю? Что̀ мнѣ до чужихъ денегъ, хоть бы у васъ ихъ мильонъ.

Крутицкій *(замахивается дубиной)*.

Провались ты!

Елеся.

И провалюсь. Пойти метлу поискать, да улицу подместь. Все-таки, на улицѣ порядокъ, да и моціонъ, а то что̀-то меня къ утру-то вѣтеркомъ пробирать начало. Калитка-то у насъ заперта. Да вотъ кто-то выходитъ. *(Выходитъ Петровичъ.)* Юркнуть, пока не заперли. *(Уходитъ въ калитку.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Крутицкій и Петровичъ.

Петровичъ *(про себя)*.

Это кто? Михей? Онъ и есть. Ого! Какую дубину прибралъ! Какъ награбленное-то бережетъ. *(Крутицкій, увидя*

Петровича, отворачивается.) Что отворачиваешься отъ знакомыхъ? Ты погляди на меня.

Крутицкій.

Невѣжа ты, вотъ что. Я чиновникъ.

Петровичъ.

Чины мы будемъ днемъ разбирать, а теперь, благо никого нѣтъ, поговоримъ запросто.

Крутицкій.

Иди своей дорогой, куда шелъ.

Петровичъ.

Вотъ что я тебѣ скажу! Ты въ такую пору на улицу не выходи, а то, братъ, не ровенъ часъ ..

Крутицкій.

Нечего мнѣ бояться!

Петровичъ.

Ишь, ты святой какой! Нечего ему бояться. Мало-ль ты народу-то обидѣлъ? Мало-ль по міру пустилъ? Ты меня бойся! *(Крутицкій хочетъ уйти.)* Куда ты, куда? *(Останавливаетъ его.)* Нѣтъ, ты поговори со мной!

Крутицкій *(злобно)*.

Я тебѣ ничего не сдѣлалъ! Отойди, отступись! Служилъ я, такъ со всѣхъ бралъ, ты не лучше другихъ; ты мнѣ не отецъ родной, чтобъ съ тебя не брать. Ты самъ по дѣламъ ходишь, самъ съ людей берешь.

Петровичъ.

И самъ беру, и знаю, какъ люди берутъ; ты мнѣ не толкуй. Попался тебѣ баранъ лохматый, ну и обстриги его. А, вѣдь, ты со шкурой норовишь. Ты у меня съ деньгами-то полбока вырвалъ. Я бариномъ зажилъ, а ты меня сразу въ нищіе разжаловалъ. Только одна своя душа осталась, а то все ты отнялъ. Ты изъ меня, какъ паукъ, всю кровь высосалъ.

Крутицкій.

Долго же ты помнишь! Ишь, какой памятливый!

Петровичъ.

Вѣкъ не забуду. И не попадайся ты мнѣ лучше, не вводи меня въ грѣхъ.

Крутицкій.

Мы не въ безсудной землѣ живемъ, не въ безсудной.

Петровичъ.

Ну, да ужъ въ Сибирь пойду, а тебя докапаю. Отольются тебѣ мои слезы.

Крутицкій *(толкнувъ Петровича).*

Отойди отъ меня! Поди, поди!

Петровичъ.

Ну, ты потише, а то, вѣдь, я изъ тебя баранокъ наверчу

Крутицкій *(замахивается дубиной).*

Отойди, говорю тебѣ.

Петровичъ.

Что? Ты дубиной грозиться? Ахъ, ты мухоморъ! *(Отнимаетъ дубину.)* Тряхну хорошенько, только тебѣ и житья. *(Замахивается дубиной.)*

Крутицкій *(бѣжитъ и задѣваетъ шинелью за дерево).*

Ай, ай! Кто меня держитъ? Пустите!

Петровичъ.

Вотъ и видно, что у тебя совѣсть-то не чиста! За сучокъ зацѣпилъ, да и испугался, и милости просишь. Рукъ-то марать не хочется *(бросаетъ дубину),* потому что ты, что гадъ ползущій, все одно. Что, прикусилъ языкъ-то? Ишь ты, и шинелишка то вся ползетъ, развалится скоро на тебѣ. А еще чиновникъ! Чиномъ своимъ похваляешься! Сшей себѣ новую хоть на мои сиротскія деньги, да ужъ и саванъ кстати на нихъ же купи! *(Уходитъ въ лавку.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Крутицкій *(одинъ).*

Вотъ онъ какой! Вотъ онъ какой! Насилу духъ перевелъ. Отъ него бѣгать надо. Онъ злой человѣкъ. *(Задумывается. Вдругъ въ лавкѣ громкій хоръ: „Хороша наша деревня“. Крутицкій въ испугѣ со всѣхъ ногъ бросается къ своему крыльцу. На ходу, подлѣ лавки, у него изъ шинели выпа-*

даетъ свертокъ. Онъ этого не замѣчаетъ.) Разбойники! Оглашенные! Измучили они меня. *(Садится на крыльцо.)* Охъ, силъ моихъ нѣтъ. Сердце упало. Всѣхъ бы васъ кнутикомъ, кнутикомъ: не воруй, не воруй! Да и этого стряпчаго вашего тоже: не пиши фальшивыхъ паспортовъ. Что̀ онъ тутъ про шинель болталъ? Нѣтъ, шинель *(встаетъ и гладитъ рукой по ворсу)* хороша. Повытерлась кой-гдѣ, ну, носишь, носишь, такъ по шву, разумѣется, разорвется. А на то есть иголочка да ниточка. Нѣтъ, шинель хороша, а ежели издали поглядѣть, такъ она почти новая. Глупый ты стряпуха! „Худа она, по швамъ ползетъ". Ахъ, ты глупый! А кабы ты зналъ, что̀ эта шинель сто̀итъ! Хорошо мнѣ въ ней, радостно. Шубы собольей не возьму за нее, десяти, ста шубъ. Смѣйтесь надо мной, бейте меня, я стерплю. Я завернусь въ свою шинель, мнѣ и хорошо, мнѣ и тепло, мнѣ и весело, да еще самъ надъ вами посмѣюсь, надъ всей Москвой посмѣюсь. Чиновникъ въ худой шинели! А не знаешь ты, глупый человѣкъ *(оглядываясь)*, что я изъ одной полы пять домовъ каменныхъ выстрою; изъ другой полы пять деревень куплю. Тутъ и твои деньги цѣлы. Всѣ тутъ, всѣ со мной. *(Ощупываетъ подкладку шинели и радостно смѣется.)* Вотъ онѣ, вотъ онѣ! Вотъ и здѣсь, вотъ и здѣсь, вотъ... Ахъ, ахъ, потерялъ! *(Обезумѣвъ отъ испуга, опускается на ступени.)* Нѣтъ, нѣтъ, найдутся. Куда имъ пропасть? Я вдругъ духомъ упалъ; вотъ я посижу, вздохну немножко, да и найду. За подкладку завалились, за подкладку. Да, да! А зашивалъ, а зашивалъ! Эхъ, Михей! Вотъ я пошарю сейчасъ. *(Опускаетъ руку.)* Страшно! А ну, какъ тамъ нѣтъ? Нѣтъ, я подожду искать. Ну, что̀ же, ну, хоть и потерялъ: вѣдь, я здѣсь потерялъ, здѣсь и найду. Вотъ... гдѣ я ходилъ? Здѣсь я ходилъ, въ саду я прятался, вотъ и поищу, вотъ и найдутся. Здѣсь никто, кромѣ меня, не ходилъ? Да нѣтъ, право, не ходилъ. Ей Богу, не ходилъ... Ахъ! *(Ударяетъ себя рукой по лбу.)* Елеся ходилъ... онъ ходилъ, онъ и въ саду былъ... Нѣтъ, кажется, не былъ. Да нѣтъ, нѣтъ, не былъ. Что̀ я? Да тутъ онѣ, тутъ. Вотъ опущу руку, и тутъ. А я было... Хе-хе-хе! *(Елеся выходитъ изъ калитки съ метлой.)* Вотъ онъ! Онъ простой малый, онъ скажетъ, коли что̀.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Крутицкій и Елеся.

Елеся.

Михей Михеичу, снова здорово!

Крутицкій.

Елеся, поди сюда.

Елеся.

Какія дѣла, Михей Михеичъ? Что̀ это вы, объ чемъ плакали?

Крутицкій *(заикаясь)*.

Нѣтъ, я ничего. О чемъ мнѣ? О, Елеся, ты хитрый!

Елеся.

Я хитрый, Михей Михеичъ, хитрый.

Крутицкій.

Ну, ничего. А ты не завидуешь?

Елеся.

Завидую.

Крутицкій.

Кому?

Елеся.

Богатымъ.

Крутицкій.

А какъ... этакъ ты зорокъ глазами?

Елеся.

Зорокъ, за версту вижу.

Крутицкій.

Ну, а если ты найдешь что̀-нибудь?

Елеся.

Кончено дѣло, не отдамъ.

Крутицкій.

Грѣхъ-то какой! *(Показываетъ рукой.)* Гляди, вонъ церковь-то, вонъ крестъ-то!

Елеся.

Оченно я вижу.

Крутицкій.

Бога-то ты не боишься? Ахъ, грѣхъ-то!

Елеся.

Нѣтъ, ужъ вы не безпокойтесь! Мы это соблюдаемъ въ лучшемъ видѣ.

Крутицкій.

Ну, коли ты Бога не боишься, такъ вотъ это что̀, это что̀?

Елеся.

Что̀-жъ такое за диковина? Частный домъ.

Крутицкій.

Что̀, морозъ-то по кожѣ подираетъ, подираетъ тебя?

Елеся.

Съ чего же это? Частный домъ намъ очень хорошо извѣстенъ; знаемъ всѣ ходы и выходы: и съ передняго крыльца, и съ задняго бывали.

Крутицкій.

Ты знаешь? Это хорошо, что ты знаешь. Такъ вотъ туда и водятъ на веревочкѣ.

Елеся.

Видали.

Крутицкій.

Вотъ и поведутъ.

Елеся.

Кого?

Крутицкій.

Кто найдетъ, да не объявитъ.

Елеся.

Я не дуракъ; я коли найду, сейчасъ объявлю: такъ и такъ, молъ; я законъ-то знаю.

Крутицкій.

Ну, такъ и объявляй скорѣй, и объявляй! Вотъ и пойдемъ вмѣстѣ, вотъ и хорошо.

Елеся.

Да объ чемъ? Я въ жизнь ничего, кромѣ пуговицъ безъ ушковъ, не находилъ; такъ про что̀ объявлять-то?

Крутицкій.

Ты обманываешь меня, ты, вѣдь, хитрый.

Елеся.

Хитеръ, да не на то.

Крутицкій.

На что же?

Елеся.

Секретъ, Михей Михеичъ.

Крутицкій.

А ты Бога, все-таки, помни! Коли есть что на душѣ, ты лучше скажи, повинись.

Елеся.

Это вы успокойтесь: религія въ насъ настоящая. А вотъ улицу подмести надо, это точно.

Крутицкій.

Ты гдѣ будешь мести?

Елеся.

Съ той улицы, передъ домомъ.

Крутицкій.

Ну, ступай, ступай. Только ты дѣлай дѣло хорошенько, сюда ужъ ты и не заглядывай. Всякое дѣло дѣлай хорошенько!

Елеся.

Чего я здѣсь не видалъ? *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Крутицкій *(одинъ).*

Вотъ я сперва за подкладкой пошарю, а послѣ и поищу. Вѣдь, тутъ, тутъ; а какъ было я испугался! *(Щупаетъ за подкладкой.)* Нѣтъ! Ну, и поищу, и поищу... *(Потерявшись.)* Теперь вотъ... Черезъ двѣ минуты я либо опять съ деньгами, либо... Господи, не попусти! *(Плачетъ, какъ ребенокъ.)* Двадцать лѣтъ я голодалъ, двадцать лѣтъ жену морилъ голодомъ. Господи! Я хуже мота, хуже пьяницы; тѣ хоть удовольствіе себѣ дѣлаютъ, а я копилъ, копилъ, да и потерялъ. Казнить меня на площади, жилы тянуть. Какъ потерять? Деньги берегутъ, а не теряютъ. Вѣдь, я знаю, что ихъ берегутъ, я лучше всѣхъ знаю, какъ берегутъ ихъ. А я-то вотъ и потерялъ, какъ глупый ребенокъ. Михей, гдѣ

денежки, гдѣ денежки? Ну, что я скажу? *(Плачетъ.)* Потерялъ. Я оглупѣлъ, я дурачкомъ сталъ на старости лѣтъ. *(Плачетъ.)* Ищи, Михей, ищи! *(Вслушивается.)* Кто сказалъ — ищи? Это я самъ сказалъ — ищи! Да, да, ищи, а не найдешь — заплачешь, не такъ заплачешь, не такъ заплачешь, охъ, какъ заплачешь, горько заплачешь! Зачѣмъ копилъ, зачѣмъ? Бывало, жена больная дрожитъ отъ холода, стонетъ: „Михей, Михей, сжалься, я умираю! Чайку мнѣ, хоть чашечку, согрѣться бы мнѣ“. А мнѣ было жаль гривенника для нея... Ищи, Михей, ищи! *(Оглядываясь.)* А? Кто тутъ? Да никого нѣтъ. Я самъ же сказалъ, а другихъ ищу. Гдѣ я былъ? Постой, постой! Я помню, да, вотъ гдѣ, въ саду. *(Идетъ въ садъ Епишкина. Входитъ Елеся. Изъ лавки выходитъ Епишкинъ и Петровичъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Елеся, Епишкинъ и Петровичъ.

Епишкинъ.

А, другъ, ты съ метлой никакъ?

Елеся.

Петукарію Луничу, наше почтеніе! Петровичу, особенное! Съ метлой-съ.

Епишкинъ.

Подмелъ бы ты ужъ кстати кругомъ лавочки.

Елеся.

Съ нашимъ удовольствіемъ. Я какъ расхожусь, такъ мнѣ только дѣла давай.

Епишкинъ.

Ну, и дѣйствуй.

Елеся *(смѣется).*

Не пыльна работа, а выгодна. Такъ, Петукарій Луничъ, я говорю?

Епишкинъ.

Такъ, такъ, не перетакивать стать.

Елеся *(мететъ).*

Стойте-ка, находка! Вотъ она, въ травѣ-то. *(Поднимаетъ*

сверток, который уронилъ Крутицкій.) Чуръ, одному! Батюшки, что это такое?

Петровичъ.

Покажи-ка?

Елеся.

Нѣтъ! Чуръ, одному! Шалишь, братъ. Ты бы прежде меня закричалъ: „чуръ, вмѣстѣ", ну, нечего дѣлать, половина твоя, а теперь все мое. Чуръ, одному!

Епишкинъ.

Да на что польститься-то? Кому тутъ потерять-то что-нибудь путное?

Петровичъ.

Владѣй одинъ — твое счастье.

Елеся *(развертывая свертокъ).*

Нѣтъ, батюшки! Тутъ деньги, билеты. *(Дрожитъ.)*

Епишкинъ.

Покажи, покажи!

Елеся *(громко).*

Не выпущу изъ рукъ, не выпущу.

Епишкинъ.

Да ты держи; мы въ твоихъ рукахъ посмотримъ.

Елеся *(громко).*

Смотрите, а изъ рукъ не выпущу. Умру, а не выпущу. Чуръ, одному! *(Входитъ Крутицкій.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Елеся, Епишкинъ и Крутицкій.

Крутицкій *(хватаетъ Елесю за воротъ).*

Нашлись, нашлись! Держите вора, держите его!

Елеся *(освобождаясь).*

Что меня держать, я и такъ не уйду. Отойди!

Крутицкій.

Подай, подай! Всѣ ли тутъ?

Елеся.

Такъ и отдалъ, держи карманъ-то шире! А всѣ ли, тамъ сочтутъ, кому надобно. *(Крутицкій хочетъ поймать руки Елеси.)*

Петровичъ *(не допуская Крутицкаго)*.

Ишь ты, крошивное сѣмя, гдѣ только завидитъ деньги, такъ и цапается за нихъ.

Елеся *(сжимаетъ деньги въ рукѣ)*.

Ну, да, вѣдь, ужъ я скорѣй жизни своей рѣшусь, чѣмъ съ этими деньгами разстанусь. Нѣтъ, ужъ кончено, замерли тутъ.

Крутицкій.

Подай, подай!

Петровичъ *(отталкивая Крутицкаго)*.

Ты поди въ Опекунскій, тамъ больше; тамъ попроси, можетъ, дадутъ тебѣ.

Крутицкій *(падая на колѣни)*.

Елеся, пожалѣй старика! Въ гробъ, вѣдь, ты меня вгонишь, въ гробъ! Мои, вѣдь; отдай!

Елеся.

Ловокъ ты больно! Отдай! Свое счастье отдать!

Петровичъ.

Однако, ты химикъ! На какую штуку взять хочешь! За столько-то тысячъ, пожалуй, и я на колѣни стану. Ты что-нибудь новенькое выдумай! Это, вѣдь, не копеечку подать.

Елеся *(плачетъ)*.

Какъ отдать, посудите? Что мнѣ маменька-то скажетъ? У насъ домъ валится.

Епишкинъ.

Да что съ нимъ разговаривать! Ты нашелъ — твои и деньги. Поди, объявляй, мы свидѣтели.

Елеся.

Такъ, вѣдь, Истукарій Лупычъ? Мои?

Епишкинъ.

Еще бы.

Крутицкій *(Елесѣ)*.

Задушу я тебя!

Епишкинъ *(удерживая его)*.

Полно шалить-то, любезный, не маленькій!

Петровичъ.

Ишь ты, жадность-то до чего доводитъ! Вотъ таковъ-то

онъ и секретаремъ былъ. Ухватитъ просителя за воротъ, кричитъ: подай деньги. *(Входитъ Лютовъ, за нимъ два будочника.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Елеся, Епишкинъ, Петровичъ, Крутицкій и Лютовъ.

Епишкинъ

Дозоръ идетъ, вотъ и кстати.

Лютовъ.

Что̀ за шумъ?

Епишкинъ.

Исторія, Тигрій Львовичъ.

Елеся.

Я, стало-быть, деньги нашелъ, заявить хочу. Вотъ свидѣтели.

Крутицкій.

Меня ограбили; онъ укралъ у меня, вытащилъ изъ кармана.

Лютовъ.

Не всѣ вдругъ. *(Елесѣ.)* Говори ты сначала!

Елеся.

Вотъ вдругъ Истукарій Лупычъ говоритъ: „мести̇!"

Лютовъ.

Да. Ну?

Елеся.

Я, стало быть, мету, и вотъ вдругъ...

Лютовъ.

Ну?

Елеся.

И вотъ вдругъ деньги...

Лютовъ.

Еще что̀?

Елеся.

Вотъ видѣли.

Лютовъ.

Подай сюда!

Елеся.

Всѣхъ не отдамъ, Тигрій Львовичъ, живого въ землю закопайте, не отдамъ. Мнѣ третья часть слѣдуетъ. *(Плачетъ.)*

Домъ заложенъ, на сторону валится; маменька бѣдствуетъ. Долго-ль намъ еще страдать-то? Намъ Богъ послалъ. Нѣтъ, ужъ это ни на что не похоже! Не троньте меня, грубить стану.

Лютовъ *(будочнику).*

Возьми его! *(Будочникъ беретъ Елесю за руку и достаетъ веревку.)*

Елеся.

Въ судъ ведите! Вотъ что.

Лютовъ.

Молчи! *(Выходятъ изъ калитки Мигачева, изъ саду Ѳетинья.)*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Елеся, Епишкинъ, Петровичъ, Крутицкій, Лютовъ, Мигачева и Ѳетинья.

Мигачева.

Батюшки, что за бѣда?

Ѳетинья *(про-себя).*

Охъ, и вижу я, да не подойду; затаскаютъ, насидишься.

Мигачева.

Отъ словъ моихъ: пропасти то все я ему сулила.

Лютовъ *(Крутицкому).*

Вы что?

Крутицкій.

Ваше благородіе, бѣдность моя...

Лютовъ.

Да. Ну?

Крутицкій.

Подаяніемъ питаюсь, куска хлѣба въ домѣ нѣтъ.

Лютовъ.

Потомъ что?

Крутицкій.

Велите отдать! Не погубите старика! Онъ у меня отнялъ, укралъ. *(Ловитъ руку Лютова, чтобы поцѣловать.)*

Лютовъ.

Оставьте!

Петровичъ.

Что же онъ говоритъ, ваше благородіе? Копейки нѣтъ, куска хлѣба нѣтъ, а тысячи у него были!

Крутицкій.

Это не мои, это чужія.

Лютовъ.

А не ваши, такъ вамъ до нихъ и дѣла нѣтъ. *(Елесь.)* Пойдемъ! *(Будочнику.)* Веди его!

Крутицкій *(громко).*

Стойте! Мои, мои деньги! Сто тысячъ у меня, двѣсти, милліонъ... Вы ихъ раздѣлить хотите! Ограбить меня! Я своей копейки тронуть не дамъ, умру за нее. Я васъ подъ судъ, въ Сибирь, грабители!

Лютовъ *(другому будочнику).*

Возьми его! *(Будочникъ беретъ Крутицкаго.)* Ведите ихъ! *(Епишкину и Петровичу.)* За вами пришлютъ, когда будетъ надо.

Елеся.

Что дѣлать то, Истукарій Лупычъ? Русская пословица: отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся! Такъ я говорю?

Лютовъ.

Ну, маршъ, безъ разговоровъ! *(Уходитъ.)*

Мигачева.

Батюшки! Куда ихъ повели-то?

Петровичъ.

Да сначала, какъ по дѣлу видно, надо быть въ острогъ. Посидятъ тамъ года два, ну, а потомъ ужъ вдоль по Владимірской.

Мигачева.

Какъ же намъ быть-то? Батюшка, помоги ты мнѣ!

Петровичъ.

Изволь. Просудишь домъ-то. Ужъ тогда я буду хозяиномъ, а ты у меня въ жильцахъ жить.

Мигачева.

За что его взяли-то? Какая бѣда-то его?

Петровичъ.

Ограбили кого-то съ Михеемъ, да не раздѣлятъ. Вотъ и все. *(Смѣется.)* Дѣло-то пустое, а люди-то вяжутся.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА:

Крутицкій.
Анна.
Настя.
Епишкинъ.
Ѳетинья.
Лариса.
Мигачева.
Елеся.
Петровичъ.
Баклушинъ.

Декорація та же.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входитъ Крутицкій, *блѣдный и разстроенный.*

Крутицкій.

Куда я пришелъ, куда? *(Осматривается.)* Ахъ! Домой пришелъ. Зачѣмъ, зачѣмъ? *(Берется за голову.)* Нечего мнѣ дома дѣлать, нечего. Тоска меня загрызетъ, лютая тоска загрызетъ. *(Сквозь слезы.)* Пойду я лучше, погуляю. Меня немножко вѣтромъ пообдуетъ. *(Печально.)* Пойду. Далеко пойду, за заставу куда-нибудь, отъ людей подальше. Тяжело на людей-то смотрѣть. Охъ, какъ голова горитъ! *(Снимаетъ картузъ и кладетъ его на крыльцо.)* Пойду, погуляю. Въ Тюфелеву рощу пойти? Тамъ теперь хорошо, глухо такъ, никто туда, никто не ходитъ. Кто туда пойдетъ? Пойдетъ бѣднякъ какой-нибудь съ горя да съ тоски погулять, да ужъ... и удавится тутъ же. Вотъ, говорили, тамъ нынче весной одинъ закладчикъ повѣсился; обокрали его на двадцать тысячъ. Да

и есть отъ чего! Какъ это пережить? Какъ пережить? Невозможно! У всякаго своя радость, своя утѣха; онъ копилъ, берегъ, въ томъ и вся жизнь его была; ничего ему не нужно, однѣ только деньги, однѣ свои деньги, а украли деньги, нѣтъ денегъ, зачѣмъ ему жить? Зачѣмъ жить-то? Что̀ дѣлать-то на свѣтѣ? Плакать, тосковать, проклинать себя, биться объ уголъ головою, двадцать разъ въ день на гвоздь петлю повѣсить да опять снять. Еще вотъ намъ Богъ сонъ далъ; ну, заснешь, забудешь, а проснешься-то? Опять та же тоска, и каждый день, каждый день. Такъ ужъ лучше одинъ конецъ. Охъ, охъ! *(Съ отчаяніемъ.)* Пойду, погуляю. Охъ, какъ тяжело, душно какъ! Пойду, пойду. Далеко, вѣдь! Что̀-жъ, я извозчика найму. На что̀ мнѣ деньги? На что̀ онѣ теперь? Возьму вотъ, возьму, да и брошу. Столько ли Михей бросилъ! Убить его, убить! Ну, и кидай, ну, все и кидай! *(Вынимаетъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ и бросаетъ.)* На̀-те, подбирайте, кто хочетъ; не надо мнѣ, не надо: я ихъ беречь не умѣю. Пойду, сейчасъ пойду. *(Идетъ, шатаясь, и видитъ на землѣ мѣдную монету.)* Ай! Вотъ онъ! *(Поднимаетъ пятакъ и съ радостью бѣжитъ на прежнее мѣсто.)* Нашелъ, нашелъ! *(Судорожно прячетъ его въ карманъ жилета.)* Сюда его, спрятать его поскорѣй, благо не видали. *(Помолчавъ, опускаетъ руки.)* Мало. А моихъ много было. Какъ скучно! Ахъ, тоска смертная! Пойду, погуляю. *(Идетъ нетвердыми шагами, осматривается и, махнувъ рукой, поворачиваетъ въ садъ Епишкина. Выходятъ Мигачева изъ калитки, Ѳетинья и Лариса изъ лавки.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Мигачева, Ѳетинья и Лариса.

Ѳетинья *(Ларисѣ).*

Не видать нашего-то?

Мигачева *(про-себя.)*

Охъ, и моего не видать.

Ѳетинья *(не глядя на Мигачеву).*

Очень нужно. Хоть бы и вѣкъ его не видать, бѣда не велика.

Мигачева *(не глядя на Ѳетинью).*

Всякому свое. Мнѣ мой-то, можетъ, дороже вашего втрое.

Лариса.

Маменька, ихъ совсѣмъ засудятъ или не совсѣмъ?

Ѳетинья.

Никому невѣдомо. Каковъ судья: сердитъ, такъ засудитъ, а милостивъ, такъ проститъ.

Мигачева.

Охъ, да, да! Не бойся суда, а бойся судьи. Пуще всего ты его бойся!

Ѳетинья.

Да, вотъ причитай тутъ, еще голосомъ завой! По вашей милости и мой-то попалъ.

Мигачева.

Охъ, должно быть, по наговору, по чьему-нибудь наговору. Отъ злобы людской, отъ сосѣдей все больше люди погибаютъ. Есть же такіе сосѣди злодѣи, ненавистники.

Ѳетинья.

Ужъ именно злодѣи, ненавистники. Самъ ограбилъ кого-то, да взялъ да моего свидѣтелемъ и выставилъ на зло, чтобы по судамъ таскался.

Мигачева.

Есть же варвары изъ-за малости, изъ-за сажи рады человѣка погубить.

Ѳетинья.

Мало того, что взялъ да на зло окрасилъ меня, — взялъ да на зло мужа запуталъ.

Мигачева.

Вотъ она сажа-то! Шути съ ней! Все квартальный виноватъ! За сажу да въ острогъ попалъ. Оговорили по злобѣ.

Ѳетинья.

Мало ему. Какой живописецъ проявился! Красилъ, красилъ заборы-то, да за людей принялся. Такъ ему и дать волю? И хорошо сдѣлали, что въ острогъ посадили.

Лариса.

Маменька, у васъ совсѣмъ никакой разности въ разговорѣ нѣтъ. Наладите одно и твердите, какъ сорока. Вѣдь, отмылось, что̀-жъ толковать?

Өетинья.

Еще бы не отмылось! Что-жъ, мнѣ арабкой, что̀ ли, ходить прикажешь?

Мигачева.

Самъ тому не радъ. По нечаянности...

Өетинья.

Окрасилъ по нечаянности, а укралъ по отчаянности. Славный парень, смиренный. *(Входитъ Петровичъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Мигачева, Өетинья, Лариса и Петровичъ.

Петровичъ *(Мигачевой).*

Ну, прощайся ты съ сыномъ. *(Өетиньѣ.)* А ты съ мужемъ. Только и видѣли.

Мигачева.

Гдѣ они теперь?

Петровичъ.

Да на цѣпи сидятъ.

Өетинья.

А ты сорвался, что̀ ли? Полно ты, не глупѣй себя нашелъ.

Мигачева.

Какимъ судомъ моего судятъ-то?

Петровичъ.

Шемякинымъ.

Мигачева.

Полно ты! Судовъ только и есть, что гражданскій да уголовный; по гражданскому — въ яму, а по уголовному — въ острогъ.

Петровичъ.

Много ты знаешь! И Шемякинъ есть.

Мигачева.

Есть, да только въ сказкѣ.

Петровичъ.

Да, вѣдь, сказка-то взята же съ чего-нибудь? Чего нѣтъ, того не выдумаешь. *(Входятъ Епишкинъ и Елеся.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мигачева, Өетинья, Лариса, Петровичъ, Елеся и Епишкинъ.

Елеся *(запыхавшись).*

Маменька, невидимая рука, невидимая рука!

Мигачева.

Гдѣ она, гдѣ она?

Елеся.

Вотъ она! *(Подаетъ деньги.)* Три тысячи съ половиной! А? Довольно хорошо? Живъ Богъ, жива душа моя. Такъ я говорю?

Епишкинъ.

Вѣрно, Елеся. Молодецъ!

Мигачева.

Ужъ не съ неба ли свалились?

Елеся.

Съ неба, маменька, за правду за нашу. Нашелъ. Сейчасъ судъ да дѣло, свидѣтелевъ на лицо. Судили, рядили, сосчитали всѣ деньги, отсудили мнѣ три тысячи съ половиной; получай, говорятъ. Ухъ, усталъ! Получаю, говорю. Остальныя Михею.

Мигачева.

Да развѣ его деньги-то были?

Елеся.

Его; на судѣ добрались. Вотъ теперь мы, какъ милліонщики, жить будемъ.

Мигачева.

Есть-таки разница.

Елеся.

Никакой, тѣ же двадцать-четыре часа въ сутки.

Мигачева.

Золотой ты мой! *(Обнимаетъ сына.)* Какъ я рада-то!

Өетинья.

Ну, какъ не обрадоваться! Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ!

Елеся.

А ужъ какъ я-то радъ! *(Обнимаетъ, вмѣсто матери, Ларису.)*

Ѳетинья.

Что̀ ты, что̀ ты? Ишь ты на чужое-то разлакомился! Это, вѣдь, не находка твоя; третью часть не отдадимъ.

Епишкинъ.

На что̀ ему третью часть! Видно, ужъ ему ее всю отдать. Мы, не какъ Михей, объ этой потерѣ не заплачемъ.

Ѳетинья *(беретъ Елесю за руку).*

Не тронь, говорятъ! Что̀ ты облапилъ, точно свою собственность! Еще крѣпости у тебя на нее нѣтъ.

Лариса.

Какъ это вы, маменька, вдругъ останавливаете! Коль скоро человѣкъ въ такомъ чувствѣ, надо ему свободу дать.

Епишкинъ.

Дай, Ѳетинья, свободу, дай.

Ѳетинья.

Какъ ты говоришь свободу дать? Да что̀-жъ это у нихъ будетъ-то?

Епишкинъ.

Что̀ у нихъ будетъ-то? А намъ что̀ за дѣло? Намъ какой убытокъ? Вотъ нашла печаль! Ты-бъ лучше вспомнила, догадалась, что мужъ еще съ утра водки не пилъ.

Ѳетинья.

А если я роду ихъ, мигачевскаго, видѣть не могу?

Епишкинъ.

Ты слушай, что̀ тебѣ говорятъ-то. Я по два раза приказывать не мастеръ. Стало-быть, надо тебѣ бѣжать закуску готовить. А что ты ихъ видѣть не можешь, это мы поправимъ; ужъ я, такъ и быть, трудовъ своихъ не пожалѣю, похлопочу около тебя: ты у меня на нихъ, хоть исподлобья, а все-таки, взглянешь. *(Ѳетинья уходитъ.)* Сватья, пойдемъ! Петровичъ, трогайся! *(Уходитъ, за нимъ Мигачева и Петровичъ.)*

Лариса.

Надѣюсь, что вы идете не для закуски, но для меня собственно?

Елеся.

Что за неволя мнѣ водкой огорчаться, коли я такую сладость передъ собой вижу!

Лариса.

Благодарю васъ за комплиментъ. *(Уходитъ съ Елесей. Изъ дома выходятъ Анна и Настя.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Анна и Настя.

Анна.

Охъ, пора бы намъ итти, Настенька.

Настя.

Ахъ, не говорите, пожалуйста, и не напоминайте!

Анна.

Да, вѣдь, ужъ нечего дѣлать!

Настя.

Мнѣ хоть немножко еще побыть у васъ.

Анна.

Нельзя, мой другъ, нельзя; эти люди любятъ, чтобъ ихъ уважали, чтобъ каждое приказаніе ихъ исполняли въ точности. Они гордые, бѣдныхъ людей ни за что не считаютъ. Не исполни-ка его приказаніе-то, такъ онъ разгнѣвается, что бѣда, а на первыхъ-то порахъ это не хорошо. Какъ мнѣ быть-то съ тобой? Проводила-бъ я тебя, да Михея Михеича дома нѣтъ. Не знаю, куда онъ дѣвался? Не пойти ли тебѣ одной?

Настя.

Ахъ, нѣтъ! Какъ одной? Мнѣ все будетъ казаться, что на меня всѣ пальцами показываютъ; я и буду по глухимъ переулкамъ прятаться. Я не пойду одна.

Анна.

Да мнѣ-то не свободно, нельзя домъ-то оставить. Когда еще Михей Михеичъ воротится, неизвѣстно, а итти надо. Не хорошо; обѣщали. *(Гладитъ ее по головѣ.)* Поди-ка ты одна; я послѣ приду, принесу тебѣ кой-что твое.

Настя.

Тетенька!

Анна.

Что, мой другъ?

Настя.

Такъ ужъ я пойду. Прощайте! *(Обнимаетъ Анну.)*

Анна.

Прощай, душа моя! *(Вбѣгаетъ Елеся.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Анна, Настя и Елеся.

Елеся.

Анна Тихоновна! Анна Тихоновна!

Анна.

Что тебѣ?

Елеся.

Да пожалуйте сюда, въ садъ. Какая оказія-то, право!

Анна.

Да что такое?

Елеся.

Оказія вышла.

Анна.

Что мнѣ за дѣло? Зачѣмъ я пойду?

Елеся.

Пожалуйте, сами увидите.

Анна.

Да ты скажи толкомъ.

Елеся.

Да что мнѣ говорить-то? Нѣтъ, ужъ лучше вы сами.

Анна.

Ну, что я буду въ чужомъ саду дѣлать?

Елеся.

Да Михей Михеичъ...

Анна.

Что Михей Михеичъ?

Елеся.

Да они... Нѣтъ, ужъ лучше вы сами...

Анна.

Ты не мучай меня; начала говорить, такъ говори

Елеся.

Да гуляли, гуляли...

Анна.

Ну, что же?

Елеся.

Гуляли, гуляли, да и... зацѣпились за дерево.

Анна.

Какъ зацѣпились?

Елеся.

Да такъ... Нѣтъ ужъ, пожалуйте, лучше вы сами...

Анна *(Елесѣ).*

Ну, ступай, я приду. *(Настѣ.)* Подожди меня. Пойду, посмотрю, что̀ такое. *(Уходитъ, за нею Елеся.)*

Настя.

У меня что̀-то повернулось на сердцѣ; въ головѣ мелькнуло что̀-то такое, что̀ я во снѣ видѣла. Это бѣда какая-нибудь, непремѣнно бѣда; но мнѣ кажется, что эта бѣда для меня къ лучшему. Какая-нибудь перемѣна будетъ. Какая — не знаю. Чего ужъ я ни передумала! Я думала, что если будетъ землетрясеніе или пожаръ большой, такъ я спасусь какъ-нибудь. А какъ спасусь — ужъ не знаю. Все это я вечеромъ да ночью передумывала. А какъ проснулась сегодня утромъ и увидала, что ночью ничего не сдѣлалось, что нынче день такой, какъ и вчера, мнѣ такъ страшно сдѣлалось, такъ страшно! Я все ждала, что къ утру перевернется что̀-нибудь въ природѣ, что половина Москвы провалится, и будетъ озеро, а на той сторонѣ горы *(входитъ Баклушинъ),* и что Модестъ Григорьичъ пріѣдетъ ко мнѣ на большой лодкѣ. Я такую картину гдѣ-то видѣла.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Настя и Баклушинъ.

Настя *(увидавъ Баклушина).*

Ахъ!

Баклушинъ.

Не ожидали?

Настя.

Не надо. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ васъ не надо!

Баклушинъ.

А сейчасъ мое имя поминали.

Настя.

Ну, такъ что же? Я долго буду думать о васъ, вспоминать васъ, а видѣть не хочу.

Баклушинъ.

Отчего же?

Настя.

Вы все мучите меня.

Баклушинъ.

Чѣмъ?

Настя.

Учите меня, какъ жить. Зачѣмъ говорить о жизни? Мнѣ это очень больно. Вы живете по-своему, я по-своему. Вамъ жить хорошо, мнѣ худо; такъ забудемъ про это. Кончено дѣло. Если хотите говорить со мной послѣдній разъ, такъ скажите что-нибудь повеселѣе.

Баклушинъ.

Очень бы я хотѣлъ сказать вамъ что-нибудь веселенькое, да въ голову нейдетъ: самому не очень весело.

Настя.

Ну, сдѣлайте милость, придумайте.

Баклушинъ.

Извольте!

Настя.

Ну, разсказывайте.

Баклушинъ.

Есть у меня одна смѣшная исторія, да не знаю, понравится ли вамъ.

Настя.

Все равно, разсказывайте!

Баклушинъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ Баклушинъ...

Настя *(оглядываясь)*.

Хорошо, отлично.

Баклушинъ.

Вотъ однажды, въ минуту жизни трудную, занялъ по ве-

кселю этотъ Баклушинъ всего на мѣсяцъ, а всего-то сто рублей у щипанаго, рванаго, вылинявшаго ростовщика.

Настя *(оглядываясь)*.

Да, да. Какъ это смѣшно! Чѣмъ же это кончилось?

Баклушинъ.

Въ томъ-то и дѣло, что это не кончилось и конца этому не будетъ. Черезъ мѣсяцъ, разумѣется, Баклушинъ ста рублей не отдалъ, и черезъ два не отдалъ, и черезъ годъ, и такъ далѣе, а платилъ только проценты, да и то неаккуратно. Вексель этотъ, какъ водится, переписывался, и вышло...

Настя.

Что̀ же вышло?

Баклушинъ.

Что за сто рублей переплатилъ Баклушинъ въ три года процентовъ рублей триста, да состоитъ долженъ теперь этому линючему ростовщику тысячъ семь. А такъ какъ Баклушину заплатить нечѣмъ, то и будетъ этотъ долгъ въ той же пропорціи увеличиваться до безконечности.

Настя.

А, такъ вотъ для чего Баклушинъ ищетъ богатую невѣсту?

Баклушинъ.

Именно для этого.

Настя.

А невѣстъ не находится?

Баклушинъ.

А невѣстъ не находится, а долгъ растетъ.

Настя.

Да, вѣдь, говорятъ, что коли кто очень много долженъ, такъ все равно, что ничего не долженъ. *(Анна Тихоновна, Епишкинъ, Петровичъ, Елеся проходятъ изъ сада въ квартиру Крутицкаго.)*

Баклушинъ.

Вотъ я и жду, когда буду долженъ милліонъ; можетъ быть, тогда самому ростовщику смѣшно станетъ. А если-бъ не этотъ долгъ, Баклушинъ женился бы на дѣвушкѣ, которую онъ любитъ.

Настя.

Вѣрю, вѣрю; но вотъ что̀, Модестъ Григорьичъ! Тетенька пошла домой; теперь мнѣ нужно переѣзжать на новую квартиру, которую мнѣ добрые люди наняли. Намъ время проститься.

Баклушинъ.

Какъ, сейчасъ?

Настя.

Да, сейчасъ и ужъ навсегда.

Баклушинъ.

Какъ мнѣ жаль, что я теряю васъ!

Настя.

Ну, что̀ дѣлать, голубчикъ! Прощайте! *(Горячо обнимаетъ Баклушина.)* Прощайте, мой милый, хорошій, красавецъ мой!

Баклушинъ *(сквозь слезы).*

Прощайте!

Настя.

Постой! Какъ я любила тебя! Боже мой! Нѣтъ мѣры, нѣтъ никакихъ границъ! Нѣтъ того на свѣтѣ, чего бы я для тебя не сдѣлала!

Баклушинъ.

Что̀ я теряю, что̀ я теряю! Боже мо̀й!

Настя.

Да, много, много. Мнѣ очень жаль тебя.

Баклушинъ *(беретъ ее за руку).*

Настенька!

Настя.

Прощай! Нѣтъ... больше нельзя! Идите! *(Баклушинъ отходитъ до угла лавки. Настя издали кланяется ему и посылаетъ поцѣлуи. Изъ дома выходятъ: Анна, Епишкинъ, Петровичъ, Елеся, изъ сада — Ѳетинья, Мигачева, Лариса.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Настя, Анна, Епишкинъ, Петровичъ, Елеся, Ѳетинья, Мигачева, Лариса, *вдали* Баклушинъ.

Анна *(тихо плачетъ).*

Что̀ онъ сдѣлалъ? Что̀ онъ сдѣлалъ?

Настя.

Тетенька, итти мнѣ?

Анна *(утирая слезы).*

Нѣтъ, мой другъ, ужъ ты не покидай меня. Михей Михеичъ... Господи, прости ему! Погубилъ онъ свою душу...

Настя.

Ахъ, какое горе!

Анна.

Да, горе; и съ нимъ было горе, и умеръ — горе. До насъ ли ему было, прости ему, Господи, коли онъ души своей не пожалѣлъ! За деньги, за проклятыя деньги... Вѣдь, всѣмъ умереть; да зачѣмъ же такъ?...

Настя.

А развѣ дядя любилъ деньги?

Анна.

Что это, Господи? Вздумать-то, вздумать-то мнѣ страшно! За что только онъ мучилъ себя и насъ? Сколько лѣтъ мы живемъ нищенски, а у него за подкладкой шинели нашли мы больше ста тысячъ, да вотъ теперь въ его комнатѣ подъ поломъ вещей и брильянтовъ и числа нѣтъ. И такъ въ мірѣ босоты и наготы довольно, а мы ее, помимо Божьей воли, терпѣли. Какъ Богу-то не разгнѣваться?

Настя.

Вы теперь богаты, тетенька!

Анна.

Тяжелы мнѣ эти деньги, душа моя; меня теперь никакое богатство не обрадуетъ. Отвыкла я съ нимъ и жить-то по-людски, убилъ и похоронилъ онъ меня за́живо. Десять лѣтъ я сыта не была, такъ за одинъ день не поправишь. Богъ съ ними и съ деньгами! Мы съ тобой ихъ раздѣлимъ. А грѣха-то, грѣха-то что? Я было погубила тебя совсѣмъ. Съ голоду да съ холоду обезумѣла я, а, вѣдь, добра тебѣ желала. Меня-то-бъ удавить надо за тебя. Нѣтъ ума у голоднаго, нѣтъ!

Настя.

Тетенька, милая! *(Громко.)* Модестъ Григорьичъ! *(Аннѣ.)* Не плачьте, Божья воля; не плачьте! Ахъ! *(Обнимаетъ тетку.)* Я живу, я живу! Не надо хоронить меня! Тетенька,

милая! *(Баклушинъ подходитъ и останавливается въ молчаніи.)*

Елеся.

Вотъ ужъ она теперь за благороднаго выскочитъ.

Епишкинъ.

Похоже на то.

Ѳетинья.

Ей хоть милліонъ дай, все-таки видомъ и амбиціей она противъ моей Ларисы не выйдетъ.

Лариса.

Не только видомъ и амбиціей, но и всѣмъ прочимъ супротивъ меня далеко.

Настя *(Баклушину какъ бы съ упрекомъ).*

Вотъ вы тогда... А мы теперь богаты съ тетенькой. Вотъ вы и знайте.

Баклушинъ.

Откуда вамъ Богъ послалъ?

Настя.

Мнѣ вдругъ наслѣдство...

Епишкинъ.

Дяденька ихъ у меня въ саду удавились. Ахъ! *(Берется за голову.)* А, вѣдь, говорили дураку: загороди заборъ.

Баклушинъ.

А кто такой вашъ дяденька?

Настя.

Да онъ... я не знаю... какъ это?

Петровичъ.

Отставной подьячій. Крутицкій.

Баклушинъ.

Крутицкій? Да ему-то я и долженъ.

Настя.

Ему? Вотъ и отлично! Ужъ теперь вы намъ должны, вотъ мы васъ въ тюрьму, и непремѣнно.

Баклушинъ.

А много онъ вамъ оставилъ?

Настя.

Я не знаю. Говорятъ, сколько-то тысячъ.

Епишкинъ.

Чего тутъ: „сколько-то"; побольше двухсотъ будетъ.

Настя.

Ну, вотъ сколько.

Баклушинъ.

Позвольте за вами снова поволочиться.

Настя.

Позволяю.

Мигачева.

Стыдно такія деньги и брать-то.

Ѳетинья.

Да, вѣдь, ужъ, матушка, что̀ ни говори, а въ прокъ онѣ не пойдутъ.

Настя *(смѣясь)*.

Да, правда ваша, я знаю, что мы съ Модестомъ Григорьичемъ промотаемъ ихъ скоро.

Анна.

Ужъ лучше промотайте, чѣмъ беречь такъ, какъ твой дядя берегъ.

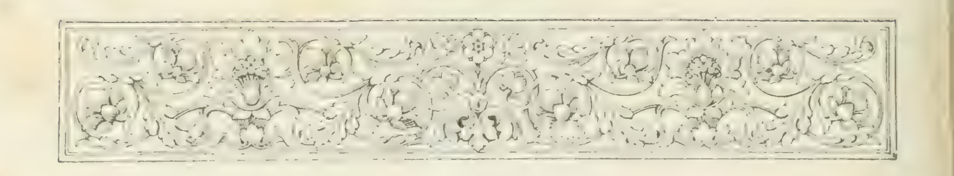
Настя.

Какъ страшна мнѣ казалась жизнь вчера вечеромъ, и какъ радостна мнѣ она теперь!

Анна.

А вотъ, душа моя, несчастные люди, чтобъ не гнѣвать Бога, чтобъ не совсѣмъ отчаиваться, утѣшаютъ себя пословицею, что „утро вечера мудренѣе", которая иногда и сбывается.

КОМИКЪ XVII СТОЛѢТІЯ.

КОМЕДІЯ ВЪ СТИХАХЪ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Татьяна Макарьевна Перепечина, старая вдова изъ городового дворянства, золотная мастерица царицыной мастерской палаты.

Наталья, ея дочь, такая же мастерица.

Кириллъ Панкратьевичъ Кочетовъ, подьячій приказа Галицкой чети.

Анисья Патрикѣевна, жена его.

Яковъ, ихъ сынъ, писецъ посольскаго приказа.

Василій Ѳалалеевичъ Клушинъ, подьячій приказа царицыной мастерской палаты.

Юрій Михайловъ, режиссеръ въ труппѣ Грегори, учитель Якова нѣмецкому языку.

Дѣйствіе происходитъ въ 1672 году. Три дѣйствія въ воскресенье, въ Петровское заговѣнье, 2-го іюня; эпилогъ — 4-го іюня.

Небольшая чистая брусяная свѣтличка, безъ печи, въ домѣ Перепечиной, на Кисловкѣ. Въ глубинѣ дверь въ чистыя сѣнцы полурастворена. Въ лѣвомъ (отъ зрителей) углу свѣтлицы, въ видѣ чулана, отгорожена тесовою филенчатою перегородкой спаленка Натальи; дверь въ нее сбоку, близъ входной двери. По обѣ стороны окна: съ той стороны, гдѣ спальня — одно, а съ другой — два. Подъ окнами широкія лавки съ полавочниками и изголовьемъ. Съ правой (отъ зрителей) стороны, близъ авансцены, у конца лавки, столъ на точеныхъ ножкахъ; у стола скамьи. У перегородки, съ лица, сундучокъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Наталья *накрываетъ столъ браною скатертью и ставитъ на оловянномъ блюдѣ пряники, коврижки и другія сласти того времени. Изъ сѣней, впопыхахъ, вбѣгаетъ* Яковъ.

Наталья.

Откуда ты? Не съ цѣпи ли сорвался?

Яковъ.

Наташа, спрячь меня!

Наталья.

Да ты въ умѣ ли,
Сердечный другъ? Куда я спрячу? Яковъ
Кирилловичъ, опомнись! Тотчасъ придутъ
Сюда твои родители.

Яковъ.

Гляди,
Гляди въ окно!

Наталья.

Чего?

Яковъ.

Погони нѣтъ ли?

Наталья.

Придумывай еще! Кому-то нужно
Погоню гнать! Бѣда твоя извѣстна:
Безъ времени сбѣжалъ съ приказу — дѣло
На умъ нейдетъ, сегодня праздникъ. Завтра
Придешь въ приказъ, присадятъ плотно, снимутъ
Кафтанъ съ тебя; не бойся, не повѣсятъ.
(Отворяя дверь своей спальни.)
Смотри сюда! Нарядно, хорошо?
И пяльчики, и зеркальце, кроватка
Тесовая и шитый положокъ.
А лучше-то всего, что никому-то
Въ уютный мой покойчикъ ходу нѣтъ.
(Кладетъ руку на плечо Якова и смотритъ ему въ глаза.)

Да здравствуй, что-ль! Ахъ, глупый, и не видишь
Со страха-то, что ты одинъ съ дѣвицей!
Стоитъ, какъ пень; другой бы не зѣвалъ.
Цѣлуй, пока помѣхи нѣтъ! Эхъ, парень!

(Цѣлуетъ его, убѣгаетъ за перегородку и запираетъ дверь.)

Яковъ *(отшатнувшись, переводя духъ).*

Огнемъ ожгла. Ну, дѣвушка! Да что ужъ
О дѣвушкахъ и думать, до того ли?
Досталось мнѣ одно на долю: выть.

(Заслышавъ шаги, становится у самой притолоки. Входятъ Кочетовъ, Анисья и Татьяна.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Кочетовъ, Анисья, Татьяна и Яковъ.

Татьяна.

Пожалуйте, въ свѣтелочку войдите,
Прохладно въ ней въ полуденное время.

Кочетовъ.

И Яковъ здѣсь

Яковъ *(съ низкимъ поклономъ).*

Со службы отпустили!

Татьяна.

Да ѣлъ ли ты? Чай, голоденъ?

Яковъ *(кланяясь).*

Маленько
Перехватилъ. Покорно благодарствуй!

Татьяна.

Не полный столъ, а что-нибудь найдется.

Яковъ.

Сытёхонекъ по горло.

Татьяна.

Ну, какъ знаешь.
Неволи нѣтъ, отказу и подавно. *(Кочетову и Анисьѣ.)*
Не осудить прошу на угощеньи!
Сиротское...

Анисья.

Досыта угостила.
Чего еще?

Кочетовъ.

И сыты мы, и пьяны
Твоимъ добромъ сиротскимъ.

Татьяна.

Ну-ка, полно!
Съ чего тебѣ хмелѣть-то? Угощала,
Чѣмъ Богъ послалъ.

Анисья.

Ну, знать, не отъ вина,
Отъ твоего радѣнья захмелѣли.

Кочетовъ.

Насилу всталъ отъ трапезы.

Татьяна.

Присядь
На лавочку, а подремать захочешь,
Привалишься на изголовье.

Кочетовъ.

Сяду. *(Садится.)*
Не сглазить бы, счастливый нонѣ день.
Съ утра еще я веселъ; къ Артемону
Сергѣичу ходилъ я на поклонъ,
Поздравствовать. Для радости великой
Окольничимъ пожалованъ; Татьяна
Макарьевна, велика честь. Другой бы
Съ ума сошелъ, за облаки вознесся,
А онъ такъ нѣтъ. Подьячимъ, мелкой сошкѣ,
Попрежнему благоволитъ; холопы
Не гонятъ насъ съ боярскаго двора,
И за порогъ къ нему ступаешь смѣло.
Не знаю, чѣмъ воздамъ ему за ласку
И милости его. Суди сама,
Не кто-нибудь — окольничій Матвѣевъ
Пожаловалъ, за службу похвалилъ
Въ глазахъ другихъ приказныхъ, къ окладному
Пообѣщалъ придачу.

Татьяна.

Ишь ты, право,
Какая честь тебѣ.

Кочетовъ.

Не все; послушай!
Про Якова, пожаловалъ, спросилъ:
Молъ, учится-ль онъ грамотѣ нѣмецкой?
И похвалилъ его, и молвилъ такъ:
„Учился бы; не все бродить въ потемкахъ;
Ученье свѣтъ. Робятъ разумныхъ мало,
А нужда въ нихъ. Отдай-ка ты парнишку
Въ сынки ко мнѣ!“

Татьяна.

Да что ты?!

Кочетовъ.

Право, такъ.

Татьяна.

Съ руками-бъ я...

Кочетовъ.

А я не спохватился.
Душонка-то холопская давно
Радёхонька, а лживый язычишко
Упрямится, нескладное бормочетъ.
Не справлюсь съ нимъ никакъ.

Анисья.

Грѣхи-то наши
Великіе.

Кочетовъ.

Бояринъ разсмѣялся
На мой испугъ; „не бойся“, говоритъ:
„Для Якова найдется дѣло лучше
Приказнаго письма. Дивиться будешь,
Своимъ глазамъ не вѣрить“.

Татьяна.

Что-жъ за дѣло
Мудреное?

Кочетовъ.

Не сказано про то,
А спрашивать не смѣлъ.

Татьяна.

Оно вѣстимо,
Не сунешься, не свой брать.

Кочетовъ.

Заикнися,
Замажутъ ротъ какъ разъ.

Татьяна.

Да и замажутъ.

Кочетовъ.

Поклоны бью земные да молчу.
Махнулъ рукой бояринъ, значитъ: полно,
Не смѣй, дескать, боярскихъ глазъ мозолить
Поклонами холопскими; вставай!
Послѣдній разъ отвѣсилъ, да и съ Богомъ
Бѣжать домой; отъ радости безъ шапки
До Гребенской никакъ бѣжалъ.

Татьяна.

Да диво-ль!
И думай вотъ, гадай по пальцамъ! Далъ
Заботу вамъ бояринъ.

Кочетовъ.

Онъ сказалъ бы,
Засталъ-то я накороткѣ: къ царю
На званый пиръ родильный снаряжался.

Анисья.

Ужъ эта мнѣ нѣмецкая наука!
Дождемся съ ней бѣды. Живутъ же люди
Безъ грамоты нѣмецкой.

Кочетовъ *(Якову)*.

Не слыхалъ ли,
Не молвятъ ли чего у васъ въ Посольскомъ,
Какую вамъ, робятамъ, Артемонъ
Сергѣевичъ служить укажетъ службу
На диво всѣмъ?

Яковъ.

Не знаю, государь,
Родитель мой, не чуть въ приказѣ.

Кочетовъ.

Много
Заводится порядковъ новыхъ?

Яковъ.

Много.
Царицына родня веселье любитъ:
Въ своемъ дому окольничій Матвѣевъ
Заводится музыкой сладкогласной,
И во дворцѣ тому же быть. Фанстаденъ
По трубачей поѣхалъ къ иноземцамъ.

Кочетовъ.

А пò что ихъ?

Яковъ.

У прочихъ потентатовъ
Ведется такъ давно, и не пригоже
Дворцу стоять безъ музыки. Забавы
Великія для матушки-царицы
Готовятся.

Кочетовъ.

А намъ-то чтò за дѣло?
Ни мы хвалить, ни мы судить.

Анисья.

Ужъ видно
Доходчивы моя молитвы: будешь
Въ такой чести, чего не ожидаешь.

Яковъ *(кланяясь матери).*

Молись еще! Молитвами твоими
Авось Господь избавитъ отъ напасти.

Кочетовъ.

Чего же ты боишься?

Яковъ.

Провиниться
Передъ тобой, родитель. Не гнѣвись
На глупое, робяческое слово!
Навяжутъ мнѣ никѣсть какую службу,
По нраву ли придетъ тебѣ?

Кочетовъ.

Не бойся.
Учись, служи и дѣлай, что укажутъ.
Одно блюди и помни: православнымъ
Родился ты; обычай иноземскій
Узнать не грѣхъ, перенимать грѣшно,
А паче ихъ забавы, въ нихъ же прелесть
Бѣсовская сугубая.

Яковъ.

Родитель,
Не гнѣвайся! Мизинные мы люди,
Боярскіе приказы разбирать
Не смѣемъ мы; велятъ плясать, запляшешь.

Кочетовъ.

Еще-бъ ты смѣлъ ослушаться бояръ!

Яковъ.

А стать плясать, тебѣ не угодишь.

Кочетовъ.

Еще-бъ ты смѣлъ отцу не угодить!
Служи царю, боярамъ покоряйся,
Безропотно, безпрекословно, рабски,
И чти отца да матерь! *(Яковъ кланяется въ ноги.)*
Вотъ, Татьяна
Макарьевна, родительскому сердцу
Не лестно ли такую зрѣть покорность
Сыновнюю? Когда тебѣ взгрустнется,
Иль пьянъ придешь домой, на что утѣшнѣй
Поклоны ихъ земные? Заставляешь
Поклоны бить и веселишься духомъ,
Что какъ-де ты ни малъ, ни пріобиженъ
Отъ властныхъ лицъ, а дѣтямъ, домочадцамъ
Въ своемъ дому и ты-де государь.
А что-жъ твоя красавица Наталья
Не кажется гостямъ? Диви-бъ чужіе!
А Якова стыдиться ей не слѣдъ:
Съ робячества знакомы.

Татьяна.

Все-жъ зазорно

При людяхъ-то. Видаются, поди,
Отъ матери тихонько; при народѣ
Не вызовешь ни за что. Я звала,
Невѣстится, нейдетъ.

Кочетовъ.

А приказала-бъ!

Татьяна.

Само собой, коль прикажу, придетъ.
(У двери спальни.)

Поди сюда, Наталья!
(Входитъ Наталья, принаряженная, кланяется и останавливается, потупя глаза.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Кочетовъ, Анисья, Татьяна, Яковъ и Наталья.

Татьяна.

Хвастай, хвастай
Сынкомъ своимъ! Я дочкой похвалюсь.
У матушки взрощеное дитя,
Лелѣяно и нѣжено на волѣ!
Безстрашная росла, отцова гнѣва,
Не видѣла грозы великой; все же
Нога моя захочетъ и поклоны
Дочерніе увидитъ. Поклонися,
Натальюшка, передъ гостями зѣмно
И матушку потѣшь!

Наталья.

Изволь, родная,
Покланяюсь; безчестья мнѣ не будетъ,
А только честь, что матушкѣ своей
И государынѣ живу покорна. *(Кланяется.)*

Кочетовъ.

Чего еще? За наше умоленье,
Послалъ Господь, живемъ изрядно. Дѣти
Покорствуютъ; трудами нажитаго

Достатокъ есть, невиро́жить намъ. Ликуетъ
Душа моя, и веселится духъ мой.
Чего еще, вѣдь, не рожна же? *(Женѣ.)* Плачешь?

Анисья *(махнувъ рукой).*

Заплакала, прости... Не утерпѣла...
Отъ радости...

Татьяна *(плача).*

Да какъ и не заплачешь
На дѣтокъ-то? Свои, а не чужія.

Анисья.

Легко отцамъ...

Татьяна.

А намъ-то каково!

Анисья.

Родили ихъ...

Татьяна.

Аль муки не видали?

Анисья.

Растили ихъ...

Татьяна.

Какъ око соблюдали.

Кочетовъ.

Да полно вамъ!

Татьяна.

Пылинки обдували.

Анисья.

Кормили ихъ...

Татьяна.

Куска не доѣдали.

Анисья.

И выросли...

Татьяна.

Какъ яблочки наливны.

Кочетовъ *(топнувъ ногой)*

Да полно вамъ!

Анисья.

Не каменны сердца.

Кочетовъ.

Такъ чтò-жъ бы вамъ, безъ дальней волокиты,
Чѣмъ плакать-то на нихъ да убиваться
Невѣдомо о чемъ, за умъ приняться?
Женили-бъ ихъ, покуда сами живы!
Не знатные бояре, съ насъ не взыщутъ,
Что нàскоро, безъ сватовъ и безъ сборовъ...

Татьяна.

Ахъ, батюшки!

Кочетовъ.

Чего ты испугалась!
О рядной рѣчь сперва да по рукамъ
Ударимся, а послѣ, для порядка,
Пошлемъ къ тебѣ и свата.

Татьяна.

То-то развѣ...
А то ужъ я... Да нè люди мы, чтò ли?
Нельзя же такъ... дворяне... не сиротку
Безродную, отецкое дитя
Хотите взять. Не знатные мы люди,
А все-таки, хоть дрянь, да изъ дворянъ,
Не нищіе. Меня бояре знаютъ;
Царицына до насъ доходитъ ласка,
Не крайность мнѣ какая.

Кочетовъ.

Не неволимъ.
Насильно милъ не будешь. Это дѣло
Любовное: и приказать вольна,
И отказать вольна. За словомъ стало
Да рядную покончить.

Татьяна.

Я не прочь,
Отказу нѣтъ. Хоть дѣло не корыстно,
Да я-то не завистна.

Кочетовъ.

Вотъ и ладно,
О рядной бы... да и покончить разомъ.

Татьяна.

Хмельненька я; пожалуй, прошибешься:
Сулить добро подъ силу надо.

Анисья.

Ну, ужъ
Не скоро ты разступишься.

Татьяна.

Не знаю.
Для дочери жалѣть не стану; развѣ
Заломите, чего не въ мочь.

Кочетовъ.

Не грабить
Пришли къ тебѣ.

Татьяна *(Якову и Натальѣ).*

Какъ, словно, вы чужіе,
Глядите врозь да жметесь по угламъ,
Сойтись рядкомъ боитесь.

Наталья.

Какъ прикажешь!
На все твоя родительская воля.
(Подходитъ съ поклономъ къ Якову.)

Татьяна.

Хоть пряничкомъ его попотчуй, что̀ ли!

Наталья *(беретъ со стола пряникъ и подаетъ Якову въ рукахъ на ширинкѣ).*

Пожалуй-ка, отвѣдай, не побрезгай!

Яковъ.

Благодарю на угощеньи сладкомъ.

Наталья.

Да сладко, что̀-ль?

Яковъ.

Нешто себѣ.

Наталья.

Не надо
Поделащивать? Тебѣ и пряникъ сладокъ?
И слаще ты не знаешь ничего?
(Ломаютъ пряникъ пополамъ и ѣдятъ.)

Анисья.

Впередъ всего о Божьемъ милосердьи.

Татьяна.

Отцовское у ней благословенье,
Исконное въ ея роду.

Кочетовъ.

Добро!
Покончена статья; теперь другая.

Татьяна.

А кузнь ея ларешную ты знаешь?

Анисья.

Изъ кузни-то не грѣхъ тебѣ прибавить:
Особенно низанья маловато.

Татьяна *(доставъ изъ сундука ларчикъ).*

Ссыпного есть въ ларцѣ. Глядите сами —
Окатистый и чистый.

Кочетовъ.

Покажи-ка!
(Разсматриваютъ жемчугъ въ ларчикѣ.)

Наталья *(Якову).*

Торгуются, какъ лошадь продаютъ.

Яковъ.

Аль нéлюбо?

Наталья.

Теперь какіе спросы!
Возьмешь меня, не все-ль тебѣ равно —
Охотой шла иль силой?

Яковъ.

Ой, заспорятъ,
Поссорятся, боюсь.

Наталья.

Не обойдется
Безъ брани-то. На Кисловкѣ недавно,
Изъ рядной-то дралися смертнымъ боемъ,
На улицу изъ дома выбивались;
Сошлись опять. Нельзя не спорить, дѣло
Торговое. Твои охочи взять,

А матушка не вдругъ отдастъ, — копейка
Гвоздемъ у ней прибита.

Кочетовъ *(отдавая ларецъ).*

Что̀ смотрѣть-то?
Чего тутъ взять на поднизь?

Татьяна.

Наберете,
Прибавите изъ своего.

Анисья.

Куда же
Беречь тебѣ? Дивлюсь. Одна всего-то,
А ты для ней жалѣешь. Хоть бы серьги,
Полны ларцы, а вѣдь, сама не носишь,
Давно ужъ ты съ ушами повязалась.

Татьяна.

Мои онѣ, и воля въ нихъ моя:
Хочу — отдамъ, а то и подождете;
Никто меня заставить не воленъ.

Анисья.

Отдай теперь!

Татьяна.

Не дамъ.

Кочетовъ.

Упряма больно.

Татьяна.

Какая есть; на старости мѣняться
Не стать для васъ. Наталья! отойди
Отъ Якова! *(Наталья отходитъ къ сторонѣ.)*

Анисья *(Татьянѣ).*

Да что̀ ты, полно! Дѣтки,
Не слушайте, уйдите въ уголокъ!
(Наталья подходитъ къ Якову.)

Татьяна.

Не все-ль равно: не чье, ея же будетъ,
Какъ мать умретъ.

Анисья.

Теперь-то и рядиться:

Во младости милѣй наряды намъ;
Пройдетъ пора, на что̀ они?

Татьяна.

Не долго
Прождетъ она.

Анисья.

И въ животѣ, и въ смерти
Господь воленъ. Господь прибавитъ вѣку,
Переживешь и дочь свою.

Кочетовъ.

Другая
Обдержится старуха, вѣку нѣтъ,
Какъ дереву скрипучему.

Татьяна.

Да что̀ ты?
Никакъ съ ума сошелъ?

Кочетовъ.

Годовъ полсотни
За срокъ живетъ, весь родъ перехоронитъ,
Дѣтей, внучатъ, себѣ-то надоѣстъ,
И взмолится ко Господу старуха,
Что позабылъ ее.

Татьяна.

Бѣда родниться
Съ такой семьей завистливой! Охота-ль
Себѣ на зло молельщиковъ нажить! *(Натальѣ.)*
Безстыдница! Совсѣмъ прильнула къ парню!
Не мужъ еще! По ихъ рѣчамъ безумнымъ,
И не бывать, какъ вижу. Отойди! *(Наталья отходитъ.)*

Анисья.

Не трогай ихъ! Пущай ведутъ бесѣду.
Не ихъ вина.
(Дѣлаетъ рукой знакъ Якову; онъ подходитъ къ Натальѣ.)

Кочетовъ.

Меня ругать-то надо,
А то прости, пожалуй! Ненарокомъ
Сказалося; на хмельномъ не взыщи!

Татьяна.

Ну, Богъ съ тобой.

Кочетовъ.

Некстати молвишь слово,
Спохватишься, а воротить нельзя.

Анисья.

Вотъ грѣхъ какой ведется въ человѣцѣхъ,
Что доброе и праведное дѣло
Не сладится, чтобъ врагъ не помѣшалъ;
Мутитъ народъ крещеный. Тьфу! Чтобъ сгинуть
Проклятому.

Кочетовъ.

А мы не поддадимся

Анисья.

Ну, кузнь твою оставимъ. Ты-бъ казала
Коробьи намъ.

Татьяна.

Не здѣсь они, въ избѣ.
Идите инъ, смотрите. Недостачи
Ни въ чемъ у насъ не будетъ, все съ залишкомъ.
(Уходятъ Кочетовъ, Анисья, Татьяна.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Яковъ и Наталья.

Яковъ.

Попался я, влетѣлъ въ бѣду.

Наталья.

Въ какую?

Яковъ.

Робѣю такъ, что не найду и словъ;
Лишь вздумаю, душа уходитъ въ пятки.

Наталья.

Разсказывай, полегчаетъ авось.

Яковъ.

Такая страсть, такая страсть!

Наталья.

Да молви
Хоть что-нибудь!

Яковъ.

Языкъ-то прилипаетъ.
Какъ колъ во рту. Куда дѣваться?

Наталья.

Яковъ!
Не мучь меня, скажи!

Яковъ.

Тебѣ извѣстно
Житье мое проклятое: изъ дома
Ни въ праздникъ мнѣ, ни въ будни ходу нѣтъ;
Украдкой я, какъ песъ изъ подворотни,
На вольный свѣтъ гляжу. Въ приказѣ развѣ
Обмолвишься веселымъ словомъ; дома
Не смѣю рта разинуть; съ постной рожей
Молчальникомъ брожу, повѣся носъ.
Ужъ если я веселаго лица
Показывать родителю не смѣю,
Боясь побой и ругани безмѣрной,
Чего мнѣ ждать, когда узнаетъ онъ...

Наталья.

О чемъ?

Яковъ.

Крестись, Наташа! Въ скоморохи
Поставили меня. Ломаютъ, учатъ
Скакать, плясать, вертѣться, бѣса тѣшить.

Наталья.

Убьетъ тебя отецъ.

Яковъ.

Убьетъ — не страшно;
Проклятія боюсь.

Наталья.

Куда-жъ дѣваться
Головушкѣ твоей?

Яковъ.

Хочу отбѣгать,

Силой отбыть отъ службы. Оттерплюся,
И кончено. Отдуютъ батогами,
Все-жъ легче мнѣ отцовскаго проклятья,
Душа-то мнѣ нужнѣе, чѣмъ...

Наталья.

Вѣстимо.
А въ службу взятъ неволей или волей?

Яковъ.

Спросили насъ, подьячихъ молодыхъ,
Не хочетъ ли который обучаться
Въ аптекарской палатѣ у Грегори
Какому-то неслыханному дѣйству;
Охотники нашлись, и я за ними,
Да сдуру-то и продалъ душу чорту.

Наталья.

Куда-жъ бѣжать тебѣ?

Яковъ.

Куда придется,
Куда глаза глядятъ, хоть въ омутъ съ камнемъ.

Наталья.

Господь съ тобой. Скрывайся здѣсь пока,
Ходи тишкомъ. Въ моей дѣвичьей спальнѣ
Кому вдомекъ искать тебѣ?

Яковъ.

А, ну-ка,
Увидитъ мать?

Наталья.

Увидитъ, только ахнетъ
И замолчитъ: находка не корыстна,
Похвастаться нельзя. А мнѣ хошь срамъ,
Да такъ и быть, парнишку молодого
Жалѣючи, стыда не побоюсь,
А матушки родимой и подавно.

Яковъ.

Дознаются, не быть тебѣ за мной.

Наталья.

Возьмусь за умъ, такъ буду, не печалься.

У насъ вверху, у мастерицъ золотныхъ,
Обучишься уму — такая служба;
Въ котлѣ кипимъ. Одна другой хитрѣе,
И всѣ-то мы такія проидохи,
Что ты въ Москвѣ со свѣчкой не найдешь.

Яковъ.

Никакъ идутъ.

Наталья.

Ну, врозь да по угламъ. *(Расходятся.)*

Яковъ.

Ты гдѣ?

Наталья.

Въ углу. А ты?

Яковъ.

Въ другомъ.

Наталья *(прислушиваясь).*

Не чудь ли?

Яковъ.

Почудилось; аминь, аминь, разсыпься! *(Сходятся.)*

Наталья.

Въ чемъ служба-то твоя и какъ зовется,
Скажи ты мнѣ на милость?

Яковъ.

Какъ зовется,
Не знаю самъ покуда. Дѣйствомъ, либо
Игрой какой — мудреное прозванье.

Наталья.

А весело?

Яковъ.

Да такъ-то хорошо,
Что, кажется, кабы не грѣхъ великій,
Не страхъ отца... Вотъ такъ тебя и тянетъ,
Мерещится и ночью.

Наталья *(съ участіемъ).*

Безъ крестовъ
Играете игру-то? Передъ дѣйствомъ
Снимаете кресты-то?

Яковъ.

Не снимаемъ.

Наталья.

Грѣха-то что̀!

Яковъ.

Грѣха не оберешься.

Наталья.

Теперь идутъ ужъ вправду. Разойдемся.
(Входятъ Кочетовъ, Анисья, Татьяна.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Кочетовъ. Анисья, Татьяна, Яковъ и Наталья.

Татьяна.

Довольны вы?

Анисья.

Ужъ такъ-то мы довольны,
Сказать нельзя, по горло.

Татьяна.

Слава Богу.

Кочетовъ.

Запасъ великъ, добра преизобильно.

Анисья *(Якову и Натальѣ)*.

А вы опять по сторонамъ. Сойдитесь,
Бесѣдуйте! Произволеньемъ Божьимъ
У насъ на ладъ идетъ.

Татьяна.

Такъ по рукамъ?

Кочетовъ.

Ударимся, благословясь. А надо-бъ
Съ тебя еще черевью шапку взять.

Анисья.

На что̀ она, черевья шапка?

Кочетовъ.

Такъ ужъ
Задумалъ я.

Татьяна.

Завистные глаза!
Наталья! Прочь отъ Якова. *(Наталья отходитъ.)*

Анисья.

Постойте!
Уладимся. Дѣтей-то пожалѣйте!
Не ссориться-жъ изъ шапки. Стойте рядомъ.
(Яковъ подходитъ къ Натальѣ.)
Грѣха-то вы, какъ вижу, не боитесь.
Изъ пустяковъ да ссора.

Кочетовъ.

Я отъ шапки
Не отступлюсь.

Татьяна.

А я не уступлю.

Кочетовъ.

А я упрямъ.

Татьяна.

А я тебя упрямѣй.

Кочетовъ.

А мы и прочь.

Татьяна.

А я и очень рада.

Кочетовъ.

Дашь иль нѣтъ?

Татьяна.

И думать позабудь.
Наталья, вонъ! Изъ спаленки ни шагу
Шагнуть не смѣй. Иль запереть тебя?

Анисья.

Да полно вамъ! Поговорите толкомъ,
Безумные! Ей Богу, ну!

Кочетовъ.

Не хочетъ,
И кончено. Какіе разговоры?

Чего еще? Пойдемъ, жена, пойдемъ!
Простите насъ!

(Входитъ Юрій Михайловъ. Яковъ заглядываетъ за перегородку и разговариваетъ съ Натальей.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Кочетовъ, Анисья, Татьяна, Яковъ и Юрій Михайловъ.

Юрій.

Челомъ тебѣ, Татьяна
Макарьевна. Не обезсудь, безъ зову,
За дѣломъ я къ тебѣ. Кириллъ Панкратьичъ,
Здоровъ ли ты? Анисья Патрикѣвна!
Не съ вами-ль сынъ? Не здѣсь ли Яковъ?

Кочетовъ *(показывая).*

Здѣсь.

Юрій.

Такъ вотъ гдѣ ты? Гдѣ медъ, и мухи тамъ.
Замѣтимъ мы для переду! Отецъ,
Пугни его, гуляетъ отъ ученья,
Задуровалъ, отъ рукъ отбился.

Кочетовъ.

Яковъ,
Кто бѣгаетъ, того сажаютъ на цѣпь
И больно бьютъ. — приказныхъ батоговъ
Не миновать тому, а ты, въ придачу,
Попробуешь родительскихъ, домашнихъ.

Яковъ.

Родитель мой, ужъ лучше я...

Юрій.

Не слушай!
Иди, иди, не очень прохлаждайся!
Возись съ тобой, а дѣлу остановка.

(Уходитъ, уводя съ собой Якова.)

Татьяна.

Хорошъ женихъ Натальинъ! На веревкѣ
Въ приказъ таща́тъ.

Анисья.

Робячье дѣло.

Татьяна.

Видно,
Соскучился бояринъ о сынкѣ.

Кочетовъ.

Пойдемъ, жена!

Анисья.

Простите, Бога ради! *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Татьяна и Наталья.

Наталья *(выходя изъ спальни).*

Ушли они?

Татьяна *(смѣется).*

Ушли, спесивы больно.
Ну, вотъ у насъ и радость. Побранимся
Еще разокъ, другой, и сладимъ дѣло.
Не шапка мнѣ черевья дорога,
А уступать нельзя, не мой обычай.
Сначала ихъ повадь, они запросятъ
Ни вѣсть чего. А вотъ теперь сойдемся
На малости; за малую прибавку
Ухватятся обѣими руками.
Подай убрусъ и опашень, Наталья.

Наталья.

Куда же ты сбираешься?

Татьяна.

Къ Абраму
Никитичу.

Наталья.

А по̀ что?

Татьяна.

Объявить
Про сватанье. Царица обѣщала
Къ приданому прибавку, коль найдется
Женихъ тебѣ хорошій. Намъ чего же
Искать еще? Велика милость Божья!
За стараго не хочется отдать,
А Яковъ нашъ изъ молодыхъ да раннiй,
Матвѣеву пришелъ по праву. Ну, ужъ
Прибавлено, что взялъ въ сынки, а значитъ,
Хоть сынъ — не сынъ, а все же на знати!
А по̀ мужу женѣ почетъ.

Наталья *(у окна)*.

Гляди-ка,
Счастлива я: одинъ женихъ съ двора,
Другой на дворъ.

Татьяна.

А кто?

Наталья.

Василій Клушинъ.

Татьяна.

Запри скорѣй!

Наталья.

Да онъ въ сѣняхъ и пьяный.

Татьяна.

Скажи, что мать ушла, а то пристанетъ.
Разсядется, и кланяйся, и потчуй.
Несытую утробу! Наказанье!
(Уходитъ за перегородку. Входитъ Клушинъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Наталья и Клушинъ *(въ сѣняхъ)*.

Наталья.

Безъ матери пустить тебя не смѣю.

Клушинъ.

А гдѣ-жъ она?

Наталья.

Въ гостяхъ, сегодня праздникъ.
Куда идешь? Сказала, не пущу.

Клушинъ.

А ты меня попотчуй!

Наталья.

Чѣмъ прикажешь?
Березовымъ полѣномъ?

Клушинъ.

Эка дѣвка
Бѣдовая!

Наталья.

Уйди! Дѣвичье дѣло,
Стыднехонько сосѣдей.

Клушинъ.

Ничего.
Послушай ты...

Наталья.

Мое дѣвичье дѣло...
Уйди путемъ!

Клушинъ.

Эхъ, молодость прошла,
Не выгнала-бъ.

Наталья.

Мое дѣвичье дѣло.
Возьму ухватъ...

Клушинъ.

Ну, Богъ съ тобой! Прощай!
А матери скажи, чтобъ ожидала,
Что свата я хорошаго найду.
Лопухина, бояриня.

Наталья *(смѣясь)*.

Неужто?

Клушинъ.

Ну, вотъ и все. Прощай покуда!

Наталья.

Съ Богомъ.

(Клушинъ уходитъ. Выходитъ Татьяна.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Татьяна и Наталья.

Татьяна.

Натальюшка! Бѣда! Бѣжать скорѣе
Съ добра ума къ боярину съ поклономъ!
Не опоздать бы; забѣжитъ впередъ
Подьячишко, надѣлаетъ хлопотъ.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, окольничій.
Абрамъ Никитичъ Лопухинъ, царицынъ дворецкій
Іоганъ Готфридъ Грегори, аптекарь.
Юрій Михайловъ.
Яковъ Кочетовъ.
Клушинъ.
1-й, ***2-й***, ***3-й*** — ученики Грегори, комедіанты.
Нѣсколько комедіантовъ, два сторожа — безъ рѣчей

ЛИЦА ВЪ ИНТЕРМЕДІИ:

Цыганъ, Кочетовъ
Лѣкарь.
Слуга его.

Палата въ государевомъ дворцѣ, надъ аптекой. Въ ней три двери: съ правой стороны, въ заднемъ углу, входная; съ лѣвой, тоже въ заднемъ углу, въ другую палату; въ глубинѣ — въ комнату, назначенную для комедіантовъ. Посреди палаты невысокіе подмостки, въ видѣ четырехъугольной площадки; сходъ съ подмостокъ сзади къ средней двери. Близъ боковыхъ стѣнъ скамьи. Къ задней стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ двери, приставлено нѣсколько небольшихъ рамъ *перспективнаго письма*, то-есть декорацій.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Нѣсколько учениковъ-комедіантовъ: одни идутъ кучками, другіе ходятъ съ тетрадями въ рукахъ и читаютъ про-себя. У входной двери два сторожа. Входятъ Юрій Михайловъ *и* Яковъ Кочетовъ.

Юрій *(сторожамъ).*

Смотрѣть за нимъ! Блюдите хорошенько!

(Якову, который садится на скамью и опускаетъ голову на руку.)

А если ты вдругорядь и́мешь бѣгать
И своего бездѣлья не отстанешь,
Сидѣть тебѣ въ палатѣ на цѣпи.

1-й комедіантъ.

Провѣдуетъ бояринъ, на орѣхи
Достанется.

2-й комедіантъ.

За первую провинность
Нигдѣ не бьютъ.

3-й комедіантъ.

Помилуютъ, небось!

Юрій.

Не шутки, вѣдь! По царскому указу
Комедію „Есѳирь" готовимъ нà спѣхъ,
Стараемся, изъ кожи лѣземъ вонъ,
Чтобъ угодить царю, лишь ты, паршивикъ,
Мѣшаешь всѣмъ.

Яковъ.

Я убѣгу опять.

Юрій.

Чего и ждать отъ дурака! Поучатъ.
Разокъ, другой отдуютъ батожьемъ.
Прибавится ума въ тебѣ.

Яковъ *(сердито).*

Не знаю,
Не пробовалъ.

Юрій.

Отвѣдаешь, узнаешь.

1-й комедіантъ.

И что̀ тебѣ неймется? Наша служба
Веселая, работы нѣтъ большой.

Яковъ.

Отца боюсь.

Юрій.

Ну, вотъ велика птица!
Провѣдаетъ бояринъ Артемонъ
Сергѣевичъ, что изъ его приказа
Подьячишко, въ поруху воли царской,
Отъ дѣла прочь сынишка отбиваетъ,
Задастъ ему. *(Уходитъ въ другую комнату.)*

Яковъ.

Когда еще задастъ,
А я за все — про все, и здѣсь, и дома
Побоевъ жди! Хоть въ петлю полѣзай!

2-й комедіантъ.

Житье твое нельзя хвалить.

Яковъ.

Мое-то?
Мое житье, что всталъ, то за вытье.
Протеръ глаза, взглянулъ на солнце красно
И взвылъ, какъ волкъ на мѣсяцъ. *(Плачетъ.)*

2-й комедіантъ.

Полно плакать!

Нѣсколько комедіантовъ.

Не стыдно-ль? У!!

Яковъ.

Толкуйте! Вамъ живется
Спола́горя: и отдыхъ есть, и радость
На праздничныхъ гулянкахъ, въ пѣснѣ звонкой,
Въ ребяческихъ забавахъ и во всемъ,
Чѣмъ жизнь робятъ красна; а мнѣ веселье
Заказано.

2-й комедіантъ.

Слезами не поможешь;

Что плачь, что нѣтъ, все то же будетъ! Лучше
Махни рукой, да покажи намъ въ лицахъ
Бытье-житье домашнее!

Яковъ *(сердито отталкивая его).*
Отдайся!

1-й комедіантъ.

Оставь его! Зачѣмъ мѣшаешь парню?
Ты видишь, онъ за дѣло принялся;
Пущай сидитъ да воетъ на досугѣ.

3-й комедіантъ.

Потѣшь-ка, братъ, пріятелей!

Яковъ.

Отстаньте!

1-й комедіантъ.

Да ну его! Не хочетъ — и не надо.

3-й комедіантъ.

А знатно ты разсказывалъ, бывало
Животики со смѣху надорвешь.
„Сидитъ отецъ, а ты стоишь".

Яковъ.

Пристали,
Какъ банный листъ, отъ васъ не отвязаться.
Ну, вотъ: сидитъ отецъ въ очкахъ, читаетъ.
А я стою поодаль, и, на грѣхъ,
Смутилъ меня лукавый, разсмѣялся.
Отецъ очки снимаетъ полегоньку.
„Чему ты радъ, дуракъ? Аль что укралъ?
Не знаешь ты, что мы въ грѣхахъ родились
И ка́зниться должны, а не смѣяться?
Не знаешь ты, такъ я тебѣ внушу.
Достань-ка тамъ-на гвоздикѣ двухвостку!
Унывіе пристойно отрочати,
Унывіе, а не дурацкій смѣхъ,
Унывіе, унывіе..." И лупитъ
Отъ плечъ до пятъ, какъ Сидорову козу,
Безъ устали, пока не надоѣстъ.

И взмолишься, причитыванья вспомнишь,
И чешешься потомъ да унываешь,
Невѣдомо чему.

1-й комедіантъ.

Яганъ Готфридычъ.

(Входятъ Грегори и Юрій Михайловъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Грегори, Юрій, Яковъ и ученики.

Грегори *(Якову).*

Ты для чего убѣгалъ, Якобъ Кочетъ?
Не хорошо. Ты думалъ, dummer Junge,
Что грѣхъ тутъ есть? Не думай такъ! Не надо.
У насъ и Богъ одинъ, и грѣхъ одинъ.
Я пасторъ самъ такой, какъ попъ у русскихъ.
Что я грѣху учу, сказать лишь можетъ
Кто не ученъ, совсѣмъ не штудированъ.
И глупость есть невинныя забавы
Грѣхомъ считать. Теперь тебя прощаю;
А будешь, мой голубчикъ, уходить,
Тогда себѣ достанешь... Чтò достанешь —
Узнаешь самъ. Не будетъ хорошо. *(Отходитъ.)*

Яковъ *(про себя).*

Толкуй себѣ: не грѣхъ. Тебѣ ужъ кстати
Въ аду кипѣть, а мнѣ такъ нѣтъ охоты.

(Комедіанты смѣются.)

Грегори.

Ну, вы! Пошелъ, готовься начинать.

(Комедіанты уходятъ. Входятъ Матвѣевъ и Лопухинъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Матвѣевъ, Лопухинъ, Грегори и Юрій Михайловъ.

Грегори *(съ низкими поклонами).*

Das ist sehr schön, das sie gekommen sind.

Матвѣевъ.

Здоровъ ли ты, Яганъ Готфридычъ?

Грегори.

Очень

Благодарю за милость; понемножку,
И такъ, и сякъ. Herr Лопухинъ!
(Кланяется Лопухину).

Лопухинъ.

Здорово!

Матвѣевъ.

Ну, что̀ твои робята?

Грегори.

Потихоньку,
Не торопясь, идемъ подальше.

Матвѣевъ.

Дѣло!
А много-ль ихъ?

Грегори.

Тридесятъ человѣкъ.

Матвѣевъ.

И дѣльные робята есть?

Грегори.

Немножко.

Матвѣевъ.

А Кочетовъ? Мнѣ Юрій говорилъ,
Что больно онъ къ нѣмецкому языку
Старателенъ и шелъ къ тебѣ въ науку
Охотой самъ. Да годенъ ли парнишка
На что̀-нибудь?

Грегори.

Талантъ большой имѣетъ.

Матвѣевъ.

Чему гораздъ?

Грегори.

Такой смѣшной.

Матвѣевъ.

Покажешь
Сегодня намъ?

Грегори.

О, да! Сегодня будемъ
Показывать смѣшную штуку. Началъ
Готовить ихъ для interludium.
Что̀ дѣлать, Herr окольничій, покуда
Своихъ смѣшныхъ мы не имѣемъ штукъ,
Изъ Кіева достали. Безъ смѣшного
Никакъ нельзя, мой господинъ; наскучитъ
Матерія одна безъ перемѣны.
Да только жаль, что нѣтъ свое, а надо
Свое писать смѣшное.

Лопухинъ.

Намъ смѣшного
Не занимать; и своего напишемъ,
Лишь волю дай. Гляди да слушай только,
Съ три короба насыплешь. Что̀ другое,
Ужъ не взыщи, не вдругъ у насъ найдется.
А за смѣшнымъ недалеко ходить.
Идя сюда, подьячаго я встрѣтилъ,
Какъ водится, для радости царевой,
Изрядно пьянъ. Съ великимъ челобитьемъ,
Какъ снопъ упалъ; да, прахъ его возьми,
Перепугалъ. Какъ что̀ его скосило
У самыхъ ногъ моихъ. Какъ боровъ нѣгій,
Валяется, являетъ о безчестьи.
Послушалъ бы, о чемъ онъ проситъ.

Матвѣевъ.

Что же,
Послушаемъ, вели позвать.

Лопухинъ *(сторожу)*.

Эй, малый!
Шатается тутъ нѣкакій подьячій
Изъ мастерской царицыной палаты,
Такъ приведи сюда! *(Сторожъ уходитъ).*

Матвѣевъ (*Грегори*).

А скоро-ль будетъ
Комедія „Есоирь“ готова?

Грегори.

Скоро,
Мой господинъ.

Матвѣевъ.

Для матушки-царицы
Библейская Есоирь по сердцу будетъ.

Грегори.

О, да, mein Herr, я понимаю. Можно
Показывать сегодня вамъ немного
Комедію „Есоирь“, а только прежде
Preludium покажемъ небольшое.

Матвѣевъ.

Какое же?

Юрій (*съ низкимъ поклономъ*).

Цыганъ и лѣкарь.

Матвѣевъ.

Ладно.

(*Отводитъ Лопухина въ сторону.*)

Комедію для чести государской
Имѣть давно пора, и рѣчи нѣтъ.
Недаромъ же у прочихъ государей
При всѣхъ дворахъ она заведена.
Что можно взять, возьмемъ у иноземцевъ,
Чего нельзя — покуда подождемъ.
Абрамъ Никитичъ! Какъ ты полагаешь,
Для царской ли забавы лишь годна
Комедія? Для русскаго народа,
Для всѣхъ чиновъ и званій — отъ посадскихъ
До насъ, бояръ, не мало-ль пользы въ ней?
Не стыдъ ли намъ, не грѣхъ ли потѣшаться
Калѣчествомъ, убожествомъ людскимъ?
На дураковъ смѣемся; эко диво,
Что глупъ дуракъ! А развѣ то умнѣе:
Сберемъ шутовъ, сведемъ ихъ въ кучу, дразнимъ,
Какъ дикихъ псовъ, пока не раздерутся,
И тѣшимся руганьемъ срамословнымъ

И дракою кровавой. То-ль забавы
Бояръ, думцовъ, правителей земли!
А нашихъ женъ, боярынь, пированья?
Глядѣть-то срамъ! Отъ сытнаго обѣда,
Отъ полныхъ чаръ медовъ стоялыхъ встанутъ,
Алёхоньки, какъ маковы цвѣточки,
По лавочкамъ усядутся рядкомъ,
Велятъ пустить шутихъ, бабенокъ скверныхъ,
И тѣшатся безстыжимъ ихъ плясаньемъ
Съ вихляньемъ спинъ и пѣснями срамными.
И чѣмъ срамнѣй, тѣмъ лучше, тѣмъ угоднѣй
Боярынямъ. И сами бы пошли,
Да совѣстно, а плечи такъ и ходятъ,
И каблуки стучатъ, и громкій хохотъ
Дебелыя колышетъ телеса.
А дочери, на тѣ потѣхи глядя,
Съ младенчества дѣвичій стыдъ теряютъ,
И съ бабами и дѣвками сѣнными
Безъ матери изрядно такъ же пляшутъ.
Пора смѣнить шутовъ, шутихъ и дуръ
Неистовства на дѣйства комидійны.
Подьячаго винятъ за пьянство; развѣ
Безъ чарки онъ, безъ хмельнаго питья
Найдетъ себѣ веселье? Вѣковѣчнымъ
Обычаемъ указаны ему
По праздникамъ попойки круговыя
Съ задорными рѣчами, съ бранью, съ боемъ,
И на три дня тяжелое похмелье.
За что-жъ винить его? Иныхъ пріятствъ,
Иныхъ бесѣдъ, рѣчей и обиходовъ
Не знаетъ онъ. А покажи ему
Комидію, гдѣ хитрымъ измышленьемъ
И мудростью представлены, какъ въявь,
Царей, вельможъ, великихъ полководцевъ,
Философовъ дѣла и обхожденья, —
И думъ, и чувствъ извѣдавъ благородство,
Весельемъ онъ безчинства не почтетъ.
Простой народъ, коль вѣритъ иноземцамъ,
Въ комидіи не дѣйство, правду видитъ,
Живую явь: иного похваляетъ,

Другихъ коритъ и, если не унять,
Готовъ и самъ вмѣшаться въ дѣйство. Хочешь
Испробовать? Подьячему прикажемъ
Остаться здѣсь, на дѣйство поглядѣть.

Лопухинъ.

Ну, что-жъ, изволь! А зашумитъ, такъ можно
И въ шею гнать: бояринъ не великъ.

(Входитъ Клушинъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Матвѣевъ, Лопухинъ, Грегори, Юрій и Клушинъ.

Лопухинъ *(Клушину).*

Поди сюда и снова безъ утайки
Разсказывай по-ряду, кто и какъ
И чѣмъ тебя обидѣлъ.

Клушинъ.

Государь,
Абрамъ Никитичъ, милости боярской
Прошу твоей.

Лопухинъ.

Проси.

Клушинъ.

Сиротскимъ дѣломъ
Обиженъ я и, государь, являю
Передъ тобой обиду.

Лопухинъ.

На кого?

Клушинъ.

На Якова Матвѣева, палаты
Царицыной закройщика.

Лопухинъ.

А чѣмъ же
Обидѣлъ онъ тебя?

Клушинъ.

Сидѣлъ въ палатѣ
Сегодня я на мѣстѣ, гдѣ садятся
Подьячіе, а онъ, Матвѣевъ Яковъ,
За поставцомъ сидѣлъ, гдѣ платье шьютъ,
И молвилъ мнѣ: „хорошъ бы ты подьячій;
Зачѣмъ-де пишешь, высуня языкъ?
Зайти тебѣ съ затылка да ударить,
И ты себѣ языкъ откусишь". Въ томъ
И жалоба моя, и челобитье.

Лопухинъ.

И лаялъ ты его, я чаю.

Клушинъ.

Лаялъ
Неистово. Ужли-жъ стерпѣть?

Матвѣевъ.

Обида
Не малая.

Лопухинъ.

Ужъ это-ль не обида?
Какой еще? И какъ ты перенесъ?
Диковина, Василій.

Клушинъ.

Государь,
Абрамъ Никитичъ, смилуйся, пожалуй!

Лопухинъ.

Еще чего не скажешь ли?

Клушинъ.

Бояринъ,
Вдовѣю я безъ мала пять годовъ;
Грѣха боюсь, отъ скуки упиваюсь.

Лопухинъ.

А мнѣ-то что? Женись!

Клушинъ.

Не разъ сбирался —
Никто нейдетъ.

Лопухинъ.

Ужъ я не виноватъ,
Недобрую себѣ ты нажилъ славу
Между невѣстъ.

Клушинъ.

Твое велико слово:
Посватаешь, пойдутъ. Въ твоемъ приказѣ
Невѣста есть, изъ мастерицъ золотныхъ.

Лопухинъ.

Посватаю, женю тебя, Василій!
Останься здѣсь, дождись меня въ палатѣ;
Смотри туда! *(Указываетъ на подмостки.)*
Гляди смирненько въ оба!
Не прогляди, смотри! А что̀ увидишь,
Не сказывай!

Грегори.

Начать могу?

Матвѣевъ.

Хозяинъ
Не я, а ты въ палатѣ.

Грегори *(въ дверь комедіантамъ).*

Начинаемъ!

(Юрій Михайловъ и нѣсколько комедіантовъ ставятъ и укрѣпляютъ на заднемъ краю площадки раму, на которой написанъ домикъ. Рама ставится нѣсколько отступя отъ края, чтобы сзади ея оставался проходъ, а такъ какъ рама уже площадки, то и по обѣимъ ея сторонамъ остаются небольшіе изъ-за нея проходы. Передъ рамой ставятъ скамью. Юрій Михайловъ остается на площадкѣ съ тетрадью въ рукахъ. Матвѣевъ и Лопухинъ садятся на скамью съ лѣвой стороны. Грегори сажаетъ Клушина на скамью съ правой стороны; тотъ упирается; онъ сажаетъ его за плечи насильно и садится съ нимъ рядомъ.)

Юрій *(на площадкѣ).*

Ciganus exit. Яшка, выходи!

(Уходитъ за раму; съ другой стороны выходитъ Яковъ Кочетовъ, одѣтый цыганомъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Матвѣевъ, Лопухинъ, Грегори *и* Клушинъ. Preludium *(на площадкѣ)*. Цыганъ, *потомъ* лѣкарь *и* слуга

Цыганъ *(печально)*.

Чахбей, чахбей!

Клушинъ *(хохочетъ)*.

Охо, го-го!

Грегори *(Клушину)*.

Молчи!

Цыганъ.

Чахбеи, чахбеи!
Когда-жъ люди видали,
Чтобъ цыгане съ голоду пропадали?
А ужъ я нынѣ того дождался,
До самаго нельзя вплоть домотался.
Такая, право, забота:
Работать не беретъ охота,
А бродишь день до вечера
И украсть тебѣ нигдѣ нечего.
Нашла на меня напасть,
Приходитъ съ голоду пропасть,
И сталъ я безъ хлѣба въ тоскѣ,
Какъ безъ воды рыба на пескѣ.
Да что̀-жъ я, сдуру, стою да плачу?
Лягу-ка я спать наудачу!
Ужъ либо голодъ переспится,
Либо что̀ съѣстное приснится. *(Ложится на лавку.)*

Клушинъ.

Ну, какъ не такъ! Приснится, дожидайся!
Ложись, ложись!

Грегори.

Не надо говорить.
Молчи, гляди и слушай!

Клушинъ.

Замолчу.

(Цыганъ видитъ во снѣ сало, ловитъ его зубами, понемногу приподнимаясь, и просыпается.)

Цыганъ.

Вотъ кой-что и хорошенькое приснилось:
Около губъ ветчинное сало билось.
Я было за нимъ потянулся,
Да такъ ни съ чѣмъ и проснулся.
Лягу на счастье сначала,
Не увижу ли опять сала.
А увижу, такъ захвачу зубами,
Что̀ твой кузнецъ клещами.

(Ложится опять. Клушинъ хохочетъ; Григори зажимаетъ ему ротъ. Цыганъ опять видитъ сало и тянется за нимъ.)

Ну-ка еще, ну-ка еще поближе,
Опустись маленько пониже!

(Вскакиваетъ, ловитъ руками и бѣжитъ за раму. Съ другой стороны выходятъ лѣкарь и слуга съ ящикомъ медикаментовъ. Цыганъ, не поймавъ сала, возвращается печальный.)

Цыганъ.

Распропащая голова моя!

Лѣкарь.

Doles?

Цыганъ.

Да кака тутъ лиха болѣсь?
Не ѣлъ никакъ двѣ недѣли,
Отъ того всѣ черевья помлѣли.

Лѣкарь.

Varia sunt mi medicamenta ad manus.

Цыганъ.

Знаю, что ты обманешь;
Да ужъ ты повѣрь мнѣ, цыгану,
Мало стало проку отъ обману.
Знать, что обманъ плохо помогаетъ,
Коли цыганъ съ голоду пропадаетъ.
Мнѣ бы теперь кусокъ сала,
Вся бы моя боль въ животѣ отстала.

Лѣкарь.

О, quam pulsus est gravis!

Цыганъ.

Чтò ты меня давишь?
Вотъ чудакъ, щупаетъ, да въ сторону плюетъ,
А что цыганъ голоденъ, того не чуетъ.

Лѣкарь.

Hic medicamenta. *(Показываетъ лькарство.)*

Цыганъ.

Да не пойдетъ это въ губы.

Слуга.

Говоритъ, что болятъ у него зубы.

Лѣкарь.

Ubi dolor.

Слуга *(на ухо громко).*

Болятъ у него денте!

Лѣкарь.

Ubi sunt instrumenta.

Слуга *(цыгану).*

Сядь-ка, братъ, благо все готово.

Цыганъ.

Вотъ мнѣ любезное слово.
Теперь-то я обѣда дождался:
Слава Богу, добрый человѣкъ попался.
Надо мнѣ поплотнѣй усѣсться,
Чтобъ за всѣ голодные дни отъѣсться.
Привалило счастье цыгану. *(Садится.)*

Слуга.

Господинъ лѣкарь, принимайся! а я держать стану.

Цыганъ.

Зачѣмъ держать? Столъ подставьте,
Да печеное порося поставьте,
Да глядите издали, коли не видали,
Какъ люди поросятъ съ костями ѣдали.

Слуга.

Болтай еще! Порося ему дать!
(Беретъ цыгана за голову сзади.)

Цыганъ.

Аль ты меня хочешь, чтò кобылу, взнуздать?

Лѣкарь *(раскрывая ротъ цыгану).*

Quam dentes sunt lati!

Цыганъ.

Да что вы, черти прокляти!

Лѣкарь *(вырывая зубъ).*

Ecce habes!

Цыганъ *(вырвавшись, воетъ).*

Ай, ай, ай-ай!
Батюшки мои!

Клушинъ *(привстаетъ).*

Ой, смёртушка! Ой, смерть моя приходитъ!

Грегори *(беретъ его за плечо)*

Сиди, сиди, молчи!

Клушинъ.

Да мочи нѣтъ.

Лопухинъ.

Заткните ротъ ему тряпицей старой!

Клушинъ.

Ой, замолчу! Ой смерть! Ой, замолчу!

Слуга *(цыгану).*

Присядь-ка, мы еще дернемъ.

Цыганъ.

Да и такъ вытянули зубъ съ корнемъ.
Я думалъ, онъ отъ голоду полѣчитъ,
А онъ меня же калѣчитъ.
Знать ума, у тебя много:
Вздумалъ ты, жидъ тонконогой,
Коли зубовъ не станетъ,
Такъ и голодъ отъ человѣка отстанетъ.
Отъ такихъ чертей лѣкарей
Бѣжать было цыгану поскорѣй.

Слуга.

Бѣги, благо ты парень вострый,
А то вытащитъ тебѣ зубы вдосталь.

(Цыганъ убѣгаетъ.)

Лѣкарь.

Деньги гдѣ? Деньги заплати-ка!

Слуга.

Попробуй, цыгана догони-ка!

Лѣкарь *(бьетъ слугу).*

Такъ вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! Получай!
Безъ денегъ больного не отпускай!

Слуга.

Охъ! Много мнѣ отъ тебя передачи!
Нечего дѣлать, давать тебѣ сдачи.
По-русски вотъ какъ! Отвѣдай мою закуску.
У меня и чорту не бываетъ спуску.
(Беретъ нѣмца поперекъ, бросаетъ на землю и бьетъ палкой.)

Лѣкарь.

Heu, heu!

Слуга *(бьетъ палкой).*

Вотъ тебѣ гей! Лѣкаришка!
Некрещеный лобъ, паршивый паричника!

Клушинъ.

Валяй его! Валяй! Вотъ такъ! Прибавь!
Прибавь еще!

Грегори.

Сиди!

Клушинъ.

Пусти-ка, нѣмецъ.
Постой-ка, я пойду ему прибавлю.
(Лѣзетъ на подмостки.)

Лопухинъ.

Гоните вонъ его! Гоните въ шею!
(Сторожа выталкиваютъ Клушина.)

Матвѣевъ *(Грегори).*

Изрядно, братъ! Зѣло потѣшно видѣть
Робятъ твоихъ.

Лопухинъ.

Смѣшить горазды!

Грегори.

Очень
Благодарю.

Матвѣевъ.

Теперь „Есѳирь“?

Грегори.

Сейчасъ.
Пожалуйте, войдите здѣсь въ палату!
Въ минуту все у насъ готово будетъ.

(Провожаетъ Матвѣева и Лопухина въ сосѣднюю комнату. Комедіанты и сторожа прибираютъ на сценѣ; выходитъ Яковъ Кочетовъ, переодѣвшись въ свое платье.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Яковъ, комедіанты и сторожа.

Яковъ.

Съ добра ума убраться поскорѣе!
Потѣшно имъ, а мнѣ веселья мало.
Смѣются всѣ, а у меня мурашки
По кожѣ-то отъ пятокъ до затылка,
И волосы вздымаетъ дыбомъ, словно
Съ загривка-то кто чешетъ. Убѣгу.
Отбѣгаюсь, хоть на цѣпь посадите,
Хоть рѣжь меня. Парнишка молодой,
Душонка-то изныла. Мнѣ ли тѣшить,
Ломать себя, чужую образину,
Цыганскую, жидовскую, чудскую,
Напяливать на обликъ православный,
Веселымъ быть и веселить другихъ,
Когда въ глазахъ зіяетъ адъ кромѣшный,
Надъ головой отцовское проклятье!
Кому Есѳирь, а мнѣ душа нужна.
Грѣха боюсь, уйду. Прощайте, братцы! *(Убѣгаетъ.)*

Комедіанты.

Ушелъ, ушелъ! Держите!

(Сторожа подходятъ къ двери. На шумъ выходятъ Матвѣевъ, Лопухинъ, Грегори, Юрій Михайловъ и остальные комедіанты.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Матвѣевъ, Лопухинъ, Грегори, Юрій Михайловъ, комедіанты и сторожа.

Сторожа *(у двери).*

Не догонишь.
Держи его! Какъ вихорь полетѣлъ.

Юрій *(толкая сторожа).*

Ловить его! Ловить его бѣгите!

Грегори.

Что дѣлать намъ, mein Gott? Никакъ не можно
Показывать „Есоирь“.

Матвѣевъ.

О чемъ тревога,
И кто ушелъ?

Юрій.

Да Кочетовъ Яшутка.
Не въ первый разъ ему. Отца боится
И бѣгаетъ отъ дѣла.

Матвѣевъ.

Развѣ мимо
Отцовскаго согласья Яковъ взятъ?

Юрій.

Охотился, и взяли, государь.
Его печаль отца спросить, не наша.
Ужъ больно лютъ старикъ: ему забота
Лишь бражничать да сына теребить,
Какъ ястребу курчонка. Батогами
Пугнуть бы ихъ обоихъ — то ли дѣло!
И Якову наука, и отецъ
Помягче-бъ сталъ.

Матвѣевъ.

Въ умѣ ли ты! Иль мало
Ругаютъ насъ бояре, такъ и ловятъ
Поймать у насъ хоть малую оплошку,
Царю довесть и дѣлу помѣшать.

Грегори.

Безъ Якоба не можно и не будеть
Комидія готова.

Матвѣевъ.

Постарайся!

Грегори.

Одинъ ушелъ, другой и всѣ уйдутъ,
И я уйду.

Матвѣевъ.

А ты сердитъ, я вижу.
Взамѣнъ его возьми другого!

Грегори.

Развѣ
Талентъ башмакъ, что можно ихъ мѣнять,
Одинъ долой, другой надѣлъ?

Матвѣевъ.

Ну, какъ же
Помочь бѣдѣ? Помѣхи, вижу, много
Со всѣхъ сторонъ: кто съ умысломъ, кто спросту
Мутитъ народъ, по всей Москвѣ разноситъ,
Что будто мы готовимъ государю
Бѣсовскую потѣху. Не уймешь
Народную молву, пока не скажешь
Съ постельнаго крыльца, что дѣйство будетъ
Изъ библіи: „Есоирь“.

(Отводитъ Лопухина въ сторону.)

Да не нажить бы
Себѣ бѣду другую, горше первой?
Указывать на Мардохея будутъ,
Отыскивать Амана межъ собой. *(Юрію.)*
Парнишку ты сведи къ отцу, скажи:
Не надо, молъ, не плачьте, пошутили.

Грегори.

Нельзя, никакъ не можно мнѣ безъ Якобъ.
Другого нѣтъ, и нѣтъ, и негдѣ брать...

Матвѣевъ.

Ну, какъ же быть, не знаю, право. Палкой

Медвѣдей лишь къ плясанью понуждают.
Людей нельзя.

Юрій.

Дозволишь молвить слово?

Матвѣевъ.

Ну, молви, что̀-ль, скорѣе!

Юрій.

Государь,
Затѣяно, такъ надо кончить дѣло;
Берясь за гужъ, не говори: не дюжъ.
Ужли-жъ теперь, людей бездѣльныхъ ради,
Ломать, бросать иль портить начатое?
Ужли отстать отъ Якова? Да я
Возьмусь тебѣ, что Кочетовъ Кирила
И самъ придетъ, и сына приведетъ
Въ палату къ намъ.

Матвѣевъ.

Схлопочешь, рубль за мною.

Юрій.

Рублемъ на рубль отвѣтить мнѣ не мочно,
А голову кладу свою въ поруки,
Что Кочетовъ старикъ придетъ просить
И кланяться, чтобъ только взяли сына.

Матвѣевъ.

Ну, вотъ, не плачь, Яганъ.
(Взглянувъ на часы, Лопухину.)
Приспѣло время,
Пора итти къ царю на званый пиръ.
(Уходятъ; всѣ съ низкими поклонами ихъ провожаютъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Кириллъ Кочетовъ.
Анисья.
Яковъ.
Клушинъ.
Татьяна.
Наталья.
Юрій Михайловичъ.
Слуга Кочетова (безъ рѣчей).

Чистая изба въ домѣ Кочетова. По срединѣ входная дверь; налѣво, у печки, дверь за перегородку, у двери поставецъ; направо подъ окнами лавка, у лавки столъ, на которомъ большія и малыя книги.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Анисья и Татьяна *(входятъ.)*

Анисья.

Пожалуй-ка! Тебя Господь несетъ,
А я гляжу въ окно, да не узна́ю:
Какъ словно ты — опять же то мекаю,
Что видѣлись сейчасъ, зачѣмъ-де ей?
Ну, милости прошу.

Татьяна.

Такое дѣло
Приспѣлося; безъ нужды-бъ не пошла.

Анисья.

Само собой. За дѣломъ иль безъ дѣла,
А все же я радёхонька.

Татьяна.

Съ Кирилломъ
Панкратьичемъ повздорили за роспись
Маленько мы.

Анисья.

До брани не дошло.

Татьяна.

А долго ли?

Анисья.

Да диво-ль побраниться?
Лиха бѣда заспорить.

Татьяна.

Не святые,
На всякій часъ не опасешься.

Анисья.

Намъ бы
И спорить-то не для чего. Конечно,
Ведется такъ: нельзя не торговаться.
Ну, мужъ глава, при немъ и я по немъ,
А я тебѣ перечить бы не стала.
Для матери дитя всего больнѣе;
Тебѣ печаль Наташу замужъ выдать,
Моя — сынка женить. Хоть поглядѣли-бъ
На ихъ житье. И радость-то одна
На старости: внучатъ скорѣй понянчить,
Коль Богъ пошлетъ.

Татьяна.

Я, такъ и быть, прибавлю
Тафтяную сорочку рудожелту.
Да вошвы есть на лѣтникъ, по атласу
Червчатому шелки и серебро.
Совсѣмъ было про нихъ забыла — стала
Въ коробьяхъ рыть, нашла, такъ что̀ тапть.

Анисья.

Скупенька ты, а вотъ и разступилась
Для дочери. Да что̀ и говорить:
Затѣяли, такъ надо кончить дѣло.
Убытка нѣтъ тебѣ: такого зятя
Съ огнемъ ищи, такъ не найдешь, повѣрь.
Не матери-бъ хвалить.

Татьяна.

И не хвалила-бъ.
У насъ глаза не слѣпы — парня видимъ.
Дурнымъ его не назовешь, изъ роду

Не выкинешь, а поискать, приняться,
Такъ есть и лучше на Москвѣ; не клиномъ
Сошлась она. Да вотъ бѣда какая:
Искать-то мнѣ не время; тороплюся,
Приходится сбывать Наталью съ рукъ.
Послушай-ка! На Кисловкѣ, бокъ-ò-бокъ,
Сосѣдъ у насъ, изъ нашего приказа
Подьячишка — да, Господи прости!
Такой-то песъ постылый! Наберется
Угару-то хмельного, колобродитъ
По всѣмъ дворамъ, а чаще всѣхъ ко мнѣ.
И потчую, нельзя. По разговорамъ,
Какъ вижу я, присвататься онъ хочетъ.

Анисья.

Не Клушинъ ли?

Татьяна.

Ну, онъ. А развѣ знаешь?

Анисья.

Кумой зоветъ — крестили вмѣстѣ. Ходитъ
Частенько къ намъ и пить, и похмеляться.
Докучливъ такъ-то часомъ, что не знаешь,
И выжить какъ. Чего-жъ его бояться?
Не отдавай! Не кто тебя неволитъ,
Не оторветъ съ руками.

Татьяна.

Оторветъ:
Сильна рука у плута. Подслужился
Боярину Лопухину и нашимъ
Боярынямъ верховымъ, казначеямъ.
Боярское для насъ велико слово:
Велятъ отдать, не станешь спорить, выдашь
За пьяницу.

Анисья.

Ахти! Бѣда какая!

Татьяна.

Ну, сватьюшка, еще ли ты не видишь
Любви моей? Другая набиваться

Стыдилась бы, а я вас упреждаю:
Не мѣшкайте!

Анисья.

Чего же дожидаться?
Хоть завтра же! Спасибо, что сказала.
Проснется мужъ, поговоримъ, да съ Богомъ,
Благословясь, и по рукамъ ударимъ.
А тамъ, честнымъ пиркомъ... Ужъ такъ-то рада,
И словъ тебѣ не вдругъ найду... Ну, сватья,
Въ свѣтелочку ко мнѣ! На всей прохладѣ
Медку испить пожалуй за любовь.

(Уходятъ. Изъ боковой двери, спросонокъ послѣ полуденнаго сна, выходитъ Кочетовъ, отворяетъ поставецъ, достаетъ сулейку и чарку и, оглядываясь, наливаетъ.)

ЯВЛНЕIЕ ВТОРОЕ.

Кочетовъ *(одинъ, со вздохомъ).*

Единую. Жена не увидала-бъ,
Храни Господь! Хоть въ домѣ я глава,
А все-таки... *(Пьетъ.)* Закусочки пошарить.
(Закусываетъ.)
А все-таки, блюдуся шуму. Звóнокъ,
Пронзителенъ ихъ голосъ бабій. *(Откашливаясь.)*
Знатно!
Винца испить любезно скуки ради;
Да только жаль, что чарочка мала,
И потому вторично. *(Пьетъ.)* Вотъ и полно.

(Ставитъ сулейку на мѣсто, закрываетъ поставецъ и садится къ столу.)

Теперь начну прохладно насыщаться
Премудростью чужой.

(Раскрываетъ рукопись Домостроя, лежащую на столѣ.)

Гдѣ ни откроешь,
Словесный медъ и пища для души.
(Надѣваетъ очки и читаетъ.)

„А дѣти аще небрегомы будутъ,
Въ ненаказаніи отцовъ живя,
Что согрѣшатъ иль злое что содѣютъ —
Отцамъ и матерямъ отъ Бога грѣхъ,
А отъ людей укоръ и поношенье,
Въ дому тщета и скорби, и убытокъ,
А отъ судей соромота, продажа“.
Премудрыя слова отца Сильвестра!
А далѣе читаемъ: „Како дѣти
Спасати страхомъ“. „Не ослабѣвай,
Бія младенца! Аще бо жезломъ
Біешь его, на здравіе бываетъ;
Казни измлада сына своего
И ребра сокрушай, покуда малъ,
А выраститъ — не дастся“. Это правда.
Великій былъ мудрецъ отецъ Сильвестръ!
Для сына я не пожалѣлъ жезла,
И выростилъ стыдливѣе дѣвицы:
Какъ рыба, нѣмъ предъ старшимъ пребываетъ,
Родителя приказы принимаетъ
Въ молчаніи, съ поклономъ исполняетъ.
На праздничныхъ пирушкахъ у родныхъ,
Склоня главу, сидитъ, а очи долу
Опущены имѣетъ. Глумотворства,
Веселія бѣжитъ. А паипаче
Училъ его блюстися скомороховъ,
Гудѣльниковъ, сопѣльниковъ, глумцовъ,
И пѣсенъ ихъ бѣсовскихъ; грѣхъ тягчайшій
Сіе бо есть. Могу хвалиться смѣло
Передъ людьми, что Яковъ мой не знаетъ
Мірскихъ забавъ и всяческихъ соблазновъ.
(Входитъ Клушинъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Кочетовъ и Клушинъ.

Клушинъ.

Хозяину и дому благодать
И миръ!

Кочетовъ *(снимая очки).*

Добро пожаловать, пріятель
Особенный, Василій Өалалеичъ!
Присядь!

Клушинъ.

Сажусь. Хозяйка поздорову-ль,
Кума моя, Анисья Патрикѣвна?

Кочетовъ.

Старуха-то? Старуха ничего,
Кой-какъ плетется.

Клушинъ.

Яковъ попавыкъ ли
Писанію приказному?

Кочетовъ.

Подъ страхомъ
Родительскимъ помалу навыкаетъ.
Обучится, не вдругъ же.

Клушинъ.

Ну, и ладно.
Все слава Богу, значитъ?

Кочетовъ.

Слава Богу!

Клушинъ.

Ну, и восхвалимъ Бога!

Кочетовъ.

И восхвалимъ
За милости Его.

Клушинъ.

Ему во славу
Даровъ Его употребимъ посильно
Отъ лознаго плода.

Кочетовъ.

Да негдѣ взять-то.
Подьячему вкушать не подобаетъ
Отъ гроздія. Копейки трудовыя
Въ моей мошнѣ дырявой шевелятся,
А не рубли, и намъ о фряжскихъ винахъ

И греческихъ и думать непригоже.
Простое есть.

Клушинъ.

Приказывай!

Кочетовъ.

Поспѣешь!
Пріятелю душевно радъ; понеже
Скудаюся давно бесѣдой умной.
По-дружески прошу тебя, Василій,
Поговоримъ съ тобой, покуда трезвы.
Диковина-ль напиться! Мы успѣемъ
Осатанѣть. Не прочь и я отъ чарки,
Лишь не люблю безумнаго веселья.
Бесѣдовать прохладно я желаю,
Отъ разума и отъ писаній книжныхъ,
О томъ, о семъ, о суетѣ житейской.
Вопросами другъ друга испытуя,
Паришь умомъ надъ сей земной юдолью,
Красноглаголиво, преизощренно,
Витійственно свои слагаешь рѣчи,
И мнишься быти новый Златоустъ.
Люблю словесъ извитіе и жажду
Его душой. Подьяческихъ пирушекъ
Не жалую; въ нихъ брань да ереканье,
Да пьяный шумъ, воистину бѣсовскій.
Не мерзость ли, когда они въ присядку
Пускаются по цѣлому десятку!

Клушинъ.

А я хмельной умнѣе.

Кочетовъ.

Другъ Василій,
Не похвались! Ума-то не теряешь
Воистину, да на руку-то скоръ
И дерзостенъ бываешь въ разговорѣ, —
Частехонько за бороду чужую
Имаешься, какъ за свою, безъ спроса,
Иль, сохрани Господь, чѣмъ ни попало
По лысинѣ огрѣешь.

Клушинъ.

Въ этомъ грѣшенъ
Не что, начнемъ. Разсыпать разговоръ
И я не прочь.

Кочетовъ.

Вотъ мы заговорили,
Что милостивъ Господь до насъ. Вопросъ:
А милостей достойны-ль мы Господнихъ?

Клушинъ.

Отвѣтъ: никакъ.

Кочетовъ.

А почему? вопросъ.

Клушинъ.

Отвѣтъ: зане грѣха и всякой скверны
Содѣтели; живемъ скотоподобно
И пьянственно; а грѣхъ лихоиманья,
Грабительства, прижимки, волокиты
И всякаго томленья православныхъ
Первѣйшій въ насъ; и мы ничѣмъ не лучше
Разбойниковъ, сѣдящихъ по оврагамъ,
Въ темныхъ лѣсахъ, подъ ветхими мостами.

Кочетовъ.

Разбойниковъ?

Клушинъ.

И татей полунощныхъ...

Кочетовъ.

Постой, постой! Я изловилъ тебя.
Еще вопросъ, и самъ ты повинишься.
Не первому-ль новозавѣтный рай
Разбойнику отверзся?

Клушинъ.

Эко дѣло!
И вправду такъ. Винюсь. Скажи, пожалуй,
Изъ памяти ушло.

Кочетовъ *(со вздохомъ)*.

Кому-жъ и помнить
Разбойника спасенье, какъ не намъ?

Нашлось ему въ раю мѣстечко, будетъ
И намъ съ тобой. Въ мірy живемъ, пріятель,
Не согрѣшить нельзя — питаться надо,
Кормить семью. Грѣха не убѣжишь,
Въ грѣхѣ рожденъ. А наше лихоимство
Велико ли? Обычная подачка
Отъ воеводъ.

Клушинъ.

А тѣ посадскихъ грабятъ.

Кочетовъ.

Такой чередъ отъ вѣка предуставленъ,
А то бы какъ мірская-то копейка
Изъ дальнихъ странъ Россіи неоглядной,
Изъ Галича, изъ Вологды иль Перми
До нашихъ рукъ сиротскихъ доходила? *(У двери.)*
Жена, войди! Василій Ѳалалеичъ
Въ гостяхъ у насъ. *(Входитъ Анисья.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кочетовъ, Клушинъ и Анисья.

Анисья *(цѣлуясь съ Клушинымъ).*

Ахъ, куманекъ любезный!
Надумался въ кои-то вѣки. Лёгко-ль,
Кажись, ужъ годъ тебя я не видала;
А Кисловка-то подъ бокомъ у насъ,
Не за моремъ. Не грѣхъ бы толкопуться
Когда-нибудь, куму провѣдать.

Клушинъ.

Видишь,
Дѣла у насъ. Царица молодая
Повеселѣй живетъ. Ея дворецкій,
Абрамъ Никитичъ Лопухинъ, покою
Не знаетъ самъ, да не даетъ и намъ.
Во всемъ дворцѣ у всѣхъ теперь работы
Прибавилось: то новыхъ нянекъ, мамокъ

Готовили, а вотъ теперь ропщи.
Такъ некогда, не обезсудь.

Анисья.

Да полно
Виниться-то! Я рада, что пришелъ.

Кочетовъ.

Поди-ка ты да принеси...

Анисья.

Ужъ знаю.
Чѣмъ потчевать. Не яства же сахáрны
Поставить вамъ! И хлѣбомъ не корми,
Да дай винца.

Клушинъ.

Не то, чтобъ я любилъ.
А, видишь ты, у государя радость,
Такъ веселы и слуги. Погляди-ка!
Пьяна Москва отъ мала до велика.
Бояре пьютъ съ почетомъ у царя,
Промежъ себя дворяне, духовенство
И всякій чинъ придворный, а подьячій —
Гдѣ потчуютъ его. И всякій пьетъ,
Гдѣ есть вино, и гдѣ ему придется.
Въ такіе дни и пьется какъ-то ходко,
Особенно за умною бесѣдой
Съ пріятелемъ.

Анисья.

Да что̀ грѣха таить,
Захочешь пить, такъ радости найдутся.
Не первый годъ съ тобой знакомы, знаю
Обычай твой: до чарочки охочъ.

Клушинъ.

И не запрусь, кума.

Анисья.

Не въ осужденье
Слова мои. Пилось бы на здоровье!
Хозяева такимъ гостямъ и рады
Податливымъ; спесивый, право, хуже.

Поклонами замучаетъ. Всю спину
Сведетъ тебѣ, не разогнешься послѣ,
А ты не ждешь поклоновъ, и спасибо.
А, чай, тебѣ постами тяжело
Безъ пѣннаго? Повадка-то неволитъ,
А разрѣшенья нѣтъ. А кто привыченъ,
Такъ, слышала, ой-ой, непереносно
Говѣнье-то.

Клушинъ.

Ну, что ужъ! Умираю.

Анись.

А, вѣдь, грѣшишь, поди?

Клушинъ.

Не потаюсь.
Грѣшить — грѣшу, да каюсь въ окаянствѣ.
По тысячамъ поклоны отбиваю
Частехонько, всѣ лѣстовки оммыгалъ.

Кочетовъ *(женѣ).*

Да ты бы шла

Анись.

Иду. Затолковалась.
Сейчасъ велю подать. И у самой-то
Въ гостяхъ сидитъ знакомая старушка,
Такъ у меня припасено. Сидите,
Бесѣдуйте! Я гостью провожу
И къ вамъ приду, присяду. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНЕ ПЯТОЕ.

Кочетовъ, Клушинъ *и потомъ* слуга.

Кочетовъ.

Другъ любезный,
Про новости, какія есть, скажи!

Клушинъ.

И то хочу сказать тебѣ изъ свѣжихъ.

(Слуга вноситъ вино и закуску, ставитъ на столъ и съ поклономъ уходитъ.)

Кочетовъ (*наливая чарку*).
За здравіе царя и государя
И матушки царицы. (*Пьетъ. Хочетъ закусывать.*)

Клушинъ (*наливая по другой*).
Погоди!
Пожди, постой! Тотчасъ же по другой
За здравіе царевича Петра,
Новорожденнаго!

Кочетовъ.
На многи лѣта! (*Пьютъ.*)

Клушинъ.
И новости теперь. Вдову, Татьяну
Макарьевну, изъ мастерицъ золотыхъ,
Знавалъ ли ты?

Кочетовъ.
Ну, какъ ее не знать

Клушинъ.
И дочь ея, Наталью, знаешь?

Кочетовъ.
Знаю.

Клушинъ.
И деньги есть у нихъ?

Кочетовъ.
Еще-ль не быть!
Накоплено, и не прожить.

Клушинъ.
Наталья
На возрастѣ, и люди дѣвку хвалятъ.
Такъ вотъ тебѣ и новость: я сбираюсь
Присвататься.

Кочетовъ.
Недурно ты задумалъ,
Да поздно, другъ.

Клушинъ.
Ничуть.

Кочетовъ.
Повѣрь, что поздно.

Клушинъ.

И старше есть, да женятся. Завистно
Приданое. А сватовство ведется
Не женихомъ, а сватомъ; плохъ женихъ,
Да сватъ хорошъ, и ладно. Я Абрама
Никитича посватать попросилъ.
Я старъ и вдовъ, а скажетъ только слово
Боярское — и любъ, и молодъ буду.

Кочетовъ.

Да поздно, другъ. Ищи себѣ другую,
Наталью намъ оставь: сговорена
За Якова.

Клушинъ.

Я, чай, Василій Клушинъ —
Не Яковъ твой. Его за человѣка
Не всякъ сочтетъ. Помѣха не велика.
Въ поддружьи быть ему на нашей свадьбѣ
И то за честь великую.

Кочетовъ.

За сына
Горой вступлюсь. Не тронь его.

Клушинъ.

Вступайся!
Не дороги вы оба.

Кочетовъ.

Ты великъ ли?

Клушинъ.

Великъ иль малъ, а все-жъ не скоморохъ.

Кочетовъ.

Ужъ врать, такъ врать, Василій. Ври ужъ вдосталь!
Когда его видалъ ты скоморохомъ?

Клушинъ.

Сегодня, другъ.

Кочетовъ.

Кого же Яковъ тѣшилъ?

Клушинъ.

Матвѣева.

Кочетовъ.

Не лги! У Артемона
Сергѣича холопы есть.

Клушинъ.

Холопы
Холопами, и Якову есть мѣсто.

Кочетовъ.

Да сдьяну-то не только скоморохи,
Покажутся тебѣ и черти.

Клушинъ.

Ладно.
Покажутся, такъ открещусь!

Кочетовъ.

Василій,
Не пустословь! Облай его, какъ хочешь:
Грабителемъ казны, церковнымъ татемъ,
Убійцею, коль Бога не боишься,
Коль бѣсъ въ тебя засѣлъ; а скоморохомъ
Не обзывай!

Клушинъ.

Кричи себѣ, пожалуй,
Не страшно мнѣ ничуть.

Кочетовъ.

Да гдѣ-жъ ты видѣлъ?
Скажи, злодѣй!

Клушинъ.

Въ аптекарской палатѣ.
Дворцовую аптеку знаешь?

Кочетовъ.

Знаю. *(Съ ужасомъ.)*
И тамъ внизу потѣшная...

Клушинъ *(таинственно).*

Не то.
Надъ царскою аптекой есть палата
Просторная; съ великимъ береженьемъ,
Тихонько, тамъ обычаемъ нѣмецкимъ
Подьяческихъ дѣтей и иноземцевъ

Нѣмецкій попъ потѣхѣ новой учитъ, —
Комидіи.

Кочетовъ.

Нѣмецкій попъ?

Клушинъ.

Яганъ
Готфридовичъ Григорьевъ.

Кочетовъ.

Боже!
Нѣмецкій попъ крещеныхъ, православныхъ
Подьяческихъ дѣтей потѣхѣ учитъ!

Клушинъ.

Комидіи.

Кочетовъ.

О, Господи, помилуй!

Клушинъ.

Нѣмецкая потѣха мудрена:
Не всякому подъ силу. Яковъ понялъ,
На диво всѣмъ дался.

Кочетовъ.

Да въ чемъ она,
Потѣха-то нѣмецкая?

Клушинъ.

Примѣрно,
Хоть Якова одѣнутъ чортомъ, лѣшимъ,
И выпустятъ ломаться на потѣху.

Кочетовъ *(хватаясь за голову).*

Ахъ, ужасъ, страсть!

Клушинъ.

Ну, и крутись, какъ знаешь.

Кочетовъ.

Не вѣрю я лжецу. Уйди, исчезни!
Убью тебя, клеветника!

Клушинъ *(испугавшись).*

Я, друже,
Не виноватъ ни тѣломъ, ни душой.
У Якова спроси, не отопрется.

Кочетовъ.

Не вижу я, не помню ничего.
О, Господи! Такое испытанье
Тяжелое! Не пережить его.
Тоска и стыдъ грызутъ меня. Отъ сына
На голову сѣдую поношенье,
Позоръ и срамъ. Змѣя въ моей груди.
Прискорбно мнѣ! Душа горитъ. Покоя
Не обрѣту вовѣкъ. Жена! Анисья!

(Беретъ со стола Домострой.)

Отецъ Сильвестръ! Я прокляну его.

(Садится и закрываетъ лицо руками. Входятъ Анисья и Татьяна.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Кочетовъ, Клушинъ, Анисья и Татьяна.

Анисья.

Ну, что у васъ? Никакъ нельзя безъ крику!
Лишь выпили и зашумѣли.

Кочетовъ.

Охъ,
Не спьяна я кричалъ.

Анисья.

А мы съ Татьяной
Макарьевной и выпили, да тихо,
Не ссоримся; и пьяны, да умны;
Покончили дѣла. Кириллъ Панкратьичъ,
Съ чего завялъ? Не вѣшай головы!
Сынка женю, Василій Ѳалалеичъ!
Отъ радости, не чуя ногъ, хожу.
Вставай, отецъ, молиться Богу будемъ!

Кочетовъ.

Сынка женить? А гдѣ сынокъ?

Анисья.

Вернется.
У дѣла, чай.

Кочетовъ.

У дѣла? У какого?

Анисья.

Приказнаго.

Кочетовъ.

Ну, вотъ ему неволя
Въ приказѣ быть, тянуть сызмала лямку
Отцовскую. Сынокъ-то лучше службу
Нашелъ себѣ.

Анисья.

Какую-жъ?

Кочетовъ.

Скоморошью!

Анисья и Татьяна.

Ай-ай! Ахти, бѣда!

(Входитъ Юрій Михайловъ, за нимъ Яковъ. Наталья прокрадывается за ними въ уголъ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Кочетовъ, Клушинъ, Анисья, Татьяна, Юрій Михайловъ, Яковъ *и* Наталья

Кочетовъ.

Его ли надо?
Куда зашелъ, бѣсоугодникъ? Съ нами
Не быть тебѣ, служитель сатанинъ!
Въ покоѣ семъ иконы, и куренье
Отъ ладана возносится почасту.
Молитвой я встрѣчаю утро здѣсь,
Молитвой день мятежный провожаю.
Изыди вонъ! Изыди, окаянный!
Тебѣ вольно вездѣ бродить; не смѣй
Вступать подъ кровъ родительскій! На свѣтѣ
Просторъ великъ глупцамъ и скоморохамъ;
По смерти имъ одно готово мѣсто
Съ діаволомъ. И буди про...

Наталья *(вбѣгая изъ угла)*

Постой!
Молчи, старикъ! Не то своей рукою
Замкну твой ротъ нечистый, богохульный!
Родительскимъ проклятьемъ не шути!
Легко тебѣ, у пьяной браги сидя,
Надъ дѣтищемъ безвиннымъ потѣшать
Хмельную блажь свою; а жить на свѣтѣ *(плача)*
Проклятому, подумай ты, легко-ль?
Такъ знай же ты! Неправое проклятье
Отъ грѣшныхъ устъ, до неба не дойдя,
Воротится назадъ въ уста и свяжетъ,
Замкнетъ на вѣкъ, и будешь нѣмъ
(Со слезами отходитъ.)

Татьяна.

Наталья,
Откуда ты взялась?

Анисья *(со слезами)*.

Господь послалъ.
А мы-то? Мы стоимъ..

Юрій.

Кириллъ Панкратьичъ,
Не для того привелъ къ тебѣ я сына,
Прислалъ его бояринъ не за тѣмъ.
Возьми его! По царскому велѣнью
Въ аптекарской палатѣ обучаютъ
Подьяческихъ робятъ библейскимъ дѣйствамъ,
Готовятся съ великимъ поспѣшеньемъ,
Чтобъ дѣйствовать передъ царемъ „Есоирь"
Въ недолгій срокъ. Радѣя государю
И жалуя тебя не по заслугамъ,
А ради лѣтъ преклонныхъ, Артемонъ
Сергѣевичъ велѣлъ, чтобъ Яковъ съ тѣми
Робятами учился вмѣстѣ. Яковъ,
Боясь грѣха и твоего проклятья,
Противенъ сталъ и бѣгаетъ отъ службы.
Хвали его, а не брани, что волю
Отцовскую поставилъ выше царской.

Тебя-жъ, Кириллъ, бояринъ похваляетъ:
„Что нынче-де такихъ благочестивыхъ
Подьячихъ врядъ сыскать, чтобъ волѣ царской
Перечили — повиноваться власти
Грѣхомъ себѣ считали. Онъ-де знатно,
Впередъ другихъ задумалъ въ рай попасть“.

Кочетовъ *(женщинамъ).*

Уйдите-ка покуда! Послѣ кликнемъ.
(Анисья, Татьяна и Наталья уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Кочетовъ, Клушинъ, Юрій *и* Яковъ.

Кочетовъ.

А болѣ мнѣ, холопу, нѣтъ приказа?

Юрій *(кланяясь).*

Приказа нѣтъ къ тебѣ, а челобитье,
Чтобъ ты простилъ его, да грѣшныхъ насъ
И съ Яковомъ.

Кочетовъ.

Почесть ли за посмѣхъ
Слова его боярскія?

Юрій.

Не знаю.
Клади въ мѣшокъ, опослѣ разберешь.
А я сказалъ боярину: молъ, старый,
Одумавшись, и самъ придетъ просить,
Чтобъ Якова опять въ ученье взяли.

Кочетовъ.

Смѣяться ты надъ старымъ молоденекъ
И глупъ еще.

Юрій.

Я воли не снимаю
Съ тебя, Кириллъ Панкратьичъ; не снимай
И ты съ меня! Твори, елико хощешь,
А мнѣ сказать никто не запретилъ.
Прощай!

Кочетовъ.

Постой! Какая же Есирь,
Когда робятъ чертями рядятъ?

Юрій.

Кто же
Сказалъ тебѣ?

Кочетовъ.

Василій Өалалеичъ. *(Сыну.)*
Вотъ я тебя, ужо!

Юрій.

За что̀, помилуй?
Прости его!

Кочетовъ.

Простить-то я прощу,
А все же страхъ внушить...

Юрій *(Клушину)*.

Ты что̀-жъ болтаешь?
Какихъ чертей ты видѣлъ? Агасфера
Въ величіи, въ парчѣ и багряницѣ,
Есирь въ слезахъ, Амана, Мардохея.

Клушинъ.

Цыгана я лохматаго...

Юрій.

Свяжите
Скорѣй его! Не ты ли къ Агасферу
На тронъ полѣзъ? Прибить хотѣлъ? И въ шею
Велѣлъ тебя прогнать бояринъ.

Клушинъ.

Только
Не Агасферъ, а лѣкарь изъ жидовъ...

Юрій *(перебивая)*.

Постой, скажи: по шеѣ били?

Клушинъ.

Били.

Юрій *(Кочетову)*.

Ну, вотъ тебѣ. *(Клушину.)* Царя на тронѣ видѣлъ?

Клушинъ.

Да кто же мнѣ глаза отвелъ?

Юрій.

Не знаю.

Клушинъ.

Во всѣ глаза глядѣлъ, а не видалъ.
Не нѣмецъ ли глаза-то отводилъ?
Все въ бокъ меня толкалъ. Ни Агасфера,
Ни трона я...

Юрій.

Кому ты говоришь?
Мы трезвые, а ты съ утра затмился.
Нѣтъ, вы его свяжите!

Кочетовъ.

Ну, Василій,
Запутался, шальная голова.

Юрій.

Прощай!

Кочетовъ.

Подожди часокъ! А что̀ такое —
Комидія?

Юрій.

Видалъ пещное дѣйство?
Ну, вотъ, точь-въ-точь. Особую палату
Поставятъ намъ въ селѣ Преображенскомъ
И дѣйствовать прикажутъ ежедённо
Въ глазахъ царя.

Кочетовъ.

Такъ вотъ что̀!

Юрій.

Послѣ дѣйства

Къ рукѣ пойдемъ.

Кочетовъ.

А жалованье будетъ?

Юрій.

Великое. И есть за что̀. Повѣришь,
Ночей не спимъ, заботъ, хлопотъ! Любезно
Житье твое, Кириллъ Панкратьичъ! Можно

Сидѣть тебѣ за чаркой, прохлаждаться,
Бесѣду весть, надъ Яковомъ мудрить:
Уму учить иль по головкѣ гладить.
Ужъ ты его прости скорѣй!

Кочетовъ *(грозя пальцемъ).*

Ну, Яковъ!

(Показываетъ Домострой.)

Вотъ книга-то! Вся жизнь, какъ на ладони,
Показана. Читай о скоморохахъ
И бахаряхъ, и казнись.

(Яковъ съ поклономъ принимаетъ книгу и отходитъ въ уголъ.)

Ты сказалъ,
Что жаловать хотятъ робятъ?

Юрій.

Нельзя же,
Не даромъ же трудились.

Кочетовъ.

По полтинѣ?
Аль больше, чай?

Юрій.

Толкуй тутъ, по полтинѣ!

Кочетовъ.

Чего-жъ еще?

Юрій.

Полтина! Соболями!
Не всѣхъ равно: по дѣлу, по заслугѣ,
А больше-то пожалуютъ отцовъ.
Прощай пока!

Кочетовъ.

Постой!

(Выходятъ Татьяна, Анисья и Наталья.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Кочетовъ, Клушинъ, Юрій, Яковъ, Анисья, Татьяна и Наталья.

Татьяна.

Кириллъ Панкратьичъ,

Ты Бога-то боишься ли? Затѣялъ
Обманомъ жить. Сироты мы съ Натальей,
А ты сиротъ выводишь изъ ума.
Смотри-ка, сплелъ какую небылицу
На Якова, что Артемонъ Сергѣичъ
Въ сынки беретъ; а мы-то, сдуру, вѣримъ.
А вышло-то на дѣлѣ — въ скоморохи,
Съ холопами ломаться передъ нимъ.
Ужъ вамъ-бы такъ и брать ему подъ пару,
Женить его на дурѣ неумытой,
Въ покромошной, суконной тѣлогрѣѣ,
Съ гремушками на кикѣ, а не сватать
У честныхъ вдовъ отецкихъ дочерей!
Ужъ нечего, хорошъ женихъ!

Клушинъ.

Помилуй,
Какой женихъ! Молокососъ, Татьяна
Макарьевна. Ну, мнѣ-ль чета? Примѣрно,
Какъ я теперь, въ года вошелъ, какъ должно,
На степень сталъ и чортомъ не ряжусь...

Юрій.

А, ты опять заговорилъ?

Татьяна.

Не хвастай!
Хорошъ и ты, а все ужъ лучше. Я-то,
Безумная, сокровище такое,
Красавицу свою, отроковицу,
Смиренницу...

Юрій.

Постой-ка ты, Татьяна
Макарьевна, съ смиренствомъ-то. Недавно,
И часу нѣтъ, какъ Якова нашли
Въ твоему дому, у ней въ опочивальнѣ,
У дочери-смиренницы. Я самъ
Волокъ его у ней изъ-подъ кровати.

Татьяна.

Ахъ, батюшки! Да какъ же ты?

Наталья.

Не помню,
Хмельна была.

Татьяна.

Ахъ, срамъ! Не вѣрьте ей!
Ни отъ роду хмельного въ ротъ. Наталья,
Да есть ли стыдъ въ тебѣ? Опомнись!

Клушинъ.

Парня
Хмельная ты пустила; иль не знаешь:
Хмельная вся чужая!

Татьяна.

Что̀-жъ молчишь-то?
Да плюнь ему! Молъ, полно завираться!
У матушки въ дому живу, что̀ въ кельѣ.
Честнѣй, молъ, насъ на свѣтѣ нѣтъ. Ты вотъ какъ
Скажи ему, безстыжему.

Наталья (*отворотясь*).

Не знаю,
Хмельна была.

Татьяна.

Да что̀ же ты, срамница,
Куда глядишь? Аль вправду, что̀-ль?

Наталья.

Не знаю,
Хмельна была.

Татьяна.

Зарѣзала меня.
Ахъ, батюшки! Отцы мои родные!
Не мнѣ людей корить, самой приходитъ
Кориться вамъ. Простите, Бога ради!
Возьмите съ рукъ, избавьте отъ стыда!

Анисья.

Какой тѣ стыдъ! За честь родня такая.

Кочетовъ.

Ну, то-то же. Вотъ такъ-то лучше будетъ.

Наталья (*Якову*).

Ну, ловко ли?

Яковъ *(изъ-за Домостроя).*

Наташа, молодецъ!
А я-то глупъ, теперь лишь догадался.

Наталья.

Есть заповѣдь.

Яковъ.

Какая?

Наталья.

Не зѣвай!

Юрій.

Прощай теперь. Живите поздорову;
А доброму началу добрый часъ.
Постой, забылъ. Велѣлъ тебѣ бояринъ
Во вторникъ быть пораньше на Постельномъ.
А что̀ сказать боярину, подумай,
Чтобъ глупостью людей не насмѣшить. *(Уходитъ.)*

Анисья.

Теперь начнемъ моленья и поклоны,
Благословясь, ударимъ по рукамъ.
Родители, возьмемтесь за иконы;
Ну, дѣтушки, валитесь въ ноги къ намъ.

Клушинъ.

Кому жена да радость, да веселье,
А Клушину въ чужомъ пиру похмелье.

ЭПИЛОГЪ.

(4-го іюня 1672 года.)

ЛИЦА:

Богданъ Матвѣевичъ Хитрово*, дворецкій государя.*
Василій Семеновичъ Волынскій.
Александръ Ивановичъ Милославскій.
Матвѣевъ.
Думный дьякъ.
Грегори.
Кочетовъ Кириллъ.
Яковъ.
Юрій Михайловъ.
Клушинъ.
Комедіанты.
Бояре, дворяне и всякіе служилые люди.

Постельное крыльцо.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

На авансценѣ, передъ каменною преградою, стоятъ дворяне, дѣти боярскія, подьячіе и прочіе служилые люди, которымъ входъ за каменную преграду былъ запрещенъ. Между ними Грегори *съ своими учениками,* Юрій Михайловъ, Кириллъ *и* Яковъ Кочетовы *и* Клушинъ. *За преградой нѣсколько бояръ.*

Клушинъ *(Кочетову).*

Чего-то ждутъ; бояре что-то шепчутъ
Между собой.

Кочетовъ.

А намъ какое дѣло?
У нихъ свои, у насъ свои заботы.
На то оно Постельное крыльцо,
Что всякій тутъ съ своей печалью.

Юрій.

Ты-то
Съ какою же? Проситься въ воеводы?

Кочетовъ.

Куда ужъ намъ? Не лѣзь въ чужую душу,
Оставь меня! Я знаю, что̀ мнѣ надо.

1-й комедіантъ.

Бѣглецъ пришелъ, глядите-ка, Яшутка.

2-й комедіантъ *(Якову).*

А насъ вчера бояринъ пирогами
Попотчевалъ торговыми.

1-й комедіантъ.

На квасъ
Сыченый далъ.

2-й комедіантъ.

И ангельское платье
Пошить велѣлъ, чтобъ дѣйствовать „Товита".

Юрій.

Да что̀ къ нему пристали? Онъ не нашъ,
Особь статья. Въ овчарню возвратилась
Заблудшая овца — на радость дому.

Яковъ.

Уйти бы намъ отсюда!

Кочетовъ.

Подождемъ
Боярина.

Яковъ.

Да страшно показаться.
Въ глаза ему не взглянешь отъ стыда.

Кочетовъ.

А ты молчи, за сына я въ отвѣтѣ.

Яковъ.

Ужъ лучше мнѣ сквозь землю провалиться.

Юрій.

Молчите вы! Идутъ бояре сверху.

(Выходятъ дьякъ, Хитрово, Волынскій, Милославскій, Матвѣевъ и нѣсколько бояръ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Хитрово, Волынскій, Милославскій, Матвѣевъ, дьякъ, Грегори, Юрій Михайловъ, Кочетовъ, Яковъ, Клушинъ, комедіанты, бояре и разные люди.

Матвѣевъ.

Поди сюда, магистръ Яганъ Грегори.
(Грегори съ поклономъ подходитъ къ преградѣ.)

Дьякъ.

Великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ тебѣ, иноземцу Ягану Готфриду, учинити комидію. А на комидіи дѣйствовать изъ библіи книгу Есфирь, и для того дѣйства устроить хоромину вновь. *(Бояре выходятъ за преграду.)*

Хитрово.

Яганъ Готфридъ за всѣ дѣла берется:
Магистръ и попъ, и лѣкарь, и аптекарь,
И скоморохъ.

Грегори.

Нѣтъ, я не скоморохъ.

Хитрово.

Такъ кто же ты? Потѣшникъ, шпильманъ, чтò ли,
По-вашему? Все тотъ же скоморохъ,
По-нашему сказать тебѣ, по-русски. *(Уходитъ.)*

Милославскій.

За чтò, Яганъ, шутовъ-то обижаешь?
Ну, какъ не грѣхъ? Нашелъ кого обидѣть!
Вѣдь, право, жаль! Тяжелый хлѣбъ у нихъ.
Горбомъ берутъ. Побои да увѣчья
За малую подачку переносятъ
И кормятся. А ты отнять задумалъ
Сиротскій хлѣбъ. *(Уходитъ.)*

Грегори.

Я хлѣбъ не отнимаю.
Шутовъ кормить еще вамъ долго будетъ.
Какой кто умъ имѣетъ, то и смотритъ:

Комидіи одинъ, другой медвѣдя,
Какъ пляшетъ онъ. Хорошій танецъ! Славно!
(Пляшетъ медвѣдемъ.)

Волынскій.

Покажешь намъ Есөирь, Юдиөь, Товита,
А что-жъ потомъ? Одно, вѣдь, надоѣстъ,
И примешься неволей за скомрашьи
Потѣшныя погудки.

Грегори.

Нѣтъ, mein Herr!
О, много есть написано у тѣхъ,
Которые живутъ отъ насъ подальше.
И будемъ мы писать — матерій разныхъ
Найдемъ себѣ. И всякій тамъ увидитъ
И жизнь свою, и что тихонько дѣлалъ,
И что онъ самъ одинъ съ подушкой думалъ.
А совѣсть кто свою забылъ, не знаетъ
Суда ея — онъ тамъ свой судъ найдетъ.

Волынскій.

А кто же мнѣ судьею будетъ?

Грегори.

Комикъ.

Волынскій.

Ну, это, братъ, въ другихъ земляхъ ведется.
У насъ не такъ. *(Уходитъ.)*

Грегори.

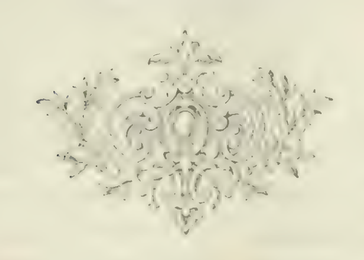
А будетъ и у васъ.
Коль есть у всѣхъ, и вамъ уйти не можно
Отъ комика. Въ душѣ у человѣка,
Въ числѣ даровъ Господнихъ, есть одинъ
Спасительный: порочное и злое
Смѣшнымъ казать, давать на посмѣянье.
Величіе родной земли героевъ
Восхваливать и честно, и похвально;
Но больше честь, достойно большей славы
Учить людей, изображая нравы.
(Кланяется и уходитъ.)

Матвѣевъ.

Комидія въ иныхъ земляхъ ведется.
На свѣтѣ намъ не мало образцовъ,
И стало быть, что не дурное дѣло,
Когда она угодна государямъ
Такихъ земель, которымъ свѣтъ ученья
Открытъ давно. И въ нашемъ государствѣ
Комидію заводитъ царь великій
На пользу намъ; народъ ее полюбитъ
И добраго царя добромъ помянетъ.
(Кочетовъ кланяется.)
Ну, что, старикъ? Какое челобитье?

Кочетовъ.

Сынка привелъ: возьми его бояринъ!
Да будетъ онъ царевъ комедіантъ!

СНѢГУРОЧКА.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ странѣ Берендѣевъ въ доисторическое время. Прологъ на Красной горкѣ, вблизи Берендѣева посада, столицы царя Берендѣя. Первое дѣйствіе въ зарѣчной слободкѣ Берендѣевкѣ. Второе дѣйствіе во дворцѣ царя Берендѣя. Третье дѣйствіе въ заповѣдномъ лѣсу. Четвертое дѣйствіе въ Ярилиной долинѣ.

ПРОЛОГЪ.

ЛИЦА:

Весна-Красна.
Дѣдъ-Морозъ.
Дѣвушка-Снѣгурочка.
Лѣшій.
Масленица Соломенное чучело.
Бобыль Бакула.
Бобылиха, его жена.
Берендѣи обоего пола и всяаго возраста.
Свита Весны — птицы: журавли, гуси, утки, грачи, сороки, скворцы, жаворон и и другія.

Начало весны. Полночь. Красная горка, покрытая снѣгомъ. Направо кусты и рѣдкій безлистный березникъ; налѣво сплошной частый лѣсъ большихъ сосенъ и елей съ сучьями, повисшими отъ тяжести снѣга; въ глубинѣ, подъ горой, рѣка; полыньи и проруби обсажены ельникомъ. За рѣкой Берендѣевъ посадъ, столица царя Берендѣя: дворцы, дома, избы всѣ деревянные съ причудливою раскрашенною рѣзьбой; въ окнахъ огни. Полная луна серебритъ всю открытую мѣстность. Вдали кричатъ пѣтухи.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лѣшій *сидитъ на сухомъ пнѣ. Все небо покрывается прилетѣвшими изъ-за моря птицами.* Весна-Красна *на журавляхъ, лебедяхъ и гусяхъ спускается на землю, окруженная свитой птицъ.*

Лѣшій.

Конецъ зимѣ пропѣли пѣтухи;
Весна-Красна спускается на землю.
Полночный часъ насталъ; сторожку Лѣшій
Отсторожилъ — ныряй въ дупло и спи!

(Проваливается въ дупло. Весна-Красна спускается на Красную горку въ сопровожденіи птицъ.)

Весна-Красна.

Въ урочный часъ обычной чередою
Являюсь я на землю Берендѣевъ.
Нерадостно и холодно встрѣчаетъ
Весну свою угрюмая страна.
Печальный видъ: подъ снѣжной пеленою,
Лишенныя живыхъ веселыхъ красокъ,
Лишенныя плодотворящей силы,
Лежатъ поля остылыя. Въ оковахъ
Игривые ручьи; въ тиши полночи
Не слышно ихъ стекляннаго журчанья.
Лѣса стоятъ безмолвны; подъ снѣгами
Опущены густыя лапы елей,
Какъ старыя нахмуренныя брови;
Въ малинникахъ, подъ соснами, стѣснились
Холодныя потемки; ледяными
Сосульками янтарная смола
Виситъ съ прямыхъ стволовъ. А въ ясномъ небѣ,
Какъ жаръ, горитъ луна, и звѣзды блещутъ
Усиленнымъ сіяніемъ. Земля,
Покрытая пуховою порошей,
Въ отвѣтъ на ихъ привѣтъ холодный кажетъ
Такой же блескъ, такіе же алмазы
Съ вершинъ деревъ и горъ, съ полей пологихъ,

Изъ выбоинъ дороги прилощенной.
И въ воздухѣ повисли тѣ же искры,
Колеблятся, не падая, мерцаютъ.
И все лишь свѣтъ, и все лишь блескъ холодный,
И нѣтъ тепла. Не такъ меня встрѣчаютъ
Счастливыя долины юга: тамъ
Ковры луговъ, акацій ароматы
И теплый паръ воздѣланныхъ садовъ,
И млечное, лѣнивое сіянье
Отъ матовой луны на минаретахъ,
На тополяхъ и кипарисахъ черныхъ.
Но я люблю полунощныя страны;
Мнѣ любо ихъ могучую природу
Будить отъ сна и звать изъ нѣдръ земныхъ
Родящую таинственную силу,
Несущую безпечнымъ Берендѣямъ
Обилье житъ неприхотливыхъ; любо
Обогрѣвать для радостей любви,
Для частыхъ игръ и празднествъ убирать
Укромные кустарники и рощи
Шелковыми коврами травъ цвѣтныхъ.

(Обращаясь къ птицамъ, которыя дрожатъ отъ холоду.)

Товарищи: сороки-бѣлобоки,
Веселыя болтушки-щекотуньи,
Угрюмые грачи и жаворóнки,
Пѣвцы полей, глашатые весны,
И ты, журавль, съ своей подругой цаплей,
Красавицы-лебедушки и гуси
Крикливые, и утки хлопотуньи,
И мелкія пичужки — вы озябли?
Хоть стыдно мнѣ, а надо признаваться
Предъ птицами. Сама я виновата,
Что холодно и мнѣ, Веснѣ, и вамъ.
Шестнадцать лѣтъ тому, какъ я для шутки
И тѣша свой непостоянный нравъ,
Измѣнчивый и прихотливый, стала
Заигрывать съ Морозомъ, старымъ дѣдомъ,
Проказникомъ сѣдымъ, и съ той поры
Въ неволѣ я у стараго. Мужчина

Всегда таковъ: немножко воли дай,
А онъ и всю возьметъ; ужъ такъ ведется
Отъ древности. Оставить бы сѣдого,
Да вотъ бѣда: у насъ со старымъ дочка —
Снѣгурочка. Въ глухихъ лѣсныхъ трущобахъ,
Въ нетающихъ ляднахъ возращаетъ
Старикъ свое дитя. Любя Снѣгурку,
Жалѣючи ее въ несчастной долѣ,
Со старымъ я поссориться боюсь;
А онъ и радъ тому — знобитъ, морозитъ
Меня, Весну, и Берендѣевъ. Солнце
Ревнивое на насъ сердито смотритъ
И хмурится на всѣхъ, и вотъ причина
Жестокихъ зимъ и холодовъ весеннихъ.
Дрожите вы, бѣдняжки? Попляшите,
Согрѣетесь! Видала я не разъ,
Что пляскою отогрѣвались люди.
Хоть нехотя, хоть съ холоду, а пляской
Отпразднуемъ прилетъ на новоселье.

(Однѣ птицы принимаются за инструменты, другія запѣваютъ, третьи пляшутъ.)

Хоръ птицъ.

Сбирались птицы,
Сбирались пѣвчи
Стадами, стадами.
Садились птицы,
Садились пѣвчи
Рядами, рядами.
А кто у васъ, птицы,
А кто у васъ, пѣвчи,
Большіе, большіе?
А кто у васъ, птицы,
А кто у васъ, пѣвчи,
Меньшіе, меньшіе?
Орелъ воевода,
Перепелъ подьячій,
Подьячій, подьячій.
Сова воевода,

Желтые сапожки,
        Сапожки, сапожки.
Гуси бояре,
Утята дворяне,
        Дворяне, дворяне.
Чирята крестьяне,
Воробьи холопы,
        Холопы, холопы.
Журавль у насъ сотникъ
Съ долгими ногами,
        Ногами, ногами.
Пѣтухъ цѣловальникъ,
Чечетъ гость торговый,
        Торговый, торговый.
Ласточки молодки,
Касатки дѣвицы,
        Дѣвицы, дѣвицы.
Дятелъ у насъ плотникъ,
Рыболовъ харчевникъ,
        Харчевникъ, харчевникъ.
Блинница цапля,
Кукушка кликушка,
        Кликушка, кликушка.
Красная рожа
Ворона пригожа,
        Пригожа, пригожа.
Зимой по дорогамъ,
Лѣтомъ по застрѣхамъ,
        Застрѣхамъ, застрѣхамъ.
Ворона въ рогожѣ,
Нѣтъ ея дороже,
        Дороже, дороже.

(Изъ лѣсу на пляшущихъ птицъ начинаетъ сыпаться иней, потомъ хлопья снѣга; поднимается вѣтеръ; набѣгаютъ тучи, закрываютъ луну; мгла совершенно застилаетъ даль. Птицы съ крикомъ жмутся къ Веснѣ.)

Весна-Красна *(птицамъ)*.

Въ кусты скорѣй, въ кусты! Шутить задумалъ
Старикъ Морозъ. До утра подождите,

А завтра вамъ растаютъ на поляхъ
Проталинки, на рѣчкѣ полыньи.
Погрѣетесь на солнышкѣ немного
И гнѣздышки начнете завивать.

(Птицы уходятъ въ кусты; изъ лѣса выходитъ Морозъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Весна-Красна и Дѣдъ-Морозъ.

Морозъ.

Весна-Красна, здорово ли вернулась?

Весна.

И ты здоровъ ли, Дѣдъ-Морозъ?

Морозъ.

Спасибо.
Живется мнѣ не худо. Берендѣи
О нынѣшней зимѣ не позабудутъ:
Веселая была; плясало солнце
Отъ холоду на утренней зарѣ,
А къ вечеру вставалъ съ ушами мѣсяцъ.
Задумаю гулять, возьму дубинку,
Повыясню, повысеребрю ночку.
Ужъ то-то мнѣ раздолье и просторъ:
По богатымъ посадскимъ домамъ
Колотить по угламъ,
У воротъ вереями скрипѣть,
Подъ полозьями пѣть
Любо мнѣ,
Любо, любо, любо.
Изъ лѣску по дорожкѣ за̀ возомъ возъ
На ночлегъ поспѣшаетъ скрипучій обозъ.
Я обозъ стерегу,
Я впередъ забѣгу,
По край-поля, вдали,
На морозной пыли
Лягу маревомъ.
Средь полночныхъ небесъ встану заревомъ.

Разольюсь я, Морозъ,
Въ девяносто полосъ:
Разбѣгутся столбами, лучами несмѣтными,
Разноцвѣтными;
И толкутся столбы, и спираются,
А подъ ними снѣга загораются;
Море свѣту, огня яркаго,
Жаркаго,
Пышнаго,
Тамъ синё, тамъ красно, а тамъ вишнево.
Любо мнѣ,
Любо, любо, любо.
Еще злѣй я о ранней порѣ:
На румяной зарѣ
Потянуся къ жильямъ изъ овраговъ полянами,
Подкрадусь, подползу я туманами.
Надъ деревней дымокъ завивается,
Въ одну сторону нагибается;
Я туманомъ сѣдымъ
Заморожу дымъ.
Какъ онъ тянется,
Такъ останется —
По-надъ полемъ, по-надъ лѣсомъ,
Перевѣсомъ.
Любо мнѣ,
Любо, любо, любо.

Весна.

Недурно ты попировалъ, пора бы
И въ путь тебѣ, на сѣверъ.

Морозъ.

Не гони,
И самъ уйду. Не рада старику,
Про старое скоренько забываешь.
Вотъ я, старикъ, всегда одинъ и тотъ же

Весна.

У всякаго свой норовъ и обычай.

Морозъ.

Уйду, уйду! На утренней зарѣ

По вѣтерку умчусь къ сибирскимъ тундрамъ
Я соболій треухъ на уши,
Я оленью доху на плечи,
Побрякушками поясъ увѣшаю;
По чумамъ, по юртамъ кочевниковъ,
По зимовкамъ звѣровщиковъ
Захожу, заброжу, зашаманствую;
Будутъ мнѣ въ поясъ кланяться.
Владычество мое въ Сибири вѣчно,
Конца ему не будетъ. Здѣсь Ярило
Мѣшаетъ мнѣ, и ты меня мѣняешь
На глупую породу празднолюбцевъ.
Лишь праздники считать да браги парить
Корчажныя, да вáри ведеръ въ сорокъ
Заваривать медовыя умѣютъ.
Весенняго тепла у солнца просятъ.
Зачѣмъ — спроси? Не вдругъ пахать возьмется,
Не лажена соха. Капуны править
Да бражничать, веснянки пѣть, кругами
Ходить всю ночь съ зари и до зари —
Одна у нихъ забота.

Весна.

На кого же
Снѣгурочку оставишь?

Морозъ.

Дочка наша
На возрастѣ, безъ нянекъ обойдется.
Ни пѣшему, ни конному дороги
И слѣду нѣтъ въ ея теремъ. Медвѣди
Овсянники и волки матерые
Кругомъ двора дозоромъ ходятъ; филинъ
На маковкѣ сосны столѣтней ночью,
А днемъ глухарь вытягиваютъ шеи,
Прохожаго, захожаго блюдутъ.

Весна.

Тоска возьметъ межъ филиновъ и лѣшихъ
Одной сидѣть.

Морозъ.

А теремная челядь?
Въ прислужницахъ у ней на побѣгушкахъ
Лукавая лисица сиводушка;
Зайчата ей капусту добываютъ;
Чѣмъ свѣтъ бѣжитъ на роднпчекъ куница
Съ кувшинчикомъ; грызутъ орѣхи бѣлки,
На корточкахъ усѣвшись; горностайки
Въ приспѣшницахъ сѣнныхъ у ней на службѣ.

Весна.

Да все-жъ тоска, подумай, дѣдъ!

Морозъ.

Работай,
Волну пряди, бобровою опушкой
Тулупчикъ свой и шапки обшивай,
Строчи пестрѣй оленьи рукавички,
Грибы суши, бруснику да морошку
Про зимнюю безхлѣбицу готовь;
Отъ скуки пой, пляши, коль есть охота.
Чего еще?

Весна.

Эхъ, старый! Дѣвкѣ воля
Милѣй всего. Ни теремъ твой точёный,
Ни соболи, бобры, ни рукавички
Строченыя не дороги; на мысли
У дѣвушки Снѣгурочки другое:
Съ людьми пожить; подружки нужны ей
Веселыя да игры до полночи,
Весеннія гулянки да горѣлки
Съ ребятами, покуда...

Морозъ.

Что̀ покуда?

Весна.

Покуда ей забавно, что ребята
На перебой за ней до драки рвутся.

Морозъ.

А тамъ?

Весна.

А тамъ полюбится одинъ.

Морозъ.

Вотъ то-то мнѣ и нелюбо.

Весна.

Безумный
И злой старикъ! На свѣтѣ все живое
Должно любить. Снѣгурочку въ неволѣ
Не дастъ тебѣ томить родная мать.

Морозъ.

Вотъ то-то ты некстати горяча,
Безъ разума болтлива. Ты послушай!
Возьми на мигъ разсудка! Злой Ярило,
Палящій богъ лѣнивыхъ Берендѣевъ,
Въ угоду имъ, поклялся страшной клятвой
Губить меня, гдѣ встрѣтитъ. Топитъ, плавитъ
Дворцы мои, кіоски, галлереи,
Изящную работу украшеній,
Подробностей мельчайшую рѣзьбу,
Плоды трудовъ и замысловъ. Повѣришь,
Слеза проймётъ. Трудись, корпи художникъ
Надъ лѣпкою едва замѣтныхъ звѣздъ —
И прахомъ все пойдетъ. А вотъ вчера
Изъ-за моря вернулась птица-баба,
Усѣлася на полыньѣ широкой
И плачется на холодъ дикимъ уткамъ,
Ругательски бранитъ меня. А развѣ
Моя вина, что больно тороплива,
Что съ теплыхъ водъ, не заглянувши въ святцы,
Безъ времени, пускается на сѣверъ?
Плела, плела, а утки гоготали,
Ни дать, ни взять въ торговыхъ баняхъ бабы.
И что же я подслушалъ? Между сплетенъ
Такую рѣчь сболтнула птица-баба,
Что, плавая въ заливѣ Ленкоранскомъ,
Въ Гиляндскихъ ли озерахъ, ужъ не помню,
У пьянаго оборвыша факира
И солнышка горячій разговоръ
Услышала о томъ, что будто солнце
Сбирается сгубить Снѣгурку; только
И ждетъ того, чтобъ заронить ей въ сердце

Лучомъ своимъ огонь любви; тогда
Спасенья нѣтъ Снѣгурочкѣ: Ярило
Сожжетъ ее, испепелитъ, растопитъ,
Не знаю какъ, но умертвитъ. Доколѣ-жъ
Младенчески чиста ея душа,
Не властенъ онъ вредить Снѣгуркѣ.

Весна.

Полно!
Повѣрилъ ты разсказамъ глупой птицы!
Не даромъ же ей кличка — баба.

Морозъ.

Знаю
Безъ бабы я, что зло Ярило мыслитъ.

Весна.

Отдай мою Снѣгурочку!

Морозъ.

Не дамъ!
Съ чего взяла, чтобъ я такой вертушкѣ
Повѣрилъ дочь?

Весна.

Да что-жъ ты, красноносый,
Ругаешься!

Морозъ.

Послушай, помиримся!
Для дѣвушки присмотръ всего нужнѣе,
И строгій глазъ, да не одинъ, а десять.
И некогда тебѣ, и неохота
За дочерью приглядывать, такъ лучше
Отдать ее въ слободку къ бобылю
Бездѣтному на мѣсто дочки. Будетъ
Заботы ей по горло, да и парнямъ
Корысти нѣтъ на бобылеву дочку
Закидывать глаза. Согласна ты?

Весна.

Согласна; пусть живетъ въ семьѣ бобыльской,
Лишь только бы на волѣ.

Морозъ.

Дочь не знаетъ

Любви совсѣмъ: въ ея холодномъ сердцѣ
Ни искры нѣтъ губительнаго чувства;
И знать любви не будетъ, если ты
Весенняго тепла томящей нѣги,
Ласкающей, разымчивой...

Весна.

Довольно!
Покличь ко мнѣ Снѣгурочку.

Морозъ.

Снѣгурка!
Снѣгурушка, дитя мое!

Снѣгурочка *(выглядывая изъ лѣсу)*.
Ау! *(Подходитъ къ отцу.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Весна, Морозъ, Снѣгурочка, *потомъ* Лѣшій.

Весна.

Ахъ, бѣдная Снѣгурочка, дикарка,
Поди ко мнѣ, тебя я приголублю.
(Ласкаетъ Снѣгурочку.)
Красавица, не хочешь ли на волю?
Съ людьми пожить?

Снѣгурочка.

Хочу, хочу, пустите!

Морозъ.

А что̀ манитъ тебя покинуть теремъ
Родительскій, и что̀ у Берендѣевъ
Завиднаго нашла?

Снѣгурочка.

Людскія пѣсни.
Бывало я, прижавшись за кустами
Колючими, гляжу, не нагляжуся
На дѣвичьи забавы. Одинокой
Взгрустнется мнѣ, и плачу. Ахъ, отецъ!

Съ подружками по алую малину,
По черную смородину ходить,
Аукаться, а зорькою вечерней
Круги водить подъ пѣсни, вотъ что̀ мило
Снѣгурочкѣ. Безъ пѣсенъ жизнь не въ радость.
Пусти, отецъ! Когда зимой холодной
Вернешься ты въ свою лѣсную глушь,
Въ сумеречки тебя утѣшу, пѣсню
Подъ наигрышъ мятели запою
Веселую. У Леля перейму
И выучусь скорехонько.

Морозъ.

А Леля
Узнала ты откуда?

Снѣгурочка.

Изъ кусточка
Ракитова; пасетъ въ лѣсу коровокъ
Да пѣсенки поетъ.

Морозъ.

Почемъ же знаешь,
Что это Лель?

Снѣгурочка.

Къ нему дѣвицы ходятъ,
Красавицы, и по головкѣ гладятъ,
Въ глаза глядятъ, ласкаютъ и цѣлуютъ,
И Лелюшкомъ, и Лелемъ называютъ,
Пригоженькимъ и миленькимъ.

Весна.

А развѣ
Пригожій Лель гораздъ на пѣсни?

Снѣгурочка.

Мама,
Слыхала я и жаворонковъ пѣнье,
Дрожащее надъ нивами, лебяжій
Печальный кличъ надъ тихими водами
И громкіе раскаты соловьевъ,
Пѣвцовъ твоихъ любимыхъ; пѣсни Леля
Милѣе мнѣ. И дни, и ночи слушать

Готова я его пастушьи пѣсни
И слушаешь, и таешь...

Морозъ *(Веснѣ)*.

Слышишь: таешь!
Ужасный смыслъ таится въ этомъ словѣ.
Изъ разныхъ словъ, придуманныхъ людьми,
Страшнѣй всего Морозу слово: таять.
Снѣгурочка, бѣги отъ Леля, бойся
Рѣчей его и пѣсенъ! Ярымъ солнцемъ
Пронизанъ онъ насквозь. Въ полдневный зной,
Когда бѣжитъ отъ солнца все живое
Въ тѣни искать прохлады, гордо, нагло
На припекѣ лежитъ пастухъ лѣнивый,
Въ истомѣ чувствъ дремотной подбираетъ
Лукавыя, заманчивыя рѣчи,
Коварные обманы замышляетъ
Для дѣвушекъ невинныхъ. Пѣсни Леля
И рѣчь его — обманъ, личина, правды
И чувства нѣтъ подъ ними: то лишь въ звуки
Одѣтые, палящіе лучи.
Снѣгурочка, бѣги отъ Леля! Солнца
Любимый сынъ пастухъ, и такъ же ясно
Во всѣ глаза, безстыдно, прямо смотритъ,
И такъ же золъ, какъ солнце.

Снѣгурочка.

Я, отецъ,
Послушное дитя; но ты ужъ очень
Сердитъ на нихъ, на Леля съ солнцемъ; право,
Ни Леля я, ни солнца не боюсь.

Весна.

Снѣгурочка, когда тебѣ взгрустнется,
Иль нужда въ чемъ — дѣвицы прихотливы,
О ленточкѣ, о перстенечкѣ плакать
Серебряномъ готовы, — ты приди
На озеро, въ Ярилину долину,
Покличь меня. Чего-бъ ни попросила,
Отказу нѣтъ тебѣ.

Снѣгурочка.

Спасибо, мама,
Красавица.

Морозъ.

Вечернею порой
Гуляючи, держися ближе къ лѣсу.
А я отдамъ приказъ тебя беречь.
Ау, дружки! Лѣшутки, лѣсовые!
Заснули, что̀-ль? Проснитесь, отзовитесь
На голосъ мой! *(Въ лѣсу голоса лѣшихъ.)*
Ау, ау!

(Изъ сухого дупла вылѣзаетъ Лѣшій, лѣниво потягиваясь и зѣвая.)

Лѣшій.

Ау!

Морозъ.

Снѣгурочку блюдите! Слушай, лѣшій:
Чужой ли кто, иль Лель пастухъ пристанетъ
Безъ отступа, аль силой взять захочетъ,
Чего умомъ не можетъ, заступись,
Мани его, толкай его, запутай
Въ лѣсную глушь, въ чащу, засунь въ чапыжникъ
Иль по поясъ въ болото втисни!

Лѣшій.

Ладно.

(Складываетъ надъ головой руки и проваливается въ дупло. Вдали слышны голоса.)

Весна.

Валитъ толпа веселыхъ Берендѣевъ.
Пойдемъ, Морозъ! Снѣгурочка, прощай!
Живи, дитя, счастливо!

Снѣгурочка.

Мама, счастья
Найду иль нѣтъ, а поищу.

Морозъ.

Прощай,
Снѣгурочка, дочурка! Не успѣютъ

Съ полей убрать снопов, а я вернусь.
Увидимся.

Весна.

Пора бы гнѣвъ на милость
Перемѣнить. Уйми мятель! Народомъ
Везутъ ее, толпами провожаютъ
Широкую...

(Уходитъ. Вдали крики: „честная Масленица!“ Морозъ, уходя, машетъ рукой; мятель унимается, тучи убѣгаютъ. Ясно, какъ въ началѣ дѣйствія. Толпы Берендѣевъ: одни подвигаютъ къ лѣсу сани съ чучелой Масленицы, другіе стоятъ поодаль.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Снѣгурочка, Бобыль, Бобылиха и Берендѣи.

1-й хоръ Берендѣевъ *(везущихъ Масленицу).*

Ранымъ-рано куры запѣли,
Про весну обвѣстили.
Прощай, Масленица!
Сладко, воложно насъ кормила,
Сусломъ, бражкой поила.
Прощай, Масленица!
Пито, гуляно было въ волю,
Пролито того болѣ.
Прощай, Масленица!
Мы за то тебя обрядили
Рогозиной, рѣдиной.
Прощай, Масленица!
Мы честнó тебя проводили,
На дровняхъ волочили.
Прощай, Масленица!
Завеземъ тебя въ лѣсъ подалѣ,
Чтобъ глаза не видали.
Прощай, Масленица!
(Подвинувъ санки въ лѣсъ, отходятъ.)

2-й хоръ.

Честная Масленица!

Веселенько тебя встрѣчать, привѣчать,
Трудно-нудно со двора провожать.
Ужъ и какъ намъ тебя вертать, ворочать?
Воротись, Масленица, воротися!
Честная Масленица!
Воротися хоть на три денечка!
Не воротишься на три денечка, —
Воротися къ намъ на денечекъ,
На денечекъ, на малый часочекъ!
Честная Масленица!

1-й хоръ.

Масленица мокрохвостка!
Поѣзжай долой съ двора,
Отошла твоя пора!
У насъ съ горъ потоки,
Заиграй овражки,
Выверни оглобли,
Налаживай соху!
Весна-Краснà,
Наша Ладушка пришла.
Масленица мокрохвостка,
Поѣзжай долой съ двора,
Отошла твоя пора!
Телѣги съ повѣти,
Улья изъ клѣти,
На повѣть санки,
Запоемъ веснянки!
Весна-Краснà,
Наша Ладушка пришла.

2-й хоръ.

Прощай, честная Маслена!
Коль быть живымъ, увидимся.
Хоть годъ прождать, да вѣдать-знать,
Что Маслена придетъ опять.

Чучело Масленицы.

Минуетъ лѣто красное,
Сгорятъ огни купальные.
Пройдетъ и осень желтая

Съ снопомъ, съ скирдомъ и братчиной.
Потемки, ночи темныя,
Карачуна проводите.
Тогда зима изломится,
Медвѣдь переворотится.
Придетъ пора морозная,
Морозная-колядная:
Овсень-коляду кликати.
Морозъ пройдетъ, мятель пашлетъ.
Во вьюгахъ съ перевѣями
Прибудетъ день, убудетъ ночь.
Подъ крышами, застрѣхами
Воробки зашевелятся.
Изъ лужицы, изъ наледи
Напьется кочетъ съ курами.
Къ пригрѣву, на завалинки
Съ ледяными сосульками
Изъ избъ ребята высыпятъ.
На солнышкѣ, на припекѣ
Коровій бокъ нагрѣется.
Тогда и ждать меня опять.

(Исчезаетъ. Бобыль хватается за пустыя сани, Бобылиха за Бобыля.)

Бобылиха.

Пойдемъ домой!

Бобыль.

Постойте! Какъ же это?
Неужто вся она? Кажись бы, мало
Погуляно и попито чужого.
Чуть только я маленько разгулялся,
Голодная утробишка чуть-чуть
Заправилась сосѣдскими блинами,
Она и вся — прикончилась. Печаль
Великая, несносная. Какъ хочешь,
Живи теперь, да впроголодь и майся
Безъ Масленой. А можно-ль бобылю?
Никакъ нельзя. Куда тебѣ дѣваться,
Бобыльская хмельная голова?

(Поетъ и пляшетъ.)

У Бакулы бобыля
Ни кола, ни двора,
Ни кола, ни двора,
Ни скота, ни живота.

Бобылиха.

Домой пора, безстыжій, люди смотрятъ.

Берендѣи.

Не тронь его!

Бобылиха.

Шатался всю недѣлю;
Съ чужихъ дворовъ нейдетъ; своя избёнка
Нетоплена стоитъ.

Бобыль.

Аль дровъ не стало?

Бобылиха.

Да гдѣ-жъ имъ быть? Они не ходятъ сами
Изъ лѣсу-то.

Бобыль.

Давно бы ты сказала.
Не скажетъ, вѣдь, такая право... я бы...
Топоръ со мной, охапки двѣ нарубимъ
Березовыхъ, и ладно. Подожди!

(Идетъ въ лѣсъ и видитъ Снѣгурочку, кланяется и смотритъ нѣсколько времени съ удивленіемъ. Потомъ возвращается къ женѣ и манитъ ее въ лѣсъ. Въ это время Снѣгурочка отходитъ и изъ-за куста смотритъ на Берендѣевъ; на ея мѣсто у дупла садится Лѣшій.)

Бобыль *(Бобылихѣ)*.

Смотри, смотри! Боярышня.

Бобылиха.

Да гдѣ?
(Увидавъ Лѣшаго.)
Ахъ, чтобъ тебя! Вотъ невидаль какая. *(Возвращаясь.)*
У! пьяница! Убила бы, кажись.

(Снѣгурочка опять возвращается на свое мѣсто; Лѣшій уходитъ въ лѣсъ.)

Одинъ Берендѣй.

Да что у васъ за споры?

Бобыль.

Поглядите!
Диковина, честные Берендѣи.
(Всѣ подходятъ къ дуплу.)

Берендѣи *(съ удивленіемъ).*

Боярыня! — Живая ли? — Живая.
Въ тулупчикѣ, въ сапожкахъ, въ рукавичкахъ.

Бобыль *(Снѣгурочкѣ).*

Дозволь спросить, далеко-ль держишь путь,
И какъ зовутъ тебя и величаютъ?

Снѣгурочка.

Снѣгурочкой. Куда итти — не знаю.
Коль будете добры, съ собой возьмите.

Бобыль.

Къ царю отвесть прикажешь, къ Берендѣю
Премудрому въ палаты?

Снѣгурочка.

Нѣтъ, у васъ
Въ слободкѣ я пожить хочу.

Бобыль.

Спасибо
На милости! А у кого-жъ?

Снѣгурочка.

Кто первый
Нашелъ меня, тому и буду дочкой.

Бобыль.

Да точно-ль такъ, да вправду ли ко мнѣ?
(Снѣгурочка киваетъ головою.)
Ну, чѣмъ же я, Бакула, не бояринъ?
Вались народъ на мой широкій дворъ,
На трехъ столбахъ, да на семи подпоркахъ!
Пожалуйте, князья, бояре, просимъ.
Несите мнѣ подарки дорогіе
И кланяйтесь, а я ломаться буду!

Бобылиха.

И какъ это, живешь, живешь на свѣтѣ,
А все себѣ цѣны не знаешь, право!
Возьмемъ, бобыль, Снѣгурочку, пойдемъ!
Дорогу намъ, народъ! Посторонитесь!

Снѣгурочка.

Прощай, отецъ! Прощай и мама! Лѣсъ,
И ты прощай!

Голоса изъ лѣсу.

Прощай, прощай, прощай!

(Деревья и кусты кланяются Снѣгурочкѣ; Берендѣи въ ужасѣ разбѣгаются; Бобыль и Бобылиха уводятъ Снѣгурочку.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Дѣвушка-Снѣгурочка.
Бобыль Бакула.
Бобылиха.
Лель-пастухъ.
Мурашъ, богатый слобожанинъ.
Купава, молодая дѣвушка, дочь Мураша.
Мизгирь, торговый гость изъ посада Берендѣева.
Радушка, Малуша — слободскія дѣвушки.
Брусило, Малышъ, Курилко — парни.
Бирючъ.
Слуги Мизгиря.
Слобожане: старики, старухи, парни и дѣвки.

Зарѣчная слободка Берендѣевка; съ правой стороны бѣдная изба Бобыля, съ покачнувшимся крыльцомъ; передъ избой скамья; съ лѣвой стороны большая раскрашенная изба Мураша; въ глубинѣ улица; черезъ улицу хмельникъ и пчельникъ Мураша; между ними тропинка къ рѣкѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Снѣгурочка *сидитъ на скамьѣ передъ домомъ Бобыля и прядетъ. Изъ улицы идетъ* Бирючъ, *надѣваетъ шапку на длинный шестъ и поднимаетъ высоко; со всѣхъ сторонъ сходятся слобожане;* Бобыль *и* Бобылиха *выходятъ изъ дому.*

Бирючъ.

Слушайте, послушайте,
Государевы люди,
Слободскіе Берендѣи!
По царскому наказу,
Государеву приказанью,
Старому, исконному обычаю,
Собиратися вамъ на завтрее
На вечерней на зорюшкѣ,
Теплой, тихой, погодливой,
Въ государевъ заповѣдный лѣсъ,
На гульбище, на игрище, на позорище:
Вѣнки завивать,
Круги водить, играть-тѣшиться
До ранней зорьки, до утренней.
Напасены про васъ, наготовлены
Пива̀-браги ячныя,
Старые меды стоялые.
А на ранней зарѣ утренней
Караулить, встрѣчать солнце восхожее,
Кланяться Ярилѣ свѣтлому.

(Снимаетъ шапку съ шеста, кланяется на всѣ четыре стороны и уходитъ. Слобожане расходятся. Бобыль и Бобылиха подходятъ къ Снѣгурочкѣ и смотрятъ на нее, качая головами.)

Бобыль.

Хе-хе, хо-хо!

Бобылиха.

Ахти, Бобыль Бакула!

Бобыль.

Хохонюшки!

Бобылиха.

На радость взяли дочку,
Все ждемъ-пождемъ, что счастье поплыветъ.
Повѣрилъ ты чужому разговору,
Да вотъ и плачь — достался курамъ на смѣхъ
Подъ старость лѣтъ.

Бобыль.

Скудаться намъ до вѣку,
Таскать кошель па плечахъ на роду
Написано. За что Бобыль Бакула
Ни хватится, ничто ему не въ прокъ.
Нашелъ въ лѣсу дѣвичку, молъ, подспорье
Въ сиротскій домъ беру — не тутъ-то было:
Ни на волосъ не легче.

Снѣгурочка.

Самъ лѣнивъ,
Такъ нечего пенять на бѣдность. Бродишь
Безъ дѣла день-деньской, а я работы
Не бѣгаю.

Бобыль.

Да что твоя работа?
Кому нужна? Отъ ней богатъ не будешь,
А только сытъ; такъ можно безъ работы
Кусочками мірскими прокормиться.

Бобылиха.

Помаялись, нужда потерла плечи,
Пора бы намъ пожить и въ холѣ.

Снѣгурочка.

Кто же
Мѣшаетъ вамъ? Живите.

Бобыль.

Ты мѣшаешь.

Снѣгурочка.

Такъ я уйду отъ васъ. Прощайте!

Бобылиха.

Полно!
Живи себѣ! Да помни и объ насъ,
Родителяхъ названныхъ! Мы не хуже

Соседей бы пожить умели. Дай-ка
Мошну набить потолще, такъ увидишь:
Такую-то взбодрю съ рогами кику,
Что только ахъ, да прочь поди.

Снѣгурочка.

Откуда-жъ
Богатству быть у дѣвушки-сиротки?

Бобылиха.

Краса твоя дѣвичья то-жъ богатство.

Бобыль.

Богатства нѣтъ, за умъ возьмись! Недаромъ
Пословица, что умъ дороже денегъ.
Съ огнемъ ищи по свѣту, не найдешь
Счастливѣе тебя: отъ свахъ и сватовъ
Отбою нѣтъ, пороги отоптали.
Житье-то бы, жена!

Бобылиха.

Ну, что̀ ужъ! Было,
Да мимо рта прошло.

Бобыль.

А парни наши
Съ ума сошли; аравами, стадами
Безъ памяти кидались за тобой,
Покинули невѣстъ, перебранились,
Передрались изъ-за тебя. Жена,
Житье-то бы!

Бобылиха.

Не говори, Бакула,
Не огорчай! Въ рукахъ богатство было,
А хвать-похвать, межъ пальцами ушло.

Бобыль.

И всѣхъ-то ты отвадила суровымъ,
Неласковымъ обычаемъ своимъ.

Снѣгурочка.

Зачѣмъ они гонялись вслѣдъ за мною,
За что̀ меня покинули — не знаю.
Напрасно ты зовешь меня суровой;
Стыдлива я, смирна, а не сурова.

Бобыль.

Стыдлива ты? Стыдливость-то къ лицу
Богатенькой. Вотъ такъ всегда у бѣдныхъ:
Чтò надо — нѣтъ, чего не надо — много.
Иной богачъ готовъ купить за деньги
Для дочери стыдливости хоть малость,
А намъ она не ко двору пришла.

Снѣгурочка.

Чего же вы, завистливые люди,
Отъ дѣвочки-Снѣгурочки хотите?

Бобыль.

Приваживай, ласкай ребятъ.

Снѣгурочка.

А если
Не пò-сердцу придется?

Бобыль.

Поневолься!
Не пò-сердцу, а парня ты мани,
А онъ прильнетъ и не отстанетъ, будетъ
Похаживать.

Бобылиха.

Да матери подарки
Понашивать.

Бобыль.

Отца медкомъ да бражкой
Попаивать. Ужъ долго-ль, коротко ли
Поводится съ тобой, а намъ барышъ.
Соскучишься съ однимъ, поприглядится,
Повытрясетъ кису, мани другого,
Поманивай!

Бобылиха.

А мнѣ опять подарки.

Бобыль.

А мнѣ медокъ да бражка съ хохолкомъ.
Чтò день, то пиръ, чтò утро, то похмелье
Вотъ самое законное житье!

Снѣгурочка.

Моя бѣда, что ласки нѣтъ во мнѣ.
Толкуютъ всѣ, что есть любовь на свѣтѣ,

Что дѣвушкѣ любви не миновать;
А я любви не знаю: что̀ за слово
Сердечный другъ, и что̀ такое милый —
Не вѣдаю. И слезы при разлукѣ,
И радости при встрѣчѣ съ милымъ другомъ
У дѣвушекъ видала я; откуда-жъ
Берутъ онѣ и смѣхъ, и слезы, право,
Додуматься Снѣгурочка не можетъ.

Бобыль.

Бѣды тутъ нѣтъ, что ты любви не знаешь;
Пожалуй, такъ и лучше.

Бобылиха.

Вотъ ужъ правда!
Полюбится, на грѣхъ, бѣднякъ, и майся
Всю жизнь, какъ я съ Бакулой Бобылемъ.

Бобыль.

Ребята всѣ равно тебѣ не милы,
И всѣхъ ласкай равно, да на досугѣ
Присматривай, который побогаче,
Да самъ большой, безъ старшихъ, безсемейный.
А высмотришь, такъ замужъ норови,
Да такъ веди, чтобъ Бобылю Бакулѣ
На хлѣбахъ жить, въ чести у зятя.

Бобылиха.

Тещѣ
Хозяйкой быть надъ домомъ и надъ вами.

Снѣгурочка.

Коль правда то, что дѣвку не минуетъ
Пора любви и слезъ по миломъ, ждите,
Придетъ она.

Бобыль.

Ну, дѣвка!

(За сценой пастушій рожокъ.)

Бобылиха.

Чу, рожокъ!
Пригналъ пастухъ скотину. Нѣтъ своихъ.
Хоть на чужихъ коровокъ полюбуюсь.

(Уходитъ. Входитъ Лель и одинъ изъ Берендѣевъ-слобожанъ и подходятъ къ избѣ Мураша. Мурашъ сходитъ съ крыльца.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бобыль, Снѣгурочка, Лель, Мурашъ и Берендѣй.

Берендѣй.

Куда его вести? Чередъ за нами.

Мурашъ.

Не надо мнѣ.

Берендѣй.

И мнѣ, вѣдь, не корысть.

Мурашъ.

А вонъ Бобыль! Сведемъ къ нему!

Лель *(низко кланяясь).*

Да что̀ вы,
Родимые, какъ словно отъ чумы,
Хоронитесь отъ пастуха?

Мурашъ.

Поди-ка,
Поклонами обманывай другихъ,
А мы тебя, дружка, довольно знаемъ.
Что̀ бережно, то цѣло, говорятъ.

(Подходитъ къ Бобылю.)

Берендѣй *(Лелю).*

Иди къ нему, почуй у Бобыля!

Бобыль.

Какая есть моя возможность? Что̀ ты?
Забылъ аль нѣтъ, что міромъ порѣшили
Освободить меня отъ всѣхъ накладовъ
По бѣдности моей сиротской? Что̀ ты?

Мурашъ.

Накладу нѣтъ съ тебя, отправь постой!

Бобыль.

Поужинать запроситъ! Самъ не ѣвши
Который день, а пастуха корми.

Мурашъ.

Объ ужинѣ и слова нѣтъ, накормимъ;
А твой ночлегъ, тебѣ убытку нѣтъ.

Бобыль.

Освободить нельзя ли, братцы?

Лель *(кланяясь).*

Дядя,

Пусти меня!

Бобыль.

Диви-бъ жалѣли хлѣба,

А мѣста онъ не пролежитъ у васъ.

Берендѣй.

Да видишь, тутъ такое вышло дѣло:

Сомнительно пускать-то Леля — дочка

На возрастѣ, на выданьи у свата.

(Показывая на Мураша.)

Бобыль.

У свата дочь, а у тебя?

Мурашъ *(показывая на Берендѣя).*

Жена

Красавица, да часомъ малодушна.

Избавь-ка насъ отъ Леля и напредки,

За нашъ черёдъ пускай къ себѣ. Заплатимъ.

Кажись, рубля не жаль.

Бобыль.

И есть за что.

Да вотъ что, другъ, и у меня капустка,

Пустить козла и мнѣ не прибыль.

Мурашъ.

Полно,

Чего тебѣ бояться? Не похожа

Снѣгурочка на нашихъ бабъ и дѣвокъ.

Бобыль.

Куда ни шло, останься, Лель.

Мурашъ.

Спасибо.

Сторгуемся, не постоимъ, заплатимъ.

(Мурашъ и Берендѣй уходятъ.)

Лель *(Бобылю).*

За ласковый пріемъ, за теплый уголъ

Пастухъ тебѣ заплатитъ добрымъ словомъ
Да пѣснями. Прикажешь, дядя, спѣть?

Бобыль.

До пѣсенъ я не больно падокъ; дѣвкамъ
Забава та мила, а Бобылю
Ведерный жбанъ сладимой ячной браги
Поставь на столъ, такъ будешь другъ. Коль хочешь,
Играй и пой Снѣгурочкѣ; но даромъ
Кудрявыхъ словъ не трать — скупа на ласку;
У ней любовь и ласка для богатыхъ,
А пастуху: спасибо да прощай! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Снѣгурочка *и* Лель.

Лель.

Прикажешь пѣть?

Снѣгурочка.

Приказывать не смѣю,
Прошу тебя покорно. Слушать пѣсни
Одна моя утѣха. Если хочешь,
Не въ трудъ тебѣ, запой! А за услугу
Готова я служить сама. Накрою
Кленовый столъ ширинкой браной, стану
Просить тебя откушать хлѣба-соли,
Покланяюсь, попотчую, а завтра
На солнечномъ восходѣ разбужу.

Лель.

Не стою я твоихъ поклоновъ.

Снѣгурочка.

Чѣмъ же
Платить тебѣ за пѣсни?

Лель.

Добрымъ словомъ,
Привѣтливымъ.

Снѣгурочка.

Какая-жъ это плата?
Со всѣми я привѣтлива.

Лель.

За пѣсни
Не платы жду. Мальчонка-пастушонка
Убогаго за пѣсню приголубятъ
Поласковѣй, когда и поцѣлуютъ.

Снѣгурочка.

За поцѣлуй поешь ты пѣсни? Развѣ
Такъ дорогъ онъ? При встрѣчѣ, при прощаньи
Цѣлуюсь я со всякимъ — поцѣлуи
Такія же слова: „прощай“ и „здравствуй!“
Для дѣвушки споешь ты пѣсню, платитъ
Она тебѣ лишь поцѣлуемъ; какъ же
Не стыдно ей такъ дешево платить,
Обманывать пригоженькаго Леля?
Не пой для нихъ, для дѣвушекъ, — не знаютъ
Цѣны твоимъ веселымъ пѣснямъ. Я
Считаю ихъ дороже поцѣлуевъ
И цѣловать тебя не стану, Лель.

Лель.

Сорви цвѣтокъ съ травы и подари,
За пѣсенку съ меня довольно.

Снѣгурочка.

Шутишь,
Смѣешься ты! На что̀ тебѣ цвѣточекъ?
А нуженъ онъ, и самъ сорвешь.

Лель.

Цвѣтокъ
Не важность есть, а дорогъ мнѣ подарокъ
Снѣгурочки.

Снѣгурочка.

Къ чему такія рѣчи?
Зачѣмъ меня обманываешь, Лель?
Не все-ль равно, гдѣ-бъ ни взялъ ты цвѣточекъ?
Понюхаешь и бросишь.

Лель.

Вотъ увидишь;
Давай его!

Снѣгурочка *(подавая цвѣтокъ).*

Возьми!

Лель.

На видномъ мѣстѣ
Приткну его. Пусть дѣвки смотрятъ. Спросятъ,
Откуда взялъ, скажу, что ты дала. *(Поетъ:)*
Земляничка-ягодка
Подъ кусточкомъ выросла;
Сиротинка-дѣвушка
На горе родилася.
Ладо, мое Ладо!
Земляничка-ягодка
Безъ пригрѣву вызрѣла,
Сиротинка-дѣвушка
Безъ призору выросла.
Ладо, мое Ладо!
Земляничка-ягодка
Безъ пригрѣву вызябнетъ,
Сиротинка-дѣвушка
Безъ привѣту высохнетъ.
Ладо, мое Ладо!

(Снѣгурочка, почти плача, кладетъ свою руку на плечо Леля. Лель вдругъ запѣваетъ весело:)

Какъ по лѣсу лѣсъ шумитъ,
За лѣсомъ пастухъ поетъ,
Раздолье мое!
Ельникъ, мой, ельничекъ,
Частый мой березничекъ,
Приволье мое!
По частымъ по кустикамъ,
По малой тропиночкѣ
Дѣвушка бѣжитъ.
Ой, бѣжитъ, торопится,
Два вѣнка съ собой несетъ,
Себѣ да ему.

Студеной колодецъ мой,
По мхамъ, по болотинкамъ
Воды не разлей.
Не мѣшай по тропочкамъ,
По стежкамъ, дороженькамъ
Дѣвушкѣ бѣжать.
Не шуми, зеленый лѣсъ,
Не шатайтесь, сосенки,
Во частомъ бору.
Не качайтесь, кустики,
Не мѣшайте дѣвушкѣ
Два слова сказать.

(Двѣ дѣвушки издали манятъ Леля. Онъ вынимаетъ цвѣтокъ, данный Снѣгурочкой, бросаетъ и идетъ къ дѣвушкамъ.)

Снѣгурочка.

Куда бѣжишь? Зачѣмъ цвѣтокъ бросаешь?

Лель.

На что же мнѣ завялый твой цвѣтокъ?
Куда бѣгу? Смотри, вонъ сѣла птичка
На деревцѣ! Немножко попоетъ
И прочь летитъ; удержишь ли ее?
Вонъ видишь, ждутъ меня и ручкой манятъ;
Побѣтаемъ, пошутимъ, посмѣемся,
Пошепчемся у тына подъ шумокъ,
Отъ матушекъ сердитыхъ потихоньку. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Снѣгурочка *(одна).*

Какъ больно здѣсь, какъ сердцу тяжко стало!
Тяжелою обидой, словно камнемъ,
На сердце палъ цвѣтокъ, измятый Лелемъ
И брошенный. И я, какъ будто, тоже
Покинута и брошена, завяла
Отъ словъ его насмѣшливыхъ. Къ другимъ

Бѣжитъ пастухъ; онѣ ему милѣе:
Звучнѣе смѣхъ у нихъ, теплѣе рѣчи,
Податливѣй онѣ на поцѣлуи,
Кладутъ ему на плечи руки, прямо
Въ глаза глядятъ и смѣло при народѣ
Въ объятіяхъ у Леля замираютъ.
Веселье тамъ и радость. *(Прислушивается.)*
Чу, смѣются!
А я стою и чуть не плачу съ горя,
Досадую, что Лель меня оставилъ.
А какъ винить его? Гдѣ веселѣе,
Туда его и тянетъ сердце. Правъ
Пригожій Лель! Бѣги туда, гдѣ любятъ,
Ищи любви, ее ты стóишь. Сердце
Снѣгурочки, холодное для всѣхъ,
И для тебя любовью не забьется.
Но отчего-жъ обидно мнѣ, досада
Сжимаетъ грудь, томительно-тоскливо
Глядѣть на васъ, глядѣть на вашу радость,
Счастливыя подружки пастуха?
Отецъ-Морозъ, обидѣлъ ты Снѣгурку.
Но дѣло я поправлю: межъ бездѣлокъ,
Красивыхъ бусъ, дешевыхъ перстеньковъ,
У матери-Весны возьму немного,
Немножечко сердечнаго тепла,
Чтобъ только лишь чуть теплилось сердечко.

(На улицѣ показываются: Малуша, Радушка, Малышъ, Брусило, Курилко, Лель и другіе парни и дѣвушки, потомъ Купава. Парни съ поклономъ подходятъ къ дѣвушкамъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Снѣгурочка, Купава, Малуша, Радушка, Малышъ, Брусило, Курилко, Лель *и* Берендѣи.

Малуша *(парнямъ).*

Оставьте насъ! Подите, подлещайтесь
Къ Снѣгурочкѣ своей!

Радушка *(Брусилу).*

Не подходи,
Безстыжіе глаза твои!

Брусило.

Доколѣ-жъ
Томиться намъ, скажите?

Курилко.

Поревните
Хоть чѣмъ-нибудь!

Радушка.

Къ Снѣгурочкѣ подите!
Смѣняли разъ подругъ своихъ завѣтныхъ
На новую, такъ вѣры нѣтъ.

Малуша.

Найдите
Получше насъ, коль мы не хороши.

Брусило.

А если намъ отъ новой взятки гладки,
Куда-жъ тогда?

Радушка.

Не плакать же объ васъ?

Брусило.

Ужъ каялись; не вѣкъ же распинаться;
Пора забыть про старое.

Радушка.

Не вдругъ
Забудемъ мы, не дожидайтесь. *(Малушѣ.)*
Прямо
Въ глаза тебѣ смѣются, вынимаютъ
Ретивое изъ бѣлой груди, послѣ
И ластятся, какъ путные ребята;
Молъ, такъ пройдетъ, какъ-будто ничего,
Забудется.

Малуша.

Ни въ жизнь не позабудемъ.

Брусило.

Покорствуемъ, повинную приносимъ,
А жалости не видимъ надъ собой.

Радушка.

Умри въ глазахъ, и то не пожалѣю.

Брусило.

Все дѣло врозь да надвое.

Курилко.

Ау!
Хоть волкомъ вой.

Брусило.

А врозь, такъ врозь, и сами
Стоскуются безъ насъ, на мировую
Потянутся.

Радушка.

Слѣпой сказалъ: посмотримъ.

(Дѣвушки и парни расходятся въ разныя стороны.)

Купава *(подходя къ Снѣгурочкѣ).*

Снѣгурочка одна стоитъ, бѣдняжка!
Оставили тебя, забыли парни,
Хоть Леля бы ласкала.

Снѣгурочка.

Лель не любитъ
Скучать со мной, ему веселья нужно,
Горячихъ ласкъ, а я стыдлива.

Купава.

Я-то,
Снѣгурочка, а я-то какъ счастлива!
Отъ радости и мѣста не найду!
Вотъ такъ бы я ко всякому на шею
И кинулась, про радость разсказала,
Да слушать-то не всѣ охочи. Слушай,
Снѣгурочка, порадуйся со мной!
Сбирала я цвѣты на Красной горкѣ;
Навстрѣчу мнѣ изъ лѣсу молодецъ,
Хорошъ-пригожъ, румяный, круглолицый,
Красенъ, кудрявъ, чтó маковый цвѣтокъ.
Сама суди, не каменное сердце,
Безъ милаго не проживешь; придется
Кого-нибудь любить, не обойдешься,
Такъ лучше ужъ красавца, чѣмъ дурного.

Само собой, по скромности дѣвичьей,
Стараешься ретивое сердечко
Удерживать немного; ну, а все же
На всякій часъ не опасешься. Парень
Пригожъ собой, жениться обѣщаетъ,
Да такъ-то скоръ, да такъ-то скоръ, что, право,
Скружитъ совсѣмъ, ума не соберешь;
Ну, что̀ и ка̀къ: ужъ долго-ль, коротко ли,
А только мы сдружились. Онъ богатый
Отецкій сынъ, по имени Мизгирь,
Торговый гость изъ царскаго посада.
Родители мои, конечно, рады
Моей судьбѣ; а онъ ужъ такъ-то клялся,
Въ Ярилинъ день, на солнечномъ восходѣ,
Въ глазахъ царя вѣнками обмѣняться
И взять меня женой; тогда прощайте.
Въ его дому, въ большомъ посадѣ царскомъ,
На всемъ виду, богатою хозяйкой
Забарствую. Сегодня мой Мизгирь
Пріѣдетъ къ намъ въ слободку спознаваться
Съ дѣвицами и парнями. Увидишь,
Порадуйся со мной. *(Снѣгурочка ее цѣлуетъ.)*
Повеселимся,
Круги водить пойдемъ на Красной горкѣ.
Да вотъ онъ!

(Бѣжитъ и прячется между дѣвушекъ. Входитъ Мизгирь; за нимъ двое слугъ съ мѣшками. Снѣгурочка прядетъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Снѣгурочка, Купава, Малуша, Радушка, Мизгирь, Малышъ, Брусило, Курилко, Лель, слуги Мизгиря *и* Берендѣи.

Купава.

Голубушки-дѣвицы,
Пришелъ красы дѣвичьей погубитель,
Съ подружками, съ родными разлучитель.
Не выдайте подружку, схороните!
А выдайте, такъ за великій выкупъ.

Мизгирь *(учтиво кланяясь)*.

Красавицы-дѣвицы, между вами
Не прячется-ль красавица Купава?

Радушка.

Красавица Купава намъ, дѣвицамъ,
Самимъ нужна. Отдать, такъ не съ кѣмъ будетъ
Круги водить и вечера сидѣть,
И тайности дѣвичьи говорить.

Мизгирь.

Красавицы, подружка вамъ нужна,
А мнѣ нужнѣй. Однимъ-одинъ гуляю,
Хозяйки нѣтъ; кому я золотые
Ключи отдамъ отъ кованыхъ ларцовъ?

Радушка *(дѣвушкамъ)*.

Отдать иль нѣтъ?

Малуша.

Не отдавай подружку;
У насъ еще и пѣсни не допѣты,
И игры мы не доиграли съ ней.

Мизгирь.

Красавицы, подружка вамъ нужна,
А мнѣ нужнѣй того. Сиротскимъ дѣломъ
Кому ласкать меня, лелѣять, нѣжить,
Кому чесать и холить кудри русы?

Радушка.

Отдать иль нѣтъ подружку?

Малуша.

Развѣ выкупъ
Великій дастъ!

Радушка.

Рублемъ или полтиной,
А жаль рубля, хоть золотою гривной
Дари дѣвицъ: Купаву отдадимъ.

Мизгирь.

Не жаль для васъ ни гривны, ни полтины,
Не жаль рубля дѣвицамъ подарить.

(Беретъ у слуги изъ мѣшка деньги и раздаетъ дѣвушкамъ.)

Орѣховъ вамъ и пряниковъ печатныхъ
Корабль привелъ.
(Отдаетъ мѣшокъ съ орѣхами и пряниками. Парни окружаютъ Купаву.)

Малышъ.

Не вдругъ возьмешь Купаву,
Безъ выкупа не отдадимъ. Ребята,
Горой стоять! Не выдавайте даромъ!
А то у насъ всѣхъ дѣвокъ поберутъ,
А намъ самимъ въ слободкѣ недостача.

Мизгирь.

Къ дѣвицамъ я и лаской, и привѣтомъ,
А съ вами рѣчь иную поведу!
Отсыплю вамъ, давайте берендѣйку,
Пригоршни двѣ, и разговоръ коротокъ.
(Малышъ подставляетъ шапку-берендѣйку, Мизгирь сыплетъ двѣ пригоршни и беретъ Купаву.)

Купава.

Сердечный другъ, свою дѣвичью волю,
Подругъ, родныхъ на милаго дружка
Смѣняла я; не обмани Купаву,
Не погуби дѣвическаго сердца!
(Отходятъ и садятся на крыльцѣ избы Мураши.)

Брусило.

Однако, намъ Мизгирь въ глаза смѣется.
Ну, братцы, жаль не на меня напалъ,
Не очень-то со мной разговоришься.
Не сталъ бы я терпѣть обидныхъ словъ,
Своихъ ребятъ чужому-чуженину
Не выдалъ бы на посмѣянье.

Малышъ.

Ой ли?
А что-жъ бы ты?

Брусило.

Да не тебѣ чета.
Ужъ, кажется... *(Засучиваетъ рукавъ.)*

Малышъ.

Начни, а мы посмотримъ.

Брусило.

Крутенекъ я и на руку тяжелъ.
Ужъ лучше вы меня свяжите, братцы,
Чтобъ не было бѣды какой.

Малышъ.

Смотри,
Коль сунешься, не пяться.

Брусило.

Невозможно.
Понотчую, небитымъ изъ слободки
Не выпущу. Курилко, задирай!

Курилко (*Мизгирю*).

Эй, ты, Мизгирь! Послушай, братъ, ребята
Обидѣлись.

Мизгирь (*встаетъ съ крыльца*).

На что?

Курилко.

На грубость.

Мизгирь.

Будто?

Курилко.

Ужъ вѣрно такъ.

Мизгирь (*подходя къ Курилкѣ*).

А ты обиженъ тоже?
Ну, что-жъ молчишь?

Курилко.

Да я-то ничего.

Мизгирь.

Такъ прочь поди; да поумнѣй пошлите
Кого-нибудь.

Курилко.

А я, небось, дуракъ
По-твоему?

Мизгирь.

Дуракъ и есть.

Курилко.

За дѣло-жъ
Сбирается тебя побить Брусило.

Мизгирь.

Брусило? Гдѣ? Какой-такой? Кажите!
Давай его!

Малышъ *(удерживаетъ Брусила).*

Куда же ты? Постой!

Мизгирь.

Брусило ты? Поди сюда поближе!

Брусило *(парнямъ, которые его подталкиваютъ).*

Да полно вамъ! *(Мизгирю.)*
Не слушай, государь!
Извѣстно, такъ дурачимся, для шутки,
Промежъ себя.

Радушка.

Ахъ, горе-богатырь!
Да такъ тебѣ и надо.

Малуша.

Ништо имъ!
У нихъ въ глазахъ и насъ возьмутъ чужіе.

Курилко.

А мы пойдемъ за дѣвками чужими.

Радушка.

А мы объ васъ и думать позабыли.
(Дѣвки и парни расходятся врозь.)

Купава *(парнямъ).*

Не стыдно-ль вамъ? Къ дѣвицѣ-слобожанкѣ
Женихъ пришелъ, его привѣтить нужно,
А вы на брань и драку лѣзть готовы.

Малышъ.

Брусило здѣсь зажига.

Брусило.

Не порядокъ —
Чужихъ ребятъ пускать въ слободку. Сами
Вспокаетесь — останемся безъ дѣвокъ;
Купаву взять и безъ него умѣли-бъ.

Купава.

Умѣлъ бы ты, да я-то не умѣю

Любить тебя, вотъ горе. *(Дѣвушкамъ.)*
Запѣвайте,
Подруженьки, веселую погромче!
Пойдемъ въ лужокъ да заведемъ кружокъ!

(Дѣвушки запѣваютъ: „Ай, во полѣ липоньки" и уходятъ; парни за ними, поодаль. Лель садится подлѣ Снѣгурочки и оплетаетъ рожокъ берестой. Купава съ Мизгиремъ подходятъ къ Снѣгурочкѣ.)

Купава.

Снѣгурочка, потѣшь свою подружку
Въ послѣдній разъ, въ останешній, пойдемъ
Круги водить, играть на Красной горкѣ.
Недолго мнѣ рѣзвиться-веселиться, —
Послѣдній день моей дѣвичьей воли,
Снѣгурочка, послѣдній.

Снѣгурочка.

Я, Купава,
Иду съ тобой, возьмемъ и Леля. Пряжу
Снесу домой и побѣгу за вами. *(Уходитъ въ избу.)*

Купава *(Мизгирю).*

Сердечный другъ, пойдемъ! Они догонятъ.

Мизгирь.

Постой, постой!

Купава.

Дѣвицы за слободкой
Полкомъ стоятъ и ждутъ.

Мизгирь.

Твоя подружка
Снѣгурочка, а Лель у васъ при чемъ?
(Снѣгурочка выходитъ; за ней Бобыль и Бобылиха.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Снѣгурочка, Купава, Мизгирь, Лель, Бобыль *и* Бобылиха.

Купава.

Снѣгурочкѣ безъ Леля будетъ скучно.

Мизгирь.

Да правда ли? Не веселѣй ли будетъ
Снѣгурочкѣ съ мной итти?

Купава.

А я-то?

Мизгирь.

А ты возьми хоть Леля.

Купава.

Какъ же, милый?
Вѣдь, я твоя, твоя; одна могила
Разлучитъ насъ.

Мизгирь.

Пойдешь ли ты иль нѣтъ,
А я останусь здѣсь.

Бобыль.

Покорно просимъ.

Купава.

Закрой сперва сыпучими песками
Глаза мои, доской тяжелой сердце
У бѣдненькой Купавы раздави,
Тогда бери другую. Очи видѣть
Разлучницы не будутъ; горя злого
Ревнивое сердечко не учуетъ.
Снѣгурочка, завистница, отдай
Дружка назадъ!

Снѣгурочка.

Подружка дорогая,
И ты, дружокъ ея, оставьте насъ.
Слова твои обидно, больно слушать.
Снѣгурочка чужая вамъ. Прощайте!
Ни счастьемъ вы предъ нами не хвалитесь,
Ни въ зависти меня не упрекайте! *(Хочетъ итти.)*

Мизгирь *(удерживая ее)*.

Снѣгурочка, останься! Кто счастливецъ —
Любовникъ твой?

Снѣгурочка.

Никто.

Мизгирь.

Такъ буду я. *(Купавѣ.)*
Смотри туда, Купава! Видишь, солнце
На западѣ, въ лучахъ зари вечерней,
Въ пурпуровомъ туманѣ утопаетъ!
Воротится-ль оно назадъ?

Купава.

Для солнца
Возврата нѣтъ.

Мизгирь.

И для любви погасшей
Возврата нѣтъ, Купава.

Купава.

Горе, горе!
Голубушки-подружки, воротитесь! *(Убѣгаетъ.)*

Мизгирь.

Люби меня, Снѣгурочка! Дарами
Безцѣнными красу твою осыплю
Безцѣнную.

Снѣгурочка.

Любви моей не купишь.

Мизгирь.

И жизнь свою отдамъ въ придачу. Слуги,
Казну мою несите!

Бобылиха *(Снѣгурочкѣ).*

Ты съ ума-то
Великаго не вздумай отказаться!

Бобыль.

Мѣшки тащатъ. Снѣгурочка, попомни
Родителей!

Бобылиха.

Не пронесли бы мимо.
А такъ въ глазахъ и заплясала кика
Рогатая съ окатнымъ жемчугомъ.

Снѣгурочка.

Сбирайте дань, завистливые люди,
Съ подружкина несчастья, богатѣйте

Моимъ стыдомъ. Не жалуйтесь, согласна
Притворствовать для вашихъ барышней.

Бобыль.

Попотчевалъ бы гостя, да не знаю,
Чего подать: сотовъ медовыхъ, меду
Стоялаго серебряную стопу,
Коврижку ли медовую да бражки?

Мизгирь.

Чего не жаль, того и дай.

Бобыль.

Помилуй,
Жалѣю-ль я? Чего душѣ угодно?

Мизгирь.

Подай медку!

Бобыль.

Какой тебѣ по нраву:
Малиновый, аль вишневый, инбирный?

Мизгирь.

Какой-нибудь.

Бобыль.

И всякаго довольно,
Да не у насъ, а у сосѣдей. Вѣришь,
Шаро́мъ кати, ни корки хлѣба въ домѣ,
Ни зернышка въ сусѣкѣ, ни копейки
Желѣзной нѣтъ въ мошнѣ у Бобыля.

Мизгирь.

Бери мѣшокъ, старикъ; пойдетъ въ задатокъ
За дочь твою.

Бобыль.

Танци въ избу, старуха,
Корми надъ нимъ! Покорно благодарствуй.
Теперь медкомъ и бражкой разживемся,
Попотчую тебя и самъ напьюсь.

Мизгирь.

Давать казну, такъ знать, за что̀. Ужъ Леля
Подальше ты держи, а то разладимъ,
Разсоримся, старикъ.

Бобыль.

Такое-ль дѣло,
Чтобъ ссориться! Великъ ли Лель, помилуй!
Да какъ тебѣ угодно, такъ и будетъ.
Велишь прогнать — прогонимъ.

Мизгирь.

Прогони!

Бобыль.

Снѣгурочка! Не полюбилось гостю,
Что Лель торчитъ передъ глазами. Дочка,
Скажи ему, чтобъ онъ гулялъ кругомъ
Да около, сторонкой обходилъ
Бобыльскій дворъ! А у избы толочься
Не для чего, молъ, другъ любезный, такъ-то!

Снѣгурочка.

Поди отъ насъ, уйди подальше, Лель!
Не я гоню, нужда велитъ.

Лель.

Прощайте!

Снѣгурочка.

О чемъ же ты заплакалъ? Эти слезы
Объ чемъ? Скажи.

Лель.

Когда сама заплачешь,
Узнаешь ты, о чемъ и люди плачутъ. *(Отходитъ.)*

Мизгирь *(обнимая Снѣгурочку).*

Не знаешь ты цѣны своей красѣ.
По свѣту я гулялъ торговымъ гостемъ,
На пестрые базары мусульманъ
Заглядывалъ; со всѣхъ сторонъ красавицъ
Везутъ туда армяне и морскіе
Разбойники, но красоты подобной
На свѣтѣ мнѣ встрѣчать не приходилось.

(Входитъ Купава съ дѣвушками и парнями. Мурашъ сходитъ съ крыльца.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Снегурочка, Мизгирь, Бобыль, Лель, Купава, Мурашъ, Радушка, Малуша, Малышъ, Бруснло, Курилко, Берендѣи и Берендѣйки.

Купава.

Голубушки-подружки, поглядите,
Отецъ, гляди, — въ слезахъ твоя Купава!
Тоска ее за горло душитъ; сухи
Уста ея горячія; а онъ —
Съ разлучницей, веселый, прямо въ очи
Уставился, глядитъ, не наглядится.

Мурашъ.

Да какъ же такъ?

Малышъ.

Диковина, ребята.

Радушка.

Обидѣлъ онъ Купаву кровно.

Малуша.

Всѣхъ,
Обидѣлъ всѣхъ дѣвицъ.

Мурашъ.

Такого дѣла
Не слыхано у честныхъ Берендѣевъ.

Купава.

Скажи, злодѣй, при всемъ честномъ народѣ,
Тогда ли ты обманывалъ Купаву,
Когда въ любви ей клялся? Или вправду
Любилъ ее и обманулъ теперь,
Позарившись несытыми очами
На новую добычу? Говори!

Мизгирь.

Къ чему слова? Для сердца нѣтъ указки.
Не мало клятвъ безумныхъ приберешь
Въ пылу любви, не мало обѣщаній;
Да развѣ ихъ запомнишь послѣ? Клятвы

Цѣпями ты считаешь, я — словами;
Не помню ихъ и сердца не вяжу:
Вольно ему любить и разлюбить.
Любилъ тебя, теперь люблю другую,
Снѣгурочку.

Радушка.

Обидно Берендѣйкамъ
Такую рѣчь отъ Берендѣя слышать.

Брусило.

Чего еще? Ужъ хуже не бываетъ.

Мурашъ.

Давно живу, и старые порядки
Извѣстны мнѣ довольно. Берендѣи,
Любимые богами, жили честно.
Безъ страха дочь мы парню поручали;
Вѣнокъ для насъ порука ихъ любви
И вѣрности до смерти. И ни разу
Измѣною вѣнокъ поруганъ не былъ,
И дѣвушки не вѣдали обмана,
Не вѣдали обиды.

Радушка.

Всѣмъ обида,
Обида всѣмъ дѣвицамъ Берендѣйкамъ.

Купава.

За что же ты Купаву разлюбилъ?

Мизгирь.

Влюбленному всего дороже скромность
И робкая оглядка у дѣвицы;
Самъ-другъ она оставшись съ милымъ, ищетъ
Какъ-будто гдѣ себѣ защиты взоромъ.
Опущены стыдливые глаза,
Рѣсницами покрыты; лишь украдкой
Мелькнетъ сквозь нихъ молящій нѣжно взоръ.
Одной рукой ревниво держитъ друга,
Другой его отталкиваетъ прочь.
А ты меня любила безъ оглядки,
Обѣими руками обнимала
И весело глядѣла.

Купава.

Ахъ, обида!

Мизгирь.

И думалъ я, твое безстыдство видя,
Что ты меня смѣняешь на другого.

Купава.

Ахъ, ахъ! Отецъ, родные, заступитесь!
(Всѣ стоятъ пораженные.)
Защиты нѣтъ Купавѣ?

(Всѣ молчатъ. Купава, поднявъ руки, обращается къ пчельнику.)

Пчелки, пчелки
Крылатыя! Летите ярымъ роемъ,
Оставьте вы соты медовы, впейтесь
Въ безстыжіе глаза! Не запнулся-жъ
Языкъ его, не поперхнулось горло
Сказать, что я дѣвица безъ стыда,
И пристыдить родимыхъ. Залѣпите
Лицо его и песій взглядъ лгуна.
(Обращаясь къ хмельнику.)
Хмелинушко, тычинная былинка,
Высоко ты по жердочкѣ взвился,
Широко ты развѣсилъ яры шишки.
(Становится на колѣни.)
Молю тебя, кудрявый ярый хмель,
Отсмѣй ему, насмѣшнику, насмѣшку
Надъ дѣвушкой! За длинными столами
Дубовыми, за умною бесѣдой
Въ кругу гостей почетныхъ, посѣдѣлыхъ
Поставь его, обманщика, невѣжей,
Нетесаннымъ и круглымъ дуракомъ.
Домой пойдетъ, такъ хмельной головою
Ударь объ тынъ стоячій, прямо въ лужу
Лицомъ его безстыжимъ урони!
О, рѣченька, студеная водица,
Глубокая, проточная, укрой
Тоску мою и вмѣстѣ съ горемъ лютымъ
Ретивое сердечко утопи!

(Бѣжитъ къ рѣкѣ. Лель ее удерживаетъ почти безчувственную.)

Лель.

Зачѣмъ топить ретивое сердечко?
Пройдетъ тоска, и сердце оживетъ.

Мурашъ.

За дѣвушекъ обманутыхъ заступникъ
Великій царь. Проси царя, Купава!

Всѣ.

За всѣхъ сиротъ заступникъ Берендѣй.

Купава.

Постылый ты, постылый человѣкъ!
(Падаетъ на руки Леля.)

Мурашъ.

Дождался ты проклятья отъ Купавы;
Недолго ждать погибельнаго гнѣва
Отъ праведно карающихъ боговъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Царь Берендѣй.
Бермята, ближній бояринъ.
Елена Прекрасная, его жена.
Снѣгурочка.
Купава.
Бобыль.
Бобылиха.
Мизгирь.
Лель.
Бояре, боярыни, гусляры, слѣпые, скоморохи, отроки, бирючи, Берендѣи всякаго званія обоего пола.

Открытыя сѣни во дворцѣ Берендѣя: въ глубинѣ, за точеными балясами переходовъ, видны вершины деревьевъ сада, деревянныя рѣзныя башни и вышки.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Царь Берендей *сидитъ на золотомъ стулѣ, расписываетъ красками одинъ изъ столбовъ. У ногъ царя сидятъ на полу два скомороха; нѣсколько поодаль — слѣпые гусляры съ гуслями; на переходахъ у дверей стоятъ царскіе отроки.*

Гусляры *(поютъ).*

Вѣщія звонко струны рокочутъ
Громкую славу царю Берендѣю.
Долу опустимъ померкшія очи.
Очи
Мракъ безразсвѣтный смежилъ ихъ навѣчно.
Зрячею мыслью рыскучей оглянемъ
Близкихъ сосѣдей окрестныя царства.
Что мнѣ звенитъ по зарѣ издалече?
Слышу и трубы, и ржанье коней;
Глухо стези подъ копытами стонутъ.
Тонутъ
Въ сизыхъ туманахъ стальные шеломы;
Звонко бряцаютъ кольчатыя брони,
Птичьи стада по степямъ пробуждая.
Луки напряжены, тулы открыты,
Пашутъ по вѣтру червленые стяги;
Рати съ заранія по полю скачутъ.
Плачутъ
Жены на стѣнахъ и башняхъ высокихъ:
Ладъ своихъ милыхъ не видѣть намъ болѣ;
Милые гибнутъ въ незнаемомъ полѣ.
Стоны по градамъ, притоптаны нивы,
Съ утра до ночи и съ ночи до свѣту
Ратаи черными вранами рыщутъ.
Прыщутъ
Стрѣлы дождемъ по щитамъ вороненымъ;
Гремлютъ мечи о шеломы стальные;
Сулицы сквозь прободаютъ доспѣхи.
Чести и славы князьямъ добывая,
Ломятъ и гонятъ дружины дружины,
Топчатъ комонями, копьями нижутъ.
Нижутъ

Звѣри лѣсные кровавые трупы;
Крыльями птицы прикрыли побитыхъ;
Тугой поникли деревья и травы.
Веселы грады въ странѣ Берендѣевъ,
Радостны пѣсни по рощамъ и доламъ;
Миромъ красна Берендѣя держава.
Слава
Въ роды и роды блюстителю мира!
Струны баяновъ гремѣть не престанутъ
Славу златому столу Берендѣя.
(Царь знакомъ благодаритъ слѣпыхъ; ихъ уводятъ.)

1-й скоморохъ.

Что-жъ это, царь — къ чему, скажи, пристало, —
Внизу столба коровью ногу пишетъ?

2-й скоморохъ.

Аль ты ослѣпъ? Да гдѣ-жъ она коровья?

1-й скоморохъ.

Какая же?

2-й скоморохъ.

Какая? Видишь: песья.

1-й скоморохъ.

Коровья, шутъ.

2-й скоморохъ.

Анъ, песья.

1-й скоморохъ.

Анъ, коровья,
Съ копытами.

2-й скоморохъ.

Да песья-жъ.

1-й скоморохъ.

Самъ ты песъ,
Собачій носъ.

2-й скоморохъ.

А ты корова.

1-й скоморохъ.

Я-то? *(Дерутся.)*
Такъ я тебя рогами забоду!

2-й скоморохъ.

А я тебя зубами загрызу!
(Встанутъ на ноги и расходятся, приготовляясь биться на кулачки.)

Царь.

На мѣсто, вы! *(Скоморохи садятся.)*
Ни песья, ни коровья,
А крѣпкая нога гнѣдого тура.
Палатное письмо имѣетъ смыслъ.
Небесными кругами украшаютъ
Подписчики въ палатахъ потолки
Высокіе; въ простѣнкахъ узкихъ пишутъ
Утѣху глазъ — лазоревы цвѣты
Межъ травами зелеными; а туры
Могучія и жилистыя ноги
На притолкахъ дверныхъ, припечныхъ турахъ,
Подножіяхъ прямыхъ столбовъ, на коихъ
Покоится тяжелыхъ матицъ грузъ.
Въ преддверіяхъ, чтобъ гости веселѣе
Вступали въ домъ, писцы живописуютъ
Такихъ, какъ вы, шутовъ и дураковъ.
Ну, поняли, глупцы?

1-й скоморохъ.

Скажи, который
Изъ насъ двоихъ глупѣе?

2-й скоморохъ.

Вотъ задача!
Нехитрому уму не разгадать.

Царь.

Пріятно умъ чужой своимъ примѣрить,
На мѣру взять и на вѣсъ; глупость мѣрять
Напрасно трудъ терять. *(Входитъ Бермята.)*
Подите вонъ!
(Скоморохи уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Царь Берендѣй *и* Бермята.

Бермята.

Великій царь счастливыхъ Берендѣевъ,
Живи во вѣкъ! Отъ радостнаго утра,
Отъ подданныхъ твоихъ и отъ меня
Привѣтъ тебѣ! Въ твоемъ обширномъ царствѣ
Покуда все благополучно.

Царь.

Правда-ль?

Бермята.

Воистину.

Царь.

Не вѣрю я, Бермята.
Въ сужденіяхъ твоихъ замѣтна легкость.
Не разъ тебѣ и словомъ, и указомъ
Приказано, и повторяю вновь,
Чтобъ глубже ты смотрѣлъ на вещи, въ сущность
Проникнуть ихъ старался, въ глубину.
Нельзя-жъ легко, порхая мотылькомъ,
Касаться лишь поверхности предметовъ:
Поверхностность — порокъ въ почетныхъ лицахъ,
Поставленныхъ высоко надъ народомъ.
Не думай ты, что все благополучно,
Когда народъ не голоденъ, не бродитъ
Съ котомками, не грабитъ по дорогамъ.
Не думай ты, что если нѣтъ убійствъ
И воровства...

Бермята.

Воруютъ понемножку.

Царь.

И ловите?

Бермята.

Зачѣмъ же ихъ ловить,
Труды терять? Пускай себѣ воруютъ,

Когда-нибудь да попадутся, въ силу
Пословицы народной: „сколько вору
Ни воровать — кнута не миновать".

Царь.

Конечно, грѣхъ неправаго стяжанья
По мелочи не очень-то великъ
Сравнительно, а все же не мѣшаетъ
Искоренять его. Не уклонимся-жъ
Отъ главнаго предмета разговора.
Благополучіе — велико слово!
Не вижу я его давно въ народѣ,
Пятнадцать лѣтъ не вижу. Наше лѣто
Короткое годъ отъ году короче
Становится, а вёсны холоднѣй, —
Туманныя, сырыя, точно осень
Печальныя. До половины лѣта
Снѣга лежатъ въ оврагахъ и лядинахъ.
Изъ нихъ ползутъ туманы по утрамъ,
А къ вечеру выходятъ злыя сестры,
Трясучія и блѣдныя кумохи,
И шляются по деревнямъ, ломая,
Знобя людей. Недавно мы гуляли
Съ женой твоей, Прекрасною Еленой,
Въ саду моемъ тѣнистомъ. Подъ кустами,
Отъ зоркихъ глазъ садовниковъ скрываясь,
Таилася подтаявшая льдинка.
Безпечные, какъ дѣти, мы шутили,
Рѣзвилися съ Прекрасною Еленой;
Но холодокъ, віяся тонкой струйкой,
Лица ея прекраснаго коснулся,
И вздулись вдругъ малиновыя губы,
И правая румяная щека —
Гора горой; мгновенно исказилась
Улыбка устъ медовыхъ. Нѣтъ, Бермята,
Не все у насъ благополучно, другъ.
Пятнадцать лѣтъ не кажется Ярило
На нашъ призывъ, когда, встрѣчая солнце,
Въ великій день Ярилинъ, мы напрасно
Тьмотысячной толпой къ нему взываемъ

И пѣснями его величье славимъ.
Сердитъ на насъ Ярило.

Бермята.

Царь премудрый,
За что-бъ ему сердиться?

Царь.

Есть за что.
Въ сердцахъ людей замѣтилъ я остуду
Не малую; горячности любовной
Не вижу я давно у Берендѣевъ.
Исчезло въ нихъ служенье красотѣ;
Не вижу я у молодежи взоровъ,
Увлаженныхъ чарующею страстью;
Не вижу дѣвъ задумчивыхъ, глубоко
Вздыхающихъ. На глазкахъ съ поволокой
Возвышенной тоски любовной нѣтъ,
А видятся совсѣмъ другія страсти:
Тщеславіе, къ чужимъ нарядамъ зависть
И прочее. Въ женатыхъ охлажденье
Замѣтнѣе еще: на женъ-красавицъ
Диковинныхъ, съ сокольими очами,
На пышную лебяжью бѣлизну
Упругихъ плечъ супруги Берендѣи,
Сонливые, взираютъ равнодушно.
Кажись бы я... эхъ, старость, старость! Гдѣ вы,
Минувшіе веселые года
Горячихъ чувствъ и частыхъ увлеченій?
Чудесныя дѣла недугъ любовный
Творилъ въ душѣ моей: и добръ, и нѣженъ
Бывалъ тогда счастливый Берендѣй
И всякаго готовъ принять въ объятья
Открытыя. Теперь и старъ, и сѣдъ,
А, все-таки, не понимаю, можно-ль
Холоднымъ быть, безстрастнымъ оставаться
При видѣ женъ румяныхъ, полногрудыхъ?
Но въ сторону не будемъ уклоняться,
На прежнее воротимся. А жены?
Нельзя сказать, что потеряли вовсе
Горячую привязанность къ мужьямъ,

А, все-жъ-таки, супружеская вѣрность
Утратила немного, такъ сказать,
Незыблемость свою и несомнѣнность.
Короче, другъ, сердечная остуда
Повсюдная — сердца охолодѣли,
И вотъ тебѣ разгадка нашихъ бѣдствій
И холода: за стужу нашихъ чувствъ
И сердится на насъ Ярило-солнце,
И стужей мститъ. Понятно?

Бермята.

Понимаю,
Великій царь, но горю пособить
Не вижу средствъ.

Царь.

А средства быть должны.
Подумай-ка, Бермята!

Бермята.

Царь премудрый,
Издай указъ, чтобъ жены были вѣрны,
Мужья нѣжнѣй на ихъ красу глядѣли,
Ребята всѣ чтобъ были поголовно
Въ невѣстъ своихъ безумно влюблены,
А дѣвушки задумчивы и томны...
Ну, словомъ, какъ хотятъ, а только-бъ были
Любовники.

Царь.

Весьма нехитрый способъ,
А пользы-то дождемся?

Бермята.

Никакой.

Царь.

Къ чему-жъ тогда указы?

Бермята.

Передъ солнцемъ
Очистка намъ: приказано, молъ, было;
Не слушаютъ, такъ ихъ вина, нельзя же
По сторожу ко всякому приставить!

Царь.

Придумано не глупо, но некстати.
Мольбами лишь смягчаютъ гнѣвъ боговъ
И жертвами. Безсонницей томимый,
Продумалъ я всю ночь, до утра вплоть,
И вотъ на чемъ остановился: завтра,
Въ Ярилинъ день, въ заповѣдномъ лѣсу
Къ разсвѣту дня сойдутся Берендѣи;
Велимъ собрать, что̀ есть въ моемъ народѣ,
Дѣвицъ-невѣстъ и парней-жениховъ
И всѣхъ заразъ союзомъ неразрывнымъ
Соединимъ, лишь только солнце брызнетъ
Румяными лучами по зеленымъ
Верхамъ деревъ. И пусть тогда сольются
Въ единый кличъ привѣтъ навстрѣчу солнцу
И брачная торжественная пѣснь.
Угоднѣй нѣтъ Ярилѣ жертвы!

Бермята.

Мудрый,
Великій царь, ужъ какъ ни весела,
Ни радостна такая встрѣча солнцу,
Да только жаль, что невозможна.

Царь.

Что̀?
Чего нельзя, Бермята? Невозможно
Исполнить то, чего желаетъ царь?
Въ умѣ ли ты?

Бермята.

Не гнѣвайся! Невѣсты
Разссорились до драки съ женихами.
Ужъ гдѣ женить! На сажень маховую
Не подведешь другъ къ другу.

Царь.

Изъ чего?

Бермята.

Какая-то въ зарѣчной слободѣ
Снѣгурочка недавно объявилась.
Передрались всѣ парни за нее,
На жениховъ накинулись невѣсты

Изъ ревности, и брань идетъ такая —
Усобица, что только руки врозь.

Царь.

Во-первыхъ, я не вѣрю; во-вторыхъ,
Быть можетъ, ты и правъ, тогда старайся
Уладить всѣхъ и примирить до завтра.
Рѣшеніе мое непремѣнимо. *(Входитъ отрокъ.)*

Отрокъ.

Дѣвушка красная
Просится, кучится
Внесть челобитную.

Царь.

Развѣ для дѣвушекъ
Входы заказаны,
Двери затворены? *(Отрокъ вводитъ Купаву.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Царь Берендѣй, Бермята, Купава, отроки.

Купава *(кланяясь)*.

Батюшка, свѣтлый царь!

Царь *(ласково подымая ее)*.

Сказывай, слушаю!

Купава.

Батюшка, свѣтлый царь!
Нешто такъ водится?
Гдѣ-жъ это писано,
Гдѣ же показано?
Сердце-то вынувши... *(Плачетъ.)*

Царь.

Сказывай, слушаю!

Купава.

Сердце-то вынувши,
Душу-то вызнобивъ,
Дѣвичьей ласкою

Вдосталь натѣшившись,
Вдоволь нахваставшись,
При людяхъ дѣвицу
Назвалъ безстыжею.

Царь.

Слышу я, дѣвица,
Слезную жалобу;
Горе-то слышится,
Правда-то видится,
Толку-то, милая,
Мало-малёхонько.
Сказывай пò ряду,
Чтò и кáкъ дѣялось,
Чѣмъ ты обижена,
Кѣмъ опозорена?

Купава *(плача)*.

Сказывать, свѣтлый царь?

Царь.

Сказывай, умница!

Купава.

Время весеннее,
Праздники частые,
Бродишь, гуляючи,
По лугу, по лѣсу,
Долго ли встрѣтиться,
Долго-ль знакомиться
Дѣвушкѣ съ парнями?
Вотъ я и встрѣтилась.

Царь.

Съ кѣмъ же ты встрѣтилась?
Съ кѣмъ познакомилась?

Купава.

Встрѣтилась съ юношей
Чину торговаго,
Роду Мизгирьяго.

Царь.

Знаю, красавица.

Купава *(плача).*

Сказывать, свѣтлый царь?

Царь.

Сказывай, сказывай!

Купава.

Дай-ка, спрошу тебя,
Батюшка, свѣтлый царь:
Клятвы-то слушать ли,
Въ совѣсть-то вѣрить ли,
Али ужъ въ людяхъ-то
Вовсе извѣриться?

Царь.

Какъ же не вѣрить-то,
Милая дѣвушка?
Чѣмъ же и свѣтъ стоитъ?
Правдой и совѣстью
Только и держится.

Купава *(плача).*

Я и повѣрила.
Сказывать, свѣтлый царь?

Царь.

Сказывай, умница!

Купава.

Дай-ка, еще спрошу!
Парень приглянется,
Парень полюбится,
Думаешь вѣкъ прожить
Въ счастьи да въ радости;
Парень-то ласковый, —
Надо-ль любить его?

Царь.

Надо, красавица.

Купава *(плача).*

Такъ я и сдѣлала.
Сказывать, свѣтлый царь?

Царь.

Сказывай, сказывай!

Купава.

Всѣхъ — то забыла я:
Батюшку рóднаго,
Близкихъ и сродниковъ,
Милыхъ подруженекъ,
Игры веселыя,
Рѣчи завѣтныя.
Знаю да помню лишь
Друга любезнаго.
Встрѣтясь, цѣлуемся,
Сядемъ, обнимемся,
Въ очи уставимся,
Смотримъ, любуемся.
Батюшка, свѣтлый царь,
Видно, людское-то
Счастье не нáдолго!
Вздумали, въ лѣсъ пошли,
Взяли подруженекъ,
Звали Снѣгурочку.
Только завидѣлъ онъ
Злую разлучницу,
Коршуномъ воззрился,
Соколомъ кинулся,
Подлѣ разлучницы
Вьется, ласкается,
Гонитъ, срамитъ меня,
Вѣрную, прежнюю.
Самъ же онъ выкланялъ,
Выплакалъ, вымолилъ
Сердце у дѣвушки;
Самъ же коритъ, бранитъ,
При людяхъ дѣвушку
Назвалъ безстыжею.

Царь.

Бѣдная дѣвушка,
За сердце трогаютъ
Рѣчи нехитрыя,
Горе правдивое.

Купава.

Слушала, слушала,
Свѣту не взвидѣла,
Ноги-то рѣзвыя
Ровно подкошены,
Такъ и валюсь снопомъ.
Вѣришь ли, свѣтлый царь,
Такъ вотъ и падаю;
Вотъ хоть сейчасъ гляди,
Такъ вотъ точнехонько
Оземь и грянулась.
(Хочетъ упасть; царь ее поддерживаетъ.)

Царь.

Красавица, повѣрь, что если-бъ громы,
Средь яснаго безоблачнаго неба,
Раскатами внезапно возгремѣли,
Не такъ бы я дивился, какъ дивлюсь
Словамъ твоимъ безхитростнымъ. Смѣяться
Надъ дѣвушкой покинутой, надъ сердцемъ
Ребячески довѣрчивымъ! Ужасно!
Неслыханно, Бермята! Страшно вѣрить!
Приспѣшники, ищите по посаду
Преступника, поставьте Мизгиря
На судъ царевъ! *(Приспѣшники уходятъ.)*
Глашатаи, по вышкамъ
Скликать народъ съ базаровъ и торговъ
На царскій дворъ, на царскій грозный судъ.
А кликать кличъ учтиво, честно, складно,
Чтобъ каждому по чину величанье,
По званію и лѣтамъ былъ почетъ,
Да кланяйтесь почаще да пониже!
(Глашатаи по переходамъ бѣгутъ на вышки.)

1-й бирючъ *(кричитъ съ вышки)*.

Государевы люди:
Бояре, дворяне,
Боярскія дѣти,
Веселыя головы,
Широкія бороды!
У васъ ли, дворяне,

Собаки борзыя,
Холопы босые!

2-й бирючъ *(съ другой вышки)*.

Гости торговые,
Шапки бобровыя,
Затылки толстые,
Бороды густыя,
Кошели тугіе.

1-й бирючъ.

Молодыя молодицы,
Дочери отецкія,
Жены молодецкія!
У васъ ли мужья сердитые,
Ворота браные,
Рукава шитые,
Затылки битые!

2-й бирючъ.

Дьяки, подьячіе,
Парни горячіе!
Ваше дѣло: волочить да жать,
Да руку крючкомъ держать.

1-й бирючъ.

Старые старички,
Честные мужички,
Подполатные жители,
Бабьи служители!

2-й бирючъ.

Старыя старушки,
Совьи брови,
Медвѣжьи взгляды!
Ваше дѣло: намутить, наплесть,
Сына со снохой развесть.

1-й бирючъ.

Молодые молодцы,
Удалые удальцы!
Молодо, зелено,
Погулять велѣно.
Люди за дѣло,

Вы за бездѣлье.
Ваше дѣло: по теремамъ поглядывать,
Дѣвокъ выманивать.

2-й бирючъ.

Красныя дѣвицы,
Криночныя баловницы,
Горшечныя пагубницы!
Ваше дѣло: лобъ лощить,
Домъ врозь тащить,
Лепешки печь, подъ заборъ хоронить
Да ребятъ кормить.

1-й бирючъ.

Слушайте, послушайте,
Государевы люди,
Государеву волю!
Идите въ красныя ворота
На красный царскій дворъ!
Вереи точены,
Ворота золочены.
Съ краснаго двора въ новы сѣни,
На частыя ступени,
Въ дубовыя двери,
Въ государевы палаты,
Судъ судить, рядъ рядить.

(Сходятъ съ вышекъ.)

Царь.

Любезна мнѣ игра ума и слова:
Простая рѣчь жестка. Уборы красятъ
Красивыхъ женъ; высокія палаты
Прикрасами красны, а рѣчи складомъ,
Теченьемъ въ ладъ и шуткой безобидной.
Сбирается народъ?

Отрокъ *(съ переходовъ).*

Валитъ толпами,
Великій царь.

Царь *(Купавѣ).*

Дѣвица, не тужи!
Печаль темнитъ лица живыя краски,

Забывчиво дѣвичье горе; сердце
Отходчиво: какъ въ уголькѣ подъ пепломъ,
Таится въ немъ огонь для новой страсти.
Обидчика забудь! А за обиду
Отмститель судъ да царь.

(Изъ внутреннихъ покоевъ выходятъ Прекрасная Елена и боярыни, изъ наружныхъ дверей и съ лѣстницы народъ; между народомъ Мурашъ и Лель. Приспѣшники приводятъ Мизгиря.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Царь Берендѣй, Бермята, Прекрасная Елена, Купава, Мурашъ, Лель, Мизгирь, царскіе отроки, народъ.

Царь *(Еленѣ Прекрасной).*
Привѣтъ тебѣ,
Краса двора, Прекрасная Елена!

Прекрасная Елена.
Привѣтъ тебѣ, великій Берендѣй,
Отъ женъ и дѣвъ, отъ юныхъ Берендѣекъ,
Отъ всѣхъ сердецъ, лелѣющихъ любовь.

Хоръ народа.
Привѣтъ тебѣ, премудрый,
Великій Берендѣй,
Владыка среброкудрый,
Отецъ земли своей.
Для счастія народа
Богами ты хранимъ,
И царствуетъ свобода
Подъ скипетромъ твоимъ!
Владыка среброкудрый,
Отецъ земли своей,
Да здравствуетъ премудрый,
Великій Берендѣй!

Царь.
Спасибо вамъ! Въ приводѣ-ль виноватый?

Бермята.

Виновный здѣсь смиренно ждетъ суда.

Царь *(народу)*.

Вина его извѣстна вамъ?

Народъ.

Извѣстна.

Царь *(Мизгирю)*.

Въ винѣ своей винишься-ль ты?

Мизгирь.

Винюсь

Царь.

Вина его ужасна, Берендѣи!
Для милости закроемъ наше сердце
На этотъ разъ. Къ злодѣямъ сожалѣнье
Грозитъ бѣдой: разгнѣванные боги
Вину его на насъ обрушатъ; карой
Падетъ она на Берендѣевъ. Мщенье
Преступнику грозящій гнѣвъ смиряетъ.
Поругапа любовь — благое чувство,
Великій даръ природы, счастье жизни,
Весенній цвѣтъ ея! Любовь невѣсты
Поругана! Распуколка души,
Раскрывшейся для первыхъ чувствъ, цвѣтокъ
Невинности благоуханный! Срамъ
И стыдъ моимъ серебрянымъ сѣдинамъ!
Чему Мизгирь повиненъ, говорите?

Бермята.

Заставь его жениться на дѣвицѣ
Обиженной!

Мурашъ.

Заставь молить прощенья
У ногъ ея, а если не захочетъ,
Тогда карай грозой своей.

Царь.

Мизгирь,
Желаешь ты загладить грѣхъ: Купаву
Поять въ жену?

Мизгирь.

У Мизгиря невѣста
Снѣгурочка.

Бермята.

Его заставить можно,
Премудрый царь.

Царь.

Не терпитъ принужденья
Свободный бракъ.

Мурашъ.

Не дай ему ругаться,
Обидчику! Спроси сперва Купаву,
Желаетъ ли она сама?

Царь.

Купава!

Купава.

Великій царь, любви Купава ищетъ.
Хочу любить, а какъ его полюбишь?
Обижено, разбито сердце имъ;
Лишь ненависть къ нему до гроба будетъ
Въ груди моей. Не надо мнѣ его.

Царь.

Честной народъ, достойна смертной казни
Вина его; но въ нашемъ уложеньи
Кровавыхъ нѣтъ законовъ; пусть же боги
Казнятъ его по мѣрѣ преступленья,
А мы судомъ народнымъ Мизгиря
На вѣчное изгнанье осуждаемъ.
Иди отъ насъ, преступникъ, поругатель
Горячности довѣрчивой любви,
Внушенной намъ природой и богами!
Гоните прочь его отъ каждой двери,
Отъ каждаго жилья, гдѣ свято чтутся
Обычаи честные старины!
Въ пустыню, въ лѣсъ его гоните! Звѣри
Товарищи тебѣ по сердцу; сердце
Звѣриное съ звѣрями тѣшь, Мизгирь!

Мизгирь.

Ни слова я не молвлю въ оправданье.
Но если-бъ ты, великій царь, увидѣлъ
Снѣгурочку...

Народъ.

Снѣгурочка идетъ.

(Входитъ Снѣгурочка; за ней Бобыль и Бобылиха, одѣта богато, въ большой рогатой кичкѣ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Царь Берендѣй, Бермята, Прекрасная Елена, Купава, Мурашъ, Лель, Мизгирь, Снѣгурочка, Бобыль, Бобылиха, царскіе отроки, народъ.

Снѣгурочка *(оглядывая дворецъ).*

Какой просторъ, какъ чисто все, богато!
Смотри-ка, мать! Лазоревый цвѣтокъ.
Живехонекъ.

(Садится на полъ и разсматриваетъ цвѣтокъ на столбѣ.)

Бобылиха.

Да ты бы поклонилась
Впередъ всего! И намъ поклонъ отвѣсятъ;
Вѣдь, тоже мы не изъ послѣднихъ.

(Толкаетъ Снѣгурочку локтемъ и говоритъ тихо.)

Смотрятъ
На кику-то?

Снѣгурочка.

Дивуются, глядятъ.

Бобылиха.

Ну, кланяйся.

Снѣгурочка.

Забыла, не взыщите!
Ну, здравствуйте, честные Берендѣи!

Бобылиха.

Боярыни стоятъ, гляди! А кики
Попроще, чай, моей?

Снѣгурочка.

Твоя рогатѣй.

Бобылиха.

Ну, то-то же, пускай глядятъ да сохнутъ
Отъ зависти.

Снѣгурочка *(указывая на царя).*

А это кто? Кафтанъ-то
Узорчатый, обвязка золотая
И по поясъ сѣдая борода.

Бобылиха.

Да это царь.

Снѣгурочка.

Ахъ! Мама, страшно стало
Снѣгурочкѣ. Пойдемъ на волю!

Бобыль.

Ну-ка,
Съ добра ума какую рѣчь сказала!
Впервóй пришлось Бакулѣ Бобылю
На царскія палаты любоваться,
Да вонъ итти! Какая намъ неволя?
Побарствуемъ, покуда не погонятъ.

Бобылиха.

Невѣжа ты! Глазѣешь, ротъ разиня,
По сторонамъ, а батюшка, великій
Премудрый царь дивится, чтò за дура
Въ высокія хоромы забѣжала
Незваная. Деревня ты, деревня!
Поди къ нему, не бойся, не укуситъ,
Да кланяйся пониже!

Снѣгурочка *(подойдя къ царю, кланяется).*

Здравствуй, царь!

Царь *(беретъ ее за руку).*

Полна чудесъ могучая природа!
Дары свои обильно разсыпая,
Причудливо она играетъ; броситъ
Въ болотинкѣ, въ забытомъ уголкѣ,
Подъ кустикомъ, цвѣтокъ весны жемчужный,

Задумчиво склоненный ландышъ, — брызнетъ
На бѣлизну его холодной пылью
Серебряной росы, и дышитъ цвѣтикъ
Неуловимымъ запахомъ весны,
Прельщая взоръ и обонянье.

Снѣгурочка.

Жалко,
Что ландыши такъ скоро отцвѣли!
Сказалъ бы ты, что любишь ихъ, такъ я ужъ
Давно-бъ тебѣ пучочекъ нарвала
Хорошенькихъ. Не всякій мѣсто знаетъ,
А я въ лѣсу, какъ дома; если хочешь,
Пойдемъ со мной: я мѣсто укажу.

Царь.

Не плачу я, что цвѣтики увяли;
Такой цвѣтокъ цвѣтетъ передъ очами,
Что я смотрю, смотрю, да и не вѣрю:
Во снѣ иль въявь цвѣтокъ передо мной.

(Снѣгурочка съ довольнымъ видомъ смотритъ на всѣхъ и охорашивается.)

Ея краса поможетъ намъ, Бермята,
Ярилинъ гнѣвъ смягчить. Какая жертва
Готовится ему! При встрѣчѣ солнца
Вручимъ ее счастливому супругу.
Снѣгурочка, пришла твоя пора,
Ищи себѣ по сердцу друга!

Снѣгурочка.

Гдѣ же
Искать его, не знаю.

Царь.

Сердце скажетъ.

Снѣгуочка.

Молчитъ мое сердечко.

Царь *(отводя Снѣгурочку)*.

Не стыдись!
Преклонныя лѣта равняютъ старца
Съ дѣвицею. Стыдливость неумѣстна
Предъ старыми потухшими глазами.

Откройся мнѣ: кого порой вечерней
На зыбкое крылечко поджидаешь?
Кого вдали, прикрывши ручкой глазки,
На полотнѣ зари румяной ищешь?
Кого бранишь за медленность, кому
Навстрѣчу шлешь и радости улыбку,
И слезъ потокъ, и брань, и поцѣлуй?
Кому? Скажи, дѣвица!

Снѣгурочка.

Никому.

Бермята.

Великій царь, она любви не знаетъ.

Царь.

Съ ея красой любви не знать, Бермята?
Не вѣрю я. Такихъ чудесъ на свѣтѣ
Не слыхано. Природой неизмѣнно
Положена пора любви для всѣхъ.
Не вѣрю я. Но если правда, какъ же
Не гнѣваться подателю тепла?
Удвоимъ же старанія исправить
Невольный грѣхъ. Ужли изъ Берендѣевъ
На мой призывъ никто не отзовется?
Кому изъ васъ Снѣгурочка милѣе?
Кто можетъ въ ней младенческую душу
Желаніемъ любви зажечь? Скажите.

Бобыль.

Не мало ужъ пытались, только даромъ
Потратили труды.

Бобылиха.

Не мало было
И плачущихъ, и пляшущихъ, да толку
Ни на волосъ не вышло.

Царь.

Берендѣи,
Кому изъ васъ удастся до разсвѣта
Снѣгурочку увлечь любовью, тотъ
Изъ рукъ царя, съ великимъ награжденьемъ,
Возьметъ ее и лучшимъ гостемъ будетъ

За царскими столами, на пирахъ
На праздникѣ Ярилы.

Бермята.

Царь великій,
Молчатъ они.

Царь *(Еленѣ).*

Прекрасная Елена,
Хочу спросить у васъ, у женщинъ — лучше
Извѣстны вамъ сердечныя дѣла —
Ужли совсѣмъ не стало той отваги
Въ сердцахъ мужчинъ, не стало тѣхъ рѣчей
Плѣнительно-лукавыхъ, смѣлыхъ взоровъ,
Которыми неотразимо вѣрно
Бывало мы дѣвицъ и женъ прельщали?
Прекрасная Елена, укажи,
Кого избрать изъ юныхъ Берендѣевъ,
Способнаго свершить желанный подвигъ?

Елена Прекрасная.

Великій царь, стыдливость наблюдая
Обычную, могла бы я, конечно,
Незнаніемъ отговориться; но
Желаніе служить для пользы общей
Стыдливостью пожертвовать велитъ.
Изъ юношей цвѣтущихъ, Берендѣевъ,
Извѣстныхъ мнѣ, одинъ лишь только можетъ
Внушить любовь дѣвицѣ, сердце женъ
Поколебать, хотя бы наша вѣрность
Крѣпка была, какъ сталь, — и это Лель.

Царь.

Какая честь тебѣ, пастухъ!

Лель.

Не мнѣ,
Великій царь, а солнцу подобаетъ
Такая честь. Лелѣяло измлада
Оно меня — учило пѣсни пѣть;
Его тепло въ рѣчахъ моихъ, и слушать
Охотятся дѣвицы рѣчи Леля;
Тепло его въ крови моей и въ сердцѣ,

И теплится въ лицѣ румянцемъ смуглымъ,
И свѣтится весенней сладкой нѣгой
Изъ глазъ моихъ. Снѣгурочка, пойдемъ
Свивать вѣнки со мною вмѣстѣ, будемъ
Встрѣчать зарю и солнечный восходъ!
Смотрите ей въ глаза! Она полюбитъ
Къ разсвѣту дня, меня или другого
Снѣгурочка полюбитъ непремѣнно,
Повѣрьте мнѣ; а бѣдный пастушонко,
Кудрявый Лель, въ угоду богу-Солнцу
И свѣтлому царю, поможетъ ей!

Мизгирь.

Великій царь, отсрочь мое изгнанье!
Огонь любви моей воспламенитъ
Снѣгурочки нетронутое сердце.
Клянусь тебѣ великими богами,
Снѣгурочка моей супругой будетъ,
А если нѣтъ — пускай меня караетъ
Законъ царя и страшный гнѣвъ боговъ!

Царь.

Мизгирь и Лель, при вашемъ обѣщаньи
Покоенъ я и безпечально встрѣчу
Ярилинъ день. Вечернею зарей,
Въ заповѣдномъ лѣсу моемъ, сегодня
Сберемся мы для игръ и пѣсенъ. Ночка
Короткая минуетъ незамѣтно.
На розовой зарѣ, въ вѣнкѣ зеленомъ,
Среди своихъ ликующихъ дѣтей
Счастливый царь пойдетъ на встрѣчу Солнца.

Народъ.

Да здравствуетъ премудрый,
Великій Берендѣй,
Владыка среброкудрый,
Отецъ земли своей!
Для счастія народа
Богами ты хранимъ,
И царствуетъ свобода
Подъ скипетромъ твоимъ! *(Всѣ уходятъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Царь Берендѣй.
Бермята.
Елена Прекрасная.
Снѣгурочка.
Бобыль.
Бобылиха.
Мизгирь.
Лель.
Мурашъ.
Купава.
Радушка.
Малуша.
Брусило.
Курилко.
Лѣшій.
Скоморохи, гудочники, волынщики, свита царя и народъ.

Просторная поляна въ лѣсу; справа и слѣва сплошной лѣсъ стѣной; передъ лѣсомъ, по обѣ стороны, невысокіе кусты. Вдали, межъ кустами, видны богатые шатры. Вечерняя заря догораетъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Молодые Берендѣи *водятъ круги, одинъ кругъ ближе къ зрителямъ, другой поодаль.* Дѣвушки *и* парни *въ вѣнкахъ,* старики *и* старухи *кучами сидятъ подъ кустами и угощаются брагой и пряниками. Въ первомъ кругу ходятъ* Купава, Радушка, Малуша, Брусило, Курилко, *въ срединѣ круга* — Лель *и* Снѣгурочка; Мизгирь, *не принимая участія въ играхъ, то показывается между народомъ, то уходитъ въ лѣсъ.* Бобыль *пляшетъ подъ волынку.* Бобылиха, Мурашъ *и нѣсколько изъ сосѣдей сидятъ кругомъ и пьютъ пиво.* Царь *со свитой смотритъ издали на играющихъ.*

Дѣвушки и парни *(водя круги, поютъ).*
Ай, во полѣ липонька,
Подъ липою бѣлъ шатёръ;

Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ;
За тѣмъ столомъ дѣвица
Рвала цвѣты со травы,
Плела вѣнокъ съ яхонты.
Кому вѣнокъ износить?
Носить вѣнокъ милому.

(Снѣгурочка надѣваетъ вѣнокъ на Леля; кругъ расходится; всѣ смотрятъ на Бобыля, который пляшетъ подъ волынку.)

Бобылиха *(потчуя Мураша).*
Пожалуйте! И наша не щербата
Копеечка — и мы поразжились.

Мурашъ.
Отказу нѣтъ. Да мужа-то попотчуй!
Намаялся, хоть душу отведетъ.
(Бобыль перестаетъ плясать.)

Бобылиха *(подавая Бобылю стаканъ пива).*
На праздникахъ тяжелѣ всѣхъ Бакулѣ,
Хлопотъ ему по горло: пляшетъ, пляшетъ,
Надсадится, а не отстанетъ. Жаденъ
До пляски-то. Смотрѣть-то жалость, право,
Того гляди, умретъ когда съ надсады,
Допляшется.

Мурашъ.
Старательный мужикъ.

Царь *(проходитъ между гуляющими).*
Веселое гулянье! Сердцу радость
Глядѣть на васъ. Играйте, веселитесь,
Заботы прочь гоните! Для заботы
Своя пора. Народъ великодушный
Во всемъ великъ, мѣшать съ бездѣльемъ дѣло
Не станетъ онъ — трудиться, такъ трудиться,
Плясать и пѣть, такъ вдоволь, доупаду.
Взглянуть на васъ разумнымъ окомъ, скажешь,
Что вы народъ честной и добрый, ибо
Лишь добрые и честные способны
Такъ громко пѣть и такъ плясать отважно.
Спасибо вамъ на пѣсняхъ и на пляскѣ!

Ужъ тѣшиться, такъ тѣшиться. *(Скоморохамъ.)*
Пляшите,
Кувыркайтесь, ломайтесь, дураки!
(Скоморохи пляшутъ.)
Заря чиста, и утро будетъ ясно.
Уходитъ день веселый, догораютъ
Послѣдніе лучи зари, все выше
И выше свѣтъ малиновый; потемки
Цѣпляются за сучья и растутъ,
Преслѣдуя зари румяный отблескъ,
И скоро ночь въ росящемся лѣсу
Съ вершинами деревьевъ станетъ вровень.
Пора къ шатрамъ, въ кругу гостей веселыхъ
Окончить день и встрѣтить новый. Пѣсню
Послѣднюю пропой, пригожій Лель!

Лель *(поетъ).*

Туча со громомъ сговаривалась:
Ты громъ греми, а я дождь разолью;
Вспрыснемъ-ка землю весеннимъ дождемъ!
То-то цвѣточки возрадуются!
Выдутъ дѣвицы за ягодками,
Парни за ними увяжутся.
Лель, мой Лель! Лели-Лели, Лель!

Въ рощѣ подруженьки врозь разбрелись,
Кто по кустамъ, кто по ельничку.
Ягодки брали, аукалися,
Милой подруженьки нѣтъ, какъ нѣтъ;
Всѣ — то дѣвицы расплакалися:
Нашу подружку не волкъ ли заѣлъ.
Лель, мой Лель! Лели-Лели, Лель!

Встрѣтился дѣвушкамъ чужъ-чуженинъ,
Чужъ-чужениушко, старъ старичокъ.
Глупыя дѣвки, съ ума вы сбрели,
Что̀ вамъ за радость аукаться?
Что̀ ей за прибыль откликнуться?
Вы-бъ по кустамъ-то пошарили.
Лель, мой Лель! Лели-Лели, Лель!

Туча со громомъ сговаривалась:
Ты, громъ, греми, а я дождь разолью;
Вспрыснемъ-ка землю весеннимъ дождемъ!
То-то цвѣточки возрадуются!
Вымочимъ дѣвушекъ-ягодницъ,
Вымочимъ ихъ, да и высушимъ.
Лель, мой Лель! Лели-Лели, Лель.

Царь.

Спасибо, Лель! Дѣвицы, не стыдитесь!
Не вѣрю я, ну, статочное-ль дѣло
Въ частыхъ кустахъ подружку потерять?
Потѣшилъ ты царево сердце, Лель.
Потѣшь еще! Въ кругу подругъ стыдливыхъ
Красавицу-дѣвицу выбирай,
Веди ко мнѣ, и всѣмъ на поглядѣнье,
Пускай она за пѣсню наградитъ
Пѣвца любви горячимъ поцѣлуемъ.

(Лель идетъ къ дѣвушкамъ.)

Снѣгурочка *(тихо Лелю)*.

Возьми меня!

Лель.

Изволь. Поди къ сторонкѣ.
Дѣвичій кругъ нельзя не обойти
Для виду хоть. За что же ихъ обидѣть?

(Снѣгурочка отходитъ, весело смотритъ, оправляется и охорашивается. Лель беретъ Купаву, подводитъ къ царю и цѣлуетъ. Снѣгурочка въ слезахъ убѣгаетъ въ кусты.)

Царь.

Тепломъ проникъ до старикова сердца
Отчетливый и звонкій поцѣлуй,
Какъ-будто я увѣсистую чашу
Стоялаго хмельного меду выпилъ.
А кстати я о хмелѣ вспомнилъ. Время
Къ столамъ итти, Прекрасная Елена,
И хмелю честь воздать. Его услады
И старости доступны. Поспѣшимъ!
Желаю вамъ повеселиться, дѣти.

(Уходитъ съ Бермятой и Прекрасной Еленой. Нѣкоторые Берендеи и въ томъ числѣ Лель уходятъ за царемъ.)

Брусило.

Все Лель да Лель, ему такое счастье!
А чѣмъ же мы не молодцы? Не хуже
Сплясать да спѣть умѣемъ.

Радушка́.

А Купавѣ
За что̀, про что̀ такая честь? Красавицъ,
Не ей чета, найдется между нами.

Курилко.

Вотъ мы ему докажемъ, только сто́итъ
Осмѣлиться да захотѣть.

Брусило.

Докажемъ,
Осмѣлимся, сыграемъ при народѣ
Игру свою, что̀ два года учили
Тишкомъ отъ всѣхъ, въ овинахъ хоронясь.
(Поютъ пѣсню, а Курилко представляетъ бобра.)

Купался боберъ,
Купался черной
На рѣчкѣ быстрой.
Ай, лели-лели!
Не выкупался,
Лишь вымачкался,
Въ грязи выналялся.
Ай, лели-лели!
На горку всходилъ,
Отряхивался
Охорашивался.
Ай, лели-лели!
Осматривался,
Нейдетъ ли кто,
Не сыщетъ ли что̀?
Ай, лели-лели!
Охотнички свищутъ,
Собаки-то рыщутъ,
Черна бобра ищутъ.
Ай, лели-лели!
Хотятъ шубу шить,
Бобромъ опушить.

Дѣвкамъ подарить.
Ай, лели-лели!
Дѣвки чернобровы,
На нихъ шубы новы,
Опушки бобровы.
Ай, лели-лели! *(Перестаетъ пѣть.)*
Не ладно-ль, что́-ль, пропѣто?

Курилко.

Ай да мы!

Радушка.

Ужъ видно, намъ мириться съ вами, парни.
Ребята вы другихъ не хуже. Пусть же
Узнаетъ Лель, и мы ему докажемъ,
Что парни насъ не обѣгаютъ. Радъ бы
Обнять когда и Радушку, да поздно;
У ней дружокъ, ему и поцѣлуи
Отъ Радушки.

Малуша.

Малушины Курилкѣ.

Брусило *(обнимая Радушку).*

Любезное житье!

Курилко *(обнимая Малушу).*

Чего же лучше?
Подружка есть, такъ сердце дома. Братцы,
Пойдемъ смотрѣть на царскіе шатры.

(Уходятъ всѣ: парни съ дѣвушками, Купава съ Мурашомъ, Бобыль съ Бобылихой; Снѣгурочка выходитъ изъ кустовъ, Лель съ противоположной стороны.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Лель и Снѣгурочка.

Лель.

Куда она дѣвалась, запропала?
Купавушка! Да не она ли?

(Подходитъ къ Снѣгурочкѣ.)

Нѣтъ,

Снѣгурочка — одна, въ слезахъ. О чемъ
Тоскуешь ты? Дѣвицы веселятся,
Во всемъ лѣсу веселый гулъ идетъ,
То пѣсенки, то звонкій смѣхъ, то шопотъ
Воркующій, то робости и счастья
Короткій вздохъ, отрывистый. А ты
Одна въ слезахъ.

Снѣгурочка.

Ужли тебѣ не жалко
Сиротку такъ обидѣть?

Лель.

Я не знаю,
Какую ты нашла обиду!

Снѣгурочка.

Какъ же?
Красавица Снѣгурочка иль нѣтъ?

Лель.

Красавица.

Снѣгурочка.

А ты берешь Купаву,
Ведешь къ царю, цѣлуешь. Развѣ лучше
Снѣгурочки Купава? Вотъ обида,
Какой забыть нельзя.

Лель *(обнимая Снѣгурочку).*

За что сердиться,
Снѣгурочка? Не дорогъ поцѣлуй
При всемъ честномъ народѣ; втихомолку
Цѣннѣе онъ и слаще.

Снѣгурочка.

Я не вѣрю.
Не сладко мнѣ украдкой цѣловаться.
Подумай ты, когда теперь дождешься,
Чтобъ царь велѣлъ изъ всѣхъ дѣвицъ-красавицъ
Красавицу поставить напоказъ?

Лель.

Не долго ждать тебѣ.

Снѣгурочка.

Опять обманешь,
Опять возьмешь другую.

Лель.

Какъ же быть-то?
Возьмешь тебя, обидятся другія;
Другую взять, тебя обидѣть. Скоро
Румяная забрезжится заря,
Народъ съ царемъ пойдетъ на встрѣчу Солнца.
А мнѣ впередъ итти и запѣвать
Съ подружкою. Кого бы взять? Не знаю.

Снѣгурочка.

Пригожій Лель, возьми меня!

Лель.

Другая
За эту честь души не пожалѣетъ.

Снѣгурочка.

Что̀ тебѣ угодно, все на свѣтѣ
Снѣгурочка отдастъ.

Лель.

Люби меня.

Снѣгурочка.

И рада-бъ я душой, да не умѣю.
Пригоженькій, когда настанетъ время
Снѣгурочкѣ любить, ужъ никого-то,
Опричь тебя, не полюблю.

Лель.

Посмотримъ.

Снѣгурочка.

Хорошенькій, пригоженькій, возьми!

Лель.

Ужъ видно взять!

Снѣгурочка.

Пригоженькій, послушай!
Коль хочешь ты, чтобъ сердце не болѣло
У бѣдненькой Снѣгурочки, съ другими
Дѣвицами водиться перестань!

Ласкаешь ихъ, а мнѣ сердечно больно.
Цѣлуешь ихъ, а я гляжу да плачу.

Лель.

Безъ ласки жить нельзя же пастушонку!
Не пашетъ онъ, не сѣетъ, съ малолѣтства
На солнышкѣ валяется; лелѣетъ
Весна его, и вѣтерокъ ласкаетъ,
И нѣжится пастухъ на вольной волѣ.
Въ умѣ одно: дѣвичья ласка, только
И думаешь о ней.

Снѣгурочка.

Ласкай меня,
Цѣлуй меня, пригоженькій! Пусть видятъ,
Что я твоя подружка. Горько, больно
Одной бродить! Глядятъ, какъ на чужую,
И дѣвушки, и парни. Вотъ пошла бы
На царскіе столы смотрѣть, а съ кѣмъ?
Подружки всѣ съ дружками, косо смотрятъ,
Сторонятся: отстань, молъ, не мѣшай!
Съ старушками пойти и съ стариками —
Насмѣшками да бранью докорятъ.
Одной итти, такъ страшно. Будь дружкомъ,
Пригоженькій!

Лель.

Сама же виновата.
Не мало я любилъ тебя, горючихъ
Не мало слезъ украдкой пролилъ.

Снѣгурочка.

Все-то
Глупа еще; прости, пригожій Лель!

Лель.

А стóило хоть словомъ приласкать
Поласковѣй, и ты-бъ закабалила
Меня навѣкъ и волю отняла.

Снѣгурочка.

Про старое не помни, Лель пригожій!
Люби меня немножко, дожидайся.
Снѣгурочка сама тебя полюбитъ.

Сведи меня смотрѣть шатры царевы,
И солнышко встрѣчать возьми подружкой!
Хорошенькій, пригоженькій, возьми!

Лель.

Дождись меня, возьму. Пойду къ ребятамъ,
Не ужиналъ еще — какъ разъ вернусь. *(Убѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

(Снѣгурочка, *потомъ* Мизгирь.

Снѣгурочка.

Вотъ любо-то! Вотъ радость! Не въ народѣ,
Въ густой толпѣ, изъ-за чужой спины,
Снѣгурочка смотрѣть на праздникъ будетъ,
Впередъ пойдетъ. И царь, и люди скажутъ:
Такой четы на диво поискать! *(Снимаетъ вѣнокъ.)*
Завялъ вѣнокъ — наутро надо новый
Сплести себѣ изъ тонкихъ зыбкихъ вѣтокъ;
Вплету туда цвѣточки, василёчки.
(Въ задумчивости запѣваетъ.)
Ахъ, цвѣточки, василёчки! *(Выходитъ Мизгирь.)*

Мизгирь.

Снѣгурочка, тебя давно ищу я. *(Беретъ ее за руку.)*

Снѣгурочка *(съ испугомъ).*

Ахъ, нѣтъ! Уйди! Не надо.

Мизгирь.

Не оставлю
Твоей руки, пока въ мольбахъ и стонахъ
Не выскажу тебѣ, какъ ноетъ сердце,
Какой тоской душа больна. Не знала
До сей поры она любви страданій,
Утѣхи лишь извѣстны ей; а сердце
Приказывать привыкло, не молило,
Не плакало оно. Передъ тобою
Въ слезахъ стоитъ не мальчикъ, гордый духомъ
Смирятся. Доселѣ я не плакалъ

И даже словъ не тратилъ много; только
Рукой манилъ дѣвицъ дѣлить любовь
И золото бросалъ за ласки; нынѣ
Сломился я подъ гнетомъ жгучей страсти
И слезы лью. Смотри, колѣни клонитъ
Передъ дѣвчонкой гордый человѣкъ.

(Падаетъ на колѣни.)

Снѣгурочка.

Зачѣмъ, зачѣмъ? Вставай, Мизгирь!

Мизгирь.

Полюбишь,
Полюбишь ты меня? Скажи!

Снѣгурочка.

О, нѣтъ!
Слова твои пугаютъ, слезы страшны,
Чего-то я боюсь съ тобой. Уйди!
Оставь меня, прошу! Пусти! Ты добрый,
Зачѣмъ пугать Снѣгурочку?

(Старается вырвать руку.)

Мизгирь.

Постой!
Что страшенъ я, то правда. Не напрасно-жъ
Румяный стыдъ прорѣзалъ полосами
Лицо мое; за горечь униженья
Заплатишь ты.

Снѣгурочка.

О, если все такая
Живетъ любовь въ народѣ, не хочу,
Не буду я любить!

Мизгирь.

Поищемъ средства
Желаннаго достичь по доброй волѣ.
Снѣгурочка, у острова Гурмыза,
Гдѣ теплое бушующее море
На камни скалъ прибрежныхъ хлещетъ пѣну,
Пускаются безъ страха водолазы
Отважные искать по дну морскому
Прибыточной добычи. Я пытался,

Удачи ждалъ: давалъ большую цѣну
За жизнь людей и посылалъ на дно
За жемчугомъ проворныхъ водолазовъ.
И вынесъ мнѣ одинъ зерно такое,
Какого нѣтъ въ коронахъ у царей,
Ни у царицъ въ широкихъ ожерельяхъ.
Купить его нельзя; полцарства стóитъ
Жемчужина. Смѣняться? Вещи равной
Не подберешь. Цѣной ему равна,
Снѣгурочка, одна любовь твоя.
Смѣняемся, возьми безцѣнный жемчугъ,
А мнѣ любовь отдай.

Снѣгурочка.

Безцѣнный жемчугъ
Себѣ оставь; не дорого цѣню я
Свою любовь, но продавать не стану:
Смѣняюсь я любовью на любовь,
Но не съ тобой, Мизгирь.

Мизгирь.

Отдашь и даромъ.
Довольно словъ, довольно убѣжденій!
Бросай вѣнокъ дѣвичій! Ты жена,
Снѣгурочка. Поклялся я богами
Передъ царемъ, и клятву исполняю.

Снѣгурочка.

Оставь! Пусти! Бѣги, спасай Снѣгурку,
Пригожій Лель!

Мизгирь.

О! Если Лель... такъ прежде
Возьметъ Мизгирь, чтò хочетъ взять пастухъ.

(Лѣшій сзади обнимаетъ Мизгиря; Снѣгурочка вырывается и бѣжитъ по полянѣ. Лѣшій оборачивается пнемъ. Мизгирь хочетъ бѣжать за Снѣгурочкой; между нимъ и ею встаетъ изъ земли лѣсъ. Въ сторонѣ показывается призракъ Снѣгурочки. Мизгирь бѣжитъ къ нему — призракъ исчезаетъ; на мѣстѣ его остается пень съ двумя прилипшими, свѣтящимися, какъ глаза, свѣтляками.)

Безумецъ я, любовью опьяненный!

Сухой пенёкъ за милый образъ принялъ,
Холодный блескъ зеленыхъ свѣтляковъ
За свѣтлые Снѣгурочкины глазки.

(Изъ лѣсу показывается призракъ Снѣгурочки и манитъ Мизгиря. Кусты и сучья деревъ принимаютъ мѣняющіеся фантастическіе образы. Мизгирь бѣжитъ за призракомъ.)

Лѣшій.

Броди всю ночь за призракомъ бѣгущимъ!
Лови мечты манящей воплощенье!
Лишь свѣтлый день твои развѣетъ грёзы.

(Уходитъ; поляна принимаетъ прежній видъ. Выходитъ Лель, за нимъ Прекрасная Елена.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лель и Прекрасная Елена.

Прекрасная Елена.

Плѣнительный пастухъ, куда стремишься?
Умильный взглядъ обороти назадъ!

Лель.

Прекрасная Елена!

Прекрасная Елена.

Ты дивишься,
Что въ поздній часъ одна въ лѣсу блуждаю,
Пригожій Лель? Меня взманило пѣнье
Пѣвца весны; гремящій соловей,
Съ куста на кустъ перелетая, манитъ
Раскрытое для увлеченій сердце,
И дальше въ лѣсъ опасный завлекаетъ
Прекрасную Елену.

Лель.

Не далеко
Отъ царскаго шатра блуждаешь ты.
Вернись къ нему открытою поляной,
Опасности не встрѣтишь.

Прекрасная Елена.

Злой пастухъ,
Не хочешь ты Прекрасную Елену
Въ густомъ лѣсу тѣнистомъ проводить
Уютною тропинкой.

Лель.

Провожатымъ
Пошелъ бы я, да сердце не на мѣстѣ:
Въ гулянкахъ я все стадо растерялъ,
Ищу теперь по кустикамъ овечекъ.

Прекрасная Елена.

По кустикамъ? Противный, чуетъ сердце,
Какую ты въ лѣсу овечку ловишь.
Ахъ, бѣдная овечка, прячься дальше!
Отыщетъ Лель и сѣтью льстивой рѣчи
Запутаетъ въ такую же напасть,
Въ какую ввелъ Прекрасную Елену.
Заставилъ ты несчастную ревниво
Слѣдить тебя въ печальномъ размышленьи,
Какъ вредно вамъ ввѣряться, пастухамъ.

Лель.

Спѣши къ шатрамъ, Прекрасная Елена!
Отсутствіе твое замѣтятъ скоро.

Прекрасная Елена.

Ахъ, милый Лель, боюсь!

Лель.

Чего, Елена
Прекрасная, боишься ты?

Прекрасная Елена *(прижимаясь къ Лелю)*.

Ахъ, Лель,
Всего боюсь! Смотри: въ кустахъ мелькаютъ
И свѣтятся двойчаткой, точно свѣчки.
Глаза волковъ кровавые. А вотъ
На деревѣ повисъ, какъ кошка, лѣшій;
Скосивъ глаза и высунувъ языкъ,
Старается удавленника скорчить.
А вотъ другой, для глупой шутки, лапу

Лохматую въ колючій кусть просунувъ,
Зажмурясь, ждеть, чтобъ ферязь разорвать
И сдѣлать въ ней прорѣху, гдѣ не надо.
Всего боюсь, и свѣта, и потёмокъ;
Страшить меня и звѣрь, и человѣкъ,
И лѣшій — злой проказникъ. Только Лелю
Пригожему, закрывъ глаза, безъ страха
Холоднаго, себя ввѣряю.

(Зажмурясь, ложится на грудь Лелю.)

Сладко

Въ объятіяхъ твоихъ лежать и млѣть!

(Входитъ Бермята. Лель передаетъ ему Прекрасную Елену и уходитъ.)

Но пламень чувствъ моихъ не зажигаеть
Огня въ груди у Леля.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Елена Прекрасная *и* Бермята.

Бермята.

Лель пригожій
Отъ пламенной любви твоей бѣжитъ.

Прекрасная Елена.

Какой ударъ!

Бермята.

Пенять и удивляться
Не стану я; прекрасную супругу
Не въ первый разъ въ чужихъ объятьяхъ вижу.
Пойдемъ со мной! Въ лѣсу ночной порою
И встрѣтитъ кто, такъ все-жъ пристойнѣй съ мужемъ
Бродить тебѣ, чѣмъ съ Лелемъ.

Прекрасная Елена.

Милый мужъ,
Разбойникъ Лель удвоиваетъ нѣжность
Жены твоей къ тебѣ. Его поступокъ
Прекрасную Елену убѣждаетъ,

Что юноши всѣ нагло безсердечны,
За то мужья и милы, и добры.
(Уходятъ. Входитъ Лель; Снѣгурочка выходитъ изъ кустовъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лель и Снѣгурочка.

Снѣгурочка.

Велѣлъ, и жду тебя, велѣлъ, и жду.
Пойдемъ къ царю! А я вѣночекъ новый
Сплела себѣ, смотри. Пригожій Лель,
Возьми съ собой! Обнимемся! Покрѣпче
Прижмусь къ тебѣ отъ страха. Я дрожу;
Мизгирь меня пугаетъ: ищетъ, ловитъ.
И что̀ сказалъ, послушай! Что Снѣгурка
Его жена! Ну, статочное-ль дѣло:
Снѣгурочка — жена? Какое слово
Нескладное!

Лель *(завидѣвъ бѣгущую Купаву).*

Да здѣсь ли намъ сжидаться?
Не тамъ ли вонъ, смотри!

Снѣгурочка.

Да здѣсь ли, тамъ ли,
Вѣдь, ты со мной. Чего-жъ еще?

Лель.

Подпасокъ
Бѣжитъ сюда по тайности словечко
Сказать со мной. Дождись вонъ тамъ!

Снѣгурочка.

Изволь!
(Уходитъ на другую сторону въ кусты. Прибѣгаетъ Купава.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Лель, Купава и Снѣгурочка.

Купава.

Насилу я нашла тебя, желанный,

Сердечный другъ, голубчикъ сизокрылый!
Не въ глазки, нѣтъ, не въ щечки цѣловать,
У ногъ лежать, голубчикъ сизокрылый,
У ногъ лежать должна Купава.

Лель.

Полно!
Летятъ и льнутъ къ сытѣ медовой мухи,
Къ водѣ листокъ, къ цвѣточку пчелка льнетъ,
Къ Купавѣ Лель.

Купава.

Голубчикъ сизокрылый,
Тепло мое сердечко, благодарной
Навѣкъ тебѣ останусь: ты отъ сраму,
Отъ жгучихъ иглъ насмѣшки и покоровъ
Купавѣ спасъ дѣвическую гордость;
При всемъ честномъ народѣ поцѣлуемъ
Сравнялъ меня, забытую, со всѣми.

Лель.

Да развѣ я не зналъ, какое сердце
Куплю себѣ, тебя цѣлуя? Если
У глупаго мальчонка-пастуха
Разсудка нѣтъ, такъ вѣщимъ сердцемъ сыщетъ
Подружку онъ.

Купава.

Подружку? Нѣтъ, собачку.
Мани меня, когда ласкать захочешь,
Гони и бей, коль ласка надоѣстъ.
Безъ жалобы отстану, только взглядомъ
Слезящимся скажу тебѣ, что я, молъ,
Приду опять, когда поманишь.

Лель.

Радость
Души моей, Купава, сиротинка
Свою гульбу-свободу отгулялъ,
Побѣдная головка докачалась
До милыхъ рукъ, долюбовались очи
До милыхъ глазъ, домаялось сердечко
До теплаго пріюта.

Купава.

Лель пригожій,
Надолго ли любовь твоя, не знаю;
Моя любовь до вѣку и до часу
Послѣдняго, голубчикъ сизокрылый!

Лель.

Идемъ скорѣй! Блѣднѣютъ тѣни ночи.
Смотри, заря чуть видною полоской
Прорѣзала восточный неба край,
Растетъ она, яснѣе ширясь: это
Проснулся день и раскрываетъ вѣки
Свѣтящихъ глазъ. Пойдемъ. Пора приспѣла
Встрѣчать восходъ Ярила-Солнца. Гордо
Передъ толпой покажетъ Солнцу Лель
Любимую свою подругу.

(Снѣгурочка выбѣгаетъ изъ кустовъ.)

Снѣгурочка.

Стойте!
Обманщикъ Лель, зачѣмъ же я ждала,
Плела вѣнокъ? Вѣдь, не затѣмъ, чтобъ послѣ
Смочить его слезами. Ты ужъ такъ бы
Сказалъ тогда: Снѣгурочка, плети,
Плети вѣнокъ и плачь, роняй слезинки
На каждый листъ, на каждый лепестокъ!
А ты манилъ.

Купава.

Снѣгурочка, да чѣмъ же
Встрѣчать тебѣ восходъ Ярила-Солнца?
Когда его встрѣчаемъ, жизни сила,
Огонь любви горитъ у насъ въ очахъ.
Любовь и жизнь — дары Ярила-Солнца:
Его-жъ дары ему приносятъ дѣвы
И юноши; а ты сплела вѣнокъ,
Надѣла бусъ на шейку, причесалась,
Пригладилась, и запонъ, и коты
Повѣхоньки — тебѣ одна забота,
Какъ глупому ребенку, любоваться
На свой нарядъ да забѣгать впередъ,

Поодаль стать, въ глазахъ людей вертѣться
И хвастаться обновками.

Снѣгурочка.

Купава,
Разлучница! Твое же это слово —
Сама меня разлучницей звала,
Сама же ты и разлучаешь съ Лелемъ.

Лель.

Снѣгурочка, подслушивай почаще
Горячія Купавы рѣчи! Время
Узнать тебѣ, какъ сердце говоритъ,
Когда оно любовью загорится.
Учись у ней любить и знай, что Лелю
Не дѣтская любовь нужна. Прощай!
(Убѣгаетъ съ Купавой.)

Снѣгурочка.

Обманута, обижена, убита
Снѣгурочка. О, мать, Весна-Краснà!
Бѣгу къ тебѣ и съ жалобой, и съ просьбой:
Любви прошу, хочу любить. Отдай
Снѣгурочкѣ дѣвичье сердце, мама!
Отдай любовь, иль жизнь мою возьми! *(Убѣгаетъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Царь Берендѣй.
Снѣгурочка.
Мизгирь.
Лель.
Весна-Красна.
Всѣ Берендѣи. Свита Весны, цвѣты.

Ярилина долина: слѣва (отъ зрителей) отлогая покатость, покрытая невысокими кустами; справа — сплошной лѣсъ; въ глубинѣ — озеро, поросшее осокой и водяными растеніями съ роскошными цвѣтами; по берегамъ цвѣтущіе кусты съ повисшими надъ водой вѣтвями; съ правой стороны озера — голая Ярилина гора, которая оканчивается острою вершиной. Утренняя заря.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Призракъ Снѣгурочки *несется, едва касаясь земли;* Мизгирь *идетъ за нимъ.*

Мизгирь.

Всю ночь въ глазахъ мелькаетъ милый образъ.
Снѣгурочка, постой одно мгновенье!
(Убѣгаетъ за призракомъ въ лѣсъ. Снѣгурочка сходитъ съ горы.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Снѣгурочка, *потомъ* Весна.

Снѣгурочка *(обращаясь къ озеру).*

Родимая, въ слезахъ тоски и горя,
Зоветъ тебя покинутая дочь!
Изъ тихихъ водъ явись услышать стоны
И жалобы Снѣгурочки твоей.
(Изъ озера поднимается Весна, окруженная цвѣтами.)

Весна.

Снѣгурочка, дитя мое, о чемъ
Мольбы твои? Великими дарами
Могу тебя утѣшить на прощанье.
Послѣдній часъ Весна съ тобой проводитъ,
Съ разсвѣтомъ дня вступаетъ богъ Ярило
Въ свои права и начинаетъ лѣто.
(Подходитъ къ Снѣгурочкѣ.)
Чего тебѣ недостаетъ?

Снѣгурочка.

Любви.
Кругомъ меня всѣ любятъ, всѣ счастливы
И радостны, а я одна тоскую;
Завидно мнѣ чужое счастье, мама.
Хочу любить, но словъ любви не знаю,
И чувства нѣтъ въ груди; начну ласкаться —
Услышу брань, насмѣшки и укоры

За дѣтскую застѣнчивость, за сердце
Холодное. Мучительную ревность
Узнала я, любви еще не зная.
Отецъ-Морозъ и ты, Весна-Красна,
Дурное мнѣ, завистливое чувство,
Взамѣнъ любви, въ наслѣдство удѣлили;
Въ приданое для дочки положили
Безсонныя томительныя ночи
И встрѣчу дня безъ радости. Сегодня,
На ключикѣ холодномъ умываясь,
Взглянула я въ зеркальныя струи,
И вижу въ нихъ лицо свое въ слезахъ,
Измятое тоской безсонной ночи.
И страшно мнѣ, краса моя увянетъ
Безъ радости. О, мама, дай любви!
Любви прошу, любви дѣвичьей.

Весна.

Дочка,
Забыла ты отцовы опасенья.
Любовь тебѣ погибель будетъ.

Снѣгурочка.

Мама,
Пусть гибну я: любви одно мгновенье
Дороже мнѣ годовъ тоски и слезъ.

Весна.

Изволь, дитя, — любовью подѣлиться
Готова я; родникъ неистощимый
Любовныхъ силъ въ вѣнкѣ моемъ цвѣтномъ.
Сними его! Присядь ко мнѣ поближе!

(Весна садится на траву, Снѣгурочка подлѣ нея. Цвѣты окружаютъ ихъ.)

Смотри, дитя, какое сочетанье
Цвѣтовъ и травъ, какіе переливы
Цвѣтной игры и запаховъ пріятныхъ!
Одинъ цвѣтокъ, который ни возьми,
Души твоей дремоту пробуждая,
Зажжетъ въ тебѣ одно изъ новыхъ чувствъ,
Незнаемыхъ тобой — одно желанье,

Отрадное для молодого сердца;
А вмѣстѣ всѣ, въ одинъ вѣнокъ душистый
Сплетясь пестро, сливая ароматы
Въ одну струю, — зажгутъ всѣ чувства разомъ.
И вспыхнетъ кровь, и очи загорятся,
Окрасится лицо живымъ румянцемъ
Играющимъ, и заколышетъ грудь
Желанная тобой любовь дѣвичья.
Зорь весеннихъ цвѣтъ душистый,
Бѣлизну твоихъ ланитъ,
Бѣлый ландышъ, ландышъ чистый
Томной нѣгой озаритъ;
Барской спеси бархатъ алый
Опушитъ твои уста;
Дастъ улыбку цвѣтикъ малый,
Незабудка-красота;
Роза розой заалѣетъ
На груди и на плечахъ;
Василёчекъ засинѣетъ
И просвѣтится въ очахъ;
Кашки медъ изъ устъ польется
Чарованіемъ ума;
Незамѣтно проберется
Въ душу липкая дрема;
Макъ сердечко отуманитъ,
Макъ разсудокъ усыпитъ;
Хмель ланиты парумянитъ
И головку закружитъ.

(Надѣваетъ вѣнокъ на Снѣгурочку.)

Снѣгурочка.

Ахъ, мама, что со мной? Какой красою
Зеленый лѣсъ одѣлся! Берегами
И озеромъ нельзя налюбоваться.
Вода манитъ, кусты зовутъ меня
Подъ сѣнь свою, а небо, мама, небо!
Разливъ зари зыбучими волнами
Колышется.

Весна.

Снѣгурочка, прощай,

Дитя мое! Любовнымъ ароматомъ
Наполнилась душа твоя. Кипучій
Восторгъ страстей тебя охватитъ скоро.
Красой луговъ и озеромъ зеркальнымъ
Дотолѣ ты любуешься, пока
На юношу не устремятся взоры;
Тогда лишь ты вполнѣ узнаешь силу
И власть любви надъ сердцемъ. Съ первой встрѣчи
Счастливца ты даришь любовью, кто бы
Ни встрѣтился тебѣ. Но, радость-дочка.
Таи любовь отъ глазъ Ярила-Солнца.
Спѣши домой, не медля: не любуйся
Багряными потоками разсвѣта.
Вершины горъ покрылись позолотой,
И скоро царь свѣтилъ освѣтитъ землю.
Бѣги домой тропинками лѣсными
Въ тѣни кустовъ и избѣгая встрѣчи;
Предчувствіе тревожитъ сердце мнѣ.
Прощай, дитя, до новаго свиданья,
И матери совѣтовъ не забудь! *(Опускается въ озеро.)*

Снѣгурочка.

Какое я сокровище храню
Въ груди моей! Ребенкомъ прибѣжала
Снѣгурочка въ зеленый лѣсъ, выходитъ
Дѣвицею съ душой счастливой, полной
Отрадныхъ чувствъ и золотыхъ надеждъ.
Снесу мой кладъ тропинкой неизвѣстной;
Одна лишь я по ней бродила; лѣшимъ
Протоптана она между болотомъ
И озеромъ. Никто по ней не ходитъ,
Лишь лѣшіе, для шутки, горькихъ пьяницъ
Манятъ по ней, чтобъ завести въ трясину
Безъ выхода.

(Идетъ въ лѣсъ; навстрѣчу ей выходитъ Мизгирь.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Снѣгурочка *и* Мизгирь.

Мизгирь.

Снѣгурочка!

Снѣгурочка.

Ахъ, встрѣча!

Мизгирь.

Снѣгурочка, мои слабѣютъ силы,
Всю ночь ловлю тебя. Остановись!
Боишься ты?

Снѣгурочка.

О, нѣтъ, Мизгирь, не страхомъ
Полна душа моя. Какая прелесть
Въ рѣчахъ твоихъ! Какая смѣлость взора!
Высокаго чела отважный видъ
И гордая осанка привлекаютъ,
Манятъ къ тебѣ. У сильнаго опоры,
У храбраго защиты ищетъ сердце
Стыдливое и робкое. Съ любовью
Снѣгурочки трепещущая грудь
Къ твоей груди прижмется.

Мизгирь *(обнимая ее).*

Жаднымъ слухомъ
Ловлю твои слова, боюсь повѣрить
Блаженству я, Снѣгурочка!

Снѣгурочка.

О, милый,
Прости меня! Чего-то я боялась,
Смѣшно самой и стыдно, берегла
Какое-то сокровище, не зная,
Что все, чтò есть на свѣтѣ дорогого,
Живетъ въ одномъ лишь словѣ — это слово:
Любовь.

Мизгирь.

Еще отрадныхъ словъ, еще,
И счастію не будетъ мѣры.

Снѣгурочка.

Милый,
Позволь взглянуть въ твое лицо, въ огонь
Твоихъ очей вглядѣться. Слушай, прежде
Считала я дѣвичью миловидность,
Сребристый пухъ ланитъ и нѣжность кожи
За лучшую красу. Не понимаю;
Слѣпа, глупа была. Да развѣ можно
Красу дѣвицъ равнять съ твоей красою,
Незрѣлый цвѣтъ дѣвичьей нѣжной кожи
Равнять съ мужскимъ румянцемъ загрубѣлымъ?
Снѣгурочка твоя, бери въ свой домъ
Жену свою — любить и нѣжить буду,
Ловить твой взглядъ, предупреждать желанья.
Но, милый мой, бѣжимъ скорѣе, спрячемъ
Любовь свою и счастіе отъ Солнца:
Грозитъ оно погибелью. Бѣжимъ,
Укрой меня! Зловѣщіе лучи
Кровавые страшатъ меня. Спасай,
Спасай свою Снѣгурочку!

Мизгирь.

Дитя,
Спасать тебя? Любовь твоя — спасенье
Изгнаннику. На солнечномъ восходѣ
Мизгирь тебя супругою покажетъ,
И царскій гнѣвъ правдивый укротится,
И, милостью богатый, Берендѣй
Младой четѣ свою окажетъ ласку.

Снѣгурочка *(на колѣняхъ)*.

Завѣтъ отца и матери, о милый,
Не смѣю я нарушить. Вѣщимъ сердцемъ
Почуяли они бѣду — таить
Велѣли мнѣ мою любовь отъ Солнца.
Погибну я! Спаси мою любовь,
Спаси мое сердечко! Пожалѣй
Снѣгурочку!

Мизгирь.

Покорными сердцами
Привыкла ты владѣть, привыкла тѣшить

Угодами обычай прихотливый.
Но сердцемъ я не мальчикъ, и любить,
И приказать умѣю; оставайся!

Снѣгурочка.

Не прихоть, нѣтъ. Въ рукахъ твоихъ погибнетъ
Снѣгурочка.

Мизгирь.

Оставь ребячьи страхи
Невѣдомой бѣды! Но если вправду
Бѣда придетъ, тогда погибнемъ вмѣстѣ

Снѣгурочка.

Смотри, смотри! Все ярче и страшнѣе
Горитъ востокъ. Сожми меня въ объятьяхъ,
Одеждою, руками затѣни
Отъ яростныхъ лучей, укрой подъ тѣнью
Склонившихся надъ озеромъ вѣтвей!

(Становятся подъ тѣнь куста. Изъ лѣсу по горѣ сходитъ народъ: впереди гусляры играютъ на гусляхъ и пастухи на рожкахъ, за ними царь со свитой, за царемъ попарно женихи и невѣсты въ праздничныхъ одеждахъ, далѣе всѣ Берендѣи. Сойдя въ долину, народъ раздѣляется на двѣ стороны.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Снѣгурочка, Мизгирь, царь Берендѣй, Лель *и* весь народъ. *Всѣ съ ожиданіемъ смотрятъ на востокъ и при первыхъ лучахъ солнца запѣваютъ.*

Общій хоръ.

Одна сторона: А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой, Дидъ-Ладо, сѣяли, сѣяли.
Другая сторона: А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой, Дидъ-Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ,
1-я: А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать,
Ой, Дидъ-Ладо, вытоптать, вытоптать?
2-я: А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой, Дидъ-Ладо, выпустимъ, выпустимъ.

1-я: А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой, Дидъ-Ладо, переймемъ, переймемъ.
2-я: А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой, Дидъ-Ладо, выкупимъ, выкупимъ.
1-я: А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить,
Ой, Дидъ-Ладо, выкупить, выкупить?
2-я: А мы дадимъ дѣвицу, дѣвицу,
Ой, Дидъ-Ладо, дѣвицу, дѣвицу.
1-я: А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой, Дидъ-Ладо, прибыло, прибыло,
2-я: А нашего полку убыло, убыло,
Ой, Дидъ-Ладо, убыло, убыло.

(При пѣніи обѣ стороны сближаются медленными шагами подъ размѣръ пѣсни. При концѣ пѣсни женихи берутъ невѣстъ и кланяются царю.)

Царь.

Да будетъ вашъ союзъ благословенъ
Обиліемъ и счастіемъ! Въ богатствѣ
И радости живите до послѣднихъ
Годовъ своихъ въ семьѣ дѣтей и внуковъ!
Печально я гляжу на торжество
Народное: разгнѣванный Ярило
Не кажется, и лысая вершина
Горы его покрыта облаками.
Недоброе сулитъ Ярилинъ гнѣвъ:
Холодные утрà и суховѣи,
Медвяныхъ росъ убыточныя порчи,
Неполные наливы хлѣбныхъ зеренъ,
Ненастную уборку, недородъ
И ранніе осенніе морозы,
Тяжелый годъ и житницъ оскудѣнье.

Мизгирь *(подводя Снѣгурочку къ царю).*

Великій царь, твое желанье было
Закономъ мнѣ, и я его исполнилъ:
Съ Снѣгурочкой на бракъ благослови,
Прости вину мою и гнѣвъ на милость
Перемѣни!

Голоса въ народѣ.

О, диво! Полюбила
Снѣгурочка!

Царь.

Охотой ли, дѣвица
Снѣгурочка, вручаешь жениху
Судьбу свою? Съ твоей рукою вмѣстѣ
Даешь ли ты любовь ему?

Снѣгурочка.

О, царь!
Спроси меня сто разъ — сто разъ отвѣчу,
Что я люблю его. При блѣдномъ утрѣ
Открыла я избраннику души
Любовь свою и кинулась въ объятья.
При блескѣ дня теперь, при всемъ народѣ,
Въ твоихъ глазахъ, великій Берендѣй,
Готова я для жениха и рѣчи,
И ласки тѣ сначала повторить.

(Яркій лучъ солнца прорѣзываетъ утренній туманъ и падаетъ на Снѣгурочку.)

Но что̀ со мной? Блаженство или смерть?
Какой восторгъ! Какая чувствъ истома!
О, мать-Весна, благодарю за радость,
За сладкій даръ любви! Какая нѣга
Томящая течетъ во мнѣ! О, Лель,
Въ ушахъ твоч чарующія пѣсни,
Въ очахъ огонь... и въ сердцѣ, и въ крови,
Во всей огонь. Люблю и таю, таю
Отъ сладкихъ чувствъ любви. Прощайте, всѣ
Подруженьки, прощай, женихъ! О, милый!
Послѣдній взглядъ Снѣгурочки тебѣ. *(Таетъ.)*

Мизгирь.

Снѣгурочка, обманщица, живи,
Люби меня! Не призракомъ лежала
Снѣгурочка въ объятіяхъ горячихъ:
Тепла была; и чуялъ я у сердца,
Какъ сердце въ ней дрожало человѣчье,
Любовь и страхъ въ ея душѣ боролись,

От свѣта дня бѣжать она молила;
Не слушал я мольбы — и предо мною,
Как вешній снѣг, растаяла она.
Снѣгурочка, обманщица не ты:
Обманут я богами; это шутка
Жестокая судьбы. Но если боги
Обманщики, не стоит жить на свѣтѣ!
(Убѣгает на Ярилину гору и бросается въ озеро.)

Царь.

Снѣгурочки печальная кончина
И страшная погибель Мизгиря
Тревожить нас не могут; Солнце знает,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый суд! Мороза порожденье
Холодная Снѣгурочка погибла.
Пятнадцать лѣт жила она меж нами,
Пятнадцать лѣт на нас сердилось Солнце.
Теперь, съ ея чудесною кончиной,
Вмѣшательство Мороза прекратилось.
Изгоним же послѣдній стужи слѣд
Из наших душ и обратимся к Солнцу.
И, вѣрю я, оно привѣтно взглянет
На преданность покорных Берендѣев.
Веселый Лель, запой Ярилѣ пѣсню
Хвалебную, а мы къ тебѣ пристанем.
Палящій бог, тебя всѣм міром славим!
Пастух и царь тебя зовут, явись!

Лель *(запѣвает)*

Свѣт и сила
Бог Ярило.
Красное солнце наше,
Нѣт тебя въ мірѣ краше!

Общій хор.

Свѣт и сила
Бог Ярило.
Красное солнце наше,
Нѣт тебя въ мірѣ краше!
(На вершинѣ горы на нѣсколько мгновеній разсѣивается

туманъ; показывается Ярило въ видѣ молодого парня въ бѣлой одеждѣ; въ правой рукѣ свѣтящаяся голова человѣчья, въ лѣвой — ржаной снопъ. По знаку царя, прислужники несутъ цѣлыхъ быковъ и барановъ съ вызолоченными рогами, боченки и ендовы съ пивомъ и медомъ, разную посуду и всѣ принадлежности пира.)

Хоръ *(допѣваетъ).*

Даруй, богъ свѣта,
Теплое лѣто.
Красное солнце наше,
Нѣтъ тебя въ мірѣ краше!
Краснопогодное,
Лѣто хлѣбородное.
Красное солнце наше,
Нѣтъ тебя въ мірѣ краше!

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЗАХОЛУСТЬЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Фелицата Антоновна Шаблова, хозяйка небольшого деревяннаго дома.

Герасимъ Порфирьичъ Маргаритовъ, адвокатъ изъ отставныхъ чиновниковъ, старикъ благообразной наружности.

Людмила, его дочь, немолодая дѣвушка. Всѣ движенія ея скромныя и медленныя, одѣта очень чисто, но безъ претензій.

Доримедонтъ, сынъ Шабловой, въ писаряхъ у Маргаритова.

Онуфрій Потапычъ Дородновъ, купецъ среднихъ лѣтъ.

Бѣдная, потемнѣвшая отъ времени комната въ домѣ Шабловой. На правой сторонѣ (*отъ зрителей*) двѣ узкія однопольныя двери: ближайшая — въ комнату Людмилы, а слѣдующая — въ комнату Шабловой; между дверьми изразчатое зеркало голландской печи съ топкой. Въ задней стѣнѣ, къ правому углу, дверь въ комнату Маргаритова; въ лѣвомъ растворенная дверь въ темную переднюю, въ которой видно начало лѣстницы, ведущей въ мезонинъ, гдѣ помѣщаются сыновья Шабловой. Между дверьми старинный комодъ съ стекляннымъ шкапчикомъ для посуды. На лѣвой сторонѣ два небольшихъ окна, въ простѣнкѣ между ними старинное зеркало, по сторонамъ котораго двѣ тусклыя картинки въ бумажныхъ рамкахъ; подъ зеркаломъ большой столъ простого дерева. Мебель сборная: стулья разнаго вида и величины; съ правой стороны, ближе къ авансценѣ, старое, полуободранное вольтеровское кресло.

Осеннія сумерки, въ комнатѣ темно.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Людмила *выходитъ изъ своей комнаты, прислушивается и подходитъ къ окну. Потомъ* Шаблова *выходитъ изъ своей комнаты.*

Шаблова *(не видя Людмилы).*

Словно кто калиткой стукнулъ. Нѣтъ, почудилось. Ужъ я очень уши-то настороживала. Экая погодка! Въ легонькомъ пальтѣ теперь... ой-ой! Гдѣ-то мой сынокъ любезный погуливаетъ? Охъ, дѣтки, дѣтки — горе матушкино! Вотъ Васька, ужъ на что гулящій котъ, а и тотъ домой пришелъ.

Людмила.

Пришелъ?... Развѣ пришелъ?

Шаблова.

Ахъ, Людмила Герасимовна! Я васъ и не вижу, стою тутъ да фантазирую сама промежъ себя...

Людмила.

Вы говорите, пришелъ?

Шаблова.

Да вы кого же дожидаетесь-то?

Людмила.

Я? Я никого. Я только слышала, что вы сказали: „пришелъ“.

Шаблова.

Это я тутъ свои мысли выражаю; въ головѣ-то накипитъ, знаете... Погода, молъ, такая, что даже мой Васька домой пришелъ. Сѣлъ на лежанкѣ и такъ-то мурлычетъ, даже захлебывается; очень ему сказать-то хочется, что, молъ, я дома, не безпокойтесь. Ну, разумѣется, погрѣлся, поѣлъ да опять ушелъ. Мужское дѣло, дома не удержишь. Да, вотъ звѣрь, а и тотъ понимаетъ, что надо домой побывать — понавѣдаться, какъ, молъ, тамъ; а сынокъ мой, Николинька, другія сутки пропадаетъ.

Людмила.

Какъ знать, какія дѣла у него?

Шаблова.

Кому-жъ и знать, какъ не мнѣ? Никакихъ у него дѣловъ нѣтъ, баклуши бьетъ.

Людмила.

Онъ адвокатствомъ занимается.

Шаблова.

Да какое адвокатство! Было время да прошло.

Людмила.

Онъ хлопочетъ по дѣламъ какой-то дамы.

Шаблова.

Да что-жъ, матушка, дама? Дама дамѣ рознь. Ты погоди, я тебѣ все скажу. Учился онъ у меня хорошо, въ ноцверситетѣ курсъ кончилъ; и, какъ на грѣхъ, тутъ заведись эти новые суды! Записался онъ адвокатомъ — пошли дѣла, и пошли, и пошли, огребай деньги лопатой. Отъ того, отъ самаго, что вошелъ онъ въ денежный купеческій кругъ. Сами знаете: съ волками жить, по-волчьи выть, и началъ онъ эту самую купеческую жизнь, что день — въ трактирѣ, а ночь — въ клубѣ, либо гдѣ. Само собою: удовольствіе; человѣкъ же онъ горячій. Ну, имъ что? У нихъ карманы толстые. А онъ барствовалъ да барствовалъ, а дѣла-то между рукъ шли, да и лѣнь-то; а тутъ адвокатовъ развелось нѣсть числа. Ужъ сколько онъ тамъ ни путался, а деньжонки всѣ прожилъ, знакомство растерялъ и опять въ прежнее бѣдное положеніе пришелъ: къ матери, значитъ, отъ стерляжьей ухи-то на пустыя щи. Привычку же онъ къ трактирамъ возымѣлъ — въ хорошіе-то не съ чѣмъ, такъ по плохимъ сталъ шляться. Видя я его въ такомъ упадкѣ, начала ему занятіе находить. Хочу его свести къ своей знакомой дамѣ, а онъ дичится.

Людмила.

Робокъ, должно быть, характеромъ.

Шаблова.

Полно, матушка, что за характеръ!

Людмила.

Да, вѣдь, бываютъ люди робкаго характера.

Шаблова.

Да полно, какой характеръ! Развѣ у бѣднаго человѣка бываетъ характеръ? Какой ты еще характеръ нашла?

Людмила.

А что же?

Шаблова.

У бѣднаго человѣка да еще характеръ! Чудно, право! Платья нѣтъ хорошаго, вотъ и все. Коли у человѣка одежи нѣтъ, вотъ и робкій характеръ; чѣмъ бы ему пріятный разговоръ вести, а онъ долженъ на себя осматриваться, нѣтъ ли гдѣ изъяну. Вы возьмите хоть съ насъ, женщинъ: отчего хорошая дама въ компаніи развязный разговоръ имѣетъ? Оттого, что все на ней въ порядкѣ: одно къ другому пригнато, одно другого ни короче, ни длиннѣй, цвѣтъ къ цвѣту подобранъ, узоръ подъ узоръ подогнатъ. Вотъ у ней душа и растетъ. А нашему брату въ высокой компаніи бѣда; лучше, кажется, сквозь землю провалиться! Тамъ виситъ, тутъ коротко, въ другомъ мѣстѣ мѣшкомъ, вездѣ пазухи. Какъ на лѣшаго на тебя смотрятъ. Потому не мадамы намъ шьютъ, а мы сами самоучкой; не по журналамъ, а какъ пришлось, на чортовъ клинъ. Сыну тоже не французъ шилъ, а Вершковатовъ изъ-за Драгомиловской заставы. Такъ онъ надъ фракомъ-то годъ думаетъ; ходитъ, ходитъ кругомъ сукна-то, рѣжетъ, рѣжетъ его, то съ той, то съ другой стороны покроитъ — ну, и выкроитъ куль, а не фракъ. А, вѣдь, прежде тоже, какъ деньги-то были, Николай франтилъ; ну, и дико ему въ такомъ-то безобразіи. Уломала я его наконецъ, да и сама не рада; человѣкъ онъ гордый, не захотѣлъ быть хуже другихъ, потому у нея съ утра до ночи франты, и заказалъ хорошее платье дорогому нѣмцу въ долгъ.

Людмила.

Молода она?

Шаблова.

Въ порѣ женщина. То-то и бѣда. Кабы старуха, такъ бы деньги платила.

Людмила.

А она что же?

Шаблова.

Женщина легкая, избалованная, на красоту свою надѣется.

Всегда кругомъ нея молодежь — привыкла, чтобъ всѣ ей угождали. Другой даже за счастіе сочтетъ услужить.

Людмила.

Такъ онъ даромъ для нея хлопочетъ?

Шаблова.

Нельзя сказать, чтобъ вовсе даромъ. Да онъ-то бы пожалуй, а я ужъ съ нея ста полтора выханжила. Такъ всѣ деньги-то, что̀ я взяла съ нея за него, всѣ портному и отдала: вотъ тебѣ и барышъ! Кромѣ того, посудите сами, всякій разъ, какъ къ ней ѣхать, извозчика беретъ съ биржи, держитъ тамъ полдня. Чего-нибудь да сто́итъ! А изъ чего бьется-то? Диви бы... Все вѣтеръ въ головѣ-то.

Людмила.

Можетъ быть, она ему нравится?

Шаблова.

Да, вѣдь, это срамъ бѣдному-то человѣку за богатой бабой ухаживать, да еще самому тратиться. Ну, куда ему тянуться: тамъ такіе полковники да гвардейцы бываютъ, что ужъ именно и словъ не найдешь. Взглянешь на него, да только и скажешь: ахъ, Боже мой! Чай, смѣются надъ нашимъ, да и она-то, гляди, тоже. Потому, судите сами: подкатитъ къ крыльцу на парѣ съ пристяжкой этакій полковникъ, брякнетъ въ передней шпорой или саблей, взглянетъ мимоходомъ черезъ плечо въ зеркало, тряхнетъ головой да прямо къ ней въ гостиную. Ну, а, вѣдь, она женщина, созданіе слабое, сосудъ скудельный, вскинетъ на него глазами-то, ну, точно вареная и сдѣлалась. Гдѣ же тутъ?

Людмила.

Такъ она вотъ какая!

Шаблова.

Она только съ виду великая дама-то, а какъ поглядѣть поближе, такъ довольно малодушна. Запутается въ долгахъ да въ амурахъ, ну, и шлетъ за мной на картахъ ей гадать. Мелешь, мелешь ей, а она-то и плачетъ, и смѣется, какъ дитя малое.

Людмила.

Какъ странно! Неужели такая женщина можетъ нравиться?

Шаблова.

Да, вѣдь, Николай гордъ; засѣло въ голову, что завоюю, молъ, — ну, и мучится. А можетъ, вѣдь, онъ и изъ жалости; потому нельзя и не пожалѣть ее, бѣдную. Мужъ у нея такой же путаникъ былъ; мотали да долги дѣлали, другъ другу не сказывали. А вотъ мужъ-то умеръ, и пришлось расплачиваться. Да кабы съ умомъ, такъ еще можно жить, а то запутаться ей, сердечной, по уши. Говорятъ, стала векселя зря давать, подписываетъ, сама не знаетъ что̀. А какое состояніе-то было, кабы въ руки. Да что̀ вы въ потемкахъ-то?

Людмила.

Ничего, такъ лучше.

Шаблова.

Ну, что̀-жъ, посумерничаемъ, подождемъ Николая. А вотъ кто-то и пришелъ; пойти, свѣчку принести. *(Уходитъ.)*

Людмила *(у двери въ переднюю).*

Это вы? *(Входитъ Доримедонтъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Людмила, Доримедонтъ, *потомъ* Шаблова.

Доримедонтъ.

Я-съ.

Людмила.

А я думала... Да, впрочемъ, я очень рада, а то скучно одной. *(Входитъ Шаблова со свѣчей.)*

Шаблова.

Гдѣ же ты былъ? Вѣдь, я такъ полагала, что ты дома. Ишь, какъ озябъ; захвораешь, смотри.

Доримедонтъ *(грѣясь у печки).*

Я брата искалъ.

Шаблова.

Нашелъ?

Доримедонтъ.

Нашелъ.

Шаблова.

Гдѣ-жъ онъ?

Дормедонтъ.

Все тамъ же.

Шаблова.

Другой-то день въ трактирѣ! Скажите, пожалуйста, на что̀ это похоже?

Доримедонтъ.

На бильярдѣ играетъ.

Шаблова.

Что̀-жъ ты его домой не велъ?

Доримедонтъ.

Звалъ, да нейдетъ. Поди, говоритъ, скажи маменькѣ, что я совершеннолѣтній, чтобъ не безпокоилась. Домой, говоритъ, когда мнѣ вздумается, я дорогу и безъ тебя найду; провожатыхъ мнѣ не нужно, я не пьяный. Ужъ я и плакалъ передъ нимъ. „Братъ, говорю, вспомни домъ! Какой же ты добычникъ? Люди работы ищутъ, а ты самъ отъ дѣла бѣгаешь. Нынче, говорю, два лавочника приходили прошеніе къ мировому писать, а тебя дома нѣтъ. Этакъ ты всѣхъ отвадишь". — „Я, говоритъ, по грошамъ не люблю собирать". А вотъ у меня послѣдній рубль выпросилъ. Что̀-жъ, я отдалъ — братъ, вѣдь.

Шаблова.

Озябъ ты?

Доримедонтъ.

Не очень. Я все для дому, а онъ нѣтъ. Я если когда и дровъ наколоть, такъ что̀ за важность? Сейчасъ надѣлъ халатъ, пошелъ, нарубилъ, да еще — моціонъ. Вѣдь, вѣрно, Людмила Герасимовна?

Людмила.

Вы любите брата?

Доримедонтъ.

Какъ же-съ...

Людмила.

Ну, такъ любите больше! *(Подаетъ Доримедонту руку.)* Вы добрый, хорошій человѣкъ. Я пойду, работу возьму. *(Уходитъ.)*

Шаблова *(вслѣдъ Людмилѣ)*.

Приходите, поскучаемъ вмѣстѣ. *(Доримедонту.)* Ишь, ты какъ перезябъ, все не согрѣешься.

Доримедонтъ.

Нѣтъ, маменька, ничего; вотъ только въ среднемъ пальцѣ владѣнія не было, а теперь отошло. Сейчасъ я за писанье. *(Садится къ столу и разбираетъ бумаги.)*

Шаблова.

А я карточки разложу покуда. *(Вынимаетъ изъ кармана карты.)*

Доримедонтъ.

Вы, маменька, ничего не замѣчаете во мнѣ?

Шаблова.

Нѣтъ. А чтò?

Доримедонтъ.

Да, вѣдь, я, маменька, влюбленъ.

Шаблова.

Ну, чтò-жъ, на здоровье.

Доримедонтъ.

Да, вѣдь, маменька, серьезно.

Шаблова.

Вѣрю, что не въ шутку.

Доримедонтъ.

Какія шутки! Погадайте-ка!

Шаблова.

Давай гадать! Давай, старый да малый, изъ пустого въ порожнее пересыпать.

Доримедонтъ.

Не смѣйтесь, маменька: она меня любитъ.

Шаблова.

Эхъ, Дормидоша! Не изъ такихъ ты мужчинъ, какихъ женщины любятъ. Одна только женщина тебя любить можетъ.

Доримедонтъ.

Какая же?

Шаблова.

Мать. Для матери, чѣмъ плоше дитя, тѣмъ оно милѣе.

Доримедонтъ.

Чтò-жъ, маменька, я чѣмъ плохъ? Я для дому...

Шаблова.

Да, вѣдь, я знаю, про кого ты говоришь.

Доримедонтъ.

Вѣдь, ужъ какъ не знать, вѣдь, ужъ одна. А вотъ я сейчасъ пришелъ, бросилась къ двери, говоритъ: „это вы?"

Шаблова.

Бросилась? Ишь ты! Только не тебя она ждала. Не брата ли?

Доримедонтъ.

Невозможно, маменька, помилуйте.

Шаблова.

Ну, смотри! А похоже дѣло-то!

Доримедонтъ.

Меня, маменька, меня! Вотъ теперь только-бъ смѣлости, да время узнать, чтобъ въ самый разъ всю душу свою открыть. Дѣйствовать?

Шаблова.

Дѣйствуй!

Доримедонтъ.

А какъ, маменька, карты? Чтò онѣ мнѣ говорятъ?

Шаблова.

Путаница какая-то, не разберу. Вонъ, кажется, купецъ домой собирается; пойти, велѣть ему посвѣтить. *(Уходитъ. Выходятъ Дородновъ и Маргаритовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Доримедонтъ, Дородновъ *и* Маргаритовъ.

Маргаритовъ.

А, вѣдь, мы съ тобой старые пріятели.

Дородновъ.

Еще бы! Сколько лѣтъ. Герасимъ Порфирьичъ, знаешь что? Выпьемъ теперь. Сейчасъ я кучера къ Бауеру...

Маргаритовъ.

Нѣтъ, нѣтъ, и не проси!

Дородновъ.

Какъ ты это, братецъ, странно! Мнѣ теперь вдругъ фантазія; долженъ ты уважить?

Маргаритовъ.

Тебѣ эта фантазія-то часто приходитъ. Ты объ дѣлѣ-то... Завтра нужно намъ къ маклеру...

Дородновъ.

Да что объ дѣлѣ! Я на тебя, какъ на каменную стѣну. Видишь, я тебя не забылъ; вотъ гдѣ отыскалъ.

Маргаритовъ *(жметъ ему руку)*.

Благодарю, благодарю! Да, вотъ куда занесла меня судьба. Ты добрый человѣкъ, ты меня нашелъ, а другіе бросили, бросили на жертву нищетѣ. Дѣлъ серьезныхъ почти нѣтъ, перебиваюсь кой чѣмъ; а я люблю большія апелляціонныя дѣла, чтобъ было надъ чѣмъ подумать, поработать. А вотъ, на старости лѣтъ, и дѣлъ нѣтъ, обѣгать стали; скучно безъ работы-то.

Дородновъ.

Скучно-то бы ничего, а, вѣдь, чай, поди, и голодно.

Маргаритовъ.

Да, да, и голодно.

Дородновъ.

Бодрись, Герасимъ Порфирьичъ! Авось, съ моей легкой руки... Ужъ ты, по знакомству, постарайся!

Маргаритовъ.

Что за просьбы! Я свое дѣло знаю.

Дородновъ.

Заходи завтра вечеркомъ. Не бойся, неволить не буду, легонькимъ попотчую.

Маргаритовъ.

Хорошо, хорошо, зайду.

Дородновъ.

Ну, такъ, значитъ, до пріятнаго.

Маргаритовъ.

Ахъ, постой, постой! Забылъ. Подожди немного!

Дородновъ.

Чего еще?

Маргаритовъ.

Забылъ тебѣ расписку дать, какіе документы отъ тебя принялъ.

Дородновъ.

Вотъ еще! Не надо.

Маргаритовъ.

Нельзя, порядокъ.

Дородновъ.

Да не надо, чудакъ. Вѣрю.

Маргаритовъ.

Не выпущу безъ того.

Дородновъ.

И зачѣмъ только эти прокламаціи?

Маргаритовъ.

Въ животѣ и смерти Богъ воленъ. Конечно, у меня не пропадутъ: я ужъ теперь остороженъ сталъ...

Дородновъ.

А развѣ было что̀?

Маргаритовъ.

Было. Вотъ какой былъ случай со мной. Когда еще имя мое гремѣло по Москвѣ, дѣлъ, документовъ чужихъ у меня было, хоть прудъ пруди. Все это въ порядкѣ, по шкапамъ, по коробкамъ, подъ номерами; только, по глупости по своей, довѣріе я прежде къ людямъ имѣлъ; бывало, пошлешь писарька: достань, молъ, въ такой-то коробкѣ дѣло; ну, онъ и несетъ. И выкралъ у меня писарекъ одинъ документъ, да и продалъ его должнику.

Дородновъ.

Великъ документъ-то?

Маргаритовъ.

Въ двадцать тысячъ.

Дородновъ.

Ого! Ну, что̀-жъ ты?

Маргаритовъ *(со вздохомъ)*.

Заплатилъ.

Дородновъ.

Всѣ заплатилъ?

Маргаритовъ *(утирая слезы)*.

Всѣ.

Дородновъ.

Какъ же ты извернулся?

Маргаритовъ.

Всѣ свои трудовыя денежки отдалъ, домъ продалъ — все продалъ, что̀ можно продать было.

Дородновъ.

Такъ-то ты и въ упадокъ пришелъ?

Маргаритовъ.

Да.

Дородновъ.

Пострадалъ занапрасно?

Маргаритовъ.

Да.

Дородновъ.

Небось, не легко было?

Маргаритовъ.

Ну, ужъ я про то знаю, каково мнѣ было. Вѣришь ли ты? Денегъ нѣтъ, трудовыхъ, горбомъ нажитыхъ, гнѣзда нѣтъ, жена и такъ все хворала, а тутъ умерла — не перенесла, довѣрія лишился, *(шопотомъ)* хотѣлъ руки на себя наложить.

Дородновъ.

Что̀ ты? Наше мѣсто свято! Полоумный ты, что̀ ли?

Маргаритовъ.

Будешь полоумный. Вотъ такъ-то разъ, вечеромъ, тоска меня грызетъ, хожу по комнатѣ, поглядываю, гдѣ петлю-то повѣсить...

Дородновъ.

Ишь ты, Богъ съ тобой!

Маргаритовъ.

Да заглянулъ въ уголъ, кроватка тамъ стоитъ, дочка спала, двухъ лѣтъ была тогда. Думаю, кто-жъ у нея-то останется. Понялъ ты?

Дородновъ.

Какъ не понять, голова!

Маргаритовъ.

Кто у нея останется, а? Да такъ это гляжу на нее, воззрился на этого ангела, съ мѣста не могу сойти; а въ душѣ-то

у меня точно тепло какое полилось, всѣ мысли-то супротивныя точно мириться между себя стали, затихать да улегаться по своимъ мѣстамъ.

Дородновъ.

И такое это, выходитъ, произволеніе.

Маргаритовъ.

Слушай, слушай! И съ тѣхъ поръ я такъ и молюсь на нее, какъ на мою спасительницу. Вѣдь, ужъ, кабы не она, ау, братъ!

Дородновъ.

Да оно, точно, бываетъ; только сохрани Богъ всякаго!

Маргаритовъ.

Такъ вотъ... Объ чемъ я началъ-то? Да, такъ вотъ съ тѣхъ поръ я остороженъ, запираю на ключъ, а ключъ у дочери. Все у нея, и деньги, и все у нея. Она святая.

Дородновъ.

Ну, къ чему это ты такія слова?

Маргаритовъ.

Что̀, что̀? Ты не вѣришь? Святая, говорю тебѣ. Она кроткая, сидитъ, работаетъ, молчитъ; кругомъ нужда; вѣдь, она самые лучшіе свои годы просидѣла молча, нагнувшись, и ни одной жалобы. Вѣдь, ей жить хочется, жить надо, и никогда ни слова о себѣ. Выработаетъ лишній рубликъ, — глядишь, отцу подарочекъ, сюрпризъ. Вѣдь, такихъ не бываетъ... Гдѣ-жъ онѣ?

Дородновъ.

Замужъ бы.

Маргаритовъ.

Да съ чѣмъ, чудной ты человѣкъ, съ чѣмъ?

Дородновъ.

Ну, вотъ, Богъ дастъ, ты мнѣ дѣла-то на двѣсти тысячъ сдѣлаешь, такъ ужъ тогда...

Маргаритовъ.

Ну, ты подожди, я сейчасъ тебѣ расписочку...

Дородновъ.

Ладно, подожду. (*Маргаритовъ уходитъ въ свою комнату.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дородновъ *и* Доримедонтъ.

Дородновъ *(садится).*

Дѣла-то на свѣтѣ тоже всякія бываютъ, все разное, у всякаго свое, и всякій долженъ о себѣ. И не пожалѣть иного нельзя, а и жалѣть-то всякаго не приходится; потому вдругъ съ тобой самимъ можетъ грѣхъ случиться, такъ жалость-то надо для себя поберечь. *(Смотритъ на Доримедонта.)* Строчи, строчи! Развѣ поговорить съ тобой?

Доримедонтъ.

Чего-съ?

Дородновъ.

Ты... какъ тебя?... Пописухинъ, поди сюда поближе!

Доримедонтъ.

Вы бы поучтивѣе, коли не знаете человѣка.

Дородновъ.

Ахъ, извините, ваше благородіе! А ты живи безъ претензіевъ, сытѣе будешь. Поди сюда, денегъ дамъ.

Доримедонтъ *(подходя).*

За что-съ?

Дородновъ *(даетъ три рубля).*

Такъ, здорово живешь.

Доримедонтъ.

Покорно благодарю-съ. *(Кланяется.)*

Дородновъ *(ерошитъ волоса Доримедонту).*

Ахъ ты, шершавый, не нашей державы!

Доримедонтъ.

Полноте! Что вы!

Дородновъ.

А что, милый другъ, этотъ самый стряпчій не сфальшивитъ, если ему документы повѣрить?

Доримедонтъ.

Какъ можно, что вы!

Дородновъ.

Я бы и хорошему отдалъ, да тѣ спесивы очень, надо его сударемъ звать, да и дорого. Такъ, ежели ты какую фальшь замѣтишь, сейчасъ забѣги ко мнѣ, такъ и такъ, молъ.

Доримедонтъ.

Да что вы? Ужъ будьте покойны.

Дородновъ.

Ну, поди, строчи!

Доримедонтъ.

Да я кончилъ-съ.

Дородновъ.

Только ты стряпчему ни-гугу! Ты много-ль жалованья получаешь?

Доримедонтъ.

Десять рублей въ мѣсяцъ.

Дородновъ.

Что-жъ, это ничего, хорошо. Тоже, вѣдь, и тебѣ питаться надо чѣмъ-нибудь. Всякій отъ своихъ трудовъ долженъ; потому, взгляни: птица ли, что ли... *(Входитъ Маргаритовъ. Доримедонтъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Маргаритовъ *и* Дородновъ.

Маргаритовъ *(отдавая расписку).*

На, спрячь.

Дородновъ *(прячетъ расписку).*

Что это у тебя за писарекъ такой?

Маргаритовъ.

Что-жъ писарекъ? Ничего. Глуповатъ, а парень исправный.

Дородновъ.

Плутъ, я вижу, большой руки. За нимъ гляди въ оба.

Маргаритовъ.

Ну, не болтай пустого!

Дородновъ.

Поглядывай, совѣтую. Ну, гости посидятъ, посидятъ, да и поѣдутъ. *(Хочетъ итти.)* Постой! Вотъ, было, забылъ. У меня дома еще документъ: то дѣло особь статья; я его

съ тѣми и не мѣшаю. Ужъ я его хоть бросить, такъ въ ту-жъ пору; да дай, думаю, посовѣтуюсь, что съ нимъ дѣлать, все-таки жалко.

Маргаритовъ.

Въ чемъ же дѣло?

Дородновъ.

Этотъ самый документъ достался мнѣ по наслѣдству отъ дяди, вотъ со всѣми бумагами, которыя я къ тебѣ привезъ. Да какой-то онъ сумнительный. Ну, думаю, и такъ много досталось, этого и жалѣть нечего, что по немъ ни получи, все ладно, а то хоть и пропадай онъ.

Маргаритовъ.

На кого документъ-то?

Дородновъ.

На бабу. Тутъ вдова есть одна. Лебедкина прозывается. Путаная бабенка.

Маргаритовъ.

Да у нея есть что-нибудь?

Дородновъ.

Какъ не быть! Поразмотала, а все-таки заплатить въ силахъ.

Маргаритовъ.

Такъ давай, получимъ.

Дородновъ.

Получить можно, коли пугнуть.

Маргаритовъ.

Чѣмъ?

Дородновъ.

Документъ выданъ за поручительствомъ мужа, ей-то не больно вѣрили, а поручительство-то фальшивое. Мужъ-то въ параличѣ былъ, безо всякаго движенія, какъ она документъ-то выдала.

Маргаритовъ.

Такъ и пугнуть.

Дородновъ.

Оно и слѣдуетъ; только обстоятельному купцу связываться съ бабой, я такъ понимаю, мораль. Я тебѣ передамъ; ты, какъ хочешь отъ своего имени, а мнѣ чтобъ не путаться.

Маргаритовъ.

Ну, такъ ты считай, что эти деньги у тебя въ карманѣ.

Дородновъ.

Получи хоть половину!

Маргаритовъ.

Всѣ получу.

Дородновъ.

Не пожалѣешь, стало-быть?

Маргаритовъ.

Что плутовъ жалѣть!

Дородновъ.

Бабенка-то оборотиста, не оплела бы тебя на старости лѣтъ; заговоритъ — растаешь.

Маргаритовъ.

Ну, вотъ еще! Толкуй тутъ! Вотъ тебѣ рука моя, что черезъ два дня всѣ деньги у тебя.

Дородновъ.

Значитъ, эту статью изъ головы вонъ. Завтра я тебѣ документъ отдамъ. Ну, да, вѣдь, всего не переговоришь: что-нибудь къ завтрему оставимъ; а теперь, по-моему, коли не пить, такъ самое время спать. Прощай!

Маргаритовъ.

Посвѣтите тамъ кто-нибудь. *(Уходитъ съ купцомъ въ переднюю. Изъ передней возвращаются: Маргаритовъ, Шаблова и Доримедонтъ. Людмила выходитъ изъ своей комнаты.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Маргаритовъ, Шаблова, Людмила *и* Доримедонтъ.

Шаблова.

Ужинать не прикажете ли?

Маргаритовъ.

Ужинайте, коли хотите, я ужинать не буду. Людмилочка, я нынче долго просижу; ты спи, меня не дожидайся. *(Ходитъ по комнатѣ.)*

Людмила.

Я сама хочу нынче посидѣть подольше, поработать. *(Шабловой.)* Вы сейчасъ будете ужинать, никого ждать не будете?

Шаблова.

Да надо бы подождать.

Людмила.

Ну, такъ я съ вами посижу.

Доримедонтъ.

Нѣтъ ли ужъ дѣльца и мнѣ, Герасимъ Порфирьичъ, за компанію?

Маргаритовъ.

Погоди, будетъ и тебѣ дѣло. Людмила, у меня дѣла, опять дѣла. Фортуна улыбается; повезло, повалило счастье, повалило.

Людмила.

Какъ я рада за тебя, папа!

Маргаритовъ.

За меня? Мнѣ ужъ, Людмила, ничего не нужно; я для тебя живу, дитя мое, для одной тебя.

Людмила.

А я для тебя, папа.

Маргаритовъ.

Полно! Богъ дастъ, будетъ у насъ довольство; въ нашемъ ремеслѣ, коли посчастливится, скоро богатѣютъ — вотъ поживешь и для себя, да какъ поживешь-то!

Людмила.

Я не умѣю жить для себя; въ томъ только и счастье, когда живешь для другихъ.

Маргаритовъ.

Не говори такъ, дитя мое, не принижай себя; ты меня огорчаешь Я знаю свою вину: я загубилъ твою молодость; ну, вотъ я же и поправить хочу свою вину. Не обижай отца, не отказывайся напередъ отъ счастья, котораго онъ тебѣ желаетъ. Ну, прощай! *(Цѣлуетъ Людмилу въ голову.)* Ангелъ-хранитель надъ тобой!

Людмила.

И надъ тобой, папа. *(Маргаритовъ уходитъ въ свою комнату.)*

Шаблова.

Вотъ чтò видѣть-то пріятно, а у меня сынки...

Доримедонтъ.

Маменька, я-то? Развѣ я васъ не покою, развѣ я для дому не радѣтель?

Шаблова.

Такъ-то такъ, да ждать-то отъ тебя много нечего. А вотъ братъ и съ умомъ, да... ужъ и не говорить лучше! Замучилъ мать! Майся съ нимъ, точно съ калѣчищемъ какимъ! *(Прислушивается.)* Ну, стучатся, не долго дожидались. Пойти, велѣть пустить, да ворота запереть. *(Уходитъ. Людмила подходитъ къ окну.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Людмила *и* Доримедонтъ.

Доримедонтъ *(про-себя).*

Не теперь ли начать? *(Людмилѣ.)* Людмила Герасимовна, вы какъ о братѣ понимаете?

Людмила.

Я его не знаю совсѣмъ.

Доримедонтъ.

Однако, по его поступкамъ?

Людмила.

По какимъ?

Доримедонтъ.

Противъ маменьки.

Людмила.

Чтò же онъ противъ нея сдѣлалъ?

Доримедонтъ.

А въ трактирѣ сидитъ.

Людмила.

Можетъ быть, ему тамъ весело.

Доримедонтъ.

Мало чтò весело! Этакъ бы и я пошелъ.

Людмила.

Чтò-жъ вы нейдете?

Доримедонтъ.

Нѣтъ-съ, я не такихъ правилъ. Для меня дома лучше-съ.

Людмила.

Полноте! Чтò здѣсь хорошаго? Ну, ужъ про насъ нечего и говорить; а мужчинѣ-то, особенно молодому...

Доримедонтъ.

Да-съ, когда онъ не чувствуетъ.

Людмила.

А вы чтò же чувствуете?

Доримедонтъ.

Да я-то-съ, да я-съ... *(Входитъ Шаблова съ запиской въ рукахъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Людмила, Доримедонтъ *и* Шаблова.

Доримедонтъ *(про-себя)*.

Помѣшали! *(Шаблова утираетъ слезы.)*

Людмила.

Чтò съ вами?

Шаблова.

Да вотъ чадо-то мое...

Людмила *(съ испугомъ)*.

Чтò такое?

Шаблова *(подавая записку)*.

Вотъ прислалъ съ мальчикомъ изъ трактира.

Людмила.

Можно прочесть?

Шаблова.

Прочитайте!

Людмила *(читаетъ)*.

„Маменька, не ждите меня, я заигрался. Со мной непріятный случай — я проигрываю; я связался играть съ игрокомъ, который гораздо сильнѣе меня. Онъ, какъ кажется, порядочный человѣкъ, ему нужно отдать деньги, а у меня денегъ нѣтъ; поэтому я не могу прекратить игры и все больше затягиваюсь. Если хотите спасти меня отъ стыда и оскорбле-

ній, пришлите мнѣ съ посланнымъ тридцать рублей. Кабы вы знали, какъ я страдаю изъ-за такой ничтожной суммы!"

Шаблова.

Скажите, пожалуйста, „ничтожной!" Выработай-ка, поди!

Людмила.

„Я, для скорости, послалъ мальчика на извозчикѣ; я жду и считаю минуты... Если у васъ нѣтъ, найдите гдѣ-нибудь, займите! Не жалѣйте денегъ, пожалѣйте меня! Не губите меня изъ копеечныхъ расчетовъ! Или деньги, или вы меня не увидите больше. Деньги пришлите въ запечатанномъ конвертѣ. Любящій васъ сынъ Николай".

Шаблова.

Хороша любовь, нечего сказать!

Людмила.

Что̀ же вы хотите дѣлать?

Шаблова.

Что̀ дѣлать? Гдѣ же я возьму? У меня всего десять рублей, да и то на провизію отложены.

Людмила.

А, вѣдь, надо послать.

Шаблова.

Проигралъ, видите ли! А кто его заставлялъ играть? Сидѣлъ бы дома, такъ дѣло-то лучше.

Людмила.

Объ этомъ ужъ теперь поздно разговаривать.

Шаблова.

Диви бы въ самомъ дѣлѣ нужда! А то проигралъ, крайность-то небольшая.

Людмила.

Нѣтъ, большая. Вы слышали, что̀ онъ пишетъ: „вы меня больше не увидите".

Шаблова.

Ну, такъ, батюшки мои, не разорваться-жъ мнѣ изъ-за него. Тиранъ, мучитель! Вотъ наказанье-то! А за что̀, за что̀? Я-ль его не любила...

Людмила.

Позвольте! Къ чему эти разговоры? Только время проходитъ, а онъ тамъ ждетъ, страдаетъ, бѣдный.

Шаблова.

Страдаетъ онъ, варваръ этакій! Бери, Дормедоша, бумагу, напиши ему: съ чего ты, молъ, выдумалъ, чтобъ маменька тебѣ деньги прислала? Ты бы самъ долженъ въ домъ нести, а не изъ дому тащить послѣднее.

Людмила.

Постойте! Такъ нельзя, это безчеловѣчно! Дайте мнѣ конвертъ! Надпишите только. *(Достаетъ изъ портмоне пятидесятирублевую ассигнацію. Доримедонтъ надписываетъ конвертъ.)*

Шаблова.

Чтò вы, что вы! Пятьдесятъ рублей!

Людмила.

Теперь мѣнять негдѣ, да и некогда.

Шаблова.

Да еще не послѣдніе ли у васъ?

Людмила.

Это именно такой случай, когда посылаютъ послѣдніе. *(Беретъ конвертъ у Доримедонта, кладетъ деньги и запечатываетъ.)*

Шаблова.

Вѣдь, онъ сдачи-то не принесетъ; теперь сколько же за эти деньги вамъ заживать у меня придется?

Людмила.

Нисколько, вы свое получите. Эти деньги я не вамъ даю, съ нимъ считаться и буду.

Шаблова.

Да ангелъ вы небесный! Ахъ ты, Боже мой! Гдѣ-жъ такія родятся. Ну, ужъ я бы...

Людмила.

Несите, несите! Онъ, вѣдь, ждетъ, считаетъ минуты.

Шаблова.

Дормедоша, иди ужинать, пожалуйте и вы; я сейчасъ...

Людмила.

Я не буду.

Шаблова.

Дормедоша, иди! Есть же, вѣдь, на свѣтѣ такіе добродѣтельные люди. *(Уходитъ.)*

Доримедонтъ *(про-себя).*

Вотъ теперь, должно быть, въ самый разъ... *(Людмилѣ.)* Какъ вы къ нашему семейству-то...

Людмила *(задумчиво).*

Что̀ вы?

Доримедонтъ.

Какое, говорю, расположеніе...

Людмила.

Да, да.

Доримедонтъ.

Конечно, не всякій... *(Шаблова за сценой: „Иди, что ли, я жду!“)* Постойте, маменька. Конечно, я говорю, не всякій можетъ чувствовать...

Людмила *(въ задумчивости).*

Я не понимаю.

Доримедонтъ.

Вы вотъ для брата, а чувствую я. Развѣ онъ можетъ...

Людмила *(подавая руку).*

Покойной ночи! *(Уходитъ. Шаблова за сценой: „Да иди! Долго-ль ждать-то?“)*

Доримедонтъ.

Эхъ, маменька! Тутъ, можетъ, вся моя судьба, а вы мѣшаете! *(Оглядывается.)* Вотъ ушла. Ну, въ другой разъ; кажется, дѣло-то на ладъ идетъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Маргаритовъ.
Людмила.
Шаблова.
Николай Андреичъ Шабловъ, старшій сынъ Шабловой.
Доримедонтъ.
Варвара Харитоновна Лебедкина, вдова.

Декорація та же.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Николай *сидитъ у стола и спитъ, положивъ голову на руки.* Маргаритовъ *и* Людмила.

Людмила.

Прощай, папа!

Маргаритовъ.

Прощай, душа моя! *(Отдаетъ Людмилѣ ключи.)* Вотъ тебѣ ключи! Пойдешь изъ дому, такъ бери съ собой, не оставляй! У меня на столѣ документы, а я здѣсь никому не вѣрю. Здѣсь, Людмилочка, сторона голодная, народъ живетъ изо дня въ день, что̀ урветъ, тѣмъ и сытъ. Утопающій, говорятъ, хватается за соломинку; ну, а голодающій за то, что̀ плохо лежитъ. Здѣсь все украдутъ и все продадутъ, а ловкіе люди этимъ пользуются. Нужно подкупить человѣка на подлогъ, на преступленіе, нужно купить дѣвичью честь — иди сюда, купишь, и недорого купишь. Когда ты увидишь, что сюда зайдетъ или заѣдетъ человѣкъ богатый, хорошо одѣтый, такъ знай, что онъ не за добрымъ дѣломъ зашелъ — онъ ищетъ продажной чести или совѣсти.

Людмила.

А вчера къ тебѣ купецъ пріѣзжалъ богатый.

Маргаритовъ.

Такъ, вѣдь, это чудо. Я сначала-то подумалъ, что либо ему фальшивое духовное завѣщаніе нужно, либо ограбить

кредиторовъ сбирается, такъ за добрымъ совѣтомъ пріѣхалъ. Ко мнѣ являлись такіе-то господа, не мало я ихъ гонялъ отъ себя. А живи я въ центрѣ Москвы, развѣ бы смѣли показаться съ такими предложеніями? Помни еще, Людмила, что рядомъ съ нуждой всегда живетъ порокъ — это страшнѣе. Нуждѣ многое можно простить, ее и законъ не такъ строго судитъ; а когда твое трудовое украдутъ, чтобы пропить съ свистомъ, съ гамомъ, промотать въ буйной компаніи — вотъ когда обидно. Вонъ, гляди! *(Указываетъ на Николая.)* Ему нужны деньги, очень нужны — пропить въ погребкѣ, проиграть на бильярдѣ въ трактирѣ.

Людмила *(съ испугомъ).*

Папа, онъ услышитъ!

Маргаритовъ.

Пусть слышитъ, я правду говорю. Бѣжать бы намъ изъ этого дома, а куда? Дешевыя квартиры всѣ такія: либо за перегородкой мастеровые, которые ужъ совсѣмъ никогда не говорятъ по-человѣчески, а только ругаются съ утра до ночи, либо у хозяйки мужъ или сынъ пьяницы. И ты, ангельская душа, должна жить подъ одной крышей съ такимъ господиномъ! Только видѣть-то его для порядочной дѣвушки ужъ есть оскорбленіе.

Людмила *(съ укоромъ).*

Папаша, потише!

Маргаритовъ.

Что̀ за церемоніи съ этимъ народомъ! Какъ его не бояться? Онъ въ недѣлю гроша не выработаетъ, а каждый-то вечеръ сидѣть въ какомъ-нибудь Кёнигсбергѣ или Адріанополѣ, нужны средства. Береги пуще всего документы, да и деньги запирай крѣпче! Кстати о деньгахъ; дай-ка ты мнѣ на расходы!

Людмила.

У меня нѣтъ денегъ.

Маргаритовъ.

Куда-жъ ты ихъ дѣла?

Людмила.

Истратила. *(Маргаритовъ пристально смотритъ на нее.)* Что̀ ты такъ смотришь на меня? Что̀ за инквизиція, папа? Если хочешь, я тебѣ скажу, куда...

Маргаритовъ *(прерывая ее)*.

Нѣтъ, нѣтъ, не надо... я знаю. Я что въ глазахъ-то твоихъ ищу? Для себя ли ты истратила, бѣдненькая, на свои нужды, на свое необходимое, или опять на баловство для меня, негоднаго старика. Вижу теперь, вижу, ждать буду, Людмила, ждать... не умѣла ты скрыть. А денегъ я у купца возьму, не безпокойся. Прощай! *(Уходитъ.)*

Людмила *(у двери передней)*.

Прощай, папа! *(Подходитъ къ столу и смотритъ съ нѣжностью на Николая.)* Милый мой, милый! Какъ ему неудобно, бѣдному! Дождусь ли я, мой милый, когда ты успокоишь свою умную, красивую голову на моихъ рукахъ? Какое бы это счастье было для меня? *(Молча смотритъ на Николая. Входитъ Шаблова.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Людмила, Шаблова *и* Николай.

Шаблова.

Да, вотъ полюбуйтесь! Каково матери-то смотрѣть! Ахъ, безпутная голова!

Николай *(просыпаясь)*.

А? Что? Знакомый голосъ. Здравствуйте, маменька! Я вашъ голосъ, маменька, особенно когда вы бранитесь, изъ тысячи узнаю.

Шаблова.

Ахъ, ты непутёвый! Съ чего ты это выдумалъ къ матери за деньгами присылать? Какія у матери деньги? Да дивн бы на дѣло, а то...

Николай.

Ну, что-жъ за бѣда такая? Знаете пословицу: „проигралъ — не укралъ; денегъ нѣтъ, такъ самъ дома“. Покорно васъ благодарю! Вотъ одолжили. *(Хочетъ обнять мать.)*

Шаблова.

И не подходи!

Николай.

Ну, какъ угодно *(Садится у стола и подпираетъ голову рукою.)*

Шаблова.

Долго это будетъ продолжаться? Скажи ты на милость!

Николай.

Что: „это“?

Шаблова.

Гульба твоя.

Николай.

А, право, не знаю. До перваго дѣла, я думаю.

Шаблова.

Не отговаривайся! Чтò Бога-то гнѣвить! Были у тебя дѣла, и теперь есть.

Николай.

Нѣтъ, это не дѣла.

Шаблова.

А чтò-жъ такое, по-твоему?

Николай.

Дѣлишки.

Шаблова.

Ну, вотъ извольте съ нимъ разговаривать, когда онъ никакихъ резоновъ не принимаетъ. Деньги-то всѣ ухнулъ? Много-ль домой-то принесъ? Мнѣ кормить васъ нужно.

Людмила.

Объ этомъ говорить не нужно. Я прошу васъ.

Шаблова.

Ну, пожалуй, ну, какъ вамъ угодно. А, вѣдь, жалко, мы не милліонщики, по стольку-то за разъ проматывать. Батюшки, чтò-то въ кухнѣ зашипѣло! Бѣжать скорѣй! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Людмила *и* Николай.

Николай.

Позвольте мнѣ полюбопытствовать, съ какой стати вы помѣшали маменькѣ говорить о деньгахъ, и какимъ это чудомъ она васъ послушалась?

Людмила.

Я просила ее просто изъ деликатности. Ей нужно было говорить не о деньгахъ.

Николай.

А о чемъ же?

Людмила.

Ей нужно было пожалѣть васъ самихъ, а не ..

Николай.

То-есть, какъ пожалѣть?

Людмила.

Пожалѣть, что вы тратите свое здоровье, и просить васъ беречь его.

Николай.

А вы бы стали ей поддакивать, конечно?

Людмила.

Да, и я бы стала... умолять васъ о томъ же.

Николай.

Умолять? Это слишкомъ много чести для меня.

Людмила.

И я бы стала умолять васъ оставить дурное общество, не тратить даромъ своихъ способностей.

Николай.

И прочее, и прочее... Знаю... Вы ведете себя, какъ и слѣдуетъ чувствительной барышнѣ; чувствительныя сердца всегда мѣшаются не въ свое дѣло и лѣзутъ туда съ совѣтами, гдѣ ихъ не спрашиваютъ. Но маменька...

Людмила.

Деньги можно пріобрѣсти, но разстроенное здоровье...

Николай.

Невозвратимо. Безподобно. Но маменька... Она чувствительностью не отличается, дѣликатностью также; для нея дороже всего деньги; для нея нѣтъ выше преступленія, какъ истратить лишнія деньги, и она замолчала. Я ждалъ бури и ужъ заранѣе запасся терпѣніемъ на двои сутки; и вдругъ, вмѣсто обычной рацеи: „мотъ, пьяница, растащилъ домъ“ —

я слышу мораль отъ постороннихъ, которымъ до меня дѣла нѣтъ. Чудеса какія-то!

Людмила.

Извините!

Николай.

Нѣтъ, ничего. Разговаривайте, если вамъ это доставляетъ удовольствіе.

Людмила.

Для меня всегда большое удовольствіе говорить съ вами

Николай.

То-есть, поучать меня.

Людмила.

О, нѣтъ!

Николай.

Отчего-жъ и не поучить! Это такъ дешево стóитъ.

Людмила.

Не будьте несправедливы, не обижайте меня! Я не обиды заслуживаю отъ васъ

Николай.

А благодарности? Разумѣется, какъ же мнѣ не благодарить васъ! Вы учите меня, не имѣя на то никакого права; вы считаете меня дуракомъ, потому что сообщаете мнѣ за новостѣ такія истины, какія всякій десятилѣтній мальчикъ знаетъ.

Людмила.

Не то, Николай Андреичъ, не то. Я только прошу васъ... все это такъ просто...

Николай.

Прóсите? Зачѣмъ? Вы не знаете ни моей жизни, ни моего характера, ни положенія, въ которомъ я нахожусь... Маменька простая женщина, а и та поступила лучше: она знала, что мнѣ деньги нужны, а не совѣты, и прислала мнѣ денегъ.

Людмила.

Я вамъ прислала денегъ, а не маменька.

Николай.

Вы?

Людмила.

Я не хотѣла сказывать; но вы сами меня заставили.

Николай.

Вы прислали деньги? Чтò такое? Зачѣмъ вы это сдѣлали? Кто васъ просилъ? Маменька? Она заняла у васъ, она обѣщала вамъ отдать?

Людмила.

Нѣтъ.

Николай.

Какъ же это случилось?

Людмила.

Я прочитала ваше письмо, я живо представила ваше положеніе; тутъ некогда было думать, нужно было торопиться.

Николай *(съ чувствомъ беретъ ее за руку).*

Благодарю васъ. Разумѣется, я вамъ эти деньги отдамъ при первой возможности; но позвольте вамъ замѣтить: вы поступили неосторожно.

Людмила.

Можетъ быть.

Николай.

Вы меня не знаете, я могу не заплатить вамъ; а вы не такъ богаты, чтобы бросать по пятидесяти рублей.

Людмила.

Я объ этомъ не думала; я думала только о томъ, что вамъ необходимо нужны деньги.

Николай.

Позвольте вамъ удивляться.

Людмила.

Чему тутъ удивляться, Николай Андреичъ? Мы живемъ въ одномъ домѣ; я почти никого, кромѣ васъ, не вижу... вы имѣете столько достоинствъ...

Николай.

Боже мой! *(Закрываетъ лицо руками.)* Вы меня любите?

Людмила.

Удивительно было бы, если-бъ я не полюбила васъ.

Николай.

Зачѣмъ это, зачѣмъ? По крайней мѣрѣ, я себя не виню; я, кажется, не подавалъ вамъ никакого повода.

Людмила.

Нѣтъ, подали. Помните, съ мѣсяцъ тому назадъ, вотъ здѣсь, у этого окна, вы поцѣловали мою руку и сказали, что вы бы умерли отъ счастья, если-бъ васъ полюбила такая женщина, какъ я.

Николай.

Да, вѣдь, это фразы, это та же шутка

Людмила.

А зачѣмъ вы тогда же не сказали, что шутите? Вы бы спасли меня отъ страданий. А слезы на глазахъ? Вѣдь, если слезы не правда, такъ притворство, обманъ, а ужъ не шутка. Какое надобно имѣть сердце, чтобъ шутить надъ такой дѣвушкой, какъ я!

Николай.

Боже мой! Простите! Нѣтъ, я не шутилъ, я...

Людмила.

Я прожила свою молодость безъ любви, съ одной только потребностью любить; я веду себя скромно, никому не навязываюсь; я, можетъ быть, съ болью сердца отказалась даже отъ мечты быть любимой. А, вѣдь, я женщина, любовь для меня все, любовь мое право. Развѣ легко побороть себя, побороть свою природу? Но представьте себѣ, что я поборола себя и была покойна и счастлива по-своему. Развѣ честно опять будить мои чувства? Вашъ только одинъ намекъ на любовь опять поднялъ въ душѣ моей и мечты, и надежды, разбудилъ и жажду любви, и готовность самопожертвованія... Вѣдь, это поздняя, быть можетъ, послѣдняя любовь; вы знаете, на чтò она способна... а вы шутите надъ ней.

Николай.

Нѣтъ. Вы, дѣйствительно, заслуживаете и уваженія, и любви всякаго порядочнаго человѣка; но, вѣдь, я способенъ погубить васъ, загубить вашу жизнь.

Людмила.

А на чтò мнѣ она? Губите! Я буду и тѣмъ довольна, если сумѣю чѣмъ-нибудь вашу жизнь усладить, утѣшить васъ.

Николай.

Только усладить, утѣшить и за это губить себя! Вы слишкомъ мало себя цѣните.

Людмила.

Разумѣется, мечты мои другія. Моя мечта — видѣть васъ покойнымъ, счастливымъ, и для этого я готова на всякія жертвы, рѣшительно на всякія.

Николай.

Ангелъ мой, Людмила Герасимовна, за прежнее простите меня! А на этотъ разъ я поступлю съ вами честно — я васъ разочарую. Ваши мечты такъ мечтами и останутся; спасти меня невозможно, у васъ нѣтъ средствъ для этого: я затянулся очень глубоко. Вы только себя погубите, и потому лучше посторонитесь съ моей дороги. Ни спокойнаго счастья, ни такой женщины, какъ вы, я не стою и желать не умѣю; мнѣ нужно другое.

Людмила.

Чтò же другое?

Николай.

Стыдно вамъ сказать.

Людмила.

Если стыдно сказать, такъ, значитъ, стыдно и желать, и дѣлать.

Николай.

Да, вы правы. Но либо я рожденъ съ дурными наклонностями, либо еще не перебѣсился. Ахъ, какъ я усталъ, какъ я изломанъ!

Людмила.

Отдохните.

Николай *(садясь у стола)*.

Да, надо отдохнуть немножко, денька два дома посидѣть.

Людмила.

Какъ я рада!

Николай.

Какая вы добрая! Охъ, не красива моя жизнь, Людмила Герасимовна, а впереди еще некрасивѣе.

Людмила *(подходя къ нему)*.

По крайней мѣрѣ, не обѣгайте меня, когда вамъ нужно будетъ утѣшеніе или участіе.

Николай *(подавая ей руку).*

Благодарю вас, благодарю.

Людмила *(замѣтивъ у Николая револьверъ въ карманѣ, беретъ его).*

А это вотъ отдайте мнѣ.

Николай.

Осторожнѣе: онъ заряженъ.

Людмила.

Зачѣмъ онъ у васъ?

Николай.

Я его купилъ дешево, мимоходомъ, у носящаго, на глаза подвернулся. Деньги оставались, думалъ, все равно — промотаю, а это вещь полезная, можетъ быть, и пригодится.

Людмила.

Я его запру у себя; когда вамъ понадобится, вы мнѣ скажите.

Николай *(съ улыбкой).*

Пожалуй, заприте. Въ самомъ дѣлѣ, уберите лучше, а то глядишь, глядишь на него, да и пожалуй...

Людмила.

О какихъ страшныхъ вещахъ вы говорите такъ равнодушно.

Николай *(смѣясь).*

Вотъ толковъ-то надѣлаю. Не влюбленъ ли безнадежно, казенныя деньги не затратилъ ли? Какъ-будто нѣтъ причинъ проще...

Людмила.

Какія же?

Николай.

Жить незачѣмъ. Какъ хочется жить, такъ нельзя; а какъ можно, такъ не хочется. Да, уберите лучше... Скверно жить, Людмила Герасимовна.

Людмила.

Перестаньте, не мучьте меня. За мою откровенность будьте и вы со мной откровенны.

Николай.

Это чего-жъ вы хотите? Чтобъ я разсказалъ вамъ всю гадость моего положенія? Пожалуй, только не теперь, я усталъ очень.

Людмила.

И мнѣ нужно итти со двора; а вотъ ужо, въ сумеречкахъ... Обѣщаете? Вы дома будете?

Николай.

Дома.

Людмила.

Ну, до свиданія. *(Заходитъ въ свою комнату, оставляетъ тамъ револьверъ, надѣваетъ бурнусъ и платокъ, потомъ запираетъ свою дверь и уходитъ.)*

Николай.

Вотъ некстати. Не въ такомъ я теперь расположеніи, чтобъ въ эти сентиментальности путаться. А, впрочемъ, что-жъ, помѣха небольшая. Все таки, какъ-то теплѣе, когда тебя кто-нибудь любитъ. *(Изъ передней выбѣгаетъ Доримедонтъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Николай, Доримедонтъ, *потомъ* Шаблова.

Доримедонтъ.

Маменька, маменька, Варвара Харитоновна пріѣхала! *(Шаблова входитъ.)*

Шаблова.

Выдумывай еще! Въ нашъ-то курятникъ, да такая дама поѣдетъ. Не умѣетъ она прислать-то? И лакея пошлетъ, такъ мать-то собачьей рысью къ ней побѣжитъ: а то очень нужно ей самой ѣхать.

Доримедонтъ.

Да, вѣдь, я не знаю-съ; кому-жъ быть-то, какъ не ей? Посмотрите!

Шаблова *(взглянувъ въ окно)*.

Что за чудо? И то, вѣдь, она. Видно, дѣло какое спѣшное!

Николай.

Маменька, коли меня спросить, скажите, что дома нѣтъ! *(Уходитъ.)*

Шаблова.

Ахъ ты, алистократъ. Видно, дѣло-то не тяга, видно, у нея получше тебя есть. Бѣжать, встрѣтить! *(Выходитъ въ переднюю и возвращается съ Лебедкиной.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Шаблова, Лебедкина *и* Доримедонтъ.

Шаблова.

Какими судьбами, матушка, благодѣтельница? Кому молиться-то прикажешь?

Лебедкина.

Это кто у тебя?

Шаблова.

Сынокъ, матушка.

Лебедкина *(Доримедонту)*.

Вы тоже адвокатъ?

Доримедонтъ.

Нѣтъ-съ, я такъ.

Шаблова.

Гдѣ-жъ ему! Онъ по домашней части. *(Доримедонту.)* И чтò ты тутъ толчешься? *(Доримедонтъ уходитъ.)*

Лебедкина.

Душа моя, Фелицата Антоновна, поскорѣй!

Шаблова.

Да чтò поскорѣй-то? Чаю прикажете?

Лебедкина.

Ну вотъ, чай! Ты мнѣ карточки.

Шаблова.

Мигомъ, матушка. Карты всегда при мнѣ. Какъ солдатъ съ ружьемъ, такъ и я съ ними. *(Достаетъ колоду изъ кармана.)* По какой части? По амурной, чтò ли?

Лебедкина.

Да, да, поскорѣй!

Шаблова.

Трефоваго короля-то класть, все того же?

Лебедкина.

Да, все того же трефоваго; только выколи ему булавкой глаза!

Шаблова *(колетъ булавкой короля)*.

Вотъ тебѣ, обидчику! *(Раскладываетъ карты.)* Матушка, вантажъ.

Лебедкина.

Да какой отъ него авантажъ? Другую недѣлю глазъ не кажетъ; измучилась, не утерпѣла, къ тебѣ бросилась.

Шаблова *(разсматривая карты)*.

Придетъ.

Лебедкина.

Да ты погляди хорошенько! Займись этимъ дѣломъ, займись! Вотъ это какая дама-то? При чемъ она тутъ? Вотъ за нее-то ему глаза и выколоть.

Шаблова.

Не грѣши! Она въ сторонѣ. Видишь, онъ отъ нея отвернулся.

Лебедкина.

Да вѣрно ли?

Шаблова.

Гляди сама, коль не вѣришь! Чтò меня обижаешь? Я-ль тебѣ не угадывала? Какъ бывало скажу: „жди!“, ну, такъ и есть, къ вечеру и тутъ какъ тутъ, ты и съ радостью.

Лебедкина *(смѣшивая карты)*.

Ну, вѣрю. Разложи-ка еще! Я было и забыла совсѣмъ.

Шаблова.

Теперь на даму?

Лебедкина.

На меня.

Шаблова *(раскладывая)*.

Дѣло, чтò ли, какое?

Лебедкина.

Да ты гляди!

Шаблова.

Вижу, дѣло денежное.

Лебедкина.

Ты смотри хорошенько, платить мнѣ или нѣтъ.

Шаблова *(разсматривая карты)*.

Пожалуй, что и заплатишь; по видимости, такъ выходитъ.

Лебедкина.

Ахъ, не хочется! Время-то къ зимѣ; какіе у меня зимой расходы, сама знаешь. Оперы, вечера, новости изъ-за границы получать скоро, однѣ перчатки разорятъ.

Шаблова.

Ну, да ужъ чтò говорить!

Лебедкина.

Ахъ, не хочется платить. Къ зимѣ добрые люди занимаютъ, а ты плати. Очень весело платить. Мнѣ самой деньги нужны. Вотъ шляпка! Чтò въ ней особеннаго? А съ меня за нее взяли, что и не выговоришь. Хороша?

Шаблова.

Хорошему все хорошо, а на волка хоть и лучше надѣнь, все волкъ будетъ. Да ты должна, чтò ли?

Лебедкина.

Разумѣется, должна. Когда же я не должна бываю?

Шаблова.

Кому?

Лебедкина.

Купцу Дороднову. Я у дяди его занимала-то, а ему по наслѣдству досталось. Тотъ былъ человѣкъ учтивый, подождалъ бы, а этотъ мужикъ сѣрый.

Шаблова.

Льготы не дастъ?

Лебедкина.

Срокъ вышелъ, такъ я заѣзжала къ нему сегодня утромъ, чтобъ переписать документъ. Вы, говоритъ, мнѣ, сударыня, ничего не должны; я ваше заемное письмо передалъ стряпчему Маргаритову, съ нимъ и извольте считаться. Видимое дѣло, что взыскать хочетъ.

Шаблова.

Маргаритову? Такъ, вѣдь, онъ у меня живетъ, въ этихъ комнатахъ.

Лебедкина.

Каковъ онъ?

Шаблова.

Ефіопъ.

Лебедкина.

Не уступитъ?

Шаблова.

Ни зерна маковаго.

Лебедкина.

А чтобъ ему на сдѣлочку пойти; вѣдь, не свои деньги. Взялъ бы съ меня половину, а я бы ему за это тысячу рублей дала.

Шаблова.

И заикнуться не дастъ. Честность-то ужъ больно некстати одолѣла его. А велика ли половина?

Лебедкина.

Шесть тысячъ.

Шаблова.

Ишь ты! Кажется, кабы руки подошли, украла бы документъ для тебя.

Лебедкина.

Укради, голубушка! Смерть не хочется платить!

Шаблова.

Украдешь у него! Онъ за семь замковъ запираетъ. Вотъ тутъ и живетъ. Еще дочка у него барышня тонкая; но при всемъ томъ, кажется, съ Николаемъ амуричаетъ.

Лебедкина.

Да ты говори прямо! Любовница, что̀-ль, она его?

Шаблова.

Нѣтъ, матушка, что̀ ты! Дѣвушка она скромная. А что влюблена, какъ кошка, такъ это ужъ правда.

Лебедкина.

Ну, и то хорошо. Мнѣ отличная мысль въ голову пришла. Пожалуй, мое дѣло и поправится. А онъ дома?

Шаблова.

Не велѣлъ было сказывать.

Лебедкина.

Занятъ?

Шаблова.

Какое занятіе! Прогулялъ всю ночь, отдыхаетъ.

Лебедкина.

Не нуждается ли въ деньгахъ? Я бы съ удовольствіемъ. Нельзя ли его видѣть?

Шаблова.

Чего у меня для тебя нельзя? Все можно. *(У двери.)* Николя, поди сюда! Толкуйте, а я мѣшать не буду. *(Николай входитъ; Шаблова уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лебедкина *и* Николай.

Николай *(кланяясь)*.

Чему обязанъ счастіемъ?...

Лебедкина.

Ужъ скажите лучше: блаженствомъ.

Николай *(сухо)*.

Что̀ прикажете?

Лебедкина.

Ничего не прикажу. Хотите кататься?

Николай.

Что̀ такое? Не понимаю.

Лебедкина.

Очень просто, я хочу прокатиться и приглашаю васъ съ собой!

Николай.

И вы не нашли никого, кромѣ меня? Кажется, у васъ въ провожатыхъ недостатка нѣтъ.

Лебедкина.

Ну, положимъ, что это мой капризъ.

Николай.

Нынче у васъ капризъ — приласкать человѣка, завтра капризъ — оттолкнуть, чуть не прогнать его. Какъ хотите, а уважая себя и желая себѣ спокойствія, при всей...

Лебедкина.

Договоривайте! Я позволяю.

Николай.

При всей любви къ вамъ, стараешься быть подальше отъ вашихъ капризовъ.

Лебедкина.

Вы не знаете женщинъ. Ихъ капризами нужно умѣть пользоваться; женщина изъ каприза способна на многое.

Николай.

Я не Донъ-Жуанъ.

Лебедкина.

Не все Донъ-Жуаны, иногда нравятся и мечтатели, идеалисты. *(Помолчавъ.)* Говорятъ, въ Стрѣльнѣ зимній садъ хорошъ.

Николай.

Да, говорятъ.

Лебедкина.

Вотъ бы съѣздить.

Николай.

Что̀-жъ, поѣзжайте!

Лебедкина.

Да, вѣдь, Стрѣльна, все-таки, трактиръ, одной ѣхать неприлично.

Николай.

А вдвоемъ съ молодымъ мужчиной?

Лебедкина.

Тоже неприлично. Но я изъ двухъ золъ всегда выбираю то, которое пріятнѣе. Посидѣть подъ пальмой... и пообѣдать можно. Чего вы боитесь? Я васъ не задержу, я васъ обратно домой привезу, я заѣду оттуда къ вамъ чай пить. Ну, будьте полюбезнѣе!

Николай.

Пожалуй!

Лебедкина.

Ахъ, милый другъ мой, какъ иногда бываетъ скучно жить на свѣтѣ!

Николай.

Ну, вамъ еще можно жить, а мнѣ вотъ...

Лебедкина.

Развѣ и вы тоже несчастны? Бѣдненькій. А бѣжите отъ женщины. Да кто же можетъ такъ утѣшить, какъ женщина? Дайте мнѣ вашу руку!

Николай *(подавая руку).*

Объ чемъ же вы плачете?

Лебедкина.

Ахъ, мой милый другъ, какъ тяжело жить женщинѣ безъ опоры, безъ руководителя! Вы не знаете. Я очень несчастна.

Николай.

Видно, мнѣ придется васъ утѣшать, а не вамъ меня.

Лебедкина.

О, нѣтъ! Это у меня на одну минуту; я сейчасъ опять развеселюсь. *(Подходитъ къ двери и громко.)* Прощайте! *(Выходятъ Шаблова и Доримедонтъ и помогаютъ Лебедкиной одѣваться.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Лебедкина, Николай, Шаблова, Доримедонтъ, *потомъ* Людмила.

Лебедкина *(Шабловой).*

Я твоего сына беру съ собой.

Шаблова.

Да возьмите, благо вамъ удовольствіе. Чего онъ дома-то не видалъ?

Лебедкина.

Мы въ паркъ ѣдемъ.

Шаблова.

Разгуляйтесь! Неужто-жъ на мѣстѣ сидѣть? Еще мысли въ голову полѣзутъ. А что за охота думать-то; намъ не книги сочинять. Отъ думы то вредъ бываетъ.

Лебедкина *(Николаю).*

Ну, идемте! *(Поетъ изъ „Периколы“:)* Я готова, я готова! *(Николай беретъ шляпу, повязываетъ на шею кашне. Входитъ Людмила и, не раздѣваясь, останавливается у своей двери.)* Поживѣй, поживѣй, мой милый кавалеръ! *(Шабловой.)* Прощай, душа моя! Жди, мы вернемся къ тебѣ чай пить.

Шаблова.

Милости прошу. *(Уходятъ Лебедкина, Николай, Шаблова и Доримедонтъ.)*

Людмила.

Отецъ говоритъ, что богатые люди въ наше захолустье за добромъ не ѣздятъ. У меня что-то не покойно сердце; мнѣ кажется, что это посѣщеніе не къ добру. *(Раздѣвается и подходитъ къ окну. Доримедонтъ возвращается.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Людмила *и* Доримедонтъ.

Доримедонтъ *(про-себя).*

Вотъ случай-то! Вотъ когда въ самый разъ. Людмила Герасимовна, не прикажете ли чего папенькѣ сказать? Я иду; онъ мнѣ велѣлъ въ Окружный Судъ приходить.

Людмила.

Нѣтъ, ничего.

Доримедонтъ.

Людмила Герасимовна, видите?

Людмила.

Чтò?

Доримедонтъ *(указывая на окно).*

Братъ-то, точно баронъ какой развалился въ коляскѣ. Вотъ стыда-то у человѣка нѣтъ! Ему бы скрываться. Ухъ, покатили!...

Людмила *(садясь у стола).*

Зачѣмъ скрываться?

Доримедонтъ.

Отъ добрыхъ людей, ну и отъ кредиторовъ. Вѣдь, его на цугундеръ, Людмила Герасимовна.

Людмила.

Что, что?

Доримедонтъ.

Завтра въ яму опустятъ.

Людмила *(съ испугомъ)*.

Какъ? Въ какую яму?

Доримедонтъ.

Къ Воскресенскимъ воротамъ, за долги; безпремѣнно-съ ему сидѣть и долго сидѣть. Я самъ и исполнительный листъ видѣлъ, и кормовыя представлены; только маменькѣ не сказываю, что ее безпокоить! *(Людмила чуть не падаетъ; облокачивается на стулъ и поддерживаетъ голову руками.)* Да и по-дѣломъ ему! Конечно, по родству, жаль. Мы съ вами, Людмила Герасимовна, станемъ навѣщать его — все-таки, братъ. Калачиковъ ему будемъ носить. Такъ, вѣдь, Людмила Герасимовна? Ай, что такое? Маменька, Людмила Герасимовна умираетъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Шаблова.
Николай.
Доримедонтъ.
Людмила.
Лебедкина.

Декорація та же.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Людмила *сидитъ у окна*; Шаблова *стоитъ подлѣ нея.*

Шаблова.

Самоваръ-то весь выкипѣлъ. Ишь, закатились! Да и то сказать, что имъ торопиться-то! Сидятъ, прохлаждаются, ѣдятъ стерлядей, да шампанское пьютъ. Ужъ нечего сказать, Варвара Харитоновна пожить умѣетъ, со вкусомъ женщина. Ну,

а моему это на руку: замашки барскія, деньжонокъ нѣтъ; а съ ней-то и въ колąскѣ проѣдется, и сигару выкуритъ, развалясь — будто и въ самомъ дѣлѣ помѣщикъ. А вотъ и они катятъ.

Людмила.

Сдѣлайте одолженіе, Фелицата Антоновна, когда эта дама уѣдетъ, скажите мнѣ: мнѣ необходимо поговорить съ Николаемъ Андреичемъ. Отдохну, пойду, я такъ сегодня устала, много ходила. *(Уходитъ. Входятъ Лебедкина и Николай.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Шаблова, Лебедкина *и* Николай.

Шаблова *(помогая раздѣваться Лебедкиной).*

Ну, вотъ, матушка, Варвара Харитоновна, опять я васъ вижу. Эко счастье! Въ день по два раза. И самоваръ-то точно знаетъ, для кого поставленъ: такъ-то старается, надсѣлся, кипѣвши.

Лебедкина.

Пей сама, я пила ужъ.

Шаблова.

Да нельзя же! Хоть одну чашечку.

Лебедкина.

Погоди, Фелицата Антоновна, не мѣшай намъ; у насъ интересный разговоръ.

Шаблова.

Ну, какъ угодно. Можетъ, послѣ выпьешь, я подожду.

Николай.

Людмила Герасимовна дома?

Шаблова.

Дома; да ничего, она отдохнуть легла.

Николай *(Лебедкиной).*

Во всякомъ случаѣ, разговаривайте потише.

Лебедкина.

А я тебѣ на твоего сына жалуюсь: можетъ помочь мнѣ, а не хочетъ.

Шаблова.

Что это ты, въ самомъ дѣлѣ, Николай? Ты меня не стыди передъ благодѣтельницей! Важность-то надобно оставить. Мы для Варвары Харитоновны все должны... какъ рабы... не разбирая.

Николай.

Хорошо, маменька, хорошо!

Шаблова.

Да, кажись... да заставь она меня человѣка убить — убью для нея, право, а не то, что малость какую.

Лебедкина.

Полно, Фелицата Антоновна, я шучу.

Шаблова.

Да какія шутки! Нѣтъ, ужъ онъ такой зародился, ничего-то для дому. У насъ, матушка, у бѣдныхъ людей, кто въ домъ несетъ, тотъ и радѣтель.

Николай.

Прежде нужно честно добыть, да потомъ въ домъ и нести.

Шаблова.

Нѣтъ-то мнѣ ничего противнѣй этой твоей философіи. Когда твоей чести дождешься-то, а ѣсть-то всякій день хочется; такъ ужъ честно-ль, не честно-ль, а въ домъ тащить ты обязанъ.

Лебедкина.

Оставь насъ на минуту; намъ поговорить нужно. *(Шаблова уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Николай *и* Лебедкина.

Николай.

Ухъ, пообѣдали же мы!

Лебедкина.

А вы не засните!

Николай.

Не мудрено.

Лебедкина.

Ну, какъ же, какъ же, другъ мой? Говорите! Проспитесь!

Николай.

Вотъ вамъ мой совѣтъ: привозите деньги, завтра же привозите! Другого вамъ ничего не остается.

Лебедкина.

Хорошъ совѣтъ! покорно благодарю! Вдругъ столько отдать...

Николай.

Объ чемъ тутъ толковать? Сейчасъ деньги, сейчасъ; тогда только я своимъ вліяніемъ обѣщаю спасти васъ отъ уголовнаго суда. Вѣдь, вы сами говорили, что поручительство фальшивое.

Лебедкина.

Ну, что-жъ такое? Если бы я попросила, мужъ никогда бы мнѣ не отказалъ, значитъ, это все равно.

Николай.

Да, вѣдь, вы не просили? Вѣдь, подпись не его?

Лебедкина.

Какъ вы странно разсуждаете! Какъ же онъ могъ подписать, когда былъ въ параличѣ?

Николай.

А это подлогъ. Вѣдь, за это, знаете, что̀ бываетъ?

Лебедкина.

Ахъ, да не пугайте! Я знаю, что за это очень нехорошо.

Николай.

Такъ привозите деньги. Нѣтъ, такъ достаньте, займите за какіе бы то ни было проценты.

Лебедкина.

Ахъ, какъ не хочется...

Николай.

Да, вѣдь, вы должны. Вѣдь, вы подъ этотъ документъ брали деньги?

Лебедкина.

Вотъ мило, какіе резоны! Разумѣется, брала. Да, вѣдь, ужъ я тѣ деньги, которыя брала, истратила, а теперь должна отдавать свои. Поймите вы меня!

Николай.

Повѣрьте вы мнѣ, что я вамъ предлагаю самое лучшее, что только возможно.

Лебедкина.

Нѣтъ, вы меня не любите, оттого такъ и говорите. Это не самое лучшее. Я повѣрить не хочу, чтобы нельзя было уговорить стряпчаго обмануть этого Дороднова. Взялъ бы половину, а за хлопоты вы раздѣлите пополамъ.

Николай.

Какъ вы хотите, чтобъ я къ честному человѣку обратился съ такимъ предложеніемъ? Какъ онъ посмотритъ на меня? Что̀ онъ мнѣ скажетъ прямо въ глаза?

Лебедкина.

Ну, такъ сдѣлайте то, что̀ я вамъ говорила.

Николай.

Невозможно.

Лебедкина *(тихо)*.

Да, вѣдь, она васъ любитъ ужасно, вѣдь, вы сами говорили. Развѣ можно отказать въ чемъ-нибудь тому, кого любите? Я по себѣ сужу.

Николай.

Вѣдь, это чистое созданіе.

Лебедкина.

И прекрасно. Тѣмъ легче обмануть. Тогда половина ваша. Деньги хорошія, мой другъ, и не лишнія для васъ.

Николай.

Не искушайте меня деньгами! Я въ крайности, въ ужасной крайности; за себя поручиться нельзя, можетъ найти минута слабости, и упадешь такъ низко... Меня завтра повезутъ въ яму за долги, меня ожидаетъ срамъ, униженіе. Пожалѣйте меня, не искушайте!

Лебедкина.

Такъ спасайте себя отъ срама, вотъ вамъ средство.

Николай.

Есть и другое.

Лебедкина.

Это такъ легко.

Николай.

То еще легче... Я скорѣй себѣ пулю въ лобъ.

Лебедкина *(со слезами).*

Но что-жъ мнѣ дѣлать? У меня денегъ нѣтъ, достать мнѣ негдѣ, кто мнѣ повѣритъ? Я такъ много должна.

Николай.

Слезы не помогутъ, нужно дѣйствовать. У васъ есть вещи, брильянты?

Лебедкина *(со слезами).*

И даже очень много.

Николай.

Вотъ и прекрасно. Надо ихъ заложить въ Опекунскій Совѣтъ.

Лебедкина.

Да, въ Опекунскій Совѣтъ, только я не знаю, какъ это...

Николай.

Я вамъ помогу.

Лебедкина.

Покорно васъ благодарю, вы мой истинный другъ.

Николай.

Завтра пораньше поѣдемте вмѣстѣ.

Лебедкина.

Ну, вотъ видите, какъ все это прекрасно улаживается. *(Хохочетъ.)* Ха, ха, ха!

Николай.

Что съ вами? Чему вы смѣетесь?

Лебедкина.

И вы хотите, чтобъ я разсталась съ своими вещами? Да вы съ ума сошли! Вотъ потѣха! *(Смѣется.)*

Николай.

Извините, пожалуйста, я единственно изъ расположенія...

Лебедкина.

Ахъ, какой вы чудакъ! Да можно-ль совѣтовать такой женщинѣ, какъ я, заложить вещи, брильянты?

Николай.

Да что же дѣлать-то?

Лебедкина.

Нѣтъ, вы еще очень молоды. Неужели вы думаете, что у меня такихъ денегъ нѣтъ, что мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, трудно ихъ найти? Столько-то денегъ я вамъ черезъ часъ доставлю.

Николай.

Такъ въ чемъ же дѣло? Я не понимаю.

Лебедкина.

А въ томъ, что хоть этотъ долгъ для меня и не очень важенъ, а мнѣ его не хочется платить. Двѣнадцать тысячъ, для кого бы то ни было, составляютъ расчетъ. И вотъ мнѣ хотѣлось испытать, стóите ли вы моей любви, которой вы такъ давно добиваетесь.

Николай.

Да, это совсѣмъ измѣняетъ дѣло.

Лебедкина.

Давно бы вамъ нужно было догадаться.

Никоалй.

Но я не понимаю, какъ вы можете полюбить человѣка, который сдѣлалъ гадость, хоть бы и для васъ.

Лебедкина.

Не безпокойтесь! Я и сама не очень добродѣтельна и другихъ сужу не строго. Если я вижу, что человѣкъ мнѣ преданъ безъ границъ, я и сама готова для него на всякія жертвы.

Николай.

Объ этомъ стóитъ подумать.

Лебедкина.

Какъ? Вы еще хотите думать? Вы можете колебаться? Да, вѣдь, близко, вѣдь, передъ вами то, чего вы такъ долго и напрасно искали. Я не знаю, любите ли вы меня, но я знаю навѣрное, что вы самолюбивы... Удовлетвореніе самолюбія...

Николай.

Ахъ, чортъ возьми! Вы меня сводите съ ума.

Лебедкина.

На умъ навожу. Получить большія деньги, пользоваться расположеніемъ женщины, извѣстной въ обществѣ, за кото-

рой всѣ ухаживаютъ, возбуждать зависть, ревность! Для этого можно кой-чѣмъ пожертвовать. Вы очень милы, умны, но, вѣдь, все-таки, вы...

Николай.

Ничтожество передъ вами. Конечно, я долженъ сознаться.

Лебедкина.

Нѣтъ, это слишкомъ. Зачѣмъ унижаться? Я вамъ скажу помягче: вы не изъ тѣхъ мужчинъ, которые опасны для насъ. Вы не можете, не имѣете средствъ преслѣдовать... васъ надо самой... отыскивать... въ захолустьѣ. Оцѣните это.

Николай.

Цѣню.

Лебедкина *(цѣлуетъ его)*.

До завтра времени много. Я привезу, на всякій случай, всѣ деньги и посмотрю, любите ли вы меня. Позволяю и вамъ поцѣловать меня вотъ здѣсь. *(Подставляетъ ему щеку.)* Фелицата Антоновна, ѣду. *(Шаблова за сценой: „Со всѣхъ ногъ, матушка, бѣгу!“)* Чтò вы задумались?

Николай.

Мнѣ кажется, я помѣшаюсь. *(Входитъ Шаблова.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Николай, Лебедкина *и* Шаблова.

Шаблова.

Ужъ и домой? Что-жъ мало погостили?

Лебедкина *(тихо)*.

Ну, вотъ! Вѣдь, ты мои дѣла знаешь; можетъ, и сбудется, чтò ты пророчила, можетъ, и придетъ, такъ надо быть дома.

Шаблова.

Ужъ въ такомъ случаѣ задерживать не смѣю, поѣзжайте, поѣзжайте!

Лебедкина *(Николаю)*.

Прощайте! Цѣлуйте! *(Протягиваетъ ему руку.)* А то перчатки надѣну. Прикладывайтесь, пока не тѣсно! *(Шабловой.)* Ну, прощай! *(Тихо.)* Вотъ это тебѣ! *(Даетъ ей крупную*

ассигнацію.) Забѣги какъ-нибудь! *(Запѣваетъ.)* „Пьяная улица...“

Шаблова *(цѣлуя Лебедкину въ плечо).*

Ахъ, ты, птичка! Ахъ, ты, птичка, ахъ, ты, птичка моя райская! *(Лебедкина уходитъ; Шаблова и Николай ее провожають. Выходитъ Людмила.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Людмила, *потомъ* Николай *и* Шаблова.

Людмила.

Кажется, она уѣхала, наконецъ. Ждала, ждала, думала, думала... Но что же тутъ придумаешь? Тутъ нужны деньги. Видѣть позоръ любимаго человѣка!... Несчастіе видѣть легче, чѣмъ позоръ! Молодой человѣкъ, полный силъ, умный... и его запираютъ въ тюрьму вмѣстѣ съ промотавшимися развратниками, съ злостными банкротами. Я не выдержу: слезы хлынутъ у меня. *(Выходятъ Шаблова и Николай.)*

Шаблова *(Людмилѣ).*

Вотъ вамъ и Николай; вы его видѣть хотѣли. *(Николаю.)* Ну, повалило тебѣ счастье; отъ женщинъ отбою нѣтъ. Вотъ жизнь-то тебѣ пришла. *(Уходитъ.)*

Людмила.

Не мѣшаю я вамъ?

Николай.

Нисколько.

Людмила.

Вы какъ будто разстроены? Вы безпокоитесь? Можетъ быть, ожидаете чего-нибудь дурного?

Николай *(пристально смотритъ на нее).*

Вы знаете? Скажите, вы знаете?

Людмила.

Знаю.

Николай.

Только не презирайте меня, пожалуйста.

Людмила.

Нѣтъ, за что же!

Николай.

Ну, вотъ и хорошо, меньше хлопотъ, оправдываться не нужно.

Людмила.

Оправдываться не нужно. Но если-бъ вы были такъ добры...

Николай.

Для васъ все, что̀ вамъ угодно.

Людмила.

Мнѣ нужно знать подробно о вашемъ настоящемъ положеніи.

Николай.

Извольте.

Людмила.

Только все, все; ради Бога, ничего не скрывайте.

Николай.

Вы просите не скрывать ничего; значитъ, вы подозрѣваете за мной что-нибудь очень дурное.

Людмила.

Если-бъ я подозрѣвала, я-бъ васъ не любила.

Николай.

Вся бѣда моя въ томъ, что я долженъ много.

Людмила.

Да, да, мнѣ только и нужно знать, какъ вы задолжали, кому, сколько?

Николай.

А вотъ когда я былъ маленькимъ Жюль-Фавромъ и воображалъ, что я первый адвокатъ въ Москвѣ, я зажилъ очень широко. Послѣ студенческаго безденежья, да вдругъ тысячи три-четыре въ карманѣ, ну, голова-то и закружилась. Обѣды да кутежи, облѣнился, да и дѣлъ серьезныхъ не было, и оказалось къ концу года, что денегъ нѣтъ, а долговъ, хотя небольшихъ, довольно. Вотъ тутъ-то я и сдѣлалъ непростительную глупость, отъ которой теперь погибаю.

Людмила.

Что̀ же вы сдѣлали?

Николай.

Я подумалъ, что бросать мнѣ этотъ образъ жизни не слѣ-

дуетъ, чтобъ не растерять знакомства. Занялъ въ однѣхъ рукахъ значительную сумму за большіе проценты, уплатилъ всѣ мелкіе долги и зажилъ опять попрежнему, въ ожиданіи будущихъ благъ. Все мнѣ казалось, что получу большой процессъ. Ну, а дальше ужъ просто: процесса большого я не получилъ, деньги прожилъ, а долгъ, какъ петля на шеѣ. Петля давитъ, тоска, отчаяніе... А отъ тоски праздная, трактирная жизнь... Вотъ и вся моя нехитрая исторія.

Людмила.

Много вы должны?

Николай.

Тысячи три. Для меня сумма огромная.

Людмила.

И у васъ нѣтъ надежды поправить ваши дѣла?

Николай.

Никакой.

Людмила.

И въ виду нѣтъ ничего?

Николай.

Ничего.

Людмила.

Вамъ остается только...

Николай.

Итти въ тюрьму. Да. Какъ мнѣ нездоровится! Какъ голова горитъ!

Людмила.

Погодите, я принесу одеколону. *(Уходитъ. Николай садится на кресло и опускаетъ голову. Людмила выноситъ изъ своей комнаты въ одной рукѣ бурнусъ и платокъ, въ другой стклянку одеколона; бурнусъ оставляетъ на стулѣ у двери, наливаетъ одеколону на руку и примачиваетъ голову Николаю.)*

Николай.

Благодарю, благодарю.

Людмила.

Кому вы должны?

Николай.

На что̀ вамъ знать? Есть такой ростовщикъ, извѣстный всей Москвѣ.

Людмила.

Говорите скорѣй фамилію. *(Хочетъ надѣвать бурнусъ.)* Я пойду просить его, чтобъ онъ вамъ отсрочилъ. Буду умолять, плакать передъ нимъ.

Николай.

Напрасно. Ничто не поможетъ; это не человѣкъ, а желѣзо. Останьтесь!

Людмила *(подходя къ Николаю).*

Но какъ же вамъ помочь?

Николай.

Никакъ нельзя. Я сдѣлалъ глупость, которую нельзя ничѣмъ поправить... Нѣтъ... то-есть, можно.

Людмила.

Говорите, говорите!

Николай.

Я сдѣлалъ глупость и запутался; чтобы распутаться, нужно сдѣлать...

Людмила.

Что̀ сдѣлать? *(Кладетъ руку на голову Николая.)*

Николай.

Ахъ, какъ хорошо мнѣ!

Людмила.

И мнѣ хорошо. *(Входитъ Доримедонтъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Николай, Людмила *и* Доримедонтъ.

Доримедонтъ *(про-себя).*

Вотъ оно что̀! Ловко, братъ! *(Громко.)* Людмила Герасимовна, я отъ вашего папеньки-съ. *(Людмила подходитъ къ нему.)* Вотъ приказали вамъ отдать. *(Подаетъ сложенную бумагу. Людмила раскрываетъ и разсматриваетъ.)* Чтобъ сейчасъ, говоритъ, въ портфель и на ключъ.

Людмила.

Хорошо, хорошо. *(Прячетъ бумагу въ карманъ.)* Больше ничего?

Доримедонтъ.

Ничего-съ. Но каково довѣріе мнѣ-то-съ! Тебѣ, говоритъ, я повѣрю: ты не то, что братъ.

Николай.

Онъ это сказалъ?

Людмила.

Не сердитесь на папашу! Онъ что-то не любитъ васъ. Это оттого, что онъ васъ не знаетъ.

Доримедонтъ.

Брату твоему, говоритъ, гроша не повѣрю, а тебѣ могу.

Николай.

Ну, хорошо же! *(Доримедонту.)* Поди вонъ!

Доримедонтъ.

Ты что̀ куражишься? Я къ Людмилѣ Герасимовнѣ съ благородными намѣреніями, не то, что ты.

Николай *(Людмилѣ)*.

Бросьте его! Подите ко мнѣ!

Доримедонтъ.

Мнѣ, Людмила Герасимовна, серьезно нужно съ вами поговорить, очень серьезно!

Людмила.

Да, да. Я очень рада. И мнѣ нужно, только не теперь, послѣ какъ-нибудь.

Николай.

Говорятъ тебѣ, поди вонъ!

Доримедонтъ.

Пойду. Ты не знаешь... Погляди, что̀ еще у насъ будетъ съ Людмилой Герасимовной! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Николай *и* Людмила.

Людмила.

Вы сказали, что есть средство.

Николай.

Да, есть. Я сдѣлалъ глупость и запутался; чтобы распутаться, нужно сдѣлать...

Людмила.

Чтò?

Николай.

Преступленіе.

Людмила *(опираясь).*

Ужасно! Чтò вы говорите?

Николай.

Вы требовали отъ меня откровенности, я говорю правду. Чтобъ выпутаться изъ долгу, чтобъ избавиться отъ сраму, мнѣ остается только одно средство — сдѣлать преступленіе.

Людмила.

Какъ легко вы говорите о такихъ вещахъ!

Николай.

Вы очень чисты, вы рѣдко слышите такіе разговоры.

Людмила.

Не дѣлайте, не дѣлайте преступленія! О, Боже мой! О, Боже мой! Но если оно необходимо, заставьте меня, прикажите мнѣ... Я сдѣлаю. . Какое преступленіе?

Николай.

Воровство.

Людмила.

Гнусно, гадко!

Николай.

Да, некрасиво.

Людмила.

Не шутите. Я истрадалась, измучилась, слушая васъ.

Николай.

Такъ успокойтесь! Что вамъ напрасно страдать! Предоставьте меня моей судьбѣ. *(Хочетъ итти.)*

Людмила.

Нѣтъ, постойте! Не отталкивайте меня! Я рѣшилась сдѣлать все для васъ... Что бы вы ни задумали, я ваша сообщница. Что украсть? У кого?

Николай.

У вашего отца.

Людмила.

Вы смѣетесь надъ моимъ горемъ! У моего отца нечего украсть.

Николай.

Заемное письмо той женщины, которую вы сегодня видѣли, передано вашему отцу. Ей платить не хочется всѣхъ денегъ, и она предлагала мнѣ половину, если я его украду.

Людмила.

Ахъ, какія страданія! *(Отирая слезы.)* Что-жъ, этихъ денегъ достаточно, чтобъ спасти васъ?

Николай.

Даже слишкомъ.

Людмила.

И когда вы заплатите долгъ, вы бросите праздную жизнь и будете трудиться?

Николай.

Разумѣется. Я не только брошу, я прокляну прежнюю жизнь; такой урокъ научитъ хоть кого. Испытать въ другой разъ, что я испытываю теперь, сохрани меня Богъ. Что у меня впереди, по выходѣ изъ тюрьмы, какая карьера? Быть писаремъ въ кварталѣ, и то надо кланяться, чтобъ пустили. Репутація моя погибла навсегда. И если-бъ мнѣ удалось какъ-нибудь избавиться отъ этой напасти, клянусь вамъ всѣмъ святымъ на свѣтѣ, я сдѣлаюсь хорошимъ человѣкомъ. Но спастись мнѣ, Людмила Герасимовна, невозможно. Не думайте обо мнѣ дурно, успокойтесь! Чтобъ спасти себя, я не стану искать никакихъ безнравственныхъ средствъ. Я краснѣю за себя: какъ я могъ колебаться, какъ я могъ слушать безъ негодованія это гнусное предложеніе!

Людмила.

Милый, благородный человѣкъ! Но какъ же спасти васъ? Я люблю васъ. Для меня нѣтъ жизни безъ любви къ вамъ.

Николай.

Не тревожьте себя, успокойтесь! Я сдѣлалъ глупость, я и долженъ поплатиться. Да, вотъ что... возвратите-ка мнѣ револьверъ.

Людмила.

Нѣтъ, нѣтъ, это тоже преступленіе, еще хуже.

Николай.

Не бойтесь! Что вы! Я не рѣшусь... развѣ ужъ очень невыносимо станетъ.

Людмила *(дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ двери, останавливается въ задумчивости, потомъ вынимаетъ бумагу, принесенную Доримедонтомъ, и подаетъ Николаю).*

Вотъ возьмите!

Николай.

Что это? *(Разсматриваетъ бумагу.)* Заемное письмо Лебедкиной! Нѣтъ, я не приму отъ васъ этой жертвы.

Людмила.

Возьмите, возьмите! Пусть оно будетъ у васъ, дѣлайте съ нимъ что хотите, это ваша воля.

Николай.

Невозможно, невозможно! Что вы? Опомнитесь!

Людмила.

Въ моихъ рукахъ есть средство... я должна помочь вамъ... Другой любви я не знаю, не понимаю... Я только исполняю свой долгъ. *(Идетъ къ двери.)*

Николай.

Вы свой долгъ исполнили, теперь ужъ и я знаю, что мнѣ нужно сдѣлать.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Маргаритовъ.
Людмила.
Шаблова.
Николай.
Доримедонтъ.
Лебедкина.

Декорація та же.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Шаблова, *потомъ* Лебедкина.

Шаблоа *(заглянувъ въ печь).*

Прогорѣли совсѣмъ дрова, хоть закрывать, такъ въ ту-жъ пору. Угару бы не было! Ну, да, вѣдь, голова-то своя, а за дрова деньги плачены. Что тепло-то на вѣтеръ пускать! Аль погодить? Кого это Богъ несетъ? Какая-то женщина, да словно какъ незнакомая. Отперетъ, пойти. *(Идетъ въ переднюю и отпираетъ. Входитъ Лебедкина, просто одѣтая и покрытая на головѣ платкомъ.)* Пожалуйте! Кого вамъ угодно?

Лебедкина *(снимая платокъ).*

Ты меня не узнала?

Шаблова.

Ахъ, матушка, Варвара Харитоновна! И то не узнала. Какъ это ты подкралась?

Лебедкина.

Я на извозчикѣ; въ каретѣ-то ѣздить въ вашу сторону неловко; сейчасъ явятся любопытные: кто пріѣхалъ, да къ кому, да зачѣмъ; прислуга болтлива. А мнѣ не хочется, чтобъ знали, что я у тебя была сегодня.

Шаблова.

Да и не узнаетъ никто.

Лебедкина.

Стряпчій дома?

Шаблова.

Нѣтъ, матушка, ушелъ спозаранку.

Лебедкина.

А дочь его?

Шаблова.

Она не войдетъ; что ей здѣсь дѣлать? Мы только по вечерамъ здѣсь работаемъ вмѣстѣ, чтобы врозь лишней свѣчи не жечь; а то цѣлый день сидитъ въ своей комнатѣ. Да нынче же либо больна, либо разстроена... Тебѣ что нужно-то, дорогая моя?

Лебедкина.

Николая Андреича.

Шаблова.

Сейчасъ покличу. А ты не безпокойся, я постерегу; коли стряпчій придетъ, я тебя спрячу. *(Уходитъ въ переднюю. Входитъ Николай)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Лебедкина *и* Николай.

Лебедкина.

Здравствуйте! *(Николай молча кланяется.)* Вотъ я пріѣхала.

Николай.

Вижу. Привезли деньги?

Лебедкина.

Привезла.

Николай.

Всѣ?

Лебедкина.

Всѣ... А развѣ всѣ нужны?

Николай.

Конечно. Вы на что же надѣялись?

Лебедкина.

На васъ, мой другъ.

Николай.

За кого же вы меня принимаете?

Лебедкина.

Я васъ всегда принимала за благороднѣйшаго человѣка; но вы такъ меня любите... Для любимой женщины можно рѣшиться...

Николай.

И вы совершенно увѣрены въ любви моей?

Лебедкина.

Да развѣ это неправда, развѣ я не вижу по глазамъ вашимъ?

Николай.

Вы проницательны. Вѣроятно, вамъ не разъ приходилось испытывать силу вашихъ прелестей надъ мужскими сердцами?

Лебедкина.

Да, бывало. Я въ этомъ счастлива, для меня жертвовали очень многимъ.

Николай.

Такъ что вы нисколько бы не удивились, если бы и я...

Лебедкина.

Чему тутъ удивляться, мой другъ?

Николай.

Да, вы правы. *(Подаетъ ей бумагу.)*

Лебедкина *(взглянувъ мелькомъ, прячетъ бумагу)*.

Ахъ! Я такъ и ожидала. Благодарю васъ, милый другъ мой! Вотъ этой любви, этой страсти можно повѣрить.

Николай.

И наградить.

Лебедкина.

Да, конечно, вы стóите. Но милый мой, Николай Андреичъ, подождите немного. Вѣдь, сердцемъ нельзя располагать по произволу... если оно занято, чтò-жъ дѣлать?

Николай.

Но, кромѣ сердца вашего ..

Лебедкина.

Деньги, хотите вы сказать? О! деньги я отдамъ. Хотя не вдругъ — я сама нуждаюсь; но я вамъ понемногу выплачу все, что̀ обѣщала, — это мой первый долгъ.

Николай.

Но позвольте! Я дѣло сдѣлалъ: у васъ въ рукахъ цѣнный документъ, а у меня ничего, только одни обѣщанія, слова, которыя не имѣютъ никакой цѣны. Вы меня обманываете.

Лебедкина.

Нѣтъ, я все исполню, только не вдругъ. Подождите!

Николай.

Возвратите мнѣ документъ!

Лебедкина.

Вы либо сами очень просты, либо меня за дурочку считаете, мой другъ.

Николай.

Въ такомъ случаѣ, я заявлю, что вы похитили у меня документъ; васъ обыщутъ... Я васъ не выпущу отсюда.

Лебедкина.

Ахъ, какъ страшно! Вы такъ не шутите! Ну, что̀, если бы я была женщина нервная, вѣдь, вы бы меня ужасно перепугали. Хорошо еще, что у меня есть характеръ, и никогда я не теряю присутствія духа. Вотъ и теперь я поступлю очень ловко и осторожно. *(Идетъ къ печкѣ.)*

Николай.

Что̀ вы дѣлаете?

Лебедкина *(бросая бумагу въ печь).*

Посмотрите, какъ весело горитъ, какъ быстро исчезаютъ строчки! Вотъ даже и пепелъ улетѣлъ въ трубу, не осталось и слѣда моего долга.

Николай.

Мнѣ ужъ остается только удивляться вамъ.

Лебедкина.

Охъ, отлегло отъ сердца! Мнѣ теперь совсѣмъ легко.

Николай.

Вѣрю.

Лебедкина.

Какъ скоро и просто это сдѣлалось! И знаете ли, мнѣ и винить себя незачѣмъ. Все чужими руками. Не правда ли, я почти не виновата?

Николай.

Разговаривайте, разговаривайте, я слушаю.

Лебедкина.

Чтò вы такъ презрительно смотрите на меня? Вы развѣ лучше? Конечно, я предлагала деньги; но, вѣдь, надо было, чтобъ нашелся такой джентльменъ, который бы рѣшился на такой подвигъ. Когда за деньги все на свѣтѣ можно сдѣлать, поневолѣ соблазнишься. Я себя, какъ вамъ угодно, виноватой не считаю. Да мнѣ бы и въ голову не пришло; я живу, хоть и открыто, но окружена все людьми, болѣе или менѣе порядочными. Вѣдь, надо-жъ было, чтобъ въ наше общество явился такой милый, обязательный молодой человѣкъ, такой любезный, который.... конечно, за деньги...

Николай.

Ну, довольно ужъ! Дайте и мнѣ поговорить немножко! Вы, поручая мнѣ это нечистое дѣло, желали испытать, стóю ли я любви вашей; по крайней мѣрѣ, вы такъ говорили. Ну, представьте себѣ, что и я, довѣряясь вамъ, тоже желалъ испытать, стóите ли вы моей любви.

Лебедкина.

И оказалось, что не стóю? Очень жаль! Но чтò-жъ дѣлать, на всѣхъ не угодишь. Впрочемъ, вамъ легко утѣшиться: васъ любитъ дѣвушка, которая, вѣроятно, имѣетъ всѣ достоинства, нужныя для васъ. Вы можете быть счастливы съ ней.

Николай.

Да, ужъ постараюсь.

Лебедкина.

И прекрасно. Я не завистлива *(Входитъ Шаблова)*.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Лебедкина, Николай, Шаблова, *потомъ* Доримедонтъ.

Шаблова.

Стряпчій, матушка, идетъ, я его издали признала.

Лебедкина *(накрываясь платкомъ)*.

Спрячь меня покуда, душа моя; а когда онъ придетъ, ты меня выпроводи.

Шаблова.

Я тебя заднимъ крыльцомъ провожу.

Лебедкина.

Помни, Фелицата Антоновна, я у тебя не была, и ты меня не видала.

Шаблова.

Хорошо, матушка, не видала, въ глаза не видала. Ужъ зачѣмъ тебѣ это нужно, я не знаю; а только, хоть побожиться, не видала. Чай, тоже, вѣдь, у тебя свои резоны есть?

Лебедкина.

Само собой. Карету я оставила близехонько, у Зоологическаго сада; погуляю, да минутъ черезъ десять опять къ тебѣ подкачу, ужъ тогда, значитъ, взаправду пріѣхала.

Шаблова.

Да какъ твоей душенькѣ угодно, такъ и будетъ. Твори. что только въ голову тебѣ придетъ, а наше дѣло потрафлять по тебѣ.

Николай.

Какъ все это тонко и хитро!

Лебедкина.

Намъ, женщинамъ, нельзя жить безъ хитростей.

Шаблова.

Вотъ правда-то, вотъ слова-то твои справедливыя! Схитришь да солжешь, только и поживешь въ свое удовольствіе.

Лебедкина.

Ну, идемъ! Скажи своему сыну, что я у него въ долгу не останусь.

Шаблова.

И говорить не хочу. Развѣ онъ смѣетъ сомнѣваться? *(Лебедкина и Шаблова уходятъ. Входитъ Доримедонтъ.)*

Доримедонтъ.

Присѣсть за дѣло! *(Разбираетъ бумаги на столѣ.)* Съ одной только довѣренности семь копій писать. Хоть бы помогъ, что ли, въ самомъ дѣлѣ.

Николай.

Давай, я наверху займусь, а ты, Доримедонтъ, сдѣлай милость, кликни меня, когда Людмила Герасимовна выйдетъ изъ своей комнаты: мнѣ нужно поговорить съ ней прежде, чѣмъ она увидится съ отцомъ.

Доримедонтъ.

Хорошо, кликну. *(Николай уходитъ.)* Какъ же, дожидайся! Не о чемъ тебѣ съ Людмилой Герасимовной разговаривать, у тебя только пустяки на умѣ. Нѣтъ, ужъ я, братъ, глупостямъ не потатчикъ. Сиди себѣ наверху. Видно, не съ чѣмъ въ трактиръ итти, такъ ему скучно стало. *(Входитъ Маргаритовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Доримедонтъ *и* Маргаритовъ.

Маргаритовъ.

Чтò ты смотришь на меня? Пиши, пиши! Усталъ, братъ, я; хлопотъ куча, а ужъ старъ становлюсь, не прежняя пора. А теперь бы мнѣ бодрость-то и нужно: повалили дѣла, Доримедонтъ, повалили процессы. Вчера у Дороднова былъ я на вечерѣ, собралась эта пьющая компанія, все тузы, замотали меня совсѣмъ: у того дѣло, у другого тяжба, у третьяго искъ. „Покажи, говорятъ, намъ свою честность, такъ мы тебя озолотимъ“. Честность! Да я, говорю, честнѣй васъ всѣхъ. „Ну, говорятъ, и покорно благодаримъ“. Теперь только бы кончить дѣла два-три хорошихъ, зарекомендовать себя, а то деньги-то лопатой греби. Чтò, Людмилочка не выходила?

Доримедонтъ.

Не выходила-съ.

Маргаритовъ.

Принесла мнѣ давеча стаканъ чаю, сунула ключи отъ комода и ушла въ свою комнату. Я-то занятъ былъ и словечка съ ней не перекинулъ. Ужъ здорова ли?

Доримедонтъ.

Не знаю-съ.

Маргаритовъ.

Пиши, пиши. Я только портфель возьму, да къ тебѣ подсяду. Пишешь ты довольно четко, а за то ужъ врешь ты такъ, что только руки врозь разведешь.

Доримедонтъ.

Врать я здоровъ-съ, но безъ умыслу, Герасимъ Порфирьичъ, отъ мечты-съ.

Маргаритовъ.

Ужъ ты не мечтай, когда дѣло дѣлаешь. А то третьяго дня, вмѣсто „департаментъ", написалъ: „фиксатуаръ", да еще какъ четко вывелъ-то.

Доримедонтъ.

Это я завиться думалъ, такъ, чтобъ волосы крѣпче держались, фиксатуаръ-то въ умѣ и держалъ.

Маргаритовъ *(качая головой)*.

Надо „департаментъ", а ты „фиксатуаръ".

Доримедонтъ.

Ужъ я теперь фиксатуара писать не стану-съ.

Маргаритовъ.

Ну, какой фиксатуаръ? Зачѣмъ фиксатуаръ? А ты пишешь!... *(Уходитъ.)*

Доримедонтъ.

Нѣтъ, шабашъ! Мечтать мнѣ невозможно. Все, что есть въ головѣ, все и пишешь. Вотъ недавно гербовый листъ въ сорокъ копеекъ испортилъ, а, вѣдь, это расчетъ. Надо копію съ купчей, „лѣта такого-то" выводить, а я: „Кольцо души дѣвицы я въ море уронилъ", да ужъ на четвертомъ стихѣ только опомнился, да себя по лбу-то ударилъ. *(Маргаритовъ входитъ съ портфелемъ и садится у стола.)*

Маргаритовъ.

„Докажи намъ свою честность!" Каково это слышать, Доримедонтъ? Да чѣмъ же я, говорю, свою безчестность доказалъ? Вы, говорю, сами ко мнѣ придите честности-то поучиться. Много-ль у насъ документовъ? Посмотри-ка по списку.

Доримедонтъ.

Шестнадцать, а семнадцатый я вчера принесъ.

Маргаритовъ *(перебирая бумаги).*

Вы, говорю, сами народъ обманываете. „Такъ будь ты, говорятъ, одинъ между нами честный человѣкъ, намъ очепно нужно". Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... Гдѣ же семнадцатый?

Доримедонтъ.

Поищите!

Маргаритовъ.

Гдѣ семнадцатый? Подай сюда списокъ.

Доримедонтъ *(подавая).*

Извольте-съ. *(Маргаритовъ провѣряетъ по списку.)* Да ужъ всѣ тутъ; ошиблись, обсчитались.

Маргаритовъ.

Заемнаго письма Лебедкиной нѣтъ.

Доримедонтъ.

Тутъ.

Маргаритовъ.

Нѣтъ, говорятъ тебѣ.

Доримедонтъ.

Тутъ.

Маргаритовъ.

Нѣтъ. Смотри самъ.

Доримедонтъ.

Не можетъ быть, не вѣрю!

Маргаритовъ.

Ахъ, ты, глупый!

Доримедонтъ.

Не можетъ быть, потому честность у насъ: вы отдали мнѣ, велѣли домой снести, а у меня все одно, что у васъ въ карманѣ, такъ же честно и благородно. Я отдалъ Людмилѣ Герасимовнѣ; онѣ еще честнѣй насъ съ вами; говорю: положите въ портфель; ну, значитъ, оно въ портфелѣ. Вотъ хоть убейте, хоть къ присягѣ ведите. *(Маргаритовъ, перебравъ еще документы, пристально смотритъ на Доримедонта.)* Что вы такъ страшно на меня смотрите?

Маргаритовъ.

Ты разбойникъ!

Доримедонтъ.

Ну, нѣтъ-съ. Не надѣюсь, Герасимъ Порфирьичъ, не надѣюсь быть разбойникомъ.

Маргаритовъ.

Кто изъ васъ бѣгалъ къ Лебедкиной? Или она сама была здѣсь? Говори!

Доримедонтъ.

Вчера была-съ, даже два раза была-съ.

Маргаритовъ.

Ты разбойникъ!

Доримедонтъ *(со слезами).*

За что̀ обижаете?

Маргаритовъ *(съ отчаяніемъ).*

Продали!

Доримедонтъ.

Возможно ли продать, коли я его Людмилѣ Герасимовнѣ отдалъ? Не въ портфелѣ, такъ у нихъ.

Маргаритовъ.

Позови ее ко мнѣ.

Доримедонтъ *(у двери).*

Людмила Герасимовна, можно войти? *(Маргаритову.)* Не отвѣчаютъ.

Маргаритовъ.

Постучи хорошенько!

Доримедонтъ *(стучитъ, дверь сама отворяется).*

А-а-й! Караулъ! *(Дрожитъ и топаетъ ногами.)*

Маргаритовъ.

Что̀ такое?

Доримедонтъ.

Убита! Герасимъ Порфирьичъ, убита, безъ движенія! А-а-й!

Маргаритовъ *(идетъ, шатаясь).*

Какъ? Неужели? Кто-жъ изъ васъ? *(Изъ двери выходитъ Людмила, протирая глаза спросонокъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Маргаритовъ, Доримедонтъ *и* Людмила.

Людмила *(Доримедонту).*

Ахъ, какъ вы меня испугали!

Доримедонтъ *(тихо).*

А зачѣмъ же у васъ на столикѣ, возлѣ кровати, пистолетъ?

Людмила.

Не ваше дѣло, молчите, пожалуйста! *(Отцу.)* Я ночью почти не спала, прилегла теперь и такъ сладко заснула.

Маргаритовъ *(Доримедонту).*

Ахъ, ты, глупецъ! Ахъ, ты, глупецъ! Что̀ ты со мной дѣлаешь?

Доримедонтъ.

Нѣтъ, вы спросите, что̀ со мной-то было? Былъ ли я живъ? У меня по сю пору сердце-то, какъ овечій хвостъ, дрожитъ.

Маргаритовъ.

Ну, садись, пиши! Да не ваври съ перепугу-то.

Доримедонтъ.

Такъ буду стараться, что на удивленіе.

Маргаритовъ.

Людмила, отдалъ онъ тебѣ заемное письмо Лебедкиной?

Людмила.

Отдалъ.

Доримедонтъ.

Что̀? Говорилъ я вамъ.

Маргаритовъ.

Извини, братъ! Ну, теперь я спокоенъ. Пиши! пиши!

Доримедонтъ.

Честность необыкновенная.

Маргаритовъ *(Людмилѣ).*

Такъ оно у тебя?

Людмила.

У меня его нѣтъ.

Маргаритовъ.

Гдѣ-жъ оно?

Людмила.

Я отдала его.

Маргаритовъ.

Какъ! Кому отдала? Зачѣмъ?

Людмиа.

Такъ нужно было; я не могла иначе поступить. *(Входитъ Николай и останавливается вдали.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Маргаритовъ, Людмила, Доримедонтъ *и* Николай.

Маргаритовъ.

Какъ? Какъ не могла? Дочь моя, ты ли это говоришь? Ты не могла сохранить, уберечь чужого, что̀ намъ не принадлежитъ, что̀ довѣрили твоему отцу, надѣясь на его честность? Я ничего не понимаю.

Людмила.

Да̀, не могла сохранить.

Маргаритовъ.

Или я старъ и глупъ сталъ, или все перевернулось на свѣтѣ — ни чужой собственности, ни честности не стало; воровство перестали называть воровствомъ.

Людмила.

Я не могла иначе поступить.

Маргаритовъ.

Скажи ты мнѣ, какими хитростями, ловушками поймали тебя? Какихъ дьяволовъ вызвали изъ ада, чтобъ обмануть, обольстить твою праведную душу?

Людмила.

Ничего не было: никто меня не обольщалъ, не обманывалъ; я сама отдала. Я видѣла, что человѣкъ гибнетъ, что если не помочь ему сейчасъ же, ему грозитъ позоръ и, быть можетъ, самоубійство. Когда мнѣ было думать! Надо было помогать, спасать, отдавать все, что̀ только было подъ руками.

Доримедонтъ (*въ слезахъ*).

Братъ, мучилъ ты насъ, мало тебѣ этого; погубить ты насъ захотѣлъ совсѣмъ!

Маргаритовъ.

Такъ это онъ?

Людмила.

Онъ.

Маргаритовъ.

Вотъ когда я нищій, презрѣнный старичишка! Былъ я бѣденъ, былъ я жалокъ, но тогда была у меня дочь, теперь нѣтъ ея.

Людмила.

Ты отъ меня отказываешься?

Маргаритовъ.

Нѣтъ, нѣтъ, прости меня! Я самъ не знаю, что̀ говорю. Какъ же мнѣ бродить по свѣту безъ тебя? Поди ко мнѣ, я тебя прощу, будемъ мыкать горе вмѣстѣ, вмѣстѣ оплакивать новый грѣхъ, твою слабость. О, нѣтъ, нѣтъ, я тебя не брошу! Мнѣ самому страшно стало!... Неужели я тебя оставлю ему?... Моту, пьяницѣ...

Людмила.

Я тебя умоляю...

Маргаритовъ.

Вору.

Людмила.

Умоляю тебя.

Николай.

Замолчи, старикъ!

Маргаритовъ.

Чужимъ горемъ живетъ онъ, чужими слезами. Мать, братъ въ потѣ лица работаютъ, а онъ пропиваетъ ихъ выстраданныя копейки. Да какія деньги у бѣдной семьи? Развѣ ихъ на развратъ хватитъ? Нѣтъ ли еще гдѣ бѣдныхъ тружениковъ попроще? И тѣхъ обобрать, пусть они плачутъ да горе мычутъ. Что̀ ему за дѣло до чужихъ слезъ? Ему веселье нужно. Дитя мое, поди ко мнѣ, уйдемъ отъ нихъ!

Николай.

На вашу брань я бранью отвѣчать не буду: вы очень стары. Безъ брани, но гораздо больнѣе, я накажу васъ за вашу несправедливость. *(Людмилѣ.)* Не къ нему, а ко мнѣ подите! Ко мнѣ сюда. *(Ударяетъ себя въ грудь.)* Меня надо утѣшить: я обиженъ, и обиженъ напрасно.

Маргаритовъ.

О, чудовище! Людмила, бѣги! Ко мнѣ, ко мнѣ!

Людмила.

Папа̀, я пойду...

Маргаритовъ.

Иди ко мнѣ, иди!

Людмила.

Я пойду къ нему. *(Подходитъ къ Николаю.)*

Маргаритовъ.

Стой, стой! Ты мнѣ возвратила жизнь однажды, ты же сама и отнимаешь ее.

Людмила.

Судьба связала меня съ нимъ... что̀ же мнѣ дѣлать?... Я вижу, я чувствую, что убиваю тебя... Я и сама умираю, но я... его. О, если-бъ я могла жить для васъ двоихъ! Оттолкни, прокляни меня, но... полюби его!

Маргаритовъ.

Его? Его? За что̀? Онъ все взялъ у меня: взялъ деньги, чужія деньги, которыхъ мнѣ не выплатить, не заработать во всю жизнь; онъ взялъ у меня честь. Вчера еще считали меня честнымъ человѣкомъ и довѣряли мнѣ сотни тысячь, а завтра ужъ, завтра на меня будутъ показывать пальцами, называть меня воромъ, изъ одной шайки съ нимъ. Онъ взялъ у меня послѣднее — взялъ дочь...

Николай *(подходя къ Маргаритову)*.

Ничего я не взялъ у васъ. Никогда ничего дурного я не сдѣлалъ вамъ. Вотъ ваша дочь, вотъ вашъ документъ. *(Отдаетъ заемное письмо Лебедкиной.)*

Маргаритовъ.

Ка̀къ, что̀, документъ? *(Разсматриваетъ документъ на свѣтъ.)*

Доримедонтъ.

Я говорилъ, что все честно и благородно.

Маргаритовъ.

Что-жъ это значитъ? Ты не успѣлъ его продать? Тебя совѣсть зазрила?

Николай.

Я жалѣю, что вамъ его отдалъ. Вы не умѣете цѣнить благородства въ другихъ и не стóите, чтобъ съ вами поступали честно. Я нынче же видѣлъ Лебедкину.

Маргаритовъ.

Зачѣмъ же этотъ документъ былъ у тебя? Зачѣмъ ты его взялъ у Людмилы?

Николай.

Я повѣренный Лебедкиной; зачѣмъ мнѣ нуженъ былъ документъ, я вамъ не скажу... Ну, положимъ, что мнѣ нужна была съ него копія.

Маргаритовъ *(подавая руку)*.

Извини, братъ! Я горячъ, я горячъ... да, вѣдь, здѣсь сторона такая, что поневолѣ подумаешь...

Николай *(Людмилѣ)*.

Прощайте!

Людмила.

Куда же вы? Что съ вами будетъ? Мнѣ страшно.

Николай.

Не безпокойтесь, я рѣшился покориться своей участи; у меня теперь есть хорошее впереди: это любовь ваша. *(Входитъ Шаблова.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Маргаритовъ, Людмила, Николай, Доримедонтъ, Шаблова, *потомъ* Лебедкина.

Шаблова.

Варвара Харитоновна Лебедкина подъѣхала, встрѣчать бѣгу. *(Уходитъ въ переднюю.)*

Маргаритовъ.

Вотъ кстати, не заставила себя ждать. *(Входятъ Лебедкина и Шаблова.)*

Лебедкина.

Мнѣ нужно видѣть адвоката Маргаритова.

Шаблова.

Вонъ онъ, матушка!

Лебедкина.

Вы адвокатъ Маргаритовъ?

Маргаритовъ.

Къ вашимъ услугамъ, сударыня. Коллежскій асессоръ Герасимъ Порфирьичъ Маргаритовъ. Прошу покорно садиться!

Лебедкина.

Не безпокойтесь! Вамъ передано заемное письмо, выданное мной купцу Дороднову.

Маргаритовъ.

Такъ точно, сударыня

Лебедкина.

Я желаю заплатить деньги.

Маргаритовъ.

И прекрасно дѣлаете, сударыня! Пожалуйте.

Лебедкина.

Чтò?

Маргаритовъ.

Деньги.

Лебедкина.

Дайте документъ! Я только тому отдамъ, у кого въ рукахъ документъ. Безъ документа я не отдамъ денегъ ни за чтò.

Маргаритовъ.

Совершенно справедливо. Пожалуйте деньги, тогда и документъ получите.

Лебедкина.

Ахъ, Боже мой! Неужели вы осмѣливаетесь сомнѣваться? Вотъ деньги! *(Бросаетъ на столъ пачку крупныхъ билетовъ.)* Покажите мнѣ документъ, я хочу видѣть его.

Маргаритовъ.

Ужъ это порядокъ такой. Извольте! *(Показываетъ изъ рукъ заемное письмо.)* Это ваша подпись, сударыня? Вы ее признаете?

Лебедкина.

Что̀ такое? Позвольте, позвольте!

Маргаритовъ.

Вы можете не признать подпись, если вамъ угодно.

Лебедкина.

Нѣтъ, это моя рука.

Маргаритовъ.

А въ такомъ случаѣ, я перечту деньги и сдѣлаю на документѣ надпись. *(Осторожно пересчитываетъ деньги, отодвигаетъ ихъ отъ себя и расписывается на заемномъ письмѣ въ полученіи. Николай, по знаку Лебедкиной, подходитъ къ ней.)*

Лебедкина *(Николаю)*.

Что̀ же это значитъ?

Николай.

Это значитъ, что я давеча былъ осторожнѣе васъ, за что̀ себѣ очень благодаренъ. Я вамъ отдалъ только копію; вамъ бы посмотрѣть хорошенько.

Лебедкина.

Да, вотъ что!

Николай.

Не станете ли упрекать меня?

Лебедкина.

Нѣтъ, не стану.

Маргаритовъ.

Вотъ, сударыня, вамъ документъ, а мнѣ деньги. *(Передаетъ Лебедкиной документъ.)* Людмила, я вчера просилъ у Дороднова денегъ на расходы, а мнѣ онъ сказалъ: „Получи съ г-жи Лебедкиной, такъ половина твоя, потому я эти деньги считалъ пропащими“.

Лебедкина.

Невѣжа!

Маграритовъ.

Дѣйствительно, невѣжа. Вотъ тебѣ, Людмила, половина.

Людмила.

Мнѣ, папà, мнѣ?

Маргаритовъ.

Тебѣ, тебѣ! Бери, не бойся! Это твое приданое.

Людмила.

Значить, это не мои, ихъ надо будетъ отдать.

Маргаритовъ.

Ахъ, ты, глупенькая! Разумѣется, отдать жениху.

Людмила *(Николаю)*.

Такъ вотъ вамъ! *(Отдаетъ деньги.)*

Маргаритовъ.

Чтò ты? Чтò ты дѣлаешь?

Людмила.

Ты самъ сказалъ; отдать жениху. Это ему въ задатокъ; онъ хочетъ быть твоимъ помощникомъ.

Николай.

Нѣтъ, писаремъ, только съ однимъ условіемъ

Маргаритовъ.

Съ какимъ?

Николай.

Вы хорошій адвокатъ; у васъ довѣренности съ передовѣріемъ? Вы иначе не возьмете?

Маргаритовъ.

Разумѣется, съ передовѣріемъ.

Николай.

Такъ передовѣрьте мнѣ всѣ дѣла. Вы ужъ старый человѣкъ, вы окончили свою карьеру, а мнѣ надо начинать.

Людмила *(обнимая отца)*.

Папà, тебѣ надо отдохнуть; мы тебя успокоимъ.

Шаблова *(Доримедонту)*.

А ты говорилъ, что она тебя любитъ.

Доримедонтъ *(утирая слезы)*.

Чтò-жъ, маменька, ничего, пущай! Я для дому. Ему хлопотъ будетъ много, по судамъ бѣгать, а я по домашней части; я, маменька, дѣтей его буду нянчить.

Шаблова *(Лебедкиной).*

Что, матушка, карты-то правду сказали: пришлось тебѣ заплатить.

Лебедкина.

Э! Что я истрачу или заплачу, я никогда не жалѣю. Да и что жалѣть-то! Кабы свои, а то я и эти заняла. Это все пустяки, а у меня есть серьезное дѣло до тебя: ты мнѣ погадай!

Шаблова.

Опять на трефоваго?

Лебедкина.

Нѣтъ, ну его! Надоѣлъ. Не знаю, какой его масти-то положить.

Шаблова.

Разношерстный, что ли?

Лебедкина.

Усы другого цвѣта.

Шаблова.

Да какого ты ни избери, какой бы онъ шерсти ни былъ, хоть и въ колодѣ такой не найдешь, я для тебя, все-таки, гадать буду. Рыжему червонному королю черные усы выведу и загадаю.

Лебедкина.

Ну, пойдемъ скорѣе! *(Кланяясь.)* Совѣтъ да любовь.

Маргаритовъ.

Такъ и будетъ, сударыня! Доримедонтъ, пиши отъ меня довѣренность на имя Николая Шаблова. Только не ври!

Доримедонтъ.

Въ аккуратѣ сдѣлаю. А вы не сомнѣвайтесь, у насъ все честно и благородно.

